БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 6/18. ІЮНЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала, контора проситъ возобновлять подписку заблаговременно.

При возобновленіи подписки, просятъ обязательно сообщить № бандероли, подъ которымъ получается журналъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Къ исторіи партіи Народной Воли. „Показанія“ **М. Н. Полонской**. Съ предисловіемъ **Э. С.** 1
2. Красноярскъ въ концѣ 1905 года. (*Наброски по воспоминаніямъ*). **П. К—ва**. 11
3. Воспоминанія изъ жизни въ ссылкѣ. (*Памяти Л. Ф. Яновича*). **Л. Ергиной** 41
4. Первые еврейскіе рабочіе кружки. **И. Гурвича** 65
5. Воспоминанія. (*Окончаніе*). **М. Ю. Ашенбреннера** . . 78
6. Всеобщая стачка въ 1903 году на Кавказѣ и Черноморскомъ побережьѣ. **С. А. Ратовой** 97
7. „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторымъ изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“. (*Изданіе д—та полиціи. Гл. 1 и 2*). 118
8. Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „сообщества украинофиловъ“. **А. А. Русова и Ф. К. Волкова** . . . 153
9. Гавайскій сенаторъ. **Е. Е. Лазарева** 164
10. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (*Продолженіе*). **И. П. Бѣлоконскаго** 194
11. Тридцать лѣтъ тому назадъ. (*Изъ воспоминаній доктора*). **Д. М. Герценштейна** 236
12. Эмигрантъ Иванъ Головинъ. (*Окончаніе*). **М. К. Лемке** . 261
13. Страничка изъ воспоминаній. **С. Л. Чудновскаго** . . . 287
14. Нѣсколько словъ о С. С. Яковлевѣ. **С. Раецкаго** 291
15. Константинъ Гавриловичъ Неустроевъ. (Матеріалы для біографіи). 294

стр.

16. Графъ Бисмаркъ—организаторъ русской политической агентуры за-границей. (*По неопубликованнымъ документальнымъ даннымъ*). **N. N.** 297
17. Историческая библіографія: I.—Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г. Оффиціальный отчетъ. Изд. В. М. Саблина – **В. Я. Богучарскаго**. II.– Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. С. Суворина —**Н. Сильванскаго**. III.—*Череванинъ*.— Пролетаріатъ въ революціи. IV. —*Е. Сельскій*.— По пути къ свободѣ.—**Ю. Лавриновича**. V.—Помощь голодающимъ. Изд. М. М. Зензинова.—**Я**. 306
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 317
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. (Пажескіе годы П. И. Пестеля—161. Секретная телеграмма м-ра вн. дѣлъ Сипягина губернаторамъ—235. Мелочи прошлаго—258. Гренадерскій „бой“ за подавленіе крестьяскихъ безпорядковъ—286).
20. Письмо въ редакцію. **Проф. И. Шляпкина** 320
21. Объявленія 321

Въ этой книгѣ помѣщены портреты М. Н. Оловенниковой-Полонской, Н. К. Судзиловскаго-Русселя, М. В. Купріянова (въ текстѣ) и К. Г. Неустроева.

Марія Николаевна
ОЛОВЕННИКОВА.
(Марина Никаноровна Полонская)

Къ исторіи партіи Народной Воли.

Мало извѣстная широкой публикѣ исторія партіи Народной Воли, благодаря печатающимся въ послѣднее время воспоминаніямъ ея дѣятелей,—все болѣе и болѣе освѣщается и, вѣроятно, недалеко то время, когда, въ виду скопившагося матеріала, будетъ уже возможно приступить къ составленію очерка партіи, сыгравшей такую видную роль въ русскомъ революціонномъ и освободительномъ движеніи. Это и побуждаетъ меня передать въ «Былое» для напечатанія имѣющійся у меня документъ, принадлежащій перу одной изъ наиболѣе выдающихся дѣятельницъ вышеназванной партіи.

Происхожденіе этого документа таково: Въ 1893 году, вслѣдствіе постоянныхъ запросовъ изъ Россіи, нашъ кружокъ старыхъ народовольцевъ въ Парижѣ рѣшилъ составить очеркъ исторіи Народной Воли. Эту работу предполагали поручить мнѣ. Но въ то время печатнаго матеріала почти не было, и нужно было обратиться къ находившимся за-границей участникамъ движенія съ просьбой дать возможныя свѣдѣнія о партіи. Прежде всего обратились за свѣдѣніями и указаніями къ члену нашего кружка Маріи Николаевнѣ Оловенниковой, жившей за-границей подъ именемъ Марины Никаноровны Полонской; она была съ самаго Липецкаго съѣзда вплоть до погибели Народной Воли однимъ изъ выдающихся и дѣятельныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета. М. Н. по многимъ соображеніямъ отказалась написать воспоминанія, но согласилась дать отвѣты на вопросы, предложенныя членами нашего кружка. Къ сожалѣнію, вопросные пункты затерялись. Отвѣты же М. Н. сохранились у меня, и они настолько точны и ясны, что въ большинствѣ случаевъ понятны и безъ указанія вопросовъ.

Эти отвѣты печатаются полностью за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, обозначенныхъ точками, не предназначавшихся къ печати, а служившихъ только указаніемъ для товарищей по кружку.

Слѣдовало бы предпослать маленькую біографію этой замѣчательной женщины, но я не берусь за это, хотя и былъ съ ней въ товарищескихъ отношеніяхъ въ теченіе 13—14 лѣтъ заграницей. Вообще по ея взглядамъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не должна отдѣляться отъ дѣятельности партіи. Поэтому, между прочемъ, она высказывала мнѣ не разъ пожеланіе, чтобы партійные люди даже въ изданіи нашего кружка за-границей не подписывали своихъ именъ.

Все, что удавалось узнать о ея прошлой дѣятельности, узнавалось отъ другихъ или случайно, когда говорилось о томъ или другомъ фактѣ.

Характеристики ея я тоже не берусь дать: она была слишкомъ крупнымъ и сильнымъ человѣкомъ, чтобы ее можно было охарактеризовать по ея заграничной жизни. Для этого ее нужно было видѣть въ Россіи въ разгаръ дѣятельности. Орла нельзя характеризовать по его жизни въ неволѣ. Заграничная дѣятельность для Россіи была слишкомъ узкимъ полемъ, чтобы М. Н. могла проявить себя такой, какой была; въ Россіи же мнѣ не пришлось съ ней ни разу встрѣтиться. Но по отзыву тѣхъ изъ ея товарищей по Комитету, мнѣніе которыхъ приходилось слышать, она играла въ немъ видную роль и пользовалась въ немъ большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. О ней упоминается въ большинствѣ народовольческихъ процессовъ, но подъ разными именами: просто Марья Николаевна, Кошурникова, Баранникова, Оловенникова и Ошанина. Всѣ примѣчанія, такъ сказать, къ «показаніямъ» М. Н. принадлежатъ мнѣ.

Э. С.

---

1. Названіе «Народная Воля» было дано, сколько помнится, при выработкѣ программы партіи; оно было дано органу партіи. Указываетъ оно на преобладаніе въ тотъ моментъ народническаго элемента: «мы хотимъ того, чего хочетъ народъ и являемся въ сущности только исполнителями его воли».

2. Въ «Землѣ и Волѣ» почти не участвовала [1]) (попала въ періодъ революціи въ ней—подъ самый конецъ ея существованія) и потому опредѣленно отвѣтить на вопросъ не могу. Знаю только, что подъ вліяніемъ малаго успѣха дѣятельности въ народѣ, съ одной стороны, и безобразій правительства—съ другой, у многихъ участниковъ «З. и В.» постепенно вырабатывалось убѣжденіе въ необходимости концентрировать свои силы, направить ихъ въ города (рядомъ съ деревней) и приступить къ «политическому дѣйствію» (подъ послѣднимъ вовсе не подразумѣвался исключительно терроръ, но вообще всякаго рода агитаторскія воздѣйствія на общество, на народъ и на правительство; изъ нихъ вышли народовольцы; чернопередѣльцы вышли изъ того элемента «Земли и Воли», который не придавалъ вовсе значенія или ставилъ только на второй планъ «политическое дѣйствіе» и не стоялъ за *централистическую* организацію и по прежнему хотѣлъ всѣ силы посвятить на пропаганду (собственно даже и не на пропаганду, а скорѣе на то, что теперь называютъ культурной дѣятельностью) среди крестьянства.

3. Насколько знаю, большинство въ «З. и В.» составляли бывшіе бунтари; остальные—бывшіе лавристы; якобинца же не было ни одного.

4. О «Началѣ» имѣю весьма смутное представленіе, но думаю что органъ этотъ не имѣлъ значенія, такъ же, какъ и лица, его издававшіе.—Въ «З. и В.» наибольшимъ вліяніемъ пользовались мужъ и жена Натансонъ, Александръ Михайловъ, Оболешевъ, Осинскій, Михаилъ Поповъ.

5. Землевольцы, какъ извѣстно, вѣрили, что народъ имѣетъ свои требованія, свои особенности, за которыя сумѣетъ постоять; роль интеллигенціи сводилась къ тому, чтобы помочь ему отстоять свои требованія; отстаивать же будетъ онъ ихъ самъ. Землевольцы не хотѣли вносить въ народъ ничего *своего*. Они были несомнѣнно соціалисты, но въ своей пропагандѣ, даже среди молодежи и общества, они преимущественно настаивали на необходимости помогать народу

---

[1]) Кажется, она была членомъ Воронежскаго поселенія и участвовала въ приготовленіяхъ къ освобожденію Войноральскаго.

въ осуществленіи его требованій; терроръ допускался только какъ самозащита, нѣкоторыми—какъ месть; пропаганда среди рабочихъ была болѣе соціалистическая, хотя все-таки пропагандистъ долженъ былъ особенно настаивать на ближайшихъ требованіяхъ и посылать рабочихъ въ деревню; о захватѣ власти не желали и слышать; пропагандѣ въ войскѣ не придавали значенія и, когда случалось распропагандировать военнаго, предлагали ему выйти въ отставку.

6. Созыву съѣздовъ предшествовалъ провалъ центра «З. и В.» въ Петербургѣ, выстрѣлъ Соловьева и разныя террористическія поползновенія южнаго Исполнительнаго Комитета, во главѣ котораго оказался Осинскій, (насколько знаю, безъ участія и согласія Петербургскаго центра «З. и В.»). У землевольцевъ явилась, слѣдовательно, необходимость реорганизовать свой центръ, согласовать такія противоположныя требованія, какъ требованіе террора съ одной стороны и желаніе расширить деревенскія поселенія—съ другой. Необходимость согласовать эти противоположности давала себя чувствовать уже давно. Такъ нѣкоторые бунтари (Попко, В—ко, Ф—ко), пріѣзжавшіе въ Петербургъ въ 1877 году для организаціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми землевольцами покушенія на Трепова, имѣли переговоры о выработкѣ общаго дѣйствія. Эти переговоры не привели ни къ чему положительному, но уже и тогда, повидимому, центръ «З. и В.» относился скорѣе сочувственно къ попыткамъ террора южанъ; съ другой же стороны, очень многіе настаивали по-прежнему на поселеніяхъ, изъ которыхъ иныя непремѣнно должны были разрушиться (какъ, напримѣръ, Воронежское) за необходимостью отозвать въ Петербургъ поселенцевъ. Все это вмѣстѣ и привело къ мысли созвать съѣздъ. У кого возникла мысль объ этомъ—у южанъ или сѣверянъ, или у обоихъ разомъ—не знаю. Вѣрнѣе всего, что она пришла въ голову прежде другихъ Михайлову, который послѣ провала центра «Земли и Воли» очутился въ Петербургѣ одинъ и не могъ не видѣть невозможности дѣйствовать сколько нибудь цѣлесообразно въ виду этой каши. Ему же и нѣкоторымъ другимъ показалось удобнѣе, прежде чѣмъ созывать большой съѣздъ, созвать на совѣщаніе нѣсколько членовъ, болѣе близкихъ по *убѣжденіямъ*, т. е. признающихъ прежде всего необходимость централистической организаціи и болѣе широкаго революціоннаго движенія. Кто намѣчалъ людей не знаю. Я жила въ то время въ деревнѣ и меня пріѣхалъ звать Фроленко.

7. Отношенія были и не враждебныя и не дружескія, скорѣе никакихъ. Лучшіе изъ «деревенщиковъ», какъ мы ихъ тогда звали, присоединились къ «Народной Волѣ» (Филиппова, Перовская). Стефановичъ, Дейчъ, Засуличъ, Плехановъ тогда же уѣхали за-границу и «деревенщики» закрыли лавочку. До самаго 1-го марта о нихъ было почти не слышно; въ Москвѣ и кое-гдѣ въ другихъ городахъ существовали, правда, небольшія группы молодежи, наз. чернопередѣльцами, и имѣвшіе часто поползновенія подставлять ножку народовольцамъ, но больше въ мелочахъ. Серьезнаго вреда или пользы они никогда не приносили. Первая попытка соединенія остатковъ «Чернаго Передѣла» съ народовольцами была произведена уже послѣ 1-го марта Стефановичемъ.....

8. Начало «Исполнительнаго Комитета» было положено на Липецкомъ же [1]) съѣздѣ (не помню, тутъ ли было дано названіе); онъ никогда не былъ *исполнительнымъ*, а всегда былъ распорядительнымъ.

9. Мѣстныя группы большею частью образовывались самимъ Комитетомъ, который посылалъ въ разные города для этого своихъ членовъ или агентовъ. Членъ Комитета, организуя мѣстную группу, не говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ Комитету, а старался заставить членовъ группы принять постепенно программу Комитета и стать къ нему въ обязательныя организаціонныя отношенія. Эти организаціонныя отношенія состояли въ общемъ въ томъ, что группа обязывалась ни заниматься терроромъ, ни издавать своего органа безъ разрѣшенія Комитета, обязывалась давать въ его распоряженіе часть своихъ денежныхъ средствъ, свои связи и даже своихъ членовъ. Въ остальныхъ мѣстныхъ дѣлахъ группа была самостоятельна, хотя обязывалась давать Комитету отчетъ о своихъ дѣлахъ черезъ одного изъ своихъ членовъ, выбранныхъ самой группой (разумѣется, выбирался большею частью членъ группы, бывшій въ то же время тайнымъ, или иногда явнымъ агентомъ Комитета). Недовольство со стороны мѣстныхъ группъ бывало рѣдко и происходило, большою частью, отъ нетактичности члена или агента Комитета. Если какая-нибудь группа, организовавшаяся самостоятельно, желала стать въ обязательныя отношенія къ Комитету, то опять-таки посылался агентъ Комитета, который или принимался группой въ члены, или только устанавливалъ отношенія и уѣзжалъ..... Агенты Комитета назначались Комитетомъ и не имѣли никакихъ правъ, а только обязанности: Всѣ подраздѣленія агентовъ на степени означали въ сущности только степень довѣрія, которымъ пользовался агентъ у Комитета. Изъ агентовъ *выбирались* Комитетомъ члены Комитета.

10. Строго говоря, большихъ разногласій по этимъ вопросамъ въ Комитетѣ никогда не было; одни придавали больше значенія пропагандѣ среди рабочихъ, другіе меньше, одни хотѣли больше работы среди военныхъ, другіе меньше, вотъ и все. *Теоретическихъ* разногласій по этимъ пунктамъ, говорю, почти не было. *Дѣятельность опредѣлялась наличностью силъ*, а не преобладаніемъ того или иного мнѣнія на пропаганду въ той или иной средѣ. Всѣ были согласны въ томъ, что чѣмъ больше будетъ рабочихъ, чѣмъ больше будетъ военныхъ, чѣмъ больше будетъ молодежи и связей въ обществѣ, тѣмъ лучше. Всѣ были также одного мнѣнія, что крестьянъ надо пока оставить въ сторонѣ уже по одному тому, что на пропаганду среди нихъ не хватило бы силъ. Другое дѣло терроръ. Вначалѣ по этому вопросу разногласій почти не было, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что изъ-за террора страдаютъ всѣ остальныя отрасли дѣятельности. Тогда отъ времени до времени поднимались голоса, требовавшіе удѣленія большихъ силъ на организацію и пропаганду. Въ сущности никто не протестовалъ противъ справедливости этихъ требованій, и всякій хотѣлъ бы, чтобы терроръ не поглощалъ столько

---

[1]) М. Н. была единственная женщина, принимавшая участіе въ Липецкомъ съѣздѣ.

силъ. Но на практикѣ это оказывалось невозможнымъ. На терроръ шло столько силъ потому, что безъ этого его вовсе не было бы. Больше другихъ на необходимости расширить другія стороны дѣятельности, особенно организацію мѣстныхъ группъ, настаивалъ Михайловъ и, отчасти, Желябовъ, который, впрочемъ, лучше другихъ видѣлъ невозможность осуществить это на дѣлѣ.....

11. Думаю, что нѣтъ. Отличія южанъ и сѣверянъ въ Комитетѣ совершенно сглаживались.

12. Единственная перемѣна, которую можно было констатировать въ теченіе всего періода дѣятельности во взглядахъ отдѣльныхъ членовъ Комитета, заключалась въ постепенномъ ослабленіи народническаго элемента и въ усиленіи того, что называлось «политиканствомъ». Это означало собственно то, что люди все меньше и меньше начинали вѣрить въ способность народа добиться чего нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значенія иниціативѣ революціонеровъ. Отсюда и измѣненіе взгляда на захватъ власти. Подъ конецъ дѣятельности Комитета я не припомню ни одного человѣка, кто относился бы къ захвату власти отрицательно, и въ № 9 «Народной Воли» должна быть статья, гдѣ на этотъ счетъ высказались совсѣмъ недвусмысленно. Вліяніе въ этомъ направленіи отдѣльныхъ личностей было незначительно, вліяла больше сама жизнь, успѣхъ, развивавшій вѣру въ свои силы, съ одной стороны и пассивное сочувствіе общества—съ другой. Надо помнить одно, что при своемъ образованіи всѣ члены Комитета (за исключеніемъ меня)—были народниками, подъ конецъ всѣ стали болѣе или менѣе якобинцами, сохраняя, разумѣется, вѣру въ народъ. . . . . .

13. Особенно характерныхъ засѣданій Комитета припомнить не могу, да ихъ, мнѣ кажется, и не было. Интересно, впрочемъ, въ общемъ сопоставить засѣданія Комитета въ началѣ его дѣятельности и въ концѣ. Какъ первыя засѣданія были полны горячихъ дебатовъ по разнымъ теоретическимъ вопросамъ, такъ послѣднія отличались характеромъ спокойнаго обсужденія различныхъ практическихъ предпріятій. Не всегда, впрочемъ, спокойнаго: передъ 1 мартомъ засѣданія носили характеръ лихорадочный; чувствовалось страшное напряженіе нервовъ, нѣкоторая усталость и развинченность. Все вниманіе поглощалось, терроромъ да еще военными и ихъ участіемъ въ ближайшемъ предпріятіи, (освобожденіе Нечаева, отъ котораго намъ, особенно Желябову, не хотѣлось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшаго не заботиться о немъ. . . . .). На этихъ послѣднихъ общихъ засѣданіяхъ до 1-го марта (я пріѣхала изъ Москвы [1]) какъ разъ послѣ ареста Михайлова, можетъ быть даже

---

[1]) Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ М. Н. едва не была арестована, но спаслась только благодаря своему хладнокровію и находчивости. Она шла на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, гдѣ жили Гельфманъ и Саблинъ (застрѣлившійся); на этой квартирѣ была устроена западня, въ которую только что передъ ея приходомъ попался Тимофей Михайловъ (рабочій, одинъ изъ метальщиковъ, казненный по дѣлу 1-го марта). Подходя къ квартирѣ и замѣтивъ на мѣстѣ знакъ безопасности, М. Н. стала подниматься по лѣстницѣ и вдругъ натолкнулась на городового, спросившаго. „Вы куда?“ Она, ни минуту не задумываясь, сказала: „къ портнихѣ“ и указала на

онъ былъ арестованъ, когда я уже была въ Петербургѣ, только я не успѣла съ нимъ повидаться) всѣ разговоры вертѣлись на этихъ ближайшихъ планахъ. Говорили также о пополненіи Комитета и развитіи мѣстныхъ группъ. Нашъ отчетъ съ Теллаловымъ [1]) о Московской группѣ (единственной серьезной поддержкѣ въ случаѣ провала стариковъ) возбудилъ даже преувеличенныя надежды, но въ общемъ былъ выслушанъ вяло. Только Желябовъ, послѣ засѣданія хотѣлъ узнать всѣ подробности и особенно характеристики лицъ, могущихъ быть кандидатами въ члены Комитета. Онъ чувствовалъ, что большинство выбудетъ изъ строя и, говоря со мною въ этотъ разъ, признавалъ, какъ и раньше, пагубную сторону террора, затягивающаго помимо ихъ воли людей. Я хорошо помню этотъ разговоръ потому, что онъ продолжался и на второй день. Что будетъ послѣ покушенія, удачнаго или неудачнаго? Ни на какія серьезныя перемѣны въ политическомъ строѣ Желябовъ не разсчитывалъ. Максимумъ чего онъ, да и другіе, ждали, это, что намъ будетъ легче продолжать свою дѣятельность: укрѣпить организацію и раскинуть ея сѣти во всѣхъ сферахъ общества. Но и это при условіи, что уцѣлѣетъ хоть часть людей, способныхъ и привыкшихъ вести дѣло общей организаціи. Желябовъ боялся, что и этого можетъ не быть. Поэтому то онъ и придавалъ такое значеніе Москвѣ, думая что тамъ кроется та ячейка, изъ которой выработается новый Комитетъ въ случаѣ погибели стараго. Что касается всѣхъ остальныхъ, то мало кто заботился о будущемъ, всѣ способности казались поглощены однимъ: удачнымъ выполненіемъ покушенія. Впрочемъ, на одномъ изъ собраній, помню Суханова, развивавшаго свои планы бомбардированія Петербурга Кронштадскимъ флотомъ; онъ, казалось, сильно вѣрилъ въ осуществимость своихъ плановъ и на чье то скептическое замѣчаніе отвѣчалъ: «дайте еще годикъ—другой—увидите». Почему то меня поразила въ тотъ разъ фигура Исаева. Это былъ человѣкъ очень не глупый и на котораго раньше возлагались большія надежды. Теперь оказалось, что онъ ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ динамита и бомбы. Отъ его наклонности теоретизировать не осталось и слѣда и онъ даже не жаловался, какъ Желябовъ, на невозможность «почитать книжку». Вообще я уѣхала изъ Петербурга въ очень тяжеломъ настроеніи. Фраза Желябова: «Помни, если твоя Москва не выручитъ, будетъ плохо!» показывала ясно, насколько положеніе шатко.....

14. Михайловъ совершенно не грѣшилъ честолюбіемъ; для него его собственная личность отождествлялась всецѣло съ дѣломъ. Если онъ и бывалъ иногда черезчуръ autoritaire, то только потому, что думалъ, что требуетъ отъ другихъ должнаго, и требуя, онъ совершенно забывалъ о собственной особѣ, о томъ, напримѣръ, что его тонъ рѣзокъ, что его слова похожи на приказанія. Этого часто и не могли понять нѣкоторыя изъ женщинъ, но и ихъ обезкураживало его удивленіе, которое онъ обнаруживалъ, когда ему дѣлали замѣчанія.

квартиру этажемъ выше. Городовой ее пропустилъ, она поднялась наверхъ и выждавъ минуту, спустилась обратно внизъ и благополучно ушла изъ опаснаго дома.

[1]) М. Н. и Телаловъ были уполномоченными Комитета въ Москвѣ, создали тамъ сильную группу и ея развѣтвленія среди учащейся молодежи и рабочихъ.

«Какое тебѣ дѣло до тона, или до словъ, ты должна смотрѣть на дѣло: дѣло я говорю или нѣтъ», отвѣчалъ онъ обыкновенно. Ничего личнаго, ни малѣйшей позы—отличительныя черты Михайлова, и Желябовъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не понять. Единственная стычка между ними, которую я помню, произошла именно изъ-за тона Михайлова, гдѣ Желябовъ ему замѣтилъ, что онъ могъ бы постараться говорить другимъ тономъ; Михайловъ на это отвѣтилъ, что онъ не дамскій кавалеръ и сидитъ не въ гостиной. Все это такія мелочи, о которыхъ рѣшительно не стоитъ говорить.

15. О функціонированіи типографіи смотри у Степняка. Редакція выбиралась Комитетомъ и дѣйствовала самостоятельно. Но по большей части руководящія статьи читались жившимъ въ Петербургѣ членамъ и часто ими же намѣчались. Ничего характернаго въ этомъ отношеніи не помню.

16. Отъ либераловъ никогда не ждали самостоятельныхъ дѣйствій, придавали имъ значеніе постольку, поскольку они являлись пособниками, сочувствующими..... И только какъ таковыхъ ихъ приходилось иногда менажировать. Всегда думали на нихъ *воздѣйствовать*, а не входить съ ними въ тѣ или иныя соглашенія. Единственные переговоры съ либералами, имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ) происходили за-границей уже (въ 1882 и 83).

17. Степнякъ къ военнымъ не имѣлъ ровно никакого отношенія.

18. До 1-го марта «заграницѣ» вообще значенія не придавалось. Но Степнякъ всегда считался своимъ человѣкомъ, на котораго въ случаѣ чего можно было разсчитывать, больше всего, какъ на террориста. О немъ установилось мнѣніе, какъ о хорошемъ товарищѣ, и онъ цѣнился, какъ таковой. . . . . За нимъ признавался литературный талантъ и умѣніе производить хорошее впечатлѣніе на публику. . . . . Послѣ дѣла Мезенцева онъ скоро уѣхалъ за-границу. Сношенія съ нимъ были очень неправильныя и, если остановились на немъ, какъ на возможномъ редакторѣ «Вѣстника Народной Воли», то потому, что онъ былъ единственный *свой* человѣкъ (хотя и не состоялъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Комитету). Думали, что онъ сумѣетъ отстаивать мнѣнія *Комитета* и будетъ слушаться инструкцій. Съ Драгомановымъ Желябовъ вступилъ въ сношенія, такъ сказать, на свой страхъ: несомнѣнно здѣсь была доза политиканства.

19) Дѣло 1 марта на мѣстныя группы и людей, стоявшихъ вообще близко къ Комитету, не могло произвести особенно потрясающаго впечатлѣнія, т. к. всѣ ждали со дня на день этого факта. На постороннихъ же, особенно на либераловъ, дѣйствіе было несомнѣнно сильное. Одинъ либералъ (мировой судья), напримѣръ, влетѣлъ какъ бомба въ комнату дочери съ крикомъ: «Вставай, вставай скорѣй! ты не знаешь, какой сегодня въ Россіи праздникъ!» Разсказывали много подобныхъ случаевъ. Большинство же, разумѣется, находилось въ недоумѣніи и величайшемъ смятеніи. Всѣ насторожились, чего то ждали, чего то боялись, на что-то разсчитывали. Никто не зналъ

на что именно. Со всѣхъ сторонъ требовали объясненій, желали видѣть «настоящихъ» членовъ партіи, желали знать, что будетъ дальше и чѣмъ можно быть полезнымъ. Тутъ то и оказалась несостоятельность организаціи: людей не было, а какіе были, должны были прежде всего заниматься собственной охраной. Многіе (Перовская, Фроленко, Сухановъ, потомъ Исаевъ) были скоро арестованы, другіе (Богдановичъ, Лебедева, Халтуринъ—впрочемъ послѣдній раньше), отправлены въ провинцію, а скоро и весь центръ переселился въ Москву. Тутъ были приняты нѣкоторые другіе члены, въ томъ числѣ Стефановичъ.....

. . . . . .

Въ Петербургъ были отправлены Корба, Грачевскій, Теллаловъ, на югъ—Вѣрочка, Тихоміровъ—въ Ростовъ, я—за границу [1]).

20) Въ 1883 году организаціи уже не существовало; оставались только военные на сѣверѣ, да Вѣрочка на югѣ... Ни одного сколько-нибудь серьезнаго организатора не оставалось и дегаевщина царствовала безпрепятственно.

21) Необходимость серьезной революціонной литературы сознавалась многими очень давно. «Мы тогда только будемъ серьезной силой, когда у насъ будетъ серьезная революціонная литература, которая могла бы отвѣчать на массу теоретическихъ вопросовъ, которыхъ газета «Народная Воля» не можетъ и касаться», говорили и Желябовъ, и Тихоміровъ, и друг. Мысль о созданіи органа за границей оставлялась именно потому, что тамъ не было своихъ людей.....

Объ отношеніи Петра Лавровича къ «Народной Волѣ» долго ничего не знали и считали его скорѣе противникомъ нашего способа дѣйствій. Кажется, только съ пріѣзда Стефановича окончательно выяснился характеръ отношенія П. Л. къ «Народной Волѣ» и, если не ошибаюсь, письмо къ нему было послано Стефановичемъ черезъ Дейча. Если же первое письмо было послано раньше, то оно могло попасть черезъ чернопередѣльцевъ потому, что нѣкоторыя сношенія съ ними были и раньше, помню, что еще послѣ первыхъ покушеній, Стефановичъ и Дейчъ предлагали свои услуги за границей. На остальные вопросы этого § отвѣчено выше.

22) Красный Крестъ существовалъ собственно съ незапамятныхъ временъ, т. е. всегда были кружки и отдѣльныя лица, помогавшіе ссыльнымъ и заключеннымъ. Правильная же организація создана Богдановичемъ въ Москвѣ *послѣ* 1-го марта; онъ же и писалъ уставъ (правда съ помощью другихъ, такъ какъ Богдановичъ слиш-

---

[1]) М. Н. уѣхала за границу послѣ московскаго провала. Въ Москвѣ между прочимъ были арестованы Стефановичъ, Булановъ, Юрій Богдановичъ и др. М. Н. и Богдановичъ жили въ это время на одной квартирѣ; они замѣтили за собой слѣженіе. М. Н., поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила какъ изъ-за стоявшаго тамъ шкафа выглядывала фигура сыщика, а въ стоящемъ во дворѣ кучерѣ узнала начальника московской охраны. Они съ Богдановичемъ рѣшили убраться изъ квартиры и благополучно ушли. Прошло дня два-три, никто квартиры не трогалъ, Богдановичъ рѣшилъ, что онъ успѣетъ еще разъ зайти на квартиру и сможетъ забрать тамъ кое-что, что ему казалось цѣннымъ. Его отговаривали, но онъ все таки пошелъ и былъ тамъ арестованъ.

М. Н. была отправлена за границу, между прочимъ, съ порученіемъ и полномочіями организовать изданіе народовольческаго журнала.

комъ мало полагался на себя для того, чтобы брать что бы то ни было на свой страхъ).

23) О дѣятельности С. Х. [1]) ничего не могу припомнить такого, что не было бы извѣстно.

24) О дѣятельности Дегаева только и извѣстно, что онъ выдалъ все и всѣхъ, разсчитывая, по его словамъ, на развалинахъ прошлаго создать нѣчто, гораздо болѣе прочное. Видя, что это ему не удается, онъ и явился за границу приносить покаяніе и предложить себя въ полное распоряженіе тѣхъ, кому каялся. Дегаевъ, по моему мнѣнію, страдалъ маніей величія и даже, разсказывая о своихъ подлостяхъ, казалось, ждалъ восхищенія или во всякомъ случаѣ удивленія передъ стойкостью его характера, выдержанностью, умѣніемъ носить маску и пр.

25) О дѣятельности Лопатина можно судить по его письмамъ. Ему пришлось взять на себя слишкомъ большую роль, съ которой при другихъ обстоятельствахъ онъ бы, разумѣется, справился, но въ то время царствовала слишкомъ большая путаница, разрозненность силъ, недовѣріе..... Годныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ нескомпрометированныхъ дегаевщиной почти не было.....

26) Право, отвѣтить на это трудно. Польза «Вѣстника Народной Воли», мнѣ кажется, была не больше той, какую вообще могутъ принести изданія этого рода. Несомнѣнно, что это изданіе поддерживало бодрость духа остатковъ русскихъ «старыхъ» народовольцевъ и очень помогало ихъ дѣятельности. Но «Вѣстникъ Народной Воли» слишкомъ мало сдѣлалъ для выясненія программныхъ вопросовъ партіи и въ этомъ его крупная ошибка.

27) Прекращеніе «Вѣстника Народной Воли» объясняется просто исчезновеніемъ всякаго слѣда старой организаціи, уныніемъ и безнадежностью, царствовавшими повсюду.

28). Думаю, что можно. «Землю и Волю» я характеризовать не берусь, оцѣнку же дѣятельности «Народной Воли» въ общемъ мнѣ кажется можетъ сдѣлать теперь всякій, непредубѣжденный въ ту или другую сторону человѣкъ.

---

[1]) Степанъ Халтуринъ.

Красноярскъ въ концѣ 1905 года.

(Наброски по воспоминаніямъ).

I.

Знаменитая октябрьская забастовка 1905 года вспыхнула у насъ 13-го числа. Въ этотъ день, по иниціативѣ мѣстнаго соціалъ-демократическаго комитета, состоялось многолюдное, почти въ 3000 человѣкъ, собраніе рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо, съ замѣчательнымъ единодушіемъ постановившее примкнуть ко всеобщей россійской стачкѣ, не выставляя никакихъ собственныхъ требованій. На другой день рабочіе снова собрались въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и, выслушавъ нѣсколькихъ ораторовъ, говорившихъ о политической свободѣ, булыгинской Думѣ и значеніи всеобщей забастовки, въ 10 часовъ утра отправились снимать работавшихъ въ монополіи, типографскихъ и мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ, приказчиковъ въ магазинахъ, служащихъ и конторщиковъ во всѣхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ. И вездѣ ихъ встрѣчали съ нескрываемой радостью. Не говоря о приказчикахъ, уже прекрасно организованныхъ и ждавшихъ только сигнала, чтобы самимъ запереть свои лавки, не говоря объ учащихся, всегда готовыхъ принять участіе въ массовомъ движеніи, слѣдуетъ сказать, что даже огромное большинство чиновниковъ безпокойно сидѣло въ этотъ день на своихъ стульяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода рабочихъ. Почтово же телеграфные чиновники, видя, что ихъ забыли, сами послали гонцовъ съ просьбой лишить ихъ возможности работать. Конечно, имъ доставили это удовольствіе. Всѣ въ этотъ день были охвачены какимъ-то безпокойнымъ, нервнымъ и вмѣстѣ радостнымъ чувствомъ. Даже большинство хозяевъ разнаго рода заведеній охотно шло навстрѣчу предложенію прекратить занятія и отпустить своихъ служащихъ. Къ 12-ти часамъ дня забастовка была полная и многочисленная. Толпа народа, собравшись сначала передъ Народнымъ домомъ, затѣмъ заняла его и открыла митингъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ первый въ центрѣ города митингъ былъ вполнѣ удаченъ. Къ нему совершенно не подготовились и предсѣдателю его, соціалъ-демократу, почти одному пришлось вынести все засѣданіе на своихъ плечахъ, держа рѣчь передъ многочисленной ауди-

торіей, съ небольшими перерывами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Она была посвящена выясненію роли рабочаго класса въ дѣлѣ борьбы съ русскимъ самодержавіемъ, ознакомленію съ соціалъ-демократической программой и приглашенію добывать необходимыя народу свободы путемъ захвата.

Но разъ начавшись, митинги въ Народномъ домѣ пошли непрерывно одинъ за другимъ и изо дня въ день. На нихъ стали выступать ораторами не только соціалъ-демократы, да и послѣдніе стали выставлять ораторовъ не по одному, а по нѣсколько въ теченіе дня.

Особеннымъ успѣхомъ пользовались рѣчи, посвященныя критикѣ самодержавнаго режима, приведшаго Россію къ позорному пораженію на войнѣ и къ народному разоренію. Впервые въ Красноярскѣ, въ центрѣ города, раздалось въ многотысячной аудиторіи свободное слово и видно было, что падало оно на чрезвычайно благодарную почву. Интересъ со стороны населенія къ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, митингамъ былъ проявленъ необычайный.

Обширный театральный залъ съ верху до низу до такой степени наполнялся публикой, что не было возможности пробраться черезъ партеръ, а на балконахъ и галлереѣ были заняты не только всѣ мѣста, но и всѣ проходы; даже колонны были облѣплены жадно внимавшими слушателями. Сзади ораторовъ, на сценѣ, стояла такая же густая толпа и стоило не малаго труда добраться до предсѣдательскаго столика, за которымъ обычно сидѣлъ маленькій сутулый человѣкъ въ очкахъ, извѣстный въ городѣ подъ кличкой «маленькаго» или «предсѣдателя». Повиновалась эта огромная масса народа своему «предсѣдателю» поразительно. Не разъ впослѣдствіи на «правильно» организованныхъ собраніяхъ мнѣ приходилось видѣть, что присутствующіе, шикая, кашляя и стуча, не давали говорить «неугодному» оратору. Здѣсь этого не было. Разъ слово было предсѣдателемъ предоставлено оратору, послѣдній могъ быть спокоенъ, что мысль свою въ рѣчи онъ сможетъ развить до конца.

И удивительно жадно эта многотысячная толпа внимала всѣмъ раздававшимся съ этой живой трибуны рѣчамъ. Даже рѣчи совсѣмъ неудачныя по формѣ выслушивались внимательно и награждались апплодисментами, если въ нихъ сквозила мысль, отвѣчавшая общему настроенію. Рѣчи-же удачныя по формѣ, красиво или ясно формулировавшія то горькое чувство, которое у огромнаго большинства присутствующихъ давно уже накипѣло въ груди, или рѣчи, смѣло рисовавшія способы борьбы съ угнетавшимъ народъ произволомъ, вызывали бури восторга и громъ апплодисментовъ.

Такъ дѣло шло до 18-го октября, когда и до насъ дошелъ знаменитый манифестъ, обѣщавшій взволнованному народу всѣ свободы. Съ этого дня дѣло пошло иначе.

Когда въ городѣ пронеслась вѣсть, что телеграфъ передалъ манифестъ, провозгласившій конституцію, то встрѣчена эта вѣсть была недовѣрчиво, такъ какъ у всѣхъ на памяти была еще «конституція» 11-го августа. Тѣмъ не менѣе улицы наполнились народомъ, жаждавшимъ прочитать подлинный текстъ манифеста. И когда, наконецъ, онъ былъ отпечатанъ и жадно прочитанъ, то казалось всѣ были охва-

чены общимъ радостнымъ чувствомъ удовлетворенія, торжества и надежды на свѣтлое, хорошее будущее. Отчетливо помню, какъ на улицѣ одинъ совѣтникъ губернскаго правленія, не принимавшій, конечно, никакого участія ни въ забастовкѣ, ни въ митингахъ, съ веселымъ видомъ, прокричалъ мимо ѣдущему господину: «поздравляю съ безкровной побѣдой революціи». Но этотъ общій энтузіазмъ продолжался недолго. Буржуазная, либеральная части общества были вполнѣ довольны манифестомъ, какъ потому, что почувствовали себя нарождающейся политической силой, такъ и потому, что манифестъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ принести съ собой успокоеніе взволнованныхъ страстей, прекращеніе забастовки, установленіе нормальнаго порядка жизни, выбитой въ послѣдніе дни совсѣмъ изъ колеи, и,—что также представлялось существеннымъ для многихъ и многихъ,—прекращеніе опасности быть разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ или сосланнымъ за присоединеніе къ революціонному движенію. Рабочія-же массы, въ наиболѣе сознательныхъ и активно вовлеченныхъ въ политическую борьбу частяхъ своихъ, такого удовлетворенія не испытали. Манифестъ говорилъ о расширеніи избирательнаго права, но не о всеобщемъ избирательномъ правѣ и онъ только обѣщалъ свободы, но не давалъ еще ихъ. Самодержавіе пало, это было ясно для всѣхъ; но падая, оно стремилось оставить лазейки для отстаиванія позиціи въ будущемъ и это чувствовалось. Революціонные рабочіе быстро увидѣли, что манифестъ не даетъ особенной побѣды для рабочихъ, какъ класса, и что онъ, удовлетворяя часть вовлеченныхъ въ революціонное движеніе силъ, отвлекаетъ ихъ отъ продолженія борьбы. Отсюда страстная и ожесточенная критика манифеста со стороны агитаторовъ, выступавшихъ отъ имени рабочихъ, на первыхъ же митингахъ, которые теперь происходили все въ томъ же Народномъ домѣ и какъ бы уже на законномъ основаніи, а не по захватному, какъ было ранѣе, праву. На этихъ то митингахъ и сказалась та рѣзкая разница, какая была въ стремленіяхъ передовыхъ слоевъ буржуазіи и передовыхъ слоевъ пролетаріата. Ораторы первыхъ старались выяснить передъ слушателями огромное значеніе одержанной побѣды и усиленно подчеркивали паденіе абсолютизма, который они трактовали теперь въ очень смѣлыхъ выраженіяхъ. Ораторы-же рабочихъ, стараясь поддержать революціонное настроеніе массъ, впадали въ другую крайность, утверждая, что манифестъ не имѣетъ никакого значенія и что для завоеванія настоящей свободы, которую они связывали теперь съ непремѣннымъ проведеніемъ въ жизнь 8 часового рабочаго дня, необходимо вооруженное возстаніе и установленіе учредительнымъ собраніемъ республиканскаго образа правленія.

Хотя передовая буржуазія, среди которой было немало и радикально настроенныхъ элементовъ, хорошо понимала, что крайнія группы берутъ черезъ край, но ничего не могла сдѣлать для приданія движенію болѣе умѣренныхъ формъ. Съ одной стороны, вовлеченныя въ движеніе народныя массы были слишкомъ еще взволнованы и уже потому боевыя рѣчи крайнихъ ораторовъ имъ болѣе нравились; видя-же это, многіе вліятельныя лица изъ общества не рѣшались поднимать свой голосъ, чтобы не уронить популярность; съ другой стороны, ли-

бералы съ самаго начала не играли въ движеніи столь крупной роли, чтобы имѣть достаточно авторитета и овладѣть движеніемъ въ послѣдующій моментъ. Здѣсь сыграло также, безъ сомнѣнія, роль и то общее интеллигентамъ убѣжденіе, которое они вынесли изъ знакомства съ западно-европейскими революціями,—убѣжденіе, что революціонныя побѣды, заканчивающіяся компромиссами, идутъ всегда на пользу лишь одной буржуазіи, тогда какъ пролетаріатъ, дѣйствительно свободу завоевавшій, оттѣсняется на второй или третій планъ и остается ни съ чѣмъ. Это усиленно подчеркивалось на всѣхъ митингахъ ораторами соціалистами и съ этимъ положеніемъ ораторы либералы и радикалы не умѣли бороться, такъ какъ и они, повидимому, были того же мнѣнія. Но это положеніе логически приводило къ выводу о необходимости вести борьбу дальше, хотя бы и силами однихъ рабочихъ, и путемъ захватнаго права осуществить программу minimum рабочаго класса. «Какъ путемъ захватнаго права мы пріобрѣли свободу собраній и слова, говорили ораторы соціалъ-демократы, такъ мы пріобрѣтемъ и всѣ остальныя свободы, а также и необходимый намъ 8 часовый рабочій день». И такъ какъ свободы слова и собраній дѣйствительно были осуществлены въ эти дни путемъ захватнаго права, то казалось возможнымъ и легкимъ воплотить въ жизнь этимъ же путемъ и другія стремленія и желанія рабочаго класса. Тогда еще не была испытана сила сопротивленія тѣхъ слоевъ населенія, которые не принимали въ революціи участія, и особенно сила сопротивленія слоевъ, враждебныхъ революціи. Но объ этомъ послѣ.

Итакъ, митинги въ Народномъ домѣ и послѣ 18 февраля продолжались, продолжалась и стачка на желѣзной дорогѣ и въ кое-какихъ промышленныхъ заведеніяхъ и были такъ-же закрыты всѣ магазины, имѣвшіе приказчиковъ. Губернскія власти, напуганныя революціоннымъ движеніемъ и сбитыя съ позиціи манифестомъ, совершенно притихли и не подавали признаковъ жизни. Между тѣмъ сама забастовка вызывала цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Такъ, напримѣръ, вблизи Красноярска находились желѣзнодорожныя станціи, получавшія продукты изъ Красноярска. Спрашивается—можно ли было послать туда поѣздъ, какъ объ этомъ ходатайствовали живущіе тамъ желѣзнодорожные служащіе и рабочіе? Забастовочный комитетъ такого рода вопросы могъ, безъ сомнѣнія, рѣшать собственной властью, но онъ предпочелъ предлагать ихъ на разрѣшеніе «народному собранію», т. е. всей случайно собравшейся на митингѣ въ Народномъ домѣ народной массѣ. Тутъ же разрѣшались вопросы объявленій бойкота заводчикамъ, препятствовавшимъ рабочимъ уходить на народныя собранія, торговцамъ, не желавшимъ закрывать свои магазины, педагогамъ, стѣснявшимъ чѣмъ-либо воспитанниковъ учебныхъ заведеній, ранѣе прославившимся реакціоннымъ дѣятелямъ и пр., и пр. И одушевленіе присутствовавшихъ на митингахъ народныхъ массъ было еще столь велико, что объявленіе бойкота могло вести къ весьма непріятнымъ послѣдствіямъ, почему почти всѣ лица, проступки которыхъ противъ «постановленій народа» обсуждались на этихъ собраніяхъ, считали за благо или сами являться для дачи объясненій, когда собраніе ихъ требовало, или присылать пись-

менныя объясненія. Обычно послѣ такихъ объясненій бойкотъ не налагался или снимался, если былъ уже наложенъ. Къ чести руководителя этихъ митинговъ, такъ называемаго «предсѣдателя» или «маленькаго», надо отмѣтить, что онъ всячески старался сдерживать порывы г.г. бойкотистовъ, желавшихъ объявить подъ бойкотомъ чуть ли не половину городского населенія. Но самой эффектной картинкой на этомъ импровизированномъ народномъ судѣ было появленіе мѣстнаго воинскаго начальника, г. Приходченко. Отъ группы солдатъ въ забастовочный комитетъ поступила на него жалоба, указывавшая на дурное содержаніе и еще на какія-то прегрѣшенія. Жалоба эта была доложена «митингу», и было сдѣлано предложеніе послать за г. Приходченко, чтобы выслушать его объясненія. Немедленно было командировано за г. Приходченко нѣсколько человѣкъ, и черезъ какихъ-нибудь 20—30 минутъ на сценѣ театра появилась чрезвычайно характерная, крупная фигура г. воинскаго начальника, въ николаевской шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ. Фигура эта протискалась черезъ густую толпу «гражданъ и гражданокъ», въ большинствѣ одѣтыхъ въ рабочіе костюмы; предсѣдатель позвонилъ въ колокольчикъ, предлагая собранію прислушаться къ объясненіямъ, которыя имѣетъ дать г. воинскій начальникъ, и послѣдній, обращаясь къ предсѣдателю, началъ что-то неразборчиво говорить. Предсѣдатель объяснилъ затѣмъ, что г. Приходченко считаетъ жалобу солдатъ неправильно направленной по его адресу. Такъ какъ солдатъ жалобщиковъ въ наличности не было, то этимъ объясненіемъ пришлось удовлетвориться, и предсѣдатель задалъ собранію вопросъ, можно-ли отпустить г. воинскаго начальника. Собраніе разрѣшило отпустить, и г. воинскій начальникъ, сдѣлавъ подъ козырекъ предсѣдателю, удалился.

Въ этомъ появленіи на митингѣ воинскаго начальника и въ томъ, что онъ откозырялъ «какому-то самозванному предсѣдателю», значительная часть офицерской реакціонно настроенной среды увидѣла тяжкое для себя оскорбленіе. [1])

Реакція надвигалась съ другихъ сторонъ. Желѣзнодорожная забастовка и закрытіе всѣхъ магазиновъ города причиняли населенію большія неудобства. До манифеста съ этимъ мирились, такъ какъ, если не для всѣхъ, то для большинства, была ясна цѣль забастовки: добиться политической свободы и расширенія избирательнаго права. Но продолженіе забастовки послѣ манифеста для очень многихъ и многихъ, несмотря на всѣ разъясненія ораторовъ крайнихъ партій, осталось совершенно непонятнымъ. Это хорошо учли реакціонеры, до 17 октября или, вѣрнѣе, до 18-го смирно сидѣвшіе въ своихъ углахъ. Теперь они начали нащупывать подъ ногами почву и быстро развивать контръ-революціонную пропаганду въ обширныхъ мѣщанскихъ слояхъ городского населенія. Такъ началось разслоеніе гражданъ на двѣ враждебныя группы.

---

[1]) Приходченко за свое появленіе на митингѣ и козыряніе былъ впослѣдствіи устраненъ отъ должности, но затѣмъ, во вниманіе къ его прежнему безупречно реакціонному направленію и поведенію, вновь опредѣленъ на то же мѣсто съ переводомъ, однако въ какой-то глухой городокъ Вологодской губерніи.

Правда, не все мѣщанство стало всецѣло на сторону реакціонеровъ. Послѣдующее голосованіе по выборамъ въ Государственную Думу показало, что «истинно-русскихъ людей» въ Красноярскѣ сравнительно немного. Но временно они пріобрѣли большое значеніе, такъ какъ ихъ стали поддерживать умѣренные слои населенія, наиболѣе недовольные продолженіемъ забастовки. Такимъ образомъ противъ революціоннаго движенія выростала значительная сила, сдѣлавшаяся вскорѣ грозный, благодаря активной поддержкѣ тайной и явной полиціи, офицерства и казачьихъ войскъ. И въ то время, какъ революціонная группа съ каждымъ дальнѣйшимъ днемъ забастовки слабѣла, сама не замѣчая этого, ибо на митингахъ все такъ-же много бывало народу, реакціонная—росла, ибо недовольство забастовкой все усиливалось, и никто не зналъ, когда-же она наконецъ кончится.

21 октября, какъ извѣстно, празднуется восшествіе на престолъ царствующаго Государя. Тайные и явные вожаки реакціи рѣшили устроить въ этотъ день патріотическую манифестацію и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сраженіе революціонерамъ. Въ оффиціальную программу, впрочемъ, входили только молебны на площадяхъ, шествіе по городу со знаменами, царскими портретами и иконами и въ заключеніе приличныя случаю рѣчи въ какомъ либо обширномъ помѣщеніи. Такъ какъ Народный домъ былъ занятъ «революціей», то «патріоты», со своимъ признаннымъ вожакомъ А. Г. Смирновымъ, во главѣ, наканунѣ 21 октября обратились къ совѣту старшинъ общественнаго собранія съ просьбой уступить залъ. Эта просьба чрезвычайно взволновала членовъ собранія, въ послѣдствіи оказавшихся почти сплошь кадетами. Были пущены въ ходъ всѣ усилія, что бы уговорить депутацію, если не совсѣмъ оставить мысль объ устройствѣ патріотической манифестаціи, то, по крайней мѣрѣ, отложить ее на нѣсколько дней, когда улягутся страсти и минетъ опасность кроваваго столкновенія. Члены партіотической депутаціи какъ будто начинали колебаться. Но замѣтивъ это, Смирновъ рѣзко сказалъ: «это рѣшено» и вышелъ, уведя за собой остальныхъ. Это заявленіе было понято такъ, что за нимъ стоятъ другія лица, съ которыми у него было принято рѣшеніе и которыя пожелали остаться неизвѣстными. Конечно, общественное собраніе своего помѣщенія не дало; его дала мѣщанская управа, сдѣлавшаяся центромъ сборищъ «истинно-русскихъ людей, именовавшихся въ Красноярскѣ «союзомъ мира и порядка».

II.

Наступило 21 октября. Въ воздухѣ чувствовалась гроза. Состояніе духа у меня, по крайней мѣрѣ, и многихъ, и многихъ, какъ я думаю, было отвратительное; ужасно предвидѣть, считать почти неизбѣжной какую-то страшную катастрофу и чувствовать себя совершенно безсильнымъ предупредить ее. Всетаки я отправился въ Народный домъ со слабой надеждой уговорить собравшихся тамъ лицъ разойтись по домамъ и тѣмъ устранить поводъ для кроваваго, какъ мнѣ казалось, столкновенія. Народный домъ былъ уже цѣликомъ на-

полненъ народомъ. Въ какихъ-нибудь четверть часа я убѣдился, что всякіе уговоры и увѣщанія безполезны. Господствовала мысль, что разойтись теперь—значило бы обнаружить страхъ передъ черной сотней и способствовать поднятію ея престижа, что, наоборотъ, необходимо остаться, чтобы въ случаѣ нужды дать надлежащій отпоръ. Наканунѣ еще революціонеры уговорились явиться вооруженными, чтобы составить охрану собравшейся въ Народный домъ публики. Среди послѣдней было много женщинъ и подростковъ. Неоднократно предсѣдатель обращался къ собравшимся съ предупрежденіемъ, что оставаться на митингѣ не безопасно, и просилъ удалиться тѣхъ, кто боится возможнаго столкновенія. Быть можетъ кое кто и ушелъ, но едва ли домой, въ свою нору. Около Народнаго дома была также масса народа и выходящіе изъ него задерживались здѣсь, а приходившіе позже входили, и, быть можетъ, многіе изъ нихъ не слышали предупрежденій предсѣдателя. Видя, что ничего нельзя сдѣлать, я вышелъ въ толпу на улицу и здѣсь увидѣлъ свою жену въ кругу знакомыхъ. Такова въ этотъ день была притягательная силы улицы. Весь городъ, возбужденный циркулировавшими еще наканунѣ слухами, былъ возбужденъ до послѣдней степени и никому не сидѣлось дома; всѣмъ хотѣлось видѣть своими глазами, что и какъ произойдетъ.

Мимо проѣхала масса извозчиковъ по направленію отъ новаго къ старому собору. Они къ условленному часу спѣшили быть на сборномъ пунктѣ патріотической манифестаціи. Эта вереница экипажей показала, что манифестація будетъ, что она не разстроилась; и любопытно, что въ этотъ часъ во всемъ городѣ трудно было нанять извозчика; всѣ они отвѣчали, что заняты, хотя и не имѣли сѣдоковъ.

Черезъ часъ или полтора показалась, наконецъ, вдали улицы процессія. Впереди шли съ иконами, царскими портретами, плакатами и знаменами члены «союза мира и порядка». Было много военныхъ, кое кто изъ купцовъ, служащіе въ городскихъ учрежденіяхъ и масса мѣщанства. Мнѣ кажется, что эта процессія собрала тысячу или полторы народа. Замыкалась она длинной вереницей извозчичьихъ экипажей, придававшихъ ей растянутый и болѣе внушителеный видъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Собравшіеся около Народнаго дома разступились на обѣ стороны улицы, чтобы пропустить эту процессію. Когда голова ея поровнялась съ Народнымъ домомъ, то со стороны ея участниковъ раздались крики «ура» и стали бросаться вверхъ шапки. Въ отвѣтъ раздались немногочисленные, тотчасъ же прекращенные, свистки. Съ замираніемъ сердца я смотрѣлъ, что будетъ дальше. Но ничего; голова процессіи миновала Народный домъ, миновала его середина, и затѣмъ хвостъ; крики ура и бросаніе шапокъ прекратились и постепенно процессія исчезла вдали по направленію къ новому собору. Казалось, гроза миновала. Но такъ только казалось.

У новаго собора былъ отслуженъ молебенъ и затѣмъ говорились рѣчи А. Г. Смирновымъ и еще какимъ-то господиномъ, личность котораго осталась невыясненной. Рѣчи эти клонились къ тому, чтобы возбудить толпу противъ забастовщиковъ и находящихся въ Народ-

номъ домѣ. «Они васъ хуже соломы считаютъ»,—будто бы сказалъ, между прочимъ Смирновъ. Послѣ рѣчей на площади процессія пошла въ обратный путь. Впослѣдствіи Смирновъ утверждалъ, что онъ предполагалъ провести ее по сосѣдней, Гостинской улицѣ, что именно таковъ былъ ихъ маршрутъ, но что какой-то неизвѣстный ему человѣкъ, неожиданно для него выступилъ передъ толпой съ рѣчью и увлекъ ее на Воскресенскую улицу, чтобы, какъ говорили другіе, занять Народный домъ силой. И едва на этотъ разъ процессія поровнялась съ Народнымъ домомъ, какъ раздались выстрѣлы и часть манифестантовъ кинулась къ дверямъ Народнаго дома. Къ счастью, они получили отпоръ со стороны революціонной охраны и отступили. Но едва заслышались выстрѣлы, какъ изъ находившагося въ полу-кварталѣ двора старой почты, какъ бы по заранѣе условленному сигналу, выбѣжала сотня, квартировавшихъ здѣсь казаковъ, и съ криками «ура» присоединились къ осаждавшимъ Народный домъ манифестантамъ. Все это происходило уже подъ вечеръ и въ сумеркахъ. Началось дикое избіеніе. Ловили и били на смерть тѣхъ, кто въ первые моменты осады, думая избѣжать опасности, выходилъ боковыми дверями Народнаго дома и показывался на улицѣ. Били одинаково варварски и мужчинъ и женщинъ. Съ самаго начала старались оглушить по головѣ чѣмъ-нибудь сзади и затѣмъ, когда жертва падала, накидывались сразу по нѣсколько человѣкъ, нанося удары, по чемъ попало, кулаками и ногами. Женщинъ почему-то предпочитали бить по животу, но не щадили и головы. Товарищъ прокурора П. Н. Ераковъ, молодой человѣкъ, сынъ сенатора, узнавъ о происходящемъ, кинулся на мѣсто дѣйствія, не думая объ опасности и надѣясь кого нибудь спасти. Били какихъ-то двухъ женщинъ, уже потерявшихъ сознаніе и распростертыхъ на землѣ. «Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете?!—закричалъ онъ и кинулся поднимать лежавшихъ.—«А, и ты изъ этихъ!»—«Я товарищъ-прокурора, вы видите мой мундиръ». Въ отвѣтъ онъ получилъ ударъ, за которымъ послѣдовали другіе, и впослѣдствіи весь израненный и избитый, онъ былъ доставленъ въ безнадежномъ состояніи на свою квартиру. Слѣдуетъ отмѣтить, что смертельная рана была нанесена ему по заключенію врача, по всей вѣроятности, шашкой.

— «Кажись, издохла подлая»—услышала, какъ сквозь сонъ, одна изъ избивавшихся женщинъ; везите, братцы, въ больницу»—и ее взвалили на одного изъ участвовавшихъ въ процессіи извозчиковъ, бросили поперекъ пролетки такъ, что руки ея волочились по землѣ и головой она билась о крылья. Когда ее поднимали, у нея вырвался болѣзненный стонъ и она получила еще одинъ сильный ударъ по животу сапогомъ. Безпрерывно подвозили къ больницѣ избитыхъ до потери сознанія, превращенныхъ въ одинъ сплошной кровоподтекъ. Многіе изъ нихъ были уже мертвы, другіе умирали. Всего было убито на мѣстѣ 10 человѣкъ и тяжко пострадало до 40. Изъ раненныхъ умерло еще 5 человѣкъ. Пострадавшіе за весьма не большими исключеніями не принадлежали къ революціонерамъ и только немногіе изъ нихъ были евреями. Былъ, напримѣръ, убитъ одинъ престарѣлый врачъ, только наканунѣ пріѣхавшій съ золотыхъ пріисковъ и изъ любопыт-

ства пошедшій въ Народный домъ на митингъ; былъ, какъ уже отмѣчено, избитъ и потомъ умеръ товарищъ-прокурора, самоотверженно исполнявшій свой долгъ; былъ тяжко избитъ нотаріусъ, впослѣдствіи присоединившійся къ партіи демократическихъ реформъ; была избита дама изъ общества; пострадали даже черносотенцы и при томъ отъ своихъ. Тѣ же, кого хотѣли избить, этой участи избѣжали. Хотѣли избить, вѣрнѣе убить вожаковъ революціи, но подъ этимъ именемъ разумѣли не только руководителей забастовки и агитаторовъ-революціонеровъ, но вообще всѣхъ ораторовъ, выступавшихъ въ народномъ домѣ, и тѣхъ изъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ, которыя съ самаго начала движенія 1905 года открыто выступили сторонниками политической свободы. Предполагали, что вся «революція» находится въ Народномъ домѣ и хотѣли туда ворваться. Если бы это удалось, несомнѣнно, произошло бы нѣчто еще болѣе ужасное, чѣмъ выше описано; жертвы считались бы, какъ въ Томскѣ, сотнями. Но ворваться не удалось, такъ какъ вооруженная охрана быстро заняла выходы Народнаго дома и быстро револьвернымъ огнемъ заставила отступить нападавшихъ. Въ сущности защитниковъ въ Народномъ домѣ было немного, всего нѣсколько десятковъ человѣкъ на тысячи полторы тамъ находившихся, и взять домъ приступомъ было бы при большей храбрости нетрудно, но, къ счастью, храбростью г.г. манифестанты не отличались. Они предпочли избіеніе поодиночкѣ сразу имъ попавшихся и тѣхъ, которые пытались ускользнуть изъ Народнаго дома черезъ заборы задними дворами. Любопытно, что и въ самомъ Народномъ домѣ огромное большинство присутствовавшихъ вовсе не принадлежало къ революціонерамъ. Не говоря уже о томъ, что не мало было просто любопытныхъ женщинъ и подростковъ, масса состояла изъ обыкновеннѣйшихъ городскихъ обывателей, не успѣвшихъ еще преобразиться въ гражданъ. Революціонная волна немного приподняла ихъ изъ обыденщины, но ни въ коемъ случаѣ это не были активные элементы революціи. Многіе изъ нихъ даже плохо разбирались въ происходившихъ политическихъ событіяхъ и отсюда происходило, что жившіе согласно между собой члены одной и той же семьи оказывались—одни въ осажденномъ домѣ, а другіе среди осаждающихъ. Такъ, шапочникъ Петровъ, достаточно погулявъ среди манифестантовъ, пошелъ въ свою квартиру и тамъ узналъ, что жена его находится въ Народномъ домѣ. Еще лучше отличился весьма почтеннаго вида старецъ Н. Яростно потрясая кулаками, онъ говорилъ, что всѣхъ находящихся въ осажденномъ домѣ изверговъ, слѣдуетъ сжечь, и, придя домой, узналъ, что среди этихъ изверговъ находится его любимый и единственный сынъ. Не чувствуя подъ собою ногъ, побѣжалъ онъ обратно и столь же искренно восклицалъ: «братцы, да что же вы дѣлаете, вѣдь мы же не нехристи какіе нибудь, а христіане, ихъ вразумлять надо, а не бить.»

Прибыли наконецъ на мѣсто дѣйствія и власти: и. д. губернатора съ полиціей и высшіе военные чины. Они расположились штабомъ напротивъ Народнаго дома, въ помѣщеніи казенной палаты. Избіенія прекратились, если не считать отдѣльныхъ случаевъ озорства со стороны прискакавшихъ довольно скоро къ Народному дому

конныхъ казаковъ мѣстной сотни. На ихъ глазахъ и подъ ихъ покровительствомъ происходили вышеописанныя отвратительныя картины варварскихъ истязаній. Передаютъ случаи, что преслѣдуемые и избиваемые вырывались и среди казаковъ надѣялись найти спасеніе, но ихъ отбрасывали обратно на потѣху расходившихся хулигановъ. И только, когда прибыли солдаты, расположенныхъ въ городѣ полковъ, водворился относительный порядокъ.

Теперь предстояло освободить Народный домъ отъ находившихъ въ немъ до сихъ поръ спасеніе гражданъ. Именно надъ этой задачей ломали голову въ помѣщеніи казенной палаты собравшіеся тамъ власти. Туда же проникли и представители мѣстнаго общества, предложившіе свои услуги для переговоровъ съ засѣвшими. Парламентеромъ отправился Вс. М. Крутовскій. Нѣсколько разъ онъ ходилъ впередъ и обратно, и стойко, при поддержкѣ другихъ лицъ изъ общества, отстаивая передъ губернаторомъ интересы осажденныхъ, добился весьма благопріятныхъ условій.

Надо сказать, что исправлявшій во все наше революціонное время должность губернатора, вице-губернаторъ Соколовскій не принадлежалъ къ числу любителей крови и если съ трудомъ, а не сразу уступилъ требованіямъ, поставленнымъ осажденными, то причинами тому были давленіе здѣсь-же находившихся военныхъ, съ пѣной у рта доказывавшихъ, что у засѣвшихъ должно быть отобрано оружіе и всѣ они должны быть переписаны,—и опасеніе, какъ бы уступчивость не была въ болѣе высокихъ сферахъ найдена неотвѣчающей моменту.

Но прямыхъ, свирѣпыхъ директивъ тогда, повидимому, еще не было получено, и вопросъ приходилось рѣшать на свой страхъ. Г. Соколовскій счелъ за благо не вооружать противъ себя тѣхъ частей населенія, которыя всего нѣсколько дней назадъ, благодаря проявленному во всей странѣ единодушію, получили манифестъ, обѣщавшій всѣ свободы. И онъ уступилъ. Во 2-мъ часу ночи осажденные, не подвергаясь ни обыскамъ, ни переписи, вышли изъ Народнаго дома; проходы для нихъ не только были открыты, но и защищались солдатами. Впослѣдствіи г. Соколовскому его уступчивость была поставлена въ большую вину, а вліятельными мѣстными реакціонерами онъ открыто трактовался какъ человѣкъ, недостойный быть носителемъ власти.

Слѣдующій день продолжалъ быть днемъ страховъ и чрезвычайныхъ волненій. Вожаки черной сотни были очень раздражены тѣмъ, что убійства и избіенія не принесли желанныхъ результатовъ. Изъ наиболѣе ненавистныхъ имъ лицъ никто не пострадалъ. «Предсѣдатель», фамиліи котораго они не знали, неизвѣстно куда скрылся; изъ ораторовъ никто не былъ убитъ и что, быть можетъ, еще хуже, не удалось избить или убить ни одного изъ видныхъ членовъ общества, ненавистныхъ потому, что они давно уже были открытыми сторонниками движенія и свободъ. Въ начальныхъ фазахъ движенія эти открытыя выступленія оказывали большое вліяніе на массы городскихъ жителей, еще плохо разбиравшихся въ политическихъ событіяхъ, и потому то реакціонеры считали главными виновниками революціи

этихъ лицъ и сосредоточили на нихъ свою ненависть. Дѣло хотѣлось поправить, были разбросаны списки, въ которыхъ значилось кого надо убить, и снова весь городъ былъ взволнованъ, ожидая грозныхъ, вѣрнѣе гнусныхъ, событій: разгромовъ и убійствъ.

Съ 12 часовъ дня въ городской думѣ собрались гласные, что-бы посовѣтоваться и что-нибудь предпринять. Надо сказать, что тамъ были не всѣ гласные, многіе, очевидно, боялись выйти изъ дома на улицу, а часть во главѣ съ А. Смирновымъ, были на сторонѣ и во главѣ черной сотни и имѣли свою главную квартиру въ зданіи мѣщанскаго общества. Но что могли сдѣлать гласные, не располагавшіе никакой физической силой, никакимъ отрядомъ, никакой стражей, и въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ ненавистные черной сотнѣ. Пять изъ нихъ А. П. Кузнецовъ, Вл. М. Крутовскій, П. И. Кусковъ, Л. А. Саввиныхъ и городской голова Шепетковскій даже значились въ проскрипціонныхъ спискахъ. Растерянные и напуганные, гласные составили коротенькое воззваніе къ населенію съ призывомъ опомниться, вспомнить завѣты Христа, вспомнить, что всѣ люди братья. Прибылъ въ думу и губернаторъ, сообщилъ, что порядокъ въ городѣ охраняютъ разъѣзды казаковъ и, прочитавъ воззваніе, нашелъ, что его слѣдуетъ немедленно распространить. Указаніе со стороны гласныхъ на то, что казаки ненадежная охрана, было пропущено губернаторомъ мимо ушей. Тревожило и то, что собравшіеся въ зданіи мѣщанскаго общества не пожелали придти въ думу, куда ихъ приглашали. Тогда къ мѣщанамъ поѣхалъ городской голова, г. Шепетковскій, хотя онъ только что получилъ по телефону сообщеніе, что толпа идетъ громить его домъ. Къ счастью, это сообщеніе, какъ впослѣдствіи оказалось, было ложнымъ. Прибывъ въ мѣщанскую управу, г. Шепетковскій не нашелъ, однако, тамъ настроеніе слишкомъ воинственнымъ. Замѣтно наступало отрезвленіе. Среди «патріотовъ» замѣчался расколъ. Многіе, присоединяясь къ патріотической манифестаціи, вовсе не предполагали совершать убійствъ и насилій; они хотѣли лишь выразить протестъ противъ продолженія забастовки и революціоннаго движенія. Жертвы минувшаго дня были для нихъ укоромъ и угрозой, они сами теперь думали о средствахъ успокоенія взволнованнаго населенія и о томъ, что, собравшись съ силами и вновь сорганизовавшись, революціонеры могутъ жестоко отплатить. Наличность такой части вчерашнихъ союзниковъ была огромнымъ тормазомъ для дѣятелей настоящей черной сотни. Несочувствіе затѣмъ погрому и убійствамъ со стороны губернатора, человѣка, впрочемъ, нерѣшительнаго и едва-ли способнаго примѣнить къ погромщикамъ суровыя мѣры, и главное—не сочувствіе погрому со стороны солдатъ,—вызвали у жаждавшихъ крови колебанія, неувѣренность въ успѣхѣ, страхъ пострадать самимъ. Такъ въ сомнѣніяхъ и взаимныхъ раздорахъ «патріоты» провели время до вечера, когда одержала среди нихъ верхъ болѣе умѣренная и осторожная партія, постановившая безчинствъ болѣе не производить, жить впередъ «по хорошему» и войти въ сношеніе съ рабочими желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, какъ партіей революціонной, объ установленіи на будущее время мирныхъ отношеній. Такъ прошелъ тотъ день, полный тревоги и страха; прошелъ онъ относительно благополучно, такъ какъ

было всего только два случайныхъ убійства. Несомнѣнно, что безъ прямого участія въ убійствахъ пѣшихъ казаковъ и безъ поддержки со стороны конныхъ, «патріоты» не рѣшились бы и наканунѣ на свое дерзкое выступленіе, не произвели бы своихъ гнусныхъ дѣлъ. Не обошлось здѣсь безъ какой-то тайной организаціи, оставшейся пока невыясненной, несмотря на то, что былъ убитъ товарищъ-прокурора П. Н. Ераковъ, сынъ сенатора. Ераковъ отецъ—судебный дѣятель современнаго типа,—человѣкъ карьеры и вполнѣ бюрократъ, ничѣмъ не выразилъ желанія, чтобы слѣдствіе велось энергично и попало на вѣрные слѣды. Судебный слѣдователь оказался человѣкомъ того же типа. Правда, одного субъекта, впослѣдствіи опознаннаго и задержаннаго пострадавшимъ, г. судебный слѣдователь распорядился даже арестовать, но субъектъ этотъ немедленно бѣжалъ и это найдено было, повидимому, вполнѣ естественнымъ. Если находили средства для побѣговъ революціонеры, то тѣмъ легче ихъ было найти погромщикамъ. Тѣ и другіе имѣли сторонниковъ среди окружавшей ихъ стражи и, конечно, у вторыхъ было сторонниковъ больше, чѣмъ у первыхъ. Уже долго спустя, другой судебный слѣдователь нашелъ возможнымъ привлечь къ уголовной отвѣтственности самого организатора патріотической манифестаціи, гласнаго думы, крупнаго комерсанта и профессора духовной семинаріи, А. Г. Смирнова. Но послѣдній не дожилъ до гласнаго надъ нимъ суда. Въ него стрѣляли неизвѣстныя лица, онъ былъ раненъ въ ногу и потрясенный покушеніемъ, исключеніемъ изъ членовъ общественнаго собранія; гдѣ онъ привыкъ проводить вечера за картами, перспективой предстоящаго позора на судѣ, скончался, не вставая съ постели, хотя рана сама по себѣ и не представляла опасности.

III.

Нѣсколько дней прошло въ состояніи крайняго угнетенія. Даже похороны жертвъ патріотической манифестаціи состоялись незамѣтно. Администрація приняла мѣры, чтобы они не сопровождались демонстраціями, и не встрѣтила противодѣйствія ни со стороны революціонныхъ организацій, ни со стороны общества, опасавшагося новыхъ кровавыхъ столкновеній. Народный домъ пересталъ быть мѣстомъ митинговъ; подъ предлогомъ ремонта онъ былъ на нѣкоторое время закрытъ. Чувствовалась растерянность. Ясно было, что часть элементовъ, на которое опиралось освободительное движеніе, отошла куда то въ сторону. Внезапно выросшая въ половинѣ октября освободительная волна, какъ будто, такъ же внезапно и схлынула. Разнуздавшаяся же черная сотня все еще грозила, если не погромами и массовыми убійствами, то убійствами отдѣльныхъ лицъ, помѣщенныхъ въ проскрипціонные списки. Любопытно, что вскорѣ къ этимъ лицамъ стали подсылаться переговорщики о «мирѣ», конечно за то или иное, сравнительно скромное, вознагражденіе. «Ихъ не много, всего человѣкъ 40—говорилъ одинъ изъ такихъ вѣстниковъ истинно-русскихъ людей,—и они начинаютъ одумываться, однако еще не всѣ; но если бы имъ что нибудь дать и они бы выпили за ваше здоровье, то вамъ перестала

бы грозить опасность». Дѣло обыкновенно шло о 25—50 рѣдко 100 рубляхъ и бывали случаи, когда просимыя деньги давались.

Жизнь, повидимому, входила въ болѣе нормальную колею. Желѣзная дорога возобновила работу, открылись магазины, частныя конторы, возобновили дѣятельность правительственныя учрежденія и даже учебныя заведенія. Но люди, пережившіе такъ много въ эти немногіе дни, были уже нѣсколько иными. Люди не мирились уже съ той разобщенностью, котсрая была ихъ привычнымъ удѣломъ подъ сѣнью русскаго самодержавія. Едва прошло нѣсколько дней послѣ погрома, какъ началась въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ организаціонная работа. Прежде очень замкнутые соціалъ-демократы, теперь широко распахнули двери своей организаціи для пріема новыхъ членовъ. И обильный притокъ ихъ снова поднялъ у этой организаціи увѣренность въ своихъ силахъ, весьма поколебленную испытаннымъ 21 октября пораженіемъ. Открыто стали вступать новые члены даже въ соціалъ-революціонные ряды. Люди еще вѣрили, что провозглашенная въ манифестѣ свобода союзовъ кое-что означаетъ.

Участвовавшіе въ движеніи либеральные элементы такъ же выступили какъ открытая и самостоятельная партія. Прежде они входили въ замкнутые, малодоступные широкой публикѣ кружки «Союза Освобожденія», въ Сибири болѣе извѣстные подъ именемъ кружковъ «Сибирскаго Областнаго Союза».

Теперь такая замкнутая организація была найдена не отвѣчающей уже потребностямъ и условіямъ времени и былъ образованъ отдѣлъ конституціонно-демократической партіи, первоначально называвшейся «свободной народной партіей». Но не всѣ члены мѣстныхъ кружковъ «Союза Освобожденія» вошли въ к.-д. партію. Часть членовъ, находя партійное опредѣленіе для себя преждевременнымъ, осталось въ Сибирскомъ Областномъ Союзѣ, облегчивъ лишь въ него доступъ новымъ членамъ, и только много времени спустя вошла въ Народно-Соціалистическую партію, когда послѣдняя, наконецъ, образовалась. Правыя группы такъ же не остались въ сторонѣ отъ этого общаго организаціоннаго движенія. Они образовали «Союзъ мира и порядка». Это было что то среднее между «Союзомъ истинно-русскихъ людей» и «Союзомъ 17 октября». Вожаки были истинно-русскими людьми, но ихъ небольшая армія охотно принимала манифестъ 17 октября. И даже, когда на одно изъ ихъ организаціонныхъ собраній, по недосмотру предсѣдателя, попали либералы и произнесли рѣчи въ защиту отвѣтственности министровъ передъ Государственной Думой, то собраніе всѣми голосами противъ 3-хъ, постановило включить этотъ принципъ въ свою программу. На слѣдующія засѣданія, впрочемъ, либералы уже не допускались и отвѣтственность министровъ передъ Думой была замѣнена отвѣтственностью передъ Государемъ.

Параллельно съ этой, подчасъ лихорадочной, партійной группировкой, шли другія группировки, вызванныя суровыми потребностями жизни и опиравшіяся на возвѣщенныя манифестомъ 17 октября свободы союза и собраній; сказывалось, впрочемъ, и увлеченіе модой. Въ такомъ сравнительно небольшомъ городѣ, какъ Красноярскъ, такъ недавно еще очень сонномъ, едва-ли проходилъ день безъ какого-ни-

будь публичнаго собранія. Собирались учащіеся того или иного учебнаго заведенія для обсужденія своихъ нуждъ, собирались и родители учащихся всѣхъ заведеній для обсужденія положенія своихъ дѣтей въ школѣ и способовъ его улучшенія. Собирались служащіе красноярской городской, Богомъ забытой, больницы и въ видѣ результата предъявили своему начальству рядъ требованій подъ угрозой въ случаѣ ихъ неудовлетвореніи черезъ мѣсяцъ начать забастовку. Желѣзнодорожные техники устроили профессіональный союзъ; медицинскій персоналъ желѣзной дороги также. Ихъ примѣру послѣдовали фармацевты. Даже чиновники и служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ, находя что манифестъ 17 октября распространяется и на лицъ, служащихъ на государственной службѣ, образовали свой профессіональный союзъ.

Союзы росли, какъ грибы. Обсуждались задачи, уставы, условія вступленія членовъ. Люди, въ жизни своей не сказавшіе до сихъ поръ публично двухъ словъ, теперь передъ многочисленными слушателями съ жаромъ и безъ стѣсненія отстаивали свои взгляды и настойчиво ихъ проводили.

Особенное движеніе замѣчалось въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ связи съ движеніемъ находившагося на станціи Красноярскъ желѣзнодорожнаго баталіона и расположенныхъ вблизи станціи войскъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ запасныхъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому сложному движенію, закончившемуся такъ называемымъ вооруженнымъ возстаніемъ, остановлюсь на почтово-телеграфной забастовкѣ.

Стремленіе улучшить свое матеріальное положеніе началось среди городского населенія до всеобщей забастовки. Еще до 17 октября, приказчики дружно провели и блестяще выиграли стачку, давшую имъ 8 часовый рабочій день, повышеніе заработной платы и другія существенныя выгоды. Для охраны своихъ цѣнныхъ завоеваній они немедленно образовали союзъ служащихъ въ торговыхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ города Красноярска, игравшій весьма замѣтную роль въ революціонные октябрьскіе дни. Примѣру приказчиковъ и съ такимъ же успѣхомъ послѣдовали типографскіе рабочіе. Желѣзнодорожные рабочіе, хорошо сплоченные почти съ самаго начала русско-японской войны, получили 9 часовой рабочій день и также существенное увеличеніе заработной платы. Желѣзнодорожное начальство, избѣгая замедленія въ перевозкѣ войскъ, старалось предупредить стачку на Сибирской дорогѣ и сравнительно легко шло на уступки рабочимъ. Понятно, что эти удачные, у всѣхъ на глазахъ происшедшіе, примѣры коллективныхъ выступленій, должны были подѣйствовать заразительнымъ образомъ на другія угнетенныя группы рабочаго люда. Къ однимъ изъ наиболѣе угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, несомнѣнно, принадлежали почтово-телеграфные чиновники. Естественно, что въ Красноярскѣ они легко присоединились къ общероссійской забастовкѣ и 16 ноября почта и телеграфъ у насъ перестали дѣйствовать. Почтовики въ своей массѣ совсѣмъ не были революціонерами и свою стачку предприняли не для поддержанія вновь начинавшагося уже революціоннаго движенія. Они жаждали улучшенія собственнаго, теперь казавшагося имъ невыносимымъ, положенія, и

если на ихъ собраніяхъ и произносились рѣчи революціоннаго характера, то это были рѣчи лицъ постороннихъ, сами же они неизмѣнно твердили лишь, что ихъ требованія такъ справедливы, что не могутъ быть не удовлетворены, нужно только быть стойкими, крѣпко стоять другъ за друга, не падать духомъ и дружно бороться за общее дѣло. Увѣренность въ своей правотѣ и отсюда въ побѣдѣ была столь велика, что на своихъ ежедневно происходившихъ собраніяхъ они не столько занимались обсужденіемъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно добиться успѣха, сколько обсужденіемъ каръ, которыя слѣдуетъ наложить въ настоящемъ и будущемъ на лицъ изъ ихъ среды, открыто высказывавшихся противъ забастовки или явно державшихъ руку начальства. Такихъ лицъ, впрочемъ, было не много, и совсѣмъ не было лицъ со стороны и изъ «общества», которые бы рѣшились предложить начальству услуги для почтовыхъ операцій, какъ это происходило въ Петербургѣ. Забастовка была поэтому полная. Даже тѣ письма, посылки и прочее, которыя уже пришли въ Красноярскъ, лежали мирно неразобранными и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ охранялись самими забастовщиками. Къ чести послѣднихъ, необходимо отмѣтить, что охрана имущества была одной изъ ихъ постоянныхъ заботъ и къ ней они относились, какъ къ своей обязанности по службѣ, отъ которой ихъ не избавляла сама забастовка. Они все еще чувствовали себя чиновниками, а не врагами отечества, какъ ихъ впослѣдствіи объявили, засадивъ въ тюрьму, обвиняя въ намѣреніи ниспровергнуть существующій государственный строй, а въ Иркутскѣ разстрѣливая и ссылая на каторгу. Они не знали, конечно, что съ ними обойдутся такъ жестоко; знай это, они не устроили бы своей забастовки. Терпѣли-же они раньше и каторжный трудъ и нищенскую плату. Теперь они поднялись, романтически вѣря въ дѣйствительность обѣщаній, данныхъ 17 октября, поддерживаемые всеобщимъ сочувствіемъ и ободреніемъ. Ихъ дѣло—правое дѣло; и не только они сами, но и всѣ граждане считали ихъ дѣло правымъ и думали, что требованія ихъ должны быть удовлетворены. Мнѣніе противное казалось непонятнымъ, нелогичнымъ, безсмысленнымъ. Даже наши купцы и тѣ не могли взять въ толкъ, почему правительство, имѣющее во главѣ либеральнаго Витте, съ именемъ котораго они связывали появленіе манифеста, провозгласившаго всѣ свободы и, очевидно, новую эру, почему такое правительство такъ упорно отказывается отъ какихъ бы то ни было уступокъ почтово-телеграфнымъ чиновникамъ. Либеральное правительство и такая эксплуатація—несовмѣстимы, рѣшили купцы; правительство надо подтолкнуть на уступки, показавъ, что общество на сторонѣ почтовиковъ; и въ подтвержденіе послѣдняго отъ имени купеческаго общества постановили открыть бастующимъ почтово-телеграфнымъ служащимъ кредитъ въ суммѣ 3000 рублей. Однако время шло, а правительство упорно стояло на своемъ. Населеніе испытывало крайне непріятныя и серьезныя затрудненія отъ забастовки и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждало ея конца. А его все не было и не было. Это сильно безпокоило, такъ какъ явно показывало, что мечты о либерализмѣ правительства слѣдуетъ оставить.

IV.

Движеніе среди очень многочисленныхъ въ Красноярскѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ проявилось послѣ октябрьскихъ событій не сразу. Рабочіе были уже хорошо сорганизованы и вначалѣ лишь охраняли захваченный ими 8 часовой рабочій день, да стремились повысить заработную плату. Положеніе ихъ было очень выгодно, т. к. желѣзная дорога въ это время должна была работать чуть-ли не съ большимъ еще напряженіемъ, чѣмъ раньше. Она перевозила возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій войска, рвавшіяся на родину. Въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ продолжалось непрерывное изо дня въ день движеніе сотенъ тысячъ людей на востокъ; теперь ихъ нужно было въ возможно короткое время перебросить обратно на западъ. Когда-то очень смирные и послушные, солдаты совершенно преобразились на войнѣ. Для нихъ уже не существовало авторитета начальства и если имъ что нибудь было нужно, то они не просили, а требовали и захватывали. Теперь имъ нужно было, какъ можно скорѣе попасть на родину и они требовали, что-бы ихъ везли не тѣмъ черепашьимъ шагомъ, какимъ они двигались на войну, а такъ, какъ только можетъ везти желѣзная дорога. Нерѣдко бывало, что солдаты сами становились на паровозъ и неслись съ быстротой курьерскаго поѣзда; было время когда они не позволяли обгонять себя почтово-пассажирскимъ поѣздамъ и, такимъ образомъ, всѣ поѣзда сравнялись между собою, идя не по росписанію, а одни за другими съ такими лишь промежутками, что-бы не устроить закупорки. Начальники станцій были безсильны, желѣзнодорожные жандармы также. Послѣдніе или совсѣмъ не показывались на станціяхъ, или пьянствовали вмѣстѣ съ солдатами, которые говорили имъ при этомъ преобидныя вещи. Разница между буфетами первыхъ и третьяго класса была уничтожена. Солдаты настойчиво стремились въ залы первыхъ классовъ подъ предлогомъ желанія выпить рюмку водки, и если ихъ не пускали, негодовали и держали передъ другими солдатами и передъ публикой рѣчи на ту тему, что на войнѣ они были впереди, а офицеры сзади, съ какой же стати теперь имъ быть сзади, а офицерамъ впереди. И всегда они настаивали на своемъ. Публика ихъ поддерживала, а офицеры, видя свое безсиліе, уступали. Кстати сказать, не только солдаты, но и офицеры возвращались съ войны совсѣмъ другими, чѣмъ были раньше. Насколько впередъ офицерство ѣхало шумно, буйно, пьянствуя, высокомѣрно и грубо обращаясь со штатскими, настолько же, возвращаясь назадъ, гг. офицеры были скромны, тихи и вѣжливы. Роли перемѣнились. При отмѣченныхъ условіяхъ задерживать движеніе было опасно. Съ каждымъ днемъ настроеніе приходящихъ солдатъ становилось все болѣе бурнымъ, и когда впослѣдствіи объявили забастовку 27 россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, то Сибирскія дороги отозвались, что онѣ къ забастовкѣ присоединиться не могутъ, какъ изъ-за нежеланія задерживать солдатъ, такъ и изъ-за опасенія разгрома солдатами сибирскихъ городовъ.

Красноярскъ—большая станція, гдѣ солдаты имѣли дневку, а также задерживались и по другимъ причинамъ. Нерѣдко они скоплялись здѣсь въ количествѣ больше тысячи человѣкъ, живя по нѣсколько дней въ ожиданіи очереди въ отправкѣ. Солдаты и рабочіе постоянно сталкивались между собой и естественно, что бурное настроеніе однихъ не могло не дѣйствовать на другихъ и не могло не вліять и на тѣхъ солдатъ, которые постоянно стояли въ Красноярскѣ. Среди проходящихъ солдатъ, по какимъ-то мнѣ, неизвѣстнымъ причинамъ, были разсѣяны возвращавшіеся съ Дальняго Востока матросы, сыгравшіе роль революціоннаго фермента. Благодаря имъ, во многихъ случаяхъ просто бурное настроеніе принимало революціонный характеръ.

На настроеніе рабочихъ вліялъ въ не меньшей мѣрѣ и другой факторъ: поведеніе правительства. Послѣднее не давало обѣщанныхъ манифестомъ свободъ, и его можно было заподозрѣть въ чемъ угодно, только не въ либерализмѣ. Не трудно себѣ представить, какъ такое поведеніе должно было отражаться на настроеніи рабочихъ, жившихъ въ атмосферѣ, созданной возбужденными и революціонно настроенными войсками. Если непосредственно послѣ изданія манифеста рѣчи о томъ, что правительство, издавъ манифестъ, еще ничего реальнаго не дало и безъ принужденія со стороны народа не дастъ,—вызывали недовѣріе, и если тогда было непонятно, зачѣмъ народъ долженъ стремиться къ вооруженному возстанію, то теперь эти рѣчи падали на почву, достаточно подготовленную событіями и достаточно подогрѣтую.

И снова Красноярскъ сталъ переживать эпоху огромныхъ митинговъ съ той только разницей, что теперь они происходили не въ центрѣ города, не въ Народномъ домѣ, а въ паровозо-сборномъ цехѣ, обширнѣйшемъ зданіи красноярскихъ желѣзнодорождыхъ мастерскихъ, могущемъ вмѣстить до 20000 человѣкъ. Сюда теперь перенесся центръ политическаго движенія, здѣсь рядомъ съ проходящими войсками, всего сильнѣе бился теперь пульсъ политической жизни.

Со 2-ой половины ноября митинги идутъ ежедневно, собирая до 3-хъ 5 и 6 тысячъ человѣкъ. На нихъ выступаютъ ораторами не только интеллигенты отъ имени соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной партій, но и рядовые рабочіе и все чаще и чаще солдаты. Темой ихъ служитъ критика дѣйствій правительства, какъ за прежнее время, такъ и за новое, жалобы солдать и рабочихъ на ихъ тяжелое положеніе, разсказы солдатъ про войну. Ораторы интеллигенты доказываютъ, что на правительство нельзя полагаться, что народъ и войско, соединившись, должны свергнуть старый строй и должны сами, посредствомъ учредительнаго собранія, установить новый порядокъ, гдѣ получатъ осуществленіе справедливость и свободы, что монархія, въ какой бы формѣ она ни осталась, всегда будетъ тормазомъ для счастья народа, такъ какъ всегда будетъ на сторонѣ привеллегированныхъ классовъ, и что поэтому нужно стремиться установить республику. Солдаты съ своей стороны утверждаютъ, что войско теперь уже не то, что было раньше, что въ народъ они стрѣлять не будутъ, что они сами тотъ же народъ и что нужды народа—

ихъ нужды. Такъ же какъ и на октябрскихъ митингахъ здѣсь докладываются разнаго рода текущія событія и приносятся разнаго рода жалобы. Рабочіе жалуются на неодинаковость получаемой отъ желѣзной дороги платы за одинаковаго рода трудъ; солдаты жалуются на дурную пищу, притѣсненія со стороны начальства, аресты и пр. Принимаются резолюціи, выражающія требованія или негодованіе, но пока эти резолюціи носятъ еще въ общемъ платоническій характеръ, такъ какъ нѣтъ органовъ, которые могли бы провести ихъ въ жизнь. Только по отношенію къ желѣзной дорогѣ положеніе таково, что начальство вынуждено къ этимъ резолюціямъ прислушиваться изъ за опасенія вызвать въ противномъ случаѣ забастовку. Само собой разумѣется, что эти митинги могутъ происходить только потому, что губернская власть чувствуетъ себя совершенно безсильной ихъ укротить. Въ городѣ слишкомъ мало такихъ войскъ, на которыя можно бы было положиться въ борьбѣ съ этимъ новымъ массовымъ движеніемъ, и много запасныхъ, охотно посѣщающихъ митинги. Къ тому же они происходятъ въ полосѣ отчужденія, въ сосѣдствѣ со стоянками революціонное настроенныхъ проходящихъ войскъ и, что еще для начальства опаснѣе, подъ явнымъ протекторатомъ желѣзнодорожнаго батальона, давно признаннаго явно неблагонадежнымъ.

Въ концѣ ноября двѣ роты этого батальона предъявили своему начальству рядъ требованій, наиболѣе существенными изъ которыхъ были: 1) отпустить всѣхъ запасныхъ срока службы съ 1887 по 1901 годы и 2) раздѣлить между всѣми солдатами 40 тысячъ рублей экономіи, сдѣланныхъ по ихъ пищѣ. Благодаря этой экономіи, поясняли солдаты, имъ приходилось часто голодать въ Манчжуріи. Кромѣ того они заявляли, что отказываются заступать мѣсто рабочихъ, въ случаѣ ихъ забастовки. Отвѣта на свои требованія солдаты ждали до 8 декабря. За это время имъ было предписано выѣхать изъ Красноярска въ село Барановичи. Выѣхать они отказались и объявили мирную забастовку. Только солдатамъ, работавшимъ за плату въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было разрѣшено продолжать занятія.

Возможно, что поведеніе нашего желѣзнодорожнаго батальона въ значительной мѣрѣ объясняется событіями въ Читѣ и Иркутскѣ.

Въ Иркутскѣ 28 ноября на огромномъ собраніи солдатъ гарнизона были выработаны слѣдующія требованія:

1) Немедленнное уволненіе запасныхъ, 2) обезпеченіе семействъ убитыхъ и раненыхъ, 3) вѣжливое обращеніе съ солдатами, 4) отмѣна смертныхъ казней и военныхъ положеній, 5) амнистія политическимъ, 6) всеобщее избирательное право и 7) учредительное собраніе.

Въ случаѣ неудовлетворенія въ 24 часа этихъ требованій объявлялась мирная забастовка всего гарнизона.

Съ 5 декабря и у насъ начинаютъ устраиваться въ томъ же паровозо-сборномъ цехѣ солдатскіе митинги, но совмѣстно съ митингами рабочихъ. На нихъ вырабатываются требованія, аналогичныя только что приведеннымъ требованіямъ иркутскаго гарнизона и говорятся рѣчи о необходимости устроить въ городѣ въ противовѣсъ городской думѣ временное правительство, избранное всеобщимъ, рав-

нымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Для проведенія этихъ выборовъ, отъ солдатъ и рабочихъ выбираются представители, которые составляютъ «Объединенный Совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ». Во главѣ солдатъ становится прапорщикъ Кузьминъ. Создается такимъ образомъ организація, которая черезъ короткое время пріобрѣтаетъ громадное значеніе.

Мысль объ образованіи путемъ всеобщаго голосованія особаго городского органа возникаетъ на митингахъ нѣсколько раньше и толчкомъ для ея возникновенія служатъ предстоящіе выборы гласныхъ въ обыкновенную, легальную, городскую думу. Естественно, что въ той напряженной атмосферѣ, въ какой въ это время пребывалъ Красноярскъ, выборы въ думу не могли не обратить на себя вниманіе ораторовъ, говорившихъ на митингахъ. Но огромнѣйшее большинство, едва-ли не 99 процентовъ лицъ, присутствовавшихъ на митингахъ, не имѣло рѣшительно никакой возможности, по неимѣнію ценза, принять активное участіе въ выборахъ гласныхъ. Что же это будетъ за дума?—спрашивали ораторы. Развѣ мы можемъ ей довѣрять? Это будетъ буржуазная дума, отъ которой нельзя ждать рабочему населенію защиты его интересовъ. Нужно выбрать свой собственный органъ управленія, который въ рѣшительный моментъ могъ бы выступить отъ имени избравшихъ его слоевъ населенія и могъ бы организовать нѣкоторыя активныя выступленія въ настоящее время, напр., выпускать воззванія, устраивать демонстраціи, устанавливать бойкотъ отдѣльныхъ лицъ и т. д.

Такъ зародилась эта мысль и быстро получила свое дальнѣйшее логическое развитіе. Уже на митингѣ 4 декабря было постановлено, что для того, что бы грядущее учредительное собраніе могло дать какъ можно больше правъ народу, необходимо захватывать революціоннымъ путемъ различныя права, въ томъ числѣ и городское самоуправленіе, и проведена та мысль, что истинное городское самоуправленіе можетъ быть осуществлено только при полномъ низверженіи путемъ вооруженнаго возстанія самодержавнаго строя. Присоединеніе къ движенію солдатъ, являвшихся на митинги въ полномъ вооруженіи, дало ту силу, опираясь на которую можно было приступить къ созданію революціоннымъ путемъ органовъ городского самоуправленія и къ осуществленію другихъ пожеланій, принятыхъ на народныхъ митингахъ.

Такъ уже 9 декабря была организована грандіозная, чрезвычайно внушительная и красивая демонстрація для протеста противъ современныхъ городскихъ думъ, смертныхъ казней и военныхъ положеній. Сборный пунктъ былъ назначенъ въ паровозо-сборномъ цехѣ. Туда же пришелъ въ полномъ вооруженіи и желѣзнодорожный батальонъ. Отсюда многотысячная процессія, съ многочисленными, эффектно развивавшимися красными знаменами и флагами, направилась на главную (Воскресенскую) улицу города. Во главѣ верхами ѣхали прапорщикъ Кузьминъ и нѣсколько солдатъ распорядителей. За ними слѣдовали, растянувшись на $1^1/_2$ квартала, боевая дружина рабочихъ и солдаты по ротамъ, тѣсно окруженные остальной массой демонстрантовъ. Процессія остановилась передъ Народнымъ домомъ,

гдѣ солдаты взяли на караулъ и былъ, въ память погибшихъ 21 октября, пропѣтъ похоронный маршъ «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Напротивъ Народнаго дома, въ зданіи, гдѣ помѣщалось казначейство, оказались запертыми солдаты мѣстнаго гарнизона. Ихъ освободили и они присоединились отдѣльной колонной къ демонстраціи. Публика встрѣтила ихъ восторженнымъ «ура». Двигаясь дальше по Воскресенской улицѣ, процессія прошла мимо квартиры всѣмъ извѣстнаго въ городѣ вожака черной сотни, А. Г. Смирнова, организовавшаго патріотическую манифестацію. Легко было ожидать эксцессовъ отъ этой теперь торжествующій толпы. Но не послѣдовало ни одного громкаго враждебнаго возгласа, не было брошено ни одного камня... Въ полномъ порядкѣ и молча процессія прослѣдовала дальше до Старо-Соборной площади, гдѣ помѣщались солдаты конвойной команды. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, они также присоединились къ демонстраціи. Затѣмъ шествіе, пройдя весь городъ, направилось обратно по Благовѣщенской улицѣ и прошло мимо мѣстной казачьей сотни. Здѣсь сочувствія встрѣчено не было: казаки не присоединились. Конечнымъ пунктомъ была военная гауптвахта. Отсюда были выпущены всѣ заключенные въ ней солдаты и здѣсь же была сказана однимъ изъ членовъ «Объединеннаго Совѣта депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ» коротенькая рѣчь. Въ ней проводилась та мысль, что, въ противоположность своимъ угнетателямъ, революціонный народъ, торжествуя побѣду, гуманенъ и великодушенъ. Онъ раскрываетъ тюрьмы, тогда какъ правительство ихъ наполняетъ. Ужасовъ и крови надо бояться не отъ торжества революціи, не отъ торжества народа, а отъ побѣды правительства надъ народомъ. Затѣмъ демонстрація была объявлена оконченной.

Такъ мирно и въ полномъ порядкѣ прошла эта, состоявшая изъ солдатъ и гражданъ, демонстрація и произвела, конечно, чрезвычайное впечатлѣніе какъ на власти, такъ и на тѣ слои населенія, которые участія въ ней не принимали. Революціонное настроеніе она, понятно, сильно повысила, такъ какъ наглядно показала, что сила въ данный моментъ въ Красноярскѣ не на сторонѣ властей предержащихъ.

Того же 9 декабря Объединенный Совѣтъ д. отъ с. и. р. опубликовалъ слѣдующія постановленія:

«1) Въ виду того, что Объединенный Совѣтъ деп. отъ с. и р. «объявилъ полную свободу печати, ни одна власть не имѣетъ права «требовать на просмотръ никакихъ печатныхъ произведеній. Упра«вляющимъ и завѣдывающимъ типографіями запрещается обращаться «къ властямъ за разрѣшеніемъ о печатаніи. О каждой малѣйшей по«пыткѣ власти помѣшать свободѣ печати, свободѣ расклеиванія объ«явленій и т. п. просимъ всѣхъ гражданъ сообщать въ Объединен«ный Совѣтъ деп. с. и р.

«2) Со времени объявленія настоящихъ постановленій при Со«вѣтѣ деп. с. и р. организуется комиссія для подготовки выборовъ, «для раздѣленія города на участки, для опредѣленія количества жи«телей, имѣющихъ избирательныя права и т. п.

«3) Для предвыборной агитаціи передъ городскими выборами и «для собраній всякаго рода мы объявляемъ открытыми: общественное «собраніе во всякое время, сборно-паровозный цехъ съ $1^1/_2$ час. дня, «а по праздникамъ съ утра, Народный домъ и Желѣзнодорожное «собраніе во время свободное отъ репетицій.

«4) Для ускоренія движенія на желѣзной дорогѣ Совѣтъ пору-«чаетъ выборной комиссіи отъ рабочихъ и служащихъ желѣзной до-«роги контроль надъ движеніемъ. Всѣ начальствующія лица должны «по первому требованію давать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ предста-«вителямъ комиссіи».

Какъ эти постановленія, такъ и цѣлый рядъ другихъ воззваній были напечатаны въ прекрасно обставленной губернской типографіи, занятой теперь солдатами желѣзнодорожнаго батальона. Всѣ рабочіе и служащіе, за исключеніемъ завѣдывающаго, остались въ типографіи и продолжали работать, несмотря на запрещеніе губернатора. Но само собой разумѣется, послѣдній лишенъ уже былъ возможности пользоваться ихъ услугами; его воззванія стали печататься на миміографѣ.

Въ губернской же типографіи стала печататься новая газета «Красноярскій Рабочій», издававшаяся соціалъ-демократической партіей и расходившаяся въ количествѣ до 5 тысячъ экземпляровъ. Продолжала въ ней печататься и либеральная мѣстная газета: «Голосъ Сибири». Кстати отмѣчу, что за выпускъ номера отъ 11 декабря съ отмѣткой «дозволено цензурой» «Голосу Сибири» на митингѣ, собравшемся того же числа, было постановлено выразить негодованіе и предупредить издателя, г. Карнакова, что если онъ опять вздумаетъ обратиться къ цензурѣ, то типографіямъ будетъ запрещено печатать его газету. Издателю, конечно, пришлось подчиниться [1]).

Кромѣ захвата губернской типографіи Объединенный Совѣтъ позволилъ себѣ еще только одно насильственное по отношенію къ администраціи дѣйствіе: онъ разоружилъ полицію, но взамѣнъ устроилъ собственную ночную охрану города изъ солдатъ. Въ сущности полиція какъ въ это время, такъ и задолго раньше безопасностью города совсѣмъ не занималась. Раньше всѣ ея силы были отданы на борьбу съ «крамолой»; теперь она чувствовала себя безсильной и не у дѣлъ. Кражи, грабежи и убійства развились поэтому задолго до описываемаго періода чрезвычайно и городу самому пришлось озаботиться объ охранѣ жизни и имущества гражданъ. Съ этой цѣлью городская дума организовала отрядъ конныхъ стражниковъ, окарауливавшихъ городъ по ночамъ. Когда же полиція была разоружена, городское управленіе вошло въ сношеніе съ Объединеннымъ Совѣтомъ о согласованіи охранъ городской и солдатской. Понятно, что городская стража обезоружена не была.

За исключеніемъ указанныхъ двухъ случаевъ ничего въ эти дни торжества въ Красноярскѣ революціи не было предпринято для дѣй-

---

[1]) „Голосъ Сибири“ былъ впослѣдствіи изгнанъ изъ губернской типографіи за то, что не отказался печататься въ то время, когда типографія была захвачена революціонерами.

ствительнаго захвата власти. Всего больше администрація боялась за банкъ и казначейство. Тамъ лежали большія суммы денегъ и они были совершенно беззащитны. Деньги въ современной жизни то-же, что кровь въ тѣлѣ человѣка. Революція имѣла полную возможность часть этой драгоцѣнной жидкости изъ враждебнаго ей тѣла администраціи перелить въ свое собственное. И она не сдѣлала этого. Фактъ, надъ которымъ стоитъ остановиться и попробовать объяснить.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о захватѣ возникала, но она не была поддержана. На мой взглядъ, это объясняется тѣмъ, что описываемая революція была революціей массы, а не отдѣльныхъ лицъ, составившихъ заговоръ и вступившихъ для его осуществленія въ сообщество, караемое одной изъ статей нашего уголовнаго уложенія. Масса же, хотя и жаждала освобожденія отъ политическаго гнета, вѣрила, что свободная жизнь можетъ установиться безъ крайняго потрясенія государственнаго и общественнаго организма. Впослѣдствіи эта вѣра была сильно подорвана карательными экспедиціями и военно-полевыми судами; но въ то время она была еще сильна. Въ революціонно настроенныхъ массахъ еще не было искоренено желаніе перейти къ новому строю, по возможности, безъ тяжелыхъ потрясеній, по возможности, съ меньшимъ количествомъ жертвъ съ той и другой стороны. Революціонныя массы въ то время еще не были доведены до отчаянія и побѣда во что бы то ни стало, хотя бы это была Пиррова побѣда, еще не была ихъ идеаломъ. Вѣрилось и казалось, что все можетъ пройти „по хорошему", безъ жертвъ, безъ крови, кромѣ той, которая уже безвозвратно пролилась; безъ потрясеній, съ хорошими результатами для всѣхъ, за небольшими лишь исключеніями, подъ которыми разумѣлись разнаго рода тунеядцы. Не могло явиться при такихъ условіяхъ желанія захватывать деньги изъ государственнаго банка и казначейства. Это, вѣдь, народныя деньги; захватывая ихъ, можно нанести вредъ народу, внести разстройство въ его жизнь. И мысль о захватѣ была отвергнута; она не была популярна среди солдатъ желѣзнодорожнаго баталіона и среди рабочаго населенія г. Красноярска.

Тѣмъ-же массовымъ характеромъ движенія, въ которомъ отдѣльныя лица являются не столько руководителями, сколько выразителями и исполнителями коллективной народной воли, объясняется, на мой взглядъ, и другая сторона въ дѣятельности Объединеннаго Совѣта. Я имѣю въ виду организацію, Объединеннымъ Совѣтомъ, выборовъ въ гордскую думу на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Идея о всеобщемъ избирательномъ правѣ властно овладѣла въ то время положительно всѣми умами и не трудно себѣ представить, какимъ авторитетомъ готовы были всѣ наградить органъ управленія, созданный путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Естественно, что создать въ городѣ такой органъ сдѣлалось мечтой революціонеровъ, стоящихъ во главѣ движенія. Задача была не изъ легкихъ. Для того, что-бы такая дума пользовалась вліяніемъ надъ всѣмъ населеніемъ города, чтобы весь городъ, если не принимать, конечно, въ въ разсчетъ незначительныхъ неизбѣжныхъ исключеній, признавалъ ея авторитетъ, необходимо было сдѣлать такъ, чтобы все взрослое населеніе города приняло участіе въ выборахъ. Между тѣмъ вожаки

революціоннаго движенія хорошо видѣли, что за ними идетъ или, вѣрнѣе, что они стоятъ во главѣ только части гордского населенія, состоящей, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ., Дума выбранная только рабочими, не была бы достаточно авторитетна. Въ Красноярскѣ много мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ, разнаго рода служащихъ, прислуги, чиновниковъ и т. д. Привлечь эти слои городского населенія къ выборамъ было очень существенно. Но какъ это сдѣлать?

Неожиданно поддержка получилась со стороны мелкой и крупной буржуазіи. Она въ это время чувствовала себя очень плохо. Почта и телеграфъ не дѣйствовали. По желѣзной дорогѣ не было возможности ѣздить, такъ какъ и пассажирскіе поѣзда перевозили солдатъ и офицеровъ. Достать билетъ I-го или II-го класса совсѣмъ не было возможности, билетъ III-го класса представлялся драгоцѣнностью, ради которой на вокзалахъ дежурили днями. Но и полученный билетъ еще не гарантировалъ проѣздъ, такъ какъ офицеры и солдаты одинаково вытѣсняли изъ вагоновъ штатскихъ. Настроеніе проходящихъ войскъ сдѣлалось къ этому времени очень бурнымъ. Всѣ вокзалы были ими разгромлены. Всѣ усилія желѣзно-дорожныхъ служащихъ были направлены на то, чтобы перевозить солдатъ, какъ можно больше и какъ можно скорѣе. И все-таки солдаты были недовольны, такъ какъ везли ихъ все-же и въ маломъ числѣ и медленно. Въ лучшемъ случаѣ желѣзная дорога могла перебросить въ день 12—15 тысячъ войска, сдѣлавъ въ сутки 200—250 верстъ. А въ Манчжуріи томилось въ это время въ ожиданіи отправки $^1/_2$ милліона людей и ѣхать имъ предстояло 7—8 тысячъ верстъ! Томиться цѣлые мѣсяцы въ постылой чужой странѣ и въ ужасной обстановкѣ только потому, что желѣзная дорога не можетъ перевезти, согласитесь, что это ужасно. Начальство-же солдатъ, въ лицѣ начальника тыла арміи, г. Надарова, еще подлило масло въ огонь, заявивъ, что войска медленно перевозятся изъ-за забастовокъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. При такомъ напряженномъ и бурномъ настроеніи войскъ легко было ожидать всякихъ эксцессовъ, не исключая разгрома городовъ.

Съ другой стороны буржуазія боялась, что и въ самомъ городѣ вспыхнутъ волненія. Она боялась не революціонеровъ; революціонеры, она это твердо помнила, ни разгромовъ, ни насилій по отношенію къ другимъ гражданамъ себѣ не позволяли, и даже, имѣя свою боевую дружину, могли явиться защитниками. Но революціонеры въ своей главной массѣ занимали окраину города, прилегающую къ вокзалу и довольно отдаленную отъ центральныхъ частей. Буржуазія опасалась, что въ самомъ городѣ, можетъ вспыхнуть недовольство революціоннымъ движеніемъ и, вылившись въ дикія формы, обрушиться на ни въ чемъ неповинныя ихъ головы. Общая совокупность условій во всякомъ случаѣ была такова, что сильно разлившаяся въ городѣ тревога имѣла достаточно основаній. Эта тревога въ свою очередь породила мысль о необходимости создать такой авторитетный органъ управленія, который могъ бы взять охрану города, его безопасность въ свои руки. Проектированная революціонерами дума, если бы она, какъ городской органъ, на первомъ мѣстѣ въ своей дѣятельности поставила

защиту интересовъ города, отвѣчала дѣйствительнымъ и очень жгучимъ потребностямъ горожанъ. Вотъ почему предложеніе, сдѣланное «Объединеннымъ Совѣтомъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ», выбрать городскую думу путемъ всеобщаго голосованія, встрѣтило сочувствіе и живой откликъ со всевозможныхъ сторонъ. Сибирскій Областной Союзъ, к.-д. партія, союзъ приказчиковъ, общество народныхъ учителей, группа мелкихъ торговцевъ на базарѣ, купеческое общество, мѣщанское общество, даже сама городская дума и др.—рѣшаютъ принять участіе въ организаціи выборовъ и выбираютъ въ спеціально составившуюся для того комиссію своихъ членовъ. Но прежде, чѣмъ всѣ выбранные въ эту комиссію члены успѣли, собравшись, столковаться между собой, былъ устроенъ митингъ въ Народномъ домѣ. На немъ, по мысли его организаторовъ, предстояло нереволюціоннымъ слоямъ городского населенія разъяснить полезность и необходимость созданія въ данный моментъ думы, избранный путемъ всеобщаго голосованія. Происходилъ онъ 18 декабря. Предпологалось, что революціонеры выставятъ весьма ограниченное количество ораторовъ, главное же руководство будетъ предоставлено Сибирскому Областному Союзу, к.-д. партіи и другимъ умѣреннымъ группамъ. Вышло же какъ разъ наоборотъ. «Вопреки уговору, вся революціонно настроенная публика,—говоритъ «Голосъ Сибири» по поводу этого митинга,—заняла Народный домъ задолго до прихода мѣщанъ». Изъ записавшихся заранѣе ораторовъ четыре «говорили вполнѣ академично, какъ и было условлено, но ихъ рѣчи были затоплены рѣчами самыхъ крайнихъ партійныхъ ораторовъ съ призывами къ вооруженному возстанію, къ немедленной его организаціи, захвату власти, демократической республики, и все это съ агитаціонными цѣлями». О городской всесословной думѣ говорили только двое, да и то каждый разбиралъ лишь отдѣльный частный вопросъ. Трибуна была занята представителями крайнихъ, не считавшимся съ цѣлями митинга. «Такимъ образомъ, — заключаетъ «Голосъ Сибири»—первая попытка устроить объединенное обсужденіе государственныхъ и мѣстныхъ вопросовъ мѣщанами совмѣстно съ представителями интеллигенціи, конституціонныхъ и революціонныхъ партій, не состоялась». Вмѣсто сближенія между крайними и умѣренными группами для согласованныхъ дѣйствій, этотъ митингъ только разъединилъ эти двѣ разно настроенныя части населенія города и представителямъ умѣренныхъ частей пришлось заиграть отбой. Городская дума сдѣлала постановленіе, что, выбирая представителей въ комиссію по выборамъ, она хотѣла только ознакомиться съ положеніемъ дѣла; к.-д. партія взамѣнъ отказавшихся представителей не выбрала новыхъ. Отошли и другія умѣренныя группы. Предполагаемой всеобщности выборовъ былъ такимъ образомъ нанесенъ рѣшительнный ударъ.

Комиссія по выборамъ, впрочемъ, продолжала свои работы. Ею къ этому времени была уже окончательно выработана опросная карточка, возрастъ для голосованія въ которой—не лишне отмѣтить—опредѣлялся въ 20 лѣтъ, и которая, конечно, предназначалась одинаково, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, такъ какъ въ голосованіи должно было принять участіе все населеніе города, безъ раз-

личія пола. Карточки уже раздавались жителямъ для заполненія. Но дальше произошли событія, помѣшавшіе исполненію этого предпріятія.

V.

Предъ самымъ Рождествомъ стало извѣстно, что къ городу съ востока подходятъ войска, на которыя правительственныя власти могутъ вполнѣ положиться. Это былъ Омскій полкъ; впослѣдствіи составлявшихъ его солдатъ прозвали бѣлошапочниками, такъ какъ они всѣ были въ бѣлыхъ папахахъ. Ходили слухи, что отдѣльныя части полка уже нѣсколько дней стоятъ вблизи Красноярска, ожидая отставшихъ, и что, соединившись на другой сторонѣ р. Енисея, они, минуя вокзалъ, по льду войдутъ въ городъ. Сдѣлать это, будто бы, предполагалось властями для того, чтобы, съ одной стороны, сразу имѣть на своей сторонѣ преобладаніе въ силѣ, а съ другой —чтобы избѣжать сомнительнаго по исходу кроваваго столкновенія съ войсками революціонными или дурного съ ихъ стороны вліянія на войска правительственныя. Но опасенія за банкъ и казначейство заставляли, повидимому, губернатора торопиться. Минуя вокзалъ, по льду черезъ рѣку Енисей вначалѣ была введена въ городъ только часть бѣлошапочниковъ. 27 декабря они заняли, никого не арестовывая, губернскую типографію, почтовую контору, губернское управленіе, казначейство и государственный банкъ. 28 декабря ихъ было достаточно, чтобы перейти въ болѣе серьезное наступленіе. Въ городѣ было объявлено военное положеніе съ назначеніемъ особаго генералъ губернатора, въ лицѣ г. Рѣдько, бывшаго до войны командиромъ красноярскаго баталіона и возвратившагося съ войны генераломъ. Желѣзнодорожный батальонъ, точнѣе, тѣ его двѣ роты, которыя находились въ Красноярскѣ, было предположено окружить и обезоружить. Батальонъ занималъ въ это время на станціи военный продовольственный пунктъ, находившійся отъ мастерскихъ въ разстояніи 2—3 верстъ. Узнавъ о намѣреніи его арестовать, баталіонъ рано утромъ 29 числа, когда еще было темно, почти въ полномъ составѣ своихъ 2-хъ ротъ и въ полномъ вооруженіи, направился въ желѣзнодорожныя мастерскія и съ частью рабочихъ забаррикадировался въ паровозо-сборномъ цехѣ, занявъ также и часть прилегающей къ нему мѣстности. Дѣйствіе это было неожиданнымъ для администраціи и, хотя она въ тотъ же день обложила цехъ своими войсками, но недостаточно плотно, такъ что весь этотъ день возможны были очень оживленныя сношенія горожанъ съ засѣвшими и уже осажденными. Сношенія эти имѣли цѣлью снабженіе осажденныхъ возможно большимъ количествомъ провизіи для возможно болѣе продолжительной отсидки. Снабженіе провизіей продолжалось и въ слѣдующіе дни съ проходившихъ мимо цеха пассажирскихъ и воинскихъ поѣздовъ. И только въ послѣдніе дни осады были приняты вполнѣ строгія мѣры для изоляціи осажденныхъ.

Съ первыхъ же своихъ часовъ осада ознаменовалась рядомъ безчинствъ со стороны правительственныхъ войскъ. По улицамъ города стало невозможно ходить, такъ какъ возстановлявшіе спокой-

ствіе и порядокъ солдаты битье прикладами почему-то считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей. На моихъ глазахъ, напримѣръ, получилъ на углу Воскресенской улицы и Гадаловскаго пер., т. е. въ центрѣ города, нѣсколько увѣсистыхъ ударовъ прикладомъ въ спину старенькій собранскій лакей, Евстафій, только за то, что онъ не могъ такъ скоро двигаться, какъ хотѣлось прогонявшему его съ угла солдату. И наоборотъ, какой-то другой человѣкъ былъ избитъ тутъ же за то, что пошелъ слишкомъ скоро. Но главное битье происходило вблизи мастерскихъ, въ той мѣстности, гдѣ они подходятъ къ тюрьмѣ. Послѣдняя была главнымъ опорнымъ пунктомъ, главной квартирой осаждающихъ войскъ. Сюда приводили, предварительно избивая, всѣхъ подозрительныхъ лицъ, забранныхъ въ полѣ военныхъ дѣйствій. Среди серьезно пострадавшихъ оказались даже офицеры постороннихъ частей, пробовавшіе убѣдить солдатъ не дѣлать безобразій, и помощникъ начальника мастерскихъ, г. Савицкій, арестованный въ то время, когда онъ шелъ въ контору на службу. Какимъ-то чудомъ, впрочемъ, никого не убили.

Само собой разумѣется, что настроеніе въ городѣ воцарилось страшно подавленное. Всего больше безпокоила участь осажденныхъ. Кромѣ солдатъ, въ количествѣ около 200 человѣкъ, и рабочихъ, тамъ было не мало подростковъ и даже женщинъ, рѣшившихъ исполнять обязанности сестеръ милосердія. Всего въ первое время засѣло человѣкъ 600—700. По меньшей мѣрѣ половина города тѣми или иными нитями была связана съ осажденными и чувствовала себя безсильной чѣмъ-нибудь помочь. Всего больше страшила неизбѣжность при продолжительномъ сопротивленіи огромнаго числа искупительныхъ жертвъ. И съ каждымъ днемъ положеніе становилось все болѣе напряженнымъ, все болѣе тревожнымъ, все болѣе и болѣе грознымъ. Установились сильные въ 30 и болѣе градусовъ морозы; осаждающія правительственныя войска сильно страдали отъ холода и, въ буквальномъ смыслѣ слова, озвѣрѣли.

Первымъ рѣшилъ вмѣшаться въ положеніе, въ цѣляхъ его возможно благополучнаго разрѣшенія, Комитетъ к.-д. партіи. Онъ избралъ 3-хъ делегатовъ для переговоровъ — съ засѣвшими въ цехѣ о необходимости сдаться и—съ генералъ-губернаторомъ объ условіяхъ сдачи. Делегаты были встрѣчены генералъ-губернаторомъ съ нескрываемой радостью. Онъ самъ страшился братоубійственной бойни, вспоминая, что тѣ самые рабочіе, которыхъ онъ теперь вынужденъ осаждать, передъ выступленіемъ на войну поднесли ему икону. Возвратившись съ войны невредимымъ, онъ не можетъ безъ умиленія объ этомъ благословеніи вспомнить.

— «Убѣдите ихъ сдаться, — говорилъ г. Рѣдько, — а я съ своей стороны сдѣлаю все возможное для смягченія ихъ участи. Засѣвшихъ солдатъ я не могу не арестовать, но штатскіе могутъ свободно идти по домамъ».

Напутствуемые пожеланіями успѣха, делегаты отправились съ пропускомъ въ тюремный замокъ, откуда должны были получить провожатыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Изъ тюремнаго замка ихъ повели наискось полемъ въ желѣзно-дорожную школу, сдѣлавшуюся

передовымъ опорнымъ пунктомъ осаждавшихъ. На паравозно-сборный цехъ были наведены пулеметы, и вся мѣстность была усѣяна цѣпями солдатъ, прикрывавшихся заборами, домами и другими строеніями. Школа... Боже, что изъ себя представляла школа! Мамай не могъ бы произвести въ ней большаго разрушенія. Весь полъ былъ усѣянъ разорванными книгами, учебниками, картинами; шкафы разбиты, коллекціи расхищены и испорчены; даже объективъ волшебнаго фонаря былъ зачѣмъ-то истолченъ въ порошокъ. Делегатовъ провели къ офицеру, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе слѣдовать дальше. Оставалось всего нѣсколько шаговъ до «непріятельской» территоріи. Дойдя до палатки, солдаты, улыбаясь, заявили, что дальше провожать они не могутъ. Предстояло еще пересѣчь нейтральную въ 2—3 сажени шириной полосу, раздѣлявшую два параллельно идущихъ длинныхъ забора, и черезъ другую калитку войти во владѣнія осажденныхъ. Махая носовыми платками, делегаты переступили завѣтную черту. Тамъ тоже оказались часовые, которые также пошли доложить по начальству о приходѣ постороннихъ людей. Часовые осажденныхъ и часовые правительственныхъ войскъ мирно бесѣдовали, выглядывая изъ-за заплотовъ. Замѣтивъ, что делегаты разговариваютъ съ однимъ изъ охранниковъ, какой-то старшій прервалъ бесѣду, очевидно, опасаясь вреднаго вліянія. Делегаты почувствовали, что и здѣсь царитъ воинская дисциплина на манеръ той, какую они наблюдали въ только-что оставленномъ правительственномъ лагерѣ.

Посланный возвратился и повелъ делегатовъ въ цехъ. Проходъ и окна были забаррикадированы разнаго рода чугунными плитами и остатками отъ паровозовъ. Предстояло пройти мимо охранниковъ черезъ весь цехъ въ отдѣльную небольшую комнату, гдѣ засѣдалъ теперь Объединенный Совѣтъ депутатовъ отъ с. и р., а раньше помѣщалась цеховая контора. Идя, делегаты раскланивались, имъ отвѣчали, но никто не подходилъ. Въ комнаткѣ собралось человѣкъ 30 народу; это были все разнаго рода выборныя лица; рядовиковъ тамъ не было, и дверь была наглухо заперта. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и сообщеній частнаго характера, приступили къ переговорамъ. Делегаты утверждали, что необходимо сдаться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Совѣтъ выразилъ недовѣріе обѣщаніямъ г. Рѣдько и находилъ, что еще можетъ держаться. Высказывались надежды на поддержку города, на поддержку провозимыхъ солдатъ, постоянно кричавшихъ съ мимо проходящихъ поѣздовъ: «держитесь, товарищи», и бросавшихъ краюхи хлѣба; на перемѣну настроенія правительственныхъ войскъ, уже будто бы поддающихся пропагандѣ, которую осажденные вели черезъ часовыхъ.—«Сначала ничего слушать не хотѣли,—говорили члены Совѣта,—а теперь разговоры ведутъ охотно и только насчетъ республики непоколебимы, а въ остальномъ соглашаются».

Подъ конецъ бесѣды Совѣтъ просилъ передать генералъ-губернатору, что осажденные первыми стрѣлять не будутъ, и что, доведенные до крайности, они взорвутся на воздухъ, для чего у нихъ имѣется достаточно взрывчатыхъ матерьяловъ.

Делегаты попросили позволенія поговорить съ остальными осажден-

ными. Имъ въ этомъ было отказано. Оставалось только уйти. Ихъ проводили до калитки.

— Ну, какъ скоро будетъ замиреніе?—съ тревогой въ голосѣ спрашивали правительственные солдаты. «Неизвѣстно»—пришлось отвѣтить делегатамъ, и видно было, что это сообщеніе легло грустной тѣнью на лицахъ осаждающихъ.

Вѣсть о посѣщеніи цеха представителями к.-д. партіи быстро разнеслась по городу, и попытка вызвала подражаніе. На другой же день и съ такимъ же успѣхомъ въ цехѣ побывали делегаты Сибирскаго Областного Союза. Разрѣшенія поговорить съ рядовиками и они не получили.

Наконецъ, въ дѣло рѣшила вмѣшаться городская дума. На засѣданіе ея прибылъ губернаторъ г. Соколовскій. Гласные убѣждали губернатора не принимать по отношенію къ осажденнымъ рѣшительныхъ и кровопролитныхъ мѣръ, такъ какъ это будетъ сопровождаться разрушеніемъ зданій мастерскихъ и неминуемо вызоветъ забастовку рабочихъ, что въ свою очередь приведетъ къ пріостановкѣ въ перевозкѣ войскъ, идущихъ съ Дальняго Востока, и къ разгрому ими города. Уходя съ засѣданія, губернаторъ обѣщалъ подождать разультатовъ, какія получатся отъ переговоровъ делегатовъ городской думы съ осажденными. Дума выбрала делегацію изъ 3-хъ гласныхъ, поручивъ ей отправиться въ цехъ на другой же день утромъ и уговорить осажденныхъ сдаться въ интересахъ города, если не самихъ себя.

Но вопреки обѣщанію губернатора, съ утра того дня, въ который думская делегація должна была посѣтить цехъ (помнится, это было 2 января), правительственныя войска открыли ружейный огонь и пальбу изъ пулеметовъ. Осажденные отвѣчали. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шла ужасная ружейная трескотня. Горожане волновались, рисуя себя, въ виду огромнаго количества выпущеннаго свинца, страшныя картины изъ убитыхъ и раненыхъ. Городскіе делегаты и делегатъ отъ Сибирскаго Областного Союза (считавшіе, что наканунѣ они были въ цехѣ недостаточно рѣшительны въ уговорахъ) кинулись къ генералъ-губернатору, умоляя прекратить стрѣльбу и разрѣшить еще разъ переговорить съ осажденными. На этотъ разъ г. Рѣдько былъ уже не столь уступчивъ. Онъ заявилъ, что и штатскія лица будутъ арестованы, такъ какъ это требуютъ гражданскія власти, въ виду наличности убитыхъ среди правительственныхъ войскъ (всего было убито два человѣка).

Только къ вечеру делегатамъ удалось попасть въ цехъ. Среди осажденныхъ совсѣмъ не оказалось убитыхъ и очень немного сравнительно легко раненыхъ. Металлическія загражденія блестяще выполнили свое назначеніе. Но осажденные понесли серьезный уронъ съ другой стороны. Огромныя окна цеха и особенно его стеклянная крыша были пробиты пулями и въ массу образовавшихся такимъ образомъ мальенькихъ дыръ свободно проникалъ теперь 10-ти градусный наружный холодъ. Въ цехѣ было уже очень свѣжо и какъ слѣдуетъ обогрѣться было негдѣ; одной маленькой комнатки, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, на всѣхъ хватить не могло. Прохладная температура, несомнѣнно, охлаждала и настроеніе. Правда, Совѣтъ продолжалъ

упорствовать, но на этотъ разъ делегатамъ удалось перенести разговоры изъ изолированной совѣтской комнатки въ самое зданіе цеха и... рядовая масса оказалась не на сторонѣ своихъ вожаковъ. Большинствомъ голосовъ было принято рѣшеніе сдаться. Не могу не отмѣтить, что глава революціонныхъ солдатъ, офицеръ Кузьминъ, всегда былъ противъ злоупотребленій властью; по духу это былъ наиболѣе демократичный изъ вожаковъ. На городскихъ делегатовъ корректностью своего поведенія онъ произвелъ глубокое и чрезвычайно выгодное впечатлѣніе; во время доклада въ Думѣ о результатахъ своей миссіи они говорили о Кузьминѣ не иначе, какъ въ восторженныхъ выраженіяхъ, и называли его рыцаремъ.

Принимая рѣшеніе сдаться, солдаты просили делегатовъ выговорить право сидѣть подъ арестомъ не въ тюрьмѣ, а въ какомъ-нибудь военномъ зданіи; рабочіе же и остальные штатскіе просили делегатовъ присутствовать при сдачѣ, справедливо полагая, что на глазахъ представителей города военныя власти примутъ болѣе энергичныя мѣры къ тому, чтобы обозленные морозами солдаты не позволяли себѣ безчинствъ по отношенію къ побѣжденнымъ.

Сдача состоялась на другой день въ присутствіи уполномоченныхъ отъ города и нѣсколькихъ горожанъ. Но ни Кузьмина, ни другихъ извѣстныхъ вожаковъ революціоннаго движенія, кромѣ одного Мельникова, среди сдавшихся не оказалось. Не полагаясь на успѣхъ ходатайствъ городской думы и генералъ-губернатора о смягченіи ихъ участи, они предпочли ночью скрыться, и общій голосъ въ городѣ былъ тотъ, что прекрасно сдѣлали. Самая сдача происходила при такихъ условіяхъ, что очень многіе изъ рабочихъ и интеллигентовъ ушли въ разныя стороны и по домамъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать между двумя рядами войскъ и въ тюрьму. Солдатъ дѣйствительно помѣстили вначалѣ отдѣльно въ одной изъ военныхъ казармъ, но впослѣдствіи данное имъ обѣщаніе было нарушено и они были переведены въ тюремный замокъ.

Началась работа судебныхъ властей. Въ первые же дни были выпущены подростки и дѣвушки, игравшія роль сестеръ милосердія. Во время путешествій изъ тюрьмы къ слѣдователю многіе бѣжали. Съ нетерпѣніемъ ждали, когда бѣжитъ Мельниковъ. Но онъ какъ на зло оставался, а въ тюрьмѣ между тѣмъ въ виду многочисленныхъ побѣговъ принимались строгія предупредительныя мѣры. Казалось, что онъ обрекъ себя на гибель. Но наконецъ и онъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сидѣнья найдя, повидимому, что среди заключенныхъ уже больше нечего дѣлать, рѣшился на побѣгъ и благополучно его выполнилъ. Нѣтъ сомнѣнія что побѣги удачно проходили, благодаря благосклонному къ нимъ отношенію со стороны охранявшихъ тюрьму солдатъ.

Слѣдствіе тянулось очень долго и все время до роспуска Государственной Думы жила надежда, что вотъ-вотъ будетъ опубликована амнистія. Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Къ счастью, еще среди лѣта арестованные рабочіе были освобождены подъ залоги отъ 100 до 200 рублей. Денегъ предстояло внести не мало; но они были найдены. Большую часть внесли желѣзнодорожныя мастерскія; недостававшее дали горожане.

Черезъ 13 мѣсяцевъ состоялся наконецъ судъ. Конечно, это былъ военный судъ. Но и онъ не вынесъ ни одной смертной казни.

По резолюціи отъ 3 февраля 1907 года нижніе воинскіе чины были приговорены: 9—лицъ къ каторжнымъ работамъ на сроки отъ 4 до 8 лѣтъ; 101—въ арестанскія отдѣленія на сроки отъ 1 года до 3 лѣтъ; 4—въ дисциплинарный батальонъ и 1 къ аресту на 3 дня. Лица гражданскаго вѣдомства, съ зачетомъ предварительнаго заключенія, приговорены: 45—въ исправительный домъ на время отъ 1 до 2 лѣтъ и 37—въ тюрьму на время отъ 1 мѣсяца до 1 года.

Досидятъ-ли они до конца или новая освободительная волна до срока разобьетъ ихъ оковы?..

П. К—въ.

Воспоминанія изъ жизни въ ссылкѣ.

(*Посвящаются памяти Л. Ф. Яновича*).

Свои воспоминанія я посвящаю памяти одного изъ выдающихся борцовъ и мучениковъ русскаго революціоннаго движенія и лучшаго человѣка, который встрѣтился на моемъ жизненномъ пути. Я не претендую на то, чтобы дать полную характеристику личности Л. Ѳ. Яновича,—чтобы нарисовать во весь ростъ такую сложную, глубокую и несомнѣнно крупную личность, какой былъ покойный Л. Ѳ.,—нужна рука художника. Я лишь пишу воспоминанія о томъ, что мнѣ пришлось пережить и пречувствовать вмѣстѣ съ нимъ и описываю его такъ, какъ его образъ выступилъ передо мной на фонѣ жизни въ ссылкѣ.

Наше знакомство состоялось 22 февраля 1900 г. въ Средне-Колымскѣ. Яркій февральскій день смѣнился густыми сумерками, когда наши нарты выѣхали изъ тощаго лиственичнаго лѣска, окружающаго „городъ", и передъ нами открылся видъ на унылый поселокъ. Крошечныя избушки безъ крышъ и безъ дворовъ были безпорядочно разбросаны на большомъ разстояніи одна отъ другой и казалось тонули въ сугробахъ снѣга. Снаружи онѣ были обморожены для тепла снѣгомъ съ водой; ихъ ледяныя окна весело сіяли, освѣщенныя изъ внутри огнемъ топящихся камельковъ; надъ каждой трубой высоко взвивался столбъ искръ. Это придавало обычно печальной картинѣ веселый видъ ледяныхъ иллюминованныхъ домиковъ. Вотъ онъ пресловутый Колымскъ, конечный пунктъ нашихъ скитаній! Здѣсь намъ предстояло прожить 7 лѣтъ. Я съ жаднымъ любопытствомъ всматривалась въ окружающіе предметы, стараясь предугадать по нимъ, что за жизнь ожидаетъ насъ здѣсь. Вотъ мы и въ „городѣ". Появленіе нашихъ нартъ на пустынныхъ улицахъ, Колымска тотчасъ было замѣчено. По улицамъ забѣгали и засуетились какія-то фигуры и вскорѣ насъ остановили два человѣка съ интеллигентными европейскими физіономіями. Это были ссыльные Строжецкій и Калашниковъ. Оказалось, что о нашемъ пріѣздѣ давно уже знали въ Колымскѣ, насъ поджидали и приготовили намъ квартиру. Послѣ первыхъ привѣтствій новые товарищи предложили намъ слѣдовать за ними къ избѣ, занимаемой ссыльнымъ Цыперовичемъ, гдѣ насъ предпола-

гали временно помѣстить. Квартира Ц. была типичнымъ жилищемъ колымскаго ссыльнаго: изба въ одну комнату, замороженная снаружи, со льдинами вмѣсто стеколъ, съ плоской крышей, она и внутри не отличалась большимъ благоустройствомъ. Дверь, обитая коровьей шкурой, вела прямо съ улицы въ единственную комнату, служившую спальной, кабинетомъ и кухней. Всю стѣну противъ входной двери занималъ большой столъ, на которомъ въ порядкѣ были сложены книги и тетради; на стѣнѣ полка съ книгами, въ углу кровать сколоченная изъ досокъ, скамейка у стола, одинъ—два табурета—вотъ и вся обстановка. Въ углу избы близъ входной двери ярко пылалъ большой камелекъ. Не успѣли мы раздѣться и познакомиться съ хозяиномъ квартиры, какъ изба наполнилась ссыльными, которые торопливо сбѣгались со всѣхъ концовъ Колымска, спѣша скорѣе познакомиться съ новыми товарищами, узнать отъ нихъ, что дѣлается на свѣтѣ, получить письма и свѣжія газеты. Только тотъ, кто живалъ въ далекой ссылкѣ, знаетъ какимъ крупнымъ событіемъ въ жизни колоніи ссыльныхъ являтся пріѣздъ новыхъ товарищей, сколько бываетъ связано съ нимъ надеждъ, ожиданій, сколько подчасъ разочарованій и огорченій, только тотъ пойметъ, почему съ такимъ волненіемъ ссыльные ждутъ пріѣзда новыхъ людей. Мы стали знакомиться съ колымчанами. Пошли разспросы о жизни на волѣ, объ общихъ знакомыхъ, о дѣлѣ по которому попали въ ссылку, хотѣлось, наконецъ, знать, кто какого толка и къ какой принадлежитъ организаціи.

„А вотъ и Яновичъ!“, сказалъ кто-то. Я быстро обернулась къ двери. Мнѣ уже раньше въ Якутскѣ пришлось слышать о Людвигѣ Ѳомичѣ, какъ о человѣкѣ выдающемся и его личность возбуждала во мнѣ большой интересъ. Въ дверь вошелъ человѣкъ выше средняго роста, худощавый въ короткомъ романовскомъ полушубкѣ, шапкѣ съ наушниками и высокихъ валеныхъ сапогахъ. Когда онъ снялъ шапку и шарфъ, я увидѣла блѣдное нѣжное лицо, обрамленное темной бородой съ карими большими глазами необыкновенно печальными и добрыми. Лицо это поражало каждаго, кто видѣлъ его хоть разъ: оно было прекрасно своей полной одухотворенностью, печать трагизма лежала на немъ. „А мы давненько ужъ васъ поджидаемъ“, сказалъ онъ, знакомясь съ нами. Голосъ у него былъ нѣжный мягкаго тембра, говорилъ онъ нѣсколько застѣнчиво съ легкимъ заиканіемъ, которое становилось замѣтнымъ только тогда, когда Л. Ѳ. бывалъ чѣмъ нибудь взволнованъ. Его манеры были благородны, въ нихъ сказывался человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе, а въ мягкомъ деликатномъ обращеніи съ людьми сквозило много сердечной доброты. Намъ пришлось повторить ему то немногое, что мы уже разсказывали другимъ товарищамъ. Съ первыхъ-же словъ въ немъ чувствовалась высокая степень духовной культурности, дальнѣйшая бесѣда обнаруживала серьезный, глубокій умъ и обширныя познанія. Въ этотъ первый вечеръ знакомства мы недолго видѣлись съ Л. Ѳ. Я такъ утомилась отъ безконечной ѣзды по холоду,

что нуждалась въ немедленномъ отдыхѣ, а потому товарищи поспѣшили оставить насъ однихъ, но первое-же впечатлѣніе отъ личности Яновича и у меня и у мужа было необыкновенно сильное и хорошее. Наши сердца открылись навстрѣчу ему, почва для дружбы была подготовлена, и, дѣйствительно, впослѣдствіи между нами установились самыя теплыя, дружескія отношенія.

На слѣдующій день я съ мужемъ навѣстили Л. Ѳ. въ его квартирѣ. Онъ въ то время завѣдывалъ библіотекой колоніи и жилъ въ домѣ, отведенномъ подъ нее. Библіотека состояла приблизительно изъ 2000 томовъ и была составлена новой ссылкой частью изъ книгъ, оставшихся отъ прежнихъ ссыльныхъ (80-хъ и начала 90-хъ годовъ), частью изъ новыхъ книгъ, привезенныхъ новымъ поколѣніемъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами Людвигъ Ѳомичъ употребилъ много времени и усилій, чтобы привести въ порядокъ разрозненныя и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги, подобрать ихъ, по отдѣламъ, переплести растрепанные экземпляры и составить каталоги. Когда все это было закончено, онъ пріобрѣлъ домъ и подарилъ его колоніи подъ библіотеку. Съ тѣхъ поръ выборный библіотекарь имѣлъ право на даровое помѣщеніе при библіотекѣ. Колымская библіотека помѣщалась въ довольно просторной, съ очень низкимъ потолкомъ избѣ, которая была перегорожена на двѣ комнаты—переднюю съ камелькомъ, предназначенную для квартиры библіотекаря, заднюю—библіотеку. Эта послѣдняя была почти сплошь заставлена полками съ книгами, стоявшими вдоль стѣнъ и среди комнаты, и перегораживщими ее на два узкіе корридорчика. Въ передней комнатѣ съ камелькомъ, которую занималъ Л. Ѳ., прежде всего бросался въ глаза большой столъ, заваленный множествомъ книгъ на разныхъ языкахъ преимущественно экономическаго содержанія, тетрадями, отдѣльными листками, картограммами, таблицами и проч. рукописнымъ матеріаломъ. На столѣ, казалось, царилъ полный хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться но это только казалось постороннему наблюдателю: на самомъ дѣлѣ безпорядокъ былъ чисто внѣшній, за нимъ скрывалась система. Самъ Л. Ѳ. прекрасно оріентировался въ этомъ хаосѣ и моментально находилъ необходимую ему тетрадь съ выписками или таблицу. Безпорядокъ царилъ не только на столѣ, но и во всей комнатѣ—видно было, что ее рѣдко убираютъ и мало заботятся о самомъ примитивномъ благоустройствѣ и комфортѣ. Обстановка и весь видъ были настолько убоги, что выдѣлялись этимъ даже на общемъ фонѣ убожества колымской жизни.

Я спросила Людвига Ѳомича, чѣмъ онъ занимается и узнала, что любимыя его науки—исторія, географія и статистика. „Статистика—моя слабость“,—сказалъ онъ, застѣнчиво улыбнувшись. Тутъ же онъ показалъ намъ свои тетради, исписанныя мелкимъ четкимъ почеркомъ. Онѣ были заполнены множествомъ выписокъ изъ разныхъ книгъ и журнальныхъ статей по экономическимъ вопросамъ, исторіи, государствовѣдѣнію и проч. Мелкія изящныя цыфры покрывали цѣлыя страницы. Это были данныя о развитіи

промышленности, сельскаго хозяйства и торговли, о народномъ образованіи, ростѣ народонаселенія, политическихъ партіяхъ въ Зап. Европѣ, ихъ ростѣ и соотношеніи силъ въ каждой. Мнѣ этотъ матеріалъ показался сухимъ, но для Л. Ѳ. эти факты и цифры не были мертвы, для него они освѣщались одной руководящей идеей—идеей борьбы за соціалистическій строй, они рисовали ему положеніе каждой страны въ настоящемъ и открывали ему перспективы ея историческаго развитія въ будущемъ; по нимъ онъ всегда могъ учесть соотношеніе силъ арміи трудящихся и ихъ угнетателей. Глубоко преданный дѣлу соціализма, онъ старательно собиралъ матеріалъ, касающійся соціалистическаго движенія всѣхъ странъ міра; этотъ матеріалъ онъ обработывалъ съ особенной любовью и тщательностью. Въ каждый данный моментъ отъ него можно было получить самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о ростѣ и развитіи соціалистическаго движенія въ любой странѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха мы стали устраиваться и приспособливаться къ новой жизни. Людвигъ Ѳомичъ, утомленный продолжительнымъ библіотекарствомъ, сдалъ свои обязанности моему мужу и мы поселились въ библіотекѣ, которую онъ покинулъ, перебравшись временно къ Ц. Мы вступали въ новую жизнь. Эта жизнь была мало привлекательна. Мы были оторваны отъ всего, чѣмъ жили раньше, что составляло смыслъ и давало содержаніе нашей жизни. Намъ предстояло существованіе безъ цѣли, безъ живого дѣла и впечатлѣній, въ условіяхъ примитивнаго хозяйства. Единственной связью съ далекимъ живымъ міромъ являлась для насъ почта. Въ наше время почта приходила 8—9 разъ въ году; она приносила груду газетъ и журналовъ, выписываемыхъ колоніей, а нѣкоторымъ счастливцамъ и письма. Съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ ждали мы каждый разъ ея прихода, какъ волновались, доходя почти до галлюцинацій, и какое горькое разочарованіе и уныніе испытывали всякій разъ тѣ, кому пришедшая почта не приносила ничего съ далекой родины, никакой вѣсточки о дорогихъ людяхъ, о дорогомъ дѣлѣ! Случалось, что послѣ долгихъ мѣсяцевъ напрасныхъ ожиданій, приходило, наконецъ, письмо, но оно приносило такія вѣсти, что было бы лучше не получать его совсѣмъ. Такъ намъ предстояло прожить долгіе годы и если мы легко и бодро вступили въ эту жизнь, не обѣщавшую намъ ничего хорошаго, то этимъ мы въ значительной степени были обязаны дружескому участію, съ какимъ насъ встрѣтили наши новые товарищи въ Колымскѣ. Мы всѣ жили тѣснымъ дружнымъ кружкомъ, взаимно поддерживая и помогая другъ другу; каждый изъ насъ въ отдѣльности былъ слабъ и безпомощенъ въ этихъ условіяхъ существованія, а потому простой инстинктъ самосохраненія требовалъ отъ насъ сплоченности. Мы представляли собою замкнутую корпорацію, нашимъ лозунгомъ было—всѣ за одного, одинъ за всѣхъ! У насъ выработались и сложились свои традиціи,—традиціи колымской ссылки; одной изъ этихъ традицій, которой мы особенно дорожили, было—не

просить никогда пощады у врага, никогда не обращаться къ администраціи съ просьбами объ улучшеніи своего положенія. Вся наша небольшая (17—18 человѣкъ) колонія вела трудовую жизнь; всѣмъ приходилось исполнять разныя хозяйственныя работы, но помимо того большинству былъ необходимъ заработокъ. Единственная отрасль интеллигентнаго труда, находившая себѣ примѣненіе въ Колымскѣ, была медицина. Обучать дѣтей въ то время намъ было строжайше запрещено, а другія знанія совершенно не къ чему было примѣнить; поэтому товарищи, знавшіе ремесла, находились въ лучшемъ положеніи по сравненію съ незнающими и неимущими. Трое ссыльныхъ съ медицинскимъ образованіемъ занимали должности при мѣстной больницѣ—врача, фельдшерицы и акушерки; остальные работали въ качествѣ плотниковъ, печниковъ, рыболововъ. Намъ съ мужемъ тоже необходимъ былъ заработокъ, но такъ какъ мужъ не зналъ никакого ремесла, то ему пришлось заняться несложной, но довольно тяжелой работой—мѣсить изъ глины кирпичи и изъ нихъ складывать печи и камельки по заказу мѣстныхъ обывателей. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ усерднѣе заняться домашнимъ хозяйствомъ. Все наше время было заполнено трудомъ, отъ физическаго труда мы переходили къ умственному. Всѣ свободные часы посвящались чтенію по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ чувствовались наибольшіе пробѣлы, изученію языковъ, взаимному обученію. Тѣ изъ насъ, которые не нуждались въ заработкѣ, могли все свое время отдавать самообразованію и литературнымъ работамъ. Вообще, можно сказать, что отличительными чертами колымской колоніи того времени были трудовой тонъ жизни и высокій уровень умственныхъ интересовъ. Въ обычное время мы учились; когда же приходила почта, мы съ жадностью набрасывались на газеты и журналы, вышедшіе три иногда и 5 мѣсяцевъ тому назадъ, мы переживали и волновались событіями, которыя уже давно были пережиты и сдѣлались достояніемъ прошлаго во всѣхъ цивилизованныхъ мѣстахъ. Такъ переживали мы англо-бурскую войну, за развертывающимися событіями которой слѣдили съ неослабнымъ интересомъ. Идейныя теченія соціализма, главнымъ образомъ „бернштейніанство“, волновали умы колымской ссылки. Не мало копій было поломано сторонниками и противниками этого теченія въ словесныхъ турнирахъ. Конгрессы Зап.-Европейскихъ соціалистическихъ партій составляли цѣлую эпоху въ нашей жизни. Съ какимъ интересомъ за ними слѣдили въ Колымскѣ, сколько споровъ вызывала та или иная резолюція! Все это давало пищу нашимъ умамъ, отвлекало отъ неприглядной дѣйствительности и являлось для насъ нѣкоторымъ суррогатомъ жизни въ этомъ краю. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей серьезно занимались изученіемъ того или иного вопроса, поскольку это было возможно въ условіяхъ колымской жизни, но больше всѣхъ работалъ на поприщѣ умственнаго труда Людвигъ Ѳомичъ. Научныя занятія заполняли все его время—они были цѣлью его жизни въ ссылкѣ; его работы велись въ системѣ, по

опредѣленному плану, съ опредѣленной цѣлью и были вполнѣ серьезными научными трудами. Нѣтъ сомнѣнія, что его обширныя знанія, его громадная трудоспособность, гибли безплодно въ глухомъ краю. Но даже тамъ за 10000 верстъ отъ культурныхъ центровъ, въ далекомъ, гибломъ Колымскѣ, являющемся предѣломъ убожества человѣческаго существованія, онъ работалъ неустанно, собирая откуда только возможно матеріалъ, и сумѣлъ дать весьма серьезное изслѣдованіе по исторіи развитія польской промышленности. Эта статья, написанная въ отвѣтъ на книгу извѣстной польской соціаль-демократки Р. Люксембургъ, опровергаетъ цѣлымъ рядомъ историческихъ документовъ и статистическихъ данныхъ распространенное мнѣніе, защищаемое польской писательницей, по которому развитіе и процвѣтаніе польской промышленности создалось исключительно благодаря покровительственной системѣ русскаго правительства; безъ покровительства русскаго двухглаваго орла и безъ русскихъ рынковъ промышленность Польши должна была бы заглохнуть; а такъ какъ съ развитіемъ промышленности тѣсно связано благосостояніе и духовный ростъ пролетаріата, то судьбы польскаго пролетаріата и соціалистическаго движенія въ Польшѣ, по мнѣнію Р. Люксембургъ, всецѣло зависятъ отъ совмѣстнаго существованія Польши и Россіи. Первыя три главы этой статьи, написанной первоначально по-польски, были напечатаны въ „Научномъ Обозрѣніи“ за 1902 г. подъ заглавіемъ „Очеркъ развитія польской промышленности“, за подписью Я. Иллиничъ. Эта статья сразу была замѣчена и оцѣнена въ экономической литературѣ, какъ серьезный трудъ; на нее стали ссылаться. Редакція предложила Л. Ѳ. постоянное сотрудничество въ своемъ журналѣ, но это предложеніе было получено уже послѣ его смерти. Кромѣ этой научной статьи Л. Ѳ. написалъ въ Колымскѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ воспоминаній— о Шлиссельбургской крѣпости, о казни надъ пролетаріатцами, автобіографическіе очерки. Все это, написанное на польскомъ языкѣ, было напечатано въ одномъ изъ партійныхъ органовъ Польской Соціалистической Партіи (P. P. S), къ которой онъ примыкалъ по воззрѣніямъ. Страстно любя науку и отдавая ей много времени, Л. Ѳ. тѣмъ не менѣе не былъ и не могъ бы сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ. Жизнь съ ея борьбой и страданіями неудержимо влекла его къ себѣ. Онъ любилъ науку какъ самоцѣль, какъ можетъ любить ее высокоразвитый умъ, жаждущій непрерывной интеллектуальной дѣятельности, но еще больше онъ любилъ ее какъ средство къ познанію той правды-истины, правды-справедливости, къ которой всю жизнь стремилась его пламенная душа, жаждавшая борьбы и подвига.

Отличительной чертой его, какъ ученаго, была необыкновенная добросовѣстность: легкомысленнаго обращенія съ фактами, малѣйшей натяжки въ выводахъ онъ просто не выносилъ—они его глубоко отталкивали. Онъ пересталъ читать статьи довольно извѣстнаго заграничнаго корреспондента, сотрудничающаго въ

одномъ изъ толстыхъ журналовъ, съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился, что тотъ недостаточно добросовѣстно обращается съ фактическимъ матеріаломъ.—„Я не понимаю такого отношенія къ дѣлу“ говорилъ Людвигъ Ѳомичъ, нѣсколько волнуясь,—„по моему это неуваженіе къ читателю“.—Самъ онъ въ своихъ статьяхъ и спорахъ выступалъ всегда во всеоружіи знанія и къ другимъ въ этомъ отношеніи предъявлялъ высокія требованія. Случалось иногда, что какой нибудь любитель поспорить выступалъ въ спорѣ смѣло, но безъ достаточныхъ знаній. Въ такихъ случаяхъ Л. Ѳ. обрушивался съ безпощадной критикой и самоувѣренному спорщику приходилось плохо, но и здѣсь онъ старался не показать личнаго превосходства и не задѣть самолюбія противника. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и никогда не стремился блистать. Въ спорахъ онъ охотно принималъ участіе, но относился къ нимъ такъ же серьезно, какъ вообще ко всякому дѣлу, за которое принимался. Онъ никогда не спорилъ только для того, чтобы одержать побѣду въ словесномъ турнирѣ, а лишь чтобы доказать истину. Знанія его въ области экономическихъ вопросовъ, исторіи, особенно политической, и государствовѣдѣнія были громадны, память у него была превосходная, и опровергнуть его въ спорѣ бывало очень трудно. Это былъ человѣкъ европейски образованный и ученый политикъ по призванію. Живи онъ въ культурныхъ условіяхъ Западной Европы, онъ несомнѣнно занялъ-бы выдающееся мѣсто въ качествѣ лидера одной изъ соціалистическихъ партій, но русская дѣйствительность не могла дать ему ничего кромѣ 11 лѣтъ каторжнаго шлиссельбургскаго режима и смерти въ холодной далекой странѣ. Насколько Л. Ѳ. любилъ умственный трудъ, настолько же онъ былъ равнодушенъ къ физическому. Онъ всегда готовъ былъ просто и безъ ропота приняться за какую угодно работу, разъ это было нужно, но приспособиться къ ней ему бывало трудно, и она не доставляла ему никакого удовольствія. Въ ссылкѣ, куда онъ попалъ въ 1897 г. по выходѣ изъ Шлиссельбурга, Л. Ѳ. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью. Обаяніе его личности распространялось рѣшительно на всѣхъ, часто даже на совершенно некультурныхъ людей, которые инстинктивно чувствовали въ немъ прекрасную возвышенную душу. Онъ былъ для насъ высшимъ нравственнымъ авторитетомъ. По общему признанію колымскихъ товарищей, тотъ высокій тонъ жизни, которымъ такъ выгодно выдѣлялась наша колонія изъ ряда другихъ ссыльныхъ колоній, въ значительной степени создался подъ вліяніемъ личности Л. Ѳ. Онъ былъ противникомъ ссоръ и вражды въ товарищеской средѣ, малѣйшая грубость и несправедливость въ взаимныхъ отношеніяхъ между ссыльными его глубоко огорчала; благодаря его личному вліянію, мелкія тренія, неизбѣжныя при постоянномъ соприкосновеніи и безцѣльности жизни въ ссылкѣ, проходили безслѣдно и никогда не выносились на поверхность колоніальной жизни. Онъ былъ какъ бы признаннымъ третейскимъ судьей. Самъ онъ былъ до крайности добръ и снисходителенъ къ людямъ. Какъ умѣлъ онъ понимать

и прощать слабости человѣческой души въ другихъ и какъ былъ строгъ къ себѣ! Только одного онъ не могъ простить, это—отсутствія чести и достоинства въ личномъ поведеніи и каждый разъ становился неумолимо суровымъ къ тому, кто нарушилъ тотъ высокій кодексъ чести, который, по его понятіямъ, долженъ былъ поддерживать каждый изъ насъ. Въ немъ отражались честь и совѣсть нашей колоніи Онъ былъ какъ бы воплощеніемъ этой чести и достоинства.—Мягкость и нѣжность характера уживались въ немъ съ непреклонной силой воли и страшной рѣшимостью, которыя выступали всякій разъ, когда мирное теченіе жизни внезапно нарушалось и приходилось лицомъ къ лицу становиться съ разрѣшеніемъ сложныхъ, острыхъ вопросовъ. Это была прекрасная гармоническая натура. Въ немъ счастливо совмѣщались ученый и пламенный борецъ, нѣжная, кристаллически чистая душа и безстрашный боецъ, готовый каждую минуту поставить на карту и свою и чужую жизнь. Душа его была чиста и серьезна, какъ звукъ органа... Онъ страсно рвался къ жизни, къ борьбѣ, а ему предстояло неопредѣленно долго влачить существованіе въ Колымскѣ. Было больно и тяжело смотрѣть на это горѣніе... Одинъ только годъ мнѣ пришлось прожить съ Л. Ѳ. въ Колымскѣ, но за этотъ годъ я имѣла возможность близко и хорошо узнать его и я съ мужемъ полюбили его со всей теплотой и нѣжностью дружеской опривязанности.

Всѣ члены колоніи часто видѣлись между собой, а библіотека въ силу своего общественнаго назначенія, была мѣстомъ особенно часто посѣщаемымъ. Л. Ѳ. тоже любилъ заходить къ намъ въ библіотеку отдохнуть отъ работъ, сыграть партію въ шахматы, поговорить. Но иногда онъ пропадалъ на нѣсколько дней: это случалось, или когда онъ бывалъ увлеченъ работой, или когда переживалъ особенно тяжелыя минуты тоски. Тогда онъ еще больше уходилъ въ себя, его постоянно печальный взглядъ принималъ мрачный оттѣнокъ, выраженіе затаенной муки сквозило въ его потемнѣвшихъ чертахъ. Въ такихъ случаяхъ приходилось итти къ нему, нарушать его одиночество. Это было положительно необходимо: самъ онъ никогда не думалъ объ отдыхѣ и объ удобствахъ жизни. Обстановка, въ которой онъ жилъ, производила тяжелое впечатлѣніе; это было такое полное пренебреженіе къ матеріальной сторонѣ жизни, какого я раньше никогда не встрѣчала, эта сторона жизни какъ будто не существовала для него, но она отмщала ему, унося его здоровье. Какъ товарищъ, онъ тоже стоялъ выше всѣхъ другихъ. Чувство личной собственности у него совсѣмъ не было развито: онъ раздавалъ все, что имѣлъ. Изъ той ничтожной суммы денегъ, которой онъ располагалъ (400 р. въ годъ) онъ ухитрялся удѣлять на революціонную работу, на общественныя дѣла колоніи, щедрой рукой оказывалъ товарищескую помощь нуждающимся, что всегда сохранялъ въ строгой тайнѣ, и только остатокъ расходовалъ на

себя. Конечно, того, что онъ получалъ, никогда не хватало, и ему приходилось прибѣгать къ сложнымъ финансовымъ операціямъ, чтобы временно покрыть дефицитъ. Благодаря всему этому онъ отказывалъ себѣ подчасъ въ самомъ необходимомъ—пилъ чай безъ сахара, сохраняя его только для гостей, питался кускомъ мяса, свареннымъ въ водѣ, которую выплескивалъ потому, что варить супъ было некогда. Ему не хватало времени для заботъ о пищѣ, жилищѣ, одеждѣ, и если онъ имѣлъ приличный видъ въ своемъ до крайности поношенномъ костюмѣ, то лишь въ силу того характера благородства, которымъ была отмѣчена его наружность. Когда бы къ нему ни приходили, его всегда заставали за чтеніемъ, литературными работами, составленіемъ таблицъ, рисованіемъ картограммъ, которыя онъ приготовлялъ чрезвычайно быстро и изящно. Остатокъ времени приходилось отдавать товарищеской средѣ и общественной жизни колоніи. Не было никакой возможности уговорить его измѣнить образъ жизни. Сколько мы всѣ ни старались повліять на него въ этомъ отношеніи, это ровно ни къ чему не приводило, онъ отшучивался и оставался при своемъ, а между тѣмъ для другихъ онъ признавалъ необходимыми и удобства и радости. Онъ всегда испытывалъ большое удовольствіе, когда могъ хоть немного скрасить жизнь товарищей. Надо было видѣть радость Л. Ѳ., когда, онъ, получивъ изъ дому посылку съ разными вещами—книгами, платьемъ, сластями,—спѣшилъ раздарить товарищамъ все, кромѣ книгъ, стараясь внести въ этотъ дѣлежъ возможно больше справедливости. Стремленіе къ справедливости и равенству было одной изъ основныхъ чертъ его характера и сказывалось у него даже во всѣхъ мелочахъ. Л. Ѳ. 5 лѣтъ прожилъ въ условіяхъ колымской ссылки; жизнь его въ Колымскѣ помимо общихъ тяжелыхъ условій сложилась очень печально—ему пришлось пережить сначала самоубійство товарища Гуковскаго и, наконецъ, еще одну драму, которая измучила его нравственно и физически. Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ нимъ переживать тяжелыя минуты, когда жизнь неожиданно поставила передъ нами вопросъ, требующій настойчиваго разрѣшенія и тогда его духовный образъ выступилъ передо мной во весь свой ростъ.

II.

Въ Колымскѣ наступала весна. Всѣ мы, изнервничавшіеся за долгую полярную зиму, ждали ее съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Въ концѣ мая прошла Колыма и у насъ открылся лѣтній сезонъ. Короткое лѣто за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ тоже имѣетъ свои прелести. Яркій свѣтъ полярнаго лѣтняго солнца, не скрывающагося за горизонтомъ, ослѣпительно блестящій въ ночные часы, зелень разнообразныхъ мягкихъ оттѣнковъ, красивые сѣверные цвѣты безъ запаха—все это холодно и сурово, но своеобразно красиво. Мы всѣ послѣ зимы спѣшили насладиться свѣтомъ и тепломъ короткаго сѣвернаго лѣта. Все свободное время мы про-

водили на воздухѣ, устраивали прогулки, катанье съ парусомъ на лодкѣ, не считались даже съ тучами комаровъ, которые въ этомъ краю положительно отравляютъ жизнь всякаго существа. Я чувствовала себя утомленной этой первой полярной зимой, она казалась мнѣ мучительно долгой, поэтому, когда наступило лѣто, я безконечно была рада теплу и свѣту; яркій неперемежающійся свѣтъ мнѣ особенно нравился. Я готова была не спать цѣлыми ночами, чтобы больше пользоваться имъ. Въ свободные часы, нерѣдко ночью, я уходила одна за городъ. Выйти за городъ было не трудно—лѣсъ врѣзается клиньями въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ городокъ, расположенный по берегу Колымы, но почва въ окрестностяхъ Колымска и частью даже въ самомъ городѣ представляетъ сплошное кочковатое болото, поросшее однообразнымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Ходить по такой почвѣ трудно. Единственнымъ мѣстомъ, доступнымъ моему изслѣдованію, гдѣ можно было ходить не прибѣгая къ балансированію съ кочки на кочку, была узкая сухая полоска, тянувшаяся по гребню довольно высокаго берега вдоль Колымы. Эта полоска была излюбленнымъ мѣстомъ для прогулокъ всѣхъ насъ. Скоро я изучила его, мнѣ сдѣлался знакомъ здѣсь каждый кустъ, каждая тропинка. Близъ города, къ югу, на берегу рѣки стоялъ кирпичный сарай, выстроенный нашими печниками, а въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ него, вглубь лѣса, находилась еще единственная въ то время въ Колымскѣ могила ссыльнаго Гуковскаго, покончившаго самоубійствомъ въ 1899 г. Мѣсто глухое, суровое и дикое; съ могилы открывался широкій горизонтъ съ видомъ на Колыму и противоположный берегъ ея. Здѣсь нерѣдко можно бывало застать Л. Ѳ. особенно по вечерамъ, когда онъ, окончивши свои занятія, отправлялся на прогулку. Онъ очень заботился о могилѣ, убирая ее постоянно цвѣтами. Здѣсь онъ любилъ сидѣть и любоваться открывающимся видомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это мѣсто выбрано подъ могилу по его настоянію, что оно нравится ему своимъ мрачнымъ, суровымъ колоритомъ. „Не правда ли“—спросилъ онъ какъ-то—вѣдь это мѣстоположеніе и природа такъ гармонируютъ съ нашимъ положеніемъ въ этомъ краю?“ Онъ былъ правъ. Но все же я, при моемъ въ то время еще жизнерадостномъ міросозерцаніи, не могла проникнуться его настроеніемъ: меня тянуло къ жизни, къ свѣту,—холодъ и мракъ могилы не привлекали меня. Я старалась поскорѣе увести Л. Ѳ. изъ этого мрачнаго уголка на болѣе открытыя, веселыя мѣста и мы шли бродить вмѣстѣ, собирать цвѣты и составлять букеты, которые онъ дѣлалъ съ большимъ вкусомъ. Я вообще никогда не могла согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ товарищей, утверждавшихъ, что у Л. Ѳ. не развито эстетическое чувство. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, такъ глубоко и тонко чувствовавшій, могъ не чувствовать и не понимать красоты. По моему глубокому убѣжденію онъ былъ натурой эстетической: онъ любилъ все прекрасное, все что дѣлаетъ жизнь красивой и поднимаетъ ее надъ уровнемъ простого существованія, но въ силу сдержанности и нѣкотораго аскетизма свойственныхъ его натурѣ,

онъ никогда не допускалъ шумныхъ проявленій своихъ чувствъ и впечатлѣній, какъ это часто дѣлаютъ другіе. Каждый, кто прочтетъ воспоминанія самого Л. Ѳ., полные прекрасныхъ описаній и характеристикъ, согласится, что помимо ума и благородной души автора въ нихъ проявляется большая чуткость и способность къ художественному воспріятію. Я любила наши прогулки по болотамъ, для меня имѣло большую прелесть общеніе съ этой высоко-нравственной, обаятельной личностью. О чемъ только мы не говорили въ эти часы! Воспоминанія дѣтства, юности, планы будущихъ работъ Людвига Ѳомича, его разсказы о годахъ заключенія въ Шлиссельбургѣ и объ оставшихся тамъ дорогихъ товарищахъ, воспоминанія изъ прошлаго русскаго революціоннаго движенія. Память у Л. Ѳ. была прекрасная; онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ событія прошлыхъ лѣтъ. Особенно хорошо онъ зналъ исторію „Пролетаріата", въ рядахъ котораго боролся самъ, но также хорошо зналъ и исторію русскаго революціоннаго движенія, исторію „Народной Воли", въ дѣятельности которой тоже принималъ участіе, руководителей которой зналъ на волѣ и въ Шлиссельбургѣ. Его разсказы изъ исторіи революціоннаго движенія были для меня очень поучительны; въ его освѣщеніи мнѣ дѣлалась понятной борьба идей и направленій въ прошломъ нашего освободительнаго движенія. Въ колымской библіотекѣ хранилась рукопись матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, составленныхъ Л. Ѳ. по различнымъ источникамъ, а также на основаніи личныхъ воспоминаній его самаго и другихъ дѣятелей его эпохи. Такъ провели мы часть лѣта. Въ іюнѣ трое нашихъ товарищей-колонистовъ стали собираться въ экскурсію—спуститься въ лодкѣ внизъ по Колымѣ къ Ледовитому океану. Эту поѣздку они предпринимали уже не въ первый разъ. Потребность отдохнуть отъ гнетущей обстановки, уйти на просторъ, подальше отъ постылаго мѣста, на свободѣ испытать другую жизнь, была очень велика и ни громадное разстояніе, ни цѣлый рядъ лишеній и трудностей во время дороги не могли остановить нашихъ путешественниковъ: они рвались встряхнуться отъ Колымской жизни и набраться новыхъ впечатлѣній. Л. Ѳ. никогда не принималъ участія въ подобныхъ поѣздкахъ. Онъ зналъ, что къ физическому труду онъ не приспособленъ, что силы его невелики, а быть въ тягость товарищамъ онъ ни за что бы не согласился. А между тѣмъ подобная поѣздка могла внести нѣкоторое разнообразіе въ его жизнь и нѣсколько развлечь его. Послѣ отъѣзда самыхъ веселыхъ и живыхъ членовъ колоніи, намъ, оставшимся, сдѣлалось еще тоскливѣе. Л. Ѳ. часто грустилъ. Подъ предлогомъ спѣшной работы онъ старался большую часть времени проводить въ одиночествѣ, (онъ въ это время кончалъ свою статью противъ Р. Люксембургъ) и не часто удавалось его въ это время привлечь къ нашимъ прогулкамъ. Наступили 20-ыя числа іюля. Лѣто подходило къ концу; въ воздухѣ запахло осенью; 20 или 21-го выпалъ густой снѣгъ, который тотчасъ растаялъ, но онъ напомнилъ о приближеніи долгой, суровой зимы. Послѣ этого Л. Ѳ. пришелъ къ намъ

и объявилъ, что на слѣдующій день ѣдетъ съ Орловымъ на лодкѣ до заимки „Среднее“, гдѣ неводилъ Калашниковъ. Этотъ планъ очень понравился моему мужу, но самъ онъ не могъ принять участія въ этой поѣздкѣ потому, что въ это время у него была горячая рабочая пора, тѣмъ не менѣе ему очень хотѣлось доставить мнѣ развлеченіе и онъ сталъ уговаривать меня поѣхать. Я боялась, что эта экскурсія очень утомитъ меня, но соблазнъ посмотрѣть природу Колымскаго края и своеобразную жизнь колымчанъ на заимкахъ былъ великъ, и я согласилась ѣхать. На слѣдующій день (24-го іюля) мы сѣли въ большую лодку. Людвигъ Ѳомичъ, Орловъ и я, и, напутствуемые пожеланіями оставшихся, весело поплыли внизъ по Колымѣ. Поѣздка на самомъ дѣлѣ оказалась очень утомительной, но и очень интересной. Мы плыли по теченію, изрѣдка прибѣгая къ весламъ и парусу; на заимкахъ, попадавшихся намъ по пути, мы выходили, знакомились съ жителями и вездѣ встрѣчали самый привѣтливый пріемъ; отъ времени до времени мы устраивали привалы на берегу, раскладывали костеръ, варили чай, уху изъ рыбы, которой запасались на заимкахъ. Пріятно было сидѣть у пылающаго костра и любоваться высокими, обрывистыми скалами, поросшими хвойнымъ лѣсомъ, которыя такъ причудливо возвышались надъ нашими головами. Въ лѣсу было много ягодъ и грибовъ; мы собирали ихъ и пополняли ими нашъ столъ. Погода намъ благопріятствовала; было хотя и холодно, но сухо и ясно. Мы были въ отличномъ настроеніи, Л. Ѳ. былъ веселъ, что съ нимъ бывало очень рѣдко и мило шутилъ. Переночевавши вторую ночь на какой-то заимкѣ—первую мы провели въ лодкѣ—въ полдень 26-го мы пріѣхали на заимку „Среднее“. Здѣсь обыкновенно рыбачилъ Калашниковъ, но теперь его здѣсь не оказалось—онъ недавно перекочевалъ на заимку Жирково, лежавшую еще ниже, гдѣ по его соображеніямъ промыселъ былъ въ это время лучше. „Среднее“ лежало въ 70-ти верстахъ отъ Колымска. Мы съ Л. Ѳ. нашли, что заѣхали уже достаточно далеко и рѣшили, переночевавши въ „Среднемъ“, на слѣдующее утро нанять почтовую лодку и вернуться домой. Только-что мы расположились въ избѣ знакомаго колымчанина за чаемъ, какъ вошелъ кто то изъ семьи хозяина и объявилъ, что къ заимкѣ подъѣзжаетъ Калашниковъ. Мы, обрадованные этой вѣстью, оставили чай и тотчасъ вышли встрѣтить Калашникова. Дѣйствительно, вдали на противоположномъ берегу рѣки, видна была лодка, которую тащили собаки бичевой. Сами мы совершенно не могли опредѣлить—кто въ лодкѣ и чьи впряжены собаки, и намъ оставалось положиться на опытность мѣстныхъ обывателей, обладающихъ великолѣпнымъ зрѣніемъ и большой наблюдательностью. Мы весело разговаривали между собой, представляя себѣ удивленье К. по поводу встрѣчи съ нами, которой онъ совсѣмъ не могъ ожидать. Наконецъ лодка стала перегребать съ протиовоположнаго берега и мы увидѣли К. и его работника. На наше привѣтствіе К. почти не отвѣтилъ и наше присутствіе видимо его нисколько не удивило.

Такое странное поведеніе Калашникова насъ озадачило, и мы почувствовали, что съ нимъ случилось что-то недоброе. Когда К. вышелъ изъ лодки, мы были поражены перемѣной, происшедшей въ немъ. Обыкновенно цвѣтущій и жизнерадостный, онъ былъ блѣденъ и растерянъ; на лицѣ у него были ссадины и синяки, одинъ високъ былъ разсѣченъ. „Что съ вами"? спросили мы оба вмѣстѣ.—„Я боленъ, меня избилъ засѣдатель [1]) Ивановъ"—отвѣтилъ К. И онъ разсказалъ намъ слѣдующее: 24 іюня онъ взялъ заряженную берданку и, сѣвъ въ лодку, сталъ подниматься вверхъ по теченію изъ Жиркова въ „Среднее". Ружье онъ взялъ на случай, не встрѣтится ли ему лось или олень, которые въ эту пору часто переправляются вплавь черезъ рѣку и нерѣдко дѣлаются добычей колымскихъ охотниковъ. Страстный охотникъ, Калашниковъ мечталъ убить лося. Поднявшись на нѣсколько верстъ вверхъ по теченію отъ своей заимки, онъ увидѣлъ казенный паузокъ, плывшій ему навстрѣчу. На этомъ паузкѣ подъ начальствомъ нижне-колымскаго засѣдателя Иванова сплавлялись казенная мука, крупа и соль, предназначавшіяся для продовольствія служилаго населенія низовьевъ Колымы. Увидѣвъ паузокъ, К. обрадовался; онъ догадался, что тамъ есть письма и газеты для него и подъѣхалъ спросить—нѣтъ ли корреспонденціи? Получивъ все, что было, онъ вступилъ въ разговоръ съ однимъ знакомымъ казакомъ, стоявшимъ у весла. Во время разговора онъ, между прочемъ, спросилъ у казака: „развѣ ты нанялся работать на паузкѣ?" —Этотъ вопросъ показался засѣдателю дерзкимъ и возмутительнымъ. „Не твое дѣло, какъ ты смѣешь разговаривать! — „Я не съ вами разговариваю" — спокойно отвѣтилъ ему К. — „Молчать жидъ!" — грубо закричалъ пришедшій въ ярость засѣдатель и разразился бранью. Завязалась перебранка, которая окончилась вызовомъ со стороны засѣдателя:—«Иди сюда, я тебя проучу»! Всегда вспыльчивый, К., не помня себя отъ обиды, подъѣхалъ къ паузку, держа ружье въ рукахъ и, выскочивши изъ лодки, бросился на паузокъ къ Иванову. Никто изъ присутствовавшихъ на паузкѣ казаковъ и рабочихъ не препятствовалъ ему высадиться, наоборотъ, помогли выйти изъ лодки и дали дорогу, когда онъ, выскочивши изъ лодки, безъ ружья, бросился на верхнюю палубу, гдѣ у руля стоялъ засѣдатель. К. подбѣжалъ къ засѣдателю и хотѣлъ толкнуть его, но засѣдатель самъ бросился на К., а по его приказанію бросились и казаки стоявшіе вокругъ, завязалась неравная борьба. Скоро К. былъ поваленъ и тогда началась дикая расправа и издѣвательство. Пришедшій въ ярость засѣдатель билъ и топталъ К. ногами, стараясь наносить удары по лицу. Казаки не давали К. подняться съ полу, и онъ былъ совершенно безпомощенъ. Ярость засѣдателя была такъ велика, что нагнала страхъ на окружающихъ и многіе изъ бывшихъ на паузкѣ попрятались, чтобы не быть свидѣтелями жестокой расправы и самимъ не сдѣ-

---

[1]) Засѣдателями въ Сибири назыв. становые пристава. *Ред.*

латься жертвами его ярости. Какъ долго продолжалось истязаніе трудно сказать. Удовлетворивши чувство мести и торжества надъ врагомъ, засѣдатель бросилъ свою жертву. По его приказанію К. связали, а самъ онъ сѣлъ сочинять протоколъ о покушеніи на его жизнь, сдѣланномъ политическимъ ссыльнымъ К. Свидѣтелями выставлялись казаки и рабочіе, бывшіе на паузкѣ. Всѣ эти люди изъ страха передъ засѣдателемъ подписались подъ протоколомъ. Когда протоколъ предложили подписать К., онъ отказался это сдѣлать, заявивъ, что все, что въ немъ изложено—ложь. На самомъ дѣлѣ К., какъ онъ самъ намъ говорилъ, вовсе не хотѣлъ убить Иванова; если бы у него было это намѣреніе, онъ прекрасно могъ бы привести его въ исполненіе, не выходя изъ лодки на паузокъ и не подвергаясь никакому риску, т. к. у него въ рукахъ было ружье. Онъ хотѣлъ только проучить грубаго самодура, забывъ въ моментъ возбужденія, что сила не на его сторонѣ. Послѣ составленія протокола засѣдатель приказалъ развязать К. Его избитаго и больного посадили въ лодку и оставили на произволъ судьбы. Съ трудомъ онъ добрался до своей заимки и тотчасъ сталъ собираться въ Средній Колымскъ къ товарищамъ. Душевное состояніе его было ужасно: онъ мучился тѣмъ, что далъ себя провоцировать, что позволилъ безнаказанно свершить надъ собой надругательство. Всѣ, кто видѣлъ его за это время, разсказывали, что онъ былъ страшно убитъ и ни разу не ѣлъ за два дня, протекшіе со времени случившагося съ нимъ несчастія. Личность засѣдателя Иванова заслуживаетъ того, чтобы на ней нѣсколько остановиться. Якутъ по происхожденію, человѣкъ совершенно некультурный, онъ началъ карьеру съ должности маленькаго писца въ якутскомъ Областномъ Управленіи. Угодивши чѣмъ-то вице-губернатору Миллеру, извѣстному въ свое время самой неблаговидной политикой по отношенію къ ссыльнымъ, онъ получилъ назначеніе въ Нижній-Колымскъ на должность засѣдателя. На этомъ посту онъ получилъ громадную власть надъ несчастнымъ населеніемъ Нижняго - Колымска, сдѣлался его неограниченнымъ и грознымъ властелиномъ и скоро вошелъ во вкусъ самодержавнаго образа правленія. Несчастное полудикое, вѣчно голодающее населеніе трепетало грознаго „тойона“ (господина). Онъ заушалъ направо и налѣво, дико крича и ругаясь даже тогда, когда изголодавшіеся жители приходили къ нему только съ покорной просьбой о выдачѣ пособія во время голода. Было нѣсколько случаевъ увѣчій, причиненныхъ этимъ „тойономъ“. Всѣ были покорны ему, всѣ его трепетали, кромѣ дерзкихъ пришельцевъ—политическихъ ссыльныхъ. Эти люди были ему ненавистны: они вносили разрушительныя начала въ тотъ укладъ жизни, въ которомъ такъ привольно живется большимъ и малымъ самодержцамъ, они не признавали его власти, они защищали свое достоинство; въ ихъ отношеніи къ себѣ онъ чувствовалъ пренебрежительное снисхожденіе. Это были люди какой-то высшей, чуждой культуры, которая была недоступна его пониманію и потому ненавистна ему. Словомъ, это былъ широко

распространенный въ нашемъ отечествѣ типъ самодура и насильника. Въ настоящее время онъ могъ бы пріобрѣсти большую извѣстность въ качествѣ начальника карательнаго отряда.

Случай съ товарищемъ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе. Что дѣлать? Какъ реагировать на это оскорбленіе? Мы хорошо понимали, что это столкновеніе не есть частное дѣло Калашникова съ засѣдателемъ. Въ лицѣ К. засѣдатель видѣлъ представителя ненавистной ему ссылки, оскорбляя и унижая его, онъ оскорблялъ и унижалъ ее всю. Съ другой стороны и мы видѣли въ засѣдателѣ не частнаго человѣка, оскорбившаго товарища, а представителя всѣмъ намъ ненавистнаго режима, надругавшагося въ лицѣ товарища надъ всѣми нами. Ничего не предрѣшая, мы всѣ согласились ѣхать въ тотъ же день въ Колымскъ вмѣстѣ съ пострадавшимъ К. Настроеніе наше сразу упало—всѣ мы были печальны. Насъ пригласили обѣдать. Мы втроемъ пошли въ избу, но намъ было не до обѣда. К. вскорѣ поднялся изъ за стола, сказавъ, что ему не хочется ѣсть и вышелъ изъ избы. Мы съ Л. Ѳ. сидѣли задумавшись. Не помню, сколько прошло времени, вѣроятно, не больше 10 минутъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ: онъ былъ очень громокъ и прозвучалъ необыкновенно отчетливо въ тишинѣ, царившей вокругъ. У насъ обоихъ мелькнула одна и та же страшная догадка.—Это Калашниковъ!—невольно вырвалось у меня. Мы выбѣжали изъ избы и бросились искать въ лѣсу и на берегу. Жители заимки тоже выбѣжали на выстрѣлъ и стали искать, кто и гдѣ стрѣлялъ. Черезъ нѣсколько минутъ поисковъ Орловъ догадался посмотрѣть въ пустой поварнѣ и нашелъ тамъ К. Когда мы вошли въ поварню, нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на полу, навзничь, головой къ двери лежалъ К., возлѣ него валялось ружье, къ собачкѣ котораго была привязана веревка; другой конецъ веревки былъ привязанъ за ножку кровати, стоявшей въ углу. Мы бросились къ нему: на груди еще тлѣлась рубашка отъ выстрѣла, тѣло было теплое, но дыханія уже не было замѣтно и яркія краски молодого здороваго лица понемногу смѣнялись могильной блѣдностью и холодомъ. Пуля прошла черезъ сердце и вышла въ спину, смерть была моментальная. Я была страшно поражена и все еще не вѣрила, что онъ умеръ. „Нѣтъ уже его, ушелъ ужъ онъ“, сказалъ нашъ хозяинъ, замѣтивши, что я все еще какъ будто не вѣрю въ фактъ смерти. Эти слова такія простыя, поразили меня вѣрностью и глубиной опредѣленія и вернули къ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, то, что лежало передъ нами, былъ уже не К.; его, пылкаго, порывистаго, энергичнаго уже не было—передъ нами лежалъ холодный групъ, способный вызывать у другихъ людей только чувство жуткости и ужаса... Осматривая поварню, мы замѣтили клочекъ бумажки, лежавшій на кровати. Это была записка К. къ Л. Ѳ. Привожу ее на память: „Людвигъ Ѳомичъ. Прошу товарищей взять Борьку (маленькій сынъ Калашникова) на воспитаніе. Кровь моя падетъ на голову прохвоста

Иванова. Умираю съ вѣрой въ лучшее будущее. *И. Калашниковъ.* Пусть Борька отомститъ за меня".

Трудно передать чувства, которыя мы пережили тогда. Смерть товарища обрушилась на насъ совершенно неожиданно, обстоятельства ея были такъ трагичны. Казалось невѣроятнымъ и недопустимымъ, что молодого, полнаго жизни и силъ человѣка уже нѣтъ, нѣтъ потому, что дикое насиліе ворвалось въ его жизнь и какъ вихрь, смело его. Л. Ѳ. былъ потрясенъ, онъ сразу осунулся и похудѣлъ, былъ моментъ, когда онъ не смогъ совладѣть со своимъ чувствомъ и разрыдался; однако онъ тотчасъ же оправился и вполнѣ овладѣлъ собой. Что касается меня, я до того была подавлена, что ни плакать, ни говорить первое время не могла, горло сжимала спазма, голова была налита какъ-бы свинцомъ. Это былъ первый серьезный ударъ судьбы, обрушившійся на меня, и я трудно переживала его. Все то тяжелое, что уже было въ моей жизни, годы тюрьмы, ссылка въ Колымскъ, все это отошло куда-то далеко и стало казаться маленькимъ въ сравненіи съ только что свершившимся. Однако, намъ некогда было предаваться горю, надо было подумать о томъ, что дѣлать съ мертвымъ товарищемъ. Обитатели заимки, взволнованные происшествіемъ, хотѣли отрядить гонца къ исправнику въ Средній Колымскъ съ извѣщеніемъ о несчастіи и ждать распоряженія начальства, но мы заявили самымъ рѣшительнымъ образомъ, что возьмемъ тѣло товарища съ собой, чтобы похоронить его въ Колымскѣ, и никто не осмѣлился намъ противорѣчить. Оказалось, что только на слѣдующій день утромъ можно будетъ двинуться въ путь. Предстояло весь вечеръ и ночь провести еще на роковой заимкѣ. Мы ходили вдвоемъ по совершенно пустынному берегу и переживали вмѣстѣ первыя минуты горя. Передъ нами открывалась картина суровой и величественной сѣверной рѣки. Кругомъ было такъ мирно, спокойно, такъ нетронуто-чисто. Ничто въ этой природѣ не говорило о ненависти, о враждѣ, и этотъ контрастъ, между обстановкой и только что разыгравшейся на фонѣ ея драмой, еще рѣзче подчеркивалъ безсмысленность и жестокость послѣдней. Мы не говорили. О чемъ было говорить? Мы молча понимали другъ друга, каждый читалъ въ душѣ другого безъ словъ. „Этого нельзя такъ оставить",—сказалъ внезапно Л. Ѳ.—„Я долженъ немедленно ѣхать въ Нижній Колымскъ".—Я невольно вздрогнула. Я предвидѣла, что онъ скажетъ это. Я чувствовала такъ же какъ и онъ, что это не должно такъ пройти, но я считала несправедливымъ и недопустимымъ, чтобы онъ, на долю котораго выпало такъ много страданій, взялъ на себя еще и эту тяжесть. Я стала протестовать всѣми силами души, но никакія просьбы, никакіе доводы не дѣйствовали. Мы долго и горячо спорили. Наконецъ ему пришлось со мной согласиться, что безъ совѣщанія съ товарищами онъ не долженъ принимать никакого рѣшенія. Помню, во время этого нашего разговора онъ бросилъ съ легкимъ раздраженіемъ: да развѣ ужъ такъ страшно умереть?"—Да, отвѣтила я,—когда въ этомъ нѣтъ необходимости.—

Онъ грустно улыбнулся. Стало темнѣть. Спустились блѣдныя сумереки іюльской ночи, показался мѣсяцъ и таинственнымъ свѣтомъ облилъ поварню, въ которой лежалъ мертвый К. Мы сидѣли на берегу и не думали о снѣ. Передъ нами въ причудливомъ освѣщеніи вырисовывались высокія очертанія противуположнаго берега рѣки. Мы говорили о постороннихъ предметахъ, чтобы отвлечься отъ страшной тяжести, давившей насъ. Такъ провели мы время до утра. Съ восходомъ солнца стали готовиться въ путь. Намъ дали большую „вѣтку" (легкая лодка изъ тонкихъ досокъ, связанныхъ тальникомъ), въ нее мы положили тѣло товарища, завернутое въ парусъ и засыпали его зеленью и цвѣтами. „Вѣтку" привязали на буксиръ къ большой лодкѣ, въ лодкѣ помѣстились я съ Л. Ѳ., гребцы и собаки, которыя должны были тянуть лодку бичевой, гдѣ для этого былъ удобный берегъ. Наконецъ все готово, и мы тронулись. Что это была за мучительная поѣздка! Мы медленно подвигались впередъ противъ теченія, при каждомъ движеніи легкой лодочки, попадавшей на волну, казалось, что движется тѣло мертваго товарища, которое теперь все время было на глазахъ. По прежнему мы дѣлали привалы на берегу, но какая была разница—какъ безпечны и веселы были мы тогда и что мы переживали теперь! На привалахъ я старалась уходить подальше отъ берега, чтобы не видѣть страшной „вѣтки" съ трупомъ К. и хоть ненадолго избавиться отъ гнетущаго впечатлѣнія. Л. Ѳ. все время проявлялъ нѣжную заботливость въ отношеніи меня. Самъ измученный нравственно и физически, онъ скрывалъ свою усталость и душевную муку, чтобы развлечь меня и поддержать во мнѣ бодрость духа. Эта мучительная поѣздка продолжалась больше сутокъ. 28-го іюля утромъ мы подъѣзжали къ Колымску. Мой мужъ и нѣсколько товарищей, увидя нашу лодку, переѣзжавшую съ противоположнаго берега, вышли на берегъ встрѣтить насъ. Они весело привѣтствовали насъ, ничего не зная о случившемся, но когда лодка подъѣхала къ берегу и они увидѣли наши лица, они сразу поняли, что случилось что то страшное. Нашъ разсказъ о случившемся и видъ мертваго К. произвели на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Въ глубокомъ молчаніи, блѣдные, подавленные ссыльные вынули изъ лодки тѣло Калашникова и отнесли его на рукахъ въ пустую квартиру Ц. Въ тотъ же день рядомъ съ могилой Гуковскаго ссыльные начали рыть другую могилу; работа была тяжелая и подвигалась медленно, приходилось кайлами рубить мерзлую почву. Черезъ день все было готово. 30-го іюля мы похоронили Калашникова.

III.

Колымская ссылка вступила въ новый періодъ жизни. До этого времени мы такъ или иначе мирились съ своимъ положеніемъ: у насъ отняли настоящую жизнь, но мы создали себѣ иллюзію жизни. Мы не унывали и старались выдавать ее за на-

стоящую жизнь. Мы довольно успѣшно боролись съ гнетущимъ насъ чувствомъ тоски и сознаніемъ безцѣльности существованія, но теперь, когда то единственное, что у насъ оставалось и что мы считали неприкосновеннымъ,—наше личное достоинство и честь, было попрано, мы почувствовали весь самообманъ, въ которомъ жили до того времени, мы увидѣли, что у насъ нѣтъ ничего на что бы не осмѣлился посягнуть грубый произволъ и насиліе людей, во власть которыхъ мы были отданы, и все, чѣмъ мы жили до того времени, стало казаться ненужнымъ и жалкимъ. Такъ нельзя жить,—звучало въ душѣ у каждаго. Мы всѣ затаили горе; мы избѣгали говорить о случившемся, но всѣ постоянно помнили о немъ и чувствовали тяжесть кошмара, давившаго насъ. Не слышно было прежнихъ шутокъ, остротъ, непосредственнаго веселаго смѣха. Внѣшне мы старались проводить жизнь по прежнему, но прежняго уже не было и наша жизнь приняла мрачный, зловѣщій оттѣнокъ. Л. Ѳ. страдалъ глубоко. Чувство достоинства и чести были развиты въ немъ очень сильно и малѣйшее посягательство на нихъ вызывало съ его стороны рѣшительный отпоръ. Всегда мягкій и нѣжный, онъ становился въ этихъ случаяхъ суровымъ и непреклоннымъ и тогда никакія просьбы и мольбы не могли заставить его измѣнить разъ принятое рѣшеніе. Онъ никогда не вызывалъ и не создавалъ конфликтовъ, это было не въ его натурѣ, но разъ конфликтъ возникалъ помимо его воли и желанія, онъ принималъ вызовъ и считалъ необходимымъ довести протестъ до конца, чего бы это ни стоило. Послѣдняя драма потрясла и измучила его, но сильный волей, онъ подавлялъ свои мученія, чтобы придти на помощь другимъ, слабымъ. Такимъ слабымъ, нуждавшимся въ его поддержкѣ была я. Моя нервная система совершенно расшаталась подъ вліяніемъ всего пережитого. Днемъ меня преслѣдовала мысль о случившемся, и образъ погибшаго К. неотступно стоялъ передъ глазами. Ночью меня душили кошмары и я часто просыпалась измученная. Состояніе было явно ненормальное. Я боялась галлюцинацій и всѣми силами боролась съ собой. Внѣшняя обстановка жизни въ Колымскѣ въ то время тоже не способствовала успокоенію. Наступила осень, дождь лилъ безпрерывно, наши избы немилосердно протекали, было грязно, холодно, мрачно и негдѣ было укрыться отъ дождя, а съ наступленіемъ сумерекъ, когда сотни собачьихъ голосовъ, сливаясь въ одинъ страшный хоръ, начинали завывать, я чувствовала, что въ моей душѣ наростаетъ такой ужасъ, котораго я не въ силахъ вынести, и я стремглавъ выбѣгала изъ дому на улицу, уходила къ мужу на работу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вернуться домой или искала общества товарищей. Я отъ всѣхъ старалась скрыть свое состояніе, я стыдилась его, какъ малодушія, но, конечно, окружающіе не могли не замѣтить перемѣны происшедшей во мнѣ. Мужъ мало могъ помочь мнѣ —онъ въ это время усиленно былъ занятъ работой; къ тому-же мое состояніе такъ удручало и пугало его, что я старалась отъ него еще тщательнѣе скрывать

свои переживанія, чѣмъ отъ другихъ. Въ эти тяжелые для меня дни всѣ товарищи проявили много вниманія и заботливости по отношенію ко мнѣ, но никто не могъ дать того, что далъ Л. Ѳ. Понявъ мое душевное состояніе, Л. Ѳ. сталъ приходить къ намъ ежедневно къ обѣду и оставаться со мной до вечера, пока не приходилъ съ работъ мужъ. Я давно уже настойчиво звала его обѣдать у насъ, но раньше, когда это нужно было для него, онъ не соглашался, теперь, когда это нужно было не для него, а для меня, онъ пришелъ самъ. Такъ всегда было у него. Его дружеское вниманіе и заботливость служили мнѣ большимъ утѣшеніемъ, а гордость и достоинство, съ которыми онъ самъ переносилъ страданія, являлись для меня высокимъ примѣромъ. Никогда нельзя было услышать отъ него ни одной жалобы на свою судьбу. Передъ этимъ гордымъ страданіемъ становилось стыдно за свое малодушіе и являлись силы его побороть. Л. Ѳ. старался отвлечь меня отъ дѣйствительности и дать другое направленіе моимъ мыслямъ. Мы много читали вслухъ по-польски и по-русски. Онъ старался давать здоровую пищу моей больной душѣ и отклонялъ чтеніе, которое такъ или иначе могло меня взволновать и разстроить. Въ это время мы прочли его любимое произведеніе польской поэзіи—„Пана Тадеуша“ Мицкевича. Передъ нами проходили красивые эпическіе образы старой Польши. Л. Ѳ. дополнялъ прочитанное разсказами изъ историческаго прошлаго Польши, изъ ея быта. Это дѣлало наше чтеніе еще интереснѣе. Такъ прочли мы еще нѣсколько книгъ разнаго содержанія. Эти чтенія и его присутствіе были для меня положительно спасительны. Къ тому же онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могла говорить о своемъ душевномъ состояніи, обо всемъ, что мучило и давило меня. Время тянулось медленно. Трое нашихъ товарищей, уѣхавшихъ въ экскурсію, вернулись еще въ августѣ. Наша встрѣча была нерадостна. Мы думали, что ихъ пріѣздъ внесетъ нѣкоторое оживленіе въ нашу жизнь, но мы ошиблись, душевное состояніе всѣхъ насъ нисколько не улучшилось, наоборотъ нравственная атмосфера какъ будто еще сгустилась, чувствовалось, что такъ дальше не можетъ продолжаться, чувствовалось, что необходимъ исходъ, и онъ скоро наступилъ. Это было 4-го сентября. Какъ всегда мужъ ушелъ послѣ обѣда на работу, а мы съ Л. Ѳ. собирались приняться за чтеніе. Вокругъ было тихо, какъ всегда. Внезапно прозвучалъ громкій выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ другой. Я вскочила. Эти выстрѣлы напомнили мнѣ трагическую смерть К., въ нихъ для меня прозвучало что-то страшное—казалось гибнетъ кто-то дорогой мнѣ. Повинуясь безотчетному чувству страха и отчаянія я бросилась на улицу, и стремительно побѣжала по направленію выстрѣловъ. Л. Ѳ. слѣдовалъ за мной. На обычно мертвыхъ улицахъ Колымска царило небывалое оживленіе: со всѣхъ сторонъ бѣжали колымскіе обыватели, направляясь къ мѣсту происшествія, а навстрѣчу намъ спѣшили блѣдные, взволнованные товарищи. Отъ нихъ мы узнали, что эти выстрѣлы были сдѣланы

моимъ мужемъ, А. Е., въ засѣдателя Иванова, который дня за два передъ этимъ вернулся въ Средній Колымскъ. Ивановъ былъ убитъ. Такъ закончился второй актъ колымской драмы.

IV.

Тяжелый кризисъ для душевнаго состоянія всѣхъ насъ миновалъ, мы значительно успокоились, мы могли опять вернуться къ прежней жизни и даже весело проводить время. Это была единственная и необходимая реакція послѣ прежнихъ потрясеній. Надо было забыться отъ прошлаго, надо было не думать о будущемъ. Для большинства изъ насъ это было первое серьезное испытаніе, и мы вышли изъ него съ осадкомъ горечи въ душѣ, но зато болѣе закаленными. Для Л. Ѳ. наоборотъ, послѣ высокаго подъема нервнаго напряженія, начался періодъ упадка силъ. И неудивительно: послѣднее событіе было для него лишь однимъ звеномъ изъ длиннаго ряда испытаній его бурной жизни. Онъ пережилъ заключеніе въ цитадели, казнь товарищей, 11 лѣтъ шлиссельбургскаго режима, онъ потерялъ всѣхъ близкихъ дорогихъ ему людей и сейчасъ влачилъ печальное существованіе въ Колымскѣ безъ надежды на лучшее впереди. Онъ утомился въ борьбѣ. Во время остраго кризиса, для другихъ онъ находилъ въ себѣ силы подавлять свои чувства и только теперь, когда тяжелое для другихъ время миновало и его помощь была не нужна, онъ почувствовалъ всю тяжесть собственной усталости. Онъ ходилъ блѣдный, измученный, работа не клеилась.

Въ февралѣ 1901 г. намъ съ мужемъ пришлось оставить Колымскъ и волею судебъ выѣхать на жительство въ Якутскъ. Я уѣзжала съ стѣсненнымъ сердцемъ, помимо того, что будущее рисовалось въ мрачныхъ краскахъ, было тяжело оставить товарищей, вмѣстѣ съ которыми пришлось такъ много пережить и перечувствовать. Особенно больно было разстаться съ Л. Ѳ. Увидимся ли еще когда-нибудь? Я такъ сжилась, такъ сроднилась съ нимъ душой за этотъ печальный годъ, мои чувства любви и уваженія къ нему еще больше возрасли отъ близкаго знакомства съ нимъ. Было безконечно грустно оставлять его больного и одинокаго въ далекомъ, глухомъ Колымскѣ. Мы разстались 22-го февраля, ровно черезъ годъ послѣ нашей встрѣчи.—Прошелъ еще одинъ годъ. Я жила въ Якутскѣ. Жилось тяжело. Все это время я поддерживала оживленную переписку съ колымскими друзьями. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я писемъ оттуда, сколько радости и утѣшенія доставляли они мнѣ! Особенно теплыя, задушевныя письма Л. Ѳ.! Они вливали въ меня бодрость, давали сознаніе, что я не одинока, что у меня есть другъ и мнѣ легче жилось отъ этого сознанія. Но меня сильно безпокоило, что въ его письмахъ часто прорывались грустныя, безнадежныя ноты.

Какъ всегда онъ ни на что не жаловался, но я то не могла ихъ не чувствовать. Письма товарищей тоже были тревожны: они выражали серьезное опасеніе за его здоровье. Послѣ всего пережитого его нервная система была разстроена, легкія поражены. Между тѣмъ, образъ жизни онъ сохранилъ прежній; по прежнему цѣлые дни просиживалъ за книгами и рукописями въ холодномъ мрачномъ помѣщеніи, по прежнему плохо питался. Необходимо отмѣтить, что за это время матеріальныя условія жизни въ Колымскѣ измѣнились еще къ худшему. Весной 1901 г. Колымскій край переживалъ тяжелое время. Обычная весенняя голодовка разразилась въ голодъ, какъ всегда сопутствуемый эпидеміей. Спутникомъ его на этотъ разъ была корь, осложненная воспаленіемъ легкихъ. Эти два бича выхватили не мало жертвъ изъ рядовъ колымскаго населенія. Заболѣвающихъ было такъ много, что медицинскій персоналъ не успѣвалъ оказывать имъ всѣмъ необходимую помощь. Въ каждомъ домѣ лежалъ больной, а въ иныхъ цѣлыми семьями лежали въ бреду и некому было помочь несчастнымъ—затопить камелекъ въ холодной избѣ, принести воды. Тогда вся наличность колымской ссылки должна была взять на себя заботу о больныхъ и голодныхъ. Помимо ухода за больными, необходимо было немедленно организовать помощь голодающимъ жителямъ. Исправникъ, чувствуя полное свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ, не препятствовалъ ссыльнымъ взять дѣло организаціи помощи въ свои руки, и оно было выполнено ссылкой вполнѣ удачно. Л. Ѳ. во всемъ этомъ принималъ дѣятельное участіе, работая черезъ силу. Самимъ ссыльнымъ пришлось испытать тоже не мало лишеній. Трудно было доставать муку, мясо, даже дрова, которыя не на чемъ было возить, такъ какъ рабочій скотъ—собаки—передохли отъ голода. Можно себѣ представить, какъ жили въ это время наши колымскіе товарищи! Лѣтомъ 1901 г. Л. Ѳ. пришлось испытать еще и тяжесть физическаго труда, который давался ему не легко. Денежныя дѣла колымской колоніи были плохи, и вотъ, чтобы поправить ихъ, колымскіе ссыльные взяли на артельныхъ началахъ подрядъ на доставку казенной муки и соли въ Нижній-Колымскъ. Л. Ѳ. конечно не захотѣлъ отстать отъ товарищей. Работали всѣ сами. Сами нагружали и разгружали паузокъ, гребли и исполняли во время плаванія всѣ необходимыя работы. Эти работы были утомительны даже для молодыхъ и здоровыхъ людей, а для Л. Ѳ. прямо мучительны. Возвращеніе въ Средній было не легче плаванія внизъ: нужно было болѣе 500 верстъ сдѣлать въ лодкѣ, работая постоянно то на веслахъ, то ведя лодку лямкой на себѣ; приходилось ночевать на сырой землѣ и подвергаться всѣмъ превратностямъ непогоды. Трудно далась ему эта поѣздка, она до крайности истощила его и подорвала остатокъ его силъ. Въ его письмахъ за это время только изрѣдка звучали бодрыя, живыя ноты. Казанская демонстрація и волненія среди молодежи влили бодрость и надежду въ его душу. Онъ написалъ по поводу извѣстія о нихъ бодрое, веселое письмо, которое заканчивалось возгласомъ „ой,

будетъ буря!“ Въ немъ звучали радость и надежда. Зимой 1902 г. сдѣлалось извѣстно, что Л. Ѳ. вызываютъ въ Якутскъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу мужа. Я испытывала большую радость въ ожиданіи свиданія съ дорогимъ другомъ. Я мечтала, что ему удастся остаться въ Якутскѣ, а оттуда выбраться въ болѣе цивилизованныя мѣста, и что жизнь хоть немного улыбнется ему. Онъ тоже вспрянулъ духомъ при этомъ извѣстіи. Наконецъ, незадолго до суда онъ пріѣхалъ, и я увидѣла его, блѣднаго, измученнаго тяжелой дорогой, исхудавшаго, но радостнаго.

22-го апрѣля состоялся судъ. Этотъ судъ былъ еще однимъ лишнимъ потрясеніемъ для его нервной системы. Л. Ѳ. сильно волновался за участь товарища. Онъ былъ утомленъ и истощенъ. Нервы его были натянуты, какъ струны, и когда ему пришлось во время суда воспроизвести перепетіи колымской драмы онъ не выдержалъ и разрыдался. Эти святыя слезы глубоко взволновали и потрясли всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и коронныхъ судей. По справедливому отзыву защитника (П. Н. Переверзева) они сдѣлали для подсудимаго гораздо больше, чѣмъ всѣ другія показанія въ его пользу.

Жизнь не улыбнулась Л. Ѳ. и въ Якутскѣ. Надежда выбраться поближе къ Европѣ не оправдалась. Администрація упорно отказывала ему въ правѣ приписки, несмотря на то, что пошелъ уже второй годъ, какъ это право было получено, имъ по закону, и онъ могъ бы на законномъ основаніи поселиться даже въ Иркутскѣ, или какомъ-либо другомъ культурномъ центрѣ Сибири. Между тѣмъ, ему предстояло по окончаніи весенней распутицы вернуться въ Колымскъ. Однако и изъ этого положенія можно было найти выходъ: онъ могъ бы остаться въ Якутскѣ по болѣзни; онъ имѣлъ на это полное нравственное право, такъ какъ былъ серьезно боленъ; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы подать въ этомъ духѣ прошеніе губернатору. Его натура не мирилась съ компромиссами, онъ ни за что не согласился бы нарушить сложившуюся подъ его же вліяніемъ колымскую традицію—не просить пощады у врага. Товарищи предложили ему побѣгъ, и онъ сначала согласился,—эта мечта манила его, но вѣры въ свои силы у него не было, и онъ не надѣялся на успѣшный исходъ предпріятія. Дѣйствительно, планъ былъ задуманъ настолько неудачно, что товарищи-ссыльные, рѣшившіе привести его въ исполненіе уже послѣ смерти Л. Ѳ., чуть не погибли отъ преслѣдованія дикихъ таежныхъ якутовъ и голодной смерти въ тайгѣ. Само собою, что Л. Ѳ. не смогъ бы вынести этого побѣга и онъ справедливо не вѣрилъ въ его успѣхъ. По временамъ въ его уставшей душѣ еще вспыхивала, какъ пламя, жажда борьбы и дѣятельности. Крестьянскіе волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, выступленіе Балмашева еще разъ подняли его энергію и бодрость, Онъ ходилъ веселый, радостный и другихъ заражалъ своимъ настроеніемъ; онъ вѣрилъ что загорается новая заря широкаго освободительнаго движенія. Но этого возбужденія хватило не надолго. Вскорѣ самочувствіе его измѣнилось онъ

усталъ, почувствовалъ упадокъ силъ. Я не стану описывать послѣднихъ дней жизни Л. Ѳ., все это было еще такъ недавно, воспоминанія эти такъ мучительно тяжелы, что пройдетъ быть можетъ не мало лѣтъ, прежде чѣмъ я буду въ состояніи воспроизвести ту душевную драму, которую онъ переживалъ. Его пріѣздъ въ Якутскъ былъ неудаченъ. Настоящее было тягостно. Въ будущемъ опять разстилалась сѣрая мгла колымскаго существованія и конца ему не было видно: въ этомъ существованіи не было ничего, что могло дать ему хотя бы нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, а тѣ мелочи, которыя привязываютъ къ жизни другихъ людей, для него не существовали и онъ ушелъ отъ насъ съ измученной душой, потерявшій вѣру въ собственныя силы, но горячо вѣрующій въ побѣду тѣхъ идей, за которыя боролся всю свою жизнь, которыя такъ страстно любилъ. Самообладаніе не измѣнило ему до послѣднихъ минутъ жизни: никто, изъ видѣвшихъ его въ день смерти, не могъ заподозрить того страшнаго рѣшенія, которое созрѣло въ его душѣ. 17-го мая его не стало, онъ убилъ себя выстрѣломъ въ високъ изъ револьвера; его нашли возлѣ ограды унылаго якутскаго кладбища. При немъ оказалась записка на имя якутской администраціи. Вотъ ея содержаніе: „Въ смерти моей прошу никого не винить. Причинами моего самоубійства являются нервное разстройство и усталость какъ результатъ долголѣтняго тюремнаго заключенія (въ общей сложности 18 лѣтъ) въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Въ сущности говоря, меня убиваетъ русское правительство, такъ пусть же на него падетъ отвѣтственность за мою смерть, какъ равно за гибель безчисленнаго множества моихъ товарищей. *Л. Яновичъ.* Якутскъ 17 мая 1902 г.».

Послѣ смерти Л. Ѳ. было найдено нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ якутской ссылкѣ и ко мнѣ съ мужемъ. Въ этихъ письмахъ, которыя вызываютъ самое глубокое волненіе даже въ постороннихъ людяхъ, настолько ярко отражается его прекрасная, измученная душа, что я считаю положительно необходимымъ привести изъ нихъ выдержки. Вотъ его письмо лично къ намъ съ незначительными пропусками: „Мои милые, хорошіе друзья! Простите меня за мой эгоистическій поступокъ, за мое дезертирство. Я знаю, какъ тяжело терять товарищей, знаю потому, что самъ испытывалъ послѣ смерти Гуковскаго. И все же не могу найти въ себѣ силъ, чтобы перенести душевный кризисъ. Мысль отдохнуть отъ треволненій жизни не въ первый разъ является у меня, но или силъ у меня было больше, или внутреннее раздвоеніе было слабѣе, во всякомъ случаѣ только теперь я окончательно рѣшилъ поискать вѣчнаго покоя. Если бы вы знали, какъ тяжело мнѣ причинять Вамъ огорченіе. Увѣряю васъ, что не имѣю болѣе силъ жить. Что касается самой смерти, то она мнѣ вовсе не страшна. Пишу это письмо совершенно спокойно, какъ любое дѣловое письмо“. И дальше: „Нервы мои совсѣмъ измочалились. По самымъ пустякамъ у меня начинается истерика. Я сдѣлался совсѣмъ негодной тряпкой. Такъ зачѣмъ же

выставлять себя на смѣхъ людямъ? Быть можетъ вы замѣтите, что я преувеличиваю, такъ какъ иногда у меня появляется нѣсколько энергіи и нѣкоторая способность къ труду, но это, вѣдь было, а теперь моя трудоспособность подлежитъ большому сомнѣнію. Ну, и расписался же я. И понятно, умъ всегда старается доказать справедливость того, чего желаетъ чувство. Не огорчайтесь особенно этимъ случаемъ: въ одной Европейской Россіи (50 губ.) умираетъ ежегодно болѣе 3 милл. человѣкъ (точно: въ 1896 г. 3.081.189). Что же значитъ какая нибудь единица? — просто пылинка. Конечно, вамъ тяжелѣе будетъ житься безъ вашего вѣрнаго друга и это меня очень и очень огорчаетъ. Меня же вы не жалѣйте. Я буду счастливо спать вѣчнымъ сномъ. Чего же еще лучшаго? Однако, я вовсе не пропагандирую эту мысль для другихъ. Я думаю только, что я исполнилъ по своимъ силамъ свой долгъ и теперь имѣю право отдохнуть. Цѣлую васъ отъ всей души. Вашъ *Людвигъ Яновичъ*".

Письмо къ якутскимъ товарищамъ заканчивается очень характернымъ для Л. Ѳ. признаніемъ. „Передъ смертью, пишетъ онъ, я раздумывалъ о томъ, чтобы отправить къ С. (Сипягину) одного изъ вѣрнѣйшихъ его слугъ, но рѣшилъ этого не дѣлать Правда, что М. негодяй, но такими негодяями хоть прудъ пруди. Террористическіе факты должны быть осмысленны. Они должны быть отвѣтомъ на возмутительныя насилія со стороны администраціи, но не совершаться только потому, что представляется удобный случай убрать негодяя. Лично—же я ему зла не желаю.

Ну, прощайте, товарищи. Желаю вамъ отъ всей души увидѣть красное знамя развѣвающимся надъ Зимнимъ дворцомъ. *Людвигъ Яновичъ*. 16 мая 1902 г. Якутскъ».

19 мая товарищи по ссылкѣ похоронили Л. Ѳ. на томъ самомъ Никольскомъ кладбищѣ, куда онъ пришелъ въ поискахъ за вѣчнымъ покоемъ. Его могила находится рядомъ съ могилой Подбѣльскаго, убитаго во время якутской исторіи 1889 г.

Когда я увидѣла его мертваго въ покойницкой якутской больницы, величественно-спокойнаго и прекраснаго, тогда я постигла вполнѣ, что смерть вовсе ужъ не такъ страшна и что жизнь можетъ открыть перспективы болѣе страшныя, чѣмъ сама смерть.

Л. Ергина.

Первые еврейскіе рабочіе кружки.

Начало еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи обыкновенно относятъ къ концу 80-хъ г. г., когда возникли еврейскіе рабочіе кружки въ Вильнѣ. Это совершенно невѣрно. Широкая кружковая пропаганда среди еврейскихъ рабочихъ началась на нѣсколько лѣтъ раньше въ Минскѣ. Тамъ именно сложился „шаблонный" методъ, о которомъ говоритъ г. Лядовъ въ своей „Исторіи россійской соціалъ-демократической рабочей партіи" (стр. 132).

Единичныя попытки пропаганды среди рабочихъ въ Минскѣ совпадаютъ по времени съ началомъ соціалистическаго движенія въ Россіи. Въ 1875 г. въ Минскъ пріѣхалъ студентъ технологическаго института Шварцъ, жившій подъ именемъ Рабиновича и, съ цѣлью пропаганды, сталъ работать въ кузницѣ. Вскорѣ онъ былъ арестованъ и высланъ въ Вятскую губ. [1])

Его пропаганда не оставила слѣдовъ.

Продолжателемъ Шварца явился студентъ кіевскаго университета Моисей Веллеръ, которой успѣлъ распропагандировать нѣсколькихъ столяровъ. Веллеръ вскорѣ вынужденъ былъ скрыться; жилъ года два въ Женевѣ, вернулся при Лорисъ-Меликовѣ и въ началѣ 80-хъ г. г. покончилъ самоубійствомъ. Изъ распропагандированныхъ имъ рабочихъ въ Минскѣ, насколько мнѣ извѣстно, не осталось ни одного: всѣ они съ началомъ массовой еврейской эмиграціи переселились кто въ Парижъ, кто въ Америку.

Систематическая пропаганда среди еврейскихъ рабочихъ въ Минскѣ начата была въ 1883 или 1884 году Ефимомъ (Моисеемъ) Хургинымъ, вскорѣ по выходѣ его изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался по какому-то народовольческому дѣлу. [2]) Лѣтомъ 1884 года въ Минскъ пріѣхалъ Эмиль Абрамовичъ, проведшій годъ въ Парижѣ по окончаніи гродненской гимназіи; онъ попытался вступить въ сношенія съ Хургинымъ, съ цѣлью работать сообща въ кружкахъ послѣдняго, но у Хургина конспирація была возведена въ культъ. Пріѣзжій юноша, нигдѣ не сидѣвшій, кажется, даже безъ рекомендацій, встрѣтилъ у него крайне холодный пріемъ. Абрамовичъ

[1]) Впослѣдствіи эмигрировалъ въ Америку и теперь живетъ въ Нью-Іоркѣ.

[2]) Въ настоящее время лидеръ консервативнаго крыла сіонистовъ въ Минскѣ и дѣятельный членъ благотворительныхъ обществъ, синагогальныхъ братствъ и т. п.

рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Онъ свелъ знакомство съ типографскими рабочими, какъ наиболѣе интеллигентными, образовалъ кружокъ, сталъ съ ними заниматься сначала естествознаніемъ, а сойдясь поближе, перешелъ къ пропагандѣ соціализма.

Абрамовичъ имѣлъ необычайное вліяніе на рабочихъ, не только какъ талантливый лекторъ, но и какъ человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, беззавѣтно, до полнаго самозабвенія преданный дѣлу. Это былъ демократъ не только на словахъ, но и по натурѣ; въ немъ не было ни капли генеральства, съ рабочими онъ держалъ себя просто, какъ товарищъ, безъ всякаго проблеска покровительственнаго тона; онъ никого не подавлялъ своимъ авторитетомъ, и рабочіе искренно любили его и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ проводилъ каждое лѣто въ Минскѣ и отдавалъ все свое время рабочимъ вплоть до полученія званія врача въ 1888 году, послѣ чего онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ тоже положилъ начало рабочему движенію. Лѣтомъ 1889 года онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Якутскую область, откуда вернулся 1896 или 1897 году, къ началу соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи.

Лѣтомъ 1885 года я вернулся изъ Сибири и поселился въ Минскѣ. По пріѣздѣ я по старому знакомству зашелъ къ Хургину, который въ то время былъ «генераломъ» въ минскомъ кружкѣ. Онъ былъ народовольцемъ, я же до ссылки примыкалъ къ чернопередѣльцамъ, а въ ссылкѣ сдѣлался марксистомъ, хотя, долженъ сознаться, мой макрсизмъ еще сильно отдавалъ старымъ народническимъ запахомъ. Но эти теоретическія разногласія въ то время у насъ въ Минскѣ не мѣшали революціонерамъ уживаться въ томъ же самомъ кружкѣ. Я поинтересовался состояніемъ движенія въ Минскѣ. Хургинъ мнѣ сообщилъ, что въ кружкахъ его «организаціи» занимается 160 человѣкъ. Для того времени это была необычайная, прямо невѣроятная цифра. Я попросилъ его познакомить меня съ рабочими.— „Я предложу васъ организаціи,—отвѣтилъ онъ,—если она рѣшитъ васъ допустить, ладно“.

Съ современной партійной точки зрѣнія, онъ, вѣроятно, былъ правъ. Но мы въ то время смотрѣли на дѣло иначе. Вести соціалистическую пропаганду среди рабочихъ—*обязанность* всякаго честнаго интеллигента; этимъ мы уплачиваемъ «историческій долгъ» народу. Разъ на мнѣ лежитъ обязанность заниматься пропагандой, то отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что я имѣю право требовать, чтобы мнѣ была предоставлена возможность выполнять эту обязанность. Наконецъ, исходя изъ принципа свободы преподаванія, я рѣшительно не признавалъ ни за какимъ кружкомъ права *разрѣшать* мнѣ занятіе пропагандой: если я хочу пропагандировать соціализмъ, то я ни у кого не обязанъ спрашиваться.

Самое предложеніе меня и моей жены на баллотировку кружку, въ которомъ, кромѣ Хургина, насъ никто лично не зналъ, въ моихъ глазахъ не имѣло никакого смысла: ясно было, что кружокъ можетъ рѣшить дѣло лишь на основаніи рекомендаціи

самого Хургина. Но для насъ въ этомъ видна была и закулисная сторона: Хургинъ любилъ быть генераломъ и поэтому окружалъ себя всегда очень юной молодежью, которая преклонялась предъ его авторитетомъ, а въ одномъ ульѣ двумъ маткамъ мѣста нѣтъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я и моя жена заявили ему, что, не собираясь вступить въ его организацію, мы просимъ и не предлагать насъ на баллотировку.

Въ числѣ моихъ старыхъ товарищей былъ и Левъ Осиповичъ Рогаллеръ, изъ кружка Рабиновича, отсидѣвшій два года въ виленской тюрьмѣ по дѣлу Веллера и находившійся подъ надзоромъ въ Минскѣ. Онъ познакомилъ меня съ Абрамовичемъ и наборщикомъ Іосифомъ Рѣзникомъ. Рѣзникъ былъ наиболѣе начитаннымъ изъ минскихъ рабочихъ и пользовался большимъ уваженіемъ въ ихъ средѣ. Каникулы близились къ концу, Абрамовичъ собирался въ Дерптскій университетъ и предложилъ мнѣ взять на себя руководство его кружкомъ, къ которому принадлежалъ и Рѣзникъ. Я согласился.

Знакомство мое съ его кружкомъ стоялось при весьма романтической обстановкѣ. Революціонеры въ Минскѣ въ то время были всѣ наперечетъ, слѣжка была чрезвычайно легка; къ тому же мы рисовали себѣ дѣятельность начальства такою, какою она въ жандармскомъ идеалѣ долженствовала быть; дѣйствительность, надо полагать, была и тутъ далека отъ идеала. Какъ бы то ни было, мы всегда искали самыхъ уединенныхъ мѣстъ, а потому сошлись темной ночью за городомъ на солдатскомъ кладбищѣ. Изъ бывшихъ тамъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, я хорошо запомнилъ сапожника Хейфеца, который впослѣдствіи побывалъ и въ Америкѣ и 18 октября 1905 года погибъ вмѣстѣ съ тремя дѣтьми отъ рукъ погромщиковъ въ Одессѣ.

На этой сходкѣ я ознакомился съ планомъ занятій который былъ выработанъ Абрамовичемъ и продержался въ кружкахъ сѣверо-западнаго края въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго пропагандистскаго *періода*, предшествовавшаго организаціи Бунда.

Всѣ кружки раздѣлялись на три степени: 1) кружки грамотности, въ которыхъ рабочихъ учили русскому чтенію и письму, 2) кружки естествознанія, 3) кружки соціалистическіе. Новички принимались только въ кружки первой и второй степени, въ кружки третьей степени выбирались только молодые люди и дѣвушки, прошедшіе чрезъ кружокъ второй степени.

Для настоящаго времени такая схема рабочей организаціи покажется наивною, но двадцать лѣтъ тому назадъ она вполнѣ отвѣчала цѣли, которую мы себѣ ставили. Рабочаго *движенія* въ то время еще не было. Одна стачка на Морозовской фабрикѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ концѣ 1884 года, конечно, еще не составляла движенія. Съ организаторомъ ея Петромъ Анисимовичемъ Моисеенко я много лѣтъ состоялъ въ личной перепискѣ; въ своихъ письмахъ изъ Орѣхова-Зуева онъ жаловался на отсутствіе интеллигентныхъ силъ. Мы въ Минскѣ ставили себѣ задачей созданіе

ядра интеллигентныхъ рабочихъ, которые могли бы впослѣдствіи вести пропаганду собственными силами. Совершенно естественно поэтому мы считали необходимымъ начинать работу съ изученія русскаго языка. Дѣло тутъ было совсѣмъ не въ „ассимиляторской“ или руссификаторской тенденціи, какъ это объясняли впослѣдствіи, а въ необходимости открыть будущимъ пропагандистамъ-рабочимъ доступъ къ соціалистической литературѣ. Въ срединѣ 80-хъ г.г. еще еврейской соціалистической литературы не существовало, не считая двухъ-трехъ брошюръ и листковъ, изданныхъ около того времени въ Лондонѣ; но мы и о существованіи этихъ первыхъ опытовъ не подозрѣвали. Мы подумывали въ то время о переводѣ естественно-научныхъ книжекъ на разговорный еврейскій языкъ; одинъ переводъ даже сдѣланъ былъ старикомъ-учителемъ Вольманомъ, но не находилось издателя.

Помимо этого, организуя кружки русской грамотности, мы шли навстрѣчу потребности, которая въ то время живо ощущалась въ еврейской массѣ. Начиная съ 60-хъ г., среди подростающаго поколѣнія обнаруживается страстное стремленіе къ европейскому образованію. Дѣти бѣдныхъ ремесленниковъ при самой нищенской обстановкѣ ухитрялись поступать въ гимназіи и оканчивали курсъ. Среди евреевъ нерѣдки были великовозрастные юноши, принимавшіеся за русскій букварь. Обыкновенно они находили безплатныхъ учителей между гимназистами изъ болѣе состоятельныхъ. Наши пропагандисты взяли на себя роль такихъ учителей и предлагали свои услуги, не дожидаясь спроса. (Долгое время среди минскихъ рабочихъ пропагандисты носили названіе „учителей“.)

Съ другой стороны молодежь, стремившаяся учиться, представляла наиболѣе подходящій элементъ для формировки кадровъ будущей рабочей интеллигенціи. Едва ли всѣ это вполнѣ ясно формулировали для себя въ то время, но это само собою разумѣлось.

Эта схема имѣла также достоинство и въ конспиративномъ отношеніи. Новѣйшее поколѣніе революціонеровъ, насколько я къ нему успѣлъ присмотрѣться, не выработало въ себѣ привычки къ конспираціи. Оно и понятно: теперь борьба ведется массовая, при которой конспирація служила бы только помѣхой дѣлу и въ то же время не достигала бы цѣли.

Конечно, благодаря отсутствію конспираціи, масса народу попадаетъ въ лапы полиціи, но теперь такое множество революціонеровъ, что потери, повидимому, считать не стоитъ,—лѣсъ рубятъ, щепки летятъ! Намъ приходилось распоряжаться силами экономнѣе. Къ тому же кружковой характеръ нашей дѣятельности позволялъ намъ привлекать свѣжихъ рабочихъ съ разборомъ. Въ кружкахъ грамоты и естествознанія учителя приглядывались къ рабочимъ и подбирали наиболѣе подходящихъ для соціалистическихъ кружковъ. И дѣйствительно, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ пропаганды у насъ въ Минскѣ не было ни одного ареста, несмотря на то, что черезъ наши кружки прошли сотни рабочихъ.

Однако, конспиративное обученіе людей начаткамъ грамоты представлялось мнѣ крайнею нелѣпостью. Если бы жандармы накрыли кого-нибудь изъ насъ въ такомъ кружкѣ, они никогда не повѣрили бы, что занятія наши носили столь невинный характеръ, и посадили бы всѣхъ въ кутузку, а кое кого и выслали бы, какъ за самое заправское потрясеніе основъ. Поэтому я предложилъ организовать легальную субботнюю школу, которая замѣнила бы наши конспиративные кружки первой и второй степени; изъ этой школы можно было бы уже вербовать членовъ соціалистическихъ кружковъ. Многіе изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ объ этомъ пришлось говорить, относились скептически къ возможности осуществленія моего плана. Получить разрѣшеніе на школу грамотности у насъ было крайне трудно. Но среди нашей революціонной публики былъ заграничный докторъ медицины Маркъ Вольманъ [1]), тесть котораго Ледеръ содержалъ начальное училище для еврейскихъ мальчиковъ. Вотъ я и предложилъ, чтобы Ледеръ исходатайствовалъ разрѣшеніе на открытіе при своей школѣ субботняго отдѣленія для взрослыхъ, съ тѣмъ, чтобы Вольманъ былъ преподавателемъ. Это было вполнѣ въ порядкѣ вещей, потому что Вольмана, за неимѣніемъ аттестата зрѣлости, не допускали къ государственному экзамену на званіе врача, вслѣдствіе чего онъ занимался частными уроками; политически онъ не былъ скомпрометированъ. Ледеръ согласился и отправился за разрѣшеніемъ къ директору народныхъ училищъ, у котораго онъ находился на самомъ лучшемъ счету. Тотъ тѣмъ не менѣе письменнаго разрѣшенія не далъ, а сказалъ на словахъ: „занимайтесь себѣ!“

Вѣсть объ открытіи легальной школы была цѣлымъ событіемъ въ нашихъ кружкахъ. Въ теченіе двухъ трехъ недѣль число учениковъ достигло сотни. Пришлось раздѣлить ихъ на два класса; въ помощь Вольману мы дали реалиста Шлунда, тоже вполнѣ легальнаго человѣка. Однако, о школѣ стали поговаривать „въ городѣ“, т. е. среди мѣстной буржуазіи, относившейся къ соціалистамъ весьма неодобрительно. Директору народныхъ училищъ можно было отвести глаза, но не еврейской буржуазіи, которая понимала, куда дѣло клонится. Въ воздухѣ запахло доносомъ. Кончилось тѣмъ, что недѣли черезъ четыре по открытіи школы директоръ народныхъ училищъ пригласилъ къ себѣ Ледера и „посовѣтовалъ“ ему школу закрыть. Я лишній разъ имѣлъ случай убѣдиться, что въ Россіи самое легальное положеніе— нелегальное; послѣ мѣсячнаго опыта съ легальностью мы снова вернулись къ конспиративному обученію начаткамъ русской грамоты. Однако, этотъ экспериментъ не пропалъ даромъ. Во первыхъ, въ школѣ сразу создалась революціонная атмосфера: ученики понимали, что эта школа только преддверіе къ чему то высшему, которое манило ихъ прелестью запретнаго плода. Во-вторыхъ, закрытіе школы имѣло революціонизирующее вліяніе на учениковъ, которые на себѣ ощутили прикосновеніе самодержав-

---

[1]) Умеръ въ штатѣ Нью-Джерзи въ 1895 г.

ной десницы. Въ третьихъ, ученики вошли въ наши конспиративные кружки.

Хургинъ и его кружокъ относились къ нашей затѣѣ съ насмѣшкой. Но когда школа была закрыта, двое рабочихъ изъ его кружковъ отправились къ раввину Ханелесу и грозили избить его, такъ какъ городская молва называла и его въ числѣ виновниковъ закрытія школы. Намъ это непрошенное заступничество было крайне непріятно. Во первыхъ, мы не имѣли никакихъ данныхъ для обвиненія Ханелеса, который въ 70-хъ г.г. самъ относился сочувственно къ пропагандистской дѣятельности Рабиновича; хотя послѣ ареста Рабиновича, онъ устранился отъ общенія съ революціонерами, но отсюда до доноса еще очень далеко. Во вторыхъ, такого рода „терроръ“ могъ обратить на насъ вниманіе властей и повредить нашей дѣятельности. Однако, дѣло на этотъ разъ обошлось благополучно.

Конспиративное обученіе грамотѣ требовало большого числа людей, такъ какъ въ одинъ кружокъ нельзя было соединить больше десятка учащихся. Хотя у насъ никакой формальной организаціи не было, никого мы не „принимали въ кружокъ“, но естественнымъ путемъ образовалась группа лицъ, которыя работали сообща. Кромѣ меня, моей сестры, моей жены и кружка Абрамовича, въ нашу группу вошли всѣ отщепенцы, не нашедшіе себѣ мѣста въ „организаціи“ Хургина. На мѣстномъ жаргонѣ наша группа получила кличку „исааковцевъ“ (въ кружкахъ того времени меня звали запросто Исаакомъ), въ отличіе отъ „ефимовцевъ“, учениковъ Ефима Хургина. [1]) Игнорируя организацію послѣднихъ, я вступалъ, однако, въ сношенія съ отдѣльными членами ея, какъ индивидуумами, когда представлялась надобность.

Пропаганда въ рабочихъ кружкахъ того времени ограничивалась анализомъ экономическихъ основаній капиталистическаго строя и начертаніемъ соціалистическаго идеала. Политическихъ вопросовъ касались мало. Благодаря этому, политическія понятія рабочихъ, да и не однихъ рабочихъ, представляли своеобразную смѣсь бакунинскаго анархизма съ якобинскимъ бюрократизмомъ. Напр. должность предсѣдателя отрицалась, собранія безпорядочностью походили на мірской сходъ; въ результатѣ, кто погорланистѣе, монополизировалъ весь вечеръ, а остальные должны были молчать. Я ввелъ въ обычай избраніе предсѣдателя на каждое собраніе и запись ораторовъ. Затѣмъ я сталъ на очень простомъ и общепонятномъ практическомъ дѣлѣ знакомить рабочихъ съ началами самоуправленія и парламентаризма. Рабочіе рѣшили устроить собственную библіотечку. Мы стали вырабатывать, статью за статьей, уставъ этой библіотечки. Эти занятія живо

---

[1]) Въ концѣ 90-хъ г.г. въ Минскѣ появилась новая формація „ефимовцевъ“— послѣдователи Ефима Гальперна, сосланнаго около того-же времени въ Восточную Сибирь.

заинтересовали учредителей ея, которыхъ было десятка полтора. Вопросы были такъ конкретны, что каждый въ состояніи былъ внести какое нибудь предложеніе. Это предложеніе обсуждалось принципіально, съ точки зрѣнія соотвѣтствія его началамъ демократіи и свободы. Обыкновенно я предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ и въ своемъ резюме освѣщалъ принципіальную сторону вопроса, если она не была достаточно выяснена преніями между самими рабочими. Если мое резюме вызывало новые вопросы или возраженія, то пренія возобновлялись. Спѣшить намъ было незачѣмъ и некуда. Одно правило я ввелъ для ограниченія безконечныхъ словопреній: не дозволялось повторять того, что уже было высказано другими. Если кто-либо позволялъ себѣ уклоняться отъ этого правила, то его сейчасъ-же останавливали криками: „уже высказано“: въ такихъ случаяхъ и я пользовался своею предсѣдательскою властью и, при всеобщемъ одобреніи, останавливалъ оратора. Такого правила нѣтъ и, конечно, не можетъ быть ни въ одномъ парламентскомъ регламентѣ, но у насъ оно дѣйствовало превосходно.

Я сдѣлалъ еще попытку организаціи потребительнаго общества, опять съ цѣлью главнымъ образомъ воспитанія въ рабочихъ привычки къ веденію общественнаго дѣла. Но почва для такого предпріятія оказалась неблагопріятной: за исключеніемъ одного или двухъ рабочихъ, у насъ все былъ народъ очень молодой, безсемейный, жившій на хлѣбахъ у родителей и потому ничего не покупавшій.

На первыхъ же порахъ намъ представился случай обсудить на практикѣ вопросы о централизаціи и федерализмѣ. У ефимовцевъ была небольшая рабочая библіотечка; прослышавши о нашей библіотечкѣ, они предложили намъ объединить ихъ. Но здѣсь возникъ вопросъ о завѣдываніи объединенной библіотекой. Въ настоящее время этотъ вопросъ можетъ показаться забавнымъ: въ обѣихъ библіотечкахъ было такъ мало книгъ, что съ практической точки зрѣнія не стоило и разговаривать о томъ, кто и какъ ими будетъ завѣдывать. Но въ то время намъ дѣло представлялось въ иномъ свѣтѣ. Ефимовцы были народовольцами и налагали цензуру на имѣвшуюся у нихъ нелегальную литературу. Напр., въ ихъ библіотекѣ для интеллигенціи имѣлся одинъ экземпляръ „Нашихъ разногласій“ Плеханова; этотъ экземпляръ, однако, выдавался только лицамъ вполнѣ, такъ сказать, „политически благонадежнымъ“, на которыхъ чтеніе этого произведенія, какъ полагали, не могло оказать тлетворнаго вліянія. Я вышучивалъ это „изъятіе книгъ изъ общественныхъ библіотекъ“ и предоставленіе ихъ для чтенія, въ нѣкоторомъ родѣ, „особамъ первыхъ четырехъ классовъ“. Далѣе ефимовцы обвиняли насъ въ недостаточной конспиративности при выборѣ членовъ нашихъ кружковъ; мы же стремились охватить своей пропагандой возможно шире верхи рабочихъ. На этой почвѣ конфликты были бы неизбѣжны. Даже и людей, вполнѣ свыкшихся съ пріемами конспираціи, нерѣдко коробитъ отъ слишкомъ рѣзкихъ ея проявленій; а

нужно сказать, что наши революціонеры въ такихъ случаяхъ порою обнаруживаютъ замѣчательную способность копировать манеры околодочныхъ надзирателей. Представьте же себѣ, что мало распропагандированный рабочій является къ какому нибудь конспиративному чину за легальной книжкой безъ надлежащаго „удостовѣренія личности“ и встрѣчаетъ не то нигилистскій, не то мымрецовскій пріемъ. Намъ представлялось, что это могло бы только оттолкнуть отъ насъ рабочихъ.

На этой почвѣ и возникли у насъ въ библіотечномъ кружкѣ дебаты о централизаціи и федерализмѣ. Мы выработали планъ федеративной связи между обѣими библіотечками, ефимовцы настаивали на центраилзаціи: чѣмъ кончилось, я теперь уже хорошенько не помню; кажется, дѣло такъ и не сошлось.

Этотъ чисто практическій курсъ конституціоннаго права я старался пополнить теоретическими занятіями. Мы выбрали наиболѣе развитыхъ рабочихъ, въ томъ числѣ трехъ ефимовцевъ, и читали сообща Милля „О представительномъ правленіи“, сопровождая чтеніе комментаріями и дебатами о правахъ меньшинства и предѣлахъ власти большинства.

Зимою 1885—86 г. я также возбудилъ мысль о демонстраціи по какому-нибудь понятному для всѣхъ поводу. Для этого, конечно, требовалось совмѣстное дѣйствіе обѣихъ «фракцій», если позволено будетъ такъ выразиться,—исааковцевъ и ефимовцевъ. Мы пригласили на совѣщаніе представителей ефимовцевъ. По этому поводу на квартирѣ Іосифа Рѣзника состоялось, кажется, два собранія. Отъ ефимовцевъ присутствовало двое рабочихъ, одинъ плотникъ и одинъ столяръ (оба теперь въ Америкѣ) и нѣсколько интеллигентовъ, главнымъ ораторомъ которыхъ былъ Соломонъ Мерлинскій [1]). Онъ въ то время былъ гимназистомъ лѣтъ шестнадцати, но онъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе своимъ яснымъ умомъ и значительнымъ для своего возраста развитіемъ. Ефимовцы всѣ были противъ «открытыхъ выступленій»,—примѣняя современный терминъ къ условіямъ того далекаго прошлаго, и мысль о демонстраціи была отвергнута.

Для меня лично эти собранія послужили началомъ знакомству, а впослѣдствіи личной дружбѣ съ Мерлинскимъ. Что-же касается нашихъ рабочихъ кружковъ, то между ними тоже естественно началось общеніе: наши ходили на занятія въ ефимовскіе кружки и привлекали къ намъ ефимовскихъ рабочихъ. Какъ я уже сказалъ, фракціонное раздѣленіе это было „организаціоннымъ“, какъ выразились-бы теперь. Въ Россіи „организаціонное“ дѣленіе почему-то противополагается «принципіальному». Въ Америкѣ уже сознано, что вопросъ о формѣ организаціи самъ по себѣ тоже представляетъ важный принципіальный вопросъ. Въ современной американской политикѣ эта борьба между „исааковцами“ и „ефи-

[1]) Былъ въ ссылкѣ въ Вологодской губ. въ 1890—1892 гг. Въ настоящее время живетъ въ Варшавѣ и стоитъ внѣ политики.

мовцами" охарактеризована была бы, какъ борьба «независимыхъ демократовъ» противъ партійнаго „боссизма" [1]).

О классовой борьбѣ въ то время у насъ велись только теоретическіе разговоры; практическаго значенія, въ виду малочисленности нашихъ силъ при раздробленности еврейскихъ рабочихъ въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, эти разсужденія не имѣли. Самыми крупными предпріятіями у насъ были типографіи; тамъ положено было основаніе профессіональному союзу типографскихъ рабочихъ. Хозяева сразу обнаружили классовой инстинктъ и стали донимать придирками рабочихъ, принадлежавшихъ къ соціалистическимъ кружкамъ. Но до открытаго конфликта дѣло не дошло.

Лѣтомъ 1886 года независимо отъ насъ вспыхнула стихійная забастовка обойщиковъ. Мы сейчасъ же поспѣшили на помощь забастовщикамъ. На квартирѣ Рѣзника состоялось одно или два собранія; еще одно собраніе состоялось на городскомъ скверѣ.

Бастовало всего десятка полтора рабочихъ одной мастерской. Хозяинъ собирался было выписать рабочихъ изъ Вильна, но стачка черезъ нѣсколько дней окончилась соглашеніемъ. Была еще забастовка учениковъ еврейскаго ремесленнаго училища, которые находились подъ вліяніемъ ефимовцевъ, забастовка возникла на почвѣ недовольства учениковъ смотрителемъ; кажется, ему даже грозили побоями. Въ городѣ она надѣлала много шуму, потому что училище содержится на благотворительныя средства и во главѣ его стоятъ мѣстные нотабли. Присутствіе моей жены на одной изъ сходокъ забастовщиковъ придало дѣлу въ глазахъ попечителей опасный политическій характеръ. Чѣмъ кончилось дѣло, сейчасъ уже не упомню.

Ростъ нашихъ кружковъ выдвинулъ предъ нами квартирный вопросъ. Лѣтомъ собирались за городомъ, въ лѣсу; зимою приходилось отыскивать квартиры. Вначалѣ собирались у Рѣзника; онъ былъ человѣкъ семейный, жена его содержала мастерскую женскихъ платьевъ; онъ сдавалъ двѣ комнаты внаймы рабочему и работницѣ, тоже членамъ нашихъ кружковъ. Но собираться всѣмъ у него было по полицейскимъ условіямъ неудобно. Собирались еще у несемейныхъ рабочихъ и работницъ; но, во-первыхъ, помѣхой служили родители, а во-вторыхъ въ крошечную комнатку, гдѣ было мѣсто только для стола и кровати, набивалось иногда болѣе десятка народа.

Мы рѣшили снять квартиру для собраній. Найдена была квартира изъ трехъ комнатъ на Нижнемъ Базарѣ, гдѣ вѣчно толчется народъ. Домъ былъ съ проходнымъ дворомъ и воротами на три улицы. Въ полицейскомъ отношеніи всѣ предосторожности были соблюдены. Но намъ, однако, пришлось бросить эту квартиру до истеченія мѣсячнаго срока. На квартирѣ поселилось двое

[1]) Boss—партійный „хозяинъ", которому повинуется партійная „машина". См. объ этомъ мою статью въ III томѣ сборника: „Государственный строй З. Европы и С. Амер. Соед. Штатовъ", изд. Глаголева.

молодыхъ людей, меблишка была немудрая, бѣднѣе даже, чѣмъ у заурядныхъ еврейскихъ бѣдняковъ,—наши фонды не дозволяли большаго. И вотъ эту квартиру стала посѣщать, особенно по вечерамъ, молодежь обоего пола. Сосѣди были скандализованы и заключили, что въ квартирѣ пріютился тайный притонъ проституціи. Грозили недоразумѣнія съ полиціей, которыя кончились бы облавой и проваломъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ. Пришлось собранія прекратить. Затѣмъ мы наняли квартиру на окраинѣ города (Романовкѣ). Тамъ поселился вернувшійся изъ Америки молодой человѣкъ Гиршфельдъ [1]), подъ видомъ учителя англійскаго языка. Начавшееся эмиграціонное движеніе давало правдоподобное объясненіе для сосѣдей посѣщенію его квартиры множествомъ учениковъ и ученицъ, собиравшихся группами для совмѣстныхъ уроковъ. Однако въ непродолжительномъ времени эту квартиру прослѣдили шпіоны; въ Минскѣ это дѣлалось патріархально, шпіоны были всему городу извѣстны.

Сколько въ нашихъ кружкахъ было всѣхъ рабочихъ, учесть было трудно. Лѣтомъ 1886 года мы однажды устроили собраніе всѣхъ „учителей“ для подведенія итоговъ; оказалось, въ «исааковскихъ» кружкахъ всѣхъ степеней было 130 рабочихъ; сколько было у «ефимовцевъ», мы не знали. Если принять упомянутую выше цифру Хургина и вычесть тѣхъ, которые посѣщали и тѣ и другіе кружки, то по всей вѣроятности было всѣхъ вмѣстѣ не менѣе 250 человѣкъ. Спустя два года, я предпринялъ объѣздъ главныхъ центровъ Сѣверозападнаго края; въ Бѣлостокѣ и Гроднѣ совсѣмъ не оказалось рабочихъ кружковъ, а въ Вильнѣ мнѣ Левъ Іогихесъ [2]) («Левка») сообщилъ, что у нихъ есть кружокъ изъ *четырехъ* рабочихъ. О великорусскихъ губерніяхъ, конечно, и говорить нечего. Въ то время о пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ никто не думалъ.

Первый арестъ у насъ въ Минскѣ произошелъ въ февралѣ 1887 года. Взятъ былъ Іосифъ Рѣзникъ въ типографіи по доносу провокатора рабочаго той же типографіи Зархина. Въ награду Зархинъ получилъ разрѣшеніе на открытіе типографіи въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Рѣзникъ былъ сосланъ въ якутскую область, откуда вернулся въ 1892 году безъ права работать въ типографіяхъ. Въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Америку.

Арестъ Рѣзника всполошилъ дремавшую до тѣхъ поръ жандармерію. Начался рядъ обысковъ у рабочихъ; стали тягать ихъ на допросы. Однако въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ жандармамъ не удавалось ничего выпытать. Лишь въ концѣ 1889 года арестъ рабочаго, который у насъ былъ извѣстенъ подъ кличкой Лапласа (фамиліи его не помню), далъ имъ въ руки слабаго юношу, отъ котораго они вывѣдали кое-что о нашихъ кружкахъ.

---

[1]) Въ настоящее время врачъ въ Миннеаполисѣ, въ Соед. Штатахъ, и видный дѣятель соціалистической партіи: выставлялся соціалистическимъ кандидатомъ на должность губернатора штата Миннесоты.

[2]) Впослѣдствіи долгое время былъ эмигрантомъ.

Гораздо больше, чѣмъ полицейскія преслѣдованія, тормозила нашу работу начавшаяся эмиграція въ Америку. Фактически мы подготовляли соціалистическихъ рабочихъ для Америки. Когда я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ, въ концѣ 1890 года, я тамъ засталъ «Русское рабочее общество саморазвитія», которое въ публикѣ называлось „минскимъ рабочимъ обществомъ". Дѣйствительно, изъ 35 членовъ этого общества 32 были минскіе рабочіе [1]). Въ томъ же году мы устроили въ Нью-Іоркѣ подъ русскій Новый годъ «балъ минскихъ соціалистовъ», на который приглашены были, кромѣ почетныхъ иногородныхъ гостей, всѣ, кто когда-либо участвовалъ въ минскихъ кружкахъ: такихъ набралась цѣлая сотня.

Тѣмъ не менѣе пропаганда среди рабочихъ не прекращалась въ Минскѣ никогда; одни уѣзжали, на ихъ мѣсто являлись другіе; такъ продолжалось вплоть до начала массового движенія еврейскихъ рабочихъ. Изъ Минска наши кружковые рабочіе переѣзжали въ поискахъ работы въ другіе города. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ перваго кружка Абрамовича Яковъ Звиринъ попалъ наборщикомъ въ типографію „Смоленскаго Вѣстника". Тамъ онъ сошелся съ интеллигенціей, группировавшеюся около газеты и, при ея содѣйствіи, занялся пропагандой среди рабочихъ. Въ 1889 году ихъ кружокъ былъ арестованъ. Звиринъ высидѣлъ годъ въ Крестахъ и по освобожденіи, конечно, уже лишенъ былъ права работать въ типографіяхъ. Онъ переселился въ Америку и въ настоящее время живетъ въ Нью-Іоркѣ. Въ какой мѣрѣ наши минскіе рабочіе содѣйствовали пробужденію сознанія своихъ товарищей въ другихъ городахъ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ 1890 году я самъ оставилъ Россію.

Назвать наши первые рабочіе кружки 1884—86 г.г. соціалдемократическими въ отличіе отъ народовольческихъ едва ли было бы правильно. Акимовъ въ своемъ „Очеркѣ развитія соціалдемократіи въ Россіи" называетъ Абрамовича соціалдемократомъ. Это совершенно вѣрно по отношенію ко времени его ареста въ 1889 году, но я не рѣшился бы утвердительно сказать то же самое о томъ періодѣ, къ которому относится образованіе имъ первыхъ рабочихъ кружковъ въ Минскѣ. Группа Освобожденія Труда только что тогда образовалась. Личныхъ связей съ нею, поскольку мнѣ извѣстно, у Абрамовича въ бытность его въ Парижѣ въ 1883—4 году не установилось. Абрамовичъ былъ выдающійся по своимъ способностямъ и образованію юноша 19—20 лѣтъ, но успѣлъ ли онъ уже самостоятельно выработать себѣ въ то время ясное соціалдемократическое міросозерцаніе, сомнѣваюсь. О себѣ я уже говорилъ. Изъ литературы Группы Осво-

[1]) Въ слѣдующемъ году это общество, по иниціативѣ д-ра Ингермана, было преобразовано въ „Русское соціалдемократическое общество". Это общество оказывало серьезную матеріальную поддержку Союзу Освобожденія Труда и соціалдемократической партіи въ первые годы ея существованія.

божденія Труда у насъ въ Минскѣ вплоть до 1890 г. имѣлся только одинъ экземпляръ „Нашихъ разногласій“. Нѣкоторая духовная связь съ Группой у насъ установилась только въ 1887 году, когда къ намъ пріѣхалъ Шмулевичъ („Кивель“), прежній „ефимовецъ“, побывавшій въ Швейцаріи и сдѣлавшійся тамъ соціалдемократомъ [1]). Но Шмулевичъ не обладалъ способностями миссіонера и потому личное вліяніе его было слабо.

Осенью того же года до насъ дошла изъ Швейоаріи брошюра: „Программа для обсужденія програмныхъ вопросовъ“. Это было чрезвычайно дѣльно, всесторонне и безпристрастно составленное резюме всѣхъ вопросовъ, по которымъ въ то время среди революціонной молодежи существовали разногласія. Авторы программы рекомендовали образовывать кружки для обсужденія и выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. У насъ эта мысль встрѣчена была всеобщимъ сочувствіемъ. Устроено было собраніе, на которое явилось человѣкъ двадцать или тридцать. Пренія велись на страшный анархическій ладъ. Мое предложеніе избрать предсѣдателя и установить запись ораторовъ не нашло поддержки, какъ явная „исааковская“ ересь. Половина вечера прошла въ словесномъ турнирѣ между Хургинымъ и Львомъ Марковичемъ Закомъ [2]). Хургинъ отстаивалъ «захватъ власти», а Закъ возражалъ, что «за этимъ дѣломъ намъ надлежитъ обратиться къ генералу Бѣлову» (мѣстному воинскому начальнику). Мнѣ этотъ безпорядочный дуэтъ надоѣлъ и я ушелъ, не дождавшись конца. Въ тотъ же вечеръ рѣшено было по полицейскимъ соображеніямъ разбиться на меньшія группы. Такихъ группъ образовалось три. Одна очень скоро перестала собираться. Другая, состоявшая изъ семинаристовъ и учителей, собиралась нѣкоторое время, но вскорѣ обнаружилось, что дебаты колеблютъ основы народнической вѣры и приводятъ къ безотраднымъ выводамъ. Вслѣдствіе этого, какъ передавалъ «Егорычъ» [3]), рѣшено было вовсе прекратить обсужденіе програмныхъ вопросовъ и остаться при прежнемъ міросозерцаніи. Третья группа, собиравшаяся на моей квартирѣ, довела обсужденіе до конца. Въ ней участвовали, кромѣ меня, жены и сестры, Мерлинскій, Шмулевичъ, Ефимъ Галь-

---

[1]) Въ 1889 г. онъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Россіи и до 1896 г. жилъ въ Швейцаріи, гдѣ былъ активнымъ членокъ соціалдемократическихъ организацій. Въ 1896 г. онъ переселился въ Америку и въ настоящее время живетъ въ Чикаго.

[2]) Л. М. Закъ былъ арестованъ въ 1879 г. за участіе въ одномъ изъ землевольческихъ кружковъ, работавшихъ на Волгѣ и на южномъ Уралѣ, и былъ административно сосланъ въ Енисейскъ, откуда вернулся въ 1886 году. Весною 1888 г. онъ снова былъ арестованъ въ Минскѣ и сосланъ въ Якутскую область, откуда онъ вернулся въ 1896 г. По возвращеніи изъ вторичной ссылки, онъ вмѣстѣ съ моей сестрой приступилъ къ переводу I т. „Капитала“ К. Маркса, но умеръ въ въ 1897 г. до окончанія работы. Переводъ вышелъ въ 1899 г. подъ редакціей П. Б. Струве.

[3]) Одинъ изъ немногихъ, ускользнувшихъ отъ бдительнаго ока начальства; состоитъ на государственной службѣ, а потому настоящее его имя не можетъ быть оглашено.

пернъ, съ весны 1888 г. Абрамовичъ, и др. Мы собирались разъ въ недѣлю въ теченіе полугода, и въ результатѣ большинство изъ насъ, включая Абрамовича, мою сестру и меня, приняло по всѣмъ программнымъ вопросамъ соціалдемократическія формулы.

И. Гурвичъ.

Воспоминанія.

(*Окончаніе.*)

XII.

Либеральныя начинанія той эпохи были разбиты встрѣчнымъ теченіемъ. Въ силу интерференціи волна слилась съ долиной и тьма поглотила свѣтъ. Какія перемѣны внесла эта коллизія въ военную касту? Но русская весна 60-хъ г.г. была такъ скоротечна, что не успѣла всколыхнуть хорошенько военные слои; а наступившая мгла слишкомъ искажала очертанія каждаго образа и я чувствую, какъ почва ускользаетъ подъ моими ногами, при попыткѣ уловить что-нибудь особенно новое въ людяхъ и дѣлахъ ихъ до начала новаго періода, т. е. до конца 70 г.г. Неудивительно, что въ тѣ времена, которыя я описываю—времена процвѣтанія сатиры—мнѣ вспоминаются ясно только гоголевскіе типы изъ военной среды, да ихъ дѣянія. Замѣчательно, что разсказы изъ военнаго быта 50—70 г.г. нашихъ большихъ писателей, напр. военные разсказы Толстого и Гаршина обходятъ мирное время и воспроизводятъ картины и типы военнаго времени. Насколько мнѣ извѣстно только Ивановичъ далъ нѣсколько замѣчательныхъ очерковъ изъ «мало знакомаго быта» въ мирной обстановкѣ[1]). Въ разсказахъ изъ военнаго быта мирнаго времени описывалось обыкновенно офицерское общество, да изображался удивительный типъ русскаго Фигаро—офицерскаго деньщика, и только въ очеркахъ изъ военнаго времени мы встрѣчались съ героическимъ образомъ русскаго солдата. И это не даромъ. Гарнизонная служба сплачиваетъ солдатъ въ одну безразличную массу и героическія, или индивидуальныя выступленія при этомъ едва-ли возможны. Мирный режимъ у насъ создаетъ хорошо натасканнаго эквилибриста и аккуратнѣйшаго исполнителя, напоминающаго собою старо-нѣмецкаго капрала. Но при этомъ бросаются въ глаза природныя способности русскаго солдата, непривитыя казармой. Молодые солдаты вообще отличались удивительной воспріимчивостью и гибкостью. Даровитый русскій человѣкъ, какъ Протей способенъ къ быстрымъ и разнообразнымъ превращеніямъ. Фабричный рабочій, земледѣлецъ, мѣщанинъ,

---

[1]) Лучшіе разсказы Тхоржевскаго относятся къ военному времени.

мастеровой и пр. и пр. съ большой скоростью превращался въ центавра-кавалериста, въ морского волка, въ солиста на корнетѣ, или другомъ инструментѣ, въ полкового фельдшера, въ канцеляриста, вершающаго въ сущности за спиною адъютанта всѣ канцелярскія дѣла, въ сановитаго швейцара, въ дворника-цербера и, какъ показали недавнія событія, въ сознательнаго крамольника. И до всего этого они доходили, главнымъ образомъ, своимъ умомъ потому, что казарма пыталась изъ нихъ сдѣлать только будочника и безсловеснаго автомата. Вся строевая подготовка въ ротѣ и преподаваніе въ ротной и полковой школѣ въ сущности лежала на солдатахъ-же—унтерахъ; а на офицеровъ возлагалось общее руководство и направленіе обученія и воспитанія. Иначе и быть не могло потому, что начальство слишкомъ подозрительно относилось къ сближенію младшихъ офицеровъ съ солдатами. Солдату давали строевую выправку и отъ него требовали знанія на зубокъ солдатскаго катехизиса («словесности»), исправности, безусловной исполнительности и показного искусства. Потомъ наскоро сколачивали шеренги въ роты, роты въ баталіоны. Занятія слрѣльбой были продолжительнѣе и можетъ быть немного основательнѣе. На смотрахъ-экзаменахъ показывали товаръ лицомъ, для чего мало помалу слагалась длинная серія фокусовъ, которые совершались по общему соглашенію. Ротные командиры обманывали полкового; всѣ гуртомъ обманывали начальника дивизіи и т. д. Понятно, что безъ содѣйствія солдата такія операціи невозможны. Солдаты даже отмѣчали свое содѣйствіе въ данномъ случаѣ соотвѣствующимъ терминомъ: «Мы пригнали начальнику дивизіи (или другому инспектору) наушники!» Я, какъ участникъ подобныхъ манипуляцій, утверждаю, что такимъ путемъ удавалось пустить пыль въ глаза самому опытному, осторожному и свѣдущему инспектору.

«Человѣкъ въ футлярѣ» поможетъ читателю, вообразить себѣ солдатскаго педагога; только скрытая задача воспитанія—отупѣніе воспитываемаго—проявлялась въ войскахъ откровеннѣе. Для рѣшенія этой задачи приходилось соединять несоединимое: государству нужны были врачи, техники, юристы, учителя и т. д., т. е. спеціально образованные, но при этомъ послушные и обезличенные люди; государству также нужно было пушечное мясо, но одушевленное героизмомъ. И для такого дѣла находилось болѣе чѣмъ достаточно упорныхъ сотрудниковъ.

Небольшая сцена изъ военной жизни покажетъ какая при этомъ выходила путанница. Мы на экзаменѣ для производства въ унтеръ-офицеры окончившихъ курсъ полковой учебной команды. Предсѣдательствуетъ командиръ полка полковникъ Стоколовъ, крупный, кряжистый человѣкъ съ большой головой, остриженной подъ гребенку; бакенбарды его кустятся и на скулахъ топорщатся; говоритъ онъ зычнымъ голосомъ. Передъ комиссіей читаетъ красивый солдатикъ звонкимъ голосомъ, что-то про дикихъ свиней и про охоту на нихъ. «Довольно! Разскажи, что прочиталъ»—останавливаетъ его полковникъ. Лицо солдатика краснѣетъ, брови подымаются, лобъ морщится, губы беззвучно шевелятся и онъ, время отъ времени подается, или лучше сказать суется всѣмъ тѣломъ впередъ. Очевидно бѣдняга все

понялъ, но не находитъ выраженія для своихъ мыслей; наконецъ, встряхнувшись онъ произноситъ: «Кабанъ... Ваше В. Благородіе!»— «Ну, что же такое кабанъ? Разскажи, братецъ, по понятнѣе, пояснѣе!»— «Свинья. Ваше В. Благородіе!»—«Самъ ты свинья! Пшолъ! Животное! Полюбуйтесь на эту скотину!» гремитъ Стоколовъ и гнѣвно качаетъ головой въ сторону преподавателей. На смѣну выступаетъ очень бойкій баталіонный писарь и законоучитель (полковой священникъ) заставляетъ его прочитать «Вѣрую». Писарь трещитъ какъ электрическій звонокъ. «Скажи, братецъ, что такое значитъ «И воскресшаго въ третій день по писаніямъ?»—«Значитъ Ваше В. Благородіе, Христосъ воскресъ и росписался!»—отвѣчаетъ тотъ безъ запинки. «Оселъ! Гдѣ же онъ росписался?!» Писарь не смущаясь старается подыскать отвѣтъ; но это ему не удается. «Въ разносной книгѣ что ли, болванъ?!»— «Такъ точно!» радостно отвѣчаетъ тотъ. «Дубина! Пошолъ!» кричитъ весело Стоколовъ и на лицѣ его сіяетъ довольная улыбка. Третій солдатикъ на вопросъ: почему послѣдняя недѣля поста называется страстной? выговариваетъ стремительно: «Потому Ваше В. Б—діе, что на седьмой недѣлѣ Христосъ предался всѣмъ страстямъ своимъ!» Батюшка съ упрекомъ замѣчаетъ: «Опомнись! О комъ ты это говоришь!»—«Экая скотина! Экая дурачина!» тихо и любуясь солдатомъ произноситъ Стоколовъ: онъ доволенъ и лучше батюшки понимаетъ, что солдатикъ по непривычкѣ къ мышленію только дико выразился; это сейчасъ же подтверждается. На вопросъ: какихъ правъ лишается солдатъ, приговоренный къ каторгѣ? тотъ даетъ топорно выраженный, но вѣрный отвѣтъ: «Лишается воинскаго званія, лишается, Ваше В. Б—діе, всего своего имущества и своихъ отеческихъ чувствъ!» (т. е. права состоянія, семейныя права). Экзаменъ прошелъ блистательно: всѣ удостоились производства въ унтеръ-офицеры; Стоколовъ остался очень доволенъ и благодарилъ. Такихъ знаній и такого развитія было за глаза достаточно для солдата лишь бы строевая и дисциплинарная выправка кандидата соотвѣтствовала требованіямъ командира.

Каждый солдатъ, кромѣ дѣйствительно необходимыхъ свѣдѣній, долженъ былъ знать наизусть напр.: все начальство по восходящей линіи до министра съ подробнымъ указаніемъ на чины, титулы, должностное положеніе, имя, отчество и т. д. И на инспекторскихъ смотрахъ, высшее начальство неизмѣнно получало смѣшные отвѣты. Напр.: «Кто я таковъ?»—спрашиваетъ начальникъ дивизіи молодого солдатика, совсѣмъ сбитаго съ толку солдатской словесностью. «Вы изволите быть, ваше благородіе, Его Превосходительство генералъ... генералъ... генералъ-бомбардиръ! Ваше В. бл-діе!»—«Сами вы бомбардиръ и рота ваша бомбардирская!» обращается обиженный генералъ къ ротному командиру. «А кто у тебя братецъ командиръ полка?» спрашиваетъ онъ другого. —«Г-нъ Блиновъ, а прозывается онъ Поповъ!» (Блиновъ полковой командиръ, Поповъ—батальонный) —«Да, я вижу, подполковникъ Поповъ, что и батальонъ вашъ бомбардирскій!»... —«Ну, скажи ты, какіе у меня глаза?» Этотъ вопросъ могъ бы поставить втупикъ весь полковой штабъ съ командиромъ полка во главѣ. Солдатикъ топорщится на генерала и молчитъ; на выручку ему спѣ-

шитъ капральный, нашептывая: «голубые, голубые, голубые» —«Глупые, Ваше Превосходительство!» выкрикиваетъ солдатикъ тѣмъ тономъ, какимъ было сказано когда-то: «Эврика!»—«Ну, полковникъ Блиновъ, я могу поздравить васъ съ великолѣпными результатами зимнихъ занятій въ полку!» иронизируетъ генералъ. Однако, смотръ сходитъ благополучно, потому что подобные неудачные отвѣты получались очень часто, да къ тому же они скрашивались «молодецкими» отвѣтами; значитъ все обстояло благополучно.

Зимою роты расквартировывались по деревнямъ и находились на хозяйскомъ довольствіи, причемъ хлѣбный паекъ, т. е. 1 пудъ 28 фун. муки въ мѣсяцъ на солдата, слѣдовало отдавать хозяину; но этого никогда не бывало. Въ концѣ мѣсяца сельское, или волостное правленіе уступало слѣдуемый крестьянамъ провіантъ за нѣсколько ведеръ водки и выдавало ротному командиру квитанцію, гдѣ говорилось о полученіи полностью пайка и о томъ, что постояльцы никакой обиды хозяевамъ не причиняли. «Прощенный» крестьянами провіантъ составлялъ весьма значительную доходную статью для полка, поступая въ экономическія суммы. Нетрудно понять, какъ велика была эта мужицкая жертва. Если въ деревнѣ напр.: на постоѣ находилось, положимъ, 30 челов., то взамѣнъ двухъ, а можетъ быть одного ведра водки, деревня уступала ротѣ ежемѣсячно 50 пудовъ съ лишнимъ муки. О хищеніи и безгрѣшныхъ доходахъ распространяться не стоитъ. Всякій старослужащій знаетъ на этотъ счетъ факты, могущіе показаться на первый взглядъ небылицею: одинъ командиръ держалъ лошадей чуть ли не круглый годъ на подножномъ корму, подкармливая ихъ къ смотру, какъ говорили насмѣшники, цитварнымъ сѣменемъ. Другой командиръ получалъ съ отхожаго мѣста при полковомъ лазаретѣ 400 рублей въ годъ: онъ вовсе не топилъ тамъ каминъ, который слѣдовало топить непрерывно цѣлый годъ для вентиляціи; а справочныя цѣны на топливо въ тѣхъ мѣстахъ были очень высокія. Не стану я говорить о грошахъ, которыми пользовались иногда въ свою очередь младшіе начальники. Безпокойныхъ обличителей безпощадно гнали и выживали изъ полка; къ равнодушнымъ относились доброжелательно; а сотрудниковъ отличали и выдвигали. Такъ, факторъ хищенія вліялъ на всѣ другія отношенія въ полку, совершая искусственный подборъ плутовъ. Такъ, укоренялась и вѣтвилась сама система хищенія, заражая и развращая даже солдатъ. Лучшіе, честнѣйшіе солдаты, выбираемые ротой въ артельщики, начинали мало по малу мошенничать. Для устраненія этого ввели новыхъ выборныхъ отъ каждаго капральства (взвода) «комитетчиковъ» для надзора за артельщикомъ. Эти контролеры или дѣлились съ артельщикомъ, или молча смотрѣли, какъ ихъ товарищи обманываютъ своего же брата. Нѣкоторые ближайшіе начальники, которымъ было слишкомъ больно видѣть такое распутство,—а искоренить его они были не въ силахъ—упрашивали, или, превышая власть, запрещали солдатамъ выбирать лучшихъ людей въ артельщики, чтобы спасти ихъ отъ соблазна и паденія: а высшее начальство прямо таки постановило ни въ какомъ случаѣ не выдавать артельщику на руки болѣе 30 рублей.

Плутовская организація развертывалась, пуская отростки и разбрасывая свои ядовитыя споры, а честные люди приходили въ отчаяніе отъ своего безсилія. Разговоры въ дружескомъ кружкѣ не могли обходить такой жгучей темы, и невольно склонялись къ насильственному рѣшенію, можетъ быть по свойству военнаго человѣка не развязывать, а разрубать гордіевы узлы. Рѣчи о притѣсненіяхъ, произволѣ, казнокрадствѣ старшихъ, о податливости младшихъ прерывались возгласомъ: «нѣтъ, Г.г., я обругаю публично N N воромъ и дамъ ему въ морду!» —«Напрасно,—слѣдовало возраженіе,—тебя отдадутъ подъ судъ, а все останется по старому!» —«Самодура повалить не трудно, но уничтожишь ли этимъ самодурство?» (Добролюбовъ). Всѣмъ становилось ясно, что наши домашнія дѣла пребываютъ въ тѣсной связи съ общими дѣлами и порядками въ Россіи, и сказанная въ эту минуту удачная цитата, напр.:

«За кого-ж Ти роспинався,
«Христе Сыне Божий?
«За нас добрых? Чи за слово
«Істини? чи може.
«Щоб ми з Тебе насміялись?
«Воно-ж так і сталось!
«Храми, каплиці і иконы
«І ставники, и мірри дым,
«И перед образом Твоим
«Неутомленнії поклони
«За кражу, за війну, за кров,
«Щоб братню кров пролити просять;
«А потім в дар Тобі-ж приносять
«С пожару вкрадений покров!... (Шевченко)

—воспламеняла отзывчивую душу и просвѣтляла сознаніе, создавая боевое настроеніе у людей, вовсе несклонныхъ къ революціонному протесту, но поставленныхъ въ безвыходное положеніе: или сдѣлаться подлецомъ, или погрузиться въ тину пошлости, или возстать противъ порядковъ, сѣющихъ черную неправду и потому, роковымъ образомъ, пожинающихъ бурю. Такъ сама жизнь подготовляла дѣвственную почву къ будущему посѣву освободительныхъ идей въ общественныхъ слояхъ наименѣе доступныхъ литературнымъ и инымъ вліяніямъ. Болѣе стойкіе и чуткіе рвались къ свѣту, менѣе стойкіе изнемогали и безнадежно погибали: и пробужденіе людей къ свѣту не обходится безъ жертвъ. Въ военной средѣ жертвы эти для болѣе интеллигентныхъ, но менѣе приспособленныхъ къ грубымъ и жестокимъ условіямъ военной жизни, напр., для военныхъ врачей принимали такой видъ: докторъ Иванъ Никаноровичъ N, искусный, опытный и счастливый врачъ, имѣлъ обширную практику не только въ городѣ и его окрестностяхъ, но въ дальнихъ уѣздахъ. Для своихъ разъѣздовъ онъ держалъ бричку и пару лошадей; въ этомъ состояло все его богатство, такъ какъ онъ былъ безсребренникомъ. Дѣла у него было достаточно и полковой кошмаръ повидимому его не захватывалъ. Однако, полковая жизнь, какъ спрутъ втягиваетъ въ пучину все, что попадаетъ въ ея

сферу. Онъ работалъ въ лазаретѣ, ѣздилъ на практику и напивался, что до поры, до времени не мѣшало ясности его сужденія. Однажды онъ просилъ меня ночевать у него. «Въ послѣднее время я много шалилъ и чувствую себя нехорошо. Я говорю, я самъ докторъ и знаю въ чемъ дѣло, а все таки страшно.» Всю ночь около его кровати горѣла свѣча и тамъ же стояла водка. Когда онъ сталъ забываться, передъ его лицомъ явилась страшная голова съ рогами. Эта прозрачная образина, по его словамъ просвѣчивала, какъ бы освѣщаемая сзади бенгальскимъ огнемъ и мѣняла красный цвѣтъ на зеленый; но на этомъ фонѣ сверкали огненные глаза. «Я не знаю, что мнѣ дѣлать? Принять ли хлоралу, или выпить водки?» Онъ выпилъ водки, успокоился и, кажется, заснулъ. Разъѣзжалъ онъ и лѣтомъ въ тепломъ пальто, подымая мѣховой воротникъ, чтобы не видѣть «тѣней», которыя неслись по воздуху по сторонамъ экипажа. Онъ погонялъ кучера въ тщетной надеждѣ обогнать эти видѣнія. Кучеръ-деньщикъ терялъ голову, лошади мчались и натыкались на камень, или встрѣчную повозку. Однажды утромъ, часовъ въ 5 ко мнѣ прибѣжалъ этотъ деньщикъ «Пожалуйте, ваше В—діе къ Иванъ Никанорычу: они нездоровы.» Иванъ Никанорычъ сидѣлъ на кровати всклокоченный, свѣсивъ ноги. На столѣ была водка и сардинки. «А! здравствуйте батальонеръ! Со мною бѣда! Я говорю, выпейте водки: вотъ сардинки!... Я докторъ, я говорю и понимаю, что со мною галлюцинаціи, а все-таки страшно... Вчера вечеромъ заиграла музыка тихая, печальная и пріятная; открылося вотъ это окно и въ окно вошла моя покойница жена въ бѣломъ платьѣ... Вдругъ она пропала, а окна стали открываться и захлопываться, а изъ оконъ закричали: «Иванъ Никанорычъ, не болитъ ли у тебя голова?!» Мнѣ это было, я говорю, очень непріятно и я легъ и закрылъ голову подушкой. Когда все прошло, я сѣлъ на кровати... Смотрю, а съ правой стороны внизу пять тѣней, а съ лѣвой четыре. Правыя кричатъ: «Иванъ Никаноровичъ! пей больше—нашъ будешь!» А лѣвыя: «не пей Иванъ Никанорычъ, а то умрешь!» Ну, я былъ, я говорю, въ затруднительномъ положеніи и рѣшилъ по большинству голосовъ! А все же послалъ за вами!» Другой, очень способный молодой врачъ, былъ вынутъ изъ петли, третій зарѣзался, четвертый спился и сдѣлался полковымъ шутомъ и т. д. Правда, половина врачей, мало по-малу влѣзла въ казенный «футляръ»; очень немногіе, окончивъ обязательный срокъ, бѣжали изъ военной службы и, насколько я знаю, только три врача вступили въ 82 г. въ военную организацію. Офицеры пили и съ горя, и съ радости, и отъ скуки, и для компаніи, и по инерціи, и по привычкѣ, ставшей повелительной потребностью. Солдаты пили несравненно менѣе, а расплачивались за это удовольствіе несравненно дороже. По службѣ, думаю, солдаты были исправнѣе г.г. младшихъ офицеровъ. Самыми лучшими служаками были молодые солдаты; на третій годъ службы они начинали опускаться. Разумѣется, въ каждомъ полку бывали офицеры службисты по призванію и службисты, такъ сказать, эстетики. Въ началѣ 70-хъ г.г. еще дослуживали николаевскіе могикане; они били солдатъ нещадно. Мнѣ показывали одного стараго офицера, который сломалъ себѣ руку, ударивъ сол-

дата. Одинъ капитанъ, пробуя пищу изъ черпака, ударилъ кашевара, стоявшаго въ уровень съ краями котла, гдѣ варилась пища на двѣ роты; кашеваръ упалъ въ котелъ и сварился тамъ. Пищу выбросили и заставили капитана купить продукты на свой счетъ, а дѣло замяли, отставивъ убійцу отъ должности. Рукоприкладство мало по малу, выходило изъ обихода; но окончательно не прекращалось до 80-хъ г.г. Сѣкли штрафованныхъ по назначенію ротнаго, батальоннаго и полкового командировъ, а также по приговору судовъ полкового и окружного. Въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ въ 70-хъ г.г., въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ начальства и отъ состава командировъ, рукоприкладство и сѣченіе примѣнялись очень рѣдко. Дѣлая, такъ сказать, выставку разныхъ монстровъ, было бы недобросовѣстно съ моей стороны не упомянуть, что въ теченіе 20-лѣтней службы я встрѣчалъ не мало командировъ разнаго ранга, о которыхъ я вспоминаю съ уваженіемъ. Иначе казарма и лагерь превратились бы въ Бедламъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ арестантскія роты.

XIII.

Какую роль играла личность въ полковой жизни? Несомнѣнно, командиръ полка давалъ тонъ и направленіе полковой жизни: онъ пользовался большой, пожалуй неограниченной, властью и нерѣдко вторгался въ личныя и семейныя дѣла офицеровъ (о солдатскихъ нечего и говорить). Умные и властные командиры держали общество офицеровъ въ кулакѣ, дѣйствуя по правилу divide et impera. Предпріимчивые, или лучше сказать, суетливые, но недалекіе командиры, не всегда достигали той же цѣли. Эти командиры зарывались и вызывали своей безтолковостью протесты и создавали «исторіи», которыя, высшее начальство, оставаясь всегда на сторонѣ командира полка, однако же не одобряло изъ опасенія огласки. Но власть командира полка была поставлена такъ твердо, что не терпѣла большого умаленія даже въ рукахъ командира слабохарактернаго. За спиною такого командира стояли фавориты (иногда батальонный командиръ, иногда полковой адъютантъ и пр.). Временное проявленіе самостоятельности, смѣна фаворитовъ и безтактность командира придавали внутренней полковой политикѣ капризный характеръ и вносили безтолковщину и смуту во всѣ дѣла. Въ началѣ 70-хъ г.г. еще дослуживали командиры-бурбоны. Самомнѣніе этихъ людей умѣрялось ихъ здравымъ смысломъ и опытностью, а грубость—ихъ податливостью и наклонностью къ соглашенію, если только они встрѣчали знающаго и трудолюбиваго человѣка. Это была невольная дань малообразованнаго человѣка человѣку большаго развитія. Бурбоны любили прикидываться добродушными простачками, но отличались большой ловкостью, иногда коварствомъ. Общество офицеровъ, жившее дружной семьей, связанной товариществомъ, могло разсчитывать на успѣхъ въ своихъ столкновеніяхъ съ начальствомъ; въ противномъ случаѣ возможны были только единичные протесты обиженнаго, или «безпокойнаго» человѣка. Жалобы на командировъ, или «претензіи»

на смотрахъ, рѣдко разрѣшались удовлетвореніемъ истца. Вотъ нѣсколько пояснительныхъ сценъ къ вышесказанному.

По окончаніи лагернаго сбора, полкъ NN отправлялся на зимнія квартиры по деревнямъ. Командиръ полка Сыропустовъ очень пожилой крупный человѣкъ съ маленькой головой и небольшими безпокойными глазками, собралъ всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и дѣлалъ имъ такое напутствіе:

«Ну, слава Богу! Отбыли высочайшій смотръ благополучно. Спасибо! Теперь пойдете по деревнямъ. Смотри у меня, не опускайси! Не спи тово, какъ ево... на лавровыхъ листьяхъ! Я, знаете, какъ говорится, ѣду, ѣду... тово, а пріѣду не спущу! Ну, тамъ прикладка, прицѣлка, разборка, гимнастика значитъ и прочее; да развивайте солдатскую башку: надо давать пищу солдатской мозговинѣ. Разсказывайте тово... ну про 12 годъ, про Суворова. Да работай, старайси, потому принималъ присягу! Взялси, значитъ за гужъ, ну и тяни тово, какъ ево..!»

Этотъ командиръ былъ очень дерзокъ: на большихъ ученіяхъ онъ нерѣдко изрекалъ такія любезности: «Капитанъ N, куда роту завелъ?! Рухавка!» Или: «Штабсъ-капитанъ X., что вы мыла объѣлись что ли?!» Или: «Чево смотрите на роту, поручикъ Z., словно корова на новыя ворота!»

Размѣстились по деревнямъ. При штабѣ баталіона, въ заштатномъ городѣ осталась 4-я рота, которой командовалъ капитанъ Роденіусъ. Его молоденькая жена Катерина Ивановна, очень умная и симпатичная, никакъ не могла свыкнуться съ военнымъ строемъ жизни, съ распущенностью, бездѣліемъ, съ упрощенными, безцеремонными отношеніями сослуживцевъ офицеровъ другъ къ другу и къ солдатамъ; особенно ее возмущало грубое вмѣшательство командира въ личныя дѣла офицеровъ и его сквернословіе по ихъ адресу. Съ блескомъ въ глазахъ, съ недоумѣніемъ она спрашивала: «Да какъ же вы, гг., позволяете этому бурбону такъ васъ оскорблять?» Наконецъ она запретила упоминать въ ея присутствіи о командирѣ. Остальныя три роты стояли въ ближайшихъ деревняхъ. Командиръ 3-ей роты, молодой офицеръ штабсъ-капитанъ Басистый жилъ съ подругой мѣщаночкой, которая гдѣ то училась. Мужъ этой мѣщаночки проживалъ въ губернскомъ городѣ и смотрѣлъ на сближеніе жены съ офицеромъ весьма равнодушно. Этотъ офицерскій кружокъ жилъ очень дружно отчасти потому, что ладилъ со своимъ командиромъ маіоромъ Таракановымъ. Роденіусъ съ женою и Таракановымъ бывали у Басистова; а Басистый съ Настей бывали у нихъ. Однажды Таракановъ получилъ отъ командира полка секретную бумагу такого содержанія: «По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, шт.-капитанъ Басистый живетъ съ женщиной легкаго поведенія, мѣщанкой Настасьей Фетисовой; водитъ ее въ театръ и на гулянье, выдавая за свою жену. Предлагаю вамъ произвести строгое дознаніе и донести мнѣ о послѣдующемъ; а шт.-капитану Басистому объявить, что за поступки, марающіе мундиръ и позорящіе честь офицера, онъ будетъ преданъ суду общества офицеровъ». Таракановъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ Роденіуса и Басистова на совѣщаніе. Тайны полковой политики имъ были

извѣстны. Они не замедлили открыть минера, который собирался взорвать Басистова. Это былъ нѣкій W., интриганъ и сплетникъ, имѣвшій несомнѣнное вліяніе на командира; поэтому признали за благо отправить Настю на время погостить къ роднымъ; однако они чувствовали, что этого было недостаточно. «Пойдемте, гг., къ Катеринѣ Ивановнѣ, посовѣтуемтесь съ нею»,—предложилъ Роденіусъ. Узнавши въ чемъ дѣло, Катерина Ивановна съ негодованіемъ воскликнула: «Какъ смѣетъ этотъ бурбонъ позорить порядочную женщину! Привезите сейчасъ же Настю къ намъ; а вы, майоръ напишите ему, что Настя служитъ у меня няней. Да и напишите, что она подастъ на него жалобу въ судъ за клевету». Такой выходъ отводилъ стрѣлу, направленную въ Басистова и позволялъ расчитывать на реваншъ. Такъ и вышло. Таракановъ къ акту дознанія, вполнѣ обѣлявшему Басистова, приложилъ письмо, въ которомъ сообщалъ полковнику, что Настасья Филипповна Фетисова, замужняя, служившая нянькой у жены Роденіуса, глубоко обиженная нареканіями, угрожаетъ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности командира полка за клевету и прибавилъ, что по словамъ мирового посредника Г., по судебнымъ уставамъ, за такое дѣяніе, военно-служащіе подлежатъ заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ, что сопровождается увольненіемъ отъ службы; а потому и совѣтовалъ это дѣло потушить, успокоивъ обиженную женщину извиненіемъ. И что шт.-кап. Басистый почтительнѣйше проситъ командира для своей реабилитаціи сообщить имя клеветника для привлеченія его къ отвѣтственности.» Дѣло окончилось благополучно. W утратилъ все свое вліяніе; командиръ сталъ несравненно осторожнѣе и деликатнѣе. Въ интересахъ истины долженъ сказать, что этотъ командиръ въ турецкую войну оказался храбрымъ воиномъ.

Иногда полковая «исторія» безвыходно запутывалась и взаимныя отношенія окончательно портились къ обоюдной невыгодѣ. Полковникъ Чебушевъ стройный, высокаго роста человѣкъ съ курчавой головой, учился въ университетѣ; служилъ сначала въ гвардіи, участвовалъ въ оборонѣ Севастополя и, по окончаніи войны вышелъ въ отставку, такъ какъ гарнизонная служба ему была не по душѣ. Очень богатый человѣкъ, онъ, кажется, служилъ по выборамъ и, какъ близкій родственникъ знатнаго вельможи, былъ лично извѣстенъ покойному государю Александру II-му. Однажды государь спросилъ его зачѣмъ онъ оставилъ военную службу? Такой вопросъ равносиленъ приказанію и Чебушевъ былъ назначенъ командиромъ N—скаго полка. Чебушевъ былъ не только большой баринъ, но и настоящій джентльмэнъ. Всегда спокойный, деликатный, доброжелательный, онъ не терпѣлъ формализма и канцелярщины. «Смотрите, гг.,—говорилъ онъ своимъ штабнымъ,—не утопитесь въ чернилахъ!» Казенные и солдатскіе интересы имѣли въ его лицѣ самаго бдительнаго сторожа: «Солдатскій грошъ—священный грошъ! Вы сначала хорошо накормите солдата, а потомъ спрашивайте съ него». «Берегите казну: она, матушка, складывается изъ трудовыхъ копеекъ». При немъ вышли изъ употребленія сами собою кулачная расправа и тѣлесныя наказанія.

Самъ онъ никогда не примѣнялъ послѣдняго и, глядя на него, младшіе начальники обходились безъ зуботычинъ и розогъ. Дантистъ бригадный командиръ меланхолично жаловался: «Какъ земля носитъ?! Какъ Богъ терпитъ?! Россія въ опасности!! Это не солдаты, а кадеты!» Чебушевъ, отличный стрѣлокъ и прекрасный наѣздникъ, поставилъ стрѣлковое дѣло такъ основательно, что N—скій полкъ неизмѣнно оставался первымъ по стрѣльбѣ. Онъ вывелъ изъ обихода нелѣпую безконечную муштровку, которая вмѣстѣ съ переутомленіемъ порождаетъ отвращеніе. Одинокій человѣкъ, онъ занималъ двухэтажный домъ съ садомъ; держалъ превосходныхъ лошадей и повсюду за нимъ бѣгала куча собачекъ-крысоловокъ: «бѣсъ, бѣсовка, чертъ, чертовка и т. д.». Заѣдетъ къ кому-нибудь изъ батальонныхъ командировъ: «Прикажите-ка осѣдлать вашего конька; проѣдемся». И они скакали и по городу, и за городомъ, заѣзжая въ казармы, лазаретъ, швальню, мастерскія, пекарни, гауптвахту, стрѣльбище и т. д. «Ну, адмиральскій часъ близко! Поѣдемъ ко мнѣ: закусимъ.» Ѣлъ онъ много и вкусно. Вино выписывалъ изъ Крыма бочками. Несмотря на университетское образованіе, онъ казался очень нескладнымъ человѣкомъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, онъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ офицеровъ съ полковыми дамами. Дамы разсѣлись и молчали. Самъ хозяинъ не находилъ темы для разговора: онъ оставался на высотѣ положенія, только когда угощалъ. Офицеры перекидывались коротенькими фразами о служебныхъ дѣлахъ. Наконецъ, Чебушевъ заговорилъ:

«Вотъ вы смотрите альбомъ,—это италіанскіе виды: Венеція и пр... Я былъ въ Швейцаріи и въ Алжирѣ былъ... Въ Швейцаціи есть двѣ горы: одна высокая, а другая... э, э, э... низкая... На высокую гору можно подняться, а на низкую невозможно. Я только забылъ какъ эта высокая гора называется?—Э, э, э, дай Богъ памяти! Такъ вотъ на языкѣ и вертится: на Н начинается... Да! Монъ-Бланъ!.. Кажется Монъ-Бланъ?? а можетъ и не Монъ-Бланъ... А вотъ какъ называется низкая гора ни за что не припомню!» Онъ замолчалъ и, мало по малу, дамы стали перешептываться полагая, что Чебушевъ исчерпалъ тему. Минутъ черезъ 10 Чебушевъ ударилъ съ досадой кулакомъ по колѣну и закричалъ: «Фу ты! Никакъ не могу припомнить, какъ эта гора называется, чтобъ ей пусто было!» Итакъ, наступили золотые дни для N—скаго полка и только одна тучка на минуту омрачила ясный небосклонъ надъ нимъ. На царскомъ смотру долго ждали выхода государя, задержаннаго дѣлами. Чебушевъ позволилъ солдатамъ «оправиться» и, нѣсколько человѣкъ одной роты усѣлись на пыльномъ мѣстѣ и замарали свои бѣлыя панталоны, а затѣмъ не почистились. При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, государь, указывая на грязныя панталоны, строго проговорилъ: «Свиньями одѣты!» Все начальство, начиная съ командующаго войсками, а болѣе всѣхъ Чебушевъ были подавлены высочайшимъ выговоромъ. Въ эту минуту, бригадный командиръ, не зная въ чемъ дѣло подошелъ къ Чебушеву и спросилъ: «Что сказалъ государь?» Взволнованный Чебушевъ бѣшено отвѣтилъ: «Государь сказалъ, что вы свинья!» Тотъ убѣжалъ, какъ

ошпаренный. Однако, послѣ смотра государь подозвалъ Чебушева и, положивъ ему руку на плечо сказалъ: «не печалься Чебушевъ. Я тебя знаю и очень цѣню! Ты исправишь свою оплошность, а полкъ твой представился все таки очень хорошо». Но, мало по малу счастливое положеніе стало измѣняться къ худшему. Чебушевъ впутался въ какія то аферы по скупкѣ и продажѣ хлѣба. Аферисты его безсовѣстно обманули и онъ потерялъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Около этого времени у него сталъ бывать нѣкій майоръ Дудкевичъ, служившій въ другомъ учрежденіи. Вскорѣ Чебушевъ перевелъ Дудкевича въ N—скій полкъ и назначилъ завѣдующимъ хозяйствомъ. Дудкевичъ воспитывался въ іезуитской коллегіи, потомъ вступилъ въ военную службу; въ Севастополѣ былъ раненъ и вышелъ въ отставку съ пенсіей; потомъ опять поступилъ на службу. Это былъ человѣкъ ловкій, вкрадчивый и безконечно любезный. При встрѣчѣ или прощаясь съ вами, онъ долго не выпускалъ вашей руки, нѣжно ее пожимая, и осторожно притягивая къ себѣ, какъ будто онъ хотѣлъ, чтобы вы упали къ нему на грудь; онъ смотрѣлъ на собесѣдника съ такимъ умиленіемъ и говорилъ такъ сладко, точно хотѣлъ съ нимъ похристосоваться. А когда отъ него сторонились, потому что онъ не внушалъ особеннаго довѣрія, тогда онъ удвоивалъ свои сантиментальности. Съ появленіемъ на сценѣ этого персонажа рѣзко измѣнились прежнія почти товарищескія отношенія Чебушева къ болѣе близкимъ его пріятелямъ: подполковнику Муханову и другимъ младшимъ офицерамъ. И раньше бывали въ полку недоразумѣнія, но онѣ разрѣшались всегда къ общему удовольствію. Теперь каждый пустякъ раздувался въ инцидентъ и сопровождался запальчивыми и неджентльменскими объясненіями: словно вмѣстѣ съ Дудкевичемъ вселилась въ полковую семью нечистая сила. Пріятели Чебушева, искренно его любившіе, были оскорблены его необъяснимымъ охлажденіемъ. Дудкевичъ началъ свою хозяйственную дѣятельность очень удачно: въ одинъ тонъ съ командиромъ. Чебушевъ тогда былъ весьма озабоченъ выясненіемъ не показныхъ, а истинныхъ размѣровъ припека. Двѣ, или три комиссіи дѣлали опыты, давшіе неблестящіе результаты. Новой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Дудкевича удалось установить прочно иную, болѣе выгодную норму и, такимъ образомъ, уловить куда-то исчезавшіе 6, 7 фунтовъ съ пуда. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уловилъ окончательно въ свои сѣти Чебушева. Заручившись слѣпымъ довѣріемъ командира, онъ измѣнилъ курсъ такъ рѣзко, что злоупотребленія по хозяйству бросались всѣмъ въ глаза за исключеніемъ ослѣпленнаго командира. Нѣкоторые офицеры тщетно пытались открыть ему глаза на дѣятельность Дудкевича: Чебушевъ выходилъ изъ себя, считая разоблаченія за каверзы. Тогда одинъ капитанъ написалъ анонимный, далеко не голословный доносъ военному министру, начальнику окружнаго штаба и начальнику дивизіи. Доносъ былъ написанъ очень литературно и остроумно. Чебушевъ являлся въ немъ простакомъ, совершенно одураченнымъ и баричемъ, котораго безъ труда водитъ за носъ плутоватый прикащикъ. Разумѣется Чебушевъ былъ обиженъ этой характеристикой до глубины души и, такъ какъ доносъ былъ написанъ очень бойко и грамотно,

то подозрѣніе пало на бывшаго его пріятеля подполковника Муханова и еще на двухъ, трехъ лицъ, которыя всегда боролись съ открытымъ забраломъ, но потому именно и были легче уязвимы. Для установленія виновности Муханова два, три офицера занялись сыскомъ. Это добровольное сыскное отдѣленіе не отличалось оригинальностью и шло въ одну ногу съ Дудкевичемъ. Обвинить въ лицо Муханова не посмѣли, но очернить его въ глазахъ высшаго начальства было немудрено. Его отрѣшили отъ командирства и перевели въ другой полкъ. Такой несправедливости къ Муханову, котораго любили въ полку, товарищи не могли простить Чебушеву. Какъ всегда одна неправда приводитъ за собою другую: розыски вызвали крупныя ссоры. Наконецъ, эта миніатюрная буря разрѣшилась пощечиной, полученной однимъ изъ сыскныхъ добровольцевъ; а такъ какъ онъ отказался отъ предписанной ему начальствомъ дуэли, то и долженъ былъ удалиться изъ предѣловъ округа. Самъ Чебушевъ, оставивъ всѣ дѣла на Дудкевича уединился, какъ онъ говорилъ: «чтобы удалиться отъ всей этой взбаламученной грязи!» А вскорѣ, къ довершенію злоключеній Чебушева, Дудкевичъ растратилъ 4000 руб. казенныхъ денегъ и командиру пришлось покрыть эту растрату изъ своего кармана; правда Дудкевичъ долженъ былъ удалиться за болѣзнью въ отставку. Надвигавшаяся турецкая война помогла Чебушеву помириться съ обществомъ офицеровъ.

Штабъ-офицеры конечно были самыми видными членами офицерскаго общества. Лагерныя занятія завершались маневрами и безтолковость ближайшихъ помощниковъ, приводила въ отчаяніе командира полка полковника Козлова. Козловъ былъ умный, талантливый и блестящій офицеръ генеральнаго штаба. Еще зимою, собирая офицеровъ на бесѣды и на занятія тактикой и военной игрой, онъ замѣтилъ, что научная подготовка г.г. офицеровъ находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ старшинствомъ по службѣ. Козловъ приказалъ старшему штабъ офицеру Иванъ Андреевичу расположить полкъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, фронтомъ къ западу. Иванъ Андреевичъ этого перекрестка не нашелъ и поставилъ полкъ далеко въ сторонѣ на лугу. «Почему вы неисполнили моего приказанія Иванъ Андреевичъ?» спросилъ командиръ —«Я полагалъ г. полковникъ, что здѣсь перекрестокъ,» отвѣтилъ тотъ, указывая саблей на траву въ двухъ шагахъ отъ себя.—«Господь съ вами, Иванъ Андреевичъ! Гдѣ вы видите этотъ перекрестокъ? Онъ далеко въ сторонѣ, а здѣсь и пробитой тропинки нѣтъ!» Козловъ самъ отвелъ полкъ на мѣсто, вызвалъ батальонныхъ командировъ и изложилъ задачу подлежащую разрѣшенію: «Вы видите г.г. дорогу, а по сторонамъ ея кукурузу. Приблизительно черезъ $^1/_2$ версты начинается сжатое поле, а далѣе холмы. Эти холмы заняты непріятелемъ и надо его оттѣснить. Предупредите пожалуйста г.г. ротныхъ командировъ, что это не кукурузное поле, а вода, положимъ широкая рѣка, а вотъ это не дорога, а мостъ. Я буду наблюдать за ходомъ маневра съ непріятельской позиціи. Вашъ батальонъ Петръ Лукичъ въ 1 линію, остальные

въ резервѣ. Начинайте!» Петръ Лукичъ во время этихъ объясненій смотрѣлъ на Козлова съ величайшимъ изумленіемъ, словно онъ невѣрилъ ушамъ своимъ, и вопросительно поглядывалъ на своихъ собратій, какъ бы призывая ихъ засвидѣтельствовать явную несообразность словъ полковника. Когда Козловъ уѣхалъ, Петръ Лукичъ развелъ руками, проговоривъ: «Скачи враже, якъ панъ скаже!» и тотчасъ же разсыпалъ цѣпь и расположилъ роты въ кукурузѣ и открылъ оттуда пальбу холостыми патронами. Козловъ это замѣтилъ, подъѣхалъ и спросилъ его: «Зачѣмъ же вы развернули роты и разсыпали цѣпь въ кукурузѣ? Вѣдь я же вамъ говорилъ, что это рѣка!»—«Когда же г. полковникъ это не рѣка, а кукуруза!»—«Ну предположите, если только можете, что это вода, а не кукуруза, а это не дорога, а мостъ.» Проговорилъ съ досадой и нескрываемой ироніей Козловъ.—«Но г. полковникъ, когда же это не мостъ, а дорога!»—Ну, съ вами не столкуешься: ведите вашъ батальонъ въ резервъ, а за помятую кукурузу вамъ придется поплатиться!—«Какая его муха укусила?!» говорилъ Петръ Лукичъ въ недоумѣніи.

Иванъ Андреевичъ и Петръ Лукичъ были представителями стараго поколѣнія. Послѣдній, выслуживъ полную пенсію, вышелъ осенью въ отставку. Иванъ Андреевичъ прослужилъ уже около 40 лѣтъ и собирался еще послужить, несмотря на недвусмысленное замѣчаніе начальника дивизіи: «Э, эхъ, Иванъ Андреевичъ! Старый другъ, старая скрипка, да старое вино только хороши!» Собирался онъ послужить потому, что не желалъ разстаться съ двумя деньщиками, присвоенными ему по чину. Онъ перезабылъ всѣ уставы, которые въ теченіе его службы неоднократно мѣнялись; не считался вовсе съ новыми требованіями и, предоставивъ всѣ дѣла ротнымъ командирамъ и своему адъютанту, спалъ безмятежно; а солдаты, возвращаясь съ ученія съ пѣснями, насмѣшливо пѣли ему въ догонку:

«Батальонный командиръ, подполковникъ господинъ,
«Онъ не спалъ, не дремалъ—батальонъ свой обучалъ».

Петръ Лукичъ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто прибылъ новый штабъ-офицеръ, который насъ сейчасъ познакомитъ съ своими товарищами штабъ-офицерами средняго возраста. «Не поможете ли намъ расхлебать кашу, которую заварили ваши товарищи, майоръ Савицкій и майоръ Тарасевичъ? Я не могу дать дальнѣйшаго движенія этому нелѣпому дѣлу: надо ихъ какъ нибудь помирить: Вы человѣкъ свѣжій: постарайтесь!» И онъ вручилъ ему объемистое дѣло, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: Оба майора были семейные люди и жили въ одномъ дворѣ. Всѣ участники этой смѣшной и жалкой ссоры были люди недурные, но отсутствіе серьезныхъ интересовъ, одуряющая скука и пустота жизни, мелочныя ежедневныя стычки, особенно дѣтскія драки ихъ ожесточили до самозабвенія. Сначала посчитались между собою дамы, затѣмъ постепенно въ ссору втянулись мужья и дѣти и даже деньщики такъ, что эти новѣйшіе Монтекки и Капулетти раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, вступившихъ въ отчаянную битву. Деньщики играли роль лазутчиковъ, дѣти—застрѣльщиковъ, а майоры изображали главныя

силы, направляемыя дамскимъ генеральнымъ штабомъ. За словесной перестрѣлкой слѣдовали съ той и другой стороны донесенія командиру полка въ такомъ родѣ: «Прошу вашей защиты отъ майора Тарасевича, ежедневно оскорбляющаго меня и мою семью. Мало того, что онъ обругалъ меня болваномъ, когда я отправился къ нему на квартиру, чтобы потребовать у него объясненія его, недостойныхъ порядочнаго человѣка и уважающаго свое званіе офицера, поступковъ причемъ онъ забываетъ мое старшинство по производству въ чинъ; онъ еще подстрекаетъ своихъ дурно воспитанныхъ дѣтей бить моихъ дѣтей; а вчерашняго числа, очевидно не безъ его попущенія, принадлежащая ему свинья вторгнулась въ мою кухню и порвала, развѣшенныя тамъ для сушки, салфетки...» Далѣе слѣдовало требованіе поступить съ виновнымъ по всей строгости законовъ. Другая бумага гласила: «Прошу Ваше В-б—діе избавить меня отъ нелѣпыхъ нападеній на меня и на моихъ дѣтей майора Савицкаго. Вчера онъ съ обнаженной саблей бросился на меня и, еслибъ я не успѣлъ затворить передъ его носомъ дверь, то не избѣжалъ бы покушенія на мою жизнь. Этотъ неприличный офицеръ унизился до того, что подъучилъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей вымазать замокъ въ моемъ отхожемъ мѣстѣ веществомъ назвать которое въ моемъ рапортѣ къ Вашему В. б-дію я считаю непристойнымъ. Посему прошу дать законный ходъ моей жалобѣ». Склонить противниковъ къ примиренію было невозможно такъ, какъ каждый изъ нихъ себя оправдывалъ самозащитой и требовалъ отъ другого извиненія въ тяжелой и непріемлемой формѣ. Къ счастію переселеніе на другія квартиры по окончаніи полковыхъ сборовъ и предостереженіе командира, что дальнѣйшее развитіе ссоры заставитъ его аппелировать къ высшему начальству, которое можетъ круто поступить съ обоими, нѣсколько остудило этихъ корсиканцевъ.

XIV.

Въ большихъ южныхъ городахъ, т. е. при казарменномъ расположеніи, младшіе, холостые офицеры жили попарно, по-трое маленькими колоніями. Это обусловливалось денежнымъ разсчетомъ, личной симпатіей, школьными связями и т. д. Офицерство не заводило здѣсь знакомства съ горожанами и жило обособленно; это можетъ быть и соединяло ихъ тѣснѣе другъ съ другомъ, но за то изолировало военныхъ, какъ въ карантинѣ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Въ маленькихъ городахъ подобной оторванности, по крайней мѣрѣ отъ чиновнаго люда, не существовало; но офицерство, встрѣчаясь вмѣстѣ только лѣтомъ во время лагерныхъ сборовъ, т. е. въ «страдное» служебное время, остальную часть года было разбросано по деревнямъ. Въ театрахъ и разныхъ платныхъ собраніяхъ они бывали рѣдко по бѣдности и для развлеченія имъ приходилось только фланировать по улицамъ и бульварамъ. Составъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ полкахъ, по качеству ихъ элементарнаго образованія былъ однороденъ и людей возвышавшихся чуть чуть надъ общимъ

уровнемъ было очень мало. На каждый полкъ приходилось два, три окончившихъ военное училище. Вся остальная молодежь училась въ юнкерскихъ училищахъ, между старшими офицерами встрѣчались нерѣдко бывшіе юнкера (старинные вольноопредѣляющіеся); между ними, особенно изъ получившихъ боевое крещеніе, встрѣчались люди хотя и мало ученые, но очень почтенные. При всей однородности состава конечно попадались люди болѣе или менѣе нравственно развитые, люди съ болѣе опредѣленной индивидуальностью. Встрѣчались службисты, формалисты, карьеристы не широкаго размаха, встрѣчались люди недовольные, озлобленные, «безпокойные» или вѣчные протестанты по свойствамъ своего характера, если не по принципу. Товарищество связывало не многихъ въ небольшую группу, удесятеряя силы каждаго члена ея и тѣмъ отчасти умѣряло подавляющее дѣйствіе такихъ факторовъ, какъ бѣдность, оторванность отъ общенія съ живымъ міромъ, казарменная дисциплина и гарнизонная служба. Товарищество—агентъ первостепенной важности—какъ цементъ сплавляло наиболѣе чуткихъ въ кружки самообразованія, а впослѣдствіи въ политическіе кружки.

На полковую библіотеку казна отпускала ежегодно 300 руб. и кромѣ того дѣлались вычеты изъ жалованья. Книги, большей частью легкаго содержанія, выписывались по случайнымъ указаніямъ. Библіотекарь избирался обществомъ офицеровъ и дѣльные изъ нихъ имѣли возможность покупать, впрочемъ, на довольно ограниченную сумму, хорошія книги. Кромѣ спеціальныхъ журналовъ и газетъ, напр. «Военнаго Сборника», «Русскаго Инвалида», почти вездѣ обязательно выписывались: «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ» [1]), «Новое Время», «Русскій Вѣстникъ». По требованію любителей: Собраній романовъ Ахматовой, «Развлеченіе», «Нива». Однако библіотека получала также «Отечествен. Записки», «Дѣло», «Слово», «Вѣстникъ Европы», иногда «Знаніе». Затѣмъ на книги оставалось немного. Иностраныхъ книгъ и газетъ не читали. (У моряковъ была превосходная библіотека, выписывавшая много иностранныхъ газетъ и журналовъ); но кой-какія иностранныя книги были напр: Исторія Консульства и имперіи Тьера, Записки (или мысли) Наполеона. Эти книги кажется указывались въ программѣ для испытанія офицеровъ, поступающихъ въ академію генеральн. штаба, какъ пособіе для изученія французскаго языка. Одинъ, два офицера готовились къ пріемному экзамену въ академію, но сколько помню, никто изъ нихъ туда не попалъ; однако подготовительныя занятія не теряли своего значенія: человѣкъ проходилъ элементарный курсъ, нѣсколько знакомился съ иностранными языками и пріучался къ систематическому занятію. Встрѣчались и любители серьезнаго чтенія. Сколько помню статьи Михайловскаго, Миртова, Чернышевскаго (заграничн. изд.) требовали разъясненія со стороны болѣе начитаннаго товарища. Съ особеннымъ увлеченіемъ читали и перечитывали Гл. Ив. Успенскаго и Салтыкова. Затѣмъ внимательно и толково читали: статьи Н. Ф. Анненскаго о Шмольлерѣ, Адольфѣ Вагнерѣ, статьи Валентинова о Родбертусѣ; статьи В. В. Русанова и

---

[1]) Кажется такъ называлась тогдашняя газета Комарова.

Кольцова. Потомъ уже познакомились съ изданными на русскомъ языкѣ, книгами Шефле и отчасти съ Марксомъ по Зиберу.

Товарищество приводило къ единомыслію. Вліяніе любимаго товарища походило на силу внушенія, или на заразу, встрѣчавшую благопріятную почву. Но по самому смыслу товарищества такое вліяніе не бываетъ одностороннимъ, а обоюднымъ. Это обусловливалось отраженнымъ, отвѣтнымъ вліяніемъ съ другой стороны. Товарищи такъ сживались, что не только мыслили одинаково, но и выражались одними и тѣми же словами. Потомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ такими мыслителями какъ Михайловскій, Лавровъ они пріучились къ критическому мышленію и все, что прежде принималось на вѣру становилось убѣжденіемъ, убѣжденіемъ которое нужно упорно защищать. Вотъ почему политическая пропаганда дала впослѣдствіи—когда наступило ея время--такіе неожиданные результаты: самыя радикальныя мысли принимались какъ самоочевидныя.

Въ 72-мъ или 73-мъ году одна вопіющая исторія [1]) взволновала сонныхъ обитателей захолустныхъ бессарабскихъ городковъ до такой степени, что въ теченіе недѣли она мѣшала имъ предаваться съ обычнымъ спокойствіемъ излюбленному картежному спорту. Особенно взволновала она военныхъ, привлеченныхъ къ печальной развязкѣ дѣла, на глазахъ которыхъ протекала эта исторія. Резеши т. е. однодворцы двухъ большихъ селъ, незнавшіе ни русскихъ законовъ, ни русскаго языка, пожелали размежеваться между собою. Секретарь Сорокскаго мирового съѣзда Мовило взялся за это дѣло. Засвидѣтельствованное надлежащимъ образомъ условіе говорило: во 1-хъ) о вознагражденіи за трудъ въ 300 руб.; во 2-хъ) о неустойкѣ въ 300 руб.; въ 3-хъ) о постановкѣ безаппеляціоннаго приговора при рѣшеніи вопроса о неустойкѣ на основаніи ст. 30 судебн. уст. 64 г. [2]). Затѣмъ Мовило съ какимъ то таксаторомъ приступили къ размежеванію владѣній и, для того чтобы заставить общества нарушить условіе, умышленно производили нелѣпую разверстку. Резеши возмутились и предложили Мовилѣ взять 300 руб. неустойки и удалиться; но тотъ потянулъ ихъ въ судъ и на судѣ оказалось какимъ то чудомъ, что каждый изъ домохозяевъ обязанъ заплатить по 300 руб. неустойки; а такъ какъ всѣхъ домохозяевъ было 300 человѣкъ, то судья приговорилъ Резешей къ уплатѣ около 100 тысячъ руб. Резеши прогнали судебнаго пристава, прогнали исправника. Губернаторъ Шебеко потребовалъ военную силу и два цвѣтущихъ села были разорены до тла. Какъ всегда оказались какіе то зачинщики, которые и понесли суровую уголовную кару. Рота, поступившая въ распоряженіе гражданской власти, по привычкѣ исполняла всѣ приказанія. Офицеры монархисты по воспитанію и професіи и понятія не имѣли о народоправствахъ и конституціяхъ; за-

---

[1]) Эта погромная исторія была описана въ одномъ изъ первыхъ №№ Лавровскаго „Впередъ“.

[2]) Судебные уставы 64 г. Кн. 1. Гражданское судопроизводство ст. 30 и § 3 31 ст.

подозрить солдатъ въ тайномъ сочувствіи къ молдованамъ нѣтъ основанія: молдаване были такіе же чужіе люди для солдата какъ черкесы, или киргизы. Однако, непосредственное участіе въ зломъ и вопіющемъ дѣлѣ открыло глаза и самымъ наивнымъ. Для нихъ было элементарной истиной, что подобныя злодѣянія скрываются отъ царя, и сознаніе, что военная сила является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ перваго встрѣчнаго, имѣющаго дерзость ограбить мирныхъ людей среди бѣлаго дня, ихъ возмущало и оскорбляло. Такіе итоги дала эта исторія.

Какъ извѣстно, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ были погромы евреевъ и на усмиреніе громилъ вызывались главнымъ образомъ казаки. Въ Кіевѣ, сколько мнѣ помнится, пѣхота, оставаясь безмолвнымъ наблюдателемъ, слѣдовала за погромщиками на приличномъ разстояніи. Въ Елисаветградѣ пускали въ атаку на громилъ кавалеристовъ, которые доскакавъ вплотную до толпы, останавливались, поворачивали назадъ и тихо отъѣзжали. Потомъ на слѣдствіи, вызванномъ такими неудачными атаками, командиры объясняли, что лошади пугались пуху изъ еврейскихъ перинъ, который будто слѣпилъ глаза какъ снѣжная мятель. Конечно такое объясненіе нельзя считать удачнымъ: сомкнутую массу всадниковъ, несущихся маршъ-маршемъ, не всегда остановитъ и встрѣчный свинцовый дождь. Въ Одессѣ юнкерское училище и казаки оцѣпили громилъ и оттѣснили ихъ къ морю; тамъ, говорятъ происходила порка; а потомъ большую толпу посадили на баржи и отвели эти баржи въ открытое море. Было очень холодно и море сильно волновалось. Одинъ молодой офицеръ, командиръ военнаго парового катера, сталъ перевозить по просьбѣ родныхъ пищу и одежду для арестованныхъ на баржи. За такую гуманность командующій войсками (если не ошибаюсь Гурко) предложилъ командиру черноморскаго флота арестовать лейтенанта Б. помнится на 2 недѣли на маякѣ (кажется этотъ маякъ на Кинбурнской косѣ). Командиръ флота адмиралъ Манганари отвѣтилъ, что такого наказанія несуществуетъ и что онъ арестуетъ Б. на гауптвахтѣ кажется на недѣлю.

Въ Николаевѣ, гдѣ я тогда служилъ ожидали погрома и сдѣлано было распоряженіе собираться; всѣмъ войскамъ, свободнымъ отъ караула по тревогѣ на базарной площади. Однажды, глубокой ночью ударили тревогу и войска съ разныхъ сторонъ стали прибывать къ сборному мѣсту и, вотъ на сравнительно небольшую площадь, застроенную сплошь деревянными балаганами, которые образовали пересѣкающіеся ряды узкихъ улицъ и переулковъ, потянулись батальонъ за батальономъ со своимъ начальствомъ. Мало по-малу тамъ скопилось около 14 батальоновъ (помнится: три батальона пѣхотнаго полка, два резервныхъ батальона, два морскихъ экипажа—около шести батальоновъ и двѣнадцать ротъ крѣпостной артиллеріи, всего около 14 батальоновъ). Начальство: адмиралы, генералы, командиры, все офицерство расположились въ центрѣ площади. Прибывающіе батальоны совершенно запрудили площадь. Всѣ команды смѣшались въ одну плот-

ную толпу, которая тѣснилась къ центру. Балаганы трещали и валились и вся эта 7000 толпа неистово кричала и барахталась то туда, то сюда до истощенія силъ. Наступилъ невообразимый хаосъ, которому и конца непредвидѣлось. Самыя отчаянныя усилія начальства возстановить порядокъ были напрасны. Нужно было пробиться изъ центра къ периферіи, чтобы оттуда постепенно разводить людей въ стороны, но для такого подвига необходимы были титаническія силы. И такъ эта толпа металась, ломая и попирая все, то въ одну сторону, то въ другую, а хвосты ея то выпячивались въ прилегающія улицы, то напирали на центръ. Свѣтало, а порядокъ не возстановлялся. И еслибъ въ это время небольшая горсть людей ударила на эту попавшую въ тиски 7000 массу, то поставила бы ее въ безвыходное положеніе. Когда наступило утро, стоявшіе на окраинахъ площади сообразили наконецъ въ чемъ дѣло и разбрелись по городу; а затѣмъ постепенно плотная масса разбилась на части и тогда явилась возможность удалить ихъ въ стороны и освободить начальство изъ западни. Потомъ начальство стало опытнѣе и городъ былъ раздѣленъ на участки и по тревогѣ каждая отдѣльная часть являлась на свой участокъ.

Съ половины 70-хъ годовъ стали завязываться знакомства съ невоенными дѣятелями. Турецкая война надолго задержала броженіе между военными. Наша дивизія была разбросана по берегамъ Чернаго моря отъ Сулина до Крыма и старые товарищи разбрелись по разнымъ отрядамъ. По возвращеніи на старыя квартиры, началась снова подготовительная работа и товарищескіе кружки стали превращаться въ кружки политическіе; вотъ тогда то и открылась необходимость въ заключеніи связей съ невоенными.

Моими первыми знакомыми были М. Ф. Фроленко и Викторъ Костюринъ; затѣмъ я нѣсколько разъ видѣлъ А. И. Желябова, а потомъ познакомился съ В. Н. Фигнеръ, М. Н. Тригони, А. В. Буцевичемъ и многими др. Наши знакомые насъ снабжали нелегальной литературой, которая читалась и изучалась съ великимъ увлеченіемъ. Потомъ нелегальщина стала попадать и къ солдатамъ. Аресты, громкіе политическіе процессы, казни, привлеченіе войскъ къ полицейской службѣ ускорили подготовительную работу: офицерскіе кружки стали вырабатывать программы и сближаться между собой.

Тутъ я оканчиваю свои записки: ихъ продолженіемъ является краткій очеркъ военнаго движенія въ 80-хъ годахъ.

Въ своихъ запискахъ я нѣсколько сузилъ свою задачу. Мнѣ хотѣлось описать военную жизнь, сложеніе военнаго общества и дать хотя бы слабый очеркъ типичныхъ представителей этого общества, для выясненія какимъ образомъ могло возникнуть революціонное движеніе въ такой своеобразной и изолированной средѣ? И какіе факторы играли при этомъ главную роль? Мнѣ кажется:

1) Что за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, напримѣръ, Суханова, Штромберга, Буцевича, Серебрякова, остальные военные дѣятели

не обладали революціоннымъ темпераментомъ, несмотря на истинное призваніе военнаго человѣка разрѣшать всѣ вопросы насиліемъ.

2) Что люди совѣсти и чести, люди долга составляли главный контингентъ военно-революціонныхъ кружковъ.

3) Что къ революціонной дѣятельности ихъ привела неумолимая логика событій, вся русская дѣйствительность, которая ставила каждому русскому человѣку альтернативу: «или собирай недоимки, или занимайся молочными скопами».

4) Что другими важными факторами были: привлеченіе военныхъ къ усмирительнымъ операціямъ и полицейской службѣ, вліяніе литературы и знакомства.

М. Ашенбреннеръ.

Всеобщая стачка въ 1903 году на Кавказѣ и Черноморскомъ побережьѣ [1]).

(Къ исторіи рабочаго движенія въ Россіи).

Первымъ въ лѣтней стачкѣ 1903 г. выступилъ пролетаріатъ Баку. Непосредственный поводъ, какъ казалось, былъ экономическаго характера—безпросвѣтная, нищенская жизнь рабочихъ въ этомъ районѣ богатѣйшей нефтяной промышленности; но если глубже взглянуть на дѣло, если принять во вниманіе, что на стачку бакинскихъ товарищей отозвались рабочіе всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ южной Россіи, то станетъ очевиднымъ, что стачка была вызвана общей причиной. Накипѣвшая годами горечь и недовольство своимъ положеніемъ, сознаніе безправія побудили рабочихъ одного города за другимъ передъ лицомъ всего міра заявить о томъ, что недовольство бакинскихъ рабочихъ есть общее недовольство, что дѣло не въ отстаиваніи отдѣльныхъ мѣстныхъ требованій, а въ выраженіи солидарности всего пролетаріата въ борьбѣ съ хозяевами и правительствомъ. Просматривая ходъ стачекъ по различнымъ городамъ Юга, легко замѣтить, что подчасъ рабочіе не только не выставляютъ опредѣленныхъ требованій, бросая работу, а просто заявляютъ, что такъ всѣ дѣлаютъ, за общее дѣло. Правда, на ряду съ этимъ, многіе выставляли и свои частныя требованія, но насколько рабочіе ихъ считали не главной причиной забастовки, ясно изъ того, что даже тамъ, гдѣ забастовка не принесла съ собою удовлетворенія экономическихъ требованій, настроеніе не только не понизилось, политическая организація (с.-д.) не только не ослабѣла, а наоборотъ, окрѣпла и даже развернулась. Обзоръ стачекъ лѣта 1903 г. имѣетъ поэтому особое значеніе для пониманія и изученія политическаго развитія пролетаріата. Онѣ, эти стачки, ярко освѣтили нашу мрачную жизнь и явились предвозвѣстникомъ близкой, уже начинающейся революціи: пролетаріатъ заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на себя, на свою мощь, на свое великое чувство солидарности. Эти стачки—не стачки предшествующихъ лѣтъ, (исключеніе изъ которыхъ соста-

[1]) Главными источниками при составленіи этихъ очерковъ послужили: „Искра“ и „Революціонная Россія“, а затѣмъ „Освобожденіе“ и другія заграничныя изданія.

вляетъ только стачка въ Ростовѣ), онѣ скорѣе грозная демонстрація, въ которой ясно проявилось *классовое* сознаніе. *Такихъ* стачекъ до іюльской въ Россіи не было. Рабочій классъ, какъ таковой, безъ различія профессій и національностей выставилъ вездѣ одно и то же главное требованіе: 8-ми часовой рабочій день. Что это означало? Конечно, рабочіе *всѣхъ* профессій не думали тотчасъ же добиться удовлетворенія этого требованія—они его выставляли, какъ *общее* пролетарское требованіе.

Стачка въ каждомъ отдѣльномъ городѣ носитъ особый, свой частный характеръ, но въ этихъ индивидуальныхъ чертахъ ни на минуту нельзя просмотрѣть общей: рабочіе рвались на улицу, они не удовлетворялись стачкой, у нихъ была жгучая потребность громко, единодушно передъ лицомъ всѣхъ заявить о своихъ требованіяхъ и стремленіяхъ, и они шли по улицѣ, несмотря на угрозы правительства, несмотря на нагайки, штыки, пули.

Кавказъ.

I. Баку.

Начало, сигналъ къ общей забастовкѣ былъ данъ въ Баку. 1903 г. былъ годомъ оживленія нефтяной промышленности, а положеніе рабочихъ между тѣмъ не только не улучшилось, но сравнительно съ предшествующими годами было хуже. Броженіе среди нихъ стало замѣчаться съ весны: вспыхивали маленькія стачки, но быстро замирали. Во второй половинѣ іюня подобная стачка возникла въ мастерскихъ Хатисова, но хозяинъ обѣщалъ удовлетворить требованія, и рабочіе послѣ трехдневнаго перерыва стали на работу; обѣщаній хозяинъ, однако, не исполнилъ. Въ то же время рабочимъ стало извѣстно, что онъ вступилъ въ соглашеніе съ другими хозяевами: въ случаѣ стачки они согласились исполнить имѣющіеся у него заказы. Это сильно подогрѣло настроеніе. 29-го забастовали мастера Биби-Эйбатскаго нефтяного общества, и хотя ихъ требованія были 30-го или 1-го удовлетворены, стачка, уже начиная съ 1-го, быстро стала развиваться. 2-го забастовали на Биби-Эйбатѣ рабочіе мастерскихъ Хатисова, Биби-Эйбатскаго общества, Манташева, Нефт. об-ства Шихова, Олеумъ, Миловъ и Таировъ, Тифлисскаго общества; въ Черномъ городѣ—Хатаисова (которые бастовали раньше, 300 чел.), Левенсона (300 ч.), Маланикова (80), Эйзеншмидта (100). 3-го утромъ въ Черномъ Городѣ состоялось собраніе для обсужденія положенія и выясненія требованій. Въ этотъ день къ стачкѣ примкнули рабочіе жел. дорож. депо (500 ч.), и мастерскихъ конно-желѣз. дороги, завода Нобеля (400), завода Лапина и Рысева (20), Бардера (30). 4-го рабочіе остановили движеніе товарныхъ поѣздовъ, попортивъ паровозы, для того, чтобы затруднить возобновленіе движенія. Поѣздъ пассажирскій, отправлявшійся въ Тифлисъ, былъ только временно остановленъ. Часть желѣзнодорожной бригады присоединилась къ стачечникамъ. Начиная съ 4-го, рабочіе группами ходили отъ промысла къ промыслу, отъ завода къ

заводу, останавливая ихъ. 5-го городъ замеръ: все бастовало: всѣ заводы, депо ж. д., фабрики, мелкія ремесленныя мастерскія, строительные рабочіе, чернорабочіе—поденщики, метельщики улицъ, мусорщики, ассенизаторы, часть ресторанной прислуги, типографщики, сотрудники газетъ. На желѣзной дорогѣ скопились остановленные поѣзда, въ порту масса наливныхъ шкунъ. Между Балаханами и Баку былъ прерванъ телефонъ, электрическая станція тоже замерла. Водопроводъ работалъ, доставляя только прѣсную воду, морскую воду не пускали, только 7-го стали доставлять ее въ больницу, но никуда больше. Увлеченные общимъ настроеніемъ 50 дворниковъ въ Бѣломъ городѣ, какъ говорили, бросили свои значки, не желая «работать» противъ «внутренняго врага».

5-го состоялось нѣсколько рабочихъ собраній, въ нѣкоторыхъ участвовало до 15 т. человѣкъ; с.-д. комитетомъ въ этотъ день были выпущены листки, въ которыхъ выставлены общія требованія: 8-ми часовой раб. день, уничтоженіе сверхъ-урочныхъ работъ, повышеніе заработной платы на 25%; кромѣ этихъ общихъ требованій, были выставлены частныя требованія рабочихъ отдѣльныхъ производствъ. Комитетъ въ послѣдующихъ листкахъ выставилъ требованія: отмѣны незаконныхъ обысковъ на улицахъ, отмѣны обысковъ при уходѣ съ работы, соблюденія при непрерывныхъ работахъ 36 ч. отдыха не рѣже 3 разъ въ мѣсяцъ, вывода рабочихъ жилищъ изъ предѣловъ Балаханскаго района (устройство рабочаго городка [1]) и рядъ другихъ.

Многіе изъ бастующихъ не предъявляли совершенно никакихъ требованій—они присоединились къ товарищамъ и это обстоятельство еще сильнѣе смущало хозяевъ.

6-го утромъ комитетомъ рос. соціалъ-демократической рабочей партіи была назначена сходка. Предполагали, что будетъ до 12—15 тысячъ, но такъ какъ мѣсто было неудачно выбрано, то пришло тысячъ 6—7. Говорило 7 ораторовъ, нѣкоторые на армянскомъ языкѣ. Сначала было все тихо, присутствующій полиціймейстеръ и казаки не трогали ни ораторовъ, ни собравшихся. Собраніе продолжалось часа два. Лишь офицеръ, нѣсколько разъ подъѣзжая къ толпѣ, кричалъ ораторамъ: «Прекратить»!, на что получалъ отвѣтъ: «Продолжать». Когда собраніе было кончено и стали расходиться, казаки начали тѣснить идущихъ и 2—3 человѣка арестовали. Въ это время кто то развернулъ красное знамя. Казаки накинулись на знаменосца, отобрали знамя и разсѣяли послѣднія группы рабочихъ. Въ этотъ же день состоялось собраніе въ 12 тыс. человѣкъ въ Балаханахъ. Здѣсь говорилось о нуждахъ рабочихъ, разъяснялись выставленныя требованія. Весь этотъ день въ разныхъ мѣстахъ города импровизовано устраивались небольшіе митинги.

7-го въ Балаханахъ опять было большое собраніе (до 10 тыс.). Но не нашлось хорошаго оратора который бы объединилъ рабочихъ. Послѣдніе раздѣлились на группы по промысламъ и обсуждали каждая

---

[1]) Удовлетворенія этого требованія бакинскіе рабочіе, какъ извѣстно, не добились и по сію пору. Прошлогодняя депутація ихъ на бывшемъ въ Петербургѣ совѣщаніи нефтепромышленниковъ выдвинула вопросъ о жилищахъ на первый планъ.

свои требованія. По требованію рабочихъ на это собраніе явились управляющіе промыслами, съ которыми стачечники и обсуждали свои дѣла: затѣмъ на собраніе пріѣхали члены Совѣта Съѣзда нефтепромышленниковъ и предлагали рабочимъ посредничество Совѣта въ ихъ переговорахъ съ хозяевами.

Въ другихъ мѣстахъ собранія шли плохо, замѣчался недостатокъ въ ораторахъ.

Это былъ послѣдній день, когда не было открытыхъ гоненій со стороны войска и полиціи: администрація, не имѣя въ своемъ распоряженіи солдатъ, очевидно не рѣшалась на наступательныя дѣйствія. Характерно, напр., то, что когда изъ больницы обратились къ властямъ за содѣйствіемъ противъ стачечниковъ, собравшихся въ Балаханахъ и приславшихъ въ больницу заявленіе, что рабочіе придутъ пить, для чего больничная администрація должна приготовить воду— бакинская администрація отказала въ помощи. Больничному начальству пришлось удовлетворить требованія стачечниковъ.

Начиная со слѣдующаго дня, полиція перемѣнила тактику; на улицахъ начались избіенія рабочихъ, какъ только эти послѣдніе собирались въ группы хотя бы въ 5—6 человѣкъ.

Попытка рабочихъ остановить опрѣснитель кончилась неудачей: рабочихъ заставили работать съ помощью казацкихъ нагаекъ. 10-го пущена была «Электрическая Сила» подъ охраной казаковъ и штыковъ. Въ этотъ день прибылъ 16-й Мингрельскій полкъ. Было возстановлено городское коночное сообщеніе: вагоны ходили подъ охраной двухъ солдатъ каждый. Такъ какъ многіе кондуктора не вышли на работу, ихъ замѣнили отчасти всякимъ сбродомъ, отчасти же на ихъ мѣста были поставлены контролеры. Прибывшихъ солдатъ употребляли не только для «возстановленія порядка», ими же замѣщали стачечниковъ. Такъ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ рабочихъ замѣнили вначалѣ жел.-дор., батальономъ; стачечники же частью были уволены, частью сами не пошли на работу. Съ этого же дня возобновилась работа на товарной станціи.

Переговоры, которые до этого дня велись съ нефтепромышленниками, и требованія, предъявленныя имъ рабочими, теперь совершенно отвергнуты. Въ своемъ засѣданіи «Съѣздъ нефтепромышленниковъ» призналъ «принципіально» право рабочихъ вступать въ договорныя отношенія и устраивать коалиціи и стачки; но «въ данномъ случаѣ» они видѣли не стачку, а «насиліе». Какъ позже стало извѣстно, отъ Плеве былъ приказъ никакихъ требованій рабочихъ не удовлетворять. Соотвѣтственно такому обороту дѣла было вывѣшено объявленіе: кто 14 іюля къ 6 часамъ утра не явится на работу, считается уволеннымъ; послѣ возобновленія работъ нужды рабочихъ будутъ разсмотрѣны и «по возможности удовлетворены».

Собраніе управляющихъ фирмами было недовольно постановленіемъ хозяевъ и выработало компромиссное рѣшеніе, но хозяева категорически его отвергли, чувствуя, что правительство на ихъ сторонѣ. Позже отдѣльные промыслы принуждены были сдѣлать уступки, такъ какъ требованія рабочихъ касались столь насущныхъ нуждъ, что невозможно было ихъ обойти молчаніемъ. Такъ, товарищество

Нобеля вывѣсило послѣ стачки циркуляръ, въ которомъ объявило, что «несмотря на то, что для предъявленія своихъ нуждъ рабочіе избрали путь, несогласный съ закономъ и неоправдываемый отношеніемъ къ нимъ администраціи Товарищества, ходатайства ихъ разсмотрѣны и о результатахъ этого разсмотрѣнія симъ объявляется рабочимъ:

1) Число праздниковъ будетъ сокращено до нормы, утвержденной правительствомъ; точное росписаніе всѣхъ праздничныхъ дней въ году будетъ вывѣшено для свѣдѣнія рабочихъ.

2) Передъ праздничными днями работы будутъ кончаться часомъ ранѣе.

3) Жалованье будетъ выдаваться во время производства работъ.

4) При командировочныхъ работахъ будутъ выдаваться суточныя деньги.

5) Въ заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ въ теченіе предстоящей зимы устроены помѣщенія, въ которыхъ рабочіе будутъ имѣть шкафы для храненія платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рукъ, столы и скамьи для обѣда рабочихъ, остающихся во время обѣденнаго перерыва въ мастерскихъ. Въ тѣхъ же помѣщеніяхъ рано прибывшіе рабочіе могутъ ожидать начала работъ.

6) Устанавливается постоянный комплектъ чернорабочихъ, которымъ будутъ выданы разсчетныя книжки.

7) Ученики заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ зачислены въ разрядъ рабочихъ, оклады же ихъ заработной платы будутъ и впредь назначаться въ зависимости отъ ихъ способностей.

8) Законъ о страхованіи рабочихъ и о способѣ вознагражденія ихъ во время болѣзни и при увѣчьяхъ уже утвержденъ правительствомъ. По распубликованіи этого закона ожидается утвержденіе уже разработанныхъ съѣздомъ нефтепромышленниковъ уставовъ кассъ—больничной и страхованія рабочихъ, послѣ чего кассы будутъ немедленно введены въ дѣйствіе.

9) Что же касается до ходатайствъ рабочихъ объ увеличеніи штата разъѣздныхъ докторовъ и акушерокъ, о перевозкѣ больныхъ въ рессорныхъ экипажахъ, почтово-телеграфныхъ конторъ съ отдѣленіями сберегательной кассы при нихъ и объ увеличеніи числа школъ, то удовлетвореніе такихъ ходатайствъ, какъ общихъ для всѣхъ нефтепромышленниковъ, будетъ произведено съ извѣстной постепенностью. Товарищество, съ своей стороны, обѣщаетъ содѣйствовать, чтобы означенныя ходатайства были Совѣтомъ съѣзда удовлетворены.

Далѣе циркуляръ говоритъ, что Товарищество получило разрѣшеніе на введеніе старостъ и съ 1 октября оно введетъ ихъ для облегченія рабочимъ «законнымъ путемъ» добиваться удовлетворенія своихъ нуждъ. Относительно главнаго требованія рабочихъ, повышенія заработной платы на 20% циркуляръ не обмолвился ни словомъ.

14-го работы возобновились въ городѣ, но на промыслахъ на-

чались поджоги. Въ 11 часовъ вечера вспыхнулъ пожаръ у Мирзоева, затѣмъ у Нобеля, утромъ 15-го у Питоева. Тушить было очень трудно, вслѣдствіе забастовки не было воды, не было и людей. Было ясно, что пожарами рабочіе выразили свой гнѣвъ и раздраженіе на хозяевъ, которые отказались даже отъ переговоровъ съ ними, увидавъ, что имѣются солдаты для ихъ охраны.

18-го стачка окончательно прекратилась.

Эта стачка была первой всеобщей стачкой въ Баку, въ ней принимали участіе всѣ рабочіе безъ различія. Впервые мусульмане и жалкіе, забитые персы боролись активно за улучшеніе своего положенія. Какъ менѣе сознательные, они проявили наибольшую склонность къ насиліямъ. Въ общемъ же стачка носила мирный сдержанный характеръ. Только одинъ разъ произошло крупное столкновеніе между стачечниками и ставшими на работу. Этихъ послѣднихъ охраняло войско, такъ что при столкновеніи солдаты пустили въ ходъ оружіе, причемъ было нѣсколько раненыхъ.

С.-д. комитетъ во время стачки болѣе всего вліялъ листками, такъ какъ въ организаторскихъ и ораторскихъ силахъ у него былъ большой недостатокъ. Надо замѣтить, что соціалдемократическая работа вообще началась въ Баку всего 2 года передъ стачкой. Вслѣдствіе этого стачка была мало использована въ цѣляхъ политической агитаціи.

II. Тифлисъ.

На всеобщую стачку въ Баку тифлисскій пролетаріатъ отвѣтилъ всеобщей же стачкой, которой онъ заявилъ о своей солидарности съ бакинскими товарищами. Съ начала іюля мѣсяца въ Тифлисѣ было неспокойно. 1-го іюля отправляли 4-хъ политическихъ въ ссылку. Рабочіе жел.-дорожныхъ мастерскихъ и мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, бросивъ работу, пришли проводить ихъ. Громадная толпа собралась на вокзалѣ въ ожиданіи увидѣть товарищей. Думая, что въ арестантскомъ вагонѣ вмѣстѣ съ уголовными находятся и политическіе, рабочіе выкинули красное знамя, на которомъ на трехъ языкахъ было написано: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Да здравствуетъ свобода! Долой самодержавіе!» Поѣздъ тронулся. Демонстранты минуты на три задержали его, все еще надѣясь увидѣть товарищей (впослѣдствіи оказалось, что политическихъ отправили другимъ путемъ, и въ этомъ поѣздѣ ихъ не было). Жандармы безъ всякаго предупрежденія стали стрѣлять. Въ результатѣ 5 человѣкъ ранено, изъ нихъ одинъ въ тотъ же вечеръ умеръ. Полиція, боясь демонстрацій, ночью уже его похоронила.

Этотъ фактъ сильно взволновалъ рабочихъ. Послѣ демонстраціи черезъ день вспыхнули стачки строительныхъ рабочихъ: плотниковъ, кровельщиковъ и каменщиковъ. Ихъ требованіе, уменьшить рабочій день съ 16 до 10 час., было удовлетворено послѣ 14-го. За строительными рабочими поднялись приказчики, 4-го іюля въ 8 часовъ вечера они демонстративно покинули лавки и, выйдя на улицу въ количествѣ 400 человѣкъ, пошли двумя большими толпами закрывать другіе магазины. Приказчики требовали сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ

(съ 8 ч. до 8 ч,), вмѣсто 18—19 ч. (нѣкоторые магазины открывались до этого дня въ 6 ч. утра и закрывались въ 11 ч. вечера). Закрывши магазины, приказчики смѣшавшись съ гулящей публикой, разошлись, такъ что, когда полиція собралась съ мыслями и прислала казаковъ, было поздно—крамольниковъ и слѣдъ простылъ. Въ слѣдующіе 8 дней приказчики продолжали самочинно раньше кончать работу. Хозяевамъ пришлось уступить, тѣмъ болѣе, что и полиція, боясь, что движеніе приказчиковъ введетъ въ соблазнъ другихъ рабочихъ, стала принуждать хозяевъ уступить. Слѣдуетъ замѣтить, что полиція хорошо знала нравы тифлисскаго пролетаріата. Губернаторъ такъ характеризовалъ ихъ: «Стоило уволить фабриканту рабочаго — вся фабрика бросала работу, что стало считаться не только заслугою, но даже обязанностью; умираетъ рабочій, и вся фабрика обязуется присутствовать на похоронахъ и провожать тѣло на кладбище; высылаютъ рабочаго — и всѣ товарищи, въ какихъ бы они отношеніяхъ не состояли, обязываются устроить ему проводы».

До 14-го забастовали «пурщики» (хлѣбопеки). Приставъ 5-го участка пригласилъ изъ нихъ 30 человѣкъ въ участокъ для переговоровъ, но тамъ по своему усмотрѣнію 4 «зачинщиковъ» арестовалъ. «Пурщики» разнесли участокъ и освободили товарищей. Приставъ, стрѣлявшій въ воздухъ при самообороне, въ тотъ же день былъ уволенъ «за слабость».

12-го іюля была однодневная забастовка типографскихъ рабочихъ требовавшихъ уничтоженія унизительныхъ полицейскихъ обысковъ.

Наконецъ, 14-го была объявлена всеобщая забастовка. Въ листкѣ, выпущенномъ Тифлисскимъ соц.-дем. Комитетомъ, говорилось о бакинской стачкѣ и о необходимости ее поддержать. были выставлены требованія: 8 часовой раб. день, повышеніе заработка на 25%. Съ утра стало жел.-дорожное депо ($4^1/_2$—5 тыс.) всѣ заводы, мелкія мастерскія и конки. Конки, впрочемъ, къ вечеру того же дня пошли подъ охраной штыковъ, съ замѣной кондукторовъ солдатами. Публика не оказывала никакого сочувствія стачечникамъ и не стѣсняясь разъѣзжала подъ охраной войска.

Администрація заранѣе готовилась ко всеобщей стачкѣ. и поэтому стягивала войско въ городъ. 14-го Тифлисъ имѣлъ видъ завоеваннаго города. На всѣхъ ближайшихъ къ вокзалу улицахъ стояли взводы пѣхоты въ полной походной формѣ, на каждомъ углу сидѣли городовые (они передъ забастовкой предъявили требованіе своему начальству, чтобы имъ разрѣшили сидѣть,—«очень тяжела служба стала», говорили они). Каждые четверть часа разъѣзжали казацкіе патрули. Собранія удалось устроить только утромъ 14-го, позже начались звѣрства полиціи. Въ листкѣ, выпущенномъ «Союзнымъ Комитетомъ Р. Соц. Дем. Раб. Парт.», такъ описывались ужасы дней забастовки: «Казаки и полиція хватаютъ на улицахъ рабочихъ, производятъ надъ ними невѣроятныя истязанія... Рано утромъ 16-го въ Дидубэ произошла схватка между стачечниками и нарядомъ казаковъ. Рабочіе избили казаковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Немедленно явился взводъ казаковъ съ офицеромъ. Нѣтъ словъ описать тѣ ужасы, которые тутъ произошли. На улицѣ никого не было. Казаки бросились въ дома

рабочихъ, ломали мебель, безъ конца и разбора били женщинъ и дѣтей... [1])

Всеобщая стачка длилась недолго. Такъ какъ передъ ея началомъ многіе изъ рабочихъ бастовали за свои частныя требованія непосредственно передъ 14 іюля, то утомленіе дало себя знать. Нѣкоторые изъ заводовъ возобновили работу 17-го и 18-го. Желѣзнодорожные рабочіе частью,—около $1^1/_2$ тысячъ,—стали на работу 19-го. Большинство изъ пришедшихъ на работу—русскіе,—печальный результатъ заигрыванія властей. Какъ и въ Баку, въ Тифлисѣ и на ближайшей станціи Михайлово штрейкбрехеры получили награду, назначенную имъ начальникомъ дороги.

Въ теченіе стачки тифлисскій комитетъ рос. соц.-дем. рабочей партіи выпустилъ нѣсколько прокламацій.

Одновременно съ Тифлисомъ началась стачка на станціи Михайлово. 14-го рабочіе бросили съ утра работу и толпою въ 500 человѣкъ съ краснымъ знаменемъ обошли всѣ улицы мѣстечка, затѣмъ направились къ станціи жел. дороги. По дорогѣ часть демонстрантовъ разошлась, на станцію пришло 150—200 человѣкъ, и загородило полотно желѣзной дороги. Съ ними въ переговоры вступилъ инженеръ и уже почти убѣдилъ ихъ разойтись. По его совѣту они послали нѣкоторыхъ изъ своей среды для охраны водопровода, сберегательной кассы. Видя, что толпа настроена мирно, инженеръ сказалъ рабочимъ, что самъ удовлетворить ихъ требованія (тѣ же, что и въ Тифлисѣ: 8-часовой рабочій день, повышеніе заработка) не можетъ, а дастъ сейчасъ же телеграмму въ Петербургъ. Онъ ушелъ на телеграфъ, предварительно взявъ слово съ пристава, командующаго отрядомъ, не употреблять оружія. Въ это время подошелъ боржомскій поѣздъ. Одинъ изъ рабочихъ вздумалъ отцѣпить паровозъ. На него набросились стражники. Къ рабочему на помощь бросились товарищи. Завязалась борьба. Приставъ приказалъ стрѣлять. Въ результатѣ 36 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты (ихъ было чел. 40) почти всѣ стрѣляли въ воздухъ, но стражники усердствовали.

Здѣсь же на станціи было арестовано много рабочихъ, изъ которыхъ 15 человѣкъ преданы суду за задержаніе поѣзда и сопротивленіе властямъ.

Въ обвинительномъ актѣ такъ разсказывается о стачкѣ: «14-го іюля с. г. въ 8 часовъ утра въ депо ст. Михайлово раздался тревожный гудокъ, и рабочіе, около 200 человѣкъ, прекративъ работу, вышли на полотно жел. дороги. Къ нимъ присоединились ремонтные рабочіе, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа направилась къ расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, гдѣ всѣхъ рабочихъ заставила прекратить работу. Проходя по путямъ, кто-то изъ толпы, поднявъ вверхъ револьверъ, выстрѣлилъ, и толпа начала кричать «ура». Въ это время подошелъ къ ст. Михайлово товарный поѣздъ изъ Тифлиса, и толпа, отцѣпивъ паровозъ, оставила на пути вагоны, съ цѣлью прекращенія на главномъ пути движенія поѣздовъ. Захватывая по дорогѣ стрѣлочниковъ, толпа около паровознаго са-

---

[1]) „Искра“ № 44—45.

рая потушила топку паровозовъ и сняла съ одного паровоза регуляторъ. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла къ конторѣ начальника участка и заставила всѣхъ служащихъ уйти изъ конторы и также изъ помѣщенія телеграфа. Во главѣ толпы находился ремесленный рабочій Ром. Мегрелишвили. Отъ имени толпы было заявлено требованіе прекратить дѣятельность телеграфа, во избѣжаніе передачи депешъ съ просьбою о присылкѣ войскъ». Далѣе въ обвинительномъ актѣ разсказывается о событіи на станціи, причемъ, какъ и полагается, обвиняются во всемъ рабочіе.

Стачка на ст. Михайлово такъ же, какъ въ Тифлисѣ, скоро прекратилась. Да вѣдь смыслъ стачки былъ совсѣмъ не въ ея продолжительности, не въ достиженіи непосредственныхъ результатовъ. Рабочіе хотѣли демонстрировать единодушіе съ пролетаріатомъ Баку и другихъ городовъ—и это они прекрасно осуществили.

III. Батумъ.

За Тифлисомъ поднялся Батумъ. 17-го въ 7½ часовъ утра рабочіе всѣхъ заводовъ бросили работу и направились къ базару; всего собралось около шести тысячъ человѣкъ. Вынесли столы, на которые взобрались рабочіе и читали прокламаціи, выпущенныя комитетомъ, произносили рѣчи на русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Войско разсѣяло собраніе. Въ городѣ были закрыты всѣ магазины, конторы, пекарни, мастерскія. Бросили работу носильщики на вокзалѣ, стрѣлочники, кондуктора, строительные рабочіе. На слѣдующій день стачечники пытались устроить демонстрацію: собрались около электрической станціи и развернули красное знамя, но были вновь разсѣяны казаками, причемъ были даны два залпа. Въ результатѣ нѣсколько человѣкъ ранено. Стачка длилась всего три дня, послѣ чего рабочіе постепенно приступили къ работамъ. Стачка не ограничилась крупными центрами Кавказа. Бастовали также Поти, Чіатурскій округъ и другія мѣстности.

Черноморье.

I. Одесса.

Передъ всеобщей стачкой въ Одессѣ, лѣтомъ 1903 г. велась усиленная работа «Комитета независимой рабочей партіи», основанной зубатовцемъ Шаевичемъ для борьбы съ соціалдемократической рабочей партіей, который за какихъ-нибудь 2—3½ года широко развилъ свою дѣятельность. Шаевичъ передъ пріѣздомъ въ Одессу пытался организовать рабочихъ въ Вильнѣ съ тою же цѣлью отвлеченія отъ с.-д., но потерпѣлъ неудачу. По мысли Зубатова, Шаевичъ и тутъ въ Одессѣ стремился сорганизовать рабочихъ на чисто экономической почвѣ, путемъ устройства стачекъ, въ увѣренности, что успѣшное ихъ проведеніе привлечетъ рабочихъ къ нему, заставитъ ихъ отвернуться отъ «политики». Какъ и всюду, зубатовщинѣ и тутъ предстояло пораженіе, вся ея работа обратилась противъ нея самой, она не смогла не только руководить вызваннымъ движеніемъ, но была окончательно имъ смыта.

Еще въ концѣ апрѣля подъ давленіемъ рабочихъ «Комитетъ независимой рабочей партіи» началъ забастовку на заводѣ Рестеля (200 чел.). Стачка затянулась, рабочихъ разсчитали, помощь со стороны кассы «комитета» независимцевъ, оказываемая въ началѣ, стала падать. Заводская администрація замѣнила бастующихъ новыми рабочими. Забастовщики и «независимцы» нерѣдко устраивали нападенія на «штрейкбрехеровъ», ничѣмъ серьезно не платившись, т. к. къ стачкѣ благосклонно относилось и охранное отдѣленіе, какъ выяснилось позже изъ документовъ фабричнаго инспектора. Не видя конца длящейся болѣе мѣсяца стачки, рабочіе обратились къ Шаевичу съ требованіемъ вмѣшаться, оказать давленіе на Рестеля. Шаевичъ въ отвѣтъ предложилъ имъ искать новыя мѣста. Вѣра въ «Комитетъ независимой рабочей партіи» сразу сильно пала и многіе рабочіе перестали вносить въ кассу, и безъ того очень истощившуюся изъ-за помощи стачечникамъ, по мнѣнію однихъ «независимцевъ»,— благодаря хищенію руководителей, по разсказамъ другихъ. Шаевичъ не прекратилъ своей дѣятельности; онъ повелъ агитацію за стачку въ порту, быть можетъ, для того, чтобы какъ-либо покончить съ рестелевской.

1-го іюня началась стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ Большого вокзала (2.000—2.500 рабочихъ). Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужилъ разсчетъ одного рабочаго котельнаго цеха. Котельщики потребовали его возвращенія и удаленія мастеровъ. Рабочіе соц.-дем. въ другихъ цехахъ повели агитацію за всеобщую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 2-го іюля Большой вокзалъ забастовалъ весь и были выработаны слѣдующія требованія: 1) 9-ти часовой рабочій день, вмѣсто 10, 2) увеличеніе заработной платы, 3) возвращеніе разсчитанныхъ товарищей, 4) удаленіе мастеровъ, 5) вѣжливое обращеніе и др.

Ораторы изъ рабочихъ соц.-дем. и посланныхъ Одесск. комитетомъ на собраніяхъ рабочихъ въ малярномъ цехѣ говорили о классовыхъ противорѣчіяхъ, о рабочемъ движеніи и пр. Организованные «независимые», около 150 ч. стали въ оппозицію: грозили сорвать стачку, если будутъ политическія рѣчи и листки Одесск. комитета. Свои угрозы они привели въ исполненіе, срывая ораторовъ, одного даже чуть не выдали полиціи. Вынужденные считаться съ давленіемъ, оказываемымъ на массу «независимыми», организованные рабочіе соц.-дем. рѣшили въ своей агитаціи налегать на «экономику». Это выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что листки къ стачечникамъ жел.-дор. рабочимъ политическаго содержанія, изданные Одесск. комитетомъ, они отказались распространять, ссылаясь на возможность провала стачки. Листки эти были уничтожены съ разрѣшенія комитета, который счелъ неудобнымъ ихъ распространить еще и потому, что, въ виду быстраго развитія событій, факты изложенные въ листкахъ оказались уже устарѣвшими. 3 іюля съ утра настроеніе массы было настолько подавленно обструкціей «независимыхъ, что когда появился начальникъ дороги Немѣшаевъ и обѣщалъ удовлетворить мелкія требованія, толпа, руководимая «независимыми», кричала ему «ура»!, кидая вверхъ шапки. Съ обѣда всѣ пошли на работу. «Независимые»

ликовали. Но прошло нѣсколько дней, и настроеніе массы измѣнилось. Она почувствовала себя околпаченной. По рукамъ ходилъ писанный самими рабочими листокъ съ призывомъ: долой обманъ, долой мелкія требованія, хотимъ большаго. Листокъ Одесск. комитета «По поводу стачки жел.-дор., рабочихъ» читался очень охотно. 6-го іюля состоялось собраніе около 300—400 человѣкъ исключительно жел.-дор., гдѣ ораторами Комитета подробно разбирались вопросы о борьбѣ пролетаріата въ Россіи вообще и о борьбѣ вокзальныхъ рабочихъ въ Одессѣ въ частности. Возгласы ораторовъ «долой самодержавіе» и др. были очень дружно поддержаны собравшимися. [1])

Агитація Шаевича среди портовыхъ рабочихъ шла успѣшно. Что не могла сдѣлать соціалистическая партія, благодаря бдительности полиціи и страшно пестрому и некультурному составу портовыхъ рабочихъ, то удалось Шаевичу, покровительствуемому начальствомъ. 4-го іюля рабочіе грузчики въ порту выставили требованія: 1) увеличеніе заработной платы до 2 руб., 2) уменьшеніе рабочаго дня на полчаса.

Число забастовавшихъ опредѣлить трудно, такъ какъ колебанія рабочаго рынка очень значительны и часты, въ зависимости отъ количества грузовъ. 5-го іюля послѣ полудня, чернорабочіе въ карантинной гавани, ведущіе нагрузку и выгрузку товаровъ на пароходахъ и пристаняхъ Р. О. П. и Т., Добровольнаго флота и Черноморско-Дунайскаго общества, а также и частновладѣльческихъ судахъ, прекратили свои работы и группами расположились около зданія, каждая въ районѣ своихъ работъ.

Самую необходимую часть товаровъ въ агентствѣ Р. О. П. и Т. нагружали на имѣвшій отойти въ срочный александрійскій рейсъ пароходъ «Россія» силами нѣсколькихъ сторожей при складахъ. Съ утра 6-го по мѣрѣ прибытія пароходовъ въ портъ, примкнули къ забастовкѣ моряки, матросы, кочегары, угольщики, требуя увеличенія заработной платы на 50—70%, уменьшенія рабочаго дня, плату за сверхурочную работу по 30 коп. въ часъ и нѣкоторыхъ мелкихъ улучшеній. Въ виду того, что часть моряковъ дѣлала взносы въ кассу «независимцевъ», комитетъ послѣднихъ оказался вынужденнымъ взять на себя руководство стачкой. Предсѣдателю «Комитета незав.», Шаевичу, очень не хотѣлось брать на себя это руководство, и онъ съ перваго же абцуга предложилъ забастовавшимъ сократить свои требованія: «не бить стѣну лбомъ, а сверлить ее понемногу». Рабочимъ не понравились эти рѣчи, Шаевичу пришлось отступить. Мѣстныя власти съ начала стачки, не предвидя, что она готовитъ, относились «благосклонно» къ ней. Для переговоровъ съ забастовавшими грузчиками пріѣхалъ самъ градоначальникъ Арсеньевъ. Онъ заявилъ имъ, что правительство не станетъ вмѣшиваться въ ихъ отношенія съ хозяевами; пусть только они ведутъ себя чинно и спокойно, не нарушаютъ порядка, лично онъ находитъ, что грузчики, дѣйствительно, очень мало зарабатываютъ и отъ души желаетъ имъ достигнуть улучшенія своего положенія. Градоначальникъ простеръ свою

---

[1]) „Искра“ № 45—47.

благосклонность до того, что предлагалъ даже полиціймейстера для переговоровъ между бастующими и хозяевами.

На третій день забастовки являлись отдѣльныя маленькія группы рабочихъ (главнымъ образомъ угольщиковъ), желавшихъ временно работать въ томъ или другомъ мѣстѣ порта, за удовлетворительную плату; но другіе рабочіе не давали имъ стать на работу и между ними происходили частыя драки, впрочемъ, безъ серьезныхъ послѣдствій.

Многіе изъ рабочихъ, видя, что никто не идетъ на соглашеніе въ смыслѣ полнаго удовлетворенія ихъ требованій, явно унывали. На четверый день при Добров. флотѣ, агентствѣ Р. О. П. и Т. и Черноморско-Дунайскаго общества рабочіе возобновили работу, получивъ увеличеніе заработной платы до 1 р. 50 к. (раньше 80 к.—1 р.) и уменьшеніе рабочаго дня на $^1/_2$ часа. Въ числѣ бастовавшихъ оставалось еще до 6000 человѣкъ. Далѣе событія быстро развертываются. Соц.-дем. Комитетъ едва успѣвалъ получать и публиковать тѣ статечныя требованія, которыя выставляла каждая категорія рабочихъ отдѣльно. Къ наиболѣе крупнымъ группамъ забастовщиковъ Од. Комитетъ посылалъ ораторовъ и агитаторовъ; такъ были посланы ораторы къ рабочимъ Русскаго Общества и Беллино-Фендриха, къ рабочимъ сносчикамъ по хлѣбной операціи, на Пересыпь и Тираспольскую заставу, здѣсь они помогли рабочимъ выработать экономическія требованія. Ораторовъ слушали охотно, сѣрая масса предлагала имъ угощеніе въ трактирѣ. «Долой самодержавіе! и пр. возгласы дружно повторялись тысячами голосовъ вслѣдъ за ораторомъ. Од. Комитетъ выпустилъ листокъ (500 экз.) «Ко всѣмъ забастовщикамъ г. Одессы» съ призывомъ дружно отстаивать сформулированныя въ немъ требованія: 1) 8-ми часовой раб. день, 2) увеличеніе заработной платы, minimum на $^1/_2$, 3) плата больнымъ до выздоровленія, 4) отмѣна сдѣльной работы, 5) вѣжливое обращеніе. Листокъ читался на расхватъ.

10-го забастовали служащіе на русскихъ судахъ, матросы и кочегары. Забастовка уже на другой день приняла широкіе размѣры. Толпа забастовщиковъ ходила на всѣ безъ исключенія русскіе пароходы и увлекала за собою всѣхъ рѣшительно низшихъ служащихъ команды. Суда опустѣли. Наконецъ, когда толпа возросла до 2 тысячъ человѣкъ, она направалась на Пересыпь, къ площади вблизи газоваго завода, гдѣ помѣщалась большая зала, въ которой обычно собирались независимцы. Здѣсь на совѣщаніи были выработаны требованія. Сначала рабочіе, главнымъ образомъ кочегары и моряки—рѣшили послать «за ораторомъ». Но Шаевичъ долго не являлся, такъ что собраніе обошлось безъ него. Когда же онъ явился и сталъ уговаривать вернуться на работу, то толпа рабочихъ, стоявшая около помѣщенія, узнавъ объ этомъ, озлобленно загудѣла: «Ага, вотъ оно что! Братцы, его уже успѣли «подмазать» въ русскомъ обществѣ!» Растерявшійся Шаевичъ, увидавъ, что его не возметъ, постарался поскорѣе уйти.

Выработанныя требованія были представлены 11-го Перелешину (начальнику порта). Онъ обѣщалъ удовлетворить многія изъ нихъ, заявилъ, что будто бы совѣщаніе при главноуправляюшемъ торговымъ мореплаваніемъ занято уже обсужденіемъ этихъ требованій.

Однако уже вечеромъ 12-го, затѣмъ 13-го, по телеграммѣ воен-

наго министерства, изъ Севастополя было прислано до 500 военныхъ матросовъ и кочегаровъ 33-го флотскаго экипажа. Прибывшихъ размѣстили на пароходы Р. О. П. и Т. и Россійскаго общества транспортовъ, рейсы возобновились. Полиція усердно разгоняла забастовщиковъ отъ мѣста стоянки пароходовъ.

Съ 13 го стало замѣчаться волненіе между кондукторами и кочегарами конокъ. 15 го они забастовали, присоединились къ требованіямъ, выставленнымъ въ листкѣ соц.-дем. Комитета и сверхъ того выставили требованія отмѣны произвольныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ обществомъ конныхъ жел. дорогъ (Бельгійское общество) въ свою пользу, и установленія таксы для штрафовъ съ тѣмъ, чтобы половина штрафныхъ суммъ употреблялась на образованіе фонда для пенсіонной кассы, и рядъ другихъ. Населеніе отнеслось очень сочувственно къ этой забастовкѣ, такъ что, когда въ тотъ же день администрація пыталась пустить вагоны по Преображенской улицѣ (замѣнивъ кучеровъ и кондукторовъ — конюхами и контролерами), то натолкнулась на противодѣйствіе не только стачечниковъ, но и присоединившейся къ нимъ толпы обывателей; аналогичный случай повторился при попыткѣ пустить поѣздъ парового трамвая на Б. Фонтанъ. Любопытно, что и въ эту стачку вмѣшались власти довольно двусмысленно. Испол. должность полиціймейстера въ тотъ же день пригласилъ къ себѣ нѣсколько участниковъ стачки и давалъ совѣты, какъ должны себя держать забастовщики, чтобы избѣжать вмѣшательства полиціи. Стачечники проникли въ депо к. ж. д. и не выпускали оттуда вагоновъ и поѣздовъ. 16-го прекратили работу фабрики Жако, Вальтуха, Родоконаки и другія. Рабочіе городскихъ каменоломенъ явились гурьбой въ городскую управу требовать повышенія заработка. Подъемъ духа былъ необыкновенный. Стала и «монополька». Од. Ком. выпустилъ въ этотъ день прокламацію «Къ морякамъ солдатамъ», въ которой указывалъ на печальную роль «штрейкбрехеровъ», которую ихъ заставляютъ играть и призывалъ къ пассивному сопротивленію. Были прокламаціи Ком. П. С.-Р. и соц.-дем. группы «Рабочая воля». Агитаторы соц.-дем. въ полѣ организовали собраніе около 600 человѣкъ. Соц.-дем. комитетомъ былъ посланъ ораторъ, но полиція разогнала собраніе, причемъ арестовала трехъ рабочихъ. Толпа направилась къ близъ лежащимъ фабрикамъ и заводамъ и остановила ихъ, пригласивъ новыхъ забастовщиковъ примкнуть къ ней. Руководители соц.-дем. направили эту толпу въ 4—5 тыс. чел. къ Михайловскому участку съ требованіемъ освободить только что арестованныхъ товарищей. Въ два часа собрались забастовщики Дальницкаго района въ количествѣ 7—8.000 чел. въ Рубовъ садъ. Ораторами выступили организованные рабочіе соц.-дем. Говорили объ общихъ требованіяхъ всѣхъ забастовщиковъ, о связи экономической борьбы съ политической и пѣли революціонныя пѣсни, а часа въ четыре пошли изъ сада. На собраніи было нѣсколько городовыхъ, приставовъ и шмыгали «шпики». Ихъ присутствіе настраивало публику на ироническій ладъ, и рабочіе пересмѣивались съ представителями «средиземной эскадры». Часовъ около пяти вечера толпа остановила пивоваренный заводъ Енни. Стоявшіе около завода казаки улыбались забастовщикамъ, которые вели среди нихъ агитацію. Въ $5^1/_2$

час. рабочіе остановили заводъ Арбеда. Часовъ въ 6—7 всѣ мирно разошлись по домамъ, назначивъ собраніе на завтра утромъ, тамъ же, въ Рубовомъ саду. Соц.-дем. Комитетъ разослалъ гонцовъ по всему городу звать рабочихъ на 17 іюля утромъ въ этотъ садъ. Съ вечера Комитетъ намѣтилъ темы въ общихъ чертахъ и порядокъ рѣчей. За ночь были приготовлены знамена на случай демонстраціи и имѣвшіеся въ запасѣ листки Комитета о златоустовской бойнѣ и о «политической свободѣ» (перепеч. изъ «Искры»).

17-го съ шести часовъ утра въ Рубовъ садъ повалили толпы рабочихъ и работницъ. Вблизи мѣста собранія находится химическій заводъ Бродскаго. Собравшіеся стачечники рѣшили его остановить. Подошли. Ворота оказались запертыми. На оградѣ показалась администрація. Потребовали, чтобы пустили переговорить съ рабочими, чтобы отперли ворота, но управляющій разсмѣялся въ отвѣтъ. Тогда толпа навалилась, и желѣзныя ворота вылетѣли, а толпа съ крикомъ: «Требуйте 8-ми часового рабочаго дня!» разсыпалась по заводу. Остановили паръ и съ присоединившимися рабочими всѣ вернулись на поляну, куда все прибывали рабочіе разныхъ заводовъ. Посланный Комитетомъ ораторъ въ центрѣ толпы въ 1500—2000 человѣкъ открылъ собраніе рѣчью. Сформулировавъ общія требованія, онъ перешелъ къ объясненію связи экономической борьбы съ политической, роли государства въ борьбѣ рабочихъ за свои интересы и кончилъ призывомъ подъ знамя рос. с.-д. раб. п., на красномъ знамени которой написано: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!» Возгласы были дружно подхвачены. Второй ораторъ говорилъ исключительно о «политикѣ» и очень недолго. Послѣ его рѣчи сознательные рабочіе сдѣлали неловкій шагъ, запѣвъ революціонныя пѣсни. Это произвело непріятное впечатлѣніе на несознательныхъ. Рабочіе «независимцы» начали кричать: «не надо намъ политики! «Мы пришли не пѣсни пѣть, а вырабатывать наши требованія!» «Независимые» сгруппировали вокругъ себя кучки рабочихъ и стали говорить объ «экономикѣ». Организатору собранія, посланному Од. Ком., кое-какъ удалось объединить эти кучки въ одну большую группу тысячи въ 2—3 человѣкъ. Страсти разгорались. Едва являлся ораторъ «независимыхъ», его срывали соціальдемократы, оратора соціальдемократа срывали въ свою очередь «независимые». Хаосъ получился невообразимый. Крики «долой независимыхъ», «долой соціалдемократовъ!» грозили перейти въ рукопашную. Среди массы въ это время господствовало желаніе сформулировать свои частныя требованія. «Независимые» въ своихъ формулировкахъ вслѣдъ за соц.-дем. тоже проводили 8-ми часовой рабочій день. Казаки очень мирно стояли неподалеку отъ группы соц.-дем. Среди «независимыхъ» разгуливала полиція, съ которой они шушукались.

Было часовъ 9—10 утра. Видя безтолковость собранія, многіе побрели домой пить чай. Дезорганиторская работа «независимыхъ» съ одной стороны, и недостаточное знаніе массы со стороны Комитета—съ другой—вотъ двѣ основныя причины того, что соціалдемократамъ не удалось овладѣть собраніемъ. Раздался призывъ идти остановить пробочный заводъ Юліуса. Этотъ призывъ былъ дружно

подхваченъ собравшимися. Съ трудомъ удалось еще нѣсколько времени удержать толпу. Въ это время говорили еще нѣсколько товарищей. Одинъ изъ рабочихъ выступилъ и сказалъ: «Соц.-демократы наши лучшіе друзья. Они за рабочихъ, за насъ, гибнутъ въ Сибири и тюрьмахъ» и т. д. Но его слова потерялись въ шумѣ толпы, затѣмъ вся масса двинулась лавиной изъ сада. Казаки за нею. По дорогѣ затягивали «Марсельезу» и др. пѣсни, но изъ толпы кричали: «не надо пѣсенъ». И началось величественное шествіе 8—10 тысячной толпы съ завода на заводъ, изъ мастерской въ мастерскую. Рабочіе, гдѣ съ радостными, гдѣ съ угрюмыми лицами, покидали душныя мастерскія и присоединялись къ стачечникамъ. Толпа все росла и росла. Отъ завода Енни двинулись на Пересыпь. Казаки, конвоировавшіе толпу, постепенно отстали, такъ что на Пересыпи ихъ не было ни одного. На многочисленныхъ остановкахъ рабочіе ораторствовали на политическія темы. Обыватели сочувственно встрѣчали толпу и нерѣдко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламаціи Од. Комитета о «златоустовской бойнѣ». Остановивъ всѣ заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40—50 тысячъ, направились въ портъ. Изъ паровыхъ котловъ на пароходахъ выпускали паръ, срывали флаги, звали съ собою матросовъ, а военныхъ моряковъ призывали къ пассивному сопротивленію. Около подъема на Николаевскій бульваръ толпа раздѣлилась. Главное ядро направилось по бульвару, гдѣ толпа остановилась и ораторъ вновь говорилъ о борьбѣ, о необходимости политической свободы. Послѣ рѣчей направились на вокзалъ. Другая часть пошла прямо, минуя бульваръ, по Канатной улицѣ, тоже на вокзалъ.

По дорогѣ стачечники остановили всѣ, даже самыя маленькія мастерскія. Ремесленныя мастерскія, булочныя, кондитерскія, типографіи, даже рестораны—все стало. Когда толпа пришла останавливать работы у Высоцкаго, евреи—рабочіе, особенно дѣвочки, вообразили, что начинается еврейскій погромъ, начался ужасный плачъ. Толпа успокоила ихъ и начала убѣждать ихъ требовать восьмичасового дня и повышенія заработка, но тѣ отвѣчали, что «всѣмъ довольны».—«Это все равно, теперь никто не долженъ работать»—былъ отвѣтъ толпы. Полиція и солдаты почти не вмѣшивались. Серьезное столкновеніе произошло только на центральной электрической станціи. Толпа стала выгонять рабочихъ и потушила электричество. Были вызваны солдаты. Офицеръ сталъ уговаривать толпу не снимать рабочихъ, въ виду того, что электричество важно для освѣщенія всего города. Рабочіе поколебались, холостые выстрѣлы солдатъ докончили дѣло—солдаты отстояли станцію. Былъ «снятъ» ресторанъ Корони, гдѣ забастовщики побросали со столовъ посуду. Публика и оркестръ въ страхѣ разбѣжались. Когда стачечники достигли вокзала, тамъ работъ уже не было. Вечеромъ изъ Одессы не вышло ни одного поѣзда, первымъ остановленъ былъ курьерскій, который долженъ былъ уйти въ 6 часовъ вечера. Толпа выпустила паръ и густыми рядами улеглась на рельсахъ. Съ неимовѣрными трудностями въ 1 ч. ночи удалось, медленно разгоняя толпу прикладами, вывести поѣздъ за Тираспольскую заставу. Сформированъ, какъ слѣдуетъ, онъ былъ

только на ст. Раздѣльной. Другіе поѣзда не пошли. Товарные же не ходили еще съ 15-го, благодаря забастовкѣ грузчиковъ. Вокзалъ для публики былъ закрытъ до утра.

Часть стачечниковъ вечеромъ вновь собралась въ Рубовомъ саду. Здѣсь уже видимо стало падать вліяніе «независимыхъ», ихъ попытки сорвать того или другого оратора оканчивались неудачей. Были примѣры удаленія «независимыхъ» изъ толпы за нарушеніе тишины. Ораторы соц.-дем. предлагали «независимымъ говорить съ дерева, какъ они поступали и бросить обструкцію. У «независимыхъ» не оказалось ораторовъ, и они ограничились своею дезорганизаторскою ролью. У нихъ въ это самое время происходило собраніе на Пересыпи въ зданіи «Комитета независимыхъ». Шаевичъ еще раньше этого собранія объявилъ, что онъ боленъ, и скрылся неизвѣстно куда. Предсѣдательствовалъ его помощникъ, на собраніи присутствовали выбранные отъ фабрикъ и заводовъ. Начали собраніе съ выработки требованій. Восьми-часовой рабочій день выборные хотѣли провалить, но проникшіе въ залъ соц.-демократы отстояли это требованіе, которое и было принято большинствомъ. Относительно заработной платы было постановлено требовать увеличенія ея на 20%. Когда рѣчь зашла о выборѣ депутатовъ («фабрич. старостъ») отъ каждой фабрики и завода, соц.-дем. стали громко протестовать, доказывая, что законъ о старостахъ есть тотъ же зубатовскій подвохъ [1]). Но соціальдемократовъ торжественно вывели изъ зала засѣданія. Въ это время раздался тревожный гудокъ газового завода—то рабочіе звали товарищей примкнуть къ забастовкѣ. На балконѣ зданія «Комитета независимыхъ» появился ораторъ и убѣждалъ рабочихъ остерегаться красныхъ знаменъ и вообще «соціалистовъ». Бывшіе въ толпѣ соц.-дем. крикнули «долой оратора!» Толпа ихъ поддержала и ораторъ вынужденъ былъ скрыться. Въ залѣ начались дебаты о соціалдемократахъ. Выборные почти единодушно рѣшили срывать на завтрашнемъ собраніи въ саду ораторовъ соц.-дем. и выгонять ихъ изъ сада. «На завтрашній день мы запасемся ножами», говорили нѣкоторые. Въ саду между тѣмъ собраніе шло съ успѣхомъ для соц.-дем. Настроеніе было приподнятое, сочувствіе соц.-дем. проявлялось криками одобренія. Часовъ въ 8 послѣдній ораторъ объявилъ собраніе распущеннымъ и назначилъ его на десять часовъ утра слѣдующаго дня. Од. К. рѣшилъ воспользоваться этимъ собраніемъ не только для политической агитаціи, но и для непосредственнаго руководства стачкой. Для этого предполагалось тутъ же предварительно сформулировать частныя требованія стачечниковъ, разбивъ ихъ по заводамъ, а тамъ, объединивъ ихъ выясненіемъ требованій общихъ, перейти къ политической агитаціи. Чтобы провести намѣченный планъ, Од. К. назначилъ на слѣдующій день, въ 7 час. утра въ томъ же саду собраніе организованныхъ рабочихъ, около 150 чел. Но это собраніе, по случайнымъ обстоятельствамъ, не состоялось.

18-го стачечники утромъ съ 6 часовъ стали собираться въ саду

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что взглядъ этотъ на старостъ раздѣлялся въ то время не всею партіею и, напр. „Искра“ высказывалась за избраніе ихъ повсюду.

Рубова. «Независимые», появившись раньше всѣхъ, повели усиленную агитацію противъ соц.-дем. Организованные рабочіе соц.-дем. вступили въ полемику съ «независимцами». Послѣдніе выводили подчасъ соц.-дем. изъ сада, грозя предать ихъ въ руки полиціи, если они вновь явятся. Мирнаго отношенія въ этотъ день съ самаго утра уже не было. Поведеніе «независимыхъ» разстроило ряды соц.-дем., имъ съ трудомъ удалось собрать вокругъ себя 2—2½ тыс., хотя въ саду было до 40 тысячъ человѣкъ. Ораторъ соц.-дем. началъ свою рѣчь прямо съ «политики». Крики «долой соц.-дем.» заглушили его слова и онъ соскочилъ съ дерева, съ котораго говорилъ. Подъ предводительствомъ шпіоновъ, толпа «независимыхъ бросилась на оратора и съ криками «тащи его въ участокъ» схватила его. Соц.-дем. вступили въ борьбу съ «независимцами» и послѣ долгихъ и страшныхъ усилій, имъ удалось отбить еле живого оратора, поспѣшившаго скрыться. Вслѣдъ за этимъ соц.-дем. удалось сплотиться и собрать тысячъ 10 и, несмотря на усилія «независимыхъ», овладѣть вниманіемъ толпы. Шпіоны, бія себя въ грудь, кричали: «Мы—рабочіе хотимъ 8 часовъ, а политики намъ не надо». Большинство стачечниковъ разбрелись по фабрикамъ и мастерскимъ, гдѣ обсуждали свои частныя требованія. Преждевременная раздача прокламацій «рабочевольцами» окончательно разстроила собраніе.

Между тѣмъ войска все прибывали къ саду. На подкрѣпленіе въ Одессу еще утромъ были присланы казаки изъ Бендеръ. Правительство рѣшило энергично дѣйствовать. Часовъ въ 11—12 безъ всякаго предупрежденія, казаки съ нагайками, а солдаты со штыками и прикладами бросились на толпу стачечниковъ. Разбродъ и шатаніе дали возможность разогнать 50 тысячъ рабочихъ небольшой, сравнительно съ ними, горсти казаковъ и солдатъ. На мѣстѣ осталось нѣсколько раненыхъ. Одного рабочаго солдатъ ударилъ прикладомъ по головѣ, и тотъ упалъ безъ чувствъ. Одной работницѣ солдатъ прокололъ руку и избилъ прикладомъ. Нѣсколько человѣкъ еще получили легкія поранения. Толпа бросилась изъ сада. Несмотря на крутыя мѣры, три группы все же проникли въ городъ. Первая пошла по Преображенской ул., но на углу Нѣжинской была встрѣчена казаками, смята и разбита. Въ этой группѣ вначалѣ было нѣсколько тысячъ, но ко встрѣчѣ съ казаками осталось лишь 400—500, остальные разошлись. Знамени не было, пѣли пѣсни. Вторая—пошла къ Дерибасовской по другимъ улицамъ, но на Сѣнной площади была жестоко разогнана штыками пѣхоты. Массу лицъ арестовали. Третья, самая большая—вначалѣ тысячъ пять, подъ конецъ тысячи 2—2½—развернула нѣсколько знаменъ (въ томъ числѣ нѣсколько «заслуженныхъ», уже раньше развѣвавшихся на демонстраціяхъ) и платокъ, смоченный въ крови раненой работницы, съ пѣніемъ «Марсельезы» двинулась въ городъ, къ толкучему рынку. Казаки ѣхали сзади. «Независимцы» нѣсколько разъ пробовали сорвать большое знамя и наконецъ, имъ удалось его порвать въ дракѣ съ соц.-дем. Демонстрантамъ болѣе или менѣе спокойно удалось дойти до толкучки, гдѣ выдѣлилась толпа человѣкъ 300—400 и громко стала кричать: «долой самодержавіе»! «долой правительство»! «да здравствуетъ соціализмъ»

При этомъ въ толпѣ нѣсколько человѣкъ стали раздавать прокламаціи, и публика ихъ съ жадностью подхватывала, нѣкоторые читали тутъ же, большинство прятало ихъ въ карманъ. Листковъ было очень много (трехъ видовъ), такъ что улица была усыпана ими. Отъ толкучаго рынка пошли по Большой Арнаутской, а затѣмъ свернули по Успенской къ Екатерининской. По пути раза два затягивали марсельезу, но было трудно пѣть при быстрой ходьбѣ, и выходило недружно. Все время развѣвалось красное знамя съ соотвѣтствующей надписью, причемъ знаменосца несли на рукахъ. Громкіе революціонные возгласы и громкое «ура» не прекращались ни на минуту. Со стороны проходившей и сидѣвшей у воротъ публики слышались крики «молодцы», «крѣпитесь», «помоги вамъ Богъ». А когда прокламаціи приклеивались къ деревьямъ и поверхъ градоначальническихъ объявленій, то это вызывало всеобщее одобреніе.

Демонстрація продолжалась минутъ 25. Все время шествія магазины не закрывались: тѣхъ торговцевъ, которые поспѣшно запирали двери, рабочіе успокаивали, говоря: «не бойтесь, это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы всѣ рабочіе—всѣмъ намъ одинаково тяжело». Говорили это русскіе рабочіе и, замѣчательно, часто самые сѣрые.

Когда демонстранты приближались къ Екатерининской ул., поднялся крикъ «бьютъ! бьютъ!» Налетѣли казаки и разбили демонстрантовъ. Околоточные, получившіе новыя инструкціи, неистовствовали, подавая примѣръ полицейскимъ и казакамъ. Солдаты были менѣе рьяны, потому что въ Одессѣ несомнѣнно поддались вліянію стачечной агитаціи. Полицейскіе били направо и налѣво резинами толщиною въ 2 пальца, приговаривая при каждомъ ударѣ: «тебѣ тоже нужна прибавка! на тебѣ прибавку!» Человѣкъ 30 демонстрантовъ забѣжали во дворъ дома. Ворота тотчасъ же заперли и поставили караулъ солдатъ. Проходившая толпа освободила демонстрантовъ. Все было кончено. Собиравшіяся кое-гдѣ группы рабочихъ разгонялись. Въ этотъ день былъ закрытъ «комитетъ независимыхъ». Городъ превращенъ въ настоящій военный лагерь. Вечеромъ нѣсколько соц.-дем. отправились въ толпу рабочихъ, но были жестоко избиты переодѣтыми шпіонами, частью же выданы полиціи.

Къ вечеру правленіе парового трамвая рѣшило пустить поѣздъ на Б. Фонтанъ, но попрежнему лежавшіе на рельсахъ кондуктора воспрепятствовали этому. Въ это время въ депо прибылъ Арсеньевъ и сталъ просить кондукторовъ и кучеровъ, какъ личнаго для себя одолженія, не оказывать противодѣйствія и вернуться къ своимъ занятіямъ, обѣщая полное удовлетвореніе ихъ требованій... «Если вы моей просьбы не хотите удовлетворить, то должны будете уступить казакамъ!» Сейчасъ же казацкія нагайки пошли гулять, со свойственной имъ удалью, по тѣламъ и головамъ стачечниковъ, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ пошелъ на Б. Фонтанъ; здѣсь были также многочисленные аресты.

Въ этотъ день въ Одессѣ недоставало хлѣба, онъ брался съ бою, за 9 коп. хлѣбъ платили 15 коп. Все стояло, какъ и 18-го. Чтобы выпустить «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», розыскали черезъ

полицію 10 чел. наборщиковъ, арестовали ихъ, «подвергли приводу» въ типографію Кирхнера и силой заставили набирать.

19-го утромъ произошла жестокая расправа съ кондукторами и кучерами конки. Заманивъ въ депо, ихъ связывали, выкручивали руки и связанныхъ били нагайками. Около 9 человѣкъ перевезены были затѣмъ въ больницу, двое изъ нихъ умерло, около 60 размѣщены по участкамъ. Въ 8 часовъ открылось движеніе трамвая. На каждомъ вагонѣ были городовые, солдаты для «охраны труда». Пересыпскіе «независимцы» пытались собраться въ Дюковскомъ саду, но ихъ разогнали нагайками. Въ трактирѣ было арестовано около 150 человѣкъ, двухъ такъ избили, что ихъ пришлось отправить въ больницу. 20-го мелкія мастерскія принялись за работу. На большомъ вокзалѣ, на Тираспольской заставѣ, Пересыпи, у Гента рабочихъ били, принуждая идти на работу. Престижъ «независимцевъ» окончательно палъ, многіе изъ видныхъ членовъ независимой партіи перешли на сторону соц.-демократіи.

Одессу наводнили солдаты. Прибылъ Астраханскій полкъ изъ Тирасполя, казаки, солдатъ мѣстнаго гарнизона вернули въ городъ. По всему городу были разставлены посты. Стачка мало по малу прекратилась.

* * *

Въ концѣ стачки, послѣ 19-го, Шаевичъ былъ розысканъ полиціей, арестованъ и высланъ въ Усть-Сысольскъ (Вологод. губ.), гдѣ продолжалъ свою провокаторскую работу. Позже его отправили въ Сибирь.

Арестованныхъ во время стачки частью выпустили, продержавъ нѣкоторое время, остальныхъ же привлекли къ суду, и они до суда (14 іюня 1904 г.) просидѣли въ тюрьмѣ. Одесская Судебная Палата вынесла слѣдующіе приговоры: Щеботница, Иконова и Левченко лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года каждаго; Могильницкаго, Письменнаго, Борца, Панченко и Гительмана, по лишенію тѣхъ же правъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ каждаго; Бондарева, Альтшулера, Кичитжіева, Трегера, Безеркіаниди, Юниса и Блюцарда заключить въ тюрьму: Бондарева и Альтшулера на 3 года каждаго, а остальныхъ на 2 мѣсяца. Ив. Лапуза (крест.), Теминаръ Халилъ-Оглу (поселянинъ), Дранковъ (мѣщ.) и Гершъ Гройсъ (мѣщ.) оправданы.

Характеренъ слѣдующій фактъ: свидѣтели даже со стороны обвиненія (офицеры, командовавшіе ротами) указывали на судѣ, что поведеніе толпы было корректное и спокойное: не будь массы войскъ— не было бы и процесса. Очевидно, что палата, вынося суровые приговоры, карала рабочихъ для примѣра другимъ, «чтобы неповадно было». Кромѣ преданныхъ суду, случайно выхваченныхъ изъ общей массы рабочихъ, десятки и сотни стачечниковъ непосредственно по окончаніи стачки были высланы на родину, сосланы въ сѣверн. губерніи и Сибирь. Особенно строго покарали кондукторовъ трамвая, которыхъ выслали въ Сибирь.

II.

Николаевъ.

Стачка солидарности въ Николаевѣ началась утромъ 21-го іюля. Комитетъ С.-Д. Р. П. выпустилъ въ этотъ день листокъ, призывающій рабочихъ къ политической борьбѣ. Между рабочими же было сильно повышенное настроеніе: «не хотимъ работать, когда другіе бастуютъ»—говорили даже массовые рабочіе. Комитетъ предполагалъ вызвать стачку позже, но это настроеніе рабочихъ заставило его отказаться отъ своего намѣренія. Первые прекратили работу рабочіе котельной мастерской Французскаго завода и съ криками, «да здравствуетъ стачка», пошли по другимъ мастерскимъ, которыя охотно, при возгласахъ «ура», примкнули къ нимъ. Часамъ къ 3 работы на всемъ заводѣ были прекращены.

Вышедшій къ рабочимъ для переговоровъ директоръ завода, говорить со всѣми не пожелалъ и заявилъ, что у рабочихъ есть старосты, пусть они и передадутъ ему, чего желаютъ всѣ. «У насъ нѣтъ старостъ! Наши старосты у Дремлюги (жандармскій полковникъ)! Намъ необходимъ 8-ми часовой рабочій день, отмѣна новыхъ правилъ. Намъ нужна политическая свобода!»—отвѣтили рабочіе. «Я не могу вамъ этого дать!» — заявилъ директоръ. «Да мы у тебя и не просимъ»,— былъ отвѣтъ. Директоръ ушелъ, сопровождаемый свистомъ и крикомъ. Выступилъ одинъ рабочій, сказалъ краткую рѣчь, послѣ чего толпа двинулась къ сосѣднему Черноморскому заводу. Испуганная администрація заградила всѣ выходы и входы и отказалась впустить рабочихъ въ заводъ. Рабочіе разнесли заводскую стѣну, ворвались во дворъ и дали гудокъ. Черноморскій заводъ сталъ, забастовавшіе рабочіе пошли къ воротамъ, но тутъ ихъ встрѣтили уже вызванныя войска. Рабочіе вернулись обратно и вооружились инструментами, кто чѣмъ могъ. Теперь они попытались вторично выйти съ завода, но офицеръ пригрозилъ стрѣлять и приказалъ солдатамъ взять на прицѣлъ. Одинъ изъ рабочихъ обратился къ офицеру, говоря, что рабочіе разойдутся, если солдаты возьмутъ «къ ногѣ». Офицеръ скомандовалъ «къ ногѣ». Рабочіе вышли и со знаменами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, пошли въ городъ въ сопровожденіи войска и полиціи. Настроеніе было приподнятое. Демонстранты встрѣтили спѣшившаго на заводы градоначальника, которому тутъ же и были предъявлены требованія. Градоначальникъ отвѣтилъ, что не можетъ ихъ удовлетворить и предложилъ демонстрантамъ разойтись. Въ это время одинъ изъ малосознательныхъ рабочихъ бросилъ въ градоначальника камнемъ и легко ранилъ его въ голову. Полиція сдѣлала попытку арестовать бросившаго, но рабочіе его отстояли.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ съ градоначальникомъ стачечники пошли на спиртоочистительный заводъ, гдѣ ихъ уже ожидали работницы. Заводъ оказался окруженнымъ войсками. Дружный натискъ рабочихъ оттѣснилъ солдатъ, и работницамъ былъ освобожденъ выходъ съ работъ. Въ натискѣ на солдатъ многіе изъ демонстрантовъ получили штыковыя раны, были и избитые.

Отъ спиртоочистительнаго завода рабочіе двинулись въ городъ по главнымъ улицамъ. Къ демонстрантамъ (ихъ было до 10.000) со всѣхъ сторонъ стекался народъ. Во многихъ мастерскихъ прекратилась работа, ремесленники присоединились къ заводскимъ. Конки были остановлены демонстрантами, лошади отпряжены и отправлены въ депо. Многіе магазины закрывались: хозяева боялись толпы, но рабочіе всѣхъ успокаивали, говоря, что они никого не тронутъ. При полной пассивности войска и полиціи демонстранты прошли около $1^1/_2$ версты, затѣмъ стали расходиться. Тутъ только, не видя уже сплоченной силы, солдаты нападали на отдѣльныя группы, полиція избивала и арестовывала.

На другой день городъ былъ заполненъ войскомъ. Настроеніе у всего населенія сильно поднялось: демонстрація всколыхнула всѣхъ, о ней только и толковали. Администрація Черноморскаго завода дала всѣмъ рабочимъ отпускъ на недѣлю. По телеграфу были вызваны ушедшія на маневры войска, парадъ, назначенный на этотъ день, былъ отмѣненъ. Рабочіе попытались устроить за городомъ въ рощѣ собраніе. Пришло до 300 чел., но мѣсто окружили солдаты. Собравшимся пришлось разбѣжаться, нѣкоторыхъ тутъ же арестовали.

На третій день начали разсчитывать рабочихъ Французскаго завода. Около завода собралась масса рабочихъ, которые устроили тутъ же митингъ. Говорилъ, поднятый на руки, ораторъ с.-д. комитета. Въ своей рѣчи онъ указывалъ на необходимость политической борьбы, совѣтовалъ рабочимъ держаться стойко, не выдавать своихъ передовыхъ товарищей и закончилъ возгласомъ «долой самодержавіе!» Громкое «ура» покрыло его голосъ. Послѣ митинга рабочіе пошли «снимать» коммерческій портъ. Остановили мастерскія бывшаго мин. пут. сообщенія и элеваторъ; здѣсь на нихъ налетѣли солдаты. Былъ данъ залпъ, ранившій нѣсколькихъ рабочихъ. Рабочіе отвѣтили на выстрѣлы градомъ камней, отъ которыхъ пострадали солдаты и полиція. Одинъ околодочный былъ убитъ.

За время забастовки комитетъ ежедневно выпускалъ листки; такъ, были розданы: 1) «Что такое политическая свобода», 2) «Къ рабочимъ Французскаго завода», 3) «Соціальдемократы на судѣ» (переп. изъ «Искры»), 4) «Опять по поводу послѣднихъ событій», 5) второй листокъ «Къ рабочимъ Французскаго завода». Всѣ эти листки были печатные, кромѣ нихъ литографированный «По поводу послѣднихъ событій» и гектографированный «Къ солдатамъ».

Послѣ трехъ дней стачки постепенно рабочіе встали на работу. Только на Французскомъ заводѣ долго пришлось рабочимъ бороться: ихъ всѣхъ сначала разсчитали, а послѣ стачки рѣшили принимать только «благонадежныхъ». Въ началѣ августа рабочіе рѣшили энергично отстоять свои права: собравшись около завода, не пропускать къ работѣ вновь набранныхъ, пока старые не будутъ приняты. Узнавъ о такомъ рѣшеніи администрація пошла на уступки и приняла уже безъ всякихъ формальностей до 700 прежнихъ рабочихъ.

С. А. Ратова.

Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. [1])

(Май 1880 года).

I.

Первое изъ показаній, данное въ началѣ 1879 г., бывшимъ чиновникомъ Кіевской контрольной палаты, Веледницкимъ, представляется по времени болѣе обширнымъ, чѣмъ показанія другихъ, исключая заявленія Гольденберга, которое, какъ и показанія Веледницкаго, обнимаетъ собою періодъ преступной агитаціи съ 1873 года, съ тою разницею, что Гольденбергъ обрисовываетъ лишь въ общихъ чертахъ положеніе всей революціонной дѣятельности въ Россіи, а Веледницкій болѣе подробно касается преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украинофиловъ, сосредоточивавшагося въ Кіевѣ.

По словамъ Веледницкаго, онъ познакомился съ организаціею украинофиловъ-націоналовъ въ 1873 г., въ то время, когда партія эта была чужда понятія о соціализмѣ. Еще въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ страстныхъ и исполненныхъ таланта поэмъ и мелкихъ произведеній Тараса Шевченко, духъ украинофильства, какъ противуположеніе политическимъ идеаламъ великорусскаго народа, сталъ развиваться среди молодежи въ мѣстностяхъ по среднему и нижнему теченіямъ Днѣпра. Въ началѣ 50-хъ годовъ, въ минувшее царствованіе, вниманіе правительства уже было обращено на украинофильскіе кружки молодежи Харьковскаго университета. Затѣмъ появилась довольно обширная малороссійская литература, съ даровитыми представителями, и образовались обособленные литературные кружки во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Таковы: кружокъ Кулиша (издателя-редактора малороссійскаго журнала «Основа») въ Петербургѣ и кру-

---

[1]) Изданіе д-та полиціи. Примѣчанія, помѣщенныя подъ текстомъ, принадлежатъ авторомъ „Свода", но особыя, примѣчанія, касающіяся „сообщества украинофиловъ", сдѣланыя по нашей просьбѣ А. А. Русовымъ и Ф. К. Волковымъ, помѣщены отдѣльно въ концѣ этой части „Свода". *Ред.*

жокъ Гацука, въ Москвѣ. Такимъ путемъ мало по малу развилась смѣшанная изъ стараго и новаго поколѣнія партія украинофиловъ, имѣвшая первоначальною цѣлью распространеніе и утвержденіе въ Малороссіи понятій особности, самостоятельности Украины, которая ни по характеру, ни по развитію ничего, будто-бы, общаго съ русскою землею не имѣетъ. Понятія эти распространялись руководителями партіи въ молодежи, которая уже проводила ихъ въ народъ путемъ разсказовъ изъ народнаго и деревенскаго быта и подъ предлогомъ, иногда же и дѣйствительно съ цѣлью обученія народа грамотѣ на мѣстномъ нарѣчіи.

Впослѣдствіи, именно въ 1874 г., партія эта по словамъ Веледницкаго, проникласъ соціальными ученіями и хотя въ общихъ чертахъ сохранила прежній характеръ, но въ сущности утратила свою обособленность.

Изъ лицъ, находившихся въ близкихъ отношеніяхъ съ участниками партіи украинофиловъ, Веледницкій называетъ секретаря кіевской военной гимназіи, титулярнаго совѣтника Василія Филипова Животовскаго, о которомъ ни Богославскій, ни другіе раскаявшіеся въ своихъ заблужденіяхъ, совершенно не упоминаютъ. Тѣмъ не менѣе, Животовскій и его жена извѣстны за лицъ съ противоправительственнымъ направленіемъ, находившихся въ близкомъ знакомствѣ со многими осужденными въ 1879 г. въ Кіевѣ. (1) Будучи знакомъ съ Животовскими, Веледницкій, по его словамъ, сошелся въ ихъ квартирѣ съ проживавшими въ Кіевѣ супругами Ковалевскими, изъ коихъ самъ Ковалевскій, Николай Васильевъ, бывшій учитель кіевской военной гимназіи, былъ сосланъ впослѣдствіи изъ Одессы въ Восточную Сибирь (2), а жена его, Марья Павловна, носившая въ революціонной средѣ имена «Маруся» и «Наташа», была приговорена судомъ въ 1879 г. къ ссылкѣ въ каторжныя работы за принадлежность къ преступному сообществу въ Кіевѣ, но до приведенія сего приговора въ исполненіе, успѣла скрыться и до сего времени еще не розыскана (3). По имѣющимся свѣдѣніямъ, Ковалевская играла болѣе видную и дѣятельную роль въ стремленіяхъ соціалистовъ, нежели ея мужъ. Объ ней упоминаютъ почти всѣ сознавшіеся въ своихъ заблужденіяхъ. Такъ, Курицынъ указываетъ, что въ 1875 г., когда въ Кіевѣ образовался кружокъ, такъ называемыхъ, «бунтарей», во главѣ котораго стояли Стефановичъ и Дебогорій-Мокріевичъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, Марія Ковалевская пріѣзжала изъ Кіева въ Харьковъ для переговоровъ съ харьковскими пропагандистами и склоненія ихъ къ принятію программы означеннаго кружка, но на сходкѣ потерпѣла положительную неудачу. Ключниковъ, который зналъ Ковалевскую въ Кіевѣ, подъ именами «Маруся» и «Наташа», въ своемъ показаніи подтверждаетъ близкую связь Ковалевской съ партіей «бунтарей», въ особенности съ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, съ которымъ она жила вмѣстѣ въ концѣ 1878 г. въ домѣ Вереденко, на Б. Васильковской ул. Наконецъ Гольденбергъ, упоминая о Ковалевской, съ которою онъ познакомился въ концѣ 1878 года въ Кіевѣ, говоритъ, что по убѣжденіямъ она принадлежитъ къ партіи «народниковъ», но также сочувственно относится и къ «террористамъ». Прежде, по сло-

вамъ Гольденберга, она пользовалась значеніемъ въ преступной средѣ, но впослѣдствіи таковое потеряла, вслѣдствіе своей бездѣятельности. Ковалевская, по словамъ Веледницкаго, имѣла сестру, дѣвицу Барышеву (4), посвященную въ тайны революціоннаго движенія. Она была стрижена, носила очки и вообще по внѣшности представлялась нигилисткой временъ Чернышевскаго. О Барышевой упоминаетъ въ своемъ показаніи и Ключниковъ, называя ее «Лидіей», которая по его словамъ, жила 1878 г. у Костецкаго, имѣя при себѣ ребенка. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что Барышева скрылась изъ Кіева въ февралѣ 1879 г., послѣ задержанія сестры ея Ковалевской. Переѣхавъ въ 1879 г., согласно предложенію Ковалевскихъ, въ ихъ квартиру, въ домѣ Судакевича, по Жилянской ул., Веледницкій познакомился тамъ съ главными руководителями украинофильской партіи, которые устраивали въ квартирѣ Ковалевскихъ собранія членовъ этой партіи. По словамъ Веледницкаго и Богославскаго во главѣ организаціи украинофиловъ-соціалистовъ въ Кіевѣ стоялъ совѣтъ, носившій малороссійское названіе «громада» (мірской сходъ). Совѣтъ состоялъ изъ Драгоманова, Зибера, Волкова, Старицкаго, Чубинскаго, Беренштама, Цвѣтковскаго, Житецкаго, Михалевича, Антиповича, Антоновича, Лоначевскаго-Петруняки, Трегубова, Класовскаго, Виниченко, Русова, Шершавицкаго, Бѣлаго, Подолинскаго, и братьевъ Линтваревыхъ.

Изъ имѣющихся объ этихъ лицахъ свѣдѣній видно слѣдующее:

Драгомановъ, профессоръ, скрылся изъ Кіева (5) заграницу и проживаетъ въ Женевѣ, основавъ тамъ на полученныя изъ Россіи денежныя средства, объ источникѣ которыхъ будетъ сказано ниже, типографію для печатанія книгъ революціоннаго содержанія, преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, носившихъ названіе «метелики» (6) (мотыльки) и предназначенныхъ для распространенія въ народѣ.

Зиберъ тоже эмигрировалъ за-границу вмѣстѣ съ Драгомановымъ.

Волковъ, Федоръ Кондратьевъ, служившій въ 1874 г. въ Кіевской контрольной палатѣ, а впослѣдствіи занимавшійся частными уроками, предназначенъ былъ къ административной высылкѣ, но успѣлъ во время скрыться; жена же его выслана изъ Кіева на жительство подъ надзоръ полиціи въ Вятскую губернію (7). Этому Волкову отводится въ заявленіяхъ Веледницкаго и Богославскаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ революціонной дѣятельности. По словамъ Веледницкаго, онъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей партіи украинофиловъ еще въ 1873 г. и состоялъ въ собраніяхъ совѣта («громады»), въ качествѣ секретаря и докладчика (8), велъ какъ переписку по дѣламъ партіи съ представителями революціонныхъ сообществъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и съ политическими эмигрантами заграницей, такъ равно отчетность по продажѣ и распространенію книгъ революціоннаго содержанія. По словамъ Богославскаго, Волковъ принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ Драгомановымъ въ Женевѣ революціонной типографіи, съ каковою цѣлью онъ, по вызову Драгоманова, ѣздилъ за-границу (9). Независимо отъ сего, Волковъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, содержалъ съ 1874 по

1876 годъ коммунистическую квартиру, которой далъ названіе «foyer radical» (10). Квартира эта, помѣщавшаяся одно время по Жилянской улицѣ, была по словамъ заявителей, питомникомъ нигилизма и посѣщалась усердно молодежью обоего пола. Во время этихъ собраній, Волковъ читалъ составленный имъ самимъ систематическій курсъ нигилистической естественной исторіи (11) по Фохту, Молешотту, Бюхнеру, Фейербаху и друг. сочиненіямъ, въ которыхъ доказывалось отсутствіе Бога и отрицалась святость вѣры, семьи и пр., а Зиберъ, о которомъ упомянуто выше, читалъ въ квартирѣ Волкова курсъ соціалистической политической экономіи по Карлу Марксу, сочиненіе котораго переведено имъ съ этою цѣлью на русскій языкъ (12). Такимъ образомъ, Волковъ представлялся помимо руководительства дѣлами кіевскаго революціоннаго сообщества, носившаго названіе «старой громады», и однимъ изъ главныхъ развратителей кіевской молодожи, объ участіи которой въ революціонной средѣ будетъ сказано ниже. Вообще, Волковъ пользовался громадною популярностью въ преступной средѣ, какъ личность, не остановливавшаяся ни передъ какими средствами для достиженія революціонныхъ цѣлей. Такъ, дѣйствуя на молодежь развращающимъ образомъ, онъ въ то же время старался привлечь къ активной дѣятельности наиболѣе упорныхъ въ этомъ отношеніи посредствомъ воздѣйствія на ихъ самолюбіе. Съ этою спеціальною цѣлью имъ вмѣстѣ съ Драгомановымъ былъ сочиненъ «уставъ желтой интернаціоналки», въ которомъ выставлялись въ смѣшномъ видѣ люди, любящіе выдавать себя за либераловъ, но ничѣмъ либеральнымъ себя не заявившіе (13). Старицкій, Михаилъ Петровъ, дворянинъ, проживавшій въ Кіевѣ, занимался сухарнымъ дѣломъ во время войны, а жена его содержала воспитательное заведеніе, въ родѣ пансіона для дѣвицъ (14). Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что у нихъ произведенъ былъ въ 1878 г. обыскъ по дѣлу объ убійствѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга, по поводу оставленнаго убійцею на мѣстѣ преступленія носоваго платка, на которомъ оказалась мѣтка, сходная съ мѣтками на бѣльѣ дѣтей Старицкихъ. Указывая на близкое участіе Старицкаго въ дѣлахъ общества «старая громада» въ Кіевѣ, Веледницкій не сопровождаетъ однако это указаніе никакими данными, которыя могли бы послужить основаніемъ къ опредѣленію свойства дѣятельности Старицкаго, Богославскій же въ своемъ показаніи указываетъ на Старицкаго, какъ на лицо, которое онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Волкова и которое извѣстно ему за помѣщика Кіевской губерніи, переводившаго на малороссійскій языкъ разныя революціонныя сочиненія и нынѣ выбывшаго за-границу (15).

Чубинскій [1]), Павелъ, служилъ на Городищенскомъ заводѣ, а до этого въ Каневскомъ уѣздѣ, на сахарномъ заводѣ Яхненки-Семиренки (16), высланнаго въ концѣ 1879 г., по распоряженію Кіевскаго генералъ-губернатора, за принадлежность къ противо правительственной партіи, на жительство въ Восточную Сибирь. Чубинскій, по словамъ Веледницкаго, такъ же какъ и Волковъ, устраивалъ на своей квартирѣ, подъ видомъ вечеринокъ, сборища молодежи, преимуще-

[1]) Въ Полтавской губерніи, Переяславскаго уѣзда.

ственно студентовъ, съ которыми онъ велъ бесѣду политическаго содержанія. Кромѣ того, благодаря знакомству своему съ коммерческими людьми и собственному участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ, Чубинскій пристроилъ на разныхъ заводахъ нѣсколько пропагандистовъ съ преступною цѣлью. Вообще, по отзыву Богославскаго, Чубинскій игралъ видную роль въ революціонной дѣятельности и, между прочимъ, участвовалъ въ иниціативѣ устройства женевской типографіи и въ денежномъ пособіи на революціонное дѣло. По словамъ того же Богославскаго, Чубинскій извѣстенъ своими малороссійскими пѣснями, которыя пѣлись собиравшеюся у него на вечерѣ молодежью (17).

Беренштамъ, Вильямъ, статскій совѣтникъ, учитель кіевской военной гимназіи, квартирующій нынѣ, по словамъ Богославскаго, въ Кіевѣ, на Бибиковскомъ бульварѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ состоящій теперь преподавателемъ въ Псковской военной гимназіи, носилъ въ революціонной средѣ прозвище «Велинка» (18), и «Вилька». Онъ былъ казначеемъ «старой громады» и независимо отъ сего пропагандировалъ противо-правительственныя идеи между молодежью на различныхъ собраніяхъ, устраивавшихся какъ въ его квартирѣ такъ и у другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонной средѣ. Въ квартирѣ его по словамъ Богославскаго, хранились книги революціоннаго содержанія, а самъ Беренштамъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ иниціативѣ устройства женевской типографіи и въ выпускѣ революціоннаго журнала «Громада», такъ и въ поддержаніи существованія этой типографіи, равно въ пособіяхъ разнымъ революціоннымъ дѣятелямъ.

Цвѣтковскій, [1]) преподаватель Кіевской военной гимназіи, принималъ не менѣе дѣятельное участіе, какъ въ пропагандѣ преступныхъ идей между молодежью, которая съ этою цѣлью собиралась въ его квартирѣ, такъ равно въ достиженіи цѣли украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, по словамъ Богославскаго, Цвѣтковскій участвовалъ въ денежныхъ пособіяхъ на приготовленіе къ Чигиринскому бунту (19) и на устройство революціонной типографіи въ Женевѣ; кромѣ того, на квартирѣ его собирался иногда совѣтъ «громады», а по отъѣздѣ въ 1876 г. Волкова за-границу для устройства дѣлъ типографіи, о чемъ уже упомянуто было выше, у Цвѣтковскаго сохранялось его имущество.

Житецкій [2]) Павелъ, преподаватель словесности въ кіевской военной гимназіи, хотя и занималъ видное положеніе въ дѣятельности названнаго сообщества, но, по словамъ Богославскаго, держалъ себя крайне осторожно, въ особенности въ отношеніи молодежи, и воздерживался отъ распространенія запрещенныхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе, въ квартирѣ его также происходили собранія «громады». Кромѣ сего, Богославскій указываетъ на близкія сношенія Житецкаго съ Волковымъ, такъ что по отъѣздѣ послѣдняго за границу, когда онъ, Богославскій, остался безъ квартиры и средствъ къ жизни, Житецкій помогъ ему, по рекомендаціи Волкова, необходимыми средствами къ существованію.

---

[1]) Отъ должности уволенъ, но гдѣ находится неизвѣстно (20).
[2]) Высланъ въ Вятскую губернію (21).

Михалевичъ, [1]) Афанасій, докторъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, часто пріѣзжалъ въ Кіевъ и, останавливаясь у Волкова или у Беренштама, а въ послѣднее время у Федора Виниченко, о которомъ будетъ упомянуто ниже, постоянно участвовалъ въ собраніяхъ «старой громады» и помогалъ обществу своими средствами.

Антиповичъ, помѣщикъ Кіевской губервіи, по объясненію Богославскаго, постоянно живетъ въ Кіевѣ и принималъ, насколько ему извѣстно, самое близкое участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ. Такъ, онъ присутствовалъ на собраніяхъ совѣта «старой громады», участвовалъ въ иниціативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ, а также въ денежной помощи Драгоманову. Кромѣ сего, Богославскій указываетъ, что по иниціативѣ Антиповича, отправилось въ Елисаветградскій уѣздъ для распространенія пропаганды между шдундистами одно лицо, извѣстное въ революціонной средѣ подъ фамиліею Тераспольскаго, онъ же Галушкинъ и Гаевскій, который получилъ отъ Антиповича какъ денежныя средства на этотъ предметъ, такъ и революціонныя книги для распространенія. Наконецъ, Антиповичъ проектировалъ также устройство для революціонныхъ цѣлей колоніи, но мысль эта осталась невыполненною.

Антоновичъ, Владиміръ, профессоръ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, къ числу неимущихъ членовъ общества «громады», а потому участіе его въ дѣлахъ совѣта ограничивалось лишь содѣйствіемъ въ разрѣшеніи возникавшихъ вопросовъ. Относительно профессора Антоновича, а также упомянутыхъ выше преподавателей Кіевской военной гимназіи Житецкаго и Беренштама, показываетъ Курицынъ слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли, по словамъ Курицина, черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ черниговскаго земства Ланденъ или Линдесъ, (22) то на бывшей по этому поводу сходкѣ, изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ, присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, явившіеся въ качествѣ представителей украинофиловъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи (23).

Лоначевскій-Петруняка, Александръ, начальникъ ремесленнаго училища въ селѣ Дехтяры, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстенъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, за распространителя преступной пропаганды между учащеюся молодежью. Независимо отъ сего, онъ принималъ матеріальное участіе въ дѣлахъ общества украинофиловъ-соціалистовъ, равно въ дѣлѣ Чигиринскаго бунта (24). Лоначевскій-Петруняка имѣетъ брата Тимофѣя, служащаго лаборантомъ при технической лабораторіи Кіевскаго университета.

Трегубовъ [1]), служившій, по словамъ Богославскаго, въ коллегіи Павла Галагана также участвовалъ и продолжаетъ участвовать въ по-

---

[1]) Умеръ.

собіи на революціонное дѣло. У него, по указанію того же Богославскаго, хранилась писанная программа «громады».

Класовскій, учитель гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ совѣта «громады», такъ равно и въ пособіяхъ эмигранту Драгоманову (25).

Виниченко, Федоръ, бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, а нынѣ военный докторъ (26), принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго, всецѣло дѣлу украинофиловъ-соціалистовъ и стоялъ во главѣ кружка рабочихъ (около 10 человѣкъ), занимавшихся пропагандою. По словамъ того же Веледницкаго, Виниченко былъ заграницею, а затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ участвовалъ въ манифестаціи у Казанскаго Собора; впослѣдствіи же уѣхалъ на службу въ полкъ, расположенный на Кавказѣ, откуда пріѣзжалъ въ Кіевъ, скрываясь подъ чужою фамиліею. По заявленію Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады», равно въ иниціативѣ устройства революціонной типографіи въ Женевѣ; квартира его, помѣщавшаяся, во время проживанія Виниченко въ Кіевѣ, въ домѣ Ваховскаго, по М. Васильковской улицѣ, представляла собою сборный пунктъ, гдѣ стекались какъ пріѣзжіе революціонеры, такъ равно и кіевскіе рабочіе; самъ Виниченко помогалъ пропагандистамъ въ денежныхъ средствахъ, которыя онъ получалъ отъ совѣта «старыхъ громадянъ», распространялъ между рабочими книги противоправительственнаго содержанія, которыя читалъ и разъяснялъ имъ вслухъ въ своей квартирѣ, а также занимался иниціаторскою дѣятельностью, клонившейся къ достиженію преступныхъ цѣлей. Такъ, по отзыву Богославскаго, Виниченко участвовалъ въ дѣлѣ отправленія заграницу на средства общества «старыхъ громадянъ» рабочаго Разумова, о которомъ сказано будетъ ниже (27), который, получивъ тамъ техническое образованіе, возвратился въ Кіевъ и на тѣ же средства открылъ рабочую ассоціацію, съ цѣлью распространенія пропаганды. По отзыву того же Богославскаго, Виниченко заступилъ на собраніяхъ совѣта «громадянъ» мѣсто Волкова по отъѣздѣ послѣдняго въ 1876 г. заграницу, о чемъ упомянуто было выше, т. е. сталъ во главѣ этого сообщества (28). Наконецъ по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, Виниченку принадлежали, вмѣстѣ съ Волковымъ, какъ мысль, такъ равно и планъ побѣга изъ подъ стражи, обвинявшихся въ пропагандѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о которыхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что означенныя лица дѣйствительно бѣжали въ 1876 году изъ полицейскихъ домовъ въ г. Кіевѣ (29), причемъ Гордѣевъ былъ въ 1879 году пойманъ и высланъ на жительство въ Архангельскую губернію. У Виниченка есть братъ Николай, также бывшій студентъ университета Св. Владиміра въ Кіевѣ, который, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго, хотя и посѣщалъ квартиру брата Федора Виниченко и не могъ не замѣтить происходившаго тамъ, равно не знать о преступной дѣятельности послѣдняго, но принималъ ли онъ самъ какое-либо участіе въ противоправительственной агитаціи и если принималъ, то въ чемъ участіе это проявлялось, неизвѣстно.

Русовъ участвовалъ, по словамъ Богославскаго, въ редакціи ре-

волюціоннаго журнала «Громада» и былъ иниціаторомъ типографіи въ Женевѣ. Отличался приверженностью къ дѣлу пропаганды и поддержаніемъ въ другихъ энергіи въ преслѣдованіи преступныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Богославскаго, онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣятельность вышеупомянутаго Волкова (30).

Шершавицкій, докторъ, дѣятельность котораго, по словамъ Богославскаго, находится въ связи съ дѣятельностью упомянутаго выше Федора Виниченка. Ему же принадлежитъ мысль устройства ассоціаціи рабочихъ для распространенія революціонной пропаганды, что и приведено было въ исполненіе при помощи Виниченка, черезъ рабочаго Разумова.

Науменко, учитель Кіевской гимназіи, участвовалъ, по заявленію Богославскаго, какъ въ собраніяхъ «громады», такъ и въ денежныхъ пособіяхъ лицамъ революціонной среды, а также на производство Чигиринскаго бунта; поддерживалъ и продолжаетъ поддерживать Драгоманова и основанную имъ въ Женевѣ революціонную типографію; въ квартирѣ его хранились книги преступнаго содержанія. Бѣлый [1]), докторъ, жилъ въ Миргородскомъ уѣздѣ и принималъ, по словамъ Богославскаго, близкое участіе въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ, распространяя книги революціоннаго содержанія преимущественно между крестьянами той мѣстности, гдѣ онъ самъ проживалъ.

Подолинскій [2]), сынъ Кіевскаго помѣщика, также принималъ участіе въ занятіяхъ кружка «громады». Къ этому Богославскій добавляетъ, что въ квартирѣ Подолинскаго былъ устроенъ складъ запрещенныхъ книгъ, гдѣ скрывался послѣ упомянутаго выше побѣга изъ-подъ стражи Савва Топчаевскій, въ настоящее же время, по слухамъ, Подолинскій находится, будто бы, въ состояніи разстройства умственныхъ способностей (31). Линтваревы [3]), помѣщики Черниговской губерніи, принадлежали, по заявленію Богославскаго, къ кіевской партіи «старая громада» и участвовали въ пособіяхъ лицамъ революціонной среды и на поддержаніе типографіи Драгоманова въ Женевѣ. Изъ трехъ братьевъ Линтваревыхъ, одинъ носившій прозвище «бабушка», чаще другихъ пріѣзжалъ въ Кіевъ по дѣламъ означеннаго революціоннаго кружка и участвовалъ въ тайныхъ собраніяхъ «громады» (32).

Кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ «громады» и поддерживавшихъ какъ своимъ вліяніемъ, такъ въ особенности матеріальными средствами существованіе этого кружка, къ послѣднему, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, принадлежали, содѣйствуя болѣе или менѣе усиленно въ осуществленіи его цѣлей, еще слѣдующія лица:

Троцкій, Николай Ивановичъ, присяжный повѣренный Полтавскаго окружнаго суда, который, по словамъ Богославскаго, принадлежа самъ къ кіевскому кружку «старыхъ громадянъ», образовалъ въ Полтавѣ, подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ, особый мѣстный революціонный кружокъ украинофиловъ-соціалистовъ. Въ составѣ

---

[1]) Сосланъ въ Восточную Сибирь.
[2]) Гдѣ находится, неизвѣстно.
[3]) Гдѣ находятся, неизвѣстно.

этого кружка Богославскій называетъ бывшихъ учениковъ полтавской гимназіи: Стеблинъ-Каменскаго—впослѣдствіи осужденнаго за пропаганду, Сажина—высланнаго изъ Полтавы административнымъ порядкомъ; Яцевича—также осужденнаго; Хохуля—нынѣ студента Кіевскаго университета; Марченко—живущаго въ настоящее время у родныхъ своихъ, въ Полтавской губерніи, который, еще въ бытность его въ гимназіи, былъ, по словамъ Богославскаго, подвергнутъ аресту за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія; Остапенко—впослѣдствіи умершаго; Синькевича и Стефана Оголевца —высланнаго административнымъ порядкомъ на службу въ Восточную Сибирь (33) въ качествѣ фельдшерскаго ученика, который до этого, для ознакомленія съ кіевскими пропагандистами, ѣздилъ на средства Троцкаго въ Кіевъ и жилъ тамъ, по рекомендаціи послѣдняго, въ квартирѣ Волкова. Въ связи съ Троцкимъ, въ числѣ главныхъ дѣятелей въ кружкѣ пропагандистовъ, въ Полтавѣ, находились: Григорашъ, онъ же Середенко, извѣстный подъ названіемъ Петербургскаго радикала, служившій агентомъ въ страховомъ обществѣ, а до этого бывшій преподавателемъ въ полтавской военной гимназіи, который, впрочемъ, скрывалъ принадлежность свою къ полтавскому кружку, и чиновникъ мѣстнаго окружнаго суда, Кочура, который впослѣдствіи, по словамъ Богославскаго, выѣхалъ изъ Полтавы и проживаетъ въ собственномъ имѣніи, близъ Диканьки, Полтавскаго уѣзда. Эти руководители Полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали также среди учениковъ Полтавской семинаріи, изъ числа коихъ въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, особенно ревностно читали революціонныя книги, которыми снабжали ихъ упомянутыя лица, слѣдующіе семинаристы: Евгеній Рекало, Николай Савлучинскій, Илларіонъ Гиренко, Викторъ Лебединскій, Иванъ Высоцкій, Симоновичъ, Михаилъ Киріевъ, Дубровъ, распространявшій впослѣдствіи запрещенныя книги между крестьянами деревни Рыбцы, Полтавскаго уѣзда, и Павелъ Падалка, изъ коихъ первый—именно Рекало находится нынѣ въ Одесскомъ университетѣ, а послѣдній—Падалка—въ Кіевской духовной академіи; остальные же въ Харьковскомъ университетѣ въ числѣ студентовъ но изъ нихъ Савлучинскій—въ послѣднее время подвергся административной высылкѣ. Кромѣ этихъ лицъ въ числѣ послѣдователей Троцкаго, Григораша и Кочуры были: семинаристъ Афанасій Погибко, который живетъ въ настоящее время въ имѣніи своего отца, селѣ Погибкѣ, Полтавской губерніи, гдѣ Афанасій Погибко распространялъ между крестьянами книжки революціоннаго содержанія, Чепурковскій—бывшій студентъ Кіевскаго университета, высланный въ Полтавскую губернію за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, который также распространялъ книги революціоннаго содержанія между учениками Полтавской семинаріи, изъ коихъ находящіеся и нынѣ въ семинаріи Левицкій и Щитковскій, въ присутствіи Богославскаго, получили отъ Чепурковскаго книги «Хитрую Механику» и «Четыре Странника», и, наконецъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета Стефанъ Гордѣенко, находившійся въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ полтавскаго кружка Троцкимъ.

Независимо отъ распространенія революціонныхъ книгъ между

учащеюся молодежью, названные дѣятели полтавскаго революціоннаго кружка пропагандировали, по словамъ Богославскаго, также и въ рабочей средѣ. Такъ изъ показаній Богославскаго видно, что онъ встрѣчалъ у Троцкаго сапожника, называвшагося Каленикъ и проживающаго на Подолѣ, который, говорятъ, уже привлекался къ дознанію о пропагандѣ, затѣмъ слесаря, также проживавшаго на Подолѣ и, наконецъ, одного крестьянина, который получилъ отъ Троцкаго для распространенія книги революціоннаго содержанія. Засимъ Богославскій указываетъ на токарную мастерскую Жученко, на Полтавскомъ вокзалѣ, гдѣ принимались рабочіе по рекомендаціи Григораша. Такимъ образомъ, Троцкій, состоя руководителемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ принадлежалъ кіевскому сообществу «старыхъ громадянъ», состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого сообщества Волковымъ, о которомъ упомянуто выше. При этомъ Богославскій указываетъ, что Троцкій пользовался большимъ вліяніемъ у Волкова, доказывая это тѣмъ, что по рекомендаціи его, Троцкаго, Волковъ далъ у себя безвозмездный пріютъ сперва Оголевцу, а затѣмъ и ему, Богославскому, причемъ, по словамъ послѣдняго, Троцкій имѣлъ рекомендательныя письма на какихъ-то бланкахъ, снабженныхъ красными печатями. Въ концѣ іюля 1879 г. Троцкій, по словамъ Богославскаго, пріѣзжалъ въ Кіевъ, послѣ чего уѣхалъ за-границу въ Женеву (34).

Кромѣ Троцкаго, дѣятельность котораго разсмотрѣна въ связи съ существованіемъ отдѣльнаго революціоннаго кружка въ Полтавѣ, Богославскій указываетъ на слѣдующихъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ дѣйствіяхъ кіевскаго сообщества «старая громада».

Домонтовича, помѣщика Полтавской губ., Кременчугскаго уѣзда, который въ Кіевѣ не жилъ, но часто пріѣзжалъ и бралъ съ собою революціонныя книги. Онъ по словамъ Богославскаго, давалъ денежныя средства на революціонное дѣло, и женатъ на Варварѣ Столица, которая также принадлежала къ преступному сообществу и съ революціонною цѣлью неоднократно посѣщала коммунистическую квартиру Волкова.

Щитинскаго, помѣщика Полтавской губерніи. Дѣятельность его въ запискахъ Веледницкаго и Богославскаго не выяснена; тѣмъ не менѣе онъ указанъ послѣднимъ въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ руководителей дѣла.

Яновскаго, помѣщика Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, состоящаго, по слухамъ, въ должности мирового посредника. Дѣятельность Яновскаго въ революціонной средѣ Богославскій опредѣляетъ участіемъ его въ денежномъ пособіи на потребности кіевскаго сообщества «громады» (18) и въ особенности на поддержаніе Драгоманова и женевской типографіи. Вообще по отзыву Богославскаго, Яновскій былъ приверженъ дѣлу украинофиловъ соціалистовъ и не жалѣлъ для него своихъ средствъ. Такъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Антиповичемъ въ отправленіи упомянутаго выше Тираспольскаго, онъ же Галушкинъ, въ Елисаветградскій уѣздъ для пропаганды между штун-

дистами. Онъ же по словамъ Богославскаго, скрывалъ у себя революціоннаго дѣятеля Басова, о которомъ будетъ сказано ниже, и далъ ему средства бѣжать заграницу [1]).

Вербицкаго [1]) родного брата студента Кіевскаго университета, имени и званія котораго не указывается, равно не опредѣляется и его дѣятельность.

Ильницкаго, Луку, содержателя библіотеки для чтенія и книжнаго магазина и коммисіонера университета Св. Владиміра, который фигурировалъ въ дѣлѣ Богдановича и Паночини и участвовалъ, по словамъ Богославскаго, въ собраніяхъ «громады», равно хранилъ у себя въ библіотекѣ изъятыя изъ обращенія книги, что подтверждаетъ и Веледницкій, высказывающій притомъ предположеніе, что при посредствѣ университета, Ильницкій имѣлъ возможность получать изъ заграницы разныя запрещенныя изданія, въ томъ числѣ произведенія революціонной типографіи въ Женевѣ, основанной Драгомановымъ на средства общества «Громада». Съ своей стороны, Богославскій какъ бы подтверждаетъ предположеніе Веледницкаго, заявивъ тотъ фактъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ продажи Ильницкимъ въ своемъ магазинѣ розыскивающемуся соціалисту Кацу запрещеннаго изданія Шевченки (2 томъ его сочиненій), которое отпечатано заграницей и заключаетъ въ себѣ статью, излагающую порядокъ производства вооруженной революціи въ Украинѣ. Книга эта служитъ въ средѣ украинофиловъ-соціалистовъ какъ бы катехизисомъ (35). Ильницкій, по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго, находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Волковымъ, которые въ присутствіи другихъ, даже посвященныхъ въ тайны революціоннаго дѣла, постоянно говорили между собою шепотомъ, изъ чего они заключаютъ о важномъ значеніи Ильницкаго въ этой средѣ.

Конискаго, [1]) Михаила или Митрофана, по словамъ Богославскаго, также участвовавшаго въ собраніяхъ «громады», засѣданія которой происходили иногда и въ его квартирѣ (36).

Такимъ образомъ, упомянутыя выше лица, принимая болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ кіевскаго украинофильскаго-соціальнаго общества, носившаго названіе «Старая Громада», поддерживали всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи средствами существованіе этого сообщества. Но кромѣ этихъ лицъ, принимавшихъ такъ сказать непосредственное участіе въ дѣятельности общества, существуетъ, по словамъ Богославскаго, получившаго эти свѣдѣнія отъ упомянутого выше Троцкаго, еще болѣе существенная поддержка со стороны такихъ сочленовъ этого кружка, имена которыхъ сохраняются въ большой тайнѣ. Эти тайные члены кружка преимущественно старики-помѣщики и лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, сочувствуя стремленіямъ и задачамъ кружка, содѣйствуютъ осуществленію его цѣлей какъ денежными средствами, такъ равно своими умственными силами, связями и протекціей. Лица эти, будучи сами украинцами, оказываютъ помощь лишь обществу украинофи-

[1]) Гдѣ находится, неизвѣстно.
[1]) Гдѣ находится, неизвѣстно.

ловъ; прежде они были только націоналистами, но съ переходомъ дѣятельности этого общества на соціальную почву, сдѣлались также соціалистами. Какъ упомянутые выше, такъ и тайные члены этого сообщества признаютъ однимъ изъ лучшихъ средствъ распространеніе въ Украинѣ книгъ революціоннаго содержанія на малороссійскомъ языкѣ, а потому всѣми силами стараются поддерживать какъ существованіе революціонной типографіи, устроенной въ Женевѣ Драгомановымъ, такъ и лицъ, отдавшихся революціонному дѣлу. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній видно, что всѣ упомянутыя лица, участвующія въ дѣятельности общества «Старая Громада», за немногимъ исключеніемъ, жертвуютъ своими матеріальными средствами. О размѣрахъ этихъ средствъ можно вывести только приблизительное заключеніе по приведеннымъ Богославскимъ, повидимому, достовѣрнымъ, хотя и далеко не полнымъ даннымъ. Такъ ему извѣстно, что до минувшей войны, Драгоманову было ассигнованно 1500 р. ежегодно, а во время и послѣ войны общество отпускаетъ ему на революціонную типографію 3000 р; Волковъ получалъ и получаетъ 1500 р. ежегодно, женѣ его дано было передъ высылкою изъ Кіева—1500 р. Иродіону Житецкому, о которомъ упомянуто будетъ ниже, высылается въ мѣсто ссылки его по 50 р. въ мѣсяцъ; засимъ Владиміру Мокріевичу дано было 1500 р. на приготовленіе къ бунту въ Чигиринскомъ уѣздѣ (37), въ чемъ онъ однако не успѣлъ и вслѣдствіе того подвергся неудовольствію со стороны общества. Но независимо отъ всего изложеннаго кіевское сообщество украинофиловъ-соціалистовъ представлялось относительно болѣе сильнымъ и распространеннымъ, чѣмъ другія ему подобныя сообщества въ другихъ мѣстностяхъ Россіи тѣмъ, что въ числѣ руководителей его стояло большое число лицъ, имѣвшихъ непосредстренное вліяніе на учащуюся молодежь; между этими лицами были даже профессора университета и воспитатели въ военныхъ гимназіяхъ.

Благодаря всему этому, а также упомянутому выше развращающему вліянію членовъ общества «Старой Громады», выросъ и окрѣпъ кіевскій революціонный кружокъ, носившій въ отличіе отъ перваго, названіе «молодежи», который подраздѣлялся, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, на «коши», «курени», и «цвѣтники» (38). Характеръ дѣятельности этого кружка «молодежи» и его подраздѣленій былъ тождественный съ тѣмъ, на который уже указано было выше въ отношеніи сообщества «Старая Громада», съ тою разницею, что кружокъ «молодежи», являясь, такъ сказать, исполнителемъ предначертаній совѣта «Старой Громады», игралъ активную роль, приходя въ непосредственное прикосновеніе съ народомъ.

II.

Связующимъ звеномъ между кружкомъ «Старой Громады» и кружкомъ «молодежи» представлялся упомянутый выше Волковъ, а по отъѣздѣ его за границу, мѣсто его заступилъ Федоръ Виниченко, на дѣятельность котораго также указано выше. Всѣ принадлежавшіе къ моло-

дому кружку сходились въ клубѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ домовъ на Подолѣ (39). Кромѣ сего большинство ихъ посѣщало квартиру Волкова, которая являлась какъ бы сборнымъ мѣстомъ. Такъ, по отзыву Богославскаго, его часто посѣщали до 1 сентября 1876 г.: сестра Николая Колодкевича, о дѣятельности котораго будетъ сказано ниже, и акушерка Горенштейнъ, проживающая на Б. Васильковской улицѣ, въ д. Горенштейнъ, гдѣ въ 1877 г. была столовая упоминаемой ниже Лукіи, засимъ лица, принадлежавшія къ компаніи «Короткевича», получившія это названіе отъ фамиліи студента Короткевича, который въ 1874 и 1875 годахъ содержалъ въ Кіевѣ, на Жилянской улицѣ, студенческую квартиру (40), а именно: бывшій студентъ юридическаго факультета кіевскаго университета Кольчевскій, находящійся нынѣ въ Тифлисѣ мировымъ посредникомъ, бывшій студентъ кіевскаго университета, а нынѣ земскій врачъ въ черниговской губерніи Волькенштейнъ, который проявилъ впослѣдствіи свою дѣятельность въ означенной губерніи и о которомъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи дѣятельности черниговскаго революціоннаго сообщества, Фольницкій (41), военный врачъ; Голынскій, тоже военный врачъ, служащій нынѣ въ Кременчугѣ; два брата Черепахиныхъ, изъ коихъ одинъ Василій живетъ въ собственномъ имѣніи, въ кременчугскомъ уѣздѣ, а другой—Александръ, по словамъ Богославскаго, арестованъ въ Австріи за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія; и земскій врачъ Бирскій. Засимъ Тессенъ, служащій нынѣ земскимъ врачемъ въ селѣ Санжарахъ, полтавскаго уѣзда, который считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ партіи украинофиловъ и въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, ѣздилъ заграницу для перевоза въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, но выполнить это порученіе украинофиловъ ему не удалось вслѣдствіе того, что, благодаря плохимъ рекомендаціямъ, полученнымъ имъ изъ Кіева, его приняли заграницей за правительственнаго агента и въ выдачѣ книгъ отказали. Тессенъ впослѣдствіи женился на Маріи Тризна, съ которою онъ встрѣчался въ той же квартирѣ Волкова. Галицкій, студентъ кіевскаго университета, проживающій и нынѣ въ Кіевѣ, Богдановъ, назвавшійся Хмѣльницкимъ (42), находящійся въ настоящее время въ числѣ студентовъ кіевскаго университета на естественномъ факультетѣ; Марія Маркевичъ—впослѣдствіи отравившаяся; Надежда Иванова — учительница въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, Гапка Ищенко; какой-то ученикъ императорской академіи художествъ, и, наконецъ, рабочіе кіевскаго желѣзнодорожнаго вокзала: Петръ Лобанчукъ, Стефанъ Бѣликовъ и Амвросій Трюшковскій, также привлеченные Волковымъ къ дѣлу въ качествѣ пропагандистовъ.

Въ отношеніи названныхъ рабочихъ, какъ Веледницкій, такъ и Богославскій, дали довольно подробное указаніе, причемъ они представляются имѣющими довольно важное значеніе въ кіевскомъ революціонномъ сообществѣ. Изъ нихъ обращаетъ на себя особенное вниманіе Лобанчукъ. Съ нимъ Волковъ находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ, причемъ бесѣды ихъ почти всегда происходили въ отдѣльной комнатѣ, безъ свидѣтелей. Этотъ Лобанчукъ, по ремеслу слесарь, настоящая фамилія котораго Гудзь, Петръ Федоровъ, по

имѣющимся свѣдѣніямъ, розыскивается по дѣлу о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика Курскаго полка. Онъ, по показанію Веледницкаго, принадлежалъ къ числу самыхъ интеллигентныхъ и развитыхъ рабочихъ, пропагандой занимался давно и вообще пользовался большимъ уваженіемъ среди пропагандистовъ. По словамъ Веледницкаго, Гудзь участвовалъ въ Одессѣ въ вооруженномъ сопротивленіи по поводу исторіи Ковальскаго, причемъ получилъ легкую царапину штыкомъ на правой рукѣ, засимъ принималъ участіе въ освобожденіи изъ подъ стражи, по плану Волкова и Виниченки, содержавшихся въ Кіевѣ по обвиненію въ преступной пропагандѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже было упомянуто выше. По показанію Веледницкаго, основанному на разсказахъ Гудзя, послѣдній ѣздилъ неоднократно на границу, для провоза запрещенныхъ книгъ; въ семъ ему оказывало содѣйствіе одно лицо, проживавшее въ должности учителя, недалеко отъ границы, фамиліи котораго хотя Веледницкій и не называлъ, но судя по тому, что за это лицо, какъ объясняетъ Веледницкій, вышла впослѣдствіи замужъ извѣстная въ революціонной средѣ Смирницкая, можно заключить, что лицо, о которомъ говорилъ Веледницкому Гудзь, былъ никто иной, какъ Федоръ Зенченко, бывшій народный учитель, розыскиваемый циркуляромъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 17 ноября 1879 г., № 2429. Кромѣ того, изъ показаній Веледницкаго и Богославскаго, который жилъ съ Лобанчукомъ на одной квартирѣ, видно, что однажды Лобанчукъ принялъ отъ воровъ-бунтарей, послѣ ограбленія ими въ Кіевѣ ювелира, похищенныя у послѣдняго золотыя и серебряныя вещи, вслѣдствіе чего онъ едва не попалъ въ руки полиціи. Наконецъ, изъ показанія Веледницкаго видно, что въ квартирѣ Гудзя (онъ же Лобанчукъ) происходили неоднократно сходки для революціонныхъ цѣлей, причемъ находились и рабочіе, изъ числа коихъ, называя одного Платономъ—по ремеслу переплетчикъ, — Веледницкій высказываетъ предположеніе, что этотъ Платонъ есть, по всей вѣроятности, тотъ самый Платонъ Горскій, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, былъ казненъ въ Кіевѣ по приговору военно-окружнаго суда. Въ отношеніи Платона, Богославскій въ своемъ показаніи говоритъ, не называя, впрочемъ, его фамиліи, что онъ познакомился съ этимъ рабочимъ въ квартирѣ Виниченко, и что Платонъ участвовалъ въ Житомірскомъ дѣлѣ. Кромѣ сего, на Лобанчука (Гудзь) указываетъ и матросъ Ключниковъ въ своемъ показаніи, какъ на одного изъ соучастниковъ въ дѣлѣ покушенія на ограбленіе почты. Лобанчукъ былъ извѣстенъ Ключникову подъ именемъ «Петра». За симъ, относительно упомянутаго выше рабочаго Амвросія Трюшковскаго имѣется свѣдѣніе изъ показанія Веледницкаго, что Трюшковскій, впослѣдствіи высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, принадлежалъ къ числу рабочихъ мастерской Разумова, который, какъ уже сказано выше, ѣздилъ заграницу и, получивъ техническое образованіе, возвратился въ Кіевъ для устройства рабочей ассоціаціи съ преступною цѣлью. Кромѣ того, изъ числа рабочихъ мастерской Разумова, по словамъ Веледницкаго, обращаютъ на себя вниманіе Артемъ и Николай, настоящая фамилія

котораго Баумъ. Этотъ Николай Баумъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ казненнымъ Бѣльчанскимъ и ѣздилъ съ нимъ, до арестованія послѣдняго, для пропаганды въ Самарскую губернію. Засимъ, Веледницкій и Богославскій называютъ еще двухъ рабочихъ, изъ числа участвовавшихъ въ революціонной дѣятельности: переплетчика Алексѣя Хрущова, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, подлежалъ административной высылкѣ изъ Кіева, но не былъ розысканъ, и Федора Предтеченскаго, родомъ изъ Каменецъ-Подольска, настоящее имя котораго, по словамъ Богославскаго, Николай, а настоящую фамилію его—не помнитъ. Означенный Хрущовъ, который, какъ изъ показаній Богославскаго видно, служилъ при кіевской военной типографіи и еще въ 1876 г. былъ по убѣжденіямъ революціонеръ и, сойдясь съ упомянутымъ выше Федоромъ Виниченко, сталъ распространять между рабочими полученныя отъ послѣдняго книги революціоннаго содержанія. Въ 1877 г. онъ принадлежалъ къ кружку Ивана Басова и другихъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже, но пробылъ въ немъ не долго, вслѣдствіе болтливости своей, за которую Хрущовъ былъ исключенъ изъ кружка. Затѣмъ онъ уѣзжалъ въ Полтаву и Харьковъ, гдѣ, по его разсказамъ Богославскому, сошелся съ студентами, которые предлагали ему завести въ Харьковѣ переплетную ассоціацію, а въ 1878 году снова вернулся въ Кіевъ. Что касается Предтеченскаго (онъ же Николай), то, по словамъ Богославскаго, лицо это работало прежде въ Одессѣ и привлекалось къ дѣлу Заславскаго, но успѣло скрыться; послѣ того Предтеченскій служилъ въ слесарной мастерской въ Полтавскомъ вокзалѣ, откуда, послѣ произведеннаго у него обыска, уѣхалъ въ Харьковъ и затѣмъ уже въ началѣ 1878 г. прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Зубжицкимъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ Кіевѣ онъ работалъ на заводѣ Донато, на Звѣринцѣ, вмѣстѣ съ рабочимъ Антономъ Серпинскимъ, который прибылъ изъ Ростова и также принадлежалъ къ революціонной партіи; въ настоящее же время, по слухамъ, работаетъ на шахтахъ, близъ Одессы. Засимъ, по словамъ Богославскаго, Предтеченскій служилъ на Виленскомъ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ, гдѣ склонилъ къ революціонной дѣятельности молодого рабочаго, французскаго поданнаго Доллера, а въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1879 г. возвратился въ Кіевъ и прожилъ тамъ вмѣстѣ съ Богославскимъ до самаго ареста его. Въ это время онъ встрѣтился съ прежними товарищами своими по процессу Заславскаго, Сергѣемъ Наддачинымъ и «Ванюшкой», которые начали уговаривать его принять участіе въ пироксилинномъ дѣлѣ съ цѣлью приготовленія разрывныхъ снарядовъ: въ чемъ, повидимому, вполнѣ успѣли, такъ какъ съ этого времени Предтеченскій совершенно отдался революціонному дѣлу. Кромѣ сего, по сознанію самого Предтеченскаго, сдѣланнаго Богославскому, онъ участвовалъ съ указанными выше товарищами его въ расклейкѣ въ Кіевѣ полученныхъ отъ Валеріана Осинскаго (впослѣдствіи казненнаго) прокламаціи по поводу убійства генералъ адъютанта Мезенцова, причемъ на обратномъ пути домой онъ, Предтеченскій, былъ задержанъ, десятникомъ но въ то время обысканъ не былъ; въ карманѣ же его находился одинъ экземпляръ означенной прокламаціи.

Наконецъ, относительно рабочихъ Богославскій указываетъ еще на сапожную ассоціацію Бровацкаго въ Кіевѣ, въ которой распространителями пропаганды были Василій Трюхлый, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ выдающимися революціонными дѣятелями и Владиславъ Кейзеръ, читавшій и разъяснявшій нерѣдко рабочимъ, вмѣстѣ съ Трюхлымъ и другими украинофилами, книги революціоннаго содержанія, которыя Кейзеръ распространялъ также и внѣ Кіева. Эту же ассоціацію посѣщали, между прочимъ, упомянутый выше Голушкинъ, онъ же Тераспольскій, и постоянная спутница его революціонной дѣятельности Сура Гольдемергъ. Изъ арсенальныхъ рабочихъ Богославскій называетъ Снигура, Адольфа и Владиміра, которые также по убѣжденіямъ революціонеры, а изъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ упоминаетъ вскользь о слесаряхъ Шистовѣ и Владимірѣ, съ которыми познакомилъ его кіевскій радикалъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета Михаилъ Рейдеръ, живущій нынѣ въ Полтавѣ, затѣмъ о двухъ братьяхъ Кенулковъ, Юлисѣ и Красовскомъ. Изъ числа этихъ рабочихъ Шистовъ и Владиміръ, работая на кіевскомъ вокзалѣ распространяли запрещенныя книги, а въ концѣ 1878 года уѣхали въ Одессу, гдѣ, по свѣдѣніямъ полученнымъ Богославскимъ отъ Лобанчука, поступили въ мастерскую вокзала одесской желѣзной дороги, а рабочій Красовскій былъ осужденъ въ 1879 году по пироксилинному дѣлу.

Засимъ къ кіевскому кружку «молодежи» принадлежали, какъ это видно изъ показаній Веледницкаго и Богославскаго, слѣдующія лица, принимавшія болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ революціонной пропагандѣ.

Лукія, крестьянка, настоящая фамилія которой неизвѣстна, была посвящена въ соціализмъ упомянутымъ выше руководителемъ «старыхъ громадянъ» Беренштамомъ, занималась довольно успѣшно распространеніемъ въ народѣ запрещенныхъ книгъ; тѣмъ не менѣе Богославскій считаетъ ее обманутою жертвою «старыхъ громадянъ», которые до перехода ее въ революціонный лагерь, обѣщали сдѣлать для нее многое, но въ концѣ концовъ оставили ее почти безъ куска хлѣба и безъ всякаго образованія, такъ что по словамъ Богославскаго, благодаря лишь стараніямъ его и Степана Оголевца, который принадлежалъ къ полтавскому революціонному кружку, она научилась коекакъ читать и писать. По словамъ Веледницкаго, Лукія содержала дешевый кухмистерскій столъ сначала на Жилянской улицѣ, гдѣ былъ притонъ пропагандистовъ, а потомъ въ домѣ Вереденка, по Васильковской улицѣ. Лукія находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Волковымъ, женою его и дѣвицею Комаровскою, которая находилась въ любовныхъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше полтавскимъ революціонеромъ Стеблинъ-Каменскимъ. Эта же Лукія, по словамъ Веледницкаго, принимала непосредственное участіе вмѣстѣ съ Лобанчукомъ въ освобожденіи изъ подъ стражи, въ Кіевѣ Топчаевскаго, Ляхоцкаго и Гордѣева, о чемъ уже сказано раньше. Наконецъ, изъ показанія Богославскаго видно, что Лукія служила въ концѣ 1878 года у радикала Кривицкаго, на углу Бульварно-Кудрявской улицы, о которомъ будетъ болѣе подробно изложено ниже.

Топчаевскій, Савва Степановъ, принадлежалъ, по словамъ Веледницкаго и Богославскаго, къ числу глубоко вѣрующихъ въ пропаганду до фанатизма. Дѣятельность его, направлявшаяся исключительно къ пропагандѣ революціонныхъ идей между рабочими, была весьма обширна. Онъ открыто пропагандировалъ даже просто на улицѣ при встрѣчѣ съ рабочими. По объясненію Веледницкаго, Топчаевскій проживалъ въ его квартирѣ въ 1875 году по просьбѣ Волкова, причемъ самъ Топчаевскій, высказывая свои революціонныя убѣжденія, далъ понять Веледницкому о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Антоновичемъ. Впрочемъ, по отзыву Богославскаго, Топчаевскій чуждался всего интеллигентнаго въ революціонной дѣятельности своей, причемъ любимыми революціонными книгами его были: «Хитрая механика», «Четыре странника» и «Парижкая Коммуна», которыя онъ старательно распространялъ въ народѣ. Послѣ побѣга его изъ подъ стражи, о чемъ уже изложено было выше, Топчаевскій скрывался, по словамъ Богославскаго, нѣкоторое время у Подолинскаго, а затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда на Волгу, гдѣ продолжалъ свою преступную дѣятельность.

Драгневичи, братья, Иванъ и Михаилъ, по словамъ Веледницкаго были приблизительно въ 1875 г. украинофилами-сепаратистами и находились въ близкихъ отношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными руководителями партіи «старыхъ громадянъ», Драгомановымъ, Волковымъ Беренштамомъ, Житецкимъ и Чубинскимъ; съ переходомъ же послѣднихъ въ соціалисты въ ихъ ученіе увѣровали и Драгневичи. Когда Волковъ, который, по отзывамъ Веледницкаго и Богославскаго, находясь во главѣ украинофильскаго соціализма и стоя по энергіи на ряду съ Драгомановымъ и Зиберомъ, послѣдовалъ за ними въ 1876 году за-границу, то всѣ общественныя дѣла и деньги перешли первоначально къ Федору Виниченко, а потомъ, когда Виниченко уѣхалъ въ полкъ на мѣсто врача,—къ Михаилу Драгневичу. Слѣдовательно, изъ одного этого обстоятельства можно заключить о видномъ положеніи его въ кіевской революціонной средѣ. Въ квартирѣ его, въ домѣ Новицкаго, на углу Шулявской и Тарасовской улицъ, хранилось большое количество запрещенныхъ книгъ. Въ это время Михаилъ Драгневичъ получалъ значительныя деньги за уроки у Львовыхъ, очень богатыхъ московскихъ аристократовъ, занимавшихъ роскошную квартиру въ домѣ Гудимъ-Левковича, въ Липкахъ, противъ дома губернатора, причемъ Веледницкій указываетъ на то, что Львова, по собственному сознанію ея мужа, симпатизировала радикальнымъ идеямъ и уже имѣла дѣло съ жандармами по поводу нѣкой Анниньки или Аннушки, жившей у нея въ гувернанткахъ. Засимъ, хотя самъ Михаилъ Драгневичъ и продолжалъ принимать непосредственное участіе въ пропагандѣ между рабочими, но послѣднимъ было воспрещено являться на новую квартиру Драгневича, которую до него занималъ Виниченко, такъ какъ въ это время ожидался у него обыскъ; рабочіе-же приходили на прежнюю его квартиру, въ домѣ Новицкаго, гдѣ и получали необходимыя для распространенія революціонныя книги. Находясь въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ упомянутыми выше эмигрантами: Драгомановымъ и другими, Михаилъ Драгневичъ

получалъ отъ нихъ письма большею частью на имя и по адресу другихъ, менѣе видныхъ дѣятелей революціонной среды. Въ то же время онъ поддерживалъ знакомство и находился въ сношеніяхъ съ членами другихъ революціонныхъ фракцій. Въ числѣ ихъ Веледницкій называетъ Николая Колодкевича, дворянина Кіевской губерніи, бывшаго студента Кіевскаго университета, извѣстнаго въ средѣ харьковскихъ соціалистовъ подъ прозваніемъ «Котъ мурлыка», который привлекался уже въ Кіевѣ къ политическому дознанію, послѣ того въ 1878 г. былъ причастенъ къ дѣлу студента Харьковскаго ветеринарнаго института Яцевича, сосланнаго по суду въ каторжныя работы, и нынѣ оказывается снова причастнымъ къ кіевскому дѣлу о революціонномъ сообществѣ; но до сего времени не привлеченъ за нерозыскомъ его. Гольденбергъ, въ своемъ показаніи, высказывается съ большимъ уваженіемъ о Колодкевичѣ и соболѣзнуетъ о переходѣ его на сторону фракціи «террористовъ», чѣмъ, по словамъ Гольденберга самъ Колодкевичъ не мало тяготился. Объ отношеніи послѣдняго къ революціонному дѣлу, вообще и къ дѣятельности фракціи террористовъ, въ частности, будетъ сказано ниже, при изложеніи характеристики самой фракціи и отдѣльныхъ лицъ этой партіи. Засимъ, Веледницкій называетъ Федора Чепурина, бывшаго студента кіевскаго университета, который принадлежалъ сначала къ одесской партіи радикаловъ, а по пріѣздѣ его въ Кіевъ 1877 г., былъ уже террористомъ, отрѣшившись отъ прежней программы достиженія революціонныхъ цѣлей путемъ мирнаго развитія пропаганды.

Чекуринъ былъ высланъ въ мартѣ 1878 г. за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ университетѣ св. Владиміра, въ г. Симферополь, гдѣ, какъ изъ показаній Гольденберга видно, послѣдній видѣлъ его въ августѣ 1879 г. По словамъ Гольденберга, Чепуринъ былъ въ душѣ пропагандистъ. Наконецъ, Ивана Ивичевича, умершаго отъ ранъ, полученныхъ при вооруженомъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ, въ соучастіи, между прочимъ, казненныхъ Осинскаго и Брандтнера.

Этотъ Ивичевичъ, по настоянію Ивана Драгневича и Чепурина, былъ помѣщенъ съ преступною цѣлью слесарнымъ мастеромъ въ ремесленное училище, директоромъ котораго состоялъ упомянутый выше Лоначевскій-Петруняка. Въ своемъ показаніи объ Иванѣ Драгневичѣ Гольденбергъ говоритъ, что онъ студентъ Кіевскаго университета и по убѣжденіямъ былъ пропагандистъ, враждебно относившійся къ террористической системѣ. Зимою 1878 г. онъ былъ посланъ делегатомъ отъ кіевлянъ въ Петербургъ для обсужденія вопроса о подачѣ министру юстиціи, такъ называемаго, «Паленовскаго протеста». Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Ивана Драгневича, изъ числа принадлежавшихъ къ партіи украинофиловъ, были: Пугинюкъ, который былъ высланъ въ 1878 г. изъ Кіева въ одну изъ сѣверныхъ губерній, но затѣмъ по болѣзни возвращенъ на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ Екатеринославъ; Ювенальевъ, бывшій студентъ, высланный изъ Кіева въ 1878 г., который присталъ въ началѣ этого года къ партіи террористовъ; Зубковскій, Афанасій, задержанный въ 1879 г. по обвиненію въ соучастіи по убійству харьковскаго губерна-

тора князя Кропоткина и содержащійся нынѣ подъ стражею, подробности о которомъ будутъ изложены ниже; Дебогорій-Мокріевичъ, Владиміръ, дворянинъ, носившій въ революціонной средѣ прозвище Мишка, который былъ приговоренъ кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г., въ Кіевѣ, въ каторжныя работы, но на пути слѣдованія въ предѣлахъ Сибири бѣжалъ и до сего времени не розысканъ. Этотъ Дебогорій-Мокріевичъ, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи самыхъ крайнихъ террористовъ-революціонеровъ. Кромѣ сего, Веледницкій указываетъ, что Иванъ Драгневичъ склонилъ на путь нигилизма дочь священника Марію Ремезовскую, которая жила съ нимъ на Мышеловкѣ (въ Китаевѣ) и находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Валеріаномъ Осинскимъ, Иваномъ Ивичевичемъ, Калиновскою, о которой будетъ сказано ниже, и другими лицами террористической фракціи, равно почти со всѣми членами кружка кіевской молодежи, съ которыми она участвовала въ собраніяхъ «клуба» и, между прочимъ, въ подачѣ адреса, о которомъ упоминается ниже. Засимъ, тотъ же Иванъ Драгневичъ сманилъ изъ родительскаго дома и дѣвицу Комаровскую, о которой уже сказано выше. Къ этому Веледницкій добавляетъ, что Драгневичи имѣли общую знакомую землевладѣлицу села Ровъ, Подольской губерніи, жену генерала Чемерзину, у которой они жили въ качествѣ учителей въ 1876 или 1877 г. и которая была ожесточена противъ убитаго шефа жандармовъ Мезенцева за распоряженіе, по которому у Чемерзиной, по ходатайству ея мужа, взяты были дѣти. Наконецъ, въ отношеніи Михаила Драгневича какъ Веледницкій, такъ и Богославскій указываютъ, что противъ него возникло въ послѣднее время неудовольствіе среди многихъ членовъ кружка «молодежи», преимущественно изъ числа рабочихъ, за отказъ въ выдачѣ имъ денегъ изъ находившейся въ его распоряженіи общественной суммы, причемъ ему сдѣланъ былъ ими формальный выговоръ, вслѣдствіе возникшаго подозрѣнія въ растратѣ этой суммы; но обстоятельство это, по словамъ Веледницкаго, не умалило значенія Михаила Драгневича въ глазахъ кіевскаго революціоннаго сообщества, такъ какъ большинство наиболѣе преданныхъ революціонному дѣлу было, по предположенію Веледницкаго, убѣждено въ цѣлесообразности образа дѣйствій Драгневича потому, что впереди предвидѣлась возможность перехода нынѣ же къ осуществленію идеи соціализма посредствомъ открытаго бунта, а потому деньги нужны были для дальнѣйшихъ плановъ. У Драгневичей по указанію Веледницкаго, былъ еще третій братъ—Владиміръ, малоразвитый и глуповатый человѣкъ, который проживалъ въ квартирѣ, гдѣ помѣщалась столовая Лукіи, въ домѣ Вереденко, по Васильковской улицѣ, и гдѣ онъ пользовался, по словамъ Веледницкаго, нѣкоторымъ значеніемъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Михаилъ Драгневичъ высланъ въ 1878 г. на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ г. Олонецъ. По словамъ Богославскаго, у Драгневича пользовалось революціонными книгами еще одно лицо, носившее фамилію Юхансонъ, который находится теперь заграницей. Вообще же Драгневичи, послѣ отъѣзда Виниченка, служили посредниками между кружками «старыхъ громадянъ» и «молодежи».

Засимъ къ кіевскому кружку «молодежи» принадлежали:

Рева, бывшій студентъ Кіевскаго университета, высланный административнымъ порядкомъ изъ Кіева, о которомъ Богославскій говоритъ только какъ о лицѣ, принимавшемъ участіе въ стремленіяхъ кружка, не сопровождая никакими дальнѣйшими въ отношеніи его указаніями; Веледницкій же не упоминаетъ о немъ вовсе.

Самойловскій, онъ же Самойликъ, съ женою извѣстны Богословскому лишь какъ участвовавшіе почти на всѣхъ собраніяхъ «коша», но дѣятельность ихъ внѣ этихъ собраній ему неизвѣстна.

Дубовъ, Забора, Фенъ, Крикливый, прозывавшійся Монахомъ, Апостоловъ, прозывавшійся Свинкой, и Залѣсскій извѣстны были въ кіевской революціонной средѣ подъ названіемъ «Черноморцы». Всѣ они жили вмѣстѣ въ домѣ Домбровскаго, по Жилянской улицѣ, гдѣ происходили и собранія «коша» въ 1877 г. На одномъ изъ этихъ собраній присутствовалъ по словамъ Богославскаго, Бѣлоконскій, содержащійся въ настоящее время въ Кіевѣ, гдѣ производилось дознаніе по обвиненію его въ храненіи у себя запрещенныхъ сочиненій, и предназначаемый къ высылкѣ административнымъ порядкомъ. О Бѣлоконскомъ будетъ указано ниже, при изложеніи данныхъ о черниговскомъ преступномъ сообществѣ. На означенномъ собраніи Бѣлоконскій, по словамъ Богославскаго, также присутствовавшаго тамъ въ числѣ другихъ, разсказывалъ объ успѣхахъ его въ пропагандѣ, равно о бѣдственномъ положеніи той школы, въ которой Бѣлоконскій былъ учителемъ; кромѣ того, развивалъ мнѣніе свое о конокрадахъ, которые представлялись имъ самыми лучшими людьми потому, что они протестуютъ противъ современной жизни, тогда какъ другихъ нельзя вызвать ни на какой протестъ. Въ эту же квартиру «черноморцевъ» заходили рабочіе съ вокзала, а также одно лицо, называвшееся Капитаномъ или Зеленымъ.

Засимъ изъ показанія Богославскаго видно, что всѣ поименованныя лица, носившія названіе «черноморцевъ», занимались непосредственно пропагандою, уѣзжая съ этою цѣлью изъ Кіева въ мѣста своей родины, откуда присылали письменныя свѣдѣнія о результатахъ своей дѣятельности въ совѣтъ «громады». Кромѣ сего, по объясненію Богославскаго, въ квартирѣ Залѣсскаго, когда онъ жилъ отдѣльно въ бывшемъ домѣ Вазовскаго, по Васильковской улицѣ, хранились книги революціоннаго содержанія, за которыми, по порученію Волкова, неоднократно въ 1876 г. ходилъ самъ Богославскій, который при этомъ встрѣчалъ въ квартирѣ Залѣсскаго и упомянутую выше Лукію. Изъ послѣдней дѣятельности названныхъ «чорноморцевъ» Богославскому извѣстно, что они бывали на сходкахъ у Виниченко и у Родіона Житецкаго, на Подвальной улицѣ, куда пріѣзжали и сельскіе учителя, преимущественно изъ Полтавской и Черниговской губерній, фамилій которыхъ Богославскій не знаетъ, за исключеніемъ одного учителя изъ Кременчуга, Лукьяновича, съ которымъ познакомилъ Богославскаго въ 1879 году бывшій гимназистъ Кременчугской реальной гимназіи, а затѣмъ студентъ института инженеровъ путей сообщенія Арончикъ. О принадлежности упомянутаго Житецкаго къ партіи молодыхъ украинофиловъ, указываетъ въ своемъ показаніи и задержанный въ

Кіевѣ, привлеченный нынѣ къ дѣлу о преступномъ сообществѣ крестьянинъ Леонтій Забрамскій. По имѣющимся свѣдѣніямъ, этотъ Житецкій высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ. Что касается Афанасія Арончика, то изъ показанія Гольденберга видно, что онъ принималъ участіе въ преступномъ покушеніи 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, о чемъ изложено будетъ ниже: относительно же убѣжденій его Гольденбергъ высказываетъ, что Арончикъ принадлежитъ скорѣе къ партіи «народниковъ» и присталъ къ фракціи «террористовъ» только подъ вліяніемъ текущихъ событій.

Шеболдаевъ, именовавшійся въ революціонной средѣ Пошихономъ, принадлежавшій къ революціонному кружку «молодежи», бывалъ, по словамъ Богославскаго, на сходкахъ у Виниченка, участвовалъ въ качествѣ корреспондента въ заграничномъ революціонномъ журналѣ «Громада», имѣлъ у себя книги революціоннаго содержанія и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Яномъ Зубжицкимъ и другими рабочими изъ ассоціаціи Разумова, о которомъ упоминалось выше. Этотъ Зубжицкій, который иногда проживалъ въ квартирѣ Шеболдаева, принималъ, по словамъ Веледницкаго и матроса Ключникова, живое участіе въ пропагандѣ между рабочими въ Кіевѣ и пользовался значеніемъ въ кружкѣ «молодежи». Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ и осужденъ въ Кіевѣ.

Лейвинъ, Михаилъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, и Яроцкій, Яковъ, по порученію кружка, въ 1878 г. открыли, какъ показываетъ Богославскій, въ домѣ Пашкевича на Жилянской улицѣ, библіотеку, съ извѣстнымъ подборомъ цензурныхъ книгъ, для того, чтобы прикрываясь правами библіотеки, можно было бы принимать тамъ кіевскихъ семинаристовъ съ преступною цѣлью, и дѣйствительно Богославскій, по его словамъ, встрѣчалъ тамъ семинаристовъ, а однажды засталъ въ библіотекѣ, при таинственной обстановкѣ, дѣвицу Слюзъ, совѣщавшуюся съ Лейвиномъ и Яроцкимъ, по какому-то предмету, въ совершенно отдѣльной комнатѣ. Эта Слюзъ (она же Шлюзъ), находившаяся, по указанію Веледницкаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ дѣятелемъ Басовымъ, о которомъ сказано будетъ ниже, была учительницею въ одномъ изъ кіевскихъ городскихъ училищъ, а послѣ того, по имѣющимся свѣдѣніямъ, перешла на ту же должность въ с. Марковцы, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. По показанію Богославскаго, Слюзъ имѣетъ сестру, которая также посѣщала библіотеку. Послѣ того Лейвинъ былъ арестованъ. Въ своемъ показаніи о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ, крестьянинъ Забрамскій упоминаетъ, между прочимъ, о Яроцкомъ, который, какъ онъ слышалъ, состоялъ учителемъ въ одномъ изъ народныхъ училищъ Кіевской губерніи и былъ знакомъ съ высланнымъ изъ Кіева Житецкимъ, о которомъ упомянуто выше, и другими революціонными дѣятелями.

Загайдачный, въ отношеніи котораго Богославскій, только одинъ о немъ упоминающій, никакихъ подробностей не сообщаетъ, исключая общаго указанія на его преступную дѣятельность въ кружкѣ «молодежи». Богаевскій, по словамъ Богославскаго, земскій врачъ, также принадлежалъ къ партіи украинофиловъ и занимался пропагандой еще

въ то время, когда состоялъ врачемъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, но впослѣдствіи, по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отрѣшился, будто бы, отъ преступной дѣятельности.

Шеболдаевъ, Лёнька, служитъ нынѣ, по слухамъ, земскимъ врачемъ въ Черниговской губерніи.

Покрамовичъ, Викторъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, еще въ 1875 г., къ партіи кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ и считался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка; онъ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ за Днѣпромъ въ 1875 г. и давалъ книги революціоннаго содержанія рабочимъ Лобанчуку (онъ же Гудзь) и Амвросію Трюшковскому, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ. Уѣзжая время отъ времени изъ Кіева на родину, въ Полтавскую губернію, Покрамовичъ, по словамъ Богославскаго, постоянно бралъ съ собою большой запасъ запрещенныхъ книгъ. Въ концѣ 1878 г. онъ жилъ вмѣстѣ съ Федоромъ Виниченко на Подвальной улицѣ, гдѣ принималъ участіе въ революціонныхъ сходкахъ, бывшихъ на ихъ квартирѣ. На эти сходки собирались представители разныхъ партій. Гдѣ находится Покрамовичъ въ настоящее время, Богославскій не знаетъ.

Кривуша, Викторъ, принадлежалъ въ 1876 г. къ партіи радикаловъ, будучи еще студентомъ кіевскаго университета; принималъ по словамъ Богославскаго, участіе въ сходкахъ, бывшихъ за Днѣпромъ въ 1875 г., находился въ близкихъ отношеніяхъ съ руководителемъ партіи «старыхъ громадянъ» Волковымъ, равно съ Федоромъ Виниченко; впослѣдствіи же уѣхалъ въ Петербургъ и примкнулъ къ партіи террористовъ, сдѣлавшись нелегальнымъ. Ксендзюкъ, Кириллъ, принималъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, дѣятельное участіе въ собраніяхъ «кошей» и «куреней», а затѣмъ уѣхалъ изъ Кіева для распространенія пропаганды между крестьянами.

Когутовъ, Федоръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, первоначально, по словамъ Богославскаго, принадлежалъ къ партіи кіевскихъ радикаловъ, въ 1876 и 1877 гг. принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи пропаганды въ Кіевѣ какъ между рабочими, преимущественно желѣзнодорожными, такъ и между интеллигенціей, а послѣ того участвовалъ въ сходкахъ клуба молодежи, причемъ на сходкѣ по поводу подачи адреса, о которомъ сказано будетъ ниже, былъ однимъ изъ руководителей, тѣмъ не менѣе рѣчи его отличались умѣренностью. О немъ упоминаетъ отчасти также и Веледницкій. Въ 1878 г. Когутовъ высланъ административно за мартовскіе безпорядки въ университетѣ и неповиновеніе университетскимъ властямъ, и находится на жительствѣ въ Холмогорахъ, Архангельской губерніи, вмѣстѣ съ семьей. По словамъ Гольденберга, Когутовъ развитой человѣкъ и по убѣжденіямъ своимъ пропагандистъ-украинофилъ.

Корчакъ-Чепурковскій, Аксентій, студентъ Кіевскаго университета, также, по показанію Богославскаго, принадлежалъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ и участвовалъ какъ въ ихъ собраніяхъ, такъ и на студенческихъ сходкахъ, бывшихъ въ концѣ 1877 г. и въ началѣ 1878 г., на которыхъ, кромѣ вопроса о подачѣ адреса, обсуждались и чисто революціонные вопросы, какъ то: объ устройствѣ революціон-

ной ассоціаціи изъ рабочихъ и студентовъ, о кассѣ на революціонное дѣло и проч. По указанію Богославскаго, Чепурковскій высланъ въ послѣднее время административнымъ порядкомъ на мѣсто родины въ Полтавскую губернію.

Лопатинъ, Николай, тоже студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, до 1877 г. къ партіи Кіевскихъ радикаловъ и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ по распространенію книгъ революціоннаго содержанія, а послѣ того примкнулъ къ партіи кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, находясь въ сношеніяхъ съ наиболѣе вліятельными членами какъ этой партіи, такъ и сообщества «старой громады». Въ 1878 г. онъ былъ высланъ за участіе въ мартовской исторіи студентовъ Кіевскаго университета.

Денисенко, студентъ Кіевскаго университета, принадлежалъ къ партіи украинофиловъ къ кружку извѣстнаго по революціонной дѣятельности Родіона Житецкаго и завѣдывалъ переплетной мастерской, существовавшей въ 1877 г., съ преступною цѣлью, на углу Афанасьевской и Подвальной улицъ, гдѣ хранился въ большомъ количествѣ типографскій шрифтъ.

Скедонъ, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся «Кузькой» или «Козявкой», принадлежалъ въ 1877 г., по словамъ Богославскаго, къ наиболѣе дѣятельнымъ членамъ партіи «Кіевской молодежи» и постоянно имѣлъ у себя большой запасъ революціонныхъ книгъ, въ числѣ коихъ Богославскій называетъ считавшееся особенно цѣннымъ въ революціонной средѣ, сочиненіе Бакунина «Государственность и анархія».

Сондеръ, Павелъ, студентъ Кіевскаго университета, принималъ, по словамъ Богославскаго, выдающееся участіе въ дѣятельность партіи украинофиловъ и находился въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Драгневичемъ, въ отсутствіи котораго завѣдывалъ какъ общественными деньгами и революціонными книгами, такъ и вообще революціонными дѣлами молодыхъ украинофиловъ(43).

Крестинская, Александра, еще въ 1876 г., по словамъ Богославскаго, принадлежала къ партіи молодыхъ украинофиловъ и считалась въ этой средѣ одною изъ самыхъ дѣятельныхъ. Она занималась преимущественно распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія между крестьянами той деревни, гдѣ она была учительницей въ концѣ 1876 года. Пріѣзжая въ Кіевъ, она постоянно останавливалась въ квартирѣ Волкова, а впослѣдствіи на квартирѣ «черноморцевъ», о которыхъ упомянуто выше. Въ началѣ 1878 года она посѣщала студенческія сходки бывшія на Большой Васильковской улицѣ; но въ то время она уже больше раздѣляла мнѣніе бунтарей-народниковъ, чѣмъ мнѣніе украинофиловъ и по дошедшимъ до Богославскаго слухамъ, отдѣлилась совершенно отъ этой партіи.

Охре́менко, Вѣра, слушательница Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, по показанію Богославскаго, принадлежала сначала, именно въ 1876 г., къ партіи народниковъ-бунтарей, представителемъ которой, по словамъ Богославскаго, былъ Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ, затѣмъ пристала къ партіи радикаловъ и, наконецъ, въ концѣ 1878 г. и началѣ 1879 г. принадлежала къ революціонному кружку молодыхъ

украинофиловъ, собственно къ той части этого кружка, собранія которой назывались «цвѣтникомъ». Въ чемъ состояла революціонная дѣятельность этого цвѣтника, или точнѣе: чѣмъ отличалась дѣятельность его отъ дѣятельности собраній того же кружка молодежи, называвшихся «кошами» и «куренями», Богославскій не знаетъ, но заключаетъ изъ разсказовъ упомянутаго выше Зубковскаго, что въ собраніяхъ «цвѣтника» принимали участіе молодые украинофилы, преимущественно съ крайними революціонными убѣжденіями. Охременко, по словамъ Богославскаго, въ началѣ 1878 г. часто посѣщала квартиру упомянутаго выше Волкова, въ домѣ Парафіевскаго, по Владимірской улицѣ, и поддерживала сношеніе съ лицами, принадлежавшими къ партіи бунтарей-народниковъ и, между прочимъ съ представителемъ этой партіи Владиміромъ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ.

Юрьевъ, Капитонъ, окончившій въ 1876 г. курсъ Кіевскаго университета, имѣлъ по словамъ Богославскаго, весьма важное значеніе въ средѣ молодыхъ украинофиловъ, причемъ, по иниціативѣ его устроены были въ Кіевѣ собранія «кошей» и «куреней»; находился также въ близкихъ сношеніяхъ съ старыми «громадянами», въ особенности съ Беренштамомъ, о которомъ упомянуто уже выше. Кромѣ сего, Богославскій встрѣтилъ Юрьева въ томъ же 1876 году въ квартирѣ «черноморцевъ», помѣщавшейся, какъ уже сказано раньше въ домѣ Домбровскаго, по Жилянской улицѣ, на сходкѣ студентовъ, бывшей по поводу устройства стипендіи въ честь профессора Драгоманова. При этомъ партія радикаловъ, въ лицѣ ораторовъ, названныхъ выше, Лопатина и Зубковскаго, а также Надеждина и Бать, о которомъ сказано будетъ ниже, настаивала, чтобы собранныя на стипендію деньги были употреблены прямо на какое-нибудь революціонное дѣло, напримѣръ, на устройство ассоціаціи или же на помощь пострадавшимъ революціонерамъ; но партія украинофиловъ, въ лицѣ своихъ ораторовъ Юрьева и Подолинскаго, доказывала, что на устройство стипендіи нужно смотрѣть тоже какъ на революціонное дѣло потому, что съ одной стороны, стипендія увѣковѣчитъ память о Драгомановѣ, а съ другой отъ воли жертвователей будетъ зависѣть сдѣлать стипендіатомъ лицо, уже служащее революціонному дѣлу. Въ чемъ выразилась послѣдующая революціонная дѣятельность Юрьева, Богославскій не объясняетъ, но дополняетъ приведенныя о немъ свѣдѣнія тѣмъ, что по убѣжденіямъ Юрьевъ остался революціонеромъ и послѣ поступленія его на службу врачемъ сначала въ Кобелякахъ, Полтавской губерніи, а засимъ и въ самой Полтавѣ.

Ткаченко, Остапъ, по словамъ Богославскаго, былъ опредѣленъ на средства кружка «старыхъ громадянъ» въ кіевскую гимназію, но изъ 6 класса вышелъ и былъ посланъ тѣмъ же кружкомъ въ 1874 и 1875 годахъ для пропаганды на лѣвый берегъ Днѣпра въ Переяславскій уѣздъ, съ каковою цѣлью онъ былъ снабженъ деньгами и книгами революціоннаго содержанія. Послѣ того, Ткаченко поступилъ въ качествѣ служащаго на вокзалѣ въ Здолбуновѣ; а изъ показанія Веледницкаго видно, что Ткаченко одно время занимался письмоводствомъ въ кіевскомъ отдѣленіи Русскаго техническаго общества, на каковую должность поступилъ по рекомендаціи упомянутаго выше

Павла Чубинскаго. Наконецъ, Веледницкій еще указываетъ въ одномъ мѣстѣ своего показанія, что однажды встрѣтилъ Ткаченко въ квартирѣ Волкова, гдѣ послѣдній въ его присутствіи разсказывалъ объ успѣшной пропагандѣ своей между крестьянами и фабричными рабочими. Басовъ, Иванъ Ивановъ бывшій студентъ Технологическаго Института, жилъ, по словамъ Гольденберга до 1878 г. включительно въ Кіевѣ, затѣмъ въ 1879 г. былъ въ Одессѣ, откуда уѣхалъ заграницу, скрываясь отъ преслѣдованія. Онъ былъ по убѣжденіямъ «пропагандистъ» и большой почитатель «штунды», вслѣдствіе чего въ 1878 г. онъ долгое время провелъ среди штундистовъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. По показанію Веледницкаго, Басовъ былъ женатъ на Дмоховской, сестрѣ сосланнаго на каторжныя работы Дмоховскаго, судившагося по политическому дѣлу «Плотникова, Папина и Дмоховскаго», которая жила въ Москвѣ; самъ же Басовъ, до пріѣзда его въ Кіевъ, жилъ въ Сухумъ-Кале, а потомъ въ Одессѣ, гдѣ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, пользуясь матеріальною помощью тамошняго учителя Маврогона, о которомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется и принадлежитъ ли онъ также къ революціонной средѣ—Веледницкій не объясняетъ. Въ Одессѣ Басовъ познакомился съ извѣстными въ революціонной средѣ Попко, осужденнымъ приговоромъ Одесскаго военно-окружнаго суда 6-го августа 1879 г. въ каторжныя работы, и Фоминымъ (онъ-же князь), настоящія имя и фамилія котораго Алексѣй Медвѣдевъ, привлекавшимся къ дѣлу объ освобожденіи изъ тюрьмы политическаго преступника Войнаральскаго и сосланнымъ, по судебному приговору въ Харьковѣ, также въ каторжныя работы. Затѣмъ, изъ прежняго знакомства Басова Веледницкому извѣстенъ еще Цвѣленевъ, по всей вѣроятности, то самое лицо, которое привлекалось къ дознаніямъ о пропагандѣ въ 1874—1875 гг. и впослѣдствіи, по словамъ Веледницкаго, отрѣшилось отъ преступныхъ заблужденій. Что касается характеристики Басова, то, по отзыву Веледницкаго, онъ произвелъ на него первоначально впечатлѣніе человѣка науки и чуждаго непріязни къ правительству. Такимъ казался Басовъ и по его дѣйствіямъ. Такъ у него, по словамъ Веледницкаго, созрѣлъ планъ устройства изъ хорошихъ, неиспорченныхъ рабочихъ мастерской на артельныхъ началахъ и при ней школы, которая, давая систематическое знаніе, поддерживала бы въ рабочихъ духъ взаимопомощи. Мастерская и школа, по плану Басова должны были находиться подъ руководствомъ человѣка, безусловно нравственнаго и чуждаго ученій соціализма, притомъ предполагалось дать средства лишь на первоначальное устройство означенныхъ заведеній, послѣ чего рабочіе будутъ сами, собственнымъ трудомъ поддерживать себя и школу. Къ осуществленію этой мысли, присоединились, по словамъ Веледницкаго, кромѣ его самого и Басова, Богославскій, Лобанчукъ, Иванъ Ивичевичъ, Зубжицкій, Трюшковскій и другіе изъ числа упомянутыхъ выше рабочихъ, причемъ, въ предупрежденіе возможности вторженія въ это предпріятіе соціальныхъ тенденцій, было строго установлено не допускать къ этому дѣлу никого изъ интеллигентныхъ лицъ, сохранивъ таковое въ совершенной тайнѣ. Но дѣлу этому не суждено было осуществиться; оно разбилось, по словамъ Веледницкаго, отчасти о не-

согласіе участниковъ и безнравственность рабочихъ, заявившихъ крайнее непониманіе ими собственной пользы. Это было въ маѣ 1877 года когда Басовъ получивъ, черезъ посредство. Михаила Драгневича и профессора Антоновича, мѣсто гувернера у московскихъ аристократовъ Львовыхъ, о которыхъ уже упоминалось выше, съ жалованьемъ по 150 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ ними изъ Кіева. Вскорѣ, однако, Басовъ возвратился въ Кіевъ съ полученными отъ Львовой на дѣло устройства мастерской со школой 700 или 900 руб., данными ею какъ бы въ награду за службу Басова, и снова принялся за осуществленіе задуманнаго предпріятія. Съ этою цѣлью Басовъ сталъ тайно собирать въ квартиру Веледницкаго рабочихъ, которыхъ послѣдній до этого никогда не видѣлъ; между ними были: какой-то Семенъ, Василій, а также Кейзеръ, о которомъ упоминалось выше. Такъ какъ для устройства мастерской и школы Басовъ предполагалъ купить землю, то двое изъ рабочихъ предложили купить принадлежащія имъ земли, для осмотра коихъ ѣздилъ Богославскій, но предложенія рабочихъ, получившихъ отъ Басова по 20 руб. каждый оказались надувательствомъ. Въ виду такихъ неудачъ, Басовъ рѣшился отправиться, для осуществленія своихъ плановъ, къ штундистамъ, въ Екатеринославскій уѣздъ, взявъ съ собою Гаевскаго (онъ же Трипольскій), о которомъ упоминалось раньше, такъ какъ Гаевскій, по словамъ Веледницкаго, проживая до этого нѣсколько разъ среди штундистовъ, успѣлъ войти въ ихъ довѣріе. Однако, и это предпріятіе не имѣло успѣха, несмотря на то, что Басовъ, по словамъ Веледницкаго, былъ принятъ штундистами противъ ожиданія хорошо, такъ какъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе полиціи и былъ арестованъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ. Въ то же время Лобанчукъ (онъ же Гудзь), которому Басовъ, предъ отъѣздомъ своимъ къ штундистамъ, оставилъ чековую книжку на положенныя въ Кіевскій частный банкъ деньги, полученныя имъ отъ Львовой, узнавъ объ арестѣ Басова, воспользовался этими деньгами и затѣмъ скрылся изъ Кіева въ Херсонъ.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда къ штундистамъ, Басовъ свелъ знакомство съ лицами, принадлежащими къ революціонной партіи, въ числѣ коихъ Веледницкій называетъ помѣщика украинофила Яновскаго, о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ уже было указано, выше, профессора Мищенко и студентовъ Рейдера и Беккера. Цѣлью этого знакомства было, по словамъ Веледницкаго, намѣреніе Басова добиться займа или пожертвованія денегъ на задуманное имъ устройство мастерской и школы, но Басовъ цѣли не достигъ и даже возбудилъ противъ себя нападки украинофиловъ за благонамѣренный образъ дѣйствій, клонящійся къ развращенію молодежи и рабочихъ въ смыслѣ отвлеченія ихъ отъ соціализма. Засимъ, когда въ іюлѣ 1878 г. Басовъ, будучи освобожденъ изъ-подъ стражи по бездоказательности возведеннаго противъ него обвиненія, возвратился въ Кіевъ, прежнія воззрѣнія его на революціонное дѣло, по словамъ Веледницкаго, измѣнились: Басовъ сталъ, повидимому, склоняться въ сторону соціалистовъ-революціонеровъ, а впослѣдствіи вступилъ на путь преступленій, фигурируя во главѣ дѣла о покушеніи на ограбленіе почты и денежнаго ящика. Богославскій, въ своемъ показаніи, отчасти

подтверждаетъ изложенныя въ отношеніи Басова указанія Веледницкаго. Засимъ матросъ Ключниковъ указываетъ на Басова какъ на лицо, проживавшее въ Кіевѣ на той самой квартирѣ, гдѣ возникла мысль объ освобожденіи изъ-подъ ареста упомянутаго выше Фомина (онъ же Медвѣдевъ), содержавшагося въ то время подъ стражею въ харьковской тюрьмѣ. По этому поводу Ключниковъ указываетъ, что въ означенной квартирѣ, которая помѣщалась въ одномъ изъ домовъ Большой Житомірской улицы, жили кромѣ Басова, Владиміръ Свириденко, задержанный при вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ и впослѣдствіи повѣшенный по приговору Кіевскаго военно-окружнаго суда подъ именемъ Антонова; затѣмъ жена его съ какимъ то гимназистомъ; далѣе Рафаилъ, личность невыясненная, участвовавшая, по словамъ Богославскаго, въ дѣлѣ по убійству въ Ростовѣ, и Павлюкъ, оказавшійся, по предъявленнымъ Ключникову фотографическимъ карточкамъ, извѣстнымъ революціоннымъ дѣятелемъ Павломъ Орловымъ. Относительно Рафаила, Ключниковъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, характеризующія эту личность и отчасти наводящія на слѣдъ къ обнаруженію мѣста его пребыванія; по его словамъ, Рафаилъ средняго роста, темнорусый, худощавый, по происхожденію еврей, въ концѣ октября 1877 года выѣхалъ изъ Кіева въ Одессу для исполненія воинской повинности, такъ какъ состоялъ въ то время на очереди. Что касается Павла Орлова, то личность эту подробно характеризуетъ Гольденбергъ. По словамъ послѣдняго, Орловъ, сынъ мелкаго чиновника, судился про процессу 193-хъ (33) и затѣмъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Холмогоры, Архангельской губерніи. Бѣжавъ оттуда, вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Орловъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ оставался до 11 февраля 1879 г. когда былъ снова арестованъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи и осужденъ въ каторжныя работы. Гольденбергъ представляетъ Орлова весьма способнымъ человѣкомъ, который, несмотря на то что не былъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи, пріобрѣлъ, во время содержанія въ тюрьмѣ, большія познанія, изучивъ даже нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Засимъ, на той-же квартирѣ ночевали иногда Никита Левченко, извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки» и содержащійся нынѣ въ Одессѣ, о видной дѣятельности котораго въ этой средѣ будетъ подробно изложено ниже, и Костецкій Болеславъ, австрійскій подданный, сынъ портного въ Кіевѣ, бывшій студентъ кіевскаго университета, исключенный изъ онаго за участіе въ мартовскихъ безпорядкахъ между студентами, а въ 1878 г. привлекавшійся въ Кіевѣ къ дѣлу о распространеніи преступной пропаганды и высланный затѣмъ административнымъ порядкомъ. По словамъ Гольденберга, Костецкій принадлежитъ къ фракціи «террористовъ», но прямаго участія ни въ одномъ изъ преступленій не принималъ. Объ немъ-же упоминаетъ въ своемъ показаніи и крестьянинъ Леонтій Забрамскій, какъ о лицѣ, находившемся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ революціоннымъ кружкомъ въ Кіевѣ, къ которому примыкалъ Забрамскій и который составляетъ въ настоящее время предметъ особаго дознанія въ Кіевѣ. Наконецъ квартиру, о которой идетъ рѣчь, часто посѣщали: Игнатій Ивичевичъ, умершій впо-

слѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ во время вооруженнаго сопротивленія, 11 февраля 1879 г.; Николай Колодкевичъ, о которомъ уже упоминалось раньше; Павелъ, помѣщикъ, признанный Ключниковымъ по фотографическимъ карточкамъ за революціоннаго дѣятеля Іосифа Зелинскаго; затѣмъ мѣщанинъ Иванъ Савенко, извѣстный въ революціонной средѣ подъ прозвищемъ «Секретарь» и высланный въ 1879 г. административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; Петръ Волкъ, извѣстный по преступной дѣятельности Волошенко, осужденный въ каторжныя работы; Сергѣй Наддачинъ, извѣстный Ключникову подъ названіемъ столяра Сергѣя, высланный изъ Кіева въ Восточную Сибирь по административному распоряженію, американецъ, сапожникъ, личность неизвѣстная (высокій, здоровый, брюнетъ, съ небольшими стриженными усами), которая по словамъ Ключникова, работала въ мастерской, содержимой на средства украинофиловъ, на Владимірской улицѣ, противъ театра; Екатерина, Графиня, личность невыясненная; наконецъ, Марія Ковалевская, упомянутая выше, извѣстная Ключникову подъ именемъ «Маруси». Всѣ эти лица постоянно имѣли при себѣ, за исключеніемъ Басова, заряженные револьверы, необходимые для сопротивленія на случай обыска въ означенной квартирѣ или ареста, а ложась спать, клали таковые подъ голову. Большая часть ихъ была посвящена болѣе или менѣе въ планъ покушенія на освобожденіе Фомина, причемъ заказомъ жандармскихъ мундировъ и вообще всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Свириденко, но кто именно участвовалъ въ самомъ покушеніи на освобожденіе Фомина—Ключниковъ не объясняетъ. Засимъ, послѣ отъѣзда Свириденко, въ октябрѣ 1878 г., для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана, Басовъ изъ означенной квартиры уѣхалъ, по словамъ Ключникова, въ Одессу. Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми изъ сознавшихся лицъ о дѣятельности Басова.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ дѣятельности украинофиловъ-соціалистовъ принимали, по показанію Богославскаго, болѣе или менѣе близкое участіе слѣдующія лица:

Бѣлинскій, студентъ Кіевскаго университета, который участвовалъ въ 1878 году въ собраніяхъ молодыхъ украинофиловъ «коша» и скрывалъ у себя, по словамъ Богославскаго, дворянина Леонида Антонова Дическулло, розыскиваемаго по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, бывшемъ 11 февраля 1879 г. Изъ имѣющихся свѣдѣній, а равно изъ показанія Гольденберга видно, что Дическулло привлекался къ процессу 193-хъ и былъ судомъ оправданъ, послѣ чего, желая избѣгнуть административной высылки, сталъ проживать подъ чужою фамиліею, т. е. сдѣлался нелегальнымъ. Находясь большею частью въ Кіевѣ и участвуя до 1878 г. въ дѣятельности соціально-революціонной партіи, Дическулло принадлежалъ къ фракціи «пропагандистовъ»; но съ развитіемъ террористической системы сталъ сочувственно относиться къ послѣдней. Засимъ, участвуя въ вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, Дическулло, проживавшій въ то время въ квартирѣ той самой слушательницы женскихъ курсовъ, Бабичевой, которая, по словамъ Гольденберга, выдала всѣхъ арестованныхъ въ домѣ Коссаровской, на Паньковской улицѣ, успѣлъ

скрыться, благодаря лишь своей находчивости. Послѣ этого онъ еще нѣкоторое время пробылъ въ Кіевѣ, а затѣмъ уѣхалъ заграницу, гдѣ, по словамъ Гольденберга, находится и по настоящее время; жена же его живетъ въ Симферополѣ.

Зенченко, Федоръ Ефимовъ, о которомъ уже отчасти упоминалось выше, происходитъ изъ мѣщанъ г. Новозыбкова, Черниговской губерніи, былъ народнымъ учителемъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, а въ настоящее время оказывается причастнымъ къ дѣлу о противозаконномъ сообществѣ, производящемуся въ Кіевѣ. Изъ показанія Гольденберга видно, что Зенченко былъ также народнымъ учителемъ въ Волынской губерніи, а въ 1879 г. онъ арендовалъ у помѣщицы Лисевичъ имѣніе ея, подъ названіемъ «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, съ цѣлью познакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ и работой, а впослѣдствіи поселиться въ деревнѣ для пропаганды среди крестьянъ. Съ тою-же цѣлью проживали у него, по словамъ Гольденберга, Иванъ и Владиміръ Драгневичи, о революціонной дѣятельности которыхъ уже сказано выше, жена Зенченко, урожденная Смирницкая, которая была выслана на жительство въ Вологодскую губернію за участіе въ сооруженіи памятника на могилѣ умершаго отъ ранъ политическаго преступника Ивичевича, но изъ ссылки скрылась и до настоящаго времени не розыскана, и бывшій студентъ Кіевскаго университета Павелъ Ивановъ, объ отношеніи котораго къ революціонному дѣлу ничего неизвѣстно. По характеристикѣ Зенченко, сдѣланной Гольденбергомъ, можно заключить, что онъ развитой и умный человѣкъ и хотя примкнулъ къ террористической фракціи, но по убѣжденіямъ не признаетъ террора за средство къ достиженію политической свободы. Точно такъ же и жена Зенченко, состоявшая въ 1878 г. въ Кіевѣ преподавательницею въ пріютѣ для дѣтей рабочаго сословія, была, по словамъ Гольденберга, по убѣжденію пропагандистка. Въ ноябрѣ 1879 г. Гольденбергъ встрѣтилъ Зенченко въ Москвѣ, гдѣ онъ проживалъ вмѣстѣ съ женою въ Кокоревской гостиницѣ, но о готовящемся покушеніи 19 ноября ни онъ, ни она, по словамъ Гольденберга, ничего не знали. Богославскій указываетъ на Зенченко, какъ на лицо, перевозившее въ Кіевъ изъ заграницы книги революціоннаго содержанія и снабжавшее революціонныхъ дѣятелей паспортными бланками.

Кривицкій, Николай, на котораго Богославскій указываетъ какъ на одно изъ лицъ, получавшихъ отъ приведеннаго выше Федора Зенченко паспортныя бланки, принадлежалъ, будучи учителемъ въ Миргородѣ, къ партіи «травоядныхъ», существующей на Кавказѣ, распространяя пропаганду по программѣ этой партіи: но затѣмъ въ 1875 г., поступивъ въ число студентовъ Кіевскаго университета, присталъ къ партіи кіевскихъ радикаловъ. Въ 1878 г. Кривицкій нанялъ, по словамъ Богославскаго, домъ на Б. Васильковской улицѣ, гдѣ проживали разныя нелегальныя лица, какъ-то: Зубжицкій, Галушкинъ и др., и хранились запрещенныя книги, разные бланки и печати для фальшивыхъ документовъ, а послѣ того открылъ столовую въ одномъ изъ домовъ Жандармской улицы (43), гдѣ обѣдали большею частью нелегальныя лица. Кривицкій былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ

названіемъ «генерала». Одно время онъ заправлялъ, по словамъ Богославскаго, кассой, предназначенной для административно-ссыльныхъ, но будучи замѣченъ въ растратѣ, былъ отстраненъ отъ завѣдыванія ею.

Дымскій, Левъ, принадлежалъ, по словамъ Богославскаго, съ 1874 года къ полтавскому революціонному кружку гимназистовъ, затѣмъ, по пріѣздѣ въ Кіевъ и поступленіи въ университетъ св. Владиміра, присталъ къ партіи радикаловъ, но почему-то въ 1877 г. былъ выключенъ изъ ихъ кружка и присоединился къ кружку Кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ.

Грибенюкъ, Ефимъ, какъ показываетъ Богославскій, былъ по убѣжденіямъ революціонеръ, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Кривицкимъ и, подобно ему, держалъ въ Кіевѣ въ концѣ 1878 г. свою столовую, сперва въ домѣ Вереденко, по Б. Васильковской, а потомъ на углу этой и Елисаветинской улицъ, въ которой обѣдали одни революціонеры разныхъ партій, для нелегальныхъ же изъ террористической партіи была особенная комната, гдѣ лица этой партіи скрывались по неимѣнію документовъ, какъ, напримѣръ, Янъ Зубжицкій, извѣстный революціонный дѣятель Кацъ, о которомъ сказано будетъ ниже, а иногда и Зубковскій(43).

Музурмовичъ, Петръ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, находился, по словамъ Богославскаго, въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ выше Колодкевичемъ и Чепуринымъ, тѣмъ не менѣе онъ не принадлежалъ къ ихъ партіи, а имѣлъ свой особый кружокъ, къ которому принадлежалъ, между прочимъ въ 1877 г. и Константинъ Михайлевичъ, о дѣятельности котораго въ революціонной средѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется. По тѣмъ же даннымъ, Музурмовичъ имѣлъ у себя большое количество книгъ революціоннаго содержанія, которыя онъ распространялъ между кіевскими рабочими. Изъ революціонныхъ дѣятелей Музурмовичъ, по словамъ Богославскаго, былъ болѣе близокъ къ Драгневичамъ и Лобанчуку (онъ же Гудзь); кромѣ того, онъ часто бывалъ въ ассоціаціи Бровацкаго, въ Кіевѣ, по Большой Владимірской улицѣ (44).

Бать, окончившій курсъ Кіевскаго университета въ 1875 г., какъ изъ показанія Богославскаго видно, былъ по убѣжденіямъ радикалъ, но участвовалъ также и въ дѣятельности украинофиловъ и былъ знакомъ съ Лопатинымъ, Колодкевичемъ, Зубковскимъ и другими революціонными дѣятелями.

Федоровскій Андрей и Федоровскій Михаилъ также принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ партіи кіевскихъ молодыхъ украинофиловъ, причемъ послѣдній, будучи библіотекаремъ студенческой библіотеки, хранилъ въ библіотекѣ революціонныя книги, а въ послѣднее время былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ.

Лаврентьевъ, Василій, студентъ Кіевскаго университета, извѣстенъ Богославскому, со словъ Афанасія Зубковскаго тѣмъ, что послѣ высылки руководителей студентовъ въ мартовской исторіи, каковыми были, между прочимъ: Чепуринъ, Ювенальевъ и Иванъ Панькѣевъ, онъ, Лаврентьевъ, занялъ ихъ мѣсто и собиралъ деньги на разныя революціонныя предпріятія; что же касается упомянутаго Панькѣева, который былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ, а въ настоящее время привлеченъ къ производящемуся въ Кіевѣ дѣлу о преступ-

номъ сообществѣ, то онъ, по словамъ Богославскаго, находясь еще въ университетѣ, уже принадлежалъ къ партіи террористовъ и въ концѣ 1877 г. перевозилъ, будто бы, въ Кіевѣ пироксилинъ изъ гостинницы Бергонье.

Старынкевичъ, Иванъ, бывшій студентъ Кіевскаго университета, прозывавшійся въ революціонной средѣ «Владыкой», по словамъ Богославскаго, былъ по убѣжденію революціонеръ и находился въ очень близкихъ отношеніяхъ съ руководителями украинофиловъ Драгневичами, у которыхъ нерѣдко въ 1877 г. бывалъ на сходкахъ: участвовалъ также въ собраніяхъ клуба молодыхъ украинофиловъ въ столкновеніи съ кіевскою полиціею передъ театромъ въ концѣ 1877 г., гдѣ и былъ раненъ въ голову рукояткой шашки (45).

Исковъ Иванъ и Исковъ Александръ, студенты Кіевскаго университета, принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ партіи кіевскихъ радикаловъ, причемъ послѣдній часто посѣщалъ въ 1876 г. руководителя старыхъ громадянъ Волкова, а затѣмъ оба бывали въ началѣ 1878 г. въ студенческой столовой, гдѣ происходили сходки.

Куклярскій Тимофей, Свѣтухинъ Михаилъ, Демченко Иванъ, Туробольскій и Николай, фамиліи котораго Богославскій не помнитъ, всѣ студенты Кіевскаго университета, также принадлежали, по словамъ Богославскаго, къ кружку молодыхъ украинофиловъ. Изъ нихъ Свѣтухинъ, по указанію Богославскаго, въ настоящее время отбываетъ воинскую повинность.

Изъ числа женщинъ, вращавшихся въ кіевскомъ революціонномъ сообществѣ, Богославскій показываетъ:

Натанзонъ, Елизавету, которая, какъ объясняетъ Богославскій, по всей вѣроятности, принадлежала къ партіи террористовъ. Предположеніе свое Богославскій объясняетъ тѣмъ, что когда въ началѣ 1879 г., вскорѣ послѣ вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ, пріѣхалъ туда упомянутый выше студентъ Панькѣевъ, то послѣдній, предложивъ Богославскому при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ бросить уроки и спеціально заняться, за извѣстное отъ него, Панькѣева, вознагражденіе, революціоннымъ дѣломъ, между прочимъ, просилъ найти человѣка, который бы вырѣзалъ находившуюся у него печать и при этомъ указалъ на квартиру Натанзонъ, въ одномъ изъ домовъ на углу Подвальной и Афанасьевской улицъ, куда слѣдуетъ доставить изготовленную печать. Кромѣ того, по словамъ Богославскаго, въ квартирѣ Натанзонъ скрывался въ послѣднихъ числахъ февраля 1879 г. бѣжавшій изъ Одессы солдатъ, котораго Панькѣевъ привезъ въ Кіевъ.

Косачъ, Елену, слушательницу курса повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра, которая была учительницей въ Кіевскомъ дѣтскомъ пріютѣ и въ 1876 г. принадлежала, по словамъ Богославскаго, къ партіи такъ называемыхъ «бунтарей», представителемъ которой въ Кіевѣ былъ Владиміръ Дебогорій-Мокріевичъ, считавшій ее, по словамъ Богославскаго, за одну изъ дѣятельныхъ женщинъ этого кружка. Гольденбергъ, въ показаніи своемъ, отзывается о Косачъ какъ о весьма развитой, серьезной и энергичной личности; онъ зналъ ее по Кіеву въ томъ же 1876 году, а въ мартѣ 1879 г. встрѣтилъ въ С. Петербургѣ, гдѣ она слушала въ то время курсы повивальнаго искусства. Въ томъ же году Косачъ была выслана адми-

нистративнымъ порядкомъ въ г. Пудожъ, Олонецкой губерніи. Засимъ со словъ содержащагося въ Одессѣ евпаторійскаго мѣщанина Никиты Левченко, извѣстнаго въ революціонной средѣ подъ именемъ «Никитки», Курицинъ между причимъ указываетъ на дѣятельность Елены Косачъ въ Кіевѣ, гдѣ она содержала коммунистическую квартиру для нелегальныхъ партій Дебогорія-Мокріевича, въ которой скрывался дворянинъ Сергѣй Чубаровъ, казненный 10 августа 1879 г. по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, по обвиненію въ организаціи революціоннаго сообщества въ Одессѣ.

Екатерину Сарандовичъ и Дунину, слушательницъ курсовъ повивальнаго искусства при университетѣ св. Владиміра, изъ коихъ первая, по словамъ Богославскаго, находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивичевичемъ, умершимъ впослѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ во время вооруженнаго сопротивленія въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г., а послѣдняя, занимающаяся теперь акушерской практикой, принадлежала въ 1878 г. къ числу обычныхъ посѣтителей квартиры руководителя старыхъ украинофиловъ Волкова.

Житецкую, Александру, по убѣжденіямъ украинофилку, Троцкую, Наталію, и Яцевичъ, Юлію, слушательницъ Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, лишь намѣченныхъ въ показаніи Богославскаго, безъ указанія на свойство ихъ дѣятельности въ революціонной средѣ.

Щетинскую, Елизавету, урожденную Фенъ, также слушательницу Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, которая, по словамъ Богославскаго, жила въ 1876 году въ квартирѣ революціонера Волкова и по убѣжденіямъ была украинофилка; впослѣдствіи же, именно въ концѣ 1878 и въ началѣ 1879 г., находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Зубковскимъ и другими дѣятелями партіи народниковъ-бунтарей. Въ 1878 г. познакомился съ ней и Гольденбергъ, который считаетъ ее принадлежащею къ партіи молодыхъ украинофиловъ. Изъ показанія Гольденберга видно, что въ маѣ 1879 г. Щетинская была въ Черниговѣ.

Баковецкую, принадлежавшую, по словамъ Богославскаго, къ кіевскому революціонному обществу молодыхъ, которая, постоянно живя въ деревнѣ Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, съ Варварой Ильяшенковою, высланною административнымъ порядкомъ, за участіе въ революціонной манифестаціи у Казанскаго собора,—часто пріѣзжала въ Кіевъ, останавливаясь обыкновенно въ квартирѣ Волкова.

Изъ числа военныхъ, принадлежащихъ къ кіевскому преступному сообществу, Богославскій указываетъ, между прочимъ, на офицера, по фамиліи Глѣбова, бывшаго на сходкахъ кіевской молодежи и посѣщавшаго въ 1878 г. студенческую библіотеку на Жандармской улицѣ, гдѣ Богославскій встрѣчалъ его въ обществѣ революціонеровъ, какъ-то: Волкова, Яроцкаго, Зубжицкаго и другихъ. Офицеръ этотъ, по словамъ Богославскаго, носилъ желтые погоны и участвовалъ въ Сербской кампаніи; онъ проживалъ въ послѣднее время въ Каневѣ, Кіевской губерніи, имѣетъ имѣніе въ Подольской губерніи, а сестра его Марія живетъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, Богославскій удостовѣряетъ, что Глѣбовъ участвовалъ въ началѣ 1878 г. въ революціонной демонстраціи въ Кіевѣ, выразившейся въ процессіи по городу рабочихъ, студентовъ и разныхъ лицъ изъ революціонной среды съ крестомъ

для могилы умершаго кіевскаго гимназиста Беллюстина, который, ради цѣлей пропаганды, пошелъ въ простые рабочіе, причемъ, во время шествія этой процессіи, Ювенальевъ, о которомъ упомянуто было выше, говорилъ на Троицкомъ базарѣ рѣчь о конституціи.

Кромѣ Глѣбова, нѣкоторые изъ офицеровъ квартировавшаго въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ началѣ 1879 г. полка, имѣвшіе красный околышекъ на фуражкѣ, также вели знакомство съ революціонерами, преимущественно съ Зубковскимъ и Колодкевичемъ, причемъ Богославскому достовѣрно извѣстно, что одинъ изъ офицеровъ этого полка далъ Колодкевичу документъ на имя Ивана Павловича (фамилія неизвѣстна), по каковому виду былъ прописанъ Колодкевичъ въ мѣстѣ послѣдняго жительства своего, по Десятинной улицѣ, въ послѣднемъ домѣ надъ яромъ съ лѣвой стороны. Изъ кіевскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ революціонномъ дѣлѣ, Богославскій зналъ Сухманева, служившаго въ канцеляріи сборнаго пункта, на Жилянской улицѣ, и нѣкоего Ивана, служившаго при арсеналѣ, а также встрѣчалъ въ квартирѣ революціонеровъ черноморцевъ, о которыхъ упомянуто выше, неизвѣстнаго ему солдата, имѣвшаго синіе погоны съ номеромъ, который былъ любовникомъ названной выше революціонной дѣятельницы Лукіи. Кромѣ сего, въ началѣ 1878 г., Богославскій заставалъ въ квартирѣ революціонера Трюхлаго еще двухъ солдатъ и военныхъ писарей съ сборнаго пункта, на Жилянской улицѣ. Изъ военныхъ врачей, принадлежавшихъ къ партіи молодыхъ украинофиловъ, Богославскій называетъ Крыжановскаго и Егорова, которые занимались временно врачебной практикой, въ кіевскомъ врачебномъ госпиталѣ, на Голубицкомъ шоссе, противъ солдатскихъ казармъ.

Наконецъ, Богославскій указываетъ, что въ кіевскомъ революціонномъ сообществѣ вращались еще слѣдующія лица: часовыя мастерицы сестры Рубанчикъ, въ квартирѣ которыхъ, по Московской улицѣ, скрывались розыскивавшіеся революціонные дѣятели, въ томъ числѣ Левченко (онъ же Никитка) и Кобылянскій (онъ же Володька), обвиняемый въ убійствѣ князя Кропоткина; Чипѣга, братъ жены студента Когутова, о которомъ упомянуто выше, отбывающій нынѣ воинскую повинность; Шихуцкій Василій, бывшій студентъ Кіевскаго университета, принадлежавшій къ партіи молодыхъ украинофиловъ и извѣстный въ революціонной средѣ подъ названіемъ «Марьи Ивановны», о которомъ упоминаетъ въ своемъ заявленіи и Гольденбергъ, какъ о личности, принадлежавшей къ означенной партіи и встрѣчавшейся съ нимъ въ 1878 г. въ Кіевѣ, а позднѣе—въ Черниговѣ; Балабенко, по убѣжденію революціонеръ, бывавшій часто въ рабочей ассоціаціи Бровацкаго и имѣвшій въ 1877 и 1878 годахъ знакомство съ Разумовскими рабочими; Костырко, Георгій, извѣстный Богославскому, со словъ упомянутаго выше Лейвина, за революціоннаго дѣятеля, склонявшагося въ сторону террористовъ; Беккеръ, Владиміръ, студентъ Кіевскаго университета, участвовавшій какъ въ студенческихъ движеніяхъ 1877 и 1878 г., такъ и въ процессіи революціонеровъ съ крестомъ для могилы умершаго политическаго дѣятеля Беллюстина; бывшіе студенты того же университета: Иванъ Зубковскій (нынѣ докторъ), Писаревскій, родомъ изъ Богачи, Миргородскаго

уѣзда, Полтавской губерніи, и Ксендзенко, которые, пріѣзжая изъ Кіева на каникулы въ Миргородскій уѣздъ, постоянно съ запасомъ запрещенныхъ книгъ, распространяли въ народѣ преступную пропаганду; Ивановъ, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, котораго Богославскій встрѣчалъ въ Кіевѣ, въ квартирѣ Кейзера, въ сообществѣ Басова; радикалъ Гриневичъ, Издебскій, таксаторъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Кіевскими революціонерами разныхъ партій; Дынникъ, Денисъ, работавшій на кіевской желѣзной дорогѣ смазчикомъ колесъ, и Избицкій, котораго Богославскій, со словъ содержавшихся съ нимъ, въ послѣднее время, въ кіевской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ Шефера и Малавскаго, представляетъ принадлежавшимъ первоначально къ партіи революціонеровъ-радикаловъ, признававшихъ необходимость предварительной подготовки народа для достиженія революціонныхъ цѣлей, а затѣмъ приставшимъ, въ началѣ 1878 г., къ террористическому кружку Валеріана Осинскаго, видѣвшаго, наоборотъ, въ террорѣ средство къ подготовкѣ почвы для пропаганды въ народѣ. Засимъ, изъ показанія Богославского видно, что первымъ шагомъ Избицкаго въ дѣятельности этого послѣдняго кружка было участіе его въ расклейкѣ въ Кіевѣ прокламацій, на чемъ онъ и былъ пойманъ. Независимо отъ сего, Богославскій указываетъ, что Избицкій принималъ дѣятельное участіе въ сходкахъ молодежи за Днѣпромъ въ 1875 году.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что, за немногими исключеніями, указанныя Богославскимъ и Веледницкимъ лица принадлежали къ партіямъ старыхъ и молодыхъ украинофиловъ, каковыя партіи составляли первоначально, такъ сказать, ядро революціоннаго движенія въ Кіевѣ. Но не одинъ Кіевъ совмѣщалъ въ себѣ представителей и послѣдователей этихъ партій; ихъ было не мало и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ, преимущественно, южной Россіи. Такъ, въ началѣ этой записки уже указано было на дѣятельность революціоннаго кужка изъ украинофиловъ въ г. Полтавѣ, имѣвшаго сношенія съ партіей кіевскихъ украинофиловъ при посредствѣ присяжнаго повѣреннаго Полтавскаго окружнаго суда Троцкаго. Засимъ, Богославскій знакомитъ, отчасти, съ революціоннымъ кружкомъ въ Кременчугѣ, дѣйствовавшимъ подъ непосредственнымъ руководствомъ кіевскихъ старыхъ «громадянъ» въ лицѣ наиболѣе виднаго представителя этой партіи Волкова, о которомъ упомянуто выше. Изъ числа дѣятелей кременчугскаго революціоннаго кружка, Богославскій называетъ, въ своемъ показаніи, бывшаго учителя одного изъ кременчугскихъ учебныхъ заведеній, котораго онъ не назвалъ, Лукьяновича; бывшую учительницу кременчугской приходской школы, нынѣ проживающую будто бы въ С.-Петербургѣ, Надежду Нечивичеву, къ которой Богославскій привозилъ изъ Кіева, по порученію Волкова, книги революціоннаго содержанія; затѣмъ Елену Краснокутскую, которая, по словамъ Богославскаго, въ послѣднее время, будто бы, арестована; гимназистовъ кременчугскаго реальнаго училища Жученко и Дениса Поддержнаго, находящагося, будто бы, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ; дѣвицу Калиновскую, извѣстную въ революціонной средѣ подъ прозвищемъ «Пифія», и бывшаго гимна-

зиста кременчугской гимназіи Овсянникова, проживающаго и въ настоящее время въ Кременчугѣ. Независимо отъ сего, въ 1878 г. Богославскій, по его словамъ, познакомился въ Кременчугѣ, черезъ посредство упомянутаго выше Арончика, на котораго указываетъ Гольденбергъ, какъ на одного изъ участниковъ въ дѣлѣ покушенія 19 ноября 1879 г., съ бывшими учениками Кременчугскаго реальнаго училища Борисомъ Членовымъ, который и теперь живетъ въ Кременчугѣ, Лурье и Гуревичъ, изъ коихъ первый часто пріѣзжалъ въ Кіевъ и жилъ у брата своего, на Подолѣ, а послѣдній—большею частью находился въ С.-Петербургѣ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ трехъ лицъ въ революціонномъ дѣлѣ, по словамъ Богославскаго, выражалась, между прочимъ, въ доставленіи розыскиваемымъ политическимъ средствъ какъ къ укрывательству, такъ и къ существованію. Такъ, поддержкою ихъ пользовался, по словамъ Богославскаго, какой-то Володька, по всей вѣроятности, тотъ самый Кобылянскій (онъ же Григоренко), который былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ этимъ именемъ и нынѣ привлеченъ къ дѣлу объ убійствѣ князя Кропоткина. Кромѣ сего, Членовъ, Лурье и Гуревичъ выписывали для кременчугской молодежи революціонный журналъ «Земля и Воля» и посылали деньги на поддержаніе существованія этого журнала.

Наконецъ, изъ показанія Веледницкаго видно, что проводимая украинофильствомъ идея областного сепаратизма пустила корни далеко на сѣверо-востокъ. Въ подтвержденіе сего приводится имъ фактъ изъ дѣятельности профессора Казанскаго университета Щапова, впослѣдствіи сосланнаго въ Сибирь, который проводилъ съ кафедры тенденціи, тожественныя съ украинофильскими, возбуждая въ населеніи стремленіе къ особности.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что партіи молодыхъ и старыхъ украинофиловъ представляются и теперь не утратившими прежняго значенія въ сферѣ революціоннаго движенія. Значеніе это представляется тѣмъ болѣе знаменательнымъ въ революціонной средѣ, что эти двѣ партіи дѣйствуютъ съ большимъ спокойствіемъ и сдержанностью, нежели всѣ другія революціонныя партіи, съ которыми украинофилы приходятъ въ соприкосновеніе посредствомъ молодыхъ членовъ этого преступнаго сообщества. Кромѣ сего, съ 1877 г. въ дѣятельности обѣихъ партій украинофиловъ установились, по словамъ Богославскаго, общность стремленія и единство дѣйствій. Это соединеніе старыхъ и молодыхъ украинофиловъ произошло въ день поминокъ «роковинъ» Шевченко, на которыя до 1877 г. собирались одни старые громадяне, а въ этомъ году принимали участіе и украинофилы изъ партіи «молодежи». Вслѣдствіе состоявшагося тогда соглашенія, между украинофилами обѣихъ партій произошло окончательное сближеніе, причемъ молодые стали давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ старымъ чрезъ посредство выборныхъ, какими разновременно были, по словамъ Богославскаго, братья Драгневичи, Яковъ Шульгинъ и уже въ послѣднее время Родіонъ Житецкій. Вслѣдствіе такой сплоченности обѣихъ партій, дѣятельность украинофиловъ обращаетъ на себя особенное вниманіе.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Примѣчанія.

I.

Записка эта, составленная, какъ видно изъ ея содержанія, главнымъ образомъ, на основаніи показаній Веледницкаго, Богуславскаго и Гольденберга, предназначена была, очевидно, служить матеріаломъ для предполагавшагося обвинительнаго акта противъ членовъ кіевскихъ украинскихъ кружковъ.

Время подробной исторіи этихъ кружковъ еще, разумѣется, не наступило, да и матеріалы для этой исторіи далеко еще не собраны и, если существуютъ, то въ видѣ „воспоминаній", до сихъ поръ по большей части еще не написанныхъ. Поэтому авторы примѣчаній къ этой запискѣ должны будутъ ограничиться только исправленіемъ вольныхъ или невольныхъ неточностей печатаемаго текста и нѣсколькими общими данными для характеристики какъ самихъ кружковъ, такъ и отдѣльныхъ ихъ участниковъ.

Старѣйшій изъ этихъ кружковъ, такъ называемая „Старая Громада", былъ продолженіемъ украинскихъ традицій сороковыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, въ половинѣ которыхъ онъ и сложился изъ обломковъ бывшей редакціи „Основы" и студенческой „громады" Кіевскаго университета, извѣстной въ свое время учрежденіемъ первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ. Состоя изъ людей, главнымъ образомъ, университетской и вообще учено-литературной среды, кружокъ этотъ былъ далекъ отъ какой бы то ни было революціонной дѣятельности, но отдавался вполнѣ дѣятельности конституціонно-освободительной, на почвѣ украинскихъ интересовъ. Будучи по большей части соціалистами въ теоріи (если угодно—катедеръ-соціалистами) и демократами по своимъ основнымъ и историческимъ принципамъ, члены этого кружка, о которыхъ покойный Леонидъ Дическулъ любилъ говорить, что въ него нельзя войти, не выдержавши экзамена и не прочитавши двухъ лекцій, [1] конечно, не могли ограничивать своихъ задачъ только „организаціей рабочаго класса" или подготовленіемъ вооруженнаго возстанія, чтобы захватить власть и „волею народа", по выраженію Герцена „строжайше предписать всѣмъ свободу". Ихъ дѣятельность была прежде всего научной и литературной, а затѣмъ широко общественной—вездѣ, гдѣ они могли найти для себя какую-нибудь точку опоры, въ земскихъ, въ городскихъ дѣлахъ и т. д. Въ научной сферѣ, кромѣ работы педагогической-профессорской и учительской, кружокъ этотъ оставилъ по себѣ слѣды въ видѣ массы ученыхъ трудовъ историческихъ, экономическихъ, этнографическихъ и т. п., въ образованіи Югоз. Отдѣл. Имп. Русск. Географическаго Общества, въ организаціи III Археологическаго Съѣзда, кіевской однодневной переписи, въ Трудахъ этнографической экспедиціи Чубинскаго, въ основаніи потомъ Общества Нестора Лѣтописца, „Кіев-

---

[1]) Это если не было правдой, то во всякомъ случаѣ было недалеко отъ правды. Молодые люди принимались въ „Громаду" только по окончаніи курса; кромѣ того, при баллотировкѣ (открытой) достаточно было одного голоса противъ кандидата, чтобы или отсрочить или и вовсе отклонить его избраніе. Благодаря этой разборчивости въ выборѣ членовъ за время *сорокалѣтней* дѣятельности кружка въ немъ не нашлось *ни одного* предателя.

ской Старины“ и проч., въ изданіи цѣлаго ряда изслѣдованій и научныхъ сборниковъ, въ родѣ монументальнаго изданія украинскихъ историческихъ пѣсенъ подъ редакціей Антоновича и Драгоманова. Помимо этой работы, чисто академической, въ общественно-публицистической сферѣ дѣятельность этого кружка обозначилась изданіемъ „Кіевскаго Телеграфа“, цѣлымъ рядомъ публицистическихъ статей въ „Основѣ“ (Антоновичъ), въ „Вѣстникѣ Европы“ (Драгомановъ), въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ изд. Корша (Драгомановъ, Волковъ), въ Галицкихъ изданіяхъ и т. д. „Позорной памяти“ Высочайшее повелѣніе 1876 г., совершенно упразднившее все украинское движеніе, вывело, наконецъ, и этотъ кружокъ изъ предѣловъ легальной дѣятельности и вызвало изданіе „Громады“ въ Женевѣ. Одновременно съ этимъ началось движеніе въ земствѣ, и уже въ 1879 году состоялся упомянутый въ этой запискѣ съѣздъ (едва ли не первый въ Россіи) земскихъ дѣятелей, которые, соединившись съ К. Громадой рѣшили дѣйствовать путемъ земскихъ петицій и для этого хотѣли попробовать уговорить „бунтарей“ прервать на время ихъ террористическую дѣятельность...

Вся эта дѣятельность не могла не безпокоить довольно многихъ; жандармскіе власти узнали о ней, разумѣется, позже всѣхъ. Первыми отозвались польскіе помѣщики, которые еще въ 1863 г. подавали доносы на Антоновича и Рыльскаго, „проповѣдовавшихъ новую гайдамаччину“. Затѣмъ послѣдовали доносы кіевскаго профессора Гогоцкаго, потомъ не выдержалъ и редакторъ „Кіевлянина“ Шульгинъ, нашедшій себѣ менѣе талантливаго, но еще болѣе безнравственнаго наслѣдника въ лицѣ Пихно. Печатные доносы Шульгина вызывали сотрудничество извѣстнаго предателя Костомарова—М. В. Юзефовича, мѣстнаго славянофила Ригельмана, городского головы Ренпенкампфа (чуть ли не родного брата нынѣшняго покорителя Сибири) и др. Въ 1876 г. Юзефовичу удалось выхлопотать въ Петербургѣ назначеніе, помимо кіевскаго Генералъ-Губернатора Дондукова-Корсакова, особой комиссіи изъ Шефа Жандармовъ, Министерства Внутр. дѣлъ, Народн. просвѣщ. и самого Юзефовича, которая и создала упомянутое выше Высочайшее повелѣніе, сопровождавшееся изгнаніемъ изъ университета Драгоманова и высылкой изъ Кіева Чубинскаго, Беренштама, Житецкаго и др. Наконецъ, въ 1879 г., когда началось вѣшанье и массовыя ссылки въ Сибирь, можно было дѣйствовать уже безъ всякихъ церемоній. По соизволенію тогдашней кіевской „черной сотни“, съ Юзефовичемъ во главѣ, съ Новицкимъ и Стрѣльниковымъ въ видѣ главныхъ дѣйствующихъ силъ, рѣшено было связать во что бы ни стало кружокъ украинцевъ съ прочими „преступными обществами“ для того, чтобы найти такимъ образомъ основаніе преслѣдовать ихъ, какъ членовъ одной революціонной партіи. Матеріалъ для этого дѣла доставленъ, какъ мы видимъ, главнымъ образомъ, Веледницкимъ и Богославскимъ. Веледницкій, совершенно глупый болтунъ, никогда не бывшій въ сколько-нибудь близкихъ сношеніяхъ не только съ „Старой Громадой“, но и съ украинской молодежью, показывалъ все, что когда-нибудь урывками слышалъ отъ другихъ, безъ толку, все путая и перемѣшивая. Богославскій—добродушный, очень еще молодой и не особенно далекій семинаристъ, зналъ гораздо больше, если не о „Старой Громадѣ“, то о молодежи, между которой вращался нѣсколько лѣтъ. Стрѣльниковъ и Новицкій постарались устроить для него приговоръ къ смертной казни и, когда этотъ приговоръ состоялся, потребовали отъ него „откровенныхъ признаній“. Бѣдный мальчикъ (ему было, вѣроятно, лѣтъ 16—17 тогда) не выдержалъ и съ петлей

на шеѣ давалъ всѣ показанія, какія отъ него требовались, причемъ, однако, справедливость заставляетъ насъ признать, что его показанія были, во-первыхъ, далеко не вполнѣ искренни (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ могъ сказать много болѣе), а во-вторыхъ, по возможности разборчивы, такъ какъ наиболѣе компрометтирующія вещи онъ сообщалъ о лицахъ, находившихся „внѣ черты досягаемости". Благодаря всему этому печатаемая „записка" получила характеръ очень неполный, сбивчивый и лишенный всякой перспективы, а главное—чрезвычайно односторонній съ явной тенденціей выставить дѣятельность извѣстныхъ лицъ въ возможно болѣе яркомъ свѣтѣ и приписать имъ то значеніе, какого они въ дѣйствительности не имѣли, тогда какъ другія лица съ гораздо болѣе глубокимъ, хотя и менѣе, можетъ быть, замѣтнымъ снаружи значеніемъ остались, сравнительно въ тѣни.

Кружки молодыхъ украинцевъ, какъ кружки студенческіе не могли быть, разумѣется, долговѣчны, но за то уже по своему темпераменту давали больше пищи автору „записки". Свѣдѣнія относительно ихъ также очень сбивчивы; довольно много лицъ пропущено, еще больше упомянуто такихъ, какіе никогда къ украинскимъ организаціямъ не принадлежали. Мы постараемся по возможности исправить эти неточности на сколько позволятъ память и наши личныя знакомства съ этими кружками и ихъ членами.

1) В. Ф. Животовскій никакого участія въ Кіевскихъ украинскихъ кружкахъ несомнѣнно не принималъ.

2) Н. В. Ковалевскій былъ уволенъ отъ службы за политическую неблагонадежность въ 1876 г., а потомъ былъ сосланъ во время Панютинскаго погрома въ Одессѣ въ 1879 г. административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь. По прошествіи 5-ти лѣтъ могъ возвратиться на Украину и въ девяностыхъ годахъ умеръ въ Кіевѣ.

3) М. П. Ковалевская, уродженная Воронцова (сестра извѣстнаго экономиста-писателя В. В.) послѣ приговора въ апрѣлѣ 1879 г. по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи была отвезена на Кару и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ отравилась во время одного изъ „бунтовъ" заключенныхъ.

4) Л. П. Барышева въ то время была уже вдовой. М. П. Ковалевской мы не помнимъ въ „стриженной" нигилистической формѣ.

5) М. П. Драгомановъ, будучи уволенъ изъ университета по 3-му пункту, выѣхалъ за границу по паспорту.

6) Подъ этимъ именемъ извѣстны были главнымъ образомъ полезныя народныя изданія начала 60-хъ годовъ. Главной же цѣлью основанія украинской типографіи въ Женевѣ были изданіе журнала „Громада", а не „мэтэлыковъ".

Н. И. Зиберъ, извѣстный экономистъ, никогда не скрывался и, выйдя въ отставку, вслѣдствіе увольненія Драгоманова, переселился вполнѣ легально въ Бернъ, гдѣ его супруга, Олимпія Ник. (впослѣдствіи Ненцкая) училась медицинѣ.

7) Оффиціальной причиной высылки Хр. Ив. Волковой (нынѣ умершей) въ Вятку и потомъ въ Астрахань было упорство, съ которымъ она отказывалась назвать настоящее имя своей подруги, арестованной подъ чужимъ именемъ и имѣвшей при себѣ ея адресъ, причемъ это чужое имя Хр. И. Волковой извѣстно не было.

8) Постоянныхъ функцій секретаря и докладчика въ Кіевской Громадѣ не существовало.

9) Ни продажи изданій, ни отчетности по ней Ф. К. В—въ никогда не велъ; въ Женевѣ же принималъ участіе не въ устройствѣ типографіи, а въ редакціи журнала „Громада“.

10) Подобное названіе, если и употреблялось кѣмъ-нибудь, то, разумѣется, только случайно.

11—12) Это была попытка устройства частныхъ женскихъ курсовъ: Волковъ читалъ физику и химію (разумѣется, не по Фейербаху), Зиберъ—политическую экономію (Маркса онъ никогда не переводилъ, а только комментировалъ), Драгомановъ—всеобщую исторію, В. Б. Антоновичъ исторію Украины и проч. Зиберъ читалъ въ квартирѣ не Волкова, а Драгоманова; въ числѣ слушательницъ была и Л. А. Александрова, впослѣдствіи Волкенштейнъ.

13) Выраженіе „желтый интернаціоналъ“ было однимъ изъ bon-mots Драгоманова, по адресу нѣкоторой части „своей молодежи“, любившей иногда засиживаться за бутылкой пива. Означало оно нѣчто въ родѣ французскаго слова bohême и ничего болѣе коварнаго въ себѣ не заключало. „Уставъ“ проектировался кѣмъ то просто въ видѣ шутки и даже не на письмѣ, а просто въ веселомъ разговорѣ.

14) Сколько помнится, С. В. Старицкая никогда никакого пансіона не содержала; начальную школу для приходящихъ дѣтей, въ которой учились и дѣти Старицкой, содержали М. Ѳ. и С. Ѳ. Линдфорсъ, изъ которыхъ первая померла, а вторая, нынѣ С. Ѳ. Русова, занимается публицистикою.

15) М. П. Старицкій переводилъ на украинскій языкъ сербскія народныя пѣсни и сказки Андерсена. За границей, никогда и не бывалъ.

16) Чубинскій Павелъ Платоновичъ, извѣстный этнографъ, былъ сосланъ въ 1863 г. по доносу Трепова (отца), своего сосѣда по имѣнію, въ Архангельскую губернію, затѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ былъ командированъ И. Р. Географическимъ Обществомъ для изученія Юго-Западнаго края. По окончаніи экспедиціи онъ былъ избранъ членомъ администраціи по дѣламъ Торговаго Дома Яхненко и Симиренко и жилъ тогда въ с. Городищѣ, Кіевской губерніи, и затѣмъ въ Кіевѣ, откуда въ 1876 г. былъ высланъ въ Петербургъ.

17) Богословскій, вѣроятно, слышалъ о пѣснѣ „Ще не вмерла Украина“, написанной Чубинскимъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ и приписывавшейся потомъ Шевченку. Сборищъ молодежи у Чубинскаго никогда не бывало; бывали же у него старшіе члены „Громады“.

18) Вилимка. Подъ этимъ именемъ Беренштамъ фигурировалъ въ импровизированной однажды Драгомановымъ шуточной „челобитной“ отъ „Кіевскихъ черкасскихъ людишекъ“—на притѣсненія московскихъ воеводъ.—въ стилѣ челобитныхъ 15 столѣтія. Роль казначея „Громады“ въ разное время выполняли и другія лица. Расходы Громады бывали значительны, напр. во время поддержки ею возстанія Пеко Павловича и другихъ Герцеговинскихъ героевъ. Упоминаемый здѣсь Яновскій, напр., содержалъ въ Герцеговинѣ цѣлый отрядъ волонтеровъ, которымъ самъ предводительствовалъ.

19) Ни Цвѣтковскій ни кто бы ни было изъ кіевскихъ украинофиловъ, ни въ какихъ приготовленіяхъ къ Чигиринскому бунту ни малѣйшаго участія не принимали и по принципу принимать не могли. Поводомъ же къ показанію Богославскаго могло послужить то, что нѣкоторые изъ кіевскихъ украинскихъ кружковъ приглашали къ себѣ подъ предлогомъ работы, а иногда и дѣйствительно пилить дрова, чигиринскихъ крестьянъ, содержавшихся

по поводу этого бунта при кіевскихъ полицейскихъ частяхъ и не получавшихъ тамъ пищи, а отпускавшихся съ цѣлью заработка въ городъ.

20) Отъ должности увольняемъ не былъ, а былъ просто переведенъ въ Петербургъ, гдѣ былъ преподавателемъ долгое время въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

21) Здѣсь Пав. Игн. Житецкій смѣшанъ съ родственникомъ Продіономъ, который въ 1876 г. дѣйствительно былъ сосланъ въ Вятку, а потомъ въ Астрахань. Михалевичъ и до настоящаго времени живъ; живетъ въ Елисаветградѣ, куда возвратился послѣ 10 лѣтней ссылки на Кару за предполагавшееся составленіе и изданіе имъ съ другими лицами книжки по политической экономіи на малорусскомъ языкѣ.

22) А. Ф. Линдфорсъ, мировой судья и членъ Черниговскаго земства, терпѣвшій преслѣдованія отъ III отдѣленія вмѣстѣ съ предсѣдателемъ губернской управы А. П. Карпинскимъ и членомъ ея Н. Н. Милорадовичемъ за рѣчи о характерѣ дѣятельности правительства въ дѣлѣ обузданія земской учительской семинаріи въ Черниговѣ.

23) На собраніи этомъ, кромѣ постороннихъ лицъ, были еще нѣсколько лицъ отъ украинофиловъ и земцевъ, отъ террористовъ—Осинскій, Дебогорій-Мокріевичъ и М. П. Ковалевскій, а отъ народниковъ—Кацъ. Главной цѣлью его было убѣдить крайнія партіи прекратить террористическую дѣятельность въ виду предполагавшейся подачи Государю петиціи отъ всѣхъ земствъ о введеніи конституціи. Террористы прямо отвергли возможность прекратить свою дѣятельность и ушли. Остальные же приняли рѣшенія, легшія въ основаніе представленныхъ потомъ земскихъ адресовъ. Въ съѣздѣ участвовали также и представители прогрессивныхъ, но не соціалистическихъ польскихъ партій.

24) Какъ было сказано выше, въ Чигиринскомъ дѣлѣ *никто* изъ украинцевъ участія не принималъ.

25) Клоссовскій, сколько намъ извѣстно, членомъ „Кіевской Громады" не былъ.

26) Умеръ въ началѣ 80-хъ годовъ отъ возвратнаго тифа, которымъ былъ боленъ и во время войны. Поѣздка за границу и участіе въ Казанской демонстраціи очень сомнительны.

27) Кіевская Громада въ отправкѣ Разумова за границу никакого участія не принимала.

28) Ни Волковъ, ни Винниченко—„во главѣ" Кіевской Громады никогда не стояли и, какъ люди сравнительно молодые, и состоять не могли.

29) Освобожденіе Топчаевскаго и Ляхоцкаго изъ части (кажется, Старокіевской), гдѣ они содержались, было устроено и использовано Лобанчукомъ. Съ этой цѣлью онъ началъ посѣщать сосѣдніе кабачки, гдѣ и свелъ знакомство съ городовыми. Прикинувшись затѣмъ однажды безработнымъ и неимѣющимъ ночлега, онъ попросилъ у своихъ новыхъ пріятелей гостепріимства въ ихъ помѣщеніи въ части и повторялъ свои посѣщенія неоднократно. Съ однимъ изъ городовыхъ, бывшимъ жандармомъ, онъ сошелся особенно близко и успѣлъ привлечь его вполнѣ на свою сторону. Съ его помощью удалось сдѣлать слѣпки съ ключей отъ камеръ заключенныхъ и затѣмъ, выбравши ночь, когда дежурнымъ былъ одинъ изъ старшихъ городовыхъ, отличавшихся особымъ усердіемъ, Лобанчукъ явился опять ночевать въ часть, захвативши съ собою бутылку рому съ примѣсью надлежащаго количества хлоралъ-гидрата.

Когда всѣ уснули, Лобанчуку и его пріятелю было очень нетрудно отворить камеры и увесть арестантовъ, изъ которыхъ одинъ, студентъ Кіевскаго университета Савенко отъ побѣга отказался въ виду скораго освобожденія. Изъ освобожденныхъ Топчаевскій скрывался въ Россіи, пока не былъ опять арестованъ. Ляхоцкій же (Антонъ Григорьевичъ) уѣхалъ въ Австрію, былъ арестованъ во Львовѣ, по дѣлу Франка, Павлика, Черепахина и др., осужденъ на мѣсяцъ тюрьмы и затѣмъ будучи вывезенъ за предѣлы Австріи, пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ познакомившись съ типографскимъ дѣломъ, завѣдывалъ украинской типографіей „Громады", будучи больше извѣстенъ подъ прозвищемъ „Кузьмы", а не „Хомы", какъ по ошибкѣ сказано въ воспоминаніяхъ О. Любатовича въ іюньской книжкѣ „Былого" за 1906 годъ.

31) Сергѣй Александровичъ Подолинскій былъ сыномъ довольно извѣстнаго въ свое время поэта изъ группы непосредственныхъ подражателей Пушкина. Получивши блестящее образованіе, онъ по окончаніи университетскаго курса, примкнулъ было къ партіи Лаврова, но затѣмъ, сблизившись съ Драгомановымъ, началъ работать въ украинскомъ направленіи, сдѣлавшись однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ партіи. Онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ брошюръ „Парова машина" и др. Кромѣ того вмѣстѣ съ Павликомъ онъ принималъ участіе въ редакціи „Громады" во второмъ періодѣ ея существованія. Будучи затѣмъ въ полномъ цвѣтѣ молодости постигнутъ прогрессивнымъ параличемъ, онъ былъ привезенъ въ безсознательномъ уже состояніи въ с. Ярославку, Кіевской губерніи, гдѣ скоро и умеръ.

32) Изъ трехъ братьевъ Линтваревыхъ—Петра Ив., Дмитрія Ив. и Георгія Ив., послѣдній былъ извѣстенъ подъ шуточнымъ названіемъ „бабушки". Онъ, какъ и старшій его братъ П. И., умеръ очень рано къ большому сожалѣнію его друзей, высоко цѣнившихъ его глубоко симпатичный характеръ и идеальную доброту.

33) Поводомъ къ высылкѣ Оголѣвца было появленіе его въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты по дѣлу о кіевскомъ вооруженномъ сопротивленіи въ 1879 г.

34) Н. И. Троцкій никогда въ Женеву не ѣздилъ, а былъ въ Вѣнѣ съ цѣлью лечиться отъ болѣзни, сведшей его скоро въ могилу. Упоминаемые „бланки съ красными печатями"—какая-то путаница, не имѣющая, кажется, никакого реальнаго основанія.

35) Во второмъ томѣ Пражскаго изданія „Кобзаря", кромѣ стихотвореній Шевченка, печатаніе которыхъ въ Россіи тогда было невозможно, помѣщены только воспоминанія о Шевченкѣ двухъ лицъ, знавшихъ его лично—Костомарова и Микѣшина; никакой же „излагающей порядокъ производства революціи" статьи въ немъ нѣтъ и въ поминѣ. Это ужъ чистая фантазія составителей „записки" которая не могла быть подсказана ни Веледницкимъ, ни Богославскимъ, все-таки когда-нибудь видѣвшими пражское изданіе Шевченка. Также къ области фантазіи слѣдуетъ отнести и свѣдѣніе о томъ, что Волковъ съ Ильницкимъ постоянно говорили между собою шепотомъ.

36) Дѣло идетъ, вѣроятно, объ Александрѣ Яковл. Кониссскомъ, извѣстномъ украинскомъ литераторѣ (уже умершемъ), авторѣ едва ли не лучшей до сихъ поръ біографіи Шевченка, принимавшемъ большое участіе въ основаніи „Наукового Товариства им. Шевченка" во Львовѣ, но радикально расходившемся съ демократическими идеями Драгоманова и даже вышедшаго изъ кіевской „Громады" вслѣдствіе ея слишкомъ радикальнаго направленія.

37) Изъ всѣхъ упоминаемыхъ здѣсь выдачъ, въ дѣйствительности существовала только одна 1200 (а не 1500 р.) рублей Драгоманову, которая уплачивалась ему, да и то не всегда аккуратно, взамѣнъ его доцентскаго жалованья, до назначенія его профессоромъ Софійской Высшей Школы. Такую же сумму получалъ и Волковъ, но только во время двухгодичнаго пребыванія его въ Женевѣ (1876—1878) въ качествѣ соредактора „Громады". Женѣ его, равно какъ и другимъ ссыльнымъ, разумѣется, была оказываема нѣкоторая подержка, но далеко не въ указываемыхъ размѣрахъ. Выдача денегъ Мокріевичу—чистѣйшая выдумка съ цѣлью связать украинофильство съ какими-нибудь бунтарскими дѣйствіями.

38) Послѣднее выраженіе можетъ быть и употреблялось для обозначенія одной изъ квартиръ, гдѣ жили учившіяся барышни, но въ смыслѣ какого то, „подраздѣленія или кружка"—это, разумѣется, вздоръ.

39) Подобный клубъ на Подолѣ, если и существовалъ, то вѣроятно позже.

40) Не „Короткевича", а „Короткевичей", названныхъ такъ просто по фамиліи домохозяина, сынъ котораго, кажется, дѣйствительно, былъ студентомъ, но съ квартирантами отца ни въ какихъ сношеніяхъ не состоялъ.

41) Фойницкій, братъ профессора Фойницкаго, уже умершій.

42) Забавная шпіонская путаница: дѣло идетъ объ одномъ студентѣ, который никогда не назывался Хмельницкимъ и въ дѣйствительности не былъ даже Богданомъ, но назывался такъ потому, что носилъ фамилію довольно извѣстнаго польскаго писателя и личнаго друга Шевченка, имя котораго было Богданъ. Ни онъ, ни всѣ упоминаемыя послѣ него лица въ домѣ Короткевича не жили.

43) Здѣсь говорится, очевидно о Скиданѣ и Сандерѣ, организовавшихъ вмѣстѣ съ Вереденкомъ столовую. Въ домѣ Вереденко помѣщалась столовая революціонеровъ, которыхъ ежедневно обѣдало до 200 человѣкъ. Вся обстановка, посуда были общественныя. Дежурные украинцы, члены новой или молодой революціонно-настроенной Громады, сами покупали мясо, хлѣбъ и прочую провизію; они дежурили на кухнѣ при отпускѣ порцій, отбирали деньги за обѣдъ и т. д. Хозяйкой столовой была мать Грибенюка, кухаркой его сестра Горпына, прислужницей сестра Ганя.

Когда послѣ крестнаго хода на Байковое кладбище, на могилу упоминаемаго ниже Белюстина, хода, начавшагося изъ помѣщенія столовой, послѣдняя полиціей была закрыта, то мать Грибенюка открыла упоминаемую свою другую столовую. Послѣ *вторичнаго ареста* и высылки Грибенюка, столовая просуществовала до 1886 г. Про эту столовую, ея борщъ, вареники, голубцы, сотни революціонеровъ разносили славу многіе годы своей жизни по нестоль отдаленнымъ, по сѣвернымъ губерніямъ, по далекой Сибири, въ тюрмахъ и рудникахъ. Старуха Грибенючка умерла 1904 году.

44) Вѣрнѣе—Мазурмовичъ.

45) Частое наименованіе того или другого лица „руководителями украинофиловъ" у людей, жившихъ въ 70-е и 80-е годы и бывшихъ членами старой Кіевской Громады, можетъ вызвать только улыбку. Въ печатаемомъ трудѣ Департамента полиціи всѣ называемыя по фамиліямъ лица показаны, какъ члены одной партіи, жившіе и работавшіе вмѣстѣ, въ одно и то же время. На дѣлѣ же, въ то время, когда Беренштамъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ, Драгомановъ—профессоромъ, оставившимъ службу учителя кіевской 2-й гимназіи,

такія лица, какъ Гольденбергъ или Бать еще учились во 2 - 3-мъ классѣ Кіево-Подольской прогимназіи и потому не могли еще быть членами ни старой, ни молодой, болѣе революціонной, Громады. Для постороннихъ читателей уяснить идейную связь дѣдовъ, отцовъ и дѣтей, переименованныхъ здѣсь, могутъ лишь воспоминанія о нихъ мѣстныхъ людей, что могъ бы выполнить мѣстный историческій журналъ „Украіна", издаваемый въ Кіевѣ. Печатаемая же записка представляетъ только лишь канву для подобныхъ отдѣльныхъ мемуаровъ и историческихъ монографій о разныхъ эпохахъ украинофильства. Приведенный въ этой записки перечень не обнимаетъ и малой доли всѣхъ высланныхъ, засуженныхъ и казненныхъ въ Кіевѣ украинскихъ революціонеровъ разныхъ оттѣнковъ, направленій хотя-бы по 1881 годъ. Крайне необходимо припомнить характерную черту взаимоотношеній правительственныхъ чиновниковъ и преслѣдуемыхъ ими революціонеровъ. Напр., Судейкинъ, Новицкій. Стрѣльниковъ, слѣдователь Лелека и проч. настолько мизерные простенькіе были, что въ общемъ стояли нисколько не выше простого сельскаго урядника. Пользовались и злоупотребляли они главнымъ образомъ довѣрчивостью, прямодушіемъ излавливаемыхъ ими идеалистовъ.

Главнымъ средствомъ у чиновниковъ кіевскихъ была немудренная штука, строго запрещающаяся закономъ, это обманъ подсудимаго, устрашеніе. Устрашеніемъ много узнали, напр., отъ студентовъ кіевскаго университета Киролова, Саранчева. А первымъ способомъ, обманомъ, весьма многихъ вводили въ большое уныніе: обыкновенно при арестѣ новаго лица сообщали ему тотчасъ же, что на него указалъ или выдалъ его, его товарищъ, арестованный раньше его. Для этого тутъ же указывали на общія дѣла и т. д. Этимъ, впрочемъ, достигалась, главнымъ образомъ, только большая деморализація, запутанность отношеній, недовѣріе у остававшихся на свободѣ. Много непріятностей дѣлалъ для жандармовъ одинъ изъ секретныхъ складовъ революціонныхъ книгъ, динамита, оружія, фтористоводородной кислоты и т. п. за періодъ времени съ 1877 по 1882 г.

Ужъ какъ сладки были искатели этого клада при допросахъ арестованныхъ! Но они такъ и пенсію выслужили, не нашедши его.

Пажескіе годы П. И. Пестеля.

Крупнѣйшій декабристъ Павелъ Ивановичъ Пестель былъ, какъ извѣстно, питомцемъ Пажескаго корпуса.

Въ виду почти полнаго отсутствія свѣдѣній о пажескихъ годахъ Пестеля въ извѣстной монографіи Н. Павлова-Сильванскаго (Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ), считаемъ необходимымъ привести нѣсколько новыхъ данныхъ по этому предмету, неизвѣстныхъ большой публикѣ.

По экзаменаціонному списку о камеръ-пажахъ и пажахъ отъ 8 ноября видно, что П. И Пестель числился пажемъ съ 6 іюня 1803 г., камеръ пажемъ съ 24 декабря 1810 г. и получилъ лучшіе баллы, почему и былъ поставленъ въ списокъ первымъ. По отдѣльнымъ предметамъ баллы распредѣлились такъ: алгебра—79, геометрія—79, тригонометрія—30, коническія сѣченія—60, „вышняя" тригонометрія—78, практика сниманія мѣстности—16, фортификація полевая—40, долговременная—85, „регулярная"—39, атака и оборона крѣпостей—42, артиллерія—76, физика—33, статика и механика—72, черченіе плановъ—28, рисованіе - 30, языкъ русскій—80, нѣмецкій—98, французскій—98, статистика—60, исторія—50, тактика—30, „дипломація" и „политика"—100. Общая сумма балловъ составляла 1303.

Въ томъ же спискѣ помѣщены въ послѣдовательномъ по суммѣ балловъ порядкѣ: Василій Ушаковъ I, Эдуардъ Адлербергъ, Николай Пущинъ, Михаилъ Лукашевичъ. Михаилъ Окуневъ, Карлъ Оде-де-Сіонъ и Платонъ Беклешовъ 2.

Въ дѣлѣ же со спискомъ выпускныхъ пажей 1811 г. означено, что всѣ восемь поименованныхъ пажей произведены 14 декабря 1811 г. прапорщиками въ л. гв. Литовскій (т. е. нынѣшній Московскій) полкъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе удивительное совпаденіе даты производства Пестеля въ офицеры съ датою бунта на Исаакіевской площади. Въ этомъ спискѣ переиначенъ порядокъ пажей; Пестель сохраняетъ первое мѣсто, но затѣмъ слѣдуютъ: Адлербергъ, Пущинъ, Лукашевичъ, Беклешовъ, Окуневъ, Ушаковъ и Оде-де-Сіонъ. Слѣдовательно, Пестель, указанный первымъ въ обоихъ спискахъ, долженъ бы быть записаннымъ на мраморную доску. Между тѣмъ въ спискѣ „отличнѣйшихъ" подъ 1811 г. записанъ Владиміръ Адлербергъ. Объясненіе этому явленію можно найти въ свѣдѣніи, передаваемомъ Сильванскимъ и заключающемся въ томъ, что послѣ 14 декабря 1825 г. доска съ именемъ Пестеля была разбита. Думается, что теперь, когда исторія декабристовъ сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія и становится знакомой самымъ широкимъ кругамъ общества, на мраморной доскѣ „первыхъ" пажей должно быть возстановлено имя „перваго" декабриста, ибо на доску заносятся фамиліи пажей по экзаменаціоннымъ отмѣт-

камъ въ корпусѣ, внѣ зависимости отъ послѣдующей ихъ политической дѣятельности.

Экзамены въ научныхъ предметахъ камеръ-пажамъ 1811 г. производилъ не самъ государь. Дѣло было такъ. Фронтовое занятіе пажей въ то время было не изъ отличныхъ. По словамъ пажа Дарагана, не было ни одиночной выправки, ни ружейныхъ пріемовъ, ни маршировки, и лишь лѣтомъ одинъ мѣсяцъ посвящался фронту, когда камеръ-пажи, командуя маленькими взводами, съ большимъ трудомъ усваивали премудрости тогдашняго экзерциргаузнаго искусства, сложныхъ деплоядъ съ контръ-маршами и построеній анэшикье. А между тѣмъ плацпарадъ былъ идоломъ тогдашняго военнаго воспитанія, когда фельдмаршальскій жезлъ обратился въ палочку тамбуръ-мажора и военные люди говорили, что война портитъ армію. 21 января 1811 г. кн. Голицынъ писалъ генералу Клингеру, что, по приказанію государя, „удостоеніе камеръ-пажей по экзамену къ выпуску въ гвардію офицерами, хотя основано будетъ на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какія доселѣ были наблюдаемы, т. е. что преимущество ихъ предъ другими опредѣлится большинствомъ экзаменныхъ балловъ, означающихъ успѣхи ихъ въ наукахъ, но при всемъ таковомъ отличіи они будутъ послѣ экзаменованы въ фронтовой службѣ и ежели кто изъ нихъ окажется въ оной незнающимъ, тотъ не будетъ назначенъ къ выпуску, ибо Его Величеству благоугодно, чтобы успѣхи камеръ-пажей и пажей въ преподаваемыхъ имъ наукахъ непремѣнно соединены были вмѣстѣ съ знаніемъ и фронтовой службы. Это предупрежденіе не осталось безъ исполненія: въ томъ же году, 14 декабря, фронтовой экзаменъ произвелъ самъ Государь. Ушаковъ и Оде-Сіонъ были отставлены отъ производства за плохое знаніе фронта и были произведены лишь 31 декабря. Этотъ фронтовой экзаменъ, дѣйствительно произведенный самимъ Государемъ, во первыхъ, очистилъ второе мѣсто для Адлерберга, а во вторыхъ, далъ поводъ сказать сперва графу Милорадовичу въ его книгѣ „Матеріалы по исторіи Пажескаго корпуса“, затѣмъ автору рецензіи на его книгу во „Всемірной Иллюстраціи“ за 1886 г. и, наконецъ, Павлову-Сильванскому, что государь экзаменовалъ весь выпускъ по наукамъ. Пажъ Толстой въ своихъ „Remarques journalières“, находящихся въ бумагахъ П. Я. Дашкова, записалъ о фронтовомъ экзаменѣ пажей выпуска 1811 г.: „L'Empereur examina les pages de la chambre dans l'exercice et fit sortir 6 d'entre eux comme enseigne au régiment des gardes de Lithaunie nouvellement formé; il laissa Sion et Ouchakoff pour les examiner une autre fois“.

Для иллюстраціи положенія Пестеля въ корпусѣ и тѣхъ его крупныхъ способностей, которыя помогли ему стать первымъ по выпуску, не взирая на недолгое его пребываніе въ стѣнахъ заведенія, нельзя не упомянуть о той запискѣ, въ которой генералъ Клингеръ просилъ Государя объ отставленіи Пестеля отъ производства въ 1811 г. Свое ходатайство Клингеръ подкрѣплялъ рядомъ соображеній. Во первыхъ, Пестель, по его мнѣнію, пробылъ въ корпусѣ всего полтора года, а камеръ-пажомъ только десять мѣсяцевъ; между тѣмъ, „не было еще примѣру, чтобы кто изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ, не пробывъ, по крайней мѣрѣ, два года въ семъ званіи“. Во вторыхъ, „дабы превзойти другихъ, долженъ онъ былъ спѣшить въ пріобрѣтеніи оказанныхъ имъ при экзаменахъ познаній, а потому едва ли они могутъ быть прочны“. Въ третьихъ, камеръ-пажъ Адлербергъ пробылъ въ этомъ званіи уже два года и во всѣхъ частяхъ имѣетъ весьма хорошія познанія, соединенныя съ основатель-

ными понятіями по части военной экзерциціи". Наконецъ, Клингеръ находилъ, что этотъ случай является первымъ покушеніемъ на вторженіе родительской власти въ сферу распоряженій пажескаго начальства, ибо отецъ Пестеля писалъ, что отставленіе его сына отъ выпуска онъ почтетъ за обиду для него. Словомъ, Клингеру хотѣлось, чтобы Пестеля не производили въ офицеры и первымъ оказался бы Адлербергъ.

Однако князь Голицынъ увѣдомилъ Клингера, что камеръ-пажи и пажи должны представляться къ выпуску не по числу нахожденія въ званіи, а по числу балловъ.

И Пестель, какъ сказано выше, былъ первымъ по выпуску.

Соперникомъ Пестеля въ корпусѣ былъ В. Ѳ. Адлербергъ, близкій человѣкъ Николаю I, впослѣдствіи командующій императорскою главною квартирою и министръ императорскаго двора. Близость Адлерберга къ Николаю Павловичу видна изъ 36-го пункта духовнаго завѣщанія послѣдняго отъ 3 марта 1845 г. „Г. а. Адлербергу оставляю часы, что я всегда ношу съ 1815 г., и серебрянную чашу, въ которой я голову обкачивалъ, въ память, что мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда ею любили играть". Очевидно, эта близость Адлерберга къ Николаю Павловичу была причиною желанія пажескаго начальства затереть талантливаго Пестеля.

ГАВАЙСКІЙ СЕНАТОРЪ [1])

I

Неожиданная встрѣча

Поздній вечеръ. Большой тихоокеанскій пароходъ Gallic послѣ 22-дневнаго перехода изъ Японіи черезъ Ванкуверъ медленно подходилъ къ Санъ-Франциско. Городъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. Я стоялъ на палубѣ съ страннымъ и очень сложнымъ чувствомъ, о которомъ предоставляю догадываться читателю. Избѣжавъ опасности русско-сибирскаго климата, пройдя невредимо всѣ чары тропической природы Японіи и грозы суровой тихоокеанской стихіи, я готовился, наконецъ, высадиться на свободную землю великой республики, гдѣ, по сказанію былинъ, все течетъ млекомъ и медомъ. Впервые я чувствовалъ себя свободнымъ и въ безопасности; но будущее было закрыто завѣсой... Вотъ сейчасъ или завтра должна начаться какая-то новая жизнь на твердой землѣ среди людей Новаго Свѣта. Я уже свыкся съ положеніемъ травленаго звѣря; мнѣ было жалко разстаться съ нимъ, и новая жизнь какъ будто пугала меня своей неизвѣстностью. Пароходъ причалилъ, соединился съ землей... Всюду шумъ, крики, оживленныя лица, непонятная рѣчь. Я былъ подавленъ разнородными чувствами. Какъ-то нехотя я захватилъ свой нехитрый багажъ и машинально послѣдовалъ за толпой съ парохода на пристань; такъ же непонятно я очутился какъ-то въ меблированной комнатѣ неподалеку отъ пристани. Долго описывать первыя впечатлѣнія человѣка Стараго Свѣта, попавшаго въ Новый Свѣтъ. Цѣлую недѣлю я расхаживалъ по огромному диковинному городу безъ думы о будущемъ и прошедшемъ, всецѣло отдавшись внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Все тутъ поражало огромными размѣрами: самъ городъ, улицы, дома и вывѣски на нихъ и на заборахъ; дыни, арбузы и другіе фрукты; лошади, телѣги—все было необычайныхъ размѣровъ. Даже деньги, и тѣ нарушали рутинныя пред-

---

[1]) Этотъ разсказъ Е. Е. Лазарева первоначально появился въ заграничномъ русскомъ журналѣ „Наканунѣ“ (см. №№ 26—32 этого изданія за 1901 г.), и затѣмъ вышелъ заграницею (въ 1902 г.) отдѣльною брошюрою. Мы перепечатываемъ его въ нашемъ журналѣ съ любезнаго разрѣшенія Е. Е. Лазарева. *Ред.*

ставленія человѣка Стараго Свѣта. Извѣстно, что американцы считаютъ время, положеніе и достоинство человѣка на доллары и центы, но въ Калифорніи, классической странѣ золота и Линча, меньше 5-центовой монеты въ обращеніи не имѣется. Какъ человѣку безъ языка, мнѣ приходилось доходить до многихъ истинъ Новаго Свѣта горькимъ личнымъ опытомъ. Купилъ я однажды яблоко и подалъ торговцу 5-центовую монету, ожидая сдачи; тотъ взялъ ее, бросилъ въ свой ящикъ и спокойно отвернулся. Дорогонько, думаю... но я понялъ, что угодилъ, какъ разъ... Постоялъ немного; вижу, за тѣ же 5 центовъ одинъ беретъ арбузъ, другой набилъ карманъ яблоковъ, третій взялъ нѣсколько апельсиновъ, а женщина, наполнивъ свою корзину яблоками и апельсинами, заплатила за все 10 центовъ... Подбѣжала блуза схватила торопливо три яблока, бросила 5 центовъ и, не глядя на торговца, побѣжала дальше. Я тоже побрелъ дальше, понимая меньше, чѣмъ раньше что-нибудь въ торговой системѣ Новаго Свѣта. Я былъ въ полномъ смыслѣ green horn, т. е. желторотый галченокъ.

Въ ожиданіи отвѣтныхъ писемъ я учился языку и читалъ по словарю газеты. Съ непривычки англійское правописаніе и произношеніе можетъ самаго неисправимаго оптимиста съ перваго же пріема привести въ отчаяніе, а въ недѣлю довести до петли или до запоя. Обучающійся тотчасъ же долженъ принять себѣ за правило не произносить такъ, какъ написано: написано *собака*, говори—*кошка*, и тогда есть шансы, что тебя поймутъ...

Вышелъ я однажды на улицу. Разнозчикъ газетъ по обыкновенію кричитъ что-то и на этотъ разъ съ какимъ-то особеннымъ остервенѣніемъ. Прошелъ я 3, 4, 5 улицъ—все тѣ же крики, все то же остервенѣніе; ухо привыкло къ звукамъ: „Russian Tzar!... Russian Tzar!...“ Что за диво, думаю: словно—Русскій Царь! Купилъ газету, пошелъ домой, взялъ словарь и засѣлъ за кабалистику. Оказалось дѣйствительно—Русскій Царь. Телеграмма большими буквами гласила: „Покушеніе на Царя! Бомба! Много раненыхъ. Въ моментъ отсылки телеграммы неизвѣстно, живъ ли Царь. Опасаются революціи!“

Я заволновался. Вотъ тебѣ и разъ, думаю,—бѣжалъ... сколько хлопотъ принялъ, а тамъ безъ меня—революція!... Въ революціи, признаться, я плохо вѣрилъ; но бомба—упражненіе, вполнѣ согласное съ національнымъ темпераментомъ и административными нравами. Могъ ли я утерпѣть до завтра?!... Со всей наивностью старосвѣтскаго человѣка я рѣшилъ тотчасъ же получить частное свѣдѣніе въ редакціи объ исходѣ русской революціи. Черезъ часъ и послѣ многихъ комичныхъ церемоній и перепитій я вступилъ въ святая святыхъ большой демократической газеты — въ кабинетъ ея редактора. Кабинетъ, повидимому, былъ пустъ. На полу и на столѣ въ безпорядкѣ были разбросаны огромные газетные листы.

Я остановился въ недоумѣніи; на столѣ среди бумагъ я замѣтилъ торчащія изъ подъ газеты ноги, обутыя въ изящныя ботинки. Вскорѣ газетный листъ зашевелился и гдѣ-то изъ подъ

стола показалась человѣчья голова. Прежде чѣмъ взглянуть на меня, голова отвернулась и сплюнула. Я уже кое-что читалъ раньше о классическихъ обычаяхъ американцевъ и нисколько не смутился, найдя все въ порядкѣ и согласно описаніямъ путешественниковъ.

Нѣкоторое время я стоялъ надъ головой и смотрѣлъ на нее сверху внизъ; голова отвѣчала мнѣ тѣмъ же, но въ обратномъ направленіи—снизу вверхъ. Послѣ такого нѣмого обмѣна привѣтствій я, наконецъ, услыхалъ знакомое: Well!... т. е. „что вамъ угодно?"

Началось довольно оригинальное объясненіе, въ которомъ принимали главное участіе мои руки и всевозможныя тѣлодвиженія. Я показалъ пальцемъ на интересующую меня телеграмму. Послѣ многихъ манипуляцій голова поняла, наконецъ, что я интересуюсь исходомъ русской революціи. Въ доказательство просвѣтлѣнія „головы" одна ботинка соскочила со стола на полъ. Чтобы вознаградить „голову" за причиненное ей безпокойство и объяснить свое поведеніе, мнѣ какъ-то удалось объяснить ей, что я — политическій ссыльный, бѣглецъ изъ Сибири. Едва голова успѣла проникнуть въ смутный смыслъ моихъ тѣлодвиженій, какъ вторая ботинка послѣдовала примѣру своей товарки; газета откинулась, и я увидѣлъ, что голова сидѣла на плечахъ гладко выбритого человѣка. То былъ редакторъ; онъ быстро всталъ, сильно нажалъ пуговицу электрическаго звонка, и тотчасъ же въ комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ. Обмѣнявшись парой словъ съ редакторомъ, онъ заговорилъ со мною сначала по-нѣмецки, потомъ по-французски; я отвѣчалъ одинаково скверно на томъ и на другомъ языкѣ.

Только тутъ я наглядно понялъ всю безмыслицу нашего классическаго да и реальнаго образованія: 7—8 лѣтъ учиться—и въ результатѣ ни въ зубъ толкнуть!... А я еще былъ когда-то первымъ ученикомъ!... Копаешься въ памяти, въ голову приходятъ одни правила да исключенія изъ нихъ, а ни понять, ни сказать не можешь; подсказать тоже некому.

На сцену явились словари на многихъ языкахъ, не исключая и русскаго. Я ужъ началъ раскаиваться въ своемъ нетерпѣніи. Но отступать было поздно: редакторъ и его иностранный репортеръ не выпускали меня изъ рукъ. На всѣхъ возможныхъ языкахъ они объяснили мнѣ, чтобы я подождалъ, что мнѣ за все заплатятъ... Time is money... На французско-нѣмецкомъ діалектѣ мнѣ объяснили, что въ Санъ-Франциско есть русскій докторъ, человѣкъ очень здѣсь извѣстный; что ему телефонировали и просили его немедленно пріѣхать, что онъ теперь уже на пути въ редакцію. И дѣйствительно черезъ полчаса въ комнату вошелъ человѣкъ въ цилиндрѣ пожилыхъ лѣтъ, съ просѣдью въ бородѣ.

Послѣ короткаго объясненія съ моими собесѣдниками новопришедшій обратился ко мнѣ по-русски:

— Вы русскій?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Насколько они поняли васъ, вы бѣжали изъ Сибири?... и интересуетесь телеграмой... и исходомъ русской революціи?

Я объяснилъ обстоятельства, приведшія меня въ редакцію.

Новопришедшій улыбнулся и передалъ имъ сказанное мною. Редакторъ заметался, глаза его заблистали; раздалось сразу нѣсколько звонковъ; вошли два новыхъ джентльмента и пригласили меня и доктора-переводчика въ особую комфортабельно обставленную комнату. Подъ сильнымъ освѣщеніемъ насъ усадили рядомъ, а двое нашихъ провожатыхъ вооруженные портфелями и длинными карандашами, усѣлись въ сторонѣ отъ насъ. Докторъ объяснилъ мнѣ, что эти два субъекта— репортеръ и художникъ.

— Одинъ теперь описываетъ вашъ побѣгъ изъ Сибири, а другой рисуетъ насъ обоихъ во всѣхъ видахъ и на всѣ лады.

Докторъ просилъ сообщить имъ то, что я нахожу возможнымъ и удобнымъ.

— Имъ достаточно два-три событія на пути, ваше имя и мѣсто ссылки; въ остальномъ положитесь на ихъ воображеніе,— добавилъ докторъ.

Мы стали знакомиться другъ съ другомъ. Я сказалъ свою фамилію, онъ сказалъ свою.

Доктора звали Николай Константиновичъ Руссель. Фамилія эта мало говорила моему русскому сердцу, но при дальнѣйшемъ объясненіи знакомство наше приняло чисто святочный характеръ. Произошла неожиданная сцена. Двое русскихъ, нѣсколько минутъ тому назадъ мирно бесѣдовавшихъ на самомъ дальнемъ западѣ Америки подъ зоркимъ наблюденіемъ калифорнскихъ репортеровъ, вдругъ вскакиваютъ и бросаются другъ на друга. Обезпокоенные свидѣтели, привыкшіе ко всякаго рода боксу, тоже тревожно поднимаются, но, увидѣвъ мирное перекрестное лобзаніе, поспѣшно усаживаются на мѣста и начинаютъ усиленно работать своими карандашами. Объяснивъ репортерамъ, что въ моемъ лицѣ онъ встрѣтилъ неожиданно своего стараго пріятеля, докторъ сообщилъ имъ бѣглыя данныя для корреспонденціи и сказалъ, что беретъ меня къ себѣ домой. Мнѣ же пояснилъ:

— Подробностей имъ давать не стоитъ—все равно наврутъ и перепутаютъ; на первый разъ довольно съ нихъ и этого.

Поблагодаривъ восторженнаго редактора и репортеровъ за сниманіе, мы отправились къ доктору, жена котораго, тоже русская женщина-врачъ, была предупреждена по телефону о пріѣздѣ гостя. На утро мы прочли нѣсколько столбцовъ мелкой печати на огромнѣйшей газетной простынь „The Narrow Escape“—побѣга русскаго нигилиста изъ Сибири. Я и докторъ были описаны съ головы до пятокъ и иллюстрированы въ разныхъ позахъ—вмѣстѣ и порознь. Что касается до событій моего благополучнаго побѣга, то я обомлѣлъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ: руки и шея Исава, а голосъ Іакова... Изъ сообщенія я узналъ, что я шелъ чуть не цѣлый годъ черезъ горы и долы, дремучими лѣсами, окруженный дикими звѣрями—медвѣдями, тиграми и даже львами!.. Слышалъ я, что на Амурѣ дѣйствительно тигры водятся... Это еще туда-сюда; но зачѣмъ же львы-то?!.. Докторъ однако скоро успокоилъ меня, сказавъ, что все это въ порядкѣ вещей, и сталъ съ этихъ поръ понемножку знакомить меня съ нравами Новаго Свѣта.

II.

Безподобный епископъ.

Почтенный и изрядно посѣдѣвшій докторъ оказался хорошо мнѣ извѣстнымъ товарищемъ по эпохѣ хожденія въ народъ, бывшимъ тогда студентомъ 5-го курса Судзиловскимъ, который, живя еще въ Румыніи, легально принялъ фамилію Русселя. Въ 1874 г. при арестахъ въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губ., гдѣ былъ арестованъ д-ръ Кадьянъ, гдѣ застрѣлился Речицкій, едва не былъ взятъ и Судзиловскій. Онъ спасся только тѣмъ, что окружавшая городъ полиція и жандармы приняли его за нѣмца-менонита, потому что онъ ни слова не говорилъ съ ними по-русски, и такимъ образомъ сбѣжалъ заграницу. Сдавъ экзаменъ на врача, послѣ многихъ приключеній въ Румыніи, Болгаріи, Турціи и Франціи онъ отправился въ Америку, гдѣ и осѣлся въ Санъ-Франциско. Будучи хорошимъ „европейскимъ врачемъ“ среди „американскихъ цирульниковъ“, онъ скоро пріобрѣлъ хорошую практику, особенно среди славянскаго населенія столицы, и былъ выбранъ вице-президентомъ мѣстнаго Греко-Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Но православный русскій духъ проникъ и на дальній западъ Америки. Православіе избрало своей столицей Санъ-Франциско, а представителемъ своимъ епископа Алеутскаго и Аляскинскаго Владиміра, который прибылъ туда и вскорѣ окружилъ себя большимъ штабомъ лицъ всѣхъ возрастовъ, вѣръ, націй и званій, до бѣглыхъ уголовныхъ каторжанъ включительно. Владиміру поручено было Святѣйшимъ Синодомъ насаждать въ Америкѣ и блюсти во всей чистотѣ русское исконное православіе. У русскаго доктора—нигилиста и у православнаго епископа являлась естественно одна паства: одинъ заботился о спасеніи души, другой о спасеніи тѣла своихъ кліентовъ. Вскорѣ оба славянскихъ вождя естественно познакомились другъ съ другомъ, и, казалось, единенію души съ тѣломъ не предвидѣлось конца. Но, какъ сказано въ писаніи, и самъ міръ осужденъ на кончину; скоро наступилъ конецъ и царившему единенію души и тѣла.

Многіе изъ братьевъ славянъ стали говорить врачу тѣла, что врачъ духовный простираетъ свою любовь къ прихожанамъ за предѣлы своего вѣдомства; что онъ понавезъ изъ Россіи мальчиковъ пѣвчихъ и прислужниковъ семинаристовъ; содержитъ ихъ ужасно, моритъ голодомъ, истязуетъ и даже хуже того... Докторъ сначала не вѣрилъ. Но однажды къ нему были приведены два мальчика, сбѣжавшіе отъ епископа Владиміра, которые разсказывали ужасныя вещи. Нѣкоторые изъ мальчиковъ были выкрадены Владиміромъ въ Россіи; отъѣзжая къ ввѣренной ему епархіи, онъ заманилъ ихъ съ собою безъ вѣдома ихъ родителей, обѣщая дать имъ духовное воспитаніе въ Америкѣ и сдѣлать тамъ попами. Это духовное воспитаніе выразилось въ довольно своеобразной формѣ—въ систематическомъ обученіи ихъ Содомскому грѣху.

Вскрылось дѣло Мартыша, дѣло Бобовскаго и многихъ другихъ семинаристовъ, дѣла чудовищныя по своимъ подробностямъ. Началось дознаніе. На дознаніи выяснилось, что мальчиковъ сажали въ отвратительные карцеры; въ помѣщеніи царила грязь и вонь. Царствовалъ фаворитизмъ, ссоры и зависть: одни сидѣли на черствомъ хлѣбѣ, другіе питались сластями и пряниками изъ собственныхъ рукъ епископа.

Теперь стали вслухъ говорить въ славянской колоніи чудовищныя вещи: вскорѣ по пріѣздѣ Владиміра какъ-то необъяснимо сгорѣлъ старый храмъ, изъ котораго только что вышелъ епископъ. Испрошена была отъ Синода большая сумма на построеніе новаго храма; начались сборы пожертвованій. Всѣмъ было извѣстно, что новый храмъ хромаетъ, а деньги уплываютъ. Въ храмѣ ради экономіи вмѣсто иконъ были понавѣшены какія-то зазорныя картины. Всѣ священники по уставу новаго епископа стали получать половинное жалованье и т. п.

Когда слухъ о преданіи епископа суду дошелъ до отдаленныхъ приходовъ обширной епархіи, изъ разныхъ мѣстъ посыпались жалобы на безчинства епископа во время его поѣздокъ по епархіи въ полудикія сѣверныя области. Мѣстные славяне собрались на митингъ подъ предсѣдательствомъ Русселя и рѣшили написать и послать въ Святѣйшій Синодъ ходатайство, прося его во избѣжаніе скандала немедленно отозвать Владиміра изъ епархіи. Выставлены были самыя рѣшительныя основанія. Резолюція митинга и копія съ прошенія въ Синодъ были препровождены епископу Владиміру. Послѣдній прислалъ Русселю письменный приказъ черезъ консисторію явиться къ нему лично на духовный судъ для увѣщанія и для покаянія въ возмущеніи противъ Бога и Его представителя въ Американской Республикѣ; при ослушаніи же грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви. Прошелъ назначенный срокъ; докторъ не явился. Епископъ снова прислалъ еще болѣе строгій приказъ, грозя не только небеснымъ, но и земнымъ судомъ, напоминая Русселю, что онъ нигилистъ Судзиловскій и что въ Россіи у него осталась жена и двое дѣтей, между тѣмъ какъ онъ женатъ теперь на другой, и что, слѣдовательно, по американскимъ законамъ онъ является двоеженцемъ. Епископъ зналъ, что докторъ правильно посылаетъ деньги на содержаніе своихъ дѣтей въ Россіи; но ни онъ, ни правительство не подозрѣвали, что у Русселя имѣется разводный документъ, засвидѣтельствованный въ русскомъ посольствѣ. Врачъ тѣлесный отвѣтилъ врачу духовному короткимъ, но энергичнымъ отказомъ.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній православная служба въ Санъ-Франциско совершалась особенно торжественно. Богослуженіемъ руководилъ самъ епископъ Владиміръ. Храмъ былъ тщательно выметенъ и прибранъ. Весь причтъ надѣлъ свои лучшія ризы и рясы. Золоченые и мишурные дырявые мѣшки производили необыкновенно трогательное впечатлѣніе на присутствующихъ, среди которыхъ было нѣсколько репортеровъ американскихъ газетъ. Наконецъ въ установленномъ порядкѣ произнесена

была торжественная анаѳема. Почти забытая въ самой Россіи, она раздалась теперь на свободной почвѣ великой Американской республики:

„Стенька Разинъ, Ванька Каинъ—анаѳема!“

„Гришка Отрепьевъ, Емелька Пугачевъ—анаѳема!“

„Злочестивый нигилистъ, богопротивный двоеженецъ Николка Судзиловскій—анаѳема-маранаѳа!“

И вотъ пошла гулять русская анаѳема по столбцамъ американскихъ газетъ!

Но простое сотрясеніе воздуха архидіаконскимъ басомъ показалось епископу недостаточнымъ. Онъ письменно, офиціально и торжественно хотѣлъ закрѣпить анаѳему, препроводивъ ее при бумагѣ за № 19 самому отверженному Русселю. За недостаткомъ мѣста я привожу этотъ документъ, какъ образчикъ духовнаго краснорѣчія, лишь въ сокращеніи, но съ подлинной орфографіей.

Р. Д. К. въ Аляскѣ.
21 янв. 1890 г.
С.-Франц., Калифорнія.
№ 19.

„Называющему себя православнымъ христіаниномъ Врачу Николаю Русселю.

Владиміра, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго Сообщеніе.

„Поелико въ отвѣтѣ своемъ отъ 19-го декабря на призывъ Епархіальнаго начальства къ суду за нарушеніе Вами Церковныхъ Законовъ, Вы съ не христіанскою гордостью написали Намъ, что не признаете судебной власти церкви въ этой странѣ,—на такое неповиновеніе есть повелѣніе Христа Спасителя, которое относится къ Вамъ: „аще преслушаетъ Церкви—буде тебѣ яко язычникъ и мытарь“. За преслушаніе церкви да будетъ Николай Руссель—анаѳема маранаѳа.

„Нарушеніе церковныхъ законовъ Вами было слѣдующее. Ни разу не послушали Вы голоса церкви, призывавшаго Васъ къ Таинству Покаянія и Св. Причастія въ этомъ городѣ, а за это канонами церкви Глава 26, § 90-мъ опредѣляется небрегущему очищеніемъ своей совѣсти публичная Эпитимія, а въ случаѣ дальнѣйшей косности въ грѣховной грязи—отлученіе отъ церкви.

„2. Вы взяли женщину на сожитіе съ собою безъ развода со стороны церкви съ первой женой, отъ которой прижили дѣтей, отъ того виновны Вы въ прелюбодѣяніи, за которое канонами церкви опредѣляется долговременная публичная эпитимія и даже церковная анаѳема по 48-му правилу Апостоловъ.

„3. Вы, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ г. Санъ-Франциско, бѣжали изъ Кіевскаго Университета заграницу, потому что подлежали уголовному русскому суду за нигилистическія убѣжденія и крамольныя дѣйствія противъ русскаго правительства и церкви, и свободный въѣздъ въ Россію Вамъ, какъ преступнику, закрытъ. За отступленіе отъ

вѣры и нехожденіе въ церковь:—іерархическою властью отъ Бога мнѣ данною объявляю Вамъ церковную анаѳему, опредѣленную канонами церкви за Богоотступничество, именно 62-мъ правиломъ св. Апостоловъ.

„Правило 31-е св. Апостоловъ повелѣваетъ: Аще кто, клирикъ или мірянинъ, презрѣвъ собственнаго Епископа, отдѣльныя собранія будетъ творить—да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго.

„Въ силу сихъ правилъ Божественною мнѣ властью данныхъ, объявляю Вамъ церковною анаѳему, Николай Руссель, за то, что Вы созывали самочинное собраніе по церковнымъ дѣламъ безъ благословенія своего Епископа и составляли тамъ ложныя обвиненія и доносы высшей іерархической и государственной власти по дѣламъ архіерейскаго дома и епархіальнаго начальства, чѣмъ досадили своему Епископу, а за это преступленіе 55-е правило св. Апостоловъ повелѣваетъ: „Аще кто . . ., досадитъ Епископу, да будетъ изверженъ: князю бо людей твоихъ да не рѣчеши зла“.

„За всѣ вышеозначенныя преступленія силою Божественныхъ каноновъ и Святительской власти, данной Богомъ мнѣ, недостойному Владиміру, Епископу Алеутскому и Аляскинскому, да, будетъ человѣкъ, называющій себя Николаемъ Русселемъ, анаѳема маранаѳа до дня пришествія Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ преданъ во власть Сатаны на муку вѣчную, да будетъ лишенъ права называться православнымъ Христіаниномъ, да будетъ удаленъ отъ участія въ греко-славянскомъ благотворительномъ обществѣ, да будетъ лишенъ таинствъ св. церкви и христіанскаго погребенія. Всѣмъ истиннымъ христіанамъ Аляскинской Епархіи запрещается общеніе съ нимъ согласно древнему обычаю православной церкви подъ страхомъ вѣчнаго Божьяго наказанія за преступленіе.

„Владиміръ,
Епископъ Алеутскій и Аляскинскій“.

Однако противъ епископа теперь возбуждено было два процесса: одинъ—уголовный по обвиненію въ содоміи со стороны сразу нѣсколькихъ лицъ, и гражданскій искъ со стороны д-ра Русселя за матеріальный ущербъ, причиненный публичной анаѳемой его медицинской практикѣ. Когда слухи и формальныя жалобы на епископа дошла до Синода и Побѣдоносцева, русскому консулу въ Санъ-Франциско было приказано произвести всестороннее дознаніе подъ руководствомъ надежнаго американскаго юрисконсульта (адвоката Платта). Увы! Дознаніе сторицею подтвердило присяжныя показанія массы свидѣтелей. Владиміръ получилъ приказъ сдать должность нарочно присланному архимандриту Николаю и немедленно отправиться въ Россію. Въ консульствѣ была получена слѣдующая телеграмма отъ тов. министра иностранныхъ дѣлъ:

„Анаѳема, произнесенная Владиміромъ надъ Николаемъ

Русселемъ, признана Синодомъ недѣйствительной и несуществующей. Можно объявить въ газетахъ.

Влангали."

Въ свою очередь Руссель получилъ отъ Побѣдоносцева телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Письмо получено. Отвѣчаю по почтѣ. Епископъ отозванъ. Чего хотите вы еще? Процессъ былъ бы непріятенъ для всѣхъ.

Побѣдоносцевъ."

Кромѣ телеграммы, было еще два письма, которыми Побѣдоносцевъ просилъ не пользоваться въ печати. Руссель изъ рыцарскихъ чувствъ къ своему бывшему профессору и въ отплату за довѣріе возвратилъ эти письма, даже не снявъ съ нихъ копіи. Оберъ-прокуроръ Св. Синода убѣждалъ въ нихъ Русселя, что Владиміръ *сумасшедшій, неотвѣтственъ за свои поступки и скоро очутится въ сумасшедшемъ домѣ.* Но слѣдующее собственноручное письмо того же г. Побѣдоносцева къ посланному имъ преемнику Владиміра архимандриту Николаю лучше всего покажетъ положеніе дѣла:

„Достопочтеннѣйшій отецъ Архимандритъ!

„Мы крайне удивляемся здѣсь, что отъ васъ нѣтъ еще донесенія. Первая ваша обязанность была немедленно принять отъ Епископа церковь, управленіе и все матеріальное имущество и капиталы архіерейскаго дома.

„Не знаю, исполнили ли вы это, но донесенія отъ васъ нѣтъ. Между тѣмъ Епископъ Владиміръ присылаетъ мнѣ безпрестанно письма, свидѣтельствующія лишь о неправильности его умственныхъ способностей и неспособности управлять дѣлами. Всюду онъ видитъ враговъ и разбойниковъ и васъ несомнѣнно тоже скоро запишетъ въ число ихъ. Было уже ему писано, чтобъ уѣзжалъ скорѣе, но онъ упрямится и тѣмъ только ухудшаетъ свое положеніе. Русскому правительству онъ теперь уже дорого стоитъ своимъ безтолковымъ поведеніемъ.

„Сейчасъ получено отъ него изъ Викторіи письмо съ доносами на Нибаума [1]), коимъ, разумѣется, по нелѣпости ихъ не будетъ придано значенія. Людей, на то поставленныхъ, чтобы помогать ему,—Нибаума, Платта—онъ отвергаетъ, а самъ довѣряется людямъ негоднымъ, вотъ теперь держитъ при себѣ Алексина, коего давно слѣдовало бы устранить.

„Письмо едва ли застанетъ васъ въ С. Франциско, ибо вы уѣхали съ епископомъ въ Ситху. Вѣроятно, вы еще не успѣли получить записку, которую Саблеръ послалъ вамъ по моему распоряженію. Извольте поспѣшить донесеніемъ вашимъ св.

---

[1]) Русскій вице-консулъ въ С.-Франциско, вице-ризидентъ Аляскинской Торговой Компаніи.

Синоду, а Епископа слѣдуетъ уговорить немедленно и при первой возможности возвратиться въ Россію.

К. Побѣдоносцевъ".

С.-Петербургъ, 16-го іюня 1890 г.

Опасаясь наказанія въ Россіи (о, маловѣрный!), Владиміръ отказался исполнить приказъ Синода, отказался и сдавать дѣла и должность присланному преемнику. Русскому консулу и его авдокату онъ пересталъ довѣрять и потому пригласилъ *своего* юрисконсула, спрашивая его: можетъ ли американское правительство, выдать его русскому правительству если онъ сдастъ должность, но въ Россію не поѣдетъ? Убѣдившись съ этой стороны въ своей безопасности, Владиміръ заговорилъ болѣе рѣшительнымъ тономъ и съ русскимъ консуломъ. Онъ рѣшилъ, что безъ скандала должность сдавать не слѣдуетъ, будучи увѣренъ, что правительство на открытый скандалъ пойти не рѣшится. По отношенію къ процессамъ его интересы и интересы правительства были тождественны. Масса собранныхъ подъ присягою свидѣтельствъ со стороны обвиненія была слишкомъ подавляюща; чтобы отстоять цѣломудріе православія и самодержавія, Владиміру и правительству приходилось поддерживать другъ друга и прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Владиміръ сталъ разсылать свидѣтелей: кого въ Россію, на родину, кого въ отдаленные приходы епархіи, назначая ихъ попами или на другія должности; кого просто подкупалъ и усылалъ подальше. Преемникъ его Николай, не имѣя опредѣленныхъ инструкцій, жилъ при немъ, такъ сказать, „въ недоумѣніи".

На слѣдствіи мимоходомъ выяснилось, что Владиміръ за уменьшенное жалованье и экономіи ради назначалъ иногда попами даже евреевъ. Съ однимъ такимъ православнымъ попомъ-евреемъ я познакомился лично въ Санъ-Франциско. Онъ мнѣ жаловался на Владиміра, который сталъ выдавать ему только половину прежде условленнаго жалованья, говоря, что съ него и этого довольно... Кончилось тѣмъ, что попъ-еврей разсердился, выругалъ епископа, какъ умѣлъ, и отдался болѣе сродной ему и болѣе независимой коммерческой карьерѣ. Я видѣлъ его уже въ штатскомъ платьѣ. Борода превосходная, архіерейская, патріархальная, но къ сожалѣнію рыжая. Человѣкъ очень умный, даже образованный, былъ любимъ населеніемъ, оказывалъ на прихожанъ хорошее вліяніе и былъ имъ очень полезенъ. Я искренно пожалѣлъ, что православіе потеряло въ его лицѣ дѣйствительно полезнаго представителя, способнаго импонировать образованнымъ американскимъ проповѣдникамъ всякихъ наименованій. Не мѣшало бы почтенному прокурору Святѣйшаго Синода серьезнѣе задуматься по этому предмету и дать евреямъ доступъ къ миссіонерской дѣятельности.

Когда дѣло о епископѣ Владимірѣ поступило наконецъ на разсмотрѣніе жюри, большинства главныхъ свидѣтелей не оказалось, и подъ давленіемъ русскаго правительства дѣло оставили

безъ послѣдствій за отсутствіемъ свидѣтелей. Но обвиняемый былъ отпущенъ съ словами:

— Мы отпускаемъ васъ не потому, чтобы нашли васъ невиновнымъ, но изъ уваженія къ престижу церкви, главою которой вы состоите.

Вслѣдъ за тѣмъ вся греко-славянская колонія была поражена циркуляромъ вновь прибывшаго новаго консула Арцимовича, который офиціально заявилъ, что въ опроверженіе циркуляра Славянскаго Благотворительнаго Общества онъ, консулъ, спѣшитъ сообщить, „что Епископъ Владиміръ *никогда не былъ отозванъ* и продолжаетъ быть главою Епархіи по указу Св. Синода въ С.-Петербургѣ". Вся эта ложь такъ надоѣла прихожанамъ Санъ-Франциско, что они, махнувъ рукой на Побѣдоносцева, рѣшились отдать дѣло Владиміра на судъ американскаго общественнаго мнѣнія и Великаго Жюри г. Санъ-Франциско. 19 сентября 1890 г. было созвано общее собраніе православныхъ безъ различія національностей, и 80 человѣкъ присутствующихъ постановили выбрать комитетъ изъ 3 лицъ, по одному отъ трехъ національностей, для возбужденія снова дѣла предъ Великимъ Жюри [1]) и на другой день напечатали во всѣхъ газетахъ слѣдующую резолюцію.

„Принимая во вниманіе раздоры, внесенные Епископомъ Владиміромъ въ среду небольшой, но жившей до сихъ поръ въ мирѣ и согласіи русской колоніи, которая, будучи связана общей сыновьей любовью и симпатіей къ своей родинѣ, справедливо игнорировала слишкомъ неумѣстную на такомъ далекомъ разстояніи политическую, расовую и религіозную рознь своихъ членовъ,

„принимая во вниманіе позоръ, нанесенный этимъ Епископомъ нашей церкви и религіи, сдѣлавшимся притчей во языцѣхъ, позоръ, которымъ онѣ обязаны безпримѣрной придирчивости, его клеветническимъ и оскорбительнымъ методамъ, недостойнымъ христіанина злоупотребленіемъ положеніемъ и званіемъ Епископа въ личныхъ ссорахъ,

„принимая во вниманіе лишенную всякаго основанія анаѳему, не соотвѣтствующую духу вѣка и несовмѣстимую съ любовью къ человѣку, провозглашенною со Креста Христомъ Спасителемъ, — анаѳему, произнесенную изъ личной злобы, беззаконно надъ однимъ изъ членовъ,

„принимая во вниманіе вообще дурное, безсмысленное, деспотическое и жестокое управленіе Епархіей, выразившейся въ возстановленіи средневѣковой бурсы со всѣми ея ужасами подъ именемъ духовной семинаріи, растрату церковныхъ денегъ на чисто личныя надобности, удержаніе обманомъ жалованья у служащихъ, самовольно взятую на себя недостойную высокаго духовнаго сана роль полицейскаго сыщика, оскверненіе кладбища, неспособность дать удовлетворительный отвѣтъ общественному

---

[1]) Великое Жюри состоитъ изъ избранныхъ присяжныхъ, замѣняющихъ нашу единоличную прокуратуру.

мнѣнію по вопросу о пожарѣ въ церкви, сообщничество съ преступниками и покровительство людямъ, обвиняемымъ въ кражѣ общественнаго имущества, отталкиваніе прихожанъ толпами отъ нашей церкви въ другія вѣроисповѣданія, превращеніе церкви въ языческое капище, подкупъ, ложные доносы, поддѣлку именъ подъ ложными документами и проч.,

„мы, православные прихожане этого города, греческаго, русскаго и славянскаго происхожденія, симъ торжественно выражаемъ наше глубокое негодованіе на поведеніе этого Епископа и, подтверждая рѣшенія, принятыя тридцатью русскими 1-го іюня 1889 г., отдаемъ его на судъ общественнаго мнѣнія этой страны, какъ недостойнаго своего сана и положенія, какъ человѣка, представляющаго въ ложномъ свѣтѣ Россію въ Америкѣ и американскій народъ въ Россіи, какъ опаснаго для мира и благосостоянія этой общины, и покорнѣйше просимъ правительство Штата, не обращая вниманія на санъ и положеніе, поступить съ нимъ, какъ онъ того заслуживаетъ“.

Съ другой стороны избранный комитетъ обратился съ такою энергичной жалобой къ Великому Жюри.

Переводъ.

Предсѣдателю Великаго Жюри.

„Милостивый Государь.

„Прилагая при этомъ документы по обвиненію Василія Соколовскаго (извѣстнаго подъ именемъ Епископа Владиміра) въ противоестественномъ преступленіи противъ нравственности, совершенномъ въ этомъ городѣ и Штатѣ, мы считаемъ полезнымъ довести до вашего свѣдѣнія нѣкоторые факты и слухи, о которыхъ въ документахъ не упоминается. Такъ какъ большая часть прямыхъ свидѣтелей черезъ подкупъ и высылку за границы Штата была отстранена обвиняемымъ, то лишь строгое изслѣдованіе вышеупомянутыхъ фактовъ и слуховъ можетъ дать руководящую нить, доставить улики для привлеченія его къ суду и отвѣтственности.

„Омерзительный характеръ преступленія, если таковое имѣло мѣсто увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что обвиняемый, очевидно злоупотреблялъ тѣмъ духовнымъ вліяніемъ, которымъ пользовался по отношенію къ беззащитнымъ дѣтямъ и сиротамъ. довѣреннымъ его попеченію,—дѣтямъ, которыя по незнанію языка страны, отсутствію какихъ бы то ни было естественныхъ покровителей, были поставлены къ нему въ полную совершенную зависимость.

„Такое преступленіе, если оно имѣло мѣсто, вопіетъ къ небу и, если только суды не есть одна насмѣшка надъ правдой и справедливостью, должно быть наказано примѣрно.

„Это уже не первая попытка со стороны колоніи добиться публичнаго изслѣдованія дѣла. Но до сихъ поръ всѣ старанія въ этомъ направленіи были неудачны, благодаря отчасти сану и положенію главы Епархіи, занимаемому обвиняемымъ, и связанному

съ нимъ значенію въ обществѣ, отчасти тому вліянію, которое, не брезгая средствами, Епископъ и русское консульство—представители двуглаваго орла — употребляли во всѣхъ направленіяхъ. Уже это вліяніе представляетъ фактъ настолько несовмѣстимый съ духомъ нашей конституціи и республиканско-демократическихъ принциповъ, что само составляетъ явленіе достойное судебнаго разслѣдованія.

„Первое изслѣдованіе произведено было Гораціемъ Платтомъ, адвокатомъ, назначеннымъ русскимъ правительствомъ, для защиты Епископа и имѣло частный характеръ. Это было въ январѣ 1890 г. въ его пріемной на углу Калифорнія и Мантгомери-стритъ. Свидѣтели: Алленъ, Кучерявый и Поварчукъ были подвергнуты допросу и дословно подтвердили все, заключающееся въ прилагаемыхъ при этомъ присяжныхъ своихъ показаніяхъ. Въ томъ же году была сдѣлана другая попытка докторомъ Н. Русселемъ и его адвокатомъ Е. Л. Кэмбэлемъ, но г. Пажъ, тогдашній прокуроръ, не хотѣлъ взяться за изслѣдованіе самъ и отправилъ ихъ къ судьѣ Іохимсону, который такъ колебался въ выдачѣ распоряженія объ арестѣ, что обращавшіеся предпочли оставить дѣло безъ послѣдствій.

„Въ августѣ того же 1890 года нѣкто Федоровъ, проповѣдникъ въ Аляскѣ, взялъ на себя эту миссію и успѣлъ довести до свѣдѣнія тогдашняго Великаго Жюри показанія Аллена, Кучеряваго, Ванны и письмо Аллена къ нему, Федорову. Благодаря подкупу тогдашняго мэра города X. Бэкля адвокатомъ Епископа Платтомъ г. Пажъ представилъ все дѣло въ глазахъ Жюри, какъ шантажъ. За исключеніемъ самого Епископа, русскаго консула и доктора Русселя ни одинъ изъ мальчиковъ, обвинявшихъ Владиміра и никакой другой свидѣтель (а ихъ было много), не были призваны и допрошены. Обвиняемый былъ отпущенъ, какъ вамъ извѣстно, со словами: „мы отпускаемъ васъ не потому, чтобы нашли васъ невиновнымъ, а изъ уваженія къ престижу церкви, главою которой вы состоите“.

„Настоящая серія документовъ содержитъ многіе, которые не были представлены прежнему Великому Жюри, а именно: переписку Бобовскаго, собственноручное письмо его къ одному изъ священниковъ, подобное же собственноручное письмо, адресованное тому же лицу тремя другими мальчиками. Такъ какъ эти новыя бумаги бросаютъ новый свѣтъ на дѣло, мы думаемъ, что это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы просить Вел. Жюри обратить на него еще разъ вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ связи съ этимъ въ послѣднее время открыты новые факты.

„1. Мальчикъ по имени Корнелюкъ, съ которымъ Владиміръ подозрѣвается пребывающимъ и понынѣ въ преступныхъ отношеніяхъ, живетъ теперь въ епископскомъ домѣ на Пауэль-стритъ. Такъ какъ остальныя жертвы преступленія: Мартышъ, Бобовскій, Санецкій и Алленъ выпровожены Епископомъ въ Россію,— допросъ этого мальчика получаетъ большое значеніе. Допросъ

его можетъ быть успѣшнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда Корнелюкъ будетъ взятъ изъ рукъ обвиняемаго и удаленъ отъ всякаго общенія съ друзьями и защитниками Владиміра. Въ настоящее время мальчикъ находится съ обвиняемымъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и вся его будущность въ рукахъ обвиняемаго. Онъ скажетъ правду лишь тогда, когда ему будетъ оказано достаточное покровительство помимо обвиняемаго и когда онъ будетъ убѣжденъ, что искреннее сознаніе ничѣмъ ему не повредитъ. Вообще Вел. Жюри слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что подчиненные русской церкви, несмотря на временное пребываніе здѣсь, стоятъ въ такой полной зависимости въ настоящемъ и будущемъ отъ своихъ начальниковъ (Епископа и Консула), настолько напуганы призракомъ русскаго правительства, что отношенія ихъ только приблизительно могутъ быть приравнены къ отношеніямъ чернаго раба къ бѣлому плантатору. Свидѣтельствованіе противъ Епископа равносильно для нихъ добровольному отказу когда-либо возвратиться на родину, отказу отъ надежды на какой-либо благопріятный исходъ въ будущемъ. Оно равносильно необходимости остаться здѣсь безъ ремесла, языка, друзей и какой бы то ни было поддержки. Они вѣдь лишь временно въ Америкѣ и продолжаютъ состоять на службѣ русскаго правительства. Свидѣтельство противъ высокопоставленнаго духовнаго лица въ такихъ условіяхъ равнозначуще отказу отъ родины, родителей, отъ своей привычной среды навѣки; по крайней мѣрѣ такъ думаютъ они, зная, что ожидаетъ ихъ дома послѣ подобнаго свидѣтельства.

„2. Одинъ изъ капитановъ парохода Аляксинской Торговой Компаніи во время путешествія Епископа въ Аляску видѣлъ его преступныя отношенія къ сопровождавшему его мальчику Ерошевичу. Имя этого капитана не трудно узнать, и, какъ бы ни непріятно ему было быть свидѣтелемъ въ подобномъ дѣлѣ, Вел. Жюри обладаетъ достаточными средствами, чтобы побороть это естественное отвращеніе.

„3. Священникъ Алекс. Мартышъ, состоящій нынѣ при одной изъ аляскинскихъ церквей (Кадьякъ), жаловался нѣкоторымъ русскимъ (свящ. Гудковскому и доктору Русселю) на преступныя отношенія Владиміра къ его сыновьямъ. Одно время онъ даже составилъ формальную жалобу по этому предмету св. Синоду, но обвиняемому удалось отчасти угрозами, отчасти обѣщаніями заставить его возвратить эту жалобу телеграммой изъ Нью-Іорка.

„4. Многіе изъ мальчиковъ сознались въ своихъ унизительныхъ отношеніяхъ къ обвиняемому передъ Б. Розенталемъ, Майеромъ, Гудковскимъ, Русселемъ, Платтомъ и т. д.

„5. Если бы обвиняемый былъ и чувствовалъ себя невиннымъ, на его и его защитниковъ обязанности лежало немедленно арестовать всѣхъ выступившихъ съ обвиненіемъ свидѣтелей и требовать публичнаго слѣдствія. Они не только не сдѣлали этого, но еще поставили всѣ доступныя имъ препятствія, чтобы помѣшать слѣдствію и поспѣшили удалить свидѣтелей за предѣлы Штата.

„Мальчики: Меркульевъ, Кочергинъ, Кингъ, которыхъ собственноручное письмо къ одному изъ священниковъ при этомъ прилагается, находятся до сихъ поръ при церкви. Вмѣстѣ съ Кавуткой, Кокаранинымъ и Веніаминовымъ должны быть допрошены въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Карнелюкъ.

„Вотъ все, что могли узнать по этому предмету мы, частные люди, для которыхъ производство слѣдствія безъ всякихъ прерогативъ власти такъ затруднительно. Особенный характеръ настоящаго Великаго Жюри [1]), котораго Вы состоите предсѣдателемъ, всеобщее уваженіе народа, которымъ оно справедливо пользуется, даетъ намъ право надѣяться, что Вы пополните добытыя нами свѣдѣнія.

„За Комитетъ, избранный прихожанами православной церкви

„Предсѣдатель Ал. Зингеръ".

Адресъ: 12, Randel Place, near 16 th Street.

Послѣ этого Великое Жюри отнеслось къ дѣлу болѣе серьезно. Готовился приказъ объ арестѣ епископа. Русское консульство и Владиміръ провѣдали объ этомъ, и Владиміръ внезапно исчезъ изъ города и словно сквозь землю провалился.

Какъ событія развивались дальше, мнѣ въ подробности неизвѣстно. Я уѣхалъ дальше на Востокъ и потомъ въ Европу. Только ужъ нѣкоторое время спустя Руссель прислалъ мнѣ русскую газету, гдѣ чернымъ по бѣлому было напечатано, что бывшій епископъ Аляскинскій и Алеутскій, Владиміръ, назначается викарнымъ епископомъ въ Воронежъ, гдѣ онъ, по увѣренію воронежскихъ обывателей, вскорѣ и сдѣлался предметомъ поклоненія избраннаго общества [2]). Въ 1895 г. по представленію оберъ-прокурора Св. Синода награжденъ орденомъ за усердіе.

Вся эта борьба страшно утомила доктора Русселя и его жену, и потому онъ рѣшилъ отдохнуть отъ житейскихъ бурь и болгарской лихорадки подъ чарующимъ небомъ Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ, куда онъ былъ вскорѣ приглашенъ на должность врача на одну сахарную плантацію еще въ царствованіе послѣдней туземной королевы этихъ острововъ, злополучной красавицы Лиліуколани.

---

[1]) Это Жюри было спеціально избрано для обнаруженія злоупотребленій городского управленія.

[2]) Намъ доподлинно извѣстно, что Владиміръ былъ архіереемъ въ Воронежѣ гдѣ славился своими благочестивыми проповѣдями и имѣлъ, дѣйствительно, много поклонницъ среди мѣстныхъ скучающихъ дамъ. Изъ Воронежа Владиміръ былъ переведенъ архіереемъ же въ Оренбургъ, гдѣ снова надъ нимъ синодъ велъ какое-то скандальное слѣдствіе. Въ результатѣ Владиміръ былъ опять куда-то переведенъ,—кажется въ Екатеринбургъ,—вѣроятно, въ цѣляхъ укрѣпленія пошатнувшагося тамъ православія.

Ред.

III.

Гавайскій сенаторъ.

Гавайскіе или Сандвичевы о-ва лежатъ въ тропическомъ климатѣ и въ самомъ сердцѣ Тихаго океана. Красавица Гонолулу—столица острововъ—прославлена достаточно географами всего свѣта, не исключая нашего пресловутаго Ободовскаго. Долго жили туземцы—канаки подъ крыломъ своихъ королей, вдали отъ европейской и американской цивилизаціи, наслаждаясь вѣчно яснымъ солнцемъ, благодатнымъ климатомъ, безподобными картинами природы и тропической растительностью; ходили босикомъ и въ распояску, ѣли бананы, кокосы и другія диковинныя снѣди; часто подъ аккомпаниментъ взрывовъ вулкана Мауна Лоа танцовали и пѣли свои прекрасныя пѣсни: жили и радовались. Ни сосѣдскихъ набѣговъ другихъ племенъ, ни великихъ завоеваній они не знали и не вѣдали.

Время отъ времени, однако, стали заходить къ ихъ островамъ шальныя суда: ихъ открыли непосѣдные бѣлые. Далѣе повторилась обычная всюду исторія. Провѣдали торгаши-аршинники, что страна богатая, и снаряжаютъ они поповъ-миссіонеровъ пойти проповѣдывать канакамъ вѣру въ истиннаго и единаго Бога и тѣмъ проложить и уготовать путь къ ихъ пришествію. И вотъ вооружились попы крестами и библіями, подъѣхали къ островамъ и скромненько высадились на берегъ,—но не въ качествѣ случайныхъ проѣзжихъ, а въ качествѣ постоянныхъ просвѣтителей дикарей и спасителей ихъ душъ отъ пламени христіанскаго ада. Косятся канаки, а миссіонеры знай себѣ только гимны поютъ; держатъ себя такъ мирно да привѣтливо, что канаки и коситься на нихъ перестали. Миссіонеры имъ брелочковъ, зеркалъ, мишуры надарятъ, а тѣ имъ и банановъ и всякой всячины натащутъ. Полюбили они другъ друга—души другъ въ другѣ не чаютъ. Колечки и забавныя игрушки у немногихъ служили предметомъ зависти для всѣхъ другихъ. Аршинникъ тутъ какъ тутъ: подъѣхалъ такъ же скромненько, такъ же скромненько высадился, вытащилъ на берегъ массу всевозможныхъ красивыхъ бездѣлушекъ и подъ прикрытіемъ миссіонерскаго креста разбилъ палатку и разложилъ во всемъ блескѣ свой товаръ на всеобщій соблазнъ. Черезъ миссіонеровъ тоже послалъ подарки королю и знати. Простымъ же канакамъ было объявлено, что и они могутъ имѣть такія же дивныя вещи, если принесутъ то-то, сдѣлаютъ то-то, наберутъ и перенесутъ ему на суда—вотъ то-то. Не умѣли канаки торговать—и быстро стали обучаться. Рвутъ, рубятъ, таскаютъ цѣлый день, даже ночь, и—о, радость! какое чудное зеркальце! какое славное колечко! точь въ точь, какъ у ихъ короля или королевы! Дальше да больше, дошло дѣло до того, что и отдохнуть и попѣть, на Мауна Лоа поглядѣть стало некогда: работаютъ на аршинниковъ съ утра до ночи,—потомъ обмываются. Аршинниковъ все больше да больше прибывать стало,—среди нихъ и попы затерялись. Ка-

наки имъ всѣмъ дома понастроили, цвѣтники развели—и прислугой и вьючной скотиной стали. Бѣлыхъ отовсюду понаѣхало тьма тьмущая. Мало канаковъ,—стали японцевъ да китайцевъ привозить. Сахарныя и кофейныя плантаціи развели. Сахарные заводы понаставили; во всѣ острова, какъ мухи къ меду, понабились. На этотъ разъ больше американскіе аршинники силу взяли. Вотъ, наконецъ, на канакскій тронъ возсѣла молодая королева Лиліуколани. Жившіе и владѣвшіе всѣмъ на островахъ американцы аршинники и сахарозаводчики знали, что пока самостоятельное Гавайское королевство не уничтожится, имъ нельзя ввозить безпошлинно въ свое милое отечество сахаръ и прочіе продукты, обложенные по закону Макъ Кинли высокой таможенной пошлиной. И вотъ вспомнили они, что они потомки славнаго Вашингтона, боровшагося когда-то за независимость ихъ родины противъ Англійской монархіи, что они—республиканцы, а между тѣмъ—о, какой позоръ!—должны подчиняться законамъ какихъ-то дикарей, которые не умѣютъ торговать и даже не могутъ понять и усвоить благовоспитанныя чувства собственности; подчиняться какой-то дикой королевѣ, которая вѣдь все равно лишь простая игрушка въ ихъ рукахъ. И вотъ въ 1892 году разразилась революція: бѣлые аршинники собрались толпой и двинулись ко дворцу, чтобъ объявить королевѣ и министрамъ ея, что произошла революція и что „народъ“ свергаетъ ее съ престола, учреждаетъ республику, которая и отдается подъ покровительство Соединенныхъ Штатовъ. По дорогѣ ко дворцу революціонная толпа аршинниковъ искала вооруженнаго сопротивленія, но за отсутствіемъ таковаго нѣсколько человѣкъ напали на мимо проходившаго канака, который бѣжалъ исполнять порученіе жены одного изъ революціонеровъ и который не понималъ, несчастный, что въ его отечествѣ совершается „революція“, „народное возстаніе“ и потому стоялъ растерянно. Его стали тормошить, стараясь вызвать „оппозицію“, сопротивленіе и добыть хоть каплю канацкой крови, чтобы произвести „кровавую революцію“ съ одной стороны и съ другой—чтобы этой кровью оторопѣвшаго канака намазать себѣ носъ и такимъ образомъ получить законное право пригласить на защиту военное американское судно, стоявшее тутъ же наготовѣ. Все шло, какъ по писанному: революцію совершили, королеву объявили низложенной; военное судно высадило дессантъ на защиту „революціонеровъ“, и на дворцѣ королевы взвилось американское знамя, усѣянное звѣздами. То было въ 1892 году. Партія демократовъ съ Кливелендомъ во главѣ держалась политики автономіи и независимости. Дѣло немного затянулось, но революцію было велѣно признать и никакимъ другимъ державамъ въ это дѣло не вмѣшиваться. Окончательное рѣшеніе судьбы канаковъ съ ихъ королевой отложили до предстоявшихъ президентскихъ выборовъ, которые, какъ извѣстно, закончились побѣдой республиканцевъ съ Макъ-Кинли во главѣ. Судьба Лиліуколани и Канацкой Монархіи была окончательно рѣшена, и канаки стали американцами. Но до прошлой осени, въ теченіе 8 лѣтъ, правленіе островами фактически нахо-

дилось въ рукахъ революціонеровъ-аршинниковъ. Передъ вторичнымъ избраніемъ Макъ-Кинли было рѣшено дать островамъ штатное управленіе съ назначеніемъ губернатора изъ Вашингтона. Учрежденъ былъ на американскій ладъ Сенатъ и Конгрессъ или Палата депутатовъ со всеобщей подачей голосовъ. Прошлой осенью впервые происходили всеобщіе выборы въ обѣ палаты. Американскіе аршинники по традиціи всегда дѣлились на двѣ партіи—республиканцевъ и демократовъ. Дѣлились больше для близиру, изъ за той или другой доли пирога за общимъ брашнымъ столомъ, и часто больше для отвода глазъ вѣчно глупому рабочему простофилѣ, надъ которымъ и потѣшались обѣ партіи, кромсая простофилинъ пирогъ. Такъ американскіе аршинники поступили и съ канаками. Передъ самыми выборами разошлись аршинники въ разныя стороны и стали кричать канацкому народу, что они, аршинники, за канацкіе интересы готовы душу чорту запродать; рѣшаются бороться за канацкій народъ до послѣдней капли крови и желаютъ уничтожить канацкихъ враговъ—вонъ тѣхъ живодеровъ,—и при этомъ другъ на дружку указываютъ. Канаки смотрятъ и дивуются—откуда вдругъ столько друзей—враговъ ихъ свободы набралось? и чего имъ надо?—за что другъ друга ругаютъ?

Откуда ни возьмись, явился новый вождь—третьей, канацкой партіи. Сталъ толковать канакамъ про бѣлыхъ аршинниковъ, про бѣлыхъ поповъ обманщиковъ, которые на это время тоже подѣлились на двѣ партіи и стали съ крестомъ и кропиломъ позади стѣнъ республиканской и демократической рати. Новый вождь сказалъ канакамъ, чтобы они оставили въ покоѣ обѣ аршинныя партіи ругать другъ друга, а сами выбрали бы своихъ сенаторовъ и депутатовъ. Канакамъ понравилась эта рѣчь, и они стали выбирать думныхъ людей изъ себя. Выставили кандидатами въ обѣ палаты своихъ туземцевъ и назвали свою партію *Независимыми* или Гомрулерами. Исключеніе сдѣлали только для своего вождя Каука-Лукини, который былъ бѣлый не только по цвѣту кожи, но и по сѣдинѣ волосъ. Онъ выставилъ свою кандидатуру на постъ сенатора, и началась отчаянная агитація по всѣмъ островамъ въ пользу образованія самостоятельной канацкой партіи, поставившей себѣ цѣлью выбиться изъ вѣчной кабалы бѣлыхъ аршинниковъ, капиталистовъ, плантаторовъ, сахарозаводчиковъ и торговыхъ тузовъ столицы.

Бѣлый вождь новой партіи Каука-Лукини...

Но читатель можетъ забыть, что я пишу разсказъ, а не трактатъ по исторіи Сандвичевыхъ острововъ. Чтобы не дать заснуть читателю, я скажу ему откровенно, что „Каука Лукини“ на канацкомъ языкѣ значитъ—*русскій докторъ*, т. е. не кто иной, какъ все тотъ же нашъ соотечественникъ Николай Константиновичъ Руссель—Судзиловскій—Каука Лукини—тожъ.

Чтобы читатель помнилъ, однако, что разсказъ мой не сказка, а быль, основанная цѣликомъ на документахъ, я приведу нѣкоторыя выдержки изъ письма ко мнѣ Гавайскаго Сенатора Каука Лукини.

5-го декабря 1900.
Hawai, Hawaian Islands.

„Мнѣ пришлось нѣсколько запоздать съ отвѣтомъ, потому что твои письма застали меня въ самую горячку выборной кампаніи,—первой послѣ 8 лѣтъ миссіонерско-сахарократической олигархіи,—гдѣ дѣйствительно весь народъ, не исключая главнаго Гавайскаго элемента, принималъ живое и дѣятельное участіе. Они, т. е. письма, застали меня совершающимъ путешествіе вокругъ нашего маленькаго мірка—острова Гавайи—въ обществѣ съ нѣсколькими гавайцами, тоже кандидатами въ Сенатъ, какъ и я. На пути мы были гостями канаковъ,—насъ кормили, поили, развлекали пѣснями и танцами; украшали гирляндами (какъ призовыхъ быковъ на ярмаркахъ), давали лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія; а мы за это отвѣчали зажигательными рѣчами противъ существующаго правительства сахарозаводчиковъ, миссіонеровъ и другихъ бѣлыхъ враговъ Гавайскаго народа. Результатъ кампаніи превзошелъ наши ожиданія: мы разбили на голову республиканцевъ (бывшую правительственную партію) и демократовъ, получивъ $^3/_4$ большинства въ обѣихъ палатахъ. Наша партія была третьей и называется Независимыми или Гомрулерами. Я фигурировалъ на выборныхъ бюллетоняхъ, какъ „Каука Лукини“ („русскій докторъ“) и изъ четырехъ кандидатовъ (въ 1-мъ Сенаторіальномъ округѣ) прошелъ вторымъ по числу голосовъ. Посылаю тебѣ образчикъ нашихъ выборныхъ бюллетеней. Сессія Сената начинается въ февралѣ, и намъ предстоитъ совершить настоящую революцію сверху внизъ во всемъ Гавайскомъ законодательствѣ. Такъ какъ я чуть не единственный бѣлый въ обѣихъ Палатахъ, который что-нибудь смыслитъ въ техникѣ законодательной машины цивилизованныхъ странъ, то на мнѣ, вѣроятно, и будетъ лежать главная часть работы по составленію проектовъ законовъ, а потому о литературныхъ и научныхъ работахъ теперь пока нельзя и думать. Въ интересахъ канацкаго населенія, которое такъ долго эксплуатировалось всякаго рода заѣзжими хищниками, необходимо провести въ первую же сессію нѣсколько неотложныхъ реформъ. На очередь будутъ поставлены:

1.—Билль о мѣстомъ самоуправленіи (Канакамъ надоѣло во всемъ зависѣть отъ тузовъ столицы).

2.—Радикальная реформа санитарной службы.

3.—Не менѣе радикальная реформа въ системѣ налоговъ.

4.—Отмѣна смертной казни.

5.—Расширеніе кредитовъ на народныя школы и устройство музыкальной консерваторіи для канаковъ въ Гонолулу (канаки большіе любители пѣнія и музыки).

6.—Введеніе норвежской или какой-либо другой упорядоченной системы продажи спиртныхъ напитковъ. Необходимо оградить канаковъ отъ злоупотребленія и систематическаго спаиванія ихъ этимъ зельемъ.

Такъ какъ въ Швейцаріи и Россіи эта система практикуется сравнительно давно, ты премного обяжешь меня, давъ мнѣ матеріалы о результатахъ ея въ этихъ странахъ во всѣхъ отношеніяхъ,—и вообще я буду благодаренъ всѣмъ, кто можетъ снабдить меня подходящими матеріалами по этому сложному, но очень важному вопросу."

Не успѣли высохнуть чернила на перѣ, писавшемъ предыдущія строки, какъ получается новое письмо изъ нѣдръ Тихаго океана и на этотъ разъ отъ самаго Призидента Сената этого сказочнаго государства. Письмо поражало своей необычной внѣшностью: вверху каждаго листа стояла изящная виньетка съ изображеніемъ зданія Сената Гавайской Территоріи. По бокамъ ея напечатаны имена всѣхъ сенаторовъ и должностныхъ лицъ Сената съ президентомъ во главѣ. Президентъ Сената сообщаетъ мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ о ходѣ „безкровной, мирной революціи сверху внизъ, совершающейся теперь на Гавайскихъ Островахъ".

IV.

Полинезійская раса, разсѣянная по Тихому океану вплоть до Абиссиніи и Мадагаскара, раса, къ которой принадлежатъ маори Новой Зеландіи, таитяне, канаки Гавайи и др.—по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается старшей и наиболѣе чистой вѣтвью нашей кавказской расы. Она характеризуется тѣмъ типомъ долихоцефаловъ или длинноголовыхъ, утрату котораго среди европейскихъ народовъ такъ сильно оплакиваютъ многіе короткоголовые изъ нашихъ соціологовъ. Въ незапямятны времена индокавказская раса разошлась въ разныя стороны; часть ея двинулась сухопутьемъ на западъ и образовала арійскую вѣтвь, предковъ европейцевъ; другая—расплылась по водѣ на югъ и востокъ по всему океану, соперничая съ монгольской расой. Къ этому-то высокому типу кавказской расы и принадлежатъ канаки Гавайскихъ островов. Ужъ одно это обстоятельство, кажется, обязываетъ насъ интересоваться судьбой нашихъ родичей, которые, по мнѣнію многихъ компетентныхъ ученыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ способны создать высшую, оригинальную и болѣе здоровую цивилизацію, чѣмъ цивилизація европейская, пропитанная массой исторически наслоившихся противообщественныхъ и антигуманитарныхъ предразсудковъ.

Чтобы заинтересовать читателей младшей вѣтви начинающимся возрожденіемъ старшей, на этотъ разъ я предоставлю слово самому „Гавайскому Сенатору", а нынѣ Президенту перваго Гавайскаго Сената, нашему потченному соотечественнику Русселю — Судзиловскому — Каука-Лукини.

„Наша страна — маленькая, всего 150,000 жителей, но непомѣрно богатая и важная, какъ стратегическій и торговый пунктъ среди этой лужи, называемой Тихимъ океаномъ, которой, быть можетъ, предстоитъ сыграть въ XX столѣтіи ту же роль, только

въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, какую Средиземное море играло въ античномъ мірѣ. Вслѣдъ за присоединеніемъ насъ къ Соединеннымъ Штатамъ той же участи подвергнутся Куба, Порторико, Филиппинскіе острова и др. страны, которыя въ скоромъ времени несомнѣнно тоже будутъ взяты на буксиръ. Поэтому Гавайскій народъ всецѣло сознаетъ всю отвѣтственность своего руководящаго положенія въ новой системѣ отношеній присоединяемыхъ народовъ къ великому дѣлу Американской Республики. Мы были присоединены первыми, и съ нами обращаются, какъ съ любимымъ, балованнымъ дѣтищемъ. Номинально мы—Территорія Соединеныхъ Штатовъ, но спеціальнымъ актомъ Конгресса, 7 іюля 1898 г., намъ дана конституція съ такимъ правами, которыя ставятъ насъ въ срединѣ между полнымъ Штатомъ и обыкновенной Территоріей, какъ Оклагама или Новая Мексика, Аризона и пр. Наши права нынѣ, т. е. послѣ присоединенія, не уменьшились, а увеличились. Мирно присоединившись къ Республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, Гавайскій народъ рѣшилъ поддерживать искреннія и лойяльныя отношенія къ Американскому народу, но въ то же время онъ твердо рѣшилъ заботливо оберегать свои права и самоуправленіе отъ произвольнаго нарушенія ихъ какъ представителями центральной власти, такъ и различными котеріями традиціонныхъ буржуазныхъ партій, которыя, преслѣдуя исключительно личные интересы, постоянно вносили только смуту въ мирную жизнь Гавайскаго народа. Мы тоже хотимъ законности и порядка. Для иллюстраціи того и другого можно указать на два послѣдніе случая. Не дальше, какъ сегодня, капиталистическая оппозиція въ Сенатѣ внесла резолюцію „предложить Соединеннымъ Штатамъ даровать намъ полныя права Штата“, но мы, народное большинство, отвергли ее, какъ „ненужную, неумѣстную и пока несвоевременную“. Глава оппозиціи, банкиръ, пришелъ въ такой неудержимый азартъ, что мнѣ пришлось посовѣтовать разгоряченной головѣ оппозиціи пройтись и подышать на открытомъ воздухѣ. Другой примѣръ: нѣсколько дней тому назадъ Секретарь Территоріи, назначенный изъ Вашингтона, вздумалъ явиться въ Нижнюю Палату оффиціально и безъ приглашенія, и онъ былъ также приглашенъ президентомъ удалиться изъ Палаты.

Мы имѣемъ всеобщую подачу голосовъ и полное мѣстное самоуправленіе и вообще всѣ права отдѣльнаго Штата съ единственной разницей, что мы не выбираемъ своего Губернатора, а онъ назначается Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Наша ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы фактически реформировать всѣ наши традиціонныя учрежденія прежней конституціонной монархіи и позднѣйшей плутократической олигархіи — въ демократическую республику съ сильной окраской государственнаго соціализма. Какъ человѣкъ Стараго Свѣта, и при томъ еще русскій, ты бы со смѣху померъ, если бы прочиталъ мой билль о реформѣ податной системы. На-дняхъ онъ будетъ напечатанъ, и я доставлю тебѣ это удовольствіе. Но для насъ это вовсе не смѣшно и составляетъ дѣло величайшей важности. Какъ и вездѣ

на свѣтѣ, у насъ вся податная тяжесть лежитъ на бѣдномъ и среднемъ сословіяхъ. Податнымъ базисомъ,—кромѣ такихъ спеціальныхъ податей, какъ небольшая подушная, школьная, дорожная и проч. подати,—главнымъ образомъ служила оцѣнка поземельнаго и другихъ имуществъ, основанная на клятвенномъ показаніи собственниковъ и безъ всякаго закона о продажѣ имущества за невзносъ податей. Натурально, что 99% населенія присягали ложно. Богатые же просто платили изъ христіанскаго милосердія, сколько хотѣли. Собиралось такимъ образомъ около 3 милліоновъ долларовъ (6 мил. рублей), достаточныхъ для покрытія очень скромнаго бюджета. Это одна сторона дѣла. Другая, — завелась у насъ такая монополія поземельной собственности, что фактически вся земля собралась въ рукахъ дюжины собственниковъ. Третья сторона дѣла, — подоходный налогъ въ Соединенныхъ Штатахъ и здѣсь еще раньше былъ признанъ высшими судами неконституціоннымъ. Значитъ, съ этой стороны — нечего стучаться.

Новая система сводится къ слѣдующимъ нѣсколькимъ пунктамъ:

1. Поземельный налогъ (Area tax)—по 25 центовъ (50 коп.) за акръ, безъ различія качества земли. Напримѣръ, человѣкъ, имѣющій милліонъ акровъ земли, на которой онъ держитъ нѣсколько тысячъ полуголоднаго скота, а самую землю непроизводительно держитъ для спекуляціи,—вмѣсто 1000 дол., которую онъ платитъ теперь, долженъ будетъ заплатить 250,000 дол. При такихъ условіяхъ едва ли онъ найдетъ выгоднымъ держать столько земли и особенно—непроизводительно. Первые 100 акровъ изъяты изъ этого налога совсѣмъ и для всѣхъ собственниковъ.

2. Городскіе участки платятъ такъ: Скажемъ, что на весь городъ Гонолулу, съ его 40,000 жителей изъ 150,000 всего населенія, приходится 1/4 всей Area tax, т. е. при поверхности острововъ въ 4 мил. акровъ, по 25 центовъ налога на акръ, изъ милліона долларовъ—250 тысячъ долларовъ. Эти 250 тысячъ распредѣляются по участкамъ въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ разстоянію отъ почтовой конторы и другого центра of unimproved value, т. е. отъ цѣны земли безъ улучшеній. Однимъ словомъ Single-tax Генри Джорджа въ чистомъ видѣ. Изъяты отъ податей всѣ усадьбы въ 6000 кв. футовъ, т. е. всѣ бѣдняки.

3. Всѣ земли подъ сырыми земледѣльческими продуктами (т. е. фермы) изъяты отъ спеціальной подати.

4. Всѣ мануфактуры (главнымъ образомъ сахарные заводы) платятъ подать въ 4% съ валового дохода. Изъяты заведенія съ 1000 дол. валового дохода.

5. Всѣ коммерсанты—2½% съ валового дохода, съ изъятіемъ 1000 дол. годового дохода.

6. Банки—2% со всего капитала кромѣ той его части, которая употреблена на поземельныя ссуды. Эта часть изъята отъ налога.

8. Пароходы, желѣзныя дороги, телефоны, электрическое освѣщеніе и т. п. компаніи, тарифы которыхъ регулируются государствомъ,—2% съ валового дохода; тѣ же, которыя не состоятъ подъ контролемъ—4%.

8. Налогъ на наслѣдство:

свыше 10,000 дол. въ прямой линіи	— 10%
свыше 10,000 дол. въ боков. линіяхъ	— 20%
внѣ родства	— 25%

9. Налогъ на ренту свыше 300 дол. — 2%

10. Налогъ на проценты (за исключеніемъ банковъ) свыше 300 дол.—2%.

Всѣ прежнія—подушныя, школьныя, дорожныя, собачьи, каретныя, имущественныя и поземельныя подати отмѣняются.

Многіе плутократы,—не то въ серьезъ, не то въ шутку, думаютъ, что это—похуже динамита будетъ.

Первое требованіе, предъявляемое ко всякому американскому закону, заключается въ томъ, чтобы онъ не противорѣчилъ конституціи, т. е. чтобы не нарушалъ равенства гражданъ передъ закономъ, чтобы изъятія распространялись одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ.

Надѣюсь, что этотъ билль отвѣчаетъ этому требованію.

— Ты спрашиваешь, — есть ли у насъ газеты? У насъ, братъ, ихъ около 12, изъ коихъ половина — большія, ежедневныя, какъ въ Санъ-Франциско. Вобще у насъ цивилизаціи — хоть отбавляй: на автомобиляхъ катаемся, телеграфы безъ проволоки между островами... Среди этой расы царятъ діалекты и страшная разбросанность. Мы оставили канацкій языкъ. Преподаваніе давно уже идетъ во всѣхъ школахъ на англійскомъ языкѣ. Все молодое поколѣніе говоритъ по-англійски и только старики — по своему. Нашъ школьный годовой государственный бюджетъ — 400,000 дол., да почти столько же изъ частныхъ средствъ.

Твой Николай".

V

Цѣлый рядъ присланныхъ мнѣ проектовъ биллей указываетъ дѣйствительно на довольно широкій реформаціонный размахъ. Торговля вообще и спиртными напитками — въ частности, даровое народное образованіе и школьныя библіотеки, народное здравіе, регулированіе земледѣлія, контроль надъ промышленными компаніями и капиталистическими предпріятіями — цѣлой вереницей проходятъ предъ глазами читателя. Составляются парламентскія комиссіи и подъ-комиссіи для выработки проектовъ законовъ, приглашаются всѣ компетентныя лица, живушіе на островахъ и даже въ Америкѣ, опрашиваются лично или шлютъ свои мнѣнія и объясненія письменно; — однимъ словомъ, при полной свободѣ печати и ограниченномъ количествѣ мѣстной и туземной интеллигенціи — дается просторъ всякому разумному человѣку въ той

или иной формѣ содѣйствовать благоустройству общественнаго порядка.

Но такъ какъ покойный Девятнадцатый Вѣкъ привыкъ даже христіанскія добродѣтели измѣрять мѣновой или прибавочной стоимостью, то это старая привычка перешла и къ грудному младенцу -наслѣднику его. Податная система обыкновенно всегда является основой государственной жизни, и отъ той или другой формы ея зависитъ матеріальная возможность осуществленія всѣхъ остальныхъ реформъ. Поэтому-то цари девятнадцатаго вѣка, капиталисты, энергично принялись за свое ремесло: съ удивительнымъ самопожертвованіемъ они, по примѣру своихъ собратовъ въ метрополіи, тотчасъ же основали компанію на акціяхъ для купли и продажи, оптомъ и въ розницу, представителей законодательной власти и голосовъ самихъ избирателей. Въ видѣ обструкціи и въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда они не разсчитываютъ на подкупъ и поддержку депутатовъ, аршинники вдругъ впадаютъ въ отчаянный радикализмъ и начинаютъ требовать введенія швейцарскаго референдума, т. е. обращенія къ воту всего народа. Интересно по этому вопросу мнѣніе одного мѣстнаго сторонника радикальныхъ реформъ, возражающаго противъ референдума въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ Швейцаріи, гдѣ каждый гражданинъ до извѣстной степени образованный человѣкъ, такое обращеніе (референдумъ) разумно и желательно. Не такъ дѣло обстоитъ въ Гавайской Территоріи, гдѣ образованіе массъ не идетъ еще далѣе простого умѣнія читать и писать, и гдѣ, слѣдовательно, наиболѣ развитые и толковые люди избираются въ законодатели не только для того, чтобы служить простыми посредниками между народомъ и исполнительной властью, но и для того, чтобы самостоятельно использовать свои умственныя способности — подъ условіемъ конечно, довѣрія, что они употребятъ ихъ на благо народа“.

Однимъ словомъ, въ маленькомъ Водяномъ Царствѣ сразу встали или поставлены ребромъ всѣ волнующіе Старый Міръ практическіе „проклятые“ вопросы; и остается только надѣяться, что наши туземные родичи-канаки лучше и быстрѣе сумѣютъ справиться со всѣми общественными злами, обуревающими нашъ цивилизованный Старый Міръ. Слабая сторона Водяного Царства въ настоящій начальный періодъ заключается въ недостаткѣ истинно народной туземной интеллигенціи, которая явилась бы сознательнымъ и умѣлымъ борцомъ за общенародные интересы. Промышленность, земля, просвѣщеніе, пути сообщенія, торговля и благотворительность — все это находится еще въ сильной зависимости отъ просвѣщенныхъ поповъ и капиталистовъ. Вносимые радикальные билли часто или не находятъ себѣ достаточно умѣлыхъ и стойкихъ истолкователей, или становится объектомъ купли-продажи. Положеніе Президента Сената, обязаннаго стоять по возможности внѣ партій, лишило нашего соотечественника Кауку Лукини полной свободы дѣйствій, а Канакскую партію — дѣятельнаго вождя. Къ величайшей чести его, онъ понялъ это и

подалъ въ отставку, чтобы развязать себѣ руки и свободно защищать намѣченныя имъ реформы. Задача предстоитъ, несомнѣнно, трудная, но на помощь ему поднимается сознательно рабочее движеніе промышленныхъ рабочихъ, которые, несомнѣнно, скоро поймутъ общность своихъ интересовъ съ интересами туземнаго народа, и тогда ходъ общественнаго развитія пойдетъ, вѣроятно, по стопамъ жителей Ново-Зеландіи.

Здѣсь мы заканчиваемъ историческую часть нашего разсказа и за продолженіемъ его отсылаемъ заинтересованнаго читателя къ текущей жизни и литературѣ. Мы хотѣли показать читателю уголокъ картинки изъ міровой жизни и съ добродушіемъ человѣка, притерпѣвшагося ко всему, показать, что политическій развратъ нашего русскаго государственнаго строя, съ его мракобѣсіемъ, бюрократизмомъ, сыскомъ, анаѳемами и безпощаднымъ преслѣдованіемъ всякой живой мысли — носитъ поистинѣ интернаціональный характеръ. Безысходная нищета стомилліоннаго народа, изгнаніе самыхъ здоровыхъ элементовъ его изъ предѣловъ родной страны, массовое и систематическое преслѣдованіе нашей молодой интеллигенціи и рабочихъ; тюрьмы, ссылки, анаѳемы, шпіонскія продѣлки русскаго правительства —отнюдь не ограничены предѣлами нашего милаго отечества, но совершаются имъ тайно и явно во всѣхъ частяхъ свѣта, куда только проникаетъ свободная русская мысль, и русское самодержавіе часто съ особымъ сладострастіемъ любитъ обнаружить свое злокачественное вліяніе на почвѣ именно „славныхъ республикъ“ всего міра.

Но я не люблю разсказовъ, кончающихся грустно, и потому ставлю точку. Мои герои въ концѣ концовъ благоденствуютъ, и передъ ними открыты широкіе горизонты. Безподобный Епископъ Владиміръ и понынѣ съ успѣхомъ и усердно продолжаетъ насаждать въ Русской Землѣ исконное православіе, получать ордена и готовится современемъ занять постъ Петербургскаго Митрополита. Гавайскій Сенаторъ Каука-Лукини продолжаетъ сенаторствовать и пытается косвенно доказать, что и русскій народъ не хуже всякаго другого способенъ къ самостоятельному государственному и общественному самоуправленію и парламентской жизни. А надъ ними обоими также благополучно высится зловѣщая, но скромно-іезуитская фигура „злого человѣка“, какъ выразился въ письмѣ къ царю другой отлученный, Л. Н. Толстой, — фигура оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцева, который попрежнему продолжаетъ осѣнять Русскую Землю чернымъ крыломъ, какъ мрачнымъ трауромъ [1]).

Е. Лазаревъ.

[1]) Какъ извѣстно, Побѣдоносцевъ умеръ въ мартѣ текущаго года. *Ред.*

Русскіе революціонеры и Японцы [1]).

Надоѣвшая всѣмъ старая погудка опять заведена „Нов. Временемъ", на сей разъ съ аккомпаниментомъ какихъ-то „документовъ". Опять подхватятъ этотъ мотивъ dii minores: „Свѣтъ" et caet. Опять неодобрительно закиваютъ главами деревенскіе политики-пономари.

Воспользуюсь моментомъ возрожденія общественнаго вниманія къ этой темѣ и разскажу о дѣйствительномъ фактѣ, очевидцемъ котораго я былъ, какъ поступили русскіе революціонеры въ одномъ случаѣ, когда въ ихъ рукахъ была дѣйствительно возможность вступить въ неблаговидныя сношенія съ японцами.

Произошло это въ началѣ текущаго года.

Былъ, какъ извѣстно, на Дальнемъ Востокѣ такой моментъ, когда послѣдній оплотъ тамошняго русскаго могущества (весьма эфемернаго),—крѣпость Владивостокъ съ главными ея фортами, почти всѣмъ гарнизономъ, наличными военными судами,—все это фактически находилось въ рукахъ революціонеровъ. Произошло это 11 января въ 4-мъ часу пополудни, когда на Иннокентьевской батареѣ былъ разстрѣлянъ (какъ потомъ оказалось тяжело раненъ) комендантъ крѣпости ген. Селивановъ, и продолжалось двѣ недѣли, когда крѣпость добровольно была обратно сдана вновь назначенному коменданту генералу Артамонову. Вскорѣ прибылъ съ обычными полномочіями ген. Мищенко.

Вопреки условіямъ сдачи, повѣяло духомъ репрессій. Нѣкоторыя изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, предпочли переселиться въ Японію. На пароходѣ, на которомъ отплылъ я, продолжалъ приковывать мое вниманіе одинъ субъектъ (назову его Ивановымъ), возбудившій его еще во Владивостокѣ. Видимо малоинтеллигентный, онъ всѣми силами старался изобразить изъ себя интеллигента. По его словамъ, онъ участвовалъ въ революціяхъ чуть ли не всѣхъ городовъ Россійской Имперіи, въ компаніи съ Андреевымъ и Горькимъ онъ исходилъ весь Кавказъ и т. п. Во время Владивостокскихъ событій онъ старался примазаться то здѣсь, то тамъ, но какъ то такъ выходило, что никуда его не принимали. Сейчасъ онъ ѣхалъ въ компаніи еще нѣсколькихъ субъектовъ, типичныхъ дальне-восточныхъ дѣльцовъ-проныръ. Направлялись

---

[1]) Въ дополненіе къ ст. Е. Е. Лазарева о д-рѣ Русселѣ считаемъ весьма интереснымъ воспроизвести статью бывшаго старшаго ординатора Владивостокскаго крѣпостного госпиталя д-ра Кудржинскаго, въ которой фигурируетъ тотъ же д-ръ Руссель. Статья эта была напечатана въ газетѣ „Наша Жизнь" 7 іюля 1906 г. № 491.

Ред.

они по „торговымъ“ дѣламъ въ Японію, а можетъ быть и въ Америку. Ивановъ говорилъ, что у него нѣтъ ни копейки денегъ, а везутъ его на свой счетъ спутники, которые де ему должны. Вся эта компанія пьянствовала и спускала въ карты по нѣсколько сотъ рублей въ вечеръ.

Пріѣхавши въ Нагасаки, я поселился въ общежитіи для эмигрантовъ, устроенномъ д-ромъ Русселемъ. Два слова объ этомъ человѣкѣ, игравшемъ видную роль въ событіи, о которомъ пойдетъ рѣчь и, кромѣ того, замѣчательномъ самомъ по себѣ.

Питомецъ Кіевскаго университета, д-ръ Николай Константиновичъ Руссель, скомпрометированный въ политическомъ отношеніи, вынужденъ былъ въ 70-хъ годахъ эмигрировать за границу. Живалъ вездѣ въ Европѣ и Америкѣ. Говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Прекрасный практикъ-окулистъ. Бѣлый, какъ лунь, старикъ, бодръ душой и горячъ энергіей какъ не всякій юноша. Послѣдніе годы жилъ на островахъ Гаити, гдѣ занималъ высокій выборный постъ, въ подаренномъ ему за общественныя заслуги имѣніи. Когда въ Японію начали прибывать партіи плѣнныхъ русскихъ Ник. Конст. немедленно пріѣхалъ въ Кобе и началъ издавать здѣсь спеціально для плѣнныхъ революціонную газету „Японія и Россія“. Кромѣ того, отъ разныхъ революціонныхъ комитетовъ онъ получалъ цѣлыми коробами русскую революціонную литературу для пропаганды среди солдатъ. Съ послѣдними быстро установились прочныя связи. Нѣсколько человѣкъ „эмигрировало“ изъ лагерей для плѣнныхъ къ Русселю и стали помогать ему въ дѣлѣ изданія газеты и въ сношеніи съ солдатами. Успѣхъ пропаганды былъ колоссальный: „Японія и Россія“ и прочая литература читались солдатами запоемъ. Внезапно хлынувшій потокъ новыхъ идей для огромнаго большинства былъ откровеніемъ.

Закипѣла въ сѣрой солдатской массѣ умственная работа, пошли ожесточенные дебаты, образовались политическія партіи, нерѣдко, на первыхъ порахъ доходило и до ножевщины. Но въ концѣ концовъ умы прояснились, и результаты дѣятельности Ник. Конст. были таковы, что когда начали прибывать изъ Японіи партіи плѣнныхъ во Владивостокъ, то крѣпостное начальство вынуждено было принять по отношенію къ нимъ такія мѣры, какія обыкновенно примѣняются только къ пассажирамъ, прибывшимъ изъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города на полуостровѣ Эгершельдъ были спѣшно выстроены спеціальные бараки и оцѣплены рогатками, не пропускавшими никого ни туда, ни назадъ безъ особаго разрѣшенія эвакуаціонной комиссіи. Крѣпостное начальство было право. Не успѣли поселить на другомъ полуостровѣ (Чуркинъ) возвратившихся изъ плѣна портъ-артурцевъ, какъ сейчасъ же у нихъ возникъ конфликтъ изъ за отданія чести съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ, при чемъ было убито и ранено нѣсколько офицеровъ. Пришлось и этихъ оцѣпить рогатками.

Арестанскій режимъ чуркинцевъ и егершельцевъ былъ постоянной темой горячихъ рѣчей на солдатскихъ митингахъ и предметомъ „парламентскихъ запросовъ“, адресованныхъ коменданту съ требованіемъ снять рогатки. Тогда прибывающихъ плѣнныхъ стали прямо съ пароходовъ сажать въ вагоны и эвакуировать на западъ, лишь бы поскорѣе убрать изъ крѣпости этотъ взрывчатый матеріалъ. Иначе дѣйствительно скоро не хватило бы караула для рогатокъ.

Въ настоящее время Россія обязана Ник. Конст. тѣмъ, что по деревнямъ и селамъ разсѣяно нѣсколько десятковъ тысячъ сознательныхъ людей.

Я пріѣхалъ въ Нагасаки тогда, когда послѣднія партіи плѣнныхъ уже уѣзжали изъ Японіи. Газета „Японія и Россія“ была закрыта за ненадобностью и д-ръ Руссель, ликвидируя дѣла, жилъ въ Нагасаки.

Ивановъ съ товарищами остановился въ одной изъ лучшихъ гостинницъ и кутилъ напропалую. Такъ какъ между эмигрантами жившими у Русселя, человѣка 2—3 тоже „не дураки были кутнуть“, то между ними и той компаніей установилось общеніе на почвѣ выпивки, поѣздокъ къ гейшамъ et cæt.

Вотъ въ одну изъ попоекъ, Ивановъ, сильно пьяный и говоритъ эмигранту Z., что у него въ рукахъ есть вещь, которая при удачѣ пахнетъ многими тысячами. „Удастся—половина мнѣ, половина на революцію“. Тотъ заинтересовался, сталъ допытываться, въ чемъ дѣло. Взявши слово, что Z. никому ничего не скажетъ, Ивановъ и говоритъ: „Имѣю подробный планъ укрѣпленій Русскаго Острова“. У меня, разсказывалъ Z., и хмѣль выскочилъ. Конечно съ этой радостной вѣстью сейчасъ къ „учителю“. Руссель спокойно выслушалъ его и прочелъ своему юному товарищу внушительную нотацію на тему: „Революціонеры враги русскаго правительства, но не народа, и народныхъ интересовъ никогда и ни за какія деньги не продадутъ.“ Но вотъ вопросъ: какъ воспрепятствовать имѣющей совершиться измѣнѣ? Стали всѣ мы судить—рядить. Рѣшили, что Z. посовѣтуетъ Иванову обратился къ Русселю, который живетъ въ Японіи давно, имѣетъ знакомыхъ среди японцевъ и дѣло это обдѣлаетъ быстро и выгодно. Ивановъ поддался на эту удочку, признавшись, что они уже зондировали почву въ Японіи, но неудачно.

3-го февраля явился онъ къ Русселю и черезъ 1/4 часа бесѣды вышелъ отъ него растроганный, съ заплаканными глазами. Руссель убѣдилъ его не дѣлать подлости и уговорилъ отдать планъ ему якобы для храненія „на всякій случай“ въ центральномъ револ. комитетѣ въ Вашингтонѣ. Ивановъ обѣщалъ на другой день въ 9 час. утра принести планъ. Вотъ ужъ и полдень, а его нѣтъ. Въ 12 час. прохожу я мимо его отеля; увидѣлъ онъ меня, выскакиваетъ: „Извините, что не пришелъ. Я съ похмѣлья (дѣйствительно, физіономія ай-ай!)... только что всталъ... въ 4 часа принесу“. Вечеръ. Нѣтъ его. Наша публика взбудоражилась. Дѣло ясно: товарищи Иванова не даютъ ему плана. Какъ быть? Оставить дѣло такъ невозможно. Ушаковъ, человѣкъ „дипломатическаго склада“, отлучился на минуту въ лавочку и заявилъ, что вотъ этимъ кусочкомъ воска онъ сдѣлаетъ слѣпокъ съ замковъ ихъ чемодановъ и т. д. Но Вадецкій, эмигрантъ-офицеръ, изъ Новокіевскаго гарнизона, получившій на войнѣ „Владиміра съ мечами“ за храбрость, тряхнулъ головой и рѣшилъ дѣйствовать по военному. Взявши съ собою еще троихъ товарищей, дюжихъ молодцовъ [1]), онъ отправился къ нимъ. Та компанія вся была дома. Революціонеры стали у дверей, загородивши выходъ, Вадецкій отъ имени нагасакской группы эмигрантовъ-революціонеровъ потребовалъ немедленной выдачи плана. Тѣ отпираться: „Никакого плана у насъ и не было“.—Въ такомъ случаѣ мы пригласимъ сейчасъ французскаго консула (русскаго представителя тогда еще не было) и потребуемъ, чтобы онъ съ полиціей произвелъ у васъ обыскъ. Но знайте, что если планъ у васъ окажется, то мы опубликуемъ васъ по фамиліямъ, какъ измѣнниковъ въ русскихъ газетахъ и, слѣдовательно, возвратъ въ Россію вамъ будетъ закрытъ навсегда. Во вторыхъ, мы опубликуемъ вашъ поступокъ

---

[1]) И. Кириловъ (эмигрантъ изъ 1-го уссурійскаго жел. дор. баталіона), А. И. Ушаковъ (рабочій Владив. порта) и Зиминъ (эмигрантъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ).

въ революціонныхъ газетахъ и тогда вамъ на землѣ не будетъ мѣста; революціонеры нигдѣ не оставятъ васъ въ покоѣ, какъ отверженныхъ народомъ, вездѣ васъ будутъ преслѣдовать. А можетъ быть революціонный комитетъ присудитъ васъ и къ болѣе строгому наказанію. Даю вамъ 5 минутъ на размышленіе".

Тѣ страшно перетрусили. Стоятъ блѣдные, растерянные.

„Позвольте намъ посовѣтоваться наединѣ".—„Можете это сдѣлать только здѣсь въ нашемъ присутствіи".—„Мы принесемъ планъ завтра. Онъ далеко спрятанъ".—„У васъ осталось три минуты на размышленіе". Вертятся бѣдняги. Одинъ сваливаетъ на другого. Ничего не подѣлаешь; отвернулся одинъ въ сторону, полѣзъ въ боковой карманъ, вытащилъ, даетъ.

12 часовъ ночи. Сижу я, занимаюсь. Топотъ на лѣстницѣ. Вбѣгаетъ Вадецкій; за нимъ вся компанія. Тутъ и Ивановъ съ однимъ изъ своихъ товарищей.

„Дома Николай Константиновичъ?"—„Спитъ, кажется".—„Надо разбудить—планъ добыли!"—„Молодчаги!"

Картина. На постели, въ ночной фуфайкѣ, бѣлый, какъ лунь, сидитъ старецъ. Вокругъ дюжина добрыхъ молодцевъ. При свѣтѣ лампы разглядываемъ планъ: въ большомъ масштабѣ изображеніе острова съ подробнымъ указаніемъ фортовъ, батарей, дорогъ, загражденій и пр. Для незнакомыхъ съ топографіей Владивостока замѣчу, что Русскій Островъ лежитъ у входа въ бухту „Золотой Рогъ", совершенно закрывая ее и городъ съ моря. Высшая точка острова „Русская Гора", господствующая надъ бухтой, городомъ, фортами Амурскаго берегового фронта—является ключемъ крѣпости съ моря".—„Тутъ—говоритъ Ивановъ—былъ еще листъ съ объясненіями, подписями и печатями. Но я его уничтожелъ. Еще влопаешься съ ними".

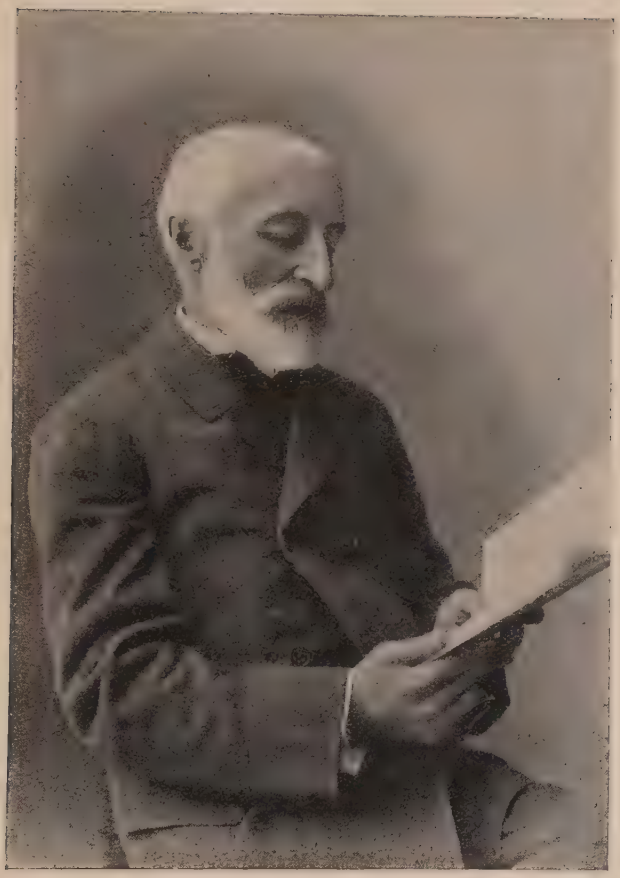
„Я перемѣнилъ свое рѣшеніе — началъ Руссель. Если я возьму планъ для отсылки въ комитетъ, то вы можете заподозрѣть, что я сдѣлаю изъ него какое-либо другое употребленіе. А посему я полагаю самое лучшее будетъ, если мы его сейчасъ у всѣхъ на глазахъ уничтожимъ. Какъ вы, товарищи, думаете?"

Мы конечно, всѣ одобрили этотъ проектъ. Вадецкій взялъ развернутый планъ за одинъ уголъ и поднесъ свѣчку. Пламя медленно поползло вверхъ. Онъ, демонстративно повернувши изображеніемъ къ намъ, на вытянутой рукѣ понесъ его къ камину и положилъ на пылающія уголья. Всѣ глядѣли молча. Ивановъ съ компаньономъ смотрѣли грустно, какъ летятъ въ трубу съ дымомъ ихъ мечты о японскихъ іенахъ, на которыя такъ славно можно было бы кутнуть...

„Ну, господа, — прервалъ молчаніе Руссель, — обращаясь къ Иванову и его товарищу, — поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы исполнили свой долгъ передъ родиной. Случай поставилъ васъ передъ соблазномъ совершить тяжкое преступленіе передъ своимъ народомъ. Вы теперь должны чувствовать себя счастливыми, избѣгнувъ этой опасности. Забудемъ же этотъ прискорбный случай и будемъ работать только во имя блага нашего народа".

Рѣчь эта, сказанная тихимъ, спокойнымъ голосомъ, маститымъ благороднымъ старикомъ, произвела на всѣхъ насъ неотразимое впечатлѣніе. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Чѣмъ-то библейскимъ пахнуло на меня. Картина „Поученіе Владиміра Мономаха" возстала въ памяти...

Но ничто не могло тронуть нашихъ отечественныхъ дальневосточныхъ



Николай Константиновичъ
СУДЗИЛОВСКІЙ.
(Докторъ Руссель)

дѣльновъ. „А какъ же, дозвольте спросить, теперича насчетъ убытковъ, которые, какъ изволите знать, мы произвели изъ собственныхъ средствъ на г. Иванова? Поили, кормили, везли, ну и... значитъ... все прочее довольствіе... понятно... человѣкъ молодой... Надѣялись покрыть изъ продажи плана, а теперича выходитъ дѣло табакъ? Мы поэтому не согласны. Надо по совѣсти, по Божески, а это что же, одно жульничество выходитъ! Сожгли и квитъ?!"

Начался торгъ между ними и Ивановымъ, тяжелый, отвратительный. Высчитывалось когда, сколько и за что уплочено. Казалось открылась затычка какой-то клоаки и полились нечистоты... становилось тяжело. Руссель попросилъ казначея отсчитать 50 іенъ и вручилъ ихъ Иванову, который тутъ же отдалъ ихъ своему патрону. Послѣдній, конечно, запротестовалъ: „Что же это, насмѣшка, грабежъ?!" Но мы демонстративно пожелали Ник. Конст. спокойной ночи и... finita komedia.

Произошло это въ ночь съ 3 на 4 февраля с. г. въ Нагасаки, въ части города Sagarimatschy, д. № 12. Главныя дѣйствующія лица точно названы (кромѣ Иванова и К-о).

Послѣ этого, понятно, для Иванова закрылись кошельки его патроновъ. Онъ временно пріютился у насъ въ общежитіи, а потомъ уѣхалъ въ Америку.

Я какъ-то спрашиваю его: какъ къ вамъ попалъ этотъ планъ? Вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ: „Въ тотъ же день, какъ разстрѣляли Селиванова, поздно вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ солдатикъ и приноситъ какой-то конвертъ. Говоритъ, что когда дали залпъ по Селиванову, то среди офицеровъ его свиты поднялась страшная паника, бросились кто бѣжать, кто къ раненому... У одного выпалъ изъ рукъ портфель и бумаги разсыпались... впопыхахъ не всѣ успѣли собрать. Эту штуку онъ поднялъ; потомъ у меня возникла идея продать планъ японцамъ. Этихъ субъектовъ вынужденъ былъ посвятить въ дѣло потому, что у меня не было ни копейки. Ну, остальное вамъ извѣстно".

Земское движеніе до образованія Партіи Народной Свободы.

(*Продолженіе* [1]).

Начиная съ 1897 года, въ земствѣ замѣчается стремленіе къ мобилизаціи не только собственныхъ, земскихъ силъ, но и широкихъ внѣземскихъ общественныхъ сферъ.

Послѣднему обстоятельству болѣе всего содѣйствовало правительство.

Развивая политику Императора Александра III-го, оно, не сознавая дѣйствительности или игнорируя ее, постепенно отталкивало отъ себя всѣ элементы населенія, которые и обращали свои симпатіи на земство, открыто выступавшее на защиту интересовъ страны.

Въ концѣ концовъ, при министерствѣ фонъ Плеве, у правительства, какъ это мы увидимъ ниже, за исключеніемъ реакціонныхъ группъ, преслѣдовавшихъ только личныя свои вожделѣнія, не осталось, собственно говоря, ни единаго союзника.

Почву для этой чисто революціонной дѣятельности фонъ-Плеве, открывшаго кампанію противъ земства и всей Россіи уже въ XX столѣтіи, съ необыкновеннымъ успѣхомъ подготовляли лица, стоявшія во главѣ правительства въ послѣдніе годы XIX столѣтія.

Въ 1897, 1898 и 1899 году главными гвоздями правительственной машины были: оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Побѣдоносцевъ; министръ юстиціи Муравьевъ, который создалъ себѣ карьеру процессомъ 1-го марта и близко примыкалъ къ Побѣдоносцеву; министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ, выжившій изъ ума старецъ, котораго въ 1898 году замѣнилъ ставленникъ Побѣдоносцева—Боголѣповъ, министръ финансовъ Витте, несомнѣнно, самый умный изъ всего кабинета министровъ, и, наконецъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ.

Фактическимъ главою правительства былъ, конечно, Побѣдоносцевъ, а остальные министры руководствовались его взглядами, причемъ Витте и Горемыкинъ дѣлали это ради сохраненія портфелей, не будучи, въ сущности говоря, сторонниками всесильнаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

---

[1]) См. „Былое", апрѣль и май за текущій годъ.

Побѣдоносцевъ, какъ намъ уже извѣстно, всѣми силами души ненавидѣлъ земство, а потому, естественно, всякій, кто-бы открыто выступилъ въ защиту земскаго самоуправленія, навѣрное рисковалъ своею карьерою.

Эта участь и постигла Горемыкина въ 1899 году, хотя, какъ мы увидимъ, онъ былъ сторонникомъ чисто бюрократическаго земства. Витте же, охраняя свой портфель, въ томъ же году открыто выступилъ противъ земства, вслѣдствіе чего быстро пошелъ вверхъ, чтобы впослѣдствіи пасть съ этой высоты при всеобщемъ негодованіи, которое всегда вызывается неискреннею, двоедушною политикою.

Не будемъ однако забѣгать впередъ, а постараемся, придерживаясь нашей системы, въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ сдѣлать обзоръ земскаго движенія въ послѣдніе годы XIX столѣтія.

Въ 1897 году министерство внутреннихъ дѣлъ рѣзко проявило полное свое недовѣріе къ земству и обществу и высокое самомнѣніе по отношенію къ себѣ въ двухъ вопросахъ—по всенародной переписки и организаціи народнаго продовольствія по случаю голода.

Всеобщая перепись произведена была безъ всякаго участія земства, какъ бы въ доказательство, что правительство можетъ сдѣлать «все» «само», не нуждаясь въ помощи общественныхъ силъ. Прекрасно организованныя во многихъ губерніяхъ, земскія статистическія бюро, въ которыхъ сосредоточено было немало вполнѣ опытныхъ статистиковъ, тенденціозно игнорировались. Общее руководство переписью было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, которому, съ Высочайшаго соизволенія, предоставлено было право назначать, для объединенія органовъ переписи и выясненія недоразумѣній, особыхъ уполномоченныхъ и привлекать къ переписи другихъ лицъ. На министра внутреннихъ дѣлъ, а въ случаѣ его отсутствія—на предсѣдателя статистическаго совѣта возложено было предсѣдательство въ главной переписной комиссіи, состоявшей изъ членовъ, назначавшихся Высочайшею властью. Непремѣннымъ членомъ и управляющимъ дѣлами статистической комиссіи былъ директоръ статистическаго комитета Н. А. Тройницкій, состоявшій ранѣе вице-губернаторомъ въ Ярославлѣ и губернаторомъ въ Вяткѣ и Рязанѣ, что врядъ ли могло содѣйствовать проявленію статистическихъ талантовъ. Но въ 1875 году г. Тройницкій былъ «назначенъ» директоромъ центральнаго статистическаго комитета и, такимъ образомъ, «превратился» изъ губернатора въ сановнаго «статистика».

Нужно ли говорить, что перепись была организована совершенно на канцелярскій, бюрократическій ладъ. Въ губерніяхъ, уѣздахъ и болѣе значительныхъ городахъ были учреждены оффиціальныя губернскія, уѣздныя и городскія комиссіи, которыя, собственно говоря, рѣшительно ничего не дѣлали, да и не могли дѣлать, а «изготовителями» статистическихъ данныхъ были завѣдующій участками, т. е., главнымъ образомъ, всезнающіе земскіе начальники и набранные ими же такъ называемые, «знакомыя съ мѣстными условіями лица».

Перепись произведена была 28 января 1897 года. Число счетчиковъ опредѣлялось въ 150000 человѣкъ, которые должны были въ

одинъ день получить и провѣрить или написать подъ диктовку болѣе 30.000.000 бюллетеней.

Данныя переписи составляли такую государственную тайну, что земства никакъ не могли добиться получить для своихъ цѣлей вторыхъ экземпляровъ переписныхъ листовъ, которые хранились въ волостныхъ правленіяхъ. И до сихъ поръ, т. е. черезъ 10 лѣтъ, нѣтъ полной сводки всеобщей переписи, такъ что, въ общемъ, работу эту можно считать мало пригодною для пользованія, а между тѣмъ расходы на перепись изъ суммъ государственнаго казначейства только на первые 3 года выражались суммою въ 3.916.682 рубля.

Конечно, земство имѣло всѣ основанія указать обществу, къ какимъ результатамъ ведетъ хозяйничанье самодержавной бюрократіи, и, само собою разумѣется, всѣ симпатіи были на сторонѣ земства.

Еще большій крахъ потерпѣло правительство въ вопросѣ о народномъ продовольствіи.

Послѣдній, что называется, висѣлъ въ воздухѣ.

Ни «особое совѣщаніе», образованное въ 1891 году подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ пострадавшихъ тогда отъ неурожая губерніяхъ, ни «особая комиссія, учрежденная по Высочайшему повелѣнію 18 февраля 1893 года, подъ предсѣдательствомъ Плеве, бывшаго въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, ровно ничего не сдѣлали. Но, не взирая на это, правительство, какъ и въ переписи, «само» выступило удовлетворять нужды народнаго продовольствія.

Земство, какъ и раньше рѣзко протестовало противъ узурпаціи его правъ и указывало на всѣ бѣдствія отъ чиновничьяго отношенія къ голодающему населенію.

Такъ, между прочимъ, извѣстный земскій дѣятель, гласный курскаго губернскаго земства, А. Н. фонъ-Рутценъ на очередномъ Курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи говорилъ: «Я полагю, что шаблонныя мѣропріятія бѣдствію не помогутъ, такъ какъ причина его лежитъ глубже, кроется въ общихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Не успѣло еще населеніе оправиться отъ голода 1891—1892 годовъ, какъ опять голодъ. Въ 1893 и 1894 годахъ мы не знали, куда дѣваться съ нашимъ хлѣбомъ, а теперь его опять нѣтъ. Развѣ это явленія нормальныя? По моему, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на такого рода явленіе, и я предлагаю ходатайствовать о созывѣ выборныхъ представителей центральной полосы Россіи въ особое совѣщаніе при министерствѣ земледѣлія для выработки мѣропріятій въ виду общаго тяжелаго положенія названной полосы». Это предложеніе единогласно было принято собраніемъ, причемъ, для мотивировки ходатайства, была избрана особая комиссія.

Херсонское губернское земское собраніе ходатайствовало о скорѣйшемъ изданіи новаго продовольственнаго устава, со включеніемъ въ него особыхъ статей, предоставляющихъ земскимъ учрежденіямъ издавать обязательныя постановленія о порядкѣ пополненія раскладки и расходованіе общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ, и о порядкѣ опредѣленія отвѣтственности обществъ и отдѣльныхъ лицъ за получаемыя ими ссуды

изъ магазиновъ сословнаго, губернскаго и общаго продовольственнаго капиталовъ. Вмѣстѣ съ этимъ собраніе постановило, чтобы проектъ продовольственнаго устава былъ предварительно внесенъ на разсмотрѣніе земскихъ учрежденій. Подобныя же постановленія сдѣланы были и многими другими земствами, но правительство не обращало на это ровно никакого вниманія.

Тогда земство, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, перенесло свою дѣятельность на болѣе широкую общественную арену. Между прочимъ, какъ и раньше, оно выступило въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Совѣтъ послѣдняго въ 1897 году обратился ко всей странѣ со слѣдующимъ знаменитымъ призывомъ.

«Неблагопріятныя извѣстія о результатахъ урожая текущаго года въ обширныхъ областяхъ центральной, восточной и южной Россіи вновь выдвигаютъ въ общественной жизни нашего отечества на первый планъ вопросы первостепенной важности объ обезпеченіи народнаго продовольствія и о поддержаніи падающаго земледѣлія. На наше отечество надвигается, повидимому, то же грозное бѣдствіе, которое мы пережили 6 лѣтъ тому назадъ, когда неурожай 1891 года, обнаружившійся почти въ тѣхъ же границахъ, какъ и теперь, вызвалъ настоящій голодъ среди значительной массы крестьянскаго населенія. Въ то время настойчиво утверждалось, что, помимо случайнаго стеченія неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, причины неурожая и голода коренились въ глубокомъ разстройствѣ всего хозяйственнаго строя страны. Какъ на дѣйствительныя и непосредственныя причины бѣдствія указывалось на крестьянское малоземелье, на низкую культуру полеводства, отсутствіе или недостаточное развитіе мѣстныхъ неземледѣльческихъ промысловъ, на непомѣрно низкій общій уровень экономическаго благосостоянія массы населенія, на тягость и неравномѣрное распредѣленіе налоговъ при нераціональной системѣ ихъ взиманія, на крайнюю недостаточность общаго и спеціальнаго образованія и т. д. Въ то же время борьба съ нуждою и голодомъ выяснила до очевидности совершенную неудовлетворительность существующей у насъ системы продовольственнаго обезпеченія. Къ сожалѣнію, лишь только прошла година испытаній, какъ большая часть сдѣланныхъ наблюденій и высказанныхъ мнѣній была тотчасъ же забыта. Для уврачеванія глубокихъ язвъ народнаго хозяйства и для поднятія еще больше пошатнувшагося народнаго благосостоянія не было предпринято почти никакихъ мѣръ, если не считать отдѣльныхъ разрозненныхъ попытокъ земства и министерства земледѣлія, не выходящихъ пока изъ области опытовъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предприняты были, правда, работы по пересмотру дѣйствующаго продовольственнаго устава, но работы эти, по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ продовольствія приняли, какъ извѣстно, вовсе нежелательное направленіе и не привели пока ни къ чему. Нынѣ, черезъ 6 лѣтъ послѣ пережитаго народнаго бѣдствія, мы вновь стоимъ передъ тою же неразрѣшенною тогда задачею и почти такъ же остаемся безпомощны передъ нею, какъ и прежде.

«Императорское вольное экономическое общество, слѣдуя лучшимъ традиціямъ своего прошлаго, не можетъ оставаться безучастнымъ къ переживаемому народомъ горю. Оно считаетъ себя обязаннымъ принять посильное участіе въ разрѣшеніи роковыхъ для отечества вопросовъ. Совѣтъ общества рѣшилъ въ теченіе наступающей зимы подвергнуть въ публичныхъ засѣданіяхъ общества возможно обстоятельному, разностороннему и безпристрастному обсужденію вопросы о причинахъ столь часто повторяющихся у насъ неурожаевъ и ихъ постоянныхъ послѣдствій—продовольственной нужды, о средствахъ борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ и о дѣйствительныхъ мѣрахъ къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, по крайней мѣрѣ, на такую высоту, при которой случайное стеченіе неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій не ставило бы населеніе цѣлыхъ обширныхъ областей нашего отечества на край гибели.

Въ личномъ составѣ членовъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, постоянно живущихъ въ Петербургѣ, и вообще въ средѣ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей столицы находится конечно, не мало людей, готовыхъ посвятить свой трудъ и знанія подробному изученію и разъясненію этихъ первостепенныхъ для Россіи задачъ. Но при всей теоретической подготовленности этихъ лицъ къ правильному сужденію по указанному предмету у нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не достаетъ надлежащей практической опытности и болѣе близкаго знакомства съ непосредственными потребностями деревни и съ тѣми условіями, при которыхъ приводятся въ исполненіе теоритически выработанныя мѣры. Въ этомъ случаѣ незамѣнимую помощь имъ могли бы оказать люди практики, хорошо знакомые съ современными условіями жизни въ деревнѣ и съ тѣми затрудненіями, съ которыми приходится считаться при непосредственномъ примѣненіи къ жизни всякихъ общихъ мѣръ. Желая привлечь къ обсужденію вышенамѣченныхъ вопросовъ эти живые элементы нашей земли и воспользоваться ихъ драгоцѣннымъ знаніемъ сельской жизни и опытностью, совѣтъ императорскаго вольнаго экономическаго общества приглашаетъ къ дѣятельному участію въ совмѣстной работѣ на пользу отечества всѣхъ своихъ членовъ, постоянно живущихъ въ провинціи, а также мѣстныхъ дѣятелей въ земствѣ и въ провинціальныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ и вообще всѣхъ благомыслящихъ сельскихъ жителей, интересующихся экономическимъ преуспѣяніемъ деревни. Къ этому участію въ трудахъ общества приглашаются не только жители мѣстностей, пострадавшихъ въ нынѣшнемъ году отъ неурожая, такъ какъ поставленный обществомъ на обсужденіе вопросъ касается всѣхъ частей нашего отечества. Самое участіе мѣстныхъ дѣятелей въ трудахъ общества можетъ выразиться или присылкою въ общество какъ сырыхъ, такъ болѣе или менѣе обработанныхъ матеріаловъ, обрисовывающихъ современное экономическое положеніе деревни, а также рукописныхъ или печатныхъ докладовъ и записокъ по вопросамъ, связаннымъ съ продовольственнымъ дѣломъ, или-же, наконецъ, принятіемъ непосредственнаго активнаго участія въ обсужденіи указанныхъ выше вопросовъ въ публичныхъ засѣданіяхъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, такъ какъ,

по уставу общества, въ этихъ засѣданіяхъ могутъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, участвовать и лица, не принадлежащія къ числу членовъ общества.

Въ виду изложеннаго, совѣтъ императорскаго вольнаго экономическаго общества имѣетъ честь убѣдительнѣйше просить не отказать обществу въ нижеслѣдующемъ:

1) прислать ему имѣющіеся на мѣстѣ рукописные и печатные матеріалы, разъясняющіе степень бѣдствія, постигшаго въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя мѣстности Россіи, причины, вызвавшія обостреніе нужды, ея вѣроятныя послѣдствія, а также выясняющіе, какія мѣры приняты или надлежало бы принять для борьбы съ существующимъ бѣдствіемъ, для устраненія или ослабленія его гибельныхъ послѣдствій и для предотвращенія его повторенія въ будущемъ;

2) сообщить обществу свои соображенія по предметамъ, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, а также и о томъ, въ чемъ именно заключаются неудобства существующаго порядка обезпеченія народнаго продовольствія по нынѣ дѣйствующему продовольственному уставу и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ и распоряженіямъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ органовъ, вѣдающихъ продовольственное дѣло, и въ чемъ надлежало бы измѣнить или дополнить эти узаконенія и распоряженія;

3) увѣдомить о томъ, на какое именно время (напр., на февраль или мартъ будущаго 1898 г.) слѣдовало бы императорскому Вольному Экономическому обществу назначить обсужденіе намѣченныхъ вопросовъ въ публичныхъ своихъ засѣданіяхъ, для того, чтобы въ этомъ обсужденіи могло принять дѣятельное участіе наибольшое число лицъ, прибывшихъ изъ провинціи и практически знакомыхъ съ постановкою продовольственнаго дѣла на мѣстѣ.

Императорское Вольное Экономическое общество гостепріимно открываетъ свои двери всякому, желающему принять участіе въ его трудахъ по выясненію вопросовъ, касающихся экономическаго благосостоянія отечества.

О времени, на которое будутъ назначены засѣданія общества для всесторонняго обсужденія продовольственнаго дѣла, будетъ своевременно объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Лица, желающія представить въ общество сообщеніе или докладъ по указаннымъ предметамъ, благоволятъ заранѣе увѣдомить объ этомъ Президента общества и прислать краткую программу своего сообщенія или доклада.

Императорское Вольное Экономическое общество льститъ себя надеждой, что, въ виду важности предпринятаго имъ дѣла, настоящій призывъ его не останется безъ отвѣта, и въ посильной помощи для разъясненія столь важнаго предмета ему не откажутъ въ просвѣщенномъ и патріотическомъ содѣйствіи всѣ лучшія силы мыслящей части нашего народа».

Въ мартѣ 1898 года въ обществѣ состоялось 5 засѣданій, исключительно посвященныхъ публичному обсужденію вопроса о неурожаѣ

и продовольствіи [1]). Среди участниковъ этихъ засѣданіяхъ громадный процентъ составляли земскіе дѣятели, нарочно прибывшіе изъ провинціи. Не ограничивалась одними выясненіями бѣдствія, общество и участники засѣданій отъ себя ассигновали средства на помощь голодающимъ и избрали особый комитетъ для сбора пожертвованій. Этотъ комитетъ, пользуясь сочувствіемъ страны, въ очень короткое время собралъ 128.000 рублей и отправилъ деньги своимъ агентамъ въ пострадавшія отъ неурожая губерніи.

Такимъ образомъ, появилась совершенно самостоятельная организація, не имѣвшая ничего общаго съ правительствомъ. Послѣднее, конечно, поторопилось задушить общественную иниціативу, и комитетъ при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ самый разгаръ его высокополезной дѣятельности, былъ закрытъ. Но тутъ случился единственный въ своемъ родѣ скандалъ, возможный лишь при бюрократическомъ самодержавіи.

Шумъ, поднятый по поводу голода земствами и самостоятельно, и въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, какими-то путями достигъ до слуха придворныхъ сферъ. Тамъ, повидимому, заподозрили, что Горемыкинъ или ничего не знаетъ, или не обо всемъ докладываетъ.

И вотъ на этой почвѣ, въ качествѣ таинственнаго довѣреннаго верховной власти, внезапно вынырнулъ, какъ Венера изъ волнъ морскихъ, никому дотолѣ неизвѣстный «титулярный совѣтникъ», А. А. Клоповъ.

Случилось это при такихъ «истинно русскихъ» обстоятельствахъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, отстранивъ всѣхъ отъ дѣла народнаго продовольствія, оффиціально должно было руководствоваться «правилами» благотворительности, изданными еще въ 1891—1892 году, когда нынѣшній императоръ Николай II-й, тогда наслѣдникъ, сталъ во главѣ «Особаго благотворительнаго Комитета». Въ этихъ «правилахъ», между прочимъ, говорилось, что «дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнимъ, дѣлу помощи нуждающимся, отнюдь не должна быть стѣсняема».

Но такихъ лицъ министерство внутреннихъ дѣлъ къ народу не допускало, а вмѣсто нихъ по голодающимъ губерніямъ колесили губернаторы и посылали въ Петербургъ самые блестящіе отчеты, не имѣвшіе ничего общаго съ дѣйствительностью.

Такъ, напримѣръ, Шлиппе,—сдѣлавшійся Тульскимъ губернаторомъ по протекціи графа Шереметьева, у котораго былъ самымъ заурядным управляющимъ,—разъѣзжалъ по «своей» губерніи, повсемѣстно встрѣчаемый церковными хоругвями и колокольнымъ звономъ, о чемъ краснорѣчиво повѣствовали «*Тульскія Губернскія Вѣдо-*

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что во время этихъ дебатовъ выяснился большой расколъ среди интеллигенціи, вызванный, между прочимъ, солиднымъ трудомъ, изданнымъ въ 1897 году, подъ редакціей профессоровъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова—„*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*“. Этотъ трудъ исполненъ былъ по программѣ, выработанной департаментомъ торговли и мануфактуры, профессорами и земскими статистиками, а именно,—кромѣ Чупрова и Посникова,—Н. А. Каблуковымъ, П. А. Карышевымъ, А. Ф. Фортунатовымъ, Н. Ф. Анненскимъ, В. Н. Григорьевымъ, Л. И. Марессомъ, Н. О. Осиповымъ, М. А. Плотниковымъ, В. И. Покровскимъ, Д. П. Рихтеръ и Ф. А. Щербиною.

мости», и доносилъ въ С.-Петербургъ, что все обстоитъ, какъ нельзя болѣе лучше, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ въ Тульской губерніи былъ самый настоящій голодъ.

Объ этомъ явленіи сдѣлалъ сообщеніе въ газетахъ графъ Бобринскій, предсѣдатель Богородицкой уѣздной земской управы, причемъ взывалъ къ Обществу дѣлать пожертвованія въ пользу голодающихъ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

Шлиппе оторопѣлъ отъ такой неожиданности и поспѣшилъ въ бумагѣ на имя Горемыкина оффиціально опровергнуть свѣдѣнія графа Бобринскаго.

Основываясь на донесеніи тульскаго помпадура, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь,—уже отъ имени правительства,—оффиціально опровергъ толки о голодѣ. Но графъ Бобринскій не унимался, и вслѣдъ за опроверженіемъ Горемыкина въ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*» появилось второе письмо предсѣдателя Богородицкой земской управы, въ которомъ совершенно обнаруживалась оффиціальная ложь министерства внутреннихъ дѣлъ.

Этимъ, однако, дѣло не ограничилось.

Въ то время въ Херсонской губерніи неограниченно царилъ знаменитый князь Иванъ Оболенскій. Какъ и Шлиппе, онъ точно такъ же колесилъ «по своей губерніи» и, улавливая земскую крамолу, самымъ категорическимъ образомъ отрицалъ существованіе голода въ Херсонской губерніи. Но ужасная пресса уличила и всевластнаго князя Ивана Оболенскаго.

Горемыкинъ и на этотъ разъ оффиціально вышелъ побѣдителемъ: онъ добился воспрещенія розничной продажи «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*» и Высочайшаго выговора графу Бобринскому, какъ первому зачинщику похода противъ достовѣрности министерскихъ донесеній.

Однако въ верхахъ убѣдились, что дѣло обстоитъ неблагополучно, и вотъ тутъ-то появился «титулярный совѣтникъ» А. А. Клоповъ.

Мы не будемъ передавать всѣхъ подробностей его похожденій, а скажемъ лишь, что извѣстнымъ Государю онъ сдѣлался черезъ посредство великаго князя Александра Михайловича, который устроилъ и личное свиданіе Клопова съ Императоромъ Николаемъ II-мъ.

Искренность перваго, какъ говорили, произвела благопріятное впечатлѣніе на Государя, и онъ, снабдивъ Клопова открытымъ листомъ, подписаннымъ комендантомъ дворца Гессе, повелѣлъ титулярному совѣтнику произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, поражанныхъ неурожаемъ.

Такимъ образомъ, г. Клоповъ выступилъ до нѣкоторой степени въ роли Гарунъ-Аль-Рашида. Скрывая свою высокую миссію, онъ долженъ былъ таинственно узнавать о бѣдствіяхъ россійскихъ подданныхъ и доносить обо всемъ непосредственно верховной власти.

Но, понятно, лица, окружавшія Государя, пришли въ негодованіе, узнавъ о существованіи какого-то особеннаго уполномоченнаго у него. Объ этомъ немедленно сообщено было Горемыкину, а этотъ послѣдній, при посредствѣ агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ,

принялъ такія «мѣры», что довѣренный Государя, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ скрываться.

Конечно, серьезные люди только посмѣялись надъ «клопіадой», но были и такія наивныя лица, которыя вѣрили въ возможность благихъ послѣдствій отъ миссіи Клопова, составляли доклады, записки, проекты и т. п. и передавали ихъ титулярному совѣтнику для врученія лично Государю.

«Клопіада» какъ нельзя нагляднѣе показала всю ненормальность самодержавнаго строя, всю безпомощность при немъ самой Верховной власти, но должны были послѣдовать еще гораздо болѣе грозныя событія, чтобы Россія перешла къ другому режиму: «клопіада» не оказала ровно никакого вліянія, и все оставалось попрежнему.

Правительство продолжало неотступно преслѣдовать земство, увеличивая популярность послѣдняго. Общество видѣло въ земствѣ единственнаго своего представителя и выразителя интересовъ населенія. Несмотря на строжайшія предписанія, внушенія, запрещенія, на земскихъ собраніяхъ то и дѣло открыто выражался протестъ противъ бюрократическаго гнета. Земская оппозиція пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы освѣтить печальное положеніе страны. Предсѣдатели собраній, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не разрѣшали касаться вопросовъ, выходящихъ изъ рамокъ «мѣстныхъ» пользъ и нуждъ. Тогда ораторы начинали свои рѣчи съ какой-нибудь «мѣстной» нужды, а затѣмъ переходили къ общегосударственнымъ злободневнымъ вопросамъ.

Для образчика приведемъ здѣсь рѣчь рязанскаго губернскаго гласнаго г. Оленина, произнесенную имъ на очередномъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ концѣ 1897 года. Ораторъ обратился къ собранію съ предложеніемъ возбудить ходатайство о дозволеніи печатать всѣ земскія изданія безъ предварительной цензуры подъ отвѣтственностью управъ, мотивируя свое предложеніе слѣдующимъ образомъ:

«На основаніи § 14 ст. 63 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено право представлять правительству ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Эти нужды раздѣляются на двѣ категоріи: нужды, имѣющія чисто мѣстное значеніе, и такія, удовлетвореніе которыхъ важно не только для отдѣльныхъ губерній имперіи, но и для остальныхъ. Рѣзкой границы между этими двумя категоріями провести нельзя и потому означенную статью слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ. Это обстоятельство даетъ мнѣ право предложить земскимъ собраніямъ ходатайствовать объ одной изъ насущнѣйшихъ нуждъ или, вѣрнѣе, пользъ, удовлетвореніе которой оказало бы въ высшей степени благотворное вліяніе и имѣло бы важныя послѣдствія.

«До сихъ поръ земскія учрежденія являются нарушеніемъ общепринятаго въ Россіи порядка, цѣль котораго есть объединеніе различныхъ народностей, законовъ и мѣропріятій по всему лицу земли русской. Только земскія учрежденія дѣйствуютъ порознь, каждое на свой образецъ, безъ достаточной связи между собою; мѣропріятія,

удавшіяся въ одномъ земствѣ, нерѣдко неизвѣстны въ другомъ. Такимъ образомъ, лучшія мѣстныя силы, работающія въ земствахъ, оказываются несолидарными между собою, и дѣятельность ихъ является разобщенной. По моему мнѣнію, это обстоятельство, эта разрозненность земствъ, отражается на самой плодотворности земской работы, и я убѣжденъ, что оно не имѣлось въ виду у законодателя. Вслѣдствіе этого отсутствія единства, одни земства идутъ впередъ въ то время, какъ другія еще только вступаютъ на пройденный уже первыми путь и лишь случайно имѣютъ возможность пользоваться чужимъ опытомъ. Я объясняю это въ значительной степени недостаточнымъ развитіемъ гласности въ Россіи и тѣмъ неудовлетворительнымъ положеніемъ, въ которомъ находится русская печать, находящаяся подъ надзоромъ администраціи. Что такое печать? Она—свѣточъ, озаряющій темныя стороны дѣйствительности, она—проводникъ идей и завоеваній науки въ массы, она—истолковательница желаній и нуждъ общества, она—союзница правительства въ его благихъ начинаніяхъ. Но для того, чтобы она могла исполнять свое предначертаніе, она должна пользоваться разумной свободой, которой ей теперь недостаетъ. Не только возникновеніе новыхъ органовъ печати, особенно въ провинціи, обставлено нерѣдко непреодолимыми затрудненіями, но и существующіе должны считаться съ тѣмъ или другимъ настроеніемъ лицъ, находящихся во главѣ надзора за печатью: что было дозволено вчера, запрещено сегодня и наоборотъ. Это мы видимъ на каждомъ шагу.

«Это обстоятельство дѣлаетъ то, что далеко не вся та правда, которую могла бы повѣдать печать, появляется на свѣтъ, а между тѣмъ правды и только правды хотятъ и ждутъ всѣ; ея боятся только тѣ, кто знаетъ за собой нечистыя дѣла, кому нужны потемки и страшенъ свѣтъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ печать пользуется разумной свободой и работаетъ на пользу общую. Для обузданія тѣхъ дурныхъ элементовъ, которые могутъ найтись во всякой печати, какъ и во всякомъ установленіи человѣческомъ, у правительства имѣется грозное оружіе—судъ, и съ того дня, когда это справедливое оружіе повиснетъ надъ главой русской печати, замѣнивъ собою административный надзоръ, начнется новая эра не только для печати, но и для всѣхъ честныхъ элементовъ земли русской. Красныя чернила причинили не мало вреда во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, губя лучшія произведенія человѣческаго генія; все, что боится свѣта, смотритъ на нихъ съ надеждой; чѣмъ скорѣе отойдутъ онѣ въ область прошлаго, тѣмъ лучше: наканунѣ XX вѣка самое время ходатайствовать объ ихъ отмѣнѣ. Лжеученія не боятся красныхъ чернилъ: имъ страшна только свободная критика; запрещенныя книги во всѣ времена имѣли большое распространеніе, несмотря на всѣ преграды, которыя ставились ихъ нашествію. Времена перемѣнились, и то, что когда-то подвергалось остракизму, теперь признано полезнымъ, и, наоборотъ, что ранѣе привлекало къ себѣ именно своей запретностью, теперь позабыто...

«Исходя изъ той мысли, что никакая честная дѣятельность не можетъ развиться въ потемкахъ, безъ свободной критики, безъ кон-

троля общественнаго мнѣнія, я рѣшаюсь предложить собраніямъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы всѣ земскія изданія были освобождены отъ цензуры, и издавались подъ отвѣтственностью земскихъ исполнительныхъ органовъ, если уже нельзя ходатайствовать вообще объ освобожденіи печати отъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ она находится. Вся предыдущая дѣятельность земствъ даетъ имъ право на такое довѣріе. Тогда явится возможность возникновенія такого органа, который объединилъ бы дѣятельность земствъ и далъ бы имъ не случайную, а дѣйствительную возможность обмѣна мыслей».

Такого рода ходатайства конечно, возмущали правительство. Въ рѣчи Оленина совершенно ясно проводилась мысль не только о земскомъ единеніи, но,—что еще ужаснѣе,—видно было стремленіе земства стать во главѣ общественныхъ требованій. Въ самомъ дѣлѣ,—свобода печати— это былъ назрѣвшій вопросъ, но о немъ строго на строго воспрещалось не только говорить, а даже помышлять. И вдругъ на земскомъ собраніи публично, открыто, во всеуслышаніе дается такой лозунгъ!

Это, конечно, служитъ соблазномъ и для другихъ общественныхъ сферъ, которыя сейчасъ же откликнулись на зовъ земства. Такъ, въ январѣ 1898 года Императорское Вольно-Экономическое Общество избрало коммисію для всесторонняго обсужденія вопроса относительно изданія «Земскаго Ежегодника».

Затѣмъ, на областномъ орловскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ по вопросу объ «общероссійскомъ земскомъ органѣ» принята была слѣдующая резолюція: «Принимая во вниманіе, что періодическая сводка результатовъ дѣятельности земскихъ учрежденій различныхъ губерній представляется крайне полезной для правильнаго рѣшенія земствомъ задачъ его въ области сельскаго хозяйства, съѣздъ постановляетъ: обратиться къ земскимъ учрежденіямъ съ просьбой о періодическомъ изданіи сборниковъ свѣдѣній по отдѣльнымъ отраслямъ и вопросамъ, а въ вольно-экономическое общество—о составленіи на основаніи этихъ сборниковъ періодическихъ обзоровъ земской дѣятельности».

Значитъ, и вопросъ о «Земскомъ Ежегодникѣ» объединялъ вокругъ земства широкіе общественные слои, какъ и вопросъ о продовольствіи.

И такъ рѣшительно во всемъ: что бы ни затѣяло правительство, «возмутительное» земство немедленнно передѣлывало все на «свой ладъ», придавая каждому вопросу широкое общественное значеніе.

Въ серединѣ (9-го іюня) 1897 года министръ внутреннихъ дѣлъ, должно быть, для нѣкотораго «поощренія» земства, предложилъ на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній шесть ничтожнѣйшихъ вопросовъ, касающихся «частичного» измѣненія «нѣкоторыхъ» статей дѣйствовавшаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. И въ этомъ случаѣ многія земства воспользовались случаемъ, чтобы расширить земское самоуправленіе. Для образчика приведемъ докладъ новгородской губернской земской управы. Она пришла къ тому заключенію, что проектируемыя министерствомъ мѣры не устранятъ недостатковъ зем-

скаго положенія, почему *необходимъ не частичный, а коренной пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ*. Въ виду этихъ соображеній, губернская управа въ своемъ отвѣтѣ, помимо заключеній по вопросамъ министерскаго циркуляра, представила также свое мнѣніе и о другихъ болѣе существенныхъ недостаткахъ земскаго положенія.

Самые существенные недостатки, по мнѣнію управы, заключаются въ существующей организаціи земскаго представительства. Въ настоящее время представительство на земскихъ собраніяхъ далеко не полно какъ по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ уѣзда, такъ и по отношенію къ различнымъ классамъ населенія; кромѣ того, дѣленіе на избирательныя группы основано на случайномъ признакѣ сословности, не имѣющемъ ничего общаго съ земскимъ принципомъ, чѣмъ, въ сущности, и объясняется абсентеизмъ избирателей. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе новгородской управы,—это несоотвѣтствіе между размѣрами крестьянскаго землевладѣнія и числомъ гласныхъ на земскихъ собраніяхъ отъ сельскихъ обществъ. Несомнѣнно, это очень вредно отражается на общемъ теченіи дѣлъ земства. Широкое развитіе представительства особенно важно при разсмотрѣніи основаній обложенія и утвержденіе раскладки, такъ какъ различныя мѣстности уѣзда находятся въ разныхъ условіяхъ по отношенію къ почвѣ, урожайности, условіямъ сбыта и т. п. Кромѣ того, уѣздъ представляетъ сравнительно крупную хозяйственную единицу, и полное знаніе положенія отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда можетъ быть только при тѣсной связи уѣзда съ отдѣльными мелкими ячейками въ видѣ волостей. Такая связь можетъ быть достигнута лишь при живомъ участіи представителей волости въ дѣлахъ земскихъ учрежденій. А это, несомнѣнно, указываетъ на настоятельную необходимость присутствія на земскихъ собраніяхъ представителей отъ всѣхъ волостей уѣзда.

Для оживленія интереса къ земскому дѣлу и для болѣе полнаго представительства; отвѣчающаго интересамъ мѣстности, новгородская управа наряду съ увеличеніемъ числа гласныхъ признаетъ желательнымъ возможно большое объединеніе избирателей изъ различныхъ классовъ населенія. Цѣль эта, по мнѣнію управы, можетъ быть вполнѣ достигнута лишь съ введеніемъ всесословныхъ волостей и реорганизаціею сообразно съ этимъ земскихъ выборовъ. При всесословной волости всѣ сословія и классы населенія должны слиться для выбора въ одно общее избирательное собраніе, которое можетъ быть и раздѣлено, но исключительно въ зависимости отъ территоріи.

Въ пользу учрежденія всесословной волости управа приводитъ цѣлый рядъ соображеній, въ числѣ которыхъ заключаются, между прочимъ, и слѣдующіе доводы. Уѣздъ представляетъ сравнительно очень крупную единицу и для полной жизненности земскихъ мѣропріятій необходима болѣе тѣсная связь между уѣздными земскими органами и управленіями волостей, входящихъ въ составъ уѣзда. Для того, чтобы связь эта была не искусственная, не внѣшняя, а являлась бы результатомъ тожественныхъ стремленій, необходима возможно большая аналогія во внутреннемъ устройствѣ этихъ территоріальныхъ единицъ, т.-е. такая связь, которая существуетъ въ на-

стоящее время между губернскимъ и уѣздными земствами; при организаціи всѣхъ самоуправляющихся единицъ на одинаковыхъ началахъ земская дѣятельность, съ одной стороны, будетъ проникать въ самые захолустные уголки уѣзда и притомъ не съ помощью навязанныхъ мѣропріятій, а при посредствѣ сознательнаго и разумнаго участія населенія, а съ другой стороны—уѣздныя земства будутъ болѣе освѣдомлены о ходѣ и направленіи земскихъ мѣропріятій по всей территоріи уѣзда, что въ данное время, при ограниченномъ числѣ земскихъ работниковъ, совершенно немыслимо. При такой обстановкѣ земская работа была бы во много разъ плодотворнѣе и нерѣдко избавлялась бы отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, неизбѣжныхъ въ настоящее время при сравнительной изолированности уѣздныхъ земствъ отъ населенія.

Такимъ образомъ, по поводу совершенно ничтожнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ, новгородская управа, воспользовавшись этимъ случаемъ, зашла недопустимо далеко. Она требуетъ и «кореннаго пересмотра» «всего» земскаго положенія, и учрежденіе мелкой земской единицы, и что самое ужасное,—«объединеніе избирателей изъ различныхъ классовъ населенія», и всесословной волости.

Эти пожеланія опять таки какъ разъ соотвѣтствовали стремленіямъ широкихъ круговъ населенія и, значитъ, служили превосходнымъ организаціоннымъ средствомъ для земства.

Еще болѣе способствовали тому выступленія земства въ защиту населенія отъ всяческаго произвола.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить вопросъ о тѣлесномъ наказаніи.

Съ рѣдкою настойчивостью и мужествомъ земскія собранія, вопреки энергичнымъ протестамъ администраціи [1]), дружно требовали отмѣны этого гнуснаго, позорнаго наказанія, причемъ попутно указывали на побои, кулачную расправу съ крестьянами и т. д.

Такъ, гласный Черниговскаго уѣзднаго земскаго собранія, извѣстный земскій и общественный дѣятель В. М. Хижняковъ, внесъ предложеніе ходатайствовать черезъ губернское земское собраніе относительно освобожденія сельскаго населенія отъ тѣлесныхъ наказаній, не только практикуемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, но отъ всякихъ побоевъ и кулачной расправы, какіе позволяютъ себѣ въ селахъ полиція и другія должностныя лица. Собраніе единогласно согласилось съ г. Хижняковымъ.

Весьма остроумное ходатайство возбудило новоторжское, Тверской губерніи, земство, по иниціативѣ одного гласнаго изъ крестьянъ. Оно требовало освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній населенія Новоторжскаго уѣзда, *гдѣ бы оно не находилось, и чтобы въ предѣлахъ* Новоторжскаго *уѣзда не приводились въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи лицъ, не принадлежащихъ къ населенію уѣзда.*

Такимъ образомъ, новоторжское земское собраніе, не выходя изъ рамокъ «мѣстныхъ» нуждъ, такъ поставило вопросъ, что онъ

[1]) Дѣло дошло до того, что противъ предводителей дворянства: Черниговскаго и Городненскаго (Черниговск. губ.) уѣздовъ—г. Глѣбова и г. Карвольскаго-Гриневскаго было возбуждено судебное преслѣдованіе за допущеніе ими на уѣздныхъ собраніяхъ вопроса объ освобожденіи мѣстнаго сельскаго населенія отъ тѣлесныхъ наказаній.

получилъ общегосударственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы подѣйствовало на все населеніе Россіи, если бы уважили ходатайство этого земства: всѣхъ порятъ, а новоторжскихъ жителей нельзя. А затѣмъ, Новоторжскій уѣздъ превращался въ какую то священную территорію: разъ кто успѣлъ скрыться туда освобождался отъ тѣлеснаго наказанія.

Но земскія требованія объ отмѣнѣ этого наказанія приводили въ негодованіе бюрократію и по другимъ соображеніямъ. Съ одной стороны, крѣпостническое дворянство, пользовавшееся особымъ вліяніемъ, въ лицѣ князя Мещерскаго, стойко защищало эту «отеческую мѣру, а съ другой стороны правительство возмущалось, что земство беретъ на себя защиту населенія, тѣмъ увеличивая свою популярность и вырывая изъ рукъ правительства удобный случай «когда нибудь» отмѣнить тѣлесное наказаніе въ видѣ «милости». Кромѣ того, какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ, земское требованіе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній горячо поддерживалось лучшею прессою и разными общественными учрежденіями. Поднимался, что называется, «шумъ», котораго болѣе всего бюрократія боялась. Сейчасъ же выступало Вольное Экономическое Общество или съѣзды естествоиспытателей и врачей, Пироговскій и т. п. На VI Пироговскомъ съѣздѣ, напримѣръ, въ которомъ, по обыкновенію, участвовалъ большой % земскихъ врачей, при громкихъ и единодушныхъ рукоплесканіяхъ было принято предложеніе требовать отмѣны тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ, причемъ избрана была особая коммиссія, которой поручено было мотивировать это требованіе. Эта комиссія предложила двумъ членамъ своимъ, земскимъ врачамъ, извѣстнымъ Д. Н. Жбанкову и В. И. Яковенко собрать матеріалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, главнымъ образомъ, у земства, въ виду выдающейся роли послѣдняго въ данномъ вопросѣ. Въ 1899 году гг. Жбанковъ и Яковенко издали громадный и обстоятельный трудъ, озаглавленный «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время», въ которомъ прекрасно сгруппированы поистинѣ ужасныя данныя о позорномъ наказаніи.

Не ограничиваясь стремленіемъ избавить народъ отъ послѣдняго, земство, кромѣ того, старалось защитить населеніе отъ произвола властей вообще и отъ ига земскихъ начальниковъ въ особенности. Оно думало сдѣлать это при посредствѣ оказанія юридической помощи населенію.

Какіе мотивы при этомъ выставляли земства, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ пунктовъ доклада Вятской губернской земской управы.

Въ этомъ земствѣ учрежденіе института земскихъ юрисконсультовъ возникло и было принято собраніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) въ виду необходимости пробудить и развить въ сельскомъ населеніи правовое сознаніе и тѣмъ содѣйствовать просвѣщенію темной народной массы;

2) въ виду настоятельной нужды поднять въ народѣ довѣріе къ суду устраненіемъ разницы между богатой и бѣдной тяжущимися сторонами, особенно въ высшихъ судахъ;

3) въ виду необходимости создать для народа такую юридическую помощь,—какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, — которая могла бы оградить крестьянъ отъ злоупотребленій частныхъ, такъ называемыхъ, «подпольныхъ» адвокатовъ; наконецъ,—

4) путемъ введенія института земскихъ юрисконсультовъ устранить излишніе, непроизводительные для крестьянъ расходы, черезъ что должно улучшиться экономическое благоустройство сельскаго населенія.

Правительство менѣе всего желало вмѣшательства земства въ эту сферу и постаралось отстранить его путемъ сенатскаго «разъясненія».

Въ началѣ 1898 года, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, князь Оболенскій, разослалъ губернаторамъ такое сообщеніе:

«По одной губерніи возникъ дошедшій до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената вопросъ о правѣ земства учреждать при управѣ консультацію для юридической защиты населенія уѣзда, причемъ Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что учрежденіе подобной консультаціи не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіямъ и перечисленныхъ въ ст. 2 полож. о зем. учр. 1890 г.

Такъ какъ однородные вопросы могутъ возникнуть и по другимъ губерніямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло долгомъ поставить гг. губернаторовъ въ извѣстность объ изложенномъ рѣшеніи Сената, для руководства въ надлежащихъ случаяхъ».

Земство, однако, не особенно внимало подобнаго рода «разъясненіямъ», прекрасно понимая, что бюрократія играетъ «своими» «законами», какъ мячами, «приспособляя» ихъ исключительно для достиженія собственныхъ цѣлей.

Особенное упорство въ этомъ отношеніи — земство, въ концѣ 90-хъ годовъ, проявило въ вопросѣ по народному образованію. Послѣднее было самымъ больнымъ мѣстомъ бюрократіи. Просвѣщеніе болѣе всего могло открыть глаза населенію на его тяжелое положеніе, расширить его кругозоръ, а потому, естественно, народную школу слѣдовало болѣе всего охранять отъ «тлетворнаго вліянія» земства. Въ качествѣ Цербера у дверей народной школы стоялъ такой врагъ просвѣщенія народа, какъ Побѣдоносцевъ. Онъ стоялъ и приходилъ въ ужасъ и негодованіе: бдительность его надзора не достигала цѣли—земство, вопреки всѣмъ запретамъ, все болѣе и болѣе расширяло школьное дѣло. Положеніе 12 іюня 1890 г., долженствовавшее превратить земство въ сословное, чисто дворянское учрежденіе, какъ будто даже способствовало земской работѣ въ сферѣ народнаго образованія, какъ и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства. И, — что удивительно,—такой быстрый успѣхъ сталъ замѣчаться тогда, когда на сцену, въ качествѣ активной силы, выступило губернское земство.

На этомъ явленіи, какъ весьма характерномъ для конца 90-хъ годовъ, мы считаемъ необходимымъ остановиться.

Мы уже видѣли, какъ способствовало мобилизаціи обществен-

ныхъ силъ выступленіе земства на широкой аренѣ учрежденій, обслуживавшихъ интересы всей страны.

Такую же, но только мѣстную, погубернскую, организаціонную роль играло выступленіе губернскихъ земствъ.

Оно началось, приблизительно, съ 1893 года, но политическое, если можно такъ выразиться, значеніе это выступленія пріобрѣло, по нашему мнѣнію, не ранѣе 1896—1897 годовъ, когда выяснилось громадное вліяніе дѣятельности губернскихъ земствъ на организацію «третьяго элемента», и на связь послѣдняго съ оппозиціонною частью «второго элемента» т. е. выборныхъ земцевъ.

Прежде, до выступленія губернскихъ земцевъ, лишь служащіе управъ имѣли непосредственное отношеніе къ земцамъ, причемъ отношенія эти были чисто, такъ сказать, мѣстныя, на почвѣ обыденной земской жизни. Когда же выступили губернскія земства, то общегубернскія организаціи влекли за собою необходимость обсужденія порученныхъ имъ дѣлъ всѣми служащими тѣхъ или иныхъ отраслей земскаго хозяйства. Съѣзды, совѣщанія, разнообразныя комиссіи въ губернскихъ городахъ учителей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, статистиковъ, страховыхъ агентовъ, само собою разумѣется, необыкновенно способствовали единенію «третьяго элемента» какъ между собою, такъ и съ земцами. Здѣсь, можно сказать, вырабатывалось уже широкое земское представительство, которое черезъ нѣсколько лѣтъ сыграло единственную въ своемъ родѣ роль въ освободительномъ движеніи. Когда наступилъ моментъ для его осуществленія, никто быть можетъ, не былъ такъ къ нему подготовленъ, какъ земскія сферы.

Но объ этомъ намъ придется говорить не разъ и болѣе подробно, а сейчасъ перейдемъ къ самому краткому обзору дѣятельности губернскихъ земствъ въ концѣ 90-хъ годовъ, остановившись болѣе всего на народномъ образованіи. Съ выступленіемъ губернскихъ земствъ послѣднее пошло ускореннымъ темпомъ.

Пишущій эти строки лично собиралъ данныя по этому вопросу, въ свое время напечатанныя въ «*Вѣстникѣ Воспитанія*» (въ 1898 г.), и оказалось, что за пятилѣтіе,—1893—1897 г.,—70 6% губернскихъ земствъ возбудили вопросъ о всеобщемъ обученіи, 58,8% —о школьныхъ фондахъ и спеціальныхъ ассигновкахъ на постройку школьныхъ зданій, 50%—о статистическихъ изслѣдованіяхъ по народному образованію, 50% — объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ земскія школы, 47%—о сельскихъ библіотекахъ и читальняхъ, 32,3%—о педагогическихъ курсахъ, 23,5% — объ учительскихъ библіотекахъ, 20,6%—объ учительскихъ съѣздахъ, 20,6%—о народныхъ чтеніяхъ, 15,7%—о школьныхъ библіотекахъ, 14,7% — объ увеличеніи вознагражденія педагогическому персоналу и эмеритурѣ, 8,8%—о книжныхъ складахъ, 6%—объ улучшеніи школьныхъ зданій и 3%—о торговлѣ книгами.

Мѣсто не дозволяетъ намъ дѣлать обзоръ дѣятельности по народному образованію не только всѣхъ, но и части земствъ, а потому по отдѣльнымъ земствамъ мы отмѣтимъ такія лишь явленія изъ названной области, которыя имѣли общеземское, такъ сказать, значеніе.

Такъ, мы считаемъ нужнымъ привести выдержки изъ рѣчи извѣстнаго земскаго дѣятеля, гласнаго харьковскаго губернскаго земства Н. Н. Ковалевскаго, произнесенной имъ на очередномъ собраніи 1897 года и повлекшей за собою ежегодную 200-тъ тысячную ассигновку на начальное народное образованіе.

Предлагая харьковскому губернскому земству, вслѣдъ за губернскими московскимъ и курскимъ, которыя были, кажется, піонерами, въ смыслѣ активнаго выступленія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, г. Ковалевскій, между прочимъ, говорилъ:

«Въ предшествовавшую 30-ти-лѣтнюю дѣятельность, харьковское губернское земство принимало ничтожное участіе въ дѣлѣ нашего народнаго образованія.....

Такое отношеніе губернскаго земства къ дѣлу низшаго народнаго образованія обусловливается не равнодушіемъ гг. губернскихъ гласныхъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что еще въ 1867 году состоялось постановленіе, по которому между уѣзднымъ и губернскимъ земствомъ дѣятельность по народному образованію разграничена была такимъ образомъ, что на долю губернскаго земства отведена забота о подготовкѣ преподавателей, а на уѣздныя земства забота о помощи сельскимъ обществамъ при открытіи школъ.

Въ послѣднее время выяснилась необходимость расширить рамки для дѣятельности губернскаго земства, въ виду чего введена была операція выдачи ссудъ на постройку школъ и выдача пособій для учрежденія сѣти сельскихъ библіотекъ. Затѣмъ избранная школьная комиссія представила настоящему собранію проектъ, по которому участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія нѣсколько расширяется, но комиссія повидимому предполагаетъ сохранить въ неприкосновенности тотъ принципъ, который установленъ былъ въ 1867 году и по которому иниціатива и ближайшее руководство школами сохранены за уѣздными земствами, а губернскому земству оставлена роль богатаго, но безучастнаго дядюшки, отъ котораго иногда можно получить большую или меньшую денежную подачку, но нельзя ждать постояннаго, активнаго участливаго отношенія.

30 лѣтъ это такой почтенный періодъ времени, что, мнѣ кажется, вполнѣ своевременно подвести итоги сдѣланному и разсмотрѣть—не отжило-ли, не устарѣло-ли для 1897 года то постановленіе, которое сдѣлано было въ 1867 году и которое для своего времени было вполнѣ цѣлесообразно.

Я считаю излишнимъ доказывать, что законъ (ст. 2 земскаго положенія и ст. 3478 т. XI) налагаетъ на *губернское* земство заботу о народномъ образованіи наравнѣ съ уѣздными земствами и мы никоимъ образомъ не можемъ сложить съ себя нравственной отвѣтственности за постановку дѣла народнаго образованія въ губерніи и не можемъ успокоить себя тѣмъ, что мы всецѣло передали заботу о школахъ уѣзднымъ земствамъ. Равнымъ образомъ я не буду говорить здѣсь о необходимости народнаго образованія и думаю, что губернская управа служитъ выразительницей господствующаго въ собраніи взгляда, когда она говоритъ на стр. 95, что «*самая существенная и*

самая настоятельная обязанность губернскаго земства—предоставить населенію возможность быть грамотнымъ», что «*вопросъ о всеобщемъ обученіи у губернскаго* земства долженъ стоять *на первомъ мѣстѣ*» и далѣе, на стр. 142, управа говоритъ, что вопросъ *о введеніи всеобщаго начальнаго народнаго образованія—«созрѣлъ и бьетъ ключемъ»*.

Перехожу къ обсужденію вопроса о томъ, какъ эта настоятельная обязанность нами исполнена и занимаетъ ли у насъ забота о школѣ то *первое мѣсто*, которое ей принадлежитъ, по словамъ губернской управы.

Изъ отчета губернской управы о положеніи земскихъ школъ въ губерніи мы видимъ, что народное образованіе въ Харьковской губерніи стоитъ далеко не на должной высотѣ.....

По вычисленію губернской управы, какъ къ существующимъ 523 земскимъ школамъ нужно прибавить еще 799—т. е. увеличить число школъ на 152% для того, чтобы выполнить только половину задачи чтобы предоставить возможность учиться только мальчикамъ; а такъ какъ школы приростаютъ на 0,7%, то потребуется 152:0,7=217 лѣтъ, для того, чтобы удовлетворить эту минимальную потребность въ школахъ.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно чтобы признать, что въ такомъ положеніи дѣло оставлено не можетъ быть; необходимо, возможно скорѣе, постараться исполнить лежащую на губернскомъ земствѣ обязанность,—обязанность, какъ говоритъ управа, *существенную и настоятельную* и поставить вопросъ о всеобщемъ обученіи на подобающее ему первое мѣсто.

Если я не ошибаюсь, всѣ уѣздныя земства въ школьномъ дѣлѣ держатся той, установленной еще въ 1867 году, точки зрѣнія, что земство *не учреждаетъ и не содержитъ школы*, а приходитъ только на помощь сельскимъ обществамъ при устройствѣ и содержаніи школъ; по уѣздамъ варьируется только размѣръ этой помощи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ общества платятъ все жалованье учителю и сторожу, принимаютъ всѣ расходы по отопленію и ремонту школьныхъ зданій, а земство платитъ только жалованье законоучителю; въ другихъ-же земствахъ сельскія общества даютъ только отопленіе, ремонтъ и содержаніе сторожу, а остальные расходы беретъ земство. Школьныя же помѣщенія вездѣ почти воздвигаются,—если не всецѣло на счетъ обществъ,—то лишь съ незначительнымъ пособіемъ отъ земства.

Несомнѣнно, что такое требованіе матеріальныхъ жертвъ со стороны крестьянскаго населенія даетъ объясненіе, почему въ послѣднее пятилѣтіе такъ сильно упало число вновь возникающихъ школъ: болѣе богатыя общества и села уже раньше поустраивали школы, очередь за бѣднотой, которая къ тому почти всегда бываетъ темна,—и тѣмъ темнѣе, чѣмъ бѣднѣе;—новое обложеніе, новый налогъ является для нихъ такимъ пугаломъ, что при такомъ положеніи вещей и тотъ срокъ для завершенія школьной сѣти въ губерніи—217 лѣтъ,—который нами исчисленъ, окажется слишкомъ краткимъ...

Я полагаю, въ настояще время умѣстно поставить на разрѣшеніе вопросъ о томъ, насколько непремѣнное требованіе участія сельскихъ обществъ въ содержаніи школы является справедливымъ и цѣлесообразнымъ.

Главнымъ аргументомъ для господствующаго взгляда служитъ то, что въ сельскихъ школахъ учатся почти исключительно дѣти крестьянъ, и всѣдствіе этого предполагается, что школы нужны только для крестьянъ, и должны содержаться на крестьянскія деньги. Но спрашиваю я васъ, вѣрно-ли, что только крестьяне извлекаютъ пользу отъ того, что ихъ дѣти учатся въ школахъ? Неужели представители крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣнія, не говоря о правительствѣ, не заинтересованы нисколько въ степени культурности окружающаго ихъ крестьянскаго населенія? Что бы вы ни говорили, но въ глазахъ просвѣщенныхъ людей представители нашей интеллигенціи не перестанутъ быть варварами, пока мы будемъ окружены невѣжественными массами; давно высказана и вездѣ признана та истина, что «фундаментъ благосостоянiи и могущества народовъ лежитъ не въ выдающейся культурности отдѣльныхъ лицъ, а въ образованіи всей массы народа». Не подлежитъ сомнѣнію, что все общество заинтересовано въ просвѣщеніи народа.

Мнѣ могутъ возразить, что отъ нашихъ школъ до за-граничной культурности далеко,—это другой совершенно вопросъ; несомнѣнно, что отъ грамотности до культурности—далеко, но нельзя начать ходить со второго шага, необходимо надо сдѣлать сначала первый,—необходимо дать народу грамотность, которая не есть цѣль и не есть даже знаніе, а лишь средство для пріобрѣтенія знаній; когда эта потребность будетъ вполнѣ и повсемѣстно удовлетворена, тогда мы приступимъ ко второму шагу—поднять и упорядочить нашу школу.

Все высшее и среднее образованіе содержится на государственныя и частью земскія средства, а извѣстно, что большая половина государственныхъ доходовъ создается изъ крестьянскихъ грошей, и никто не находитъ несправедливымъ, что крестьяне участвуютъ въ содержаніи тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ дѣти не воспитываются,—и это совершенно правильно, такъ какъ высшее и среднее образованіе нужно не только для тѣхъ, кто имъ пользуется, но и для государства, и для общества; равнымъ образомъ интересы земства и государства требуютъ, чтобы народная масса стала возможно меньше невѣжественна. Единственный путь борьбы съ невѣжествомъ—народная школа, а потому не слѣдуетъ ставить препонъ въ борьбѣ съ этимъ невѣжествомъ въ видѣ непремѣннаго требованія взносовъ на школы со стороны крестьянскаго населенія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы нужно было теперь же пренебречь и отказаться отъ помощи сельскаго населенія: средства, такъ малы, что мы не вправѣ ихъ умалять; но если, по заранѣе выработанному плану школьной сѣти, въ селеніи должна быть школа, а селеніе не захочетъ или не можетъ нести расходовъ на ея содержаніе, то это не должно насъ останавливать: школа должна быть учреждена и содержаться всецѣло на земскій счетъ.

Есть еще одинъ аргументъ, который приводится въ пользу того, чтобы непремѣнно школа содержалась на средства крестьянскихъ обществъ: говорятъ, что готовность нести извѣстныя матеріальныя жертвы есть лучшее доказательство того, что созрѣло сознаніе пользы школьнаго обученія, что безъ этого сознанія школа не будетъ имѣть

успѣха; къ этому еще обыкновенно прибавляется психологическая черта—«мужикъ-де не цѣнитъ дарового». Я замѣтилъ, что эта аргументація служитъ излюбленнымъ фиговымъ листомъ, прикрываясь которымъ, противники школы удобно и благовидно проваливаютъ вопросъ. Но несостоятельность этой аргуменціи станетъ очевидна, если вы примите во вниманіе, что «земское» для крестьянина далеко не «даровое»—во владѣніи крестьянъ 60% земли въ Харьковской губерніи и, слѣдовательно, они взносятъ болѣе половины земскихъ доходовъ; во-вторыхъ, не было случая, чтобы школы не посѣщались учениками,—напротивъ, общее явленіе—страшное, чрезмѣрное, переполненіе школъ. Наконецъ, въ докладѣ губернской управы мы находимъ очень интересное указаніе на то, что потребность у населенія въ школѣ—тѣмъ больше, чѣмъ больше времени населеніе пользуется школой, т. е. школа сама по себѣ создаетъ желающихъ ею пользоваться.

Когда заходитъ разговоръ о нѣкоторыхъ безобразныхъ явленіяхъ и фактахъ, нерѣдко имѣющихъ мѣсто въ средѣ нашихъ крестьянъ и рабочихъ, то разсказчикъ, желая оттѣнить невѣжество, сплошь и рядомъ, называетъ ихъ, смотря по темпераменту разсказчика, скотами, звѣрями или малыми дѣтьми,—когда же заходитъ рѣчь о борьбѣ съ этимъ невѣжествомъ, то тѣ же лица требуютъ отъ этой массы сознанія пользы ученія,—но, вѣдь, дѣтей, какъ и животныхъ, учатъ, не ожидая того, чтобы у нихъ созрѣло убѣжденіе въ пользѣ науки. Если мы будемъ ожидать повсемѣстнаго самозарожденія этого сознанія и до тѣхъ поръ будемъ откладывать устройство школъ, то дѣло затянется на тысячелѣтіе,—что подтверждается тѣмъ, что даже въ странахъ весьма цивилизованныхъ сознаніе необходимости обученія дѣтей не всегда имѣется у населенія. По свѣдѣніямъ, взятымъ мною изъ новой статьи Яроша, въ Чехіи въ 1894 году было 35,577 случаевъ, когда родители подвергались аресту за неисправную посылку дѣтей въ школы, за что сверхъ того, въ этомъ году взыскано было 14,622 гульденовъ штрафа.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ, насколько мы отстали и какъ много намъ нужно сдѣлать, чтобы сравняться силами съ нашими сосѣдями, я напоминаю вамъ, что въ Чехіи, занимающей пространство (51,948) немного *меньше* Харьковской губерніи [1]), имѣется 4,945 народныхъ школъ съ 7 лѣтнимъ курсомъ. Въ Даніи, занимающей пространство (38,318 кв. к.)—на 30% меньше Харьковской губерніи,—имѣется 2,940 народныхъ школъ съ 7 лѣтнимъ курсомъ, при такой-же почти густотѣ населенія, какъ и въ Харьковской губерніи; наконецъ, въ еще болѣе передовомъ Вюртембергѣ, занимающемъ площадь (19,503 к. к.), равную нашимъ двумъ уѣздамъ—Купянскому и Старобѣльскому [2]), имѣется *4031 школа* съ 7 лѣтнимъ курсомъ. Кромѣ того, въ томъ же Вюртембергѣ имѣется 8 учительскихъ институтовъ, 11 гимназій, 66 среднихъ учебныхъ заведеній; 61 реальная прогимназія, 4 земледѣльческихъ института, земледѣльческая академія,

---

[1]) Съ населеніемъ 5,808.000—вдвое больше Харьковской губерніи.
[2]) При населеніи 2.035.443 на 30% менѣе населенія Харьковской губ.

политехникумъ, строительный институтъ, университетъ, консерваторія, школа изящныхъ искусствъ и проч.

Возвращаюсь еще разъ къ вопросу о вліяніи народной школы на хозяйственно-экономическое положеніе края, Губернская управа на стр. 97 доклада говоритъ, что «подъемъ уровня народнаго образованія окажетъ вліяніе на развитіе народной жизни», и что *при настоящемъ уровнѣ образованія* заботы и мѣропріятія правительства и земства объ улучшеніи благосостоянія и благоустройства *не принесутъ* населенію существенной пользы, встрѣчая препятствія къ ихъ осуществленію въ невѣжествѣ массъ».

Задача нашего земства—*борьба съ бѣдностью и невѣжествомъ*. Бѣдность и невѣжество—вотъ главныя причины всѣхъ золъ... Какая изъ этихъ двухъ болячекъ сильнѣе—сказать трудно, вѣрно только то, что онѣ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ и находятся въ причиной зависимости: мы бѣдны, потому что невѣжественны и—невѣжественны, потому что бѣдны, какъ же выйти изъ этого заколдованнаго круга, — съ какого конца взяться за леченіе?

Конечно желательно вести борьбу одновременно на два фланга и мѣрами чисто экономическаго свойства, и мѣрами просвѣтительными, но нужно все-таки помнить, что главный корень зла—невѣжество. При нашей несомнѣнной бѣдности мы располагаемъ не меньшими, чѣмъ наши счастливые сосѣди, естественными источниками для извлеченія богатствъ, но не умѣемъ ими пользоваться. Крестьяне Харьковской губерніи владѣютъ 2.846.746 десятинами одной надѣльной земли, что=31,000 кв километровъ, т. е. у нихъ въ полтора съ лишнимъ раза больше земли, чѣмъ во всемъ Вюртембергскомъ королевствѣ; число же крестьянскаго населенія Харьковской губерніи почти равно числу жителей Вюртемберга, а между тѣмъ въ Вюртембергѣ населеніе благоденствуетъ, а у насъ, имѣя въ полтора раза больше земли,—и при томъ великолѣпнаго чернозема, а не нѣмецкаго суглинка,—населеніе наше жалуется на тѣсноту, стремится выселиться въ Сибирь. И дѣйствительно, населеніе живетъ у насъ крайне бѣдно,—такъ бѣдно, что первый же неурожай разоряетъ хозяйство; земство должно заботиться объ обсѣмененіи полей и часто о продовольствіи населенія, чтобы спасти его отъ голодной смерти.

Чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что вюртембержецъ, сидя на въ полтора раза меньшемъ клочкѣ пахатной земли,—сытъ, богатъ и доволенъ, а нашъ крестьянинъ слабъ, тощъ и бѣденъ? Конечно, помимо другихъ причинъ, въ значительной степени это зависитъ отъ недостатка культурности.

Чѣмъ ниже степень культурности человѣка, тѣмъ больше простора требуетъ онъ для безбѣднаго существованія: когда прародители наши жили звѣринымъ промысломъ—охотой, въ ихъ распоряженіи должны были быть, для обезпеченія пропитанія, тысячи десятинъ, и если этой тысячи десятинъ не было, прародитель жаловался на тѣсноту; слѣдующая стадія—пастушество—удовлетворялась сотней десятинъ; затѣмъ, при переходѣ къ хлѣбопашеству, при перемѣнной системѣ хозяйствъ, —довольствовались десятью десятинами; наконецъ, при настоящемъ трехпольѣ, говорятъ надо имѣть для безбѣднаго су-

ществованія 5 десятинъ,—а европеецъ сидитъ на одной десятинѣ, изъ нея хорошо ѣстъ, пьетъ, одѣвается, учитъ дѣтей и откладываетъ запасы про черный день...

Наши крестьяне стоятъ передъ дилеммой—или бѣжать и искать сибирскаго, часто предательскаго, простора, или усвоить новую европейскую культурность, которая возможна только при извѣстной стадіи умственнаго развитія, проводникомъ котораго служитъ школа.

На вопросъ о школѣ нельзя смотрѣть какъ на пустячное дѣло и либеральную забаву—школа глубоко вліяетъ на экономическую, духовную и политическую жизнь народа; къ сожалѣнію, въ сознаніи мѣстнаго населенія, какъ низшихъ, такъ и высшихъ его слоевъ, до послѣдняго времени не установился еще правильный взглядъ на значеніе школы.

Но въ настоящее время общественное настроеніе всей Россіи особенно благопріятно къ дѣлу народнаго образованія...

Увѣренный въ томъ, что это всеобщее общественное движеніе находитъ сочувственный откликъ въ настоящемъ собраніи, я предлагаю, не останавливаясь на палліативахъ и полумѣрахъ,—*взять въ руки губернскаго земства* руководство дѣломъ завершенія полной сѣти школъ въ губерніи, для каковой цѣли *ассигновать на нужды низшаго народнаго образованія* добавочную сумму въ *200.000 рублей*, т. е. ту приблизительно сумму, на которую уменьшился въ губерніи взносъ государственнаго поземельнаго налога, и вноситъ эту сумму въ смѣту ежегодно, начиная съ слѣдующаго 1898 года. Сумма эта далеко недостаточна для постановки на надлежащую высоту дѣла такой важности, какъ народное образованіе, но средства земства скудны—земля, главный источникъ земскихъ доходовъ, обременена огромными платежами, что признано вполнѣ и самимъ правительствомъ, а потому умѣстно возбудить въ настоящее время ходатайство предъ правительствомъ и г. министромъ финансовъ объ ассигнованіи въ распоряженіе харьковскаго губернскаго земства, для поддержки народнаго образованія, такой же суммы—200,000 рублей—изъ государственныхъ средствъ, и если это невозможно, то просить министра финансовъ другихъ источниковъ, напримѣръ,—добавочный акцизъ въ пользу земства по 1 к. съ ведра хлѣбнаго вина [1]).

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что когда правительство рѣшило ввести винную монополію очень многіе земства тотъ часъ-же возбудили протестъ, такъ какъ эта реформа сильно отражалась на земскихъ доходахъ. Такъ, напримѣръ, въ очередное курское губернское земское собраніе комиссія по народному образованію внесла докладъ,—принятый собраніемъ,—въ которыхъ указывало, что съ введеніемъ винной монополіи земство теряетъ доходъ съ патентныхъ сборовъ и торговыхъ документовъ. Еще болѣе теряютъ сельскіе общества, получающія значительныя суммы за разрѣшеніе права торговли напитками. Въ виду такихъ потерь, комиссія предложила собранію ходатайствовать о возмѣщеніи убытковъ въ такой формѣ: 1) ходатайствовать о ежегодномъ отчисленіи 1% изъ акцизныхъ сборовъ въ распоряженіе губернскаго земства на нужды народнаго образованія, и 2) ходатайствовать о ежегодномъ отчисленіи на тѣ нужды всей суммы, которую сельскія общества выручали отъ сдачи винныхъ лавокъ. Въ случаѣ успѣха ходатайствъ губернское земство получило бы въ свое распоряженіе 438.000 р. и получило бы возможность скорѣе разрѣшить одну изъ своихъ задачъ—введеніе всеобщаго обученія. Подобнаго-же рода возбудили повторяемъ, очень многія земства, приводя въ негодованіе бюрократію, стремившуюся сократить земство и больше всего стараясь понизить ресурсы земскихъ учрежденій на народное образованіе.

Это предложеніе прежде всего напугало крѣпостниковъ харьковскаго губернскаго земства съ предсѣдателемъ собранія, графомъ Капнистомъ, во главѣ. Когда первая баллотировка дала благопріятные для оппозиціи результаты, и предложеніе Ковалевскаго было принято, гр. Капнистъ устроилъ вторичную баллотировку, причемъ всталъ со своего предсѣдательскаго мѣста, ходилъ среди гласныхъ и буквально «требовалъ» отъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ «своими», чтобы онъ вотировали противъ 200-тысячной ассигновки.

Но оппозиція, будучи въ меньшинствѣ, сумѣла такъ настроить собраніе, что усилія гр. Капниста ни къ чему не привели, и харьковское губернское земство заняло сразу первое мѣсто по размѣру затратъ на народное образованіе.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, на помощь земскимъ реакціонерамъ охотно пришла бюрократія, которая опротестовала постановленіе земскаго собранія.

Дѣло, въ концѣ концовъ, дошло до сената, и только, кажется, въ 1900 году харьковскому губернскому земству удалось осуществить свое постановленіе.

Мы нарочно остановились на немъ, такъ какъ въ свое время 200-тысячная ежегодная ассигновка харьковскаго земства на народное образованіе имѣла громадныя послѣдствія. Оппозиціонные элементы многихъ губернскихъ земствъ, стремившіеся заставить свои земства выступить на активный путь въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, дѣлали указаніе на харьковское губернское земство и добивались солидныхъ ассигновокъ на школьное строительство.

Но это послѣднее далеко не являлось конечной цѣлью губернскаго земства. Оно стремилось къ поднятію уровня сельскихъ учителей, что неизбѣжно вело къ единенію ихъ. Такъ, въ 1898 г. московское губернское земство постановило:

1. Признать, что для сообщенія новыхъ педагогическихъ пріемовъ, для пополненія и освѣженія свѣдѣній и поднятія нравственнаго духа преподавателей, представляется въ высшей степени желательнымъ устройство въ вакаціонное время учительскихъ собраній. 2. Съ этою цѣлью признать желательнымъ возможно широкое развитіе педагогическихъ курсовъ, устраиваемыхъ, согласно правиламъ 5-го августа 1875 г. 3. Такъ какъ въ практикѣ учительской жизни возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, который можетъ быть разрѣшенъ только на учительскихъ съѣздахъ, то въ виду этого и принимая во вниманіе, что этотъ видъ учительскихъ собраній, будучи свободно разрѣшаемъ до 1885 г., принесъ большую пользу, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы разрѣшеніе на созывъ учительскихъ съѣздовъ и въ настоящее время давалось примѣнительно къ порядку, дѣйствовавшему до 1885 г. 4. Признать желательнымъ, чтобы учительскія собранія были поуѣздныя и устраивались періодически; при этомъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго осуществленія дѣла и въ виду того общегубернскаго значенія, которое ему присуще, установить, что губернское земство принимаетъ участіе возмѣщеніемъ половины издержекъ, произведенныхъ уѣздными земствами. 5. Въ цѣляхъ сообщенія учителямъ основныхъ свѣдѣній по общей и школьной гигіенѣ, примѣненіе кото-

рыхъ могло бы оказать самую существенную пользу при борьбѣ съ заразными болѣзнями въ нашей деревнѣ, признать въ высшей степени желательнымъ, чтобы въ кругъ задачъ педагогическихъ курсовъ были включаемы занятія гигіеною.

Эти учительскіе съѣзды преслѣдовались еще въ 70-хъ годахъ, съ трудомъ разрѣшались въ 80-хъ, причемъ въ 1885 г. вовсе были прекращены, и возобновленіе ихъ было крайне нежелательно для бюрократіи. А между тѣмъ одно за другимъ земства не прекращали требовать устройства и съѣздовъ, и курсовъ для учителей.

Но и этимъ дѣло не ограничивалось По иниціативѣ, напримѣръ, Курскаго губернскаго земства, былъ возбужденъ вопросъ объ организаціи попечительствъ при земскихъ школахъ, въ которыя бы входили крестьяне и деревенская интеллигенція [1]) и совмѣстно обсуждали школьныя нужды. [2])

---

[1]) Такого рода попечительства разрѣшены были лишь въ текущемъ 1907 г., т. е черезъ 10 лѣтъ послѣ поднятія вопроса о нихъ земствомъ.

[2]) Къ этому слѣдуетъ добавить, что земство заботилось о просвѣщеніи и рабочаго класса. Напримѣръ, весьма многія земства въ своихъ докладахъ утилизировали рѣчь близкаго земству профессора Московскаго университета А. И. Чупрова, которую онъ въ 1897 году произнесъ въ засѣданіи Московскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. Вотъ эта рѣчь.

„Устройство образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій для рабочихъ обыкновенно мотивируется соображеніями гуманности и соціальной справедливости; другая точка зрѣнія въ пользу подобныхъ учрежденій,—такъ сказать, санитарная. Но есть и еще точка зрѣнія: это—соображенія экономическія, интересъ производства. Если современное общество хочетъ жить въ достаткѣ, оно не должно жалѣть средствъ для снабженія рабочихъ центровъ образовательными и воспитательными учрежденіями. Что трудъ есть основной факторъ производства, это—старая аксіома, которая, однако, къ сожалѣнію, нерѣдко забывается и затемняется успѣхами машинной индустріи. Заботясь объ усовершенствованіи механическихъ двигателей, промышленники мало думаютъ о живой машинѣ, отъ которой, въ сущности, зависитъ ходъ всѣхъ остальныхъ. Между тѣмъ обстоятельства времени заставляютъ обратить вниманіе и на этотъ пунктъ. Еще недавно предприниматели основывали всѣ свои выгоды на увеличеніи количества труда, получаемаго отъ каждаго отдѣльнаго рабочаго дня и на уменьшеніи заработной платы. Но эта эксплоатація рабочей силы встрѣтила себѣ могучій отпоръ въ общественномъ мнѣніи и государственной власти. Современное фабричное законодательство ставитъ границы для удлинненія рабочаго дня. Это благотворное движеніе, начавшееся на Западѣ, коснулось и нашего отечества: закономъ 2 іюня 1897 г. у насъ регулируются воскресный и праздничный отдыхъ, а также и число рабочихъ часовъ. Когда въ прежнее время являлась надобность въ постоянномъ или временномъ увеличеніи выработки, у предпринимателя было простое средство достигнуть этого результата: онъ стремился удлинить рабочее время. Отнынѣ этотъ способъ становится непримѣнимымъ. Но есть другіе пути, которые могутъ привести къ той же цѣли, и о нихъ-то стоитъ подумать. Одинъ изъ этихъ путей заключается въ возвышеніи качествъ труда. Цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (Д. Ст. Милль, Т. Брассей, Шульце-Геверницъ и др.) доказано, что при одной и той же обстановкѣ выработка отдѣльнаго работника можетъ измѣняться вдвое и втрое въ зависимости отъ качествъ его труда. Этотъ предѣлъ бываетъ шире или уже въ зависимости отъ рода производства, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно широкъ для того, чтобы сосредоточить на немъ вниманіе и интересъ Количество продукта, производимое рабочимъ въ единицу времени, мы можемъ назвать производительностью труда. Производительность есть сложное явленіе, которое зависитъ отъ двухъ факторовъ; она можетъ быть выше или ниже оттого, что рабочій въ то же самое время пуститъ въ ходъ неодинаковое количество силъ; но, съ другой стороны. то же самое количество силъ можетъ дать различное количество продуктовъ. Первое отношеніе мы назовемъ интенсивностью труда, второе—ловкостью или искусствомъ. Трудъ человѣка въ огромной степени можетъ различаться въ обоихъ отношеніяхъ, и воспитательныя учрежденія мо-

Вообще, во всѣхъ земскихъ дѣяніяхъ красною нитью проходила совершенно опредѣленная мысль: просвѣтить массы и объединить разнородные слои населенія на общее дѣло—широкаго мѣстнаго и государственнаго самоуправленія.

Конечно, съ точки зрѣнія бюрократіи, это было совершенно недопустимо тѣмъ болѣе, что мало-по-малу деревня начинала понимать смыслъ земской работы. Это ясно было и изъ крестьянскихъ заявленій на нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ и изъ письменныхъ крестьянскихъ посланій. Такъ въ концѣ 1897 года екатеринославское уѣздное земство получило такой приговоръ отъ крестьянъ села Башмачки, Никольской волости, Екатеринославскаго уѣзда:

«До настоящаго года въ деревнѣ нашей существовало старое училище, устроенное нами вмѣстѣ съ крестьянами дер. Башмачки—сосѣдней Солонянской волости—въ 1884 году, которое, прійдя въ совершенную ветхость, стало непригоднымъ для занятій учителя съ нашими дѣтьми; устроить же новое зданіе для сельскаго училища мы

гутъ оказать благотворное вліяніе какъ на ту, такъ и на другую сторону дѣла. Что поднятіе общаго и техническаго образованія имѣетъ огромное вліяніе на ловкость рабочаго, его искусство,—фактъ неоспоримый и давно доказанный...

„И дѣйствительно, многочисленныя наблюденія обнаружили уже тѣсную связь между образованіемъ рабочихъ и заработною ихъ платою. Какъ будто менѣе сознается значеніе воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій для поднятія интенсивности труда. А между тѣмъ оно несомнѣнно и громадно. Интенсивность труда имѣетъ множество условій, но однимъ изъ существенныхъ являются настроеніе и чувство. Центръ, изъ котораго исходитъ работа всѣхъ нашихъ органовъ, какъ дѣйствія, такъ и чувства, проявляющаяся сознательно или безсознательно, заложенъ въ головномъ мозговомъ аппаратѣ, гдѣ все стройно связано между собою. Поэтому неудивительно, что состояніе нашихъ чувствованій является могучимъ опредѣлителемъ нашихъ дѣйствій. Техническіе съѣзды освѣтили съ достаточной ясностью тяжелыя условія русской фабричной жизни, общій ея складъ и угнетающее вліяніе на рабочихъ. Но то же самое было когда-то и въ Англіи. И однако, современныя изслѣдованія надъ тою же средою доказываютъ, какія громадныя перемѣны произошли въ ней со временъ знаменитой работы Энгельса. Между другими факторами такого прогресса видную роль играютъ, несомнѣнно, воспитательныя учрежденія и разумно поставленныя развлеченія для народа. Они даютъ ему смѣну впечатлѣній, вносятъ умственныя наслажденія въ его жизнь, поддерживаютъ бодрость духа, скрашиваютъ надолго будничную фабричную дѣйствительность. Рабочій человѣкъ, предающійся такимъ развлеченіямъ, испытываетъ интенсивнѣйшее наслажденіе. Всѣ, кто наблюдалъ хорошо устроенныя чтенія, единодушно свидѣтельствуютъ о томъ страстномъ одушевленіи, которое зачастую овладѣваютъ слушателями, о томъ высокомъ наслажденіи, которое они выносятъ изъ аудиторіи. И это не только случайныя наблюденія“.

Профессоръ привелъ въ примѣръ наши народныя чтенія, на которыхъ обыкновенно не хватаетъ мѣстъ. Въ Воронежѣ, несмотря на плату, всегда все полно, а тамъ аудиторія вмѣщаетъ почти 1,500 мѣстъ. Тѣ же отзывы приходятъ изъ Одессы и Кіева.

Кромѣ того, отвлекая отъ кабака, разумныя развлеченія уменьшаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ число прогуловъ, что неоднократно отмѣчалось наблюденіями. Но этого мало. Рабочій, принимаясь послѣ трактирнаго отдыха за дѣло, полусонный, еще не вполнѣ протрезвившись, будетъ исполнять свою работу апатично и небрежно, что увеличитъ количество порчи матеріаловъ и издѣлій. Проведя праздникъ въ аудиторіи или театрѣ, рабочій не будетъ имѣть этой потери—слишкомъ чувствительной и для него, и для предпринимателя. Но и этого мало. Возможность время отъ времени веселить свой духъ научными развлеченіями, сознаніе того, что рабочій человѣкъ всегда, когда пожелаетъ, можетъ пріобщиться къ благамъ культуры, дастъ ему бодрость и счастье. Воспоминанія о пережитихъ радостяхъ нерѣдко наполняетъ и бодритъ нашъ духъ сильнѣе, чѣмъ сами непосредственно воспринимаемыя впечатлѣнія. Подобно тому, память о пережитыхъ минутахъ одушевленія въ воскресный день дастъ бодрость на цѣлую недѣлю“.

не могли, вслѣдствіе бѣдственнаго нашего положенія по неурожаю хлѣба въ прошлыхъ годахъ, а также и въ настоящемъ 1897 г. Къ безвыходному нашему положенію пришло на помощь наше благодатное уѣздное земство, и его заботами и пособіемъ у насъ въ семъ году устроено новое зданіе для училища, каменное, прочное и весьма удобное какъ для помѣщенія учителя, такъ и для его занятій съ дѣтьми, изъ чего мы видимъ непрестанныя заботы уѣзднаго земства объ улучшеніи крестьянскаго быта и о просвѣщеніи грядущаго поколѣнія, такъ какъ отъ училища каждый крестьянинъ, взрослый и малый, можетъ свободно почерпнуть все благое для своей земной и загробной жизни».

Такого рода отношеніе къ земству населенія за дѣятельность въ сферѣ народнаго образованія не только возмущало правительство, но и пугало его. Оно пришло къ убѣжденію въ необходимости «спасать» народъ отъ земства. Якоремъ спасенія, по обыкновенію, признана была церковно-приходская школа. Она еще въ 1884 г. получила всѣ привилегіи, но фактически россійское духовенство не проявляло достаточной энергіи въ насажденіи духовныхъ школъ, такъ какъ такого рода дѣятельность не доставляла никакой матеріальной выгоды, отнимая много времени. Какъ истые духовные бюрократы, батюшки очень умѣло «отписывались» и нерѣдко составляли блестящіе отчеты о школахъ, не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ. И вотъ въ концѣ 90-хъ годовъ ихъ стали «подтягивать» и прямо-таки «заставлять» строить школы, «захватывая» тѣ селенія, которыя не успѣло еще «испортить» земство, но, по возможности, старались закрывать уже существующія земскія школы и замѣнять ихъ церковно-приходскими или школами грамоты. Поднялась цѣлая война земствъ съ духовенствомъ. Она зарегестрирована и сенатомъ. Именно, вслѣдствіе жалобы новоторжской, Тверской губерніи, уѣздной земской управы, въ декабрѣ 1897 года опубликованъ былъ нижеслѣдующій *Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената, министру народнаго просвѣщенія.*

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ Новоторжской уѣздной земской управы на распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія по предмету открытія начальныхъ народныхъ училищъ не иначе, какъ съ согласія духовнаго вѣдомства.

Приказали: изъ дѣла видно, что Министръ Народнаго Просвѣщенія 14 августа 1884 г. циркулярно преподалъ попечителямъ учебныхъ округовъ къ исполненію, чтобы «мѣстныя начальства народнаго просвѣщенія, предварительно разрѣшенія на открытіе въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждена церковно-приходская школа, какъ образцовыхъ министерскихъ начальныхъ училищъ, такъ и школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ и содержимыхъ на средства обществъ, земствъ или частныхъ лицъ, каждый разъ входили о семъ въ сношеніе съ мѣстными преосвященными».

Находя, что означеннымъ распоряженіемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія ввелъ новый порядокъ открытія начальныхъ училищъ,

поставляющій таковое въ зависимость отъ согласія мѣстнаго епархіальнаго начальства, которое можетъ отказывать въ согласіи и, такимъ образомъ, дѣлать невозможнымъ открытіе вновь сихъ училищъ, и признавая вслѣдствіе того циркулярное предложеніе Министра 14 августа 1884 г. противорѣчащимъ Высочайше утвержденному положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. и ст. 154 и 156 общ. учр. мин., о предѣлахъ предоставленной министерствамъ власти по опредѣленію порядка исполненія подчиненными имъ учрежденіями существующихъ законовъ, — Новоторжское уѣздное земство жалуется на изъясненное распоряженіе Министра Правительствующему Сенату и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ сего распоряженія. Министръ Народнаго Просвѣщенія, представляя приведенную жалобу Новоторжской уѣздной земской управы, при рапортѣ отъ 20 сентября 1896 года, Правительствующему сенату, съ своей стороны, объясняетъ, что циркулярное распоряженіе его отъ 14 августа 1884 г. вовсе не имѣетъ того смысла и значенія, какіе придаетъ ему Новоторжское земство; что установленный закономъ порядокъ разрѣшенія на открытіе начальныхъ училищъ по силѣ этого циркулярнаго предложенія ни въ чемъ не измѣняется, но на мѣстное учебное начальство возлагается лишь обязанность принимать во вниманіе дѣйствительныя препятствія къ открытію вновь школы, въ тѣхъ, конечно, нечастыхъ и исключительныхъ случаяхъ, когда учрежденіе школы вызывается не столько попечительностью и развитіемъ средствъ образованія, сколько побужденіями личнаго или вѣдомственнаго антагонизма; что и при условіи означеннаго сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, право разрѣшенія на открытіе начальной школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія остается во власти мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ и уѣзднаго предводителя дворянства, по точному смыслу ст. 10 положенія 23 мая 1874 г., и что къ изъясненному распоряженію отъ 14 августа 1884 г. онъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, былъ вызванъ соотвѣтственнымъ распоряженіемъ Святѣйшаго синода, который, въ указѣ отъ 29 іюня 1884 г., преподалъ Синодальнымъ конторамъ и епархіальнымъ архіереямъ, при открытіи въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учрежденны гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, равнымъ образомъ, предварительно сноситься съ подлежащими начальствами вѣдомства народнаго просвѣщенія. Сообразивъ настоящее дѣло и принимая во вниманіе, что какъ изъ текста обжалованнаго Новоторжскою земскою управою циркулярнаго предложенія Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 августа 1884 г., такъ и изъ объясненій, представленныхъ по поводу названнаго предложенія Правительствующему Сенату, съ несомнѣнностью явствуетъ, что означенное распоряженіе, не вводя никакого новаго закона и не отмѣняя ни въ чемъ существующихъ правилъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. объ открытіи сего рода училищъ, имѣетъ значеніе лишь указанія подвѣдомственнымъ министру народнаго просвѣщенія чинамъ, отъ коихъ открытіе названныхъ школъ зависитъ, примѣнительно къ практикѣ, установленной въ семъ отношеніи вѣдомствомъ православнаго исповѣданія,—входить при разрѣшеніи открытія новыхъ свѣтскихъ началь-

ныхъ школъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ уже школа церковно-приходская, въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ, на предметъ выясненія, не имѣется ли какихъ-либо серьезныхъ и дѣйствительно заслуживающихъ вниманія препятствій къ открытію новыхъ свѣтскихъ школъ, нисколько не обязывая подлежащее учебное начальство принимать сообщенный отзывъ епархіальнаго вѣдомства къ непремѣнному исполненію и ставить открытіе новыхъ свѣтскихъ школъ въ зависимость отъ согласія духовнаго начальства,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что, при такихъ условіяхъ, названное циркулярное распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія не можетъ быть признано въ чемъ-либо нарушающимъ предѣлы предоставленной по закону Министрамъ власти по опредѣленію порядка исполненія подчиненными ему мѣстами и должностными лицами существующаго закона, а потому опредѣляетъ: принесенную на означенное распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія жалобу Новоторжской уѣздной земской управы оставить безъ послѣдствій».

Слѣдуетъ замѣтить, что изложенный указъ Сената совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительности, такъ какъ дирекція народныхъ училищъ, зная роль Побѣдоносцева, исполняла, главнымъ образомъ, требованія духовенства и нерѣдко препятствовала строить земству школы въ тѣхъ селеніяхъ, которыя захвачены были священниками. Надо было много энергіи, чтобы бороться съ духовенствомъ, проторяя путь истинному просвѣщенію, и земство боролось, не покладая рукъ.

Взявъ въ свои руки руководительство въ дѣлѣ народнаго образованія, губернское земство пошло и далѣе въ этомъ направленіи. Оно принялось за организацію сельско-хозяйственную, санитарную, медицинскую и т. д., и т. п. И все пошло довольно быстрымъ темпомъ впередъ.

Чѣмъ же объяснялся этотъ прогрессъ въ сословномъ дворянскомъ земствѣ? Почему вдругъ оно проявило такую невиданную дѣятельность, не взирая на положеніе 1890 года?

Не нужно было быть проницательнымъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что вся сила земства, какъ мы уже не разъ говорили, заключалась въ небольшой оппозиціонной части земства и въ интеллигенціи, сгруппировавшейся вокругъ земства. Тѣсное единеніе лучшихъ земскихъ силъ съ «третьимъ элементомъ» и произвело цѣлый переворотъ въ земскомъ дѣлѣ.

На это обстоятельство совершенно отчетливо и ясно впервые указалъ самарскій вице-губернаторъ Кондоиди, чѣмъ и пріобрѣлъ себѣ положительно историческую извѣстность.

Открывая въ 1899 г. очередное Самарское губернское земское собраніе, онъ, между прочимъ, сказалъ: «Въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія съ давнихъ временъ принимаютъ участіе лица правительственныя и представители помѣстныхъ обывателей. Высшій надзоръ, рѣшеніе и отвѣтственность за успѣшность его возложены на администрацію; иниціатива, въ большинствѣ случаевъ, мѣропріятій и выполненіе такихъ лежитъ на обязанности представителей мѣстныхъ сословій. Ясно представляется, что этимъ двойнымъ составомъ вполнѣ исчерпывается необходимый контингентъ дѣятелей по мѣст-

ному хозяйственному управленію. Между тѣмъ,—позволяю себѣ обратить вниманіе земскаго собранія,—въ послѣднее время все болѣе и болѣе усматривается въ мѣстной земской жизни участіе новаго, *третьяго элемента* [1]) Признаюсь, я отказываюсь назвать или вполнѣ точно очертить положительными признаками этотъ новой элементъ, однако, убѣжденъ, что большинство здѣсь присутствующихъ не откажетъ мнѣ въ признаніи справедливости моихъ словъ. Иные съ привѣтствіемъ, другіе съ неудовольствіемъ, но тѣ и другіе согласятся со мною, что въ земской жизни усматривается участіе новаго фактора, не принадлежащаго ни къ администраціи, ни къ числу представителей мѣстныхъ сословій. Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору, онъ состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными. Случается, что представители сословій безъ достаточно провѣреныхъ основаній внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ слоевъ въ большинствѣ случаевъ заманчивъ, но внутренній чреватъ опасностью... Допустимъ, что занимающійся народнымъ обученіемъ въ интересахъ своихъ занятій мечтаетъ о созданіи высшихъ учебныхъ заведеній, не желая знать, что содержаніе ихъ упадетъ на источникъ, и безъ того значительно истощенный. Грезы лицъ, не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніе политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону»...

Устами Кондоиди говорило, конечно, правительство которое давнымъ давно уже замѣтило «новый факторъ» въ земской жизни, но, кромѣ административныхъ преслѣдованій, ничего иного не могло придумать для уничтоженія этого фактора. Въ концѣ 90 хъ годовъ правительство возымѣло мысль, чтобы *само земство* избавилось отъ «третьяго элемента», запугавъ земцевъ «фантастическими» планами интеллигенціи [2]), которые повлекутъ за собою большое обложеніе, и «политическими тенденціями, въ результатѣ чего могла быть «гибель» самаго земства. Правительство догадывалось о существованіи сплоченной земской оппозиціи и, понятно, не только не разсчитывало на

---

[1]) Курсивъ нашъ. Съ легкой руки г. Кондоиди, это мѣткое названіе привилось къ земской интеллигенціи, которая съ 1899 года и стала не только въ разговорной рѣчи, но и въ литературѣ называться „третьимъ элементомъ".

[2]) Въ это время интеллигенція подвергалась преслѣдованію со всѣхъ сторонъ. Вотъ какъ къ ней относилось, напримѣръ, духовенство

Въ одномъ изъ № „*Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*" въ 1894 году была напечатана такая замѣтка „На рапортѣ одного изъ благочинныхъ послѣдовала резолюція его преосвященства, отъ 18 января 1894 г. за № 136, слѣдующаго содержанія: „объявить чрезъ „*Епархіальныя Вѣдомости*", чтобы пермское духовенство въ офиціальныхъ бумагахъ не употребляло словъ: *интеллигентъ, интеллигентный*. Эти слова характеризуютъ людей, живущихъ однимъ только разумомъ, но не заботящихся имѣть Бога въ разумѣ (Римл. гл. I, ст. 28). А такіе люди не могутъ быть истинными членами православной церкви".

содѣйствіе послѣдней въ дѣлѣ разгрома «третьяго элемента», но не сомнѣвалась въ противодѣйствіи «либераловъ». Поэтому бюрократія надѣялась только на реакціонныя земскія силы, которыя отъ всей души ненавидѣли земскую интеллигенцію. Однако, несмотря на количественное преобладаніе аграріевъ въ земствѣ, они были такъ бездѣятельны, такъ пассивны во всемъ, что не касалось ихъ чисто личныхъ интересовъ, что правительство полагало возможнымъ «оживить» ихъ только «испугомъ», ударивъ, выражаясь фигурально, по самому больному мѣсту: аграріи боялись высокаго обложенія и «политики». Но, увы, вырождающіеся крѣпостники были слишкомъ инертны. Изъ этого состоянія вывела ихъ только революція, когда вдругъ возникъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, о національзаціи и даже соціализаціи земель. Тогда они сплотились въ земствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно погубили его. Это случилось уже въ наше время, въ 1906 году, а до этого момента они ничего не могли подѣлать съ энергичною земскою оппозиціею, куда входили самые талантливые и умные земцы. А оппозиція защищала «третій элементъ». И вотъ правительству пришлось опять единолично заняться «чисткою» земства. Въ концѣ 90-хъ годовъ оно, что называется повторяло пройденное: занималось тѣмъ, чѣмъ и въ 60-хъ, и въ 70-хъ, и въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ въ громадномъ количествѣ правительство не утверждало, устраняло, высылало «третій элементъ». Можно было бы написать не одинъ томъ относительно этой неблагодарной дѣятельности правительства, но мѣсто не дозволяетъ намъ приводить всѣ эти безчисленные факты административнаго произвола, тѣмъ болѣе, что намъ необходимо будетъ остановиться на нихъ, когда перейдемъ къ XX му столѣтію и особенно, когда будемъ излагать исторію краткой диктатуры Плеве, доведшаго произволъ до апогея, примѣнявъ его и къ «третьему элементу» и къ земской оппозиціи.

Собственно говоря до 1899 года, т. е. до конца управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкина, значительныхъ потерь оппозиціонная часть земства, включая и «третій элементъ», не понесла. Еще въ 1898 году земская интеллигенція была хорошо представлена въ Кіевѣ, на X-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, причемъ она и въ открытыхъ засѣданіяхъ, и, тѣмъ болѣе, въ частныхъ бесѣдахъ довольно откровенно высказывала свои политическія и соціальныя credo. Положеніе «третьяго элемента» въ это время было настолько еще сносно, что, напримѣръ, проектировалось учрежденіе общества русскихъ статистиковъ, и была избрана даже комиссія для редактированія устава, составленіе котораго поручено было А. И. Чупрову, Н. А. Каблукову и В. Т. Михайловскому. Въ комиссію же избраны были: А. Ф. Фортунатовъ, К. А. Вернеръ, Н. Ф. Анненскій, В. И. Покровскій, А. В. Пѣшехоновъ, В. И. Чарнолусскій, Г. А. Фальборкъ и др., всего 15 человѣкъ.

Къ слову сказать на этомъ съѣздѣ уже довольно рельефно выяснились различныя теченія среди «третьяго элемента», замѣчалось партійное дѣленіе и сильный ростъ послѣдователей ученія Маркса. Но въ общемъ настроеніе интеллигенціи далеко нельзя было назвать ре-

волюціоннымъ, такъ какъ правительство не закупорило еще всѣ отдушины въ земской жизни. Оно еще колебалось, хотя склоненіе вправо шло неизмѣнно.

Вполнѣ опредѣленно реакція вырисовалась въ 1899 году, когда устраненъ былъ Горемыкинъ, какъ «защищавшій» земство, а вѣрнѣе сказать—терпѣвшій его при условіи подчиненія администраціи [1]), а мѣсто его занялъ Сипягинъ, и когда противъ земства выступилъ Витте.

На этомъ послѣднемъ, во всякомъ случаѣ, выдающемся лицѣ, игравшемъ продолжительное время столь громадную роль въ нашей государственной жизни, мы считаемъ нужнымъ остановиться.

С. Ю. Витте родился въ 1849 году. Происхожденіе его далеко не кровно-аристократическое, а скорѣе бюрократическое: отецъ его былъ членомъ совѣта кавказскаго намѣстника. Человѣкъ практическій по своей природѣ, С. Ю. Витте, по окончаніи физико-математическаго факультета новороссійскаго университета, тотчасъ же окунулся въ капиталистическую сферу: онъ поступилъ въ управленіе одесской желѣзной дороги и сдѣлался, какъ говорится, правою рукою директора извѣстнаго Русскаго Общества Пароходства и Торговли, Чихачева, каковому обществу въ то время принадлежала и названная дорога. Въ такого рода предпріятіяхъ, какъ желѣзнодорожное, универсанты, обыкновенно, не идутъ далеко въ служебной карьерѣ, такъ какъ предпочитаются инженеры путей сообщенія, но С. Ю. Витте очень быстро проявилъ такіе таланты, что уже въ 1879 г. сдѣлался не только начальникомъ отдѣленія эксплоатаціи въ правленіи юго-западныхъ дорогъ, находящемся въ Петербургѣ, но, съ переѣздомъ въ столицу, принялъ участіе въ Барановской желѣзнодорожной комиссіи, написалъ «исторію и дѣятельность съѣздовъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ», затѣмъ получилъ мѣсто управляющаго юго-западныхъ дорогъ, далѣе директора департамента желѣзныхъ дорогъ вообще и предсѣдателя тарифнаго комитета, а въ февралѣ 1892 года, когда С. Ю. Витте было всего 43 года, онъ уже занялъ постъ министра путей сообщенія. Но это было только началомъ карьеры С. Ю. Оказалось, что кандидатъ правъ физико-математическихъ наукъ, хранилъ въ себѣ самые разнообразные таланты: всего черезъ полгода послѣ полученія портфеля министра путей сообщенія, 30 августа 1892 г. мы видимъ его уже министромъ финансовъ. И въ этой области, что бы ни говорили, С. Ю. Витте явился новаторомъ, сдѣлалъ цѣлый переворотъ въ нашей финансовой системѣ, ввелъ въ нее, между прочимъ, золотую валюту.

Намъ еще не разъ придется въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ говорить о дальнѣйшей карьерѣ Витте, здѣсь же мы скажемъ, что подобные министры не часто бывали въ средѣ русскаго правительства.

---

[1]) Если мы не ошибаемся, еще при Горемыкинѣ былъ выработанъ новый продовольственный уставъ. Когда, въ 1899 г. онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то кн. Мещерскій, узнавъ о содержаніи устава, писалъ въ „Гражданинѣ“, что уставъ такъ „хорошъ“, что въ сущности этотъ фактъ похожъ на упраздненіе земства“. Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и лечебный уставъ: земство почти устранялось отъ народнаго здравія, какъ и отъ народнаго продовольствія.

Обыкновенно они набирались изъ знатныхъ фамилій, не справляясь съ ихъ талантами, способностями и знаніями той отрасли, завѣдывать которою имъ поручалось, и министры занимались лишь строгимъ охраненіемъ status quo, какъ бы плохо оно ни было.

Витте, наоборотъ, разночинецъ по происхожденію, въ своемъ родѣ «третій элементъ», завоевывалъ себѣ портфель трудомъ, знаніемъ и несомнѣнными способностями. Если бы при этихъ качествахъ онъ обладалъ еще гражданскими доблестями, то, несомнѣнно, занялъ бы одну изъ блестящихъ страницъ русской исторіи. Но этимъ то Витте и не обладалъ, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ, избралъ ложный, чисто бюрократическій путь и, можно сказать, опозорилъ свое имя.

Придворная знать и министры терпѣть, конечно, не могли Витте. Они употребляли все усиліе, чтобы избавиться отъ этого талантливаго «выскочки», втершагося въ такія высокія сферы, не имѣя «чистокровнаго» происхожденія. Эта придворная знать съ заднихъ ходовъ, ничѣмъ не стѣсняясь, изобрѣтала для Витте всѣ способы, чтобы низвергнуть его съ занятаго имъ мѣста. Витте въ этой борьбѣ за свое положеніе точно также не разбиралъ средствъ, предпочитая свою карьеру интересамъ страны. На этой почвѣ, по нашему глубокому убѣжденію, Витте въ 1899 году выступалъ и противъ земства. Ему нужна была поддержка Побѣдоносцева, также талантливаго «выскочки», но сумѣвшаго пріобрѣсти безграничный авторитетъ въ придворныхъ сферахъ своею защитою абсолютизма и отвращеніемъ къ какимъ бы то ни было перемѣнамъ въ русскомъ государственномъ строѣ. Побѣдоносцевъ, какъ мы уже знаемъ, не выносилъ земства и особенно стремился изъять изъ его рукъ дѣло народнаго просвѣщенія. И вотъ Витте составляетъ такого рода всеподданнѣйшій докладъ.

М. Ф.

Департаментъ государственнаго казначейства.

По вопросу о расходѣ на народныя училища.

На подлинномъ рукою министра финансовъ написано:

«Высочайшее соизволеніе послѣдовало 12 февраля 1899 г. С.-Петербургъ».

Рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ по Высочайшимъ указаніямъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III и Вашего Императорскаго Величества, несомнѣнно, упрочилъ наше финансовое положеніе. На ряду съ этимъ, относительно наиболѣе обременительныхъ для государственнаго казначейства расходовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ можно имѣть увѣренность, что расходы эти не превысятъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ тѣхъ предѣловъ, которые опредѣлены для нихъ установленными съ Высочайшаго Вашего Величества соизволенія нормальными бюджетами. Все это дастъ министру финансовъ возможность, если сказанная увѣренность не окажется тщетною, озаботиться обращеніемъ средствъ, которыми можетъ располагать государственное казначейство, на другія, наиболѣе назрѣвшія государственныя потребности. Въ этомъ отношеніи, слѣдуя Высочайшимъ

указамъ Вашего Величества, министръ финансовъ не можетъ не поставить на первую очередь потребностей народнаго образованія и въ частности наиболѣе нуждающагося въ распространеніи начальнаго обученія. Дѣло начальнаго народнаго образованія находится у насъ на попеченіи собственно двухъ вѣдомствъ: Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ состоящія въ распоряженіи другихъ вѣдомствъ спеціальныя низшія училища весьма малочисленны и въ смыслѣ общаго начальнаго образованія народа не имѣютъ серьезнаго значенія. Въ дополненіе къ пожертвованіямъ и другимъ частнымъ источникамъ изъ суммъ государственнаго казначейства ассигнуется по смѣтѣ Святѣйшаго Синода на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности, а равно и на надзоръ за этими школами 4 953.841 руб. Къ этой суммѣ, по моему предварительному соглашенію съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, предположено добавить съ 1-го января 1900 года 1.800.000 руб. По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, на приходскія и начальныя народныя училища, на учительскія семинаріи, приготовляющія учителей для народныхъ школъ, и на надзоръ за народными училищами ассигнуется 4.402.836 руб. Къ этимъ же ассигнованіямъ нужно причислить около 1.200.000 руб. которые расходуются на начальныя народныя училища изъ состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи правительства земскихъ сборовъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не введены земскія учрежденія. Но кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, расходуемыхъ по непосредственнымъ распоряженіямъ правительственныхъ учрежденій, начальныя народныя училища содержатся также и на земскія средства. На этотъ предметъ изъ земскихъ сборовъ расходуется около 7.000.000 руб. Суммы эти расходуются по распоряженіямъ земскихъ учрежденій, но такъ какъ всѣ земскія расходы производятся на счетъ сборовъ, взимаемыхъ съ того же населенія, то всякое излишнее земское обложеніе настолько же лишаетъ правительство возможности пользоваться платежными силами населенія, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого, нѣтъ основанія полагать, что обращеніе на дѣло начальнаго народнаго образованія взимаемыхъ земскими учрежденіями сборовъ въ чемъ либо облегчаетъ задачи правительства, такъ какъ, будучи взимаемы съ одного и того же населенія, суммы, расходуемыя по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія, по существу, не отличаются отъ суммъ, расходуемыхъ по распоряженіямъ земскихъ учрежденій. При существующемъ строѣ земскаго хозяйства, со стороны земскихъ учрежденій вполнѣ понятно желаніе перелагать на государственное казначейство тѣ или другіе изъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ расходовъ. Но такое переложеніе, какъ показываетъ практика, не бываетъ сопряжено съ облегченіемъ населенія, [1])

[1]) Крокодиловы слезы относительно тяжести земскаго обложенія были излюбленнымъ мотивомъ для доказательства отрицательныхъ сторонъ самоуправленія. На самомъ дѣлѣ земское обложеніе было невелико, сравнительно съ общегосударственнымъ. Напримѣръ, въ 1898 г. ростъ земскихъ расходовъ для всей Россіи достигалъ 85,6% но въ земскихъ губерніяхъ расходы увеличились на 82,1%, а въ не земскихъ на 102,2%. Затѣмъ, въ частности, по курской, напримѣръ, губерніи, въ 1900 г., когда вышелъ за-

такъ какъ освободившись отъ извѣстныхъ расходовъ, земскія учрежденія тотчасъ же обращаютъ оставшіяся свободныя суммы на другія потребности, а въ томъ числѣ и на открытіе новыхъ училищъ. Въ примѣненіи къ земскимъ расходамъ на содержаніе учебныхъ заведеній, не разъ возникавшій вопросъ: не слѣдуетъ ли принять на государственное казначейство всѣ эти расходы, конечно, безъ особаго затрудненія могъ бы быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но лишь при условіи или передачи соотвѣтствующихъ сборовъ въ пользу казны, или обязательнаго снятія соотвѣтствующей суммы съ населенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, правительство, въ концѣ концовъ, было бы вынуждено прибѣгнуть къ дополнительному обложенію того же населенія. Такимъ образомъ, упадая въ сущности на одни и тѣ же платежные источники, расходы по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ распредѣляются по тремъ категоріямъ. Раздѣленіе расходовъ по смѣтамъ Святѣйшаго Синода и министерства народнаго просвѣщенія не представляютъ ни по существу дѣла, ни въ финансовомъ отношеніи никакихъ затрудненій, такъ какъ и тѣ, и другіе расходы находятся по общему порядку на попеченіи министра финансовъ и подчиняются общей системѣ испрошенія и разрѣшенія Въ иномъ положеніи оказываются расходы третьей категоріи. Находясь въ зависимости отъ земскихъ учрежденій, расходы эти являются какъ бы самостоятельными и не связанными съ правительственными мѣропріятіями по развитію народнаго образованія, а при такой неопредѣленности границъ дѣятельности на одномъ и томъ же поприщѣ съ одной стороны земскихъ учрежденій, а съ другой вѣдомствъ Святѣйшаго Синода и народнаго просвѣщенія—затрудняется и выработка опредѣленнаго плана дѣйствій по распоряженію народныхъ училищъ. Полагая съ своей стороны полезнымъ совмѣстное обсужденіе возникающихъ по этому дѣлу вопросовъ со стороны высшихъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, пріемлю долгомъ Всеподданѣйше испрашивать: не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству возложить на особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія обсужденіе вопросовъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить безъ измѣненія существующій порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ и производства расходовъ на ихъ содержаніе, или же слѣдуетъ принять надлежащія мѣры для установленія въ этомъ дѣлѣ болѣе опредѣленнаго положенія и въ такомъ случаѣ, въ чемъ мѣры сіи должны заключаться».

Статсъ-Секретарь *Сергѣй Витте.*

Въ этомъ маккіавелевскомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ во весь свой нравственный ростъ вылился Витте, и когда таинственный документъ сдѣлался извѣстнымъ земству, послѣднее, понятно, возмутилось

конъ о предѣльности земскаго обложенія, среднее обложеніе одной десятины земли составляло 2 р. 82.7 коп., но изъ нихъ на долю земства приходилось всего лишь 44,8 коп. или 15,8%, а вообще изъ 7.000 000 рублей оклада земству приходилось только 1.100 000 руб. Если же прибавить къ упомянутой суммѣ прямыхъ налоговъ еще косвенные, въ которыхъ земство не участвовало, то совершенно выяснится вся тенденціозность укоровъ земству за высокое земское обложеніе.

и настроилось еще оппозиціоннѣе, чѣмъ это было до названного доклада. Въ лицѣ хитраго министра финансовъ нѣкоторые видѣли нетолько защитника земскаго самоуправленія, но даже считали его скрытымъ конституціоналистомъ. Витте всегда былъ въ высшей степени предупредителенъ не только къ выборнымъ земства, но и къ «третьему элементу». Онъ совѣтовался, напримѣръ, съ выдающимися статистиками и профессорами, стоявшими близко къ земству и соглашался съ ихъ взглядами, чему доказательствомъ служитъ порученіе имъ работы, о которой мы выше говорили, изданной подъ заглавіемъ «Вліяніе урожаевъ» и т. д. Мало этого, министерство финансовъ охотно принимало на службу земскихъ статистиковъ, отдавая имъ видимое предпочтеніе, и, напримѣръ, старѣйшій изъ статистиковъ В. И. Покровскій игралъ тамъ видную роль. Въ томъ обстоятельствѣ, что правилами 8 іюня 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, облагаемыхъ земскимъ сборомъ, средства на оцѣночныя работы стали ассигновываться правительствомъ—нѣкоторые видѣли стремленіе Витте расширить и укрѣпить земскую статистику, что въ сущности и произошло, но, конечно, противъ желанія Витте, который названными правилами, понятно, желалъ совершенно изъять обложеніе изъ рукъ земства, т. е. правила 8 іюня 1893 г., по сущности своей, ничѣмъ не отличались отъ приведенного нами всеподданнѣйшаго доклада о народномъ образованіи.

Несомнѣнно, что уже планъ Витте относительно изъятія изъ рукъ земства статистики показало высшимъ сферамъ благонадежность министра финансовъ, но этого для Витте было мало: ему, какъ мы говорили, необходимо было обосноваться на болѣе крѣпкомъ фундаментѣ, на Побѣдоносцевѣ,—и онъ выступилъ съ проектомъ изъятія начальнаго народнаго образованія изъ рукъ земства и передачи его всецѣло Побѣдоносцеву, что видно уже изъ предложенія министра финансовъ образовать совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

А въ это самое время министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ выступилъ съ проектомъ введенія земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ. Получился скандалъ: Витте являлся реакціонеромъ, а Горемыкинъ либераломъ! Это министру финансовъ было крайне невыгодно и непріятно. Въ роли реакціонера онъ выступалъ лишь тайно, тамъ, гдѣ грозила ему опасность лишиться министерскаго портфеля, а передъ обществомъ, открыто онъ вовсе не желалъ фигурировать въ подобной роли. И вотъ Витте составляетъ цѣлый интересный трудъ,—громадную «Конфиденціальную Записку», подъ заглавіемъ «*Самодержавіе и Земство*», въ которой на 212 страницахъ ведетъ полемику съ Горемыкинымъ.

Конечно, мы не имѣемъ никакой возможности подробно изложить ея содержаніе, а потому ограничимся приведеніемъ только нѣкоторыхъ выдержекъ. Прежде всего, въ «Предварительной Поправкѣ», которою начинается «Записка», Витте старается ослабить значеніе всеподаннѣйшаго доклада.

«Вашему Высокопревосходительству (т. е. Горемыкину) извѣстно что ни общаго вопроса о политическомъ значеніи земскихъ учреж,

деній, ни, въ частности, вопроса объ изъятія изъ ихъ вѣдѣнія народнаго образованія по собственному почину я не возбуждалъ. Вопросъ о сосредоточеніи дѣла народнаго образованія въ рукахъ правительства поднятъ былъ Вами въ представленной Государю Императору 5-го ноября 1897 года всеподаннѣйшей запискѣ Вашей. Записка была передана на обсужденіе Особаго Совѣщанія, которое признало необходимымъ, чтобы принятіе земскихъ народныхъ училищъ въ правительственное завѣдываніе совпало съ такимъ благопріятнымъ состояніемъ средствъ государственнаго казначейства, когда возможно будетъ увеличить размѣры кредита на начальное народное образованіе, сравнительно съ расходами на этотъ предметъ земскихъ учрежденій. Во исполненіе сего Высочайше утвержденнаго мнѣнія Совѣщанія и признавая, съ своей стороны, потребность народнаго образованія одной изъ самыхъ важнѣйшихъ нуждъ государственныхъ, я, по долгу министра финансовъ, счелъ своею обязанностью возбудить вопросъ о расходахъ на начальное обученіе, какъ только средства государственнаго казначейства дозволили сдѣлать это».

Вотъ и все! Но является вопросъ, почему же Витте не ограничился однимъ указаніемъ, что средства есть? Почему онъ такъ подробно и такъ, прибавимъ, пристрастно обрисовалъ земское обложеніе? Зачѣмъ онъ предложилъ образовать комиссію подъ предсѣдательствомъ Побѣдоносцева?

Все это дѣлалось тайно, въ надеждѣ, что тайна сохранится, а разъ она выползла наружу Витте начинаетъ реабилитировать себя, но это реабилитированіе сшито совершенно бѣлыми нитками, и Витте не можетъ даже скрыть своего неудовольствія. «Мои сомнѣнія относительно соотвѣтствія земства нашему государственному строю, высказаны въ особой, совершенно конфиденціальной, сообщенной мною только вамъ и весьма немногимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ іерархіи администраціи»,—пишетъ Витте Горемыкину, досадуя, что «совершенно конфиденціальная записка» обнаружена. А въ ней то онъ прямо говоритъ, что «въ самодержавномъ строѣ государства съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ, земство—непригодное средство управленія».

Мысль эта въ сущности совершенно вѣрная, обоснованная Витте на массѣ фактовъ, но логическимъ выводомъ ея, казалось бы, явилась необходимость парламентарнаго строя. Но провозглашеніе послѣдняго было бы равносильно непосредственной гибели карьеры Витте, которую ему и надо было укрѣпить. Съ другой стороны, на всякій случай, необходимо было обезопасить себѣ и отступленіе, если настанетъ благопріятное время для конституціи. И министръ финансовъ заканчиваетъ свою записку такъ, что выходъ автору, во всякомъ случаѣ, имѣется. Онъ говоритъ: «Въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго правленія надо быть прежде всего *искреннимъ* (?!!) [1]). Правительству предъ собой и предъ лицомъ народа надо отдавать

[1]) Мы нарочно печатаемъ это слово курсивомъ, потому что въ устахъ Витте оно просто удивительно. Какъ видимъ сейчасъ, такъ еще болѣе увидимъ въ послѣдствіи, что министръ финансовъ руководствовался чѣмъ угодно, но только не искренностью.

ясный отчетъ въ каждомъ мѣропріятіи, не закрывая глазъ на возможныя его послѣдствія и не обманывая ни себя, ни другихъ въ дѣйствительности его значенія. И, по моему искреннему, глубокому убѣжденію, если съ этой единственно правильной точки зрѣнія разсматривать политическое значеніе земскихъ учрежденій, если вполнѣ безпристрастно выяснить мысль законодателя, положенную въ 1864 г. въ основу этихъ учрежденій, то двухъ отвѣтовъ на вопросъ о будущности ихъ въ системѣ нашего государственнаго строя быть не можетъ. Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ.

Если же это такъ, то въ отношеніяхъ правительства къ земствамъ, вѣрнѣе, въ направленіи всей нашей внутренней политики можетъ быть только два вполнѣ ясныхъ и точныхъ пути. Можно вѣрить, что каждое государство въ своемъ политическомъ развитіи неизбѣжно должно придти къ конституціи, какъ болѣе совершенной формѣ правленія Можно считать, что правительственная администрація есть несовершенное, неспособное къ улучшеніямъ, отживающее средство управленія, которое—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—должно уступить свое поприще другой, молодой болѣе совершенной системѣ—самоуправленію, и что возможно широкимъ, послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ этой послѣдней системы существенно обезпечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія, но я ее понимаю. Если стоять на этой почвѣ, то, имѣя передъ собою примѣръ Запада, намъ слѣдуетъ прилагать всѣ усилія къ скорѣйшему и правильному развитію началъ самоуправленія. Ребенка, ставшаго на ноги, надо скорѣй учить ходить; надо дать земствамъ пустить корни во всей странѣ, надо отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, дать возможную самостоятельность, ослабить административную опеку и затѣмъ на всѣ ихъ стремленія къ объединенію и участію въ законодательствѣ спокойно смотрѣть, какъ на естественный и здоровый ростъ того зерна, которое въ 1864 г. брошено было на нашу политическую ниву.»

Таково было основательное мнѣніе Витте, конечный выводъ его, который онъ могъ преподносить,—и преподносилъ земству, обществу, прессѣ.

Но тутъ-же рядомъ имѣется отвѣтъ и правительству, въ случаѣ оно,—въ чемъ Витте не сомнѣвался,—не согласится съ первымъ взглядомъ: «Можно имѣть,—пишетъ онъ, и другую противоположную точку зрѣнія. Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,—что конституція вообще «великая ложь нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима [1]). Съ этой точки зрѣнія никакого дальнѣйшаго расширенія

[1]) Какъ увидимъ ниже и какъ всѣмъ извѣстно, всего черезъ 6 лѣтъ послѣ составленія этой записки, Витте самъ прибѣгъ къ конституціи, видя въ ней спасеніе Россіи. Можно думать, что и въ тотъ моментъ, когда онъ излагалъ приведенный взглядъ, онъ не раздѣляя его, а подпѣвалъ Побѣдоносцеву, на котораго въ выноскѣ и ссылается.

дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную деморкаціонную линію, не позволять ни подъ какимъ видомъ преступать эту линію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи». Никакого средняго между этими двумя путями быть не можетъ. Правительству, говоря словами профессора Градовскаго, не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ;—не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началъ самоуправленія, проектировать территоріальное его расширеніе, а съ другой—подавлять всякую самодѣятельность, ограничивать самоуправленіе, ставить его въ положеніе, при которомъ оно не можетъ быть даже удовлетворительнымъ средствомъ управленія [1]). Результаты такой политики всегда будутъ отрицательны: ничто не разжигаетъ такъ революціонный духъ, какъ недостатокъ гармоніи въ учрежденіяхъ и разногласіе между законами или теоретическими началами управленія и практикой послѣдняго»,—говоритъ Leroy-Beaulieu въ своихъ «Etudes russes et européennes». Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральныя формы, не наполняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой искренности, всякой двойственной политики [2]) являются разнаго рода запрещенія, ограниченія и стѣсненія, а ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества, не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти—мѣры опасныя и продолженіе ихъ примѣненія либо приводить, ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ «безсвязныя толпы», въ людскую пыль» [3])...

Этою запискою Витте создалъ себѣ удобное положеніе. Онъ занялъ удобное центральное мѣсто и влѣво, земцамъ, шепталъ: «я рѣшительно ничего не имѣю противъ земства, но развѣ вы не согласны, что роль его при самодержавіи ничтожна, а слѣдовательно?..» Тутъ слѣдовало многоточіе, которое каждый понималъ по своему. Направо же Витте шепталъ правительству: «наше спасеніе въ полномъ

Именно въ извѣстномъ „Московскомъ Сборникѣ“ этотъ россійскій Торквемадо писалъ: „Какой стройный видъ получаетъ въ подобномъ разноплеменномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе очевиднымъ тому примѣромъ служитъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ всероссійскаго парламента. Да не будетъ“.

Насколько сбылись предсказанія Побѣдоносцева видно изъ того, что въ Австріи сейчасъ прошелъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и не видно признаковъ, чтобы эта имперія погибала, какъ не замѣтно признаковъ и гибели нашего отечества, хотя мы имѣемъ уже „всероссійскій парламентъ“.

[1]) Это совершенно вѣрная характеристика политики Горемыкина по отношенію къ земству. Онъ, дѣйствительно, какъ мы говорили, желалъ такого земства, которое бы не самоуправлялось, а управлялось администраціей.

[2]) Которую, еще разъ повторяемъ, всю жизнь проявлялъ Витте, въ чемъ мы ниже убѣдимся не разъ.

[3]) Мы увидимъ далѣе, что именно Витте широко пользовался этими „репрессивными мѣрами“.

уничтоженіи земскаго самоуправленія». Витте нашептывалъ на обѣ стороны и слѣдилъ,—на чьей сторонѣ сила? Для него было безразлично, чья возьметъ, лишь бы онъ въ обоихъ случаяхъ не остался въ проигрышѣ.

Правительство, конечно, обѣими руками ухватилось за выгодную ему теорію Витте, совершенно сходившуюся со взглядами такого столпа абсолютизма, какъ Побѣдоносцевъ, который охотно сталъ теперь поддерживать ловкаго министра финансовъ. Теперь уже для реакціи были настежь открыты двери и она, привѣтствуемая «сферами», властно заняла первое мѣсто въ правительственной средѣ. Ни съ чѣмъ не считаясь, самодержавная бюрократія тотчасъ же задумала возвратиться ко временамъ Николая I-го и начала, при посредствѣ верховной власти, дѣйствовать въ этомъ духѣ. Дѣло, если не ошибаюсь, началось съ Финляндіи, для «сокращенія» которой былъ посланъ будущій распорядитель судьбами Россіи фонъ-Плеве.

3 февраля 1899 г. появился Высочайшій манифестъ, которымъ для Финляндіи дополнялись постановленія, въ смыслѣ установленія твердаго и незыблемаго порядка дѣятельности финляндскихъ учрежденій по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ. Въ манифестѣ, между прочимъ, говорилось о необходимости тѣснаго единенія Финляндіи съ имперіею. По этому поводу 4-го марта изъ Гельсингфорса въ Петербургъ прибыла депутація изъ 500 лицъ, чтобы подать прошеніе Государю. Когда этотъ адресъ былъ представленъ министромъ статсъ-секретаремъ фонъ-Плеве, то Государь собственноручно написалъ такую резолюцію: «Адресъ оставляю безъ послѣдствій,—ходатайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства».

21 мая 1899 года Государь утвердилъ положеніе комитета министровъ, о предоставленіи Его Императорскому Высочеству московскому генералъ-губернатору, въ изъятіе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, особыхъ полномочій,—въ которомъ говорилось: «По выслушаніи записки министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 апрѣля 1899 г. за № 2079 (по департаменту полиціи), о предоставленіи московскому генералъ-губернатору права налагать, собственною властью, взысканіе на содержателей гостиницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ и тому подобныхъ открытыхъ для публики учрежденій за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата, комитетъ министровъ полагалъ: предоставить московскому губернатору, въ изъятіе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, налагать собственною властью денежные штрафы до 500 руб. или арестъ до одного мѣсяца на содержателей гостиницъ, подворій, заѣзжихъ домовъ, меблированныхъ комнатъ, вообще всѣхъ заведеній трактирнаго промысла, а также бань, купаленъ и тому подобныхъ открытыхъ для публики учрежденій за допущеніе въ нихъ посѣтителей для разврата». Этотъ «развратъ» опредѣляла, конечно, полиція, качества которой всѣмъ извѣстны, но мы, кстати, считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь одинъ случай, который служитъ превосходной характеристикой нашей полиціи.

Въ 1899 г. кіевскій полиціймейстеръ, переодѣвшись оборванцемъ и загримировавшись до неузнаваемости, захвативъ самоваръ, отпра-

вился ночью шататься по улицамъ Кіева. Городовые на каждомъ посту задерживали его и предлагали шествовать въ участокъ, но всякій разъ, какъ полиціймеcтеръ совалъ городовому рубль, блюстители порядка отпускали его съ самоваромъ на всѣ четыре стороны. Долго спустя полиціймейстеръ, наконецъ, набрелъ на неподкупнаго городового, который, несмотря на всѣ его просьбы, не согласился отпустить бродягу, не принялъ отъ него взятки и потащилъ въ участокъ. Здѣсь сонный полицейскій надзиратель приказалъ безъ всякихъ допросовъ посадить приведеннаго въ кутузку, несмотря на протесты неузнаннаго полиціймейстера, увѣрявшаго надзирателя, что самоваръ составляетъ его собственность, и что, по закону, нельзя сажать въ кутузку, не разобравъ дѣла и не выслушавъ объясненій заподозрѣннаго. Околодочный надзиратель прикрикнулъ на него, разсердившись, что какой-то бродяга осмѣливается напоминать ему о законѣ. Тогда бродяга сорвалъ парикъ, накладную бороду, и передъ глазами удивленнаго и испуганнаго околоточнаго надзирателя предсталъ грозный начальникъ, вынесшій изъ своей ночной прогулки весьма грустное впечатлѣніе относительно пригодности своихъ подчиненныхъ къ исполненію обязанностей полиціи.

Можно себѣ представить, что дѣлала московская полиція, получивъ безграничное право надъ открытыми для публики учрежденіями!

Въ серединѣ 1899 года министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ призналъ необходимымъ закрыть юридическое общество, состоявшее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и бывшемъ однимъ изъ пунктовъ дѣятельности, между прочимъ, и земства, особенно земскихъ статистиковъ. Министръ въ тоже время предоставилъ университету войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи «новаго» юридическаго общества, но не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессора юридическаго факультета должны состоять его членами по своей должности, 2) предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаться въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Скоро «*Московскія Вѣдомости*» разъяснили причину этого закрытія. «Въ это общество,—писала реакціонная газета,—давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя наукѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а чрезъ нихъ и въ общественныхъ сферахъ, духъ оппозиціи правительству и недовольство неугодными извѣстной партіи проявленіями правительственной власти. Это вредное направленіе общества, неоднократно проявлявшееся уже въ прежнее время, обнаружилось, между прочимъ, еще недавно, когда, на посвященномъ Пушкину торжественномъ соединенномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Московскаго Университета и общества любителей россійской словесности въ стѣнахъ старѣйшаго университета, юридическое общество фигурировало со своимъ хлесткимъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какую-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ «рутиной властной опеки». Этотъ полупрозрачный намекъ, конечно, былъ понятъ присутствовавшей публикою, въ томъ числѣ и массою учащейся молодежи, въ желаемомъ для авторовъ адреса смыслѣ и на-

гражденъ былъ шумными рукоплесканіями». Здѣсь къ слову скажемъ, что за рефератъ объ общественныхъ взглядахъ Пушкина, прочитанный на названномъ засѣданіи, извѣстный писатель и выдающейся земскій дѣятель В. Я. Якушкинъ, о которомъ мы уже говорили и еще будемъ не разъ говорить, былъ высланъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, административнымъ порядкомъ въ Ярославль.

29 іюля 1899 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было опубликовано Высочайшее повелѣніе «Объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыхъ изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ». Въ статьѣ 1-ой этого повелѣнія говорилось: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбытія воинской повинности,—хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жеребію нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ».

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорилось: «Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію, на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ».

Пожалуй, приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть общее направленіе правительства въ послѣдній годъ XIX столѣтія. Но это было только очень скромное предисловіе къ той ужасной реакціи, которая началась въ XX мъ вѣкѣ. Для земства 1899 г. *съ внѣшней стороны* совершенно напоминалъ 1889 годъ, когда точно также у правительства была мысль покончить съ самоуправленіемъ. Мы говоримъ съ «внѣшней стороны», потому что, съ точки зрѣнія внутренняго строя, земство, въ лицѣ оппозиціонной его части и «третьяго элемента», вступало въ XX й вѣкъ настолько крѣпкимъ и организованнымъ, опиралось на такіе широкіе слои общества, что въ этомъ отношеніи между 1889 и 1899 годами была громадная разница. Правительство за 10-ти лѣтній періодъ сумѣло возбудить неудовольствіе въ громадной части населенія и обратить его симпатіи на земство. Начиная съ XX вѣка оно въ этомъ направленіи работало еще успѣшнѣе.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Совершенно секретная телеграмма г. Министра Внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 30 Января 1902 г.

Въ виду распоряженія Святѣйшаго Синода, въ случаѣ кончины графа Льва Толстого не служить по немъ панихидъ, прошу распоряженія, чтобы въ мѣстныхъ изданіяхъ не разрѣшалось печатаніе какихъ либо объявленій о панихидахъ, а равно принять мѣры къ устраненію всякихъ демонстративныхъ требованій о служеніи панихидъ, подтверждаю также указанія, сообщенныя телеграммой Товарища Министра 4 Іюля.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Сипягинъ*

Тридцать лѣтъ тому назадъ.

(Изъ воспоминаній доктора).

I.

Въ „Домѣ Предварительнаго Заключенія“.

Съ начала 70-хъ годовъ прошлаго (XIX) столѣтія вопросъ о тюремномъ преобразованіи сталъ приближаться къ практическому рѣшенію. Какъ водится, при нашей самобытности, мы и въ тюремномъ дѣлѣ явились плохими подражателями Европы, заимствуя у нея строгую систему одиночнаго заключенія тогда, когда тамъ она уже вызывала возраженія, смягченія и поправки. Намъ же, при некультурности тѣхъ слоевъ населенія, которые даютъ наибольшій контингентъ преступниковъ, при той-же некультурности низшихъ исполнителей и почти такой-же некультурности руководителей и начальниковъ, привыкшихъ къ полному произволу сверху и практиковавшихъ такой-же произволъ внизъ, намъ, при такихъ условіяхъ, строгая пенитенціарная система одиночнаго заключенія совершенно не подходила. Однако, былъ построенъ въ Петербургѣ Домъ Предварительнаго Заключенія по строго одиночной системы „совсѣмъ, какъ въ Европѣ“ и была назначена „коммиссія по тюремному преобразованію“ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Конст. Карл. Грота. Въ газетахъ появились хвалебные гимны этой новой тюрьмѣ и особенно тяжело на меня лично подѣйствовала, можно сказать, восторженная статья въ „Голосѣ“ В. Д. Спасовича, пользовавшагося тогда весьма солидной либеральной славой.

Для лучшаго пониманія дальнѣйшаго приходится сказать нѣсколько словъ о себѣ. По окончаніи тогдашней медицинской академіи, я, съ медицинской и соціальной точки зрѣнія, заинтересовался вліяніемъ тюремнаго заключенія на жизнь и здоровье заключенныхъ. Я твердо держался принципа, что „никто ни въ чемъ не виноватъ“, считалъ наказанія безсмысленной жестокостью, а одиночное заключеніе —жесточайшимъ варварствомъ, противнымъ человѣческой природѣ. Правда, мои воззрѣнія были основаны на теоретическихъ взглядахъ и на апріорныхъ данныхъ, такъ-какъ мой опытъ ничего не говорилъ въ пользу моего мнѣнія. Хотя я студентомъ II курса и привлекался къ нечаевскому дѣлу и про-

сидѣлъ около 40 дней (1869—70 г.) въ одиночной камерѣ Спасской части, но кромѣ нѣкоторыхъ физическихъ неудобствъ, которыя скорѣе смѣшили, чѣмъ огорчали, я ничего особеннаго не испыталъ. За переполненіемъ всѣхъ тогдашнихъ мѣстъ заключенія, для части „политическихъ", привлеченныхъ къ этому громкому дѣлу, вѣроятно, для маловажныхъ, былъ отведенъ 5-й этажъ надворнаго флигеля упомянутой полицейской части. Здѣсь было грязновато, грубо-примитивно, но не лишено добродушія; а для меня и очень интересно: можно было наблюдать и испытывать; да и страшнаго ничего не было.

И такъ, хотя и безъ личнаго опыта, я былъ врагомъ тюремнаго заключенія, особенно одиночнаго, и въ 1875 г. помѣстилъ 2 фельетона въ тогдашнихъ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ". подъ заглавіемъ „Тюрьма или ссылка", въ которыхъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ тюрьмы, особенно одиночной, и за правильно организованную ссылку, перевоспитывающую свободою и трудомъ. Я подкрѣплялъ свои положенія, особенно о гибельномъ вліяніи тюрьмы, разнообразными цыфровыми данными русскими и иностранными. Эти статьи доставили мнѣ знакомство съ различными членами упомянутой тюремной коммиссіи и съ Анатоліемъ Федоровичемъ Кони, который особенно привлекъ меня своимъ замѣчательно симпатичнымъ, мягкимъ характеромъ, придававшимъ его недюжинному уму какой-то теплый, душевный и слегка меланхолическій колоритъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, а также и Екатеринѣ Алексѣевнѣ Гернгроссъ, я въ 1877 г. безъ всякихъ хлопотъ и, сколько помню, даже безъ прошенія, получилъ должность второго брача при домѣ предварительнаго заключенія. Е. А. Гернгроссъ была старая женщина, очень добрая и посвятившая свою филантропическую дѣятельность, главнымъ образомъ, арестантамъ и ихъ близкимъ. Она была очень хороша съ тогдашнимъ всесильнымъ петербургскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ—градоначальникомъ Ф. Ф. Треповымъ и предупредила его, что отъ меня никакихъ услугъ, кромѣ прямой медицинской службы, ждать не слѣдуетъ.

Какъ всѣ россійскіе Гарунъ-аль-Рашиды, Треповъ тоже любилъ „честность и независимость" въ людяхъ, но по отношенію къ другимъ: передъ нимъ-же, конечно, чтобы эта независимость превращалась въ простое „слушаю-съ и исполняю" безъ разсужденій. Соотвѣтственно этому, по разсказу me-me Генгроссъ, онъ былъ очень радъ принять на службу въ Домъ предв. закл. доктора, „совершенно независимаго, который не прикрывалъ-бы мѣстнаго начальства и не стѣснялся-бы обнаруживать существующіе недостатки и неправильности. Такого-то мнѣ и нужно". Мы увидимъ далѣе, какъ этотъ Гарунъ-аль-Рашидъ поступилъ при первой попыткѣ къ безпристрастію и независимости, когда въ ихъ сферу была притянута его собственная персона. Во всякомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны и, помнится, безъ прошенія, даже не представляясь ему, я очутился вторымъ врачемъ первой въ Россіи „европейской" одиноч-

ной тюрьмы и получилъ возможность дѣлать свои наблюденія.

Старшій товарищъ передалъ мнѣ мужское отдѣленіе, а себѣ взялъ женское, но затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ, и я такимъ образомъ остался одинъ на всю тюрьму. Каждое утро, по заранѣе заготовленной запискѣ фельдшера, я навѣщалъ всѣхъ желавшихъ меня видѣть на мужскомъ отдѣленіи; затѣмъ обходилъ часть камеръ по очереди, желая постепенно пересмотрѣть всѣхъ заключенныхъ и особенно политическихъ, о которыхъ скажу ниже. Также я поступалъ и на женскомъ отдѣленіи.

Трудное для меня было положеніе, но и незабвенное время и незабвенные люди! Я попалъ въ этотъ „Домъ“ въ самый интересный моментъ. Часть осужденныхъ за демонстрацію 6 дек. 1876 г. передъ Казанскимъ Соборомъ еще не была отправлена въ ссылку и каторгу. Процессъ 50 кончился суровымъ приговоромъ и осужденные, особенно женщины, также еще оставались здѣсь. Съ другой стороны, вскорѣ долженъ былъ начаться процессъ 193 и почти всѣ привлеченные, за немногими исключеніями, были переведены сюда изъ Петропавловской крѣпости. Но были у меня и нѣкоторыя опасенія. Я самъ недавно былъ студентомъ, кой-гдѣ вращался и имѣлъ много знакомыхъ, которые дали достаточное число представителей сюда, среди заключенныхъ этой тюрьмы Съ одними я былъ знакомъ лично, другіе меня знали черезъ третьихъ лицъ, и появленіе мое въ качествѣ служащаго тюремнаго врача могло породить недоумѣніе и даже дурное объясненіе.

Къ моему удовольствію, все обошлось прекрасно. Меня знали достаточно и встрѣтили очень хорошо. Отношенія между заключенными и мной установились превосходныя, самыя довѣрчивыя. Я, конечно, дѣлалъ все, что могъ, но много-ли я могъ? Я долженъ, однако, сказать, что эти милыя, благодарныя души, столько пострадавшія и которымъ предстояло еще гораздо больше мучительныхъ и невѣдомыхъ страданій, не только сдѣлали мою службу сравнительно легкой и даже мучительно-пріятной, но никогда не ставили меня въ затруднительное положеніе, никогда не обращались съ просьбами, которыхъ я бы не могъ исполнить. Прошло съ тѣхъ поръ уже почти 30 лѣтъ, я много жилъ въ это время, много видѣлъ и здѣсь, и въ Европѣ, но никогда не забуду тѣхъ 6 мѣсяцевъ и тѣхъ истинныхъ, не выдуманныхъ великомучениковъ и особенно великомученицъ, которыхъ я имѣлъ честь и мучительное счастье тамъ узнать и образъ которыхъ отпечатлѣлся и сохранился въ моей душѣ такъ, какъ будто я ихъ вчера только видѣлъ. Я съ горечью и наслажденіемъ вспоминаю Бардину, обѣихъ Любатовичъ, трехъ Субботиныхъ, очаровательную не только своей красотой, но всей своей душевной граціей, Лидію Фигнеръ и многихъ другихъ. Не называю мужчинъ, потому-что перечислить всѣхъ, кто томился здѣсь и вызывалъ мое глубокое уваженіе и любовь, я не могу; а выдѣлять однихъ, не упоминая о другихъ,— не хочу.

Гдѣ вы теперь, милыя, благородныя души? Кто изъ васъ

уцѣлѣлъ въ томъ адскомъ омутѣ, куда ввергла васъ мстительная самодержавная бюрократія? [1])

Въ то время въ этой тюрьмѣ, благодаря очень гуманному начальнику полковнику Федорову, жилось тихо и мирно, но все-таки невыразимо грустно и тоскливо. Безъ газетъ, безъ вѣстей съ воли, очень долго безъ свиданій, съ рѣдкими, цензурованными свѣдѣніями о родныхъ и близкихъ, а по временамъ и вовсе безъ всякихъ извѣстій, съ недостаточными прогулками по нѣсколько минутъ, а то и вовсе безъ свѣжаго воздуха, люди просиживали въ тѣсной келіи, подъ замкомъ, по 2 и болѣе лѣтъ. Все-таки, повторяю, жилось, большею частью, мирно. Но у насъ тюремное житье самое необезпеченное и совершенно неожиданно можетъ перевернуть всю жизнь человѣка, что и случилось здѣсь, какъ увидимъ ниже на случаѣ съ Боголюбовымъ. Для характеристики мирныхъ бытовыхъ отношеній тогдашняго заключенія я приведу только 2—3 мелкихъ примѣра. Разъ я вхожу въ камеру къ одной изъ С. и застаю ее углубленной въ чтеніе Лавровскаго „Впередъ". Тогда за это съ воли ссылали, а въ тюрьмѣ вышелъ бы колоссальный скандалъ съ новымъ слѣдствіемъ и, навѣрное, съ переводомъ въ Петропавловку. На мои укоризненныя слова:

— Что вы дѣлаете? Такъ открыто! Для васъ могутъ выйти непріятности: вѣдь, тутъ всякій народъ таскается теперь, разные ревизоры и пр. людъ!

С. съ милой, почти застѣнчивой улыбкой, точно оправдываясь, отвѣтила:

— Ничего, докторъ: въ это время ходите только вы.

Другой разъ, проходя по маленькому дворику женской тюрьмы, я встрѣтилъ совершавшую свою прогулку Ф. . На мой обычный вопросъ:

— Какъ поживаете? — она отвѣтила рядомъ жалобъ на строгости режима и при этомъ выразилась, что нигдѣ въ Европѣ ничего подобнаго нѣтъ. Тогда я ей разсказалъ про европейскія тюрьмы, гдѣ режимъ не только строгъ, но и строго примѣняется. На это она съ живостью и милой улыбкой отвѣтила:

— Ой, докторъ, смотрите, никому этого не говорите!

Я ушелъ, а она опять, съ той же тоской стала мѣрять своими шагами маленькій дворикъ.

Мужчины иногда обращались ко мнѣ съ просьбой помѣстить ихъ въ лазаретныя камеры, тоже одиночныя, но гдѣ режимъ былъ мягче и можно было переговариваться. Довѣріе выражалось въ томъ, что зачастую просьба мотивировалась прямо:

— Мы съ такимъ-то обвиняемся по одной группѣ, такъ надо перетолковать.

Разумѣется, желаніе исполнялось. Нужно сказать, что это самыя серьезныя просьбы, которыя мнѣ встрѣчались. Все-же

---

[1]) Съ годъ тому назадъ, послѣ одного собранія въ Вольно-Экономическомъ О-вѣ, ко мнѣ подошла дама, которой я не узналъ. Къ моему великому удовольствію, оказалось, что это Лидія Николаевна Фигнеръ.

остальное касалось либо леченія, либо назначенія больничнаго обѣда. Слѣдуетъ пояснить, что большинство заключенныхъ мужчинъ состояло изъ людей прямо-таки бѣдныхъ, а обычный казенный обѣдъ, относительно недурной, былъ, однако, слишкомъ грубъ, непривыченъ и страшно однообразенъ для людей, привыкшихъ совсѣмъ къ другой пищѣ. При этомъ огромное большинство политическихъ не имѣло прогулки, нѣкоторые вдобавокъ сидѣли по 2 года и болѣе [2]), и совершенно естественно, что ихъ желудокъ не могъ справиться съ этой пищей, а организмъ не въ состояніи былъ ее усвоить. Поэтому я щедро, безъ отказа, назначалъ больничную порцію не только тѣмъ, кому я находилъ нужнымъ, какъ паціентамъ, но и всѣмъ, кто просилъ объ этомъ. И когда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришелъ запросъ, почему назначается такъ много больничныхъ порцій, я отвѣтилъ, что контингентъ заключенныхъ, качество обыкновенной арестантской пищи, долговременное заключеніе и отсутствіе прогулокъ дѣлаютъ такое назначеніе неизбѣжнымъ. Если не назначить такой улучшенной пищи теперь, то очень скоро придется все-таки дать ту-же больничную порцію и нести еще расходы на леченіе; слѣд., я дѣлаю даже экономію казнѣ. Министерство вполнѣ удовлетворилось моимъ объясненіемъ, и я безпрепятственно и щедро назначалъ больничные обѣды. Не испытавшимъ, можетъ быть, смѣшно, что я говорю объ этомъ; но, право, для посидѣвшихъ въ тюрьмѣ, да еще годикъ, другой, и перемѣна пищи имѣетъ большое значеніе, даже если это простой капризъ.

Я привожу эти мелочи для того, чтобы показать также, что врачу совсѣмъ не трудно установить отличныя отношенія съ заключенными, которые, сколько я видѣлъ, ничуть не требовательны, понимаютъ тяжелое положеніе врача, но желаютъ отъ него только человѣчности и чтобы онъ не представлялъ собой агента власти и не игралъ въ руку начальству.

По крайней мѣрѣ въ то время врачъ Дома Предварительнаго Заключенія, какъ, вѣроятно, и другихъ тюремъ, имѣлъ нѣкоторыя права, напр., выпускать заключенныхъ изъ карцеровъ, признавая пребываніе тамъ вреднымъ для ихъ здоровья. Я припоминаю такой случай. При обходѣ женскаго отдѣленія мнѣ сообщили, что завѣдующая посадила въ карцеръ уголовную съ груднымъ ребенкомъ. Согласитесь, что карцеръ не улучшилъ-бы качества молока этой женщины и нехорошо отразился-бы и на ней, и на ея ребенкѣ. Поэтому я навѣстилъ ее и призналъ необходимымъ освободить, что и было исполнено къ великому неудовольствію красивой и избалованной, но ничего не смыслившей въ тюремномъ дѣлѣ завѣдующей женскимъ отдѣленіемъ.

Увы, сколько я могу судить, существующее въ большинствѣ случаевъ презрительное или враждебное отношеніе къ тюремнымъ врачамъ большею частью ими заслужено. Во 1-хъ, крайне небрежнымъ отношеніемъ въ медицинскомъ смыслѣ;

[2]) Были и такіе, которые сидѣли уже свыше 4 лѣтъ.

во 2-хъ, трусостью и постыднѣйшимъ холопствомъ передъ начальствомъ и потворствомъ его видамъ и поступкамъ. Врачъ лишенъ не только самостоятельности поступковъ, но онъ самъ себя лишаетъ даже независимости мнѣній. Призванные дать заключеніе, спрошенные о чемъ-нибудь, многіе изъ нихъ прежде всего будутъ сообразоваться съ видами, мнѣніями и желаніями этого временнаго и далеко не святого начальства, вмѣсто того, чтобы руководиться данными объективной, истинно-святой и непреложной науки, если ужъ нельзя дать волю своей добротѣ и человѣколюбію.

Я пишу эти строки съ болью въ сердцѣ, но не могу умолчать объ этомъ: въ роли врача и 3 раза въ роли заключеннаго я много кой-чего насмотрѣлся и наслушался, что никоимъ образомъ не мирится съ почетнѣйшимъ званіемъ врача-цѣлителя души и тѣла.

Долженъ сказать, что мое положеніе было сравнительно легко, потому-что начальникомъ Дома Предварит. Заключенія былъ въ то время, какъ я уже упоминалъ, замѣчательно милый и гуманный человѣкъ — полковникъ Федоровъ, поплатившійся за освобожденіе Вѣры Засуличъ. Для характеристики его отношеній къ заключеннымъ приведу одинъ небольшой фактъ. Однажды, во время обхода камеръ мнѣ говорятъ, что начальникъ меня проситъ въ камеру къ политическому Л. . Въ камерѣ у этого очень извѣстнаго и въ высшей степени почтеннаго человѣка начальникъ обращается ко мнѣ со словами:

— Я васъ просилъ сюда, докторъ, по соглашенію съ г. Л., чтобы вы были судьей между нами. Послушайте, въ чемъ онъ меня обвиняетъ, и разсудите насъ.

Л. обвинялъ, какъ оказалось, Федорова въ томъ, что тотъ умышленно посадилъ его далеко отъ товарища, съ которымъ онъ, Л., обвиняется вмѣстѣ, и тѣмъ лишилъ его возможности столковаться. Федоровъ доказывалъ полную неосновательность этого обвиненія.

Этого, конечно, достаточно для обрисовки личности полковника и его отношеній къ заключеннымъ. И несмотря на это и на царившій тамъ соотвѣтственно мягкій режимъ, порядка было отнюдь не меньше теперешняго, хотя и безъ этой суровости, мертвящаго холода и бездушія, которые мнѣ пришлось теперь наблюдать въ нѣсколькихъ современныхъ тюрьмахъ. И, право, ихъ вовсе не нужно, потому что и безъ нихъ, тогда, при гуманнѣйшемъ начальникѣ, этотъ образцовый европейскій „Домъ“, а не тюрьма, все-таки былъ тѣмъ-же „Мертвымъ Домомъ“ Достоевскаго, только вымытымъ и вычесаннымъ. Это былъ мрачный, сырой, огромный склепъ, гдѣ хоронили живыхъ и гдѣ смотритель кладбища—полковникъ Федоровъ—былъ мягкій, гуманный человѣкъ, а могильные сторожа—надзиратели—обыкновенные россійскіе добродушные люди, некультурные, но и не злые. И тѣмъ не менѣе не только томиться тамъ въ неволѣ, но даже служить—мнѣ, по крайней мѣрѣ—становилось очень тяжело. Отъ сырости

я нажилъ невралгію лица и, сплошь и рядомъ, чтобы унять боль и быть въ состояніи работать, долженъ былъ дѣлать подкожныя впрыскиванія морфія. Затѣмъ, читать ежедневно этотъ живой мартирологъ жертвъ нашего политическаго строя, ограничиваясь ласковыми разговорами и назначеніемъ больничныхъ порцій, было невыносимо тяжело. Становилось стыдно за свое благодушіе и мучительно за свое благополучіе, совѣстно было возвращаться оттуда въ свою милую семью,—и я подумывалъ объ отказѣ отъ службы, но не могъ рѣшиться отнять у заключенныхъ за всѣхъ насъ еще и это грошевое облегченіе.

А какіе тамъ были физическіе страдальцы! Ни у насъ въ медицинской академіи, ни въ здѣшнихъ больницахъ я никогда не видалъ такихъ чахоточныхъ, бугорчатыхъ больныхъ, какъ тамъ. Какъ въ парникахъ выводятся иные плоды, такъ въ тюрьмахъ, особенно одиночныхъ, культивируется чахотка, бугорчатка, не только легкихъ, но и кишекъ. Не мало бывалъ я на вскрытіяхъ, не мало самъ ихъ сдѣлалъ, но такихъ паталогическихъ измѣненій, какъ здѣсь, мнѣ не встрѣчалось. Нигдѣ на вскрытіяхъ я не видалъ такой „пышной“ бугорчатки кишекъ, какъ въ этомъ наиблагоустроеннѣйшемъ петербургскомъ „Домѣ“ у одного политическаго юноши, умершаго послѣ двухъ съ половиною-лѣтняго одиночнаго заключенія. Всѣ кишки его были спаены бугорчатымъ воспаленіемъ и точно солью, не жалѣючи, пересыпаны крупнымъ бѣловато-желтымъ порошкомъ-бугорками въ различной стадіи роста. А сколько было нервныхъ, сколько сходило съ ума! Между прочимъ, одинъ политическій былъ мною признанъ психически-больнымъ, но тогдашній главный полицейскій врачъ—кажется, онъ тогда назывался штадтъ-физикомъ,—баронъ М. призналъ его „хитрымъ притворщикомъ“. И, вотъ, на основаніи діагноза врача, имѣвшаго большой опытъ только въ полицейско-медицинской канцелярщинѣ, психически-больного оставили въ жестокихъ условіяхъ тюремно-целлулярнаго режима, вслѣдствіе чего, черезъ нѣкоторое время, этотъ „хитрый притворщикъ“ превратился въ окончательно неизлечимаго сумасшедшаго, очевиднаго уже и для полицейскаго прозорливца и спеціалиста по всѣмъ болѣзнямъ.

Другой случай приведу изъ Литовскаго Замка. Здѣсь долго содержалась одна изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ я когда-либо видѣлъ,—Ольга Александровна Ш. . Вся, до полнаго самозабвенія, преданная своему дѣлу, скромная, тихая, безусловно правдивая, этотъ дивный человѣкъ, отъ долгаго пребыванія въ этой ужасной петербургской тюрьмѣ, заболѣла быстро прогрессировавшей чахоткой. Тѣмъ не менѣе ее, еле живую, признали способной выдержать ссылку и отправили изъ Петербурга, но послѣ полутора десятка верстъ, ея провожатые вынуждены были вернуться съ нею съ дороги обратно въ этотъ гнуснѣйшій Замокъ. Здѣсь она черезъ нѣсколько дней скончалась. Если подобные случаи очень нерѣдки въ Петербургѣ, то можно себѣ представить, что происходило и происходитъ въ провинціи.

II.

Боголюбовская исторія. Волненія.

„Смотрите, смотрите!“

13-го іюля 1877 г. я, по обыкновенію, изъ городской больницы, гдѣ я служилъ ординаторомъ, поспѣшилъ въ „Домъ Предвар. Заключенія“. Проходя къ себѣ въ докторскую, я слышалъ какой то шумъ, гулъ и видѣлъ не то встревоженныя, не то растерянныя лица. У себя въ кабинетѣ я засталъ обоихъ фельдшеровъ до нельзя взволнованными и растерянными. Отъ нихъ я узналъ, что утромъ былъ здѣсь градоначальникъ Треповъ и, встрѣтивъ во дворѣ на прогулкѣ заключеннаго Боголюбова, не снявшаго передъ нимъ шапки, сбилъ ее у него съ головы. Когда вслѣдствіе этого заключенные, видѣвшіе это въ окна своихъ камеръ, подняли крикъ, то Треповъ *за этотъ крикъ* другихъ приказалъ высѣчь Боголюбова, что и было исполнено. Теперь заключенные протестуютъ и выражаютъ свое негодованіе крикомъ и всякаго рода шумомъ.

Къ чему мы, россійскіе граждане не привыкаемъ! Какъ это просто! „Приказалъ высѣчь“ человѣка—и ничего! Мы это записываемъ, разсказываемъ, слегка возмущаемся и — сносимъ... лишь бы не насъ...

Увы, полковникъ Федоровъ былъ въ отпуску. Будь онъ здѣсь, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ни гнуснаго насилія надъ Боголюбовымъ, ни, слѣдовательно, этого волненія не было бы. Можетъ быть, дѣло кончилось бы печально для самого Федорова—изгнаніемъ, отставкой, можетъ быть, арестомъ и судомъ, но онъ не допустилъ бы этого позора и оберегъ бы отъ него и самого необузданнаго самодура-Трепова. Но Федорова замѣщалъ одинъ изъ приставовъ исчезнувшаго было, а теперь, въ наше время, вновь народившагося типа. Это былъ маіоръ Курнѣевъ—коренастый, грубаго полицейскаго вида бурбонъ, способный на все, что угодно начальству, разумѣется, кромѣ какого нибудь благородства и человѣчности.

Для пониманія этого происшествія и нѣкоторыхъ послѣдующихъ нужно сказать два слова о расположеніи Дома Предв. Заключенія. Оставляя въ сторонѣ службы, квартиры и пр., окружающіе первый дворъ, со Шпалерной улицы, мы остановимся на главной части зданія—на мужскомъ отдѣленіи. Оно непрерывной постройкой окаймляетъ большой квадратный дворъ, на который выходятъ окна всѣхъ 6 этажей камеръ. Ни на улицу, ни на сосѣдніе дворы камеры оконъ не имѣютъ. Внутри зданія корридоръ четырехъ нижнихъ этажей отдѣленъ отъ верхнихъ двухъ сплошнымъ каменнымъ потолкомъ, тогда какъ вокругъ камеръ другихъ этажей тянутся желѣзныя узкія, не доходящія до противоположной стѣны, галлереи, сообщающіяся одна съ другой довольно

крутыми желѣзными лѣстницами съ высокими ступеньками. Такимъ образомъ, заключенные могли видѣть и лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, отчасти слышать то, что произошло во дворѣ, тѣмъ болѣе, что временно замѣщавшій полковника Федорова маіоръ Курнѣевъ объявилъ со двора громогласно о предстоящемъ наказаніи Боголюбова. Позорнѣйшее не для Боголюбова, а для Трепова и исполнителей его звѣрской фантазіи, наказаніе было приведено въ исполненіе въ галлереѣ, въ которой находилась камера Боголюбова и такимъ образомъ, какъ его сосѣди, такъ и многіе другіе вверхъ и внизъ по галлереямъ, слышали борьбу, возню, можетъ быть, свистъ розогъ, стоны и крики истязуемаго, тѣмъ болѣе, что резонансъ въ Домѣ удивительный.

Нужно знать вѣчное нервное напряженіе, постоянное тревожное состояніе заключенныхъ, особенно одиночныхъ, пока они еще не впали въ апатичное отупѣніе отъ долговременнаго пребыванія, нужно видѣть это состояніе, чтобы понять, какое впечатлѣніе это событіе должно было произвести и какое волненіе вызвать среди всѣхъ заключенныхъ, изъ которыхъ иные даже не знали еще въ чемъ дѣло. Въ чемъ можетъ выразиться негодованіе, которое душило ихъ, невѣдомый страхъ передъ происходящимъ чѣмъ-то ужаснымъ, безсильная злоба до скрежета зубовъ, въ чемъ можетъ проявиться такое адское состояніе возбужденія, до потери сознанія, у людей, запертыхъ въ каменныя клѣтки, заживо замурованныхъ въ этихъ склепахъ? Имъ оставался только крикъ и стукъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, не будь и этого исхода для переполнявшаго чувства, у многихъ сердце-бы лопнуло или— говоря точнѣе и научнѣе—его постигъ-бы параличъ. И, вотъ, поднялся невообразимый, бѣшеный крикъ и стукъ. Въ камерахъ столъ, табуретъ и койка все желѣзное и неподвижно придѣлано къ стѣнамъ,—и остается только тяжелая оловянная посуда. Ею и стучали. Колотили въ двери и окна, стучали въ полъ и стѣны и по наружному желѣзному подоконнику. Стучали съ бѣшенствомъ, безъ перерыва, со сверхъестественной силой...

Шумъ и недостаточно опредѣленные слухи о происшедшемъ достигли женскаго отдѣленія, обитательницы котораго имѣли среди заключенныхъ мужчинъ друзей, родственниковъ, мужей, жениховъ и просто глубоко-уважаемыхъ товарищей и знакомыхъ. Кромѣ того, изъ своихъ оконъ нѣкоторыя видѣли, какъ городовые и служителя вязали въ сараѣ и проносили по двору пучки розогъ. А эти грубые люди мимикой и жестами объяснили, улыбаясь, что это для мужского отдѣленія, причемъ, выразительно размахивая руками, указывали для какого собственно употребленія. По ихъ понятію, что-же здѣсь особеннаго; развѣ они этого постоянно не видѣли въ деревнѣ надъ вольными людьми, не то что надъ „арестантами“? Можно себѣ представить—нѣтъ, трудно для тѣхъ, кто не видѣлъ,—что происходило здѣсь. Тутъ волненіе и безпокойство кромѣ криковъ, сопровождалось истерическими рыданіями, обмороками и еще большей растерянностью женщинъ служебнаго персонала, въ свою очередь блѣдныхъ и потрясенныхъ до глубины

души событіемъ, еще небывалымъ и неслыханнымъ въ этомъ „образцовомъ“ и цивилизованномъ мѣстѣ заключенія.

Я самъ былъ потрясенъ разсказомъ и совершенно ошеломленъ хаосомъ звуковъ. Какая-то тупость царила въ головѣ, что-то безотчетно скверное владѣло душой. Однако, кое-какъ собравшись съ мыслями, я невольно поспѣшилъ къ двери, чтобы пойти по камерамъ. Едва-ли я отдавалъ себѣ отчетъ—для чего: это было инстинктивное чувство—бѣжать туда, къ тѣмъ, кто стучитъ и кричитъ, у кого сердце рвется въ груди; но меня не пустили...

— Что вы, докторъ, нельзя. Васъ убьютъ!—говорили даже фельдшера.

— Меня! За что? Вотъ еще!—возразилъ я, нѣсколько задѣтый.

—Да, да, даже васъ, несмотря на самое лучшее къ вамъ отношеніе. Теперь разбирать не будутъ. Вы откроете двери и вамъ раскроятъ голову тяжелой кружкой. Они теперь не видятъ и не слышатъ. Потомъ очнутся, но будетъ поздно, особенно для васъ. Мы тоже не ходимъ.

Дѣлать нечего—пришлось подчиниться. Тогда я бросился на женское отдѣленіе. Успокаивалъ, утѣшалъ, смягчалъ извѣстія, брызгалъ водой и давалъ капли—но чувствовалъ свое безсиліе и пошлость положенія съ этой „помощью“ въ такую минуту! Опять зашелъ на мужское отдѣленіе. Тамъ все безъ перемѣны. Я чувствовалъ самъ, что просто ошалѣлъ отъ одного даже физическаго шума, не говоря ни о чемъ прочемъ.

Я не умѣю передать ни этой картины, ни своего состоянія—это нужно было видѣть и испытать. Меня уговаривали уѣхать; я, наконецъ, послушался и ушелъ: я не могъ больше выдержать.

На другой день я пріѣхалъ пораньше и засталъ то же самое, но только шумъ былъ немного слабѣе, потому-что началось усмиреніе и многихъ уже растащили по карцерамъ. Оказалось, что въ тюрьму ввели военный караулъ и большой отрядъ полицейскихъ. Эти послѣдніе, снявъ свои фуражки съ номерами, группами расхаживали по камерамъ, избивая стучавшихъ и волоча многихъ изъ нихъ по карцерамъ. Кого тащили подъ руки, а кого волокли за ноги, при чемъ голова колотилась объ чугунный полъ галлереи и особенно объ острыя ступени желѣзныхъ лѣстницъ. Прекрасному молодому человѣку Г—ву ключами разбили голову до крови. Разумѣется, избіенія были общимъ правиломъ, а остальное—карцеры и пр.—только дополненіемъ. Но избіенія не спасали отъ карцеровъ, и я съ фельдшерами сталъ обходить карцеры и подавать возможную, вѣрнѣе фиктивную помощь и нѣкоторое утѣшеніе. По младости и наивности, я совѣтовалъ непремѣнно жаловаться и заявлялъ, что съ охотою дамъ медицинское свидѣтельство о признакахъ и слѣдствіяхъ побоевъ. Для несчастныхъ заключенныхъ въ карцеры, избитыхъ и поруганныхъ, приходъ посторонняго лица, не изъ ихъ палачей, со словами сочувствія и ободренія, былъ дѣйствительно утѣшеніемъ и кромѣ довѣрія и жалобъ, я ничего не видалъ съ ихъ стороны. Изумительно—

даже озлобленія не видно было! Избитые и измученные, они рады были посѣщенію сторонняго, но все-таки сочувствующаго человѣка. Имъ казалось, что они не забыты и не отданы цѣликомъ во власть своихъ палачей, что кто-нибудь вынесетъ вѣсть объ этомъ на бѣлый свѣтъ, за стѣны тюрьмы.

Спасибо обоимъ фельдшерамъ. Если они живы и прочтутъ эти строки, пусть знаютъ, что я вспоминаю объ нихъ съ благодарностью и уваженіемъ за ихъ образъ дѣйствія вообще и въ эти ужасные дни въ особенности. Они указывали мнѣ карцера и водили по нимъ. Они же привели меня въ уголокъ ада въ этомъ усовершенствованномъ „европейскомъ“ Домѣ заключенія.

Мы прошли въ ворота, соединяющія оба двора тюрьмы. Налѣво въ стѣнѣ я увидалъ небольшую желто-бурую дверь, обыкновеннаго тюремнаго образца. Мы ее отперли и очутились въ узенькомъ, почти совсѣмъ темномъ маленькомъ корридорѣ. Воздухъ жаркій, сырой и запахъ отвратительный.

— Осторожно, осторожно!—предостерегали меня мои спутники, оберегая отъ прикосновенія къ стѣнамъ.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло, но было не до разспросовъ и я остерегался, сколько могъ.

Но вотъ еще такая-же узенькая тюремная дверь. Мы отперли и ее. Несмотря на яркій солнечный день, здѣсь такъ темно, какъ въ самую глухую ночь въ комнатѣ съ плотно закрытыми ставнями. Жарко, какъ въ банѣ, но какъ-то странно: сухо или сыро—не понять; но воздухъ какой-то промозглый, деретъ въ горлѣ и вонь просто невѣроятная. Что-то фантастическое копошится въ этой тьмѣ; я это слышу, чувствую, но ничего не могу различить, ровно ничего не вижу.

— Это г. докторъ—говоритъ одинъ изъ фельдшеровъ кому-то въ темнотѣ.

— Смотрите, смотрите—раздается въ отвѣтъ чей-то голосъ, мрачный, торопливый, фантастическій.

Все это дико, фантастично, похоже на сонъ или сказку.

— Кто здѣсь?—спрашиваю я,—Кто вы?

— Я Дическулъ—и опять глухой голосъ съ какимъ-то ужасомъ и изумленіемъ повторяетъ:—смотрите, смотрите, вотъ, вотъ, черви, живые!

Но я не могу смотрѣть, потому-что ничего не видно. Одинъ изъ фельдшеровъ сбѣгалъ куда-то и досталъ огарокъ свѣчи. Мы ее зажгли. Красноватый свѣтъ озарилъ ближайшее пространство, оставляя во мракѣ остальную часть помѣщенія. Длинноватая, растрепанная и растерзанная фигура поднялась съ голаго асфальтоваго пола. Это какое-то фантастическое видѣніе. Опять послышалось:

— Смотрите, смотрите: черви, живые, копошатся! Смотрите!

Фельдшеръ съ огаркомъ сталъ освѣщать черный, асфальтовый полъ, усѣянный человѣческими экскрементами, различной давности.

Я извиняюсь передъ читателемъ и—особенно передъ чита-

тельницей—за эти подробности, но разъ есть люди, которые могутъ помѣщать въ такую обстановку, и есть люди, которыхъ можно туда помѣщать, то другіе не только могутъ, но должны, по крайней мѣрѣ, прочитать о томъ...

Весь полъ былъ усѣянъ этими выдѣленіями. Одни, совершенно высохшіе, едва чернѣли, другіе, болѣе недавняго происхожденія, кишѣли большими бѣлыми ползавшими и извивавшимися червями. Стѣны въ разныхъ мѣстахъ также были выпачканы. Судна, такъ наз., параши, не было, ни ведра, ни паръ, какъ вообще ровно ничего, кромѣ изверженій. Они составляли единственную принадлежность, движимость или убранство—не знаю, какъ сказать—этого помѣщенія. И среди нихъ и на нихъ долженъ былъ лежать культурный человѣкъ, все преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ желалъ лучшей участи своему народу. Въ другой странѣ онъ, пожалуй, былъ бы депутатомъ, возсѣдалъ на парламентскихъ креслахъ, выслушивалъ-бы и критиковалъ тронную рѣчь, можетъ быть, былъ-бы министромъ. А здѣсь, у насъ? Онъ долженъ былъ сидѣть или лежать, избитый, въ указанной обстановкѣ и атмосферѣ, чувствовать, какъ копошились подъ нимъ и на немъ, на его голыхъ рукахъ и шеѣ смрадные черви! Онъ былъ близокъ къ помѣшательству и все повторялъ, указывая на множество мѣстъ:

— Смотрите, смотрите!

Не знаю, можетъ быть, вы такъ спокойно-благоразумны, читатель, что посмѣетесь надо мной, но я все-таки скажу: для меня это былъ не фантастическій, а реальный уголокъ ада, который ждетъ еще своего Алигіери.

Заключенный пробовалъ бороться съ этимъ. Со сверхъестественной силой, самъ избитый, онъ вышибъ глухую фортку въ двери и черезъ нее, голыми руками, сталъ выбрасывать эту мерзость въ вышеупомянутый корридорчикъ, загадивъ и тамъ полъ и противуположную стѣнку: вотъ, чѣмъ объясняется заботливость фельдшеровъ и ихъ предостереженія: осторожно, осторожно! Но уберечься въ этомъ узкомъ проходѣ нельзя было и мое платье оказалось выпачканнымъ. Кое-какъ его въ тюрьмѣ вытерли, а дома мнѣ пришлось немедленно переодѣться.

Но трудъ несчастнаго былъ совершенно напрасенъ и у него въ помѣщеніи ничего не измѣнилось.

Это и былъ темный карцеръ, заботливо построенный одновременно со всей этой „образцовой“ тюрьмой. Его помѣстили рядомъ съ машинной топкой и, не продѣлавъ ни окна, никакой щели, не снабдили ни малѣйшей вентиляціей, а начальство не поставило даже параши. При Федоровѣ имъ, вѣроятно, какъ карцеромъ, не пользовались и не запирали. Поэтому рабочіе во дворѣ, дворники и пр., чтобы не ходить далеко, примѣнили его къ своимъ надобностямъ. Теперь объ немъ вспомнили. И сюда, въ эту вѣчную смрадную ночь, сажали людей на нѣсколько сутокъ по волѣ какого-нибудь безсмысленнаго бурбона! Несчастный Д. провелъ уже здѣсь почти цѣлыя сутки, и можно себѣ представить

его состояніе, въ этой тьмѣ кромѣшной, въ этой обстановкѣ изъ однихъ червей съ ихъ обиталищемъ, когда нельзя было знать, когда день, когда ночь, и когда казалось, что прошли уже не одни сутки!. Человѣкъ былъ близокъ къ сумасшествію. Къ счастью, удалось добиться его перевода въ лазаретъ. Къ счастью! Я вспомнилъ: „не бывать бы счастью, да несчастье помогло". Да. Если-бы не было несчастья въ видѣ этого карцера, то развѣ переводъ въ одиночную тюремную камеру ощущался-бы какъ счастье?! О, истинная и предусмотрительная премудрость!

Закончу, однако, объ этомъ карцерѣ. Событія въ „Домѣ Предв. Заключенія" надѣлали шуму въ городѣ и дошли и до царя. Черезъ нѣсколько дней предсѣдатель комиссіи по тюремному преобразованію статсъ-секретарь (нынѣ покойный) К. К. Гротъ посѣтилъ тюрьму въ сопровожденіи своего секретаря, стройнаго молодого человѣка, теперешняго министра финансовъ В. Н. Коковцова. Вмѣстѣ съ ними я зашелъ въ вышеописанный карцеръ. Но я не узналъ его и—простите, читатель,—я вспомнилъ потемкинскія декораціи во время путешествія Екатерины въ Крымъ. Теперь всѣ двери настежь, очевидно, въ теченіе уже нѣсколькихъ дней. Стѣны, полъ и потолокъ, вымыты, продезинфецированы и, кажется, выкрашены заново. На яркой мѣдной проволокѣ, протянутой поперекъ всей комнаты, граціозно покачивается новенькій термометръ. Въ углу привѣтливо блеститъ свѣжее, свѣтлое жестяное ведро съ крышкой. Но и теперь при открытыхъ дверяхъ и послѣ прохладныхъ ночей предательскій термометръ показываетъ 22 Реомюра!

Мнѣ очень хотѣлось знать, что думаютъ объ этомъ эти „высокіе посѣтители"; но секретарь лицомъ и всей исполненной такта фигурой выражалъ только почтеніе и готовность, а у Константина Карловича—

„На челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего".

Однако, вернемся опять къ волненіямъ. Они длились цѣлыхъ 3 дня, все ослабѣвая, и, наконецъ, были усмирены. Я посѣтилъ за это время и всѣхъ, заключенныхъ въ свѣтлыхъ карцерахъ. Всѣ эти заточенные были или избиты городовыми, или же ушиблены объ каменныя и желѣзныя ступени лѣстницъ и объ полъ, когда ихъ волокли. Болѣе серьезно пострадавшимъ я, какъ уже сказано, совѣтовалъ жаловаться, прибавляя, что охотно дамъ свидѣтельство. Нѣкоторые сами объ этомъ просили. Сказалъ я о свидѣтельствѣ и одному молодому симпатичному парню-рабочему. И когда черезъ нѣсколько времени назначенныя тѣмъ же градоначальникомъ лица изслѣдовали происшествіе и избіенія въ тюрьмѣ и опрашивали заключенныхъ, то этотъ паренекъ заявилъ:

— Такъ я былъ избитъ, что докторъ наказывалъ, чтобы я непремѣнно жаловался и что онъ съ удовольствіемъ дастъ мнѣ свидѣтельство.

На другой день послѣ этого показанія я, по обыкновенію, пріѣхалъ на службу и прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ. Вижу у фельдшеровъ какія-то странныя лица, какъ-будто смущены они чѣмъ-то. Когда я хотѣлъ отправиться въ камеры, одинъ изъ нихъ мнѣ заявилъ, что докторъ уже обошелъ всѣхъ.

— Странно — подумалъ я,—что бы это значило?

— Вы не читали сегодняшняго приказа?—спросилъ одинъ изъ фельдшеровъ.

— Нѣтъ, я никогда ихъ не вижу, а что?

И онъ подсунулъ мнѣ приказъ градоначальника—осьмушку сѣрой бумаги, на которой крупнымъ и грязноватымъ казеннымъ шрифтомъ было напечатано о моемъ отчисленіи отъ Дома Предв. Заключенія. Я распрощался и ушелъ. Я жалѣлъ, что мнѣ нельзя было проститься съ милыми и дорогими заключенными: теперь я имъ былъ совсѣмъ чужой и не могъ переступить того порога, надъ которымъ для многихъ изъ нихъ было изображено гіероглифами изъ мукъ и крови: Lasciate ogni speranza! Кто уцѣлѣлъ изъ васъ, благородные, самоотверженные, великодушные граждане? Кто изъ васъ видитъ хоть начало того возрожденія, за которое вы столько страдали?

Человѣческое фарисейство! Мнѣ жаль было бросить заключенныхъ, но я радъ былъ избавленію отъ этихъ ежедневныхъ мученій и притомъ избавленію невольному, въ которомъ я не былъ виноватъ и о которомъ я не просилъ.

Черезъ нѣсколько времени Треповъ, рядомъ съ судебнымъ слѣдствіемъ, назначилъ отъ себя еще слѣдствіе по дѣлу объ избіеніяхъ въ Д. Пр. Закл., въ которыхъ исключительно виноваты были онъ самъ и маіоръ Курнѣевъ. Я думаю, задача этого полицейскаго слѣдствія была заранѣе посмотрѣть, какой матеріалъ можетъ предстать передъ слѣдователемъ и заблаговременно принять соотвѣтственныя мѣры. Вызвали и меня для показанія. Меня принялъ помощн. градон. генералъ Козловъ. Это съ виду сравнительно молодой, приличный, добродушно-лѣнивый господинъ. Онъ курилъ сигару и составлялъ свѣтско-любезную часть дознанія, такъ-сказать, гарантію его благоприличія. Допрашивалъ подъячій въ вицъ-мундирѣ, нѣкій чиновникъ Подгаецкій. Повидимому, не индивидуализируя, онъ по полицейскому шаблону старался запутать разными крючками и софизмами, глупѣйшими придирками, ловлей на словахъ, заставляя показывать то и такъ, какъ ему было желательно. Конечно, я не скупился на реплики, но въ особенно нахальныхъ пріемахъ Подгаецкаго его останавливалъ Козловъ. Неужели этой игрой Подгаецкій могъ запутать интеллигентовъ?! Это было слишкомъ грубо, аляповато-крючкотворно.

Говорили, что Козловъ человѣкъ добрый, приличный и со средствами. Въ такомъ случаѣ я никогда не могъ понять, зачѣмъ онъ служилъ въ полиціи. Зачѣмъ онъ принялъ участіе въ этомъ слѣдствіи? Впрочемъ, оно ничѣмъ не кончилось и ни къ какимъ результатамъ не привело.

Но и судебное слѣдствіе тоже не дало никакихъ результатовъ, ничѣмъ не проявилось и не кончилось, и что съ нимъ сталось—неизвѣстно. Не знаю, допрашивалъ-ли даже слѣдователь кого-нибудь: не слыхалъ, а меня, по крайней мѣрѣ, даже не вызывали.

III

Судъ надъ Вѣрой Ив. Засуличъ. Ея освобожденія. Смерть Сидорацкаго.

24 янв. 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ Трепова у него на пріемѣ и тяжело его ранила. Причиною была безнаказанность совершеннаго имъ надъ Боголюбовымъ звѣрства. Вообще говоря, въ городѣ рады были этому наказанію самодура, грубо и безнаказанно давившаго всѣхъ. Собственно Ф. Ф. Треповъ былъ не злой человѣкъ, но необузданный самодуръ-бурбонъ, гнувшій спину на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы и требовавшій покорности и раболѣпія отъ всѣхъ ниже стоявшихъ, а тѣмъ паче отъ простыхъ гражданъ. Онъ щеголялъ искусственной солдатской простотой и грубостью, былъ доступенъ и считалъ себя добрымъ и справедливымъ. Воображалъ себя вездѣсущимъ россійскимъ Гарунъ аль-Рашидомъ и имитировалъ страшную строгость и проницательность взора, для чего строго вперялъ глаза изъ-подъ большихъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей. Власть и значеніе его были громадны для того времени, и всѣ съ ней вынуждены были считаться, въ томъ числѣ и прокуратура, и печать.

Однажды одинъ товарищъ прокурора, посѣщая мѣста заключенія, наткнулся на крестьянина, посаженнаго по приказанію градоначальника, но безъ всякаго письменнаго распоряженія. Товарищъ прокурора написалъ градоначальнику запросъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Треповъ страшно обидѣлся, потребовалъ изгнанія прокурора и высылки его изъ Петербурга. И много труда и поклоновъ стоило бѣдному блюстителю закона, чтобы выпросить прощеніе у страшно оскорбленнаго и сердитаго петербургскаго Гарунъ-аль-Рашида. А начальство этого прокурора, эти служители Ѳемиды, были не только слѣпы, какъ она сама, но еще и глухи. Для правосудія это, очевидно, еще лучше.

Сообщу другой случай изъ прессы того времени.

Въ одну изъ мелкихъ газетъ была доставлена какая-то статья противъ полиціи. Можете себѣ представить ея революціонность въ то время и когда она еще предназначалась для мелкой дворницкой газеты той эпохи [1]). Редакторъ, котораго вообще обвиняли въ связяхъ съ полиціей, передалъ рукопись Трепову. У автора ночью произвели обыскъ, задержали, таскали по канцеля-

[1]) Она существовала короткое время и погибла въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики".

ріямъ и участкамъ, пока, наконецъ, ему удалось отдѣлаться, и онъ, помнится, печатно требовалъ свою рукопись и объясненій отъ редактора.

Возвращаясь, однако, къ дѣлу Засуличъ, замѣчу, что всѣмъ этимъ событіемъ и предстоящимъ судомъ очень интересовались вездѣ. Когда совершенно неожиданно стало извѣстно, что ее будутъ судить гласно, съ присяжными въ окружномъ судѣ, этому долго не хотѣли вѣрить, потомъ видѣли въ этомъ какой-то необычайный симптомъ, поворотъ и т. д. Наконецъ, объявили и день засѣданія—31 марта, и что входъ будетъ по билетамъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ судомъ я зашелъ къ предсѣдателю А. Ф. Кони съ просьбою о билетѣ; но, увы, уже никакихъ не было. Попенявъ мнѣ за опозданіе, Анатолій Федоровичъ добавилъ:

— Единственное, что я могу сдѣлать, это велѣть пустить васъ въ мѣста для присяжныхъ повѣренныхъ—на случай подачи медицинской помощи.

Разумѣется, я съ удовольствіемъ согласился и, такимъ образомъ, получилъ возможность присутствовать съ начала до конца въ этомъ историческомъ засѣданіи.

Я не стану излагать здѣсь самаго процесса, тѣмъ болѣе, что довольно обстоятельно и вѣрно онъ изложенъ въ брошюрѣ, изданной въ 1905 или 6-мъ году [1]); но въ этомъ почти стенографическомъ отчетѣ нѣтъ колорита и нѣкоторые эпизоды совершенно обезцвѣчены. Между тѣмъ, самъ фактъ преступленія былъ новинкой у насъ, а способъ суда—съ присяжными засѣдателями,—хотя и представлялся возвращеніемъ къ недалекому прошлому, но казался чѣмъ-то сверхестественно новымъ въ тогдашней тяжелой политической атмосферѣ, такъ какъ со времени Нечаевскаго процесса, въ 186 г., не было больше, такъ наз., политическихъ дѣлъ съ присяжными засѣдателями.

Неудивительно, что небольшой судебный залъ былъ набитъ биткомъ, не исключая и мѣстъ для присяжныхъ повѣренныхъ. Позади судейскихъ креселъ также находилась публика, но только высокочиновная. Публика вела себя очень сдержанно, пожалуй, даже торжественно; но чувствовалось, что она сильно возбуждена и только себя сдерживаетъ. Было много молодежи, но не мало и, такъ наз., солидныхъ людей обоего пола. Общія симпатіи, повидимому, безъ исключенія, были на сторонѣ подсудимой. Присяжные засѣдатели обычнаго вида, съ преобладаніемъ интеллигенціи, не производили впечатлѣнія нарочито подобранныхъ. Обвинитель тов. прокурора Кессель, молодой господинъ, считался сравнительно порядочнымъ человѣкомъ и не чрезмѣрно рьянымъ прокуроромъ. Конечно, общее вниманіе привлекала подсудимая—худенькая, скромная фигурка.

Но главный интересъ послѣ Засуличъ сосредоточивался на личности ея защитника—прис. повѣр. Александрова. Говорили, что это бывшій дореформенный губернскій прокуроръ, оставив-

---

[1]) Процессъ Вѣры Засуличъ. Изд. „Современника". Годъ не обозначенъ.

шій изъ либерализма службу и теперь боровшійся, гдѣ только могъ, съ деспотизмомъ и гнетомъ власти. Онъ уже составилъ себѣ имя въ разныхъ процессахъ, но на этотъ разъ просто превзошелъ самаго себя. Ни до того, ни послѣ онъ больше не доходилъ до того пафоса, до той сатиры, которыми блестѣла вся его рѣчь. Длинный, тощій и гибкій, онъ извивался и нещадно жалилъ и изливалъ свой ядъ на систему и на представителей насилія и самовластія. Онъ безпощадно гналъ всю систему и всѣхъ, кто ее поддерживалъ, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлесталъ ее, обнаженную, бичами своего пламеннаго негодованія и рѣжущаго остроумія. Онъ не защищалъ Засуличъ, онъ обвинялъ весь строй—таково было впечатлѣніе, и въ этомъ была его сила и залогъ его побѣды. Сановныя персоны впослѣдствіи говорили, что судили не Засуличъ, а Трепова, и даже весь порядокъ, и обвиняли въ допущеніи этого предсѣдателя суда. Положеніе предсѣдателя, дѣйствительно, было очень трудно, но онъ вышелъ изъ него съ честью и достоинствомъ. Похоже было вообще, что симпатіи суда не на сторонѣ Трепова.

Но обратимся къ нѣкоторымъ эпизодамъ, характернымъ и картиннымъ.

Нужно сказать, что прокуроръ построилъ свое обвиненіе—вопросы на судебномъ слѣдствіи и свою рѣчь—на слѣд. простомъ и безспорномъ силлогизмѣ: нельзя, чтобы каждый обыватель становился судьей и расправлялся по собственному усмотрѣнію со всякимъ, кого онъ сочтетъ въ чемъ-либо виновнымъ. Засуличъ, *не дождавшись окончанія слѣдствія и суда* по поводу событія въ Домѣ Пред. Закл., предпочла сама судить и осудить лицо, виновное, *по ея мнѣнію*, и сама-же привела приговоръ въ исполненіе.

При этомъ прокуроръ прибѣгалъ къ передержкѣ, изображая, дѣло такъ, какъ будто надъ дѣйствіями Трепова или, по крайней мѣрѣ, по поводу истязанія Боголюбова ведется слѣдствіе и ожидается судъ. Соотвѣтственно этому, когда, по окончаніи судебнаго слѣдствія предсѣдатель спросилъ: [1])

— Не желаютъ-ли стороны чѣмъ-нибудь дополнить судебное слѣдствіе?

Прокуроръ позволилъ себѣ слѣдующую уловку, разсчитывая на ея заключительный эффектъ. Онъ заявилъ желаніе спросить еще разъ маіора Курнѣева, которому задалъ слѣдующіе вопросы:

— Вы состоите подъ слѣдствіемъ по дѣлу о безпорядкахъ въ Домѣ Пр. Закл.?

— Да, состою—отвѣтилъ маіоръ.

— И въ качествѣ обвиняемаго васъ уже допрашивалъ судебный слѣдователь?

— Да.

— Больше ничего не имѣю спросить—обратился торжествующій прокуроръ къ предсѣдателю.

---

[1]) Нижеслѣдующій рѣшительный для процесса эпизодъ совершенно обезцвѣченъ въ упомянутой брошюрѣ „Проц. В. Засуличъ“, стр. 46/47.

Насталъ любопытный моментъ для наблюденія психологіи толпы. Эффектъ получился удивительный. Всѣ бывшіе здѣсь налицо, какъ одинъ человѣкъ, съежились и опустили головы, всѣ стали ниже ростомъ. Я почувствовалъ—да, вѣроятно, и всѣ другіе,—что потолокъ опустился и, какъ тяжелый прессъ, завинченъ и придавилъ насъ. Всѣ чувствовали, что исходъ процесса ясенъ и участь Засулиъ рѣшена. Но мы забыли, что здѣсь Александровъ.

Онъ буквально вскочилъ и обратился къ предсѣдателю.

— Въ такомъ случаѣ и я еще имѣю спросить свидѣтеля.

— Скажите, свидѣтель, вы состоите подъ слѣдствіемъ, но въ чемъ же собственно васъ обвиняютъ?

— Въ томъ, будто-бы по моему приказанію избивали тогда заключенныхъ—беззаботно отвѣтилъ Курнѣевъ.

— Но не въ томъ, что вы высѣкли Боголюбова?—опять задалъ вопросъ Александровъ.

— О, нѣтъ—громко, самодовольно и—мнѣ показалось—даже съ веселой улыбкой отвѣтилъ маіоръ, который, очевидно, считалъ такія распоряженія въ порядкѣ вещей и смѣшно было бы судить за нихъ.

— Больше ничего не имѣю—обратился Александровъ къ предсѣдателю съ такой ироніей, съ такой ѣдкой насмѣшкой, что, мнѣ казалось, онъ долженъ былъ прожечь если не лобъ, то хоть мундиръ прокурора.

Но интересно было, какъ реагировала публика.

Не фигурально, а въ буквальномъ смыслѣ одинъ общій вздохъ облегченія, разомъ, ритмически вырвался у всѣхъ изъ груди. Всѣ выпрямились и стали прежняго роста, прессъ отвинченъ и потолокъ поднятъ на прежнюю высоту. Процессъ былъ выигранъ и участь Засуличъ рѣшена иначе. Мы всѣ это почувствовали. Это былъ, по моему, самый рѣшительный моментъ процесса.

Рѣчь прокурора, гладкая, безъ излишествъ, не произвела впечатлѣнія. Она вся была построена на томъ же принципѣ: нельзя, чтобы всякій судилъ по своему усмотрѣнію, да еще не дождавшись настоящаго суда. Но только о формальномъ, надлежащемъ судѣ говорилось не такъ опредѣленно и въ болѣе общихъ выраженіяхъ.

Зато Александровъ былъ неподражаемъ. То онъ извивался, какъ змѣя, и вливалъ свой смертоносный ядъ въ нанесенныя имъ раны, то онъ вздымался, какъ орелъ, и сверху внизъ наносилъ своей жертвѣ неотвратимые удары желѣзнымъ клювомъ, то онъ бросалъ въ тирановъ и угнетателей огненныя молніи и выжигалъ у нихъ на лбу клейма позора и преступленія.

Кульминаціоннымъ пунктомъ его рѣчи было то мѣсто, гдѣ онъ говорилъ:

— Мучителямъ Боголюбова нуженъ былъ стонъ не физической боли, а поруганной человѣческой души, удушеннаго, униженнаго и раздавленнаго человѣка. Священнодѣйствіе соверши-

лось, позорная жертва принесена. Россійскій апофеозъ розги торжественно устроенъ.

При этихъ словахъ громъ апплодисментовъ и криковъ прервалъ его рѣчь. Я утверждаю, что не физически, а духовно участвовали въ этой невольной, стихійно всѣхъ захватившей манифестаціи и присяжные и даже, кажется, судьи и, во всякомъ случаѣ, звѣздоносные слушатели позади судейскихъ креселъ. Говорятъ—и, мнѣ кажется, это вѣрно,—что нѣкоторые изъ нихъ тоже апплодировали. Предсѣдатель сдѣлалъ строгое внушеніе, и Александровъ могъ продолжать.

Вообще, такъ сказать, внѣшній характеръ его рѣчи заключался въ объясненіи психологіи Засуличъ. Кратко, содержаніе ея можно формулировать его же словами: „Не звуки цѣпей смущали душу, не мрачные своды мертваго дома леденили воображеніе, а рубцы, позорные рубцы рѣзали ея сердце и замогильный голосъ заживо погребеннаго звучалъ:

„Что-жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что-жъ любовь молчитъ?!“

Но внутреннее содержаніе, идея состояла въ томъ, что гдѣ личность не ограждена, гдѣ царствуетъ произволъ, гдѣ законъ молчитъ, тамъ болѣе чувствительныя, болѣе тонкія натуры вынуждены сами чинить судъ, чтобы не оставлять злодѣйства безнаказанными.

Въ заключеніе онъ говорилъ присяжнымъ, чтобы они покарали ее, если признаютъ это нужнымъ. „Да свершится карающее правосудіе. Не задумывайтесь“ .... „Безъ упрека, безъ горечи и жалобы, безъ обиды приметъ она ваше рѣшеніе и утѣшится тѣмъ, что, быть можетъ, ея страданія и ея жертва предотвратили возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ-бы мрачно ни смотрѣть на него въ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва и ничего больше. Засуличъ можетъ выйти изъ суда осужденной, но не опозоренной, и надо желать, чтобы никогда больше не повторялись причины, вызывающія такія преступленія и порождающія подобныхъ преступниковъ.“

Въ этихъ послѣднихъ словахъ все внутреннее значеніе его превосходной рѣчи. Прокуроръ не возражалъ, а Засуличъ отъ послѣдняго слова отказалась. Дѣло до такой степени шло о значеніи факта въ политическомъ отношеніи, а не о самомъ поступкѣ, что Александровъ, съ замѣчательнымъ тактомъ, ничего не возражалъ противъ предложенныхъ судомъ трехъ вопросовъ: 1) о виновности въ нанесеніи раны съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, 2) сдѣлано-ли это съ намѣреніемъ лишить жизни и 3) все-ли было сдѣлано для достиженія цѣли—лишенія жизни.

Сколько въ обыденномъ процессѣ спорили-бы противъ этихъ вопросовъ, сколько предлагали-бы поправокъ и дополненій! А здѣсь ничего, даже прокуроръ: всѣ понимали, что дѣло въ сущности, а не въ мелочахъ, и что вопросъ рѣшается только тѣмъ, имѣлали Засуличъ нравственное основаніе подвергнуть отвѣтственности

безотвѣтственнаго, всесильнаго самодура, или нѣтъ. Все остальное частности безъ значенія. Послѣднее слово предсѣдателя А. Ф. Кони отличалось обстоятельностью, ясностью содержанія и мягкостью тона. По моему, оно было безпристрастно. Доказательство этому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что отдѣльныя части ея казались мнѣ, какъ и другимъ, то въ пользу Засуличъ, то въ пользу Трепова. Обратите вниманіе, читатель на это выраженіе „Засуличъ, Треповъ“: такъ говорили всѣ, потому что всѣ чувствовали и понимали, что судятъ присутствующую Засуличъ и отсутствующаго Трепова и, если признана будетъ виновною Засуличъ, то оправданъ будетъ Треповъ, и наоборотъ: оправданіе Засуличъ будетъ обвиненіемъ Трепова. И его обвинили...

Присяжные совѣщались недолго и вынесли оправдательный вердиктъ. Предсѣдатель объявилъ Засуличъ свободной. Это было часовъ въ 6 вечера. Публика пришла въ невыразимый экстазъ, радость сіяла на всѣхъ лицахъ. Изъ залы суда радость перелилась къ массамъ, переполнявшимъ корридоры, лѣстницы, вестибюли, раздѣвальныя. Ждали и во дворѣ. Особенно многочисленная толпа запрудила Литейный проспектъ у зданія суда. Вездѣ шло ликованіе: всѣ понимали, что это жестокій ударъ правительству и его системѣ, и были въ восторгѣ. Вышедшаго Александрова качали и носили на рукахъ. Настроеніе толпы было такое, какое бываетъ въ измученномъ осадою и страхомъ городѣ, когда вдругъ окажется, что непріятель снялъ осаду и ушелъ. Увы, въ данномъ случаѣ непріятель ушелъ недалеко и очень не надолго!

Вѣра Ивановна не ушла прямо изъ суда, а отправилась, какъ это обыкновенно дѣлается, обратно въ тюрьму за вещами, гдѣ, по словамъ начальника Дома Предв. Заключенія, напилась чаю и затѣмъ въ 8-мъ часу была выпущена черезъ ворота на Шпалерную улицу. Здѣсь ждала ее толпа тысячи въ полторы, которая вмѣстѣ съ нею отправилась къ Литейной, но жандармы и полиція не пропустили ихъ сюда. Тогда поворотили обратно по Шпалерной, усадили Засуличъ въ плоховатую извозчичью карету, которая медленно подвигалась впередъ, окруженная толпой. Послѣдняя была настроена радостно и вмѣстѣ тревожно: она не довѣряла правительству и опасалась, чтобы полиція и жандармы вновь не арестовали оправданную Вѣру Ивановну и не подвергли ее административнымъ карамъ. Одинъ молодой человѣкъ, Сидорацкій, бывшій студентъ медицинской академіи, взобрался на козлы кареты и помѣстился рядомъ съ кучеромъ. На Воскресенскомъ просп., около Фурштадской, толпу встрѣтилъ на рысяхъ конный отрядъ жандармовъ, выѣхавшій изъ находящихся въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, на Кирочной, жандармскихъ казармъ. Во главѣ отряда, удобно усѣвшись на хорошей лошади, важно выступалъ плотный, лѣтъ 30, штабъ-ротмистръ, блестѣвшій бѣлой лядункой и вообще всѣми прелестями и соблазнами жандармскаго мундира. Этотъ ротмистръ, кстати сказать, былъ извѣстенъ очень многимъ петербуржцамъ своимъ замѣчательнымъ сходствомъ съ императ. Александромъ II. Онъ брилъ подбородокъ и носилъ бакенбарды

такъ-же, какъ Александръ, и, гуляя ежедневно по Невскому, привлекалъ своимъ видомъ всеобщее вниманіе...

При встрѣчѣ толпы съ жандармами произошло замѣшательство и столкновеніе, которое я позволю себѣ назвать добродушнымъ: они не особенно усердствовали и, хотя старались овладѣть Вѣрой Ивановной, но безъ особеннаго усердія. Мнѣ даже казалось, что цѣлью ихъ было не завладѣніе ею, а разсѣяніе толпы. Они какъ-будто хотѣли изъять Засуличъ изъ толпы, чтобы этой послѣдней не было повода собираться. Повторяю, таково впечатлѣніе; но я также сомнѣваюсь, чтобы они въ это время (черезъ $1^1/_2$ часа) уже имѣли распоряженіе о новомъ ея задержаніи и положительно увѣренъ, что, если-бы пожелали, они могли это сдѣлать даже легко, при безоружной толпѣ съ массою женщинъ и при близости жандармскихъ казармъ, до которыхъ пѣшкомъ дойти отъ мѣста встрѣчи можно было въ 3—4 минуты.

Какъ бы то ни было, здѣсь случилось одно происшествіе, остающееся до сихъ поръ не разъясненнымъ. Это именно смерть Сидорацкаго. Когда онъ соскочилъ съ козелъ,—не знаю; но когда началась суматоха, раздался выстрѣлъ и стали говорить, что убили Сидорацкаго, но большинство [1]) говорило: „Сидорацкій застрѣлился". Какъ врачъ и знакомый,—я поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился.

На Воскресенскомъ просп. домъ № 11, гдѣ находится аптека, имѣетъ по фасаду выступъ, такъ что у наружной стѣны образуется уголъ. Вотъ въ этомъ углу, плотно прислонясь къ стѣнѣ, *сидѣлъ* на троттуарѣ Сидорацкій. Онъ былъ мертвъ. Сколько я теперь припоминаю, рана у него была въ лѣвомъ вискѣ. Тутъ же на троттуарѣ, около покойника, валялся револьверъ. Нужно еще имѣть въ виду, что встрѣча жандармовъ съ толпою произошла нѣсколько дальше, впереди отъ Сидорацкаго, такъ что послѣдній находился теперь позади нея.

Опять повторяю: общій голосъ тѣхъ изъ толпы, съ кѣмъ я говорилъ, согласно утверждалъ, что онъ застрѣлился въ экзальтаціи. Версія, что его застрѣлили жандармы, явилась послѣ. Отношеніе же всѣхъ, въ томъ числѣ и, такъ называемаго общества, къ жандармамъ и начальству было таково, что усвоили, именно, эту послѣднюю версію, какъ наиболѣе естественную и правдоподобную, и я никогда позже не слыхалъ ни возраженій, ни сомнѣній, ни другихъ объясненій. Хотя правительственное разъясненіе и сообщало о самоубійствѣ Сидорацкаго, но это, конечно, по господствующему у насъ довѣрію къ такого рода сообщеніямъ, служило для общества лучшимъ доказательствомъ, что его убили жандармы. Между тѣмъ на этотъ разъ оно кажется, говорило правду.

Когда я отошелъ отъ мертваго опять къ толпѣ, кареты ужъ не было: она уѣхала, а люди расходились. Исчезновеніе на гла-

---

[1]) Разумѣется, я говорю о большинствѣ лицъ, сообщавшихъ мнѣ объ этомъ, а не о большей части всей толпы.

захъ у жандармовъ, петербургской дрянной извозчичьей кареты, запряженной плохой парой лошадей, также подтверждаетъ, на мой взглядъ, отсутствіе въ тотъ моментъ намѣренія арестовать Засуличъ. Достаточно было послать за каретою 1—2 конныхъ жандармовъ, чтобы ее задержать на любой улицѣ съ помощью ближайшаго городового вдали отъ толпы, если ужъ не хотѣли задерживать тутъ, опасаясь сопротивленія этихъ невооруженныхъ людей, въ томъ числѣ съ массою женщинъ.

Такимъ образомъ, мнѣ выпадаетъ пока единственный въ моей не очень короткой жизни счастливый случай, когда я являюсь обѣлителемъ нашей администраціи, да еще жандармеріи. Но я всегда держался того мнѣнія, что ихъ совсѣмъ не къ чему баловать ложью—съ нихъ совершенно достаточно правды, голой, неприкрашеной правды. Я всегда утверждалъ, что они больше всѣхъ имѣютъ право на безсмертное выраженіе Грибоѣдова:

„Я правду про тебя поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи“.

И передъ этой правдой, когда она будетъ обнаружена вся, поблѣднѣетъ всякая ложь и обезцвѣтится всякая фантазія...

Д. Герценштейнъ

Пет. Тюрьма „Кресты“.
Январь, 1907 г..

Мелочи прошлаго.

Предлагаемъ два документа, касающихся времени царствованія Александра II: 1) представленныя въ 1857 году въ тульскій губернскій крестьянскій комитетъ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ И. С. Тургенева съ проектомъ условій ихъ освобожденія; 2) выписку изъ журнала Тульскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, содержащую отзывъ Л. Н. Толстого по вопросу о выдачѣ увольнительныхъ актовъ его дворовымъ людямъ.

Въ свѣдѣніяхъ о Тургеневскихъ крѣпостныхъ крестьянахъ интересны указанія о проектировавшихся условіяхъ освобожденія его крестьянъ, къ сожалѣнію, лишь очень краткія; въ отзывѣ Л. Н. Толстого выступаетъ его самостоятельный и „непокладистый" характеръ, который онъ ярко проявилъ въ бытность свою мировымъ посредникомъ.

I.

Свѣдѣнія о крѣпостныхъ Тургенева.

И. С. Тургеневу въ Тульской губерніи, по даннымъ 1857 г., принадлежали слѣдующія селенія.

1. Въ Чернскомъ уѣздѣ—д. Кальна и д. Голоплеки. Въ первомъ селеніи было тридцать четыре тягла, во второмъ семь тяголъ. Работниковъ въ обоихъ селеніяхъ, отъ четырнадцати до шестидесяти лѣтъ,—шестьдесятъ два мужчинъ и столько же женщинъ.

2. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ—сельцо Меньшое Кадное, село Троицкое, Медвѣдки-тожъ, и село Никольское, Ситово-тожъ. Въ первомъ селеніи было тяголъ $35^1/_2$, во второмъ восемь, въ третьемъ тридцать семь. Во всѣхъ селеніяхъ рабочаго возраста было сто тридцать человѣкъ мужскаго пола и столько же женскаго.

Кромѣ того, въ Ефремовскомъ же уѣздѣ, во владѣніи Тургенева находилась деревня Любовша съ хуторомъ Тросною. Въ этой деревнѣ числилось шестьдесятъ одно тягло и рабочаго возраста 111 мужскаго пола, столько же женщинъ,—усадебъ тридцать восемь.

Во всѣхъ селеніяхъ Тургенева отводилось на тягло по шести десятинъ земли пахатной и по полторы десятины подъ строенія, овощники, коноплянники, выгонъ и покосъ. Въ общемъ всего около семи съ половиной десятинъ.

Натуральныя повинности крестьянъ были слѣдующія: три рабочихъ дня въ недѣлю, пѣшихъ и конныхъ, по мѣрѣ надобности,—и кромѣ того, съ тягла по 2 курицы, 25 яицъ (въ Кальнѣ и Голоплекахъ по одной курицѣ и по десятку яицъ), 15 аршинъ домашняго холста и 2 аршина рѣдна.

Барщинная работа исполнялась поурочно. — „Урокъ для тягла пахать съ бороной въ день полдесятины; скосить, связать въ снопы и сносить въ копны въ день полдесятины, — одному мужику съ женой; сѣна или травы скосить одной косѣ полдесятины, сжать хорошей ржи въ день мужику съ женой пять копенъ или десятину въ три или четыре дня не болѣе. Урочныя работы бываютъ только во время пахоты, посѣва и уборки хлѣба и сѣна“.

Число тяглъ въ имѣніяхъ подвергалось измѣненію „по случаю смерти тяглаго или отдачи въ рекруты по очереди или за дурное поведеніе“.

Дворовыхъ въ имѣніяхъ Тургенева было сравнительно немного: въ Любовшѣ и Троснѣ — 14 человѣкъ, въ Меньшомъ Кадномъ — 34 человѣка, въ Никольскомъ — семь и въ Кальнѣ и Голеплекахъ — двое. Одни изъ нихъ состояли „на дѣйствительной службѣ при разныхъ должностяхъ получая содержаніе различное по мѣрѣ исправнаго исполненія ихъ обязанностой“; иные жили на дворнѣ лишь какъ призрѣваемые, „помѣщику не принося никакой пользы“; нѣкоторые же проживали „по паспортамъ для прокормленія себя и семействъ своихъ“.

Грамотныхъ крестьянъ у Тургенева не было; дворовые же обучались при конторѣ.

Всѣ селенія Тургенева были заложены въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ: Любовша и Тросна, 232 души, за 16,240 руб., Меньшое Кадное, 127 душъ, за 8,890 руб., Никольское и Троицкое, 128 душъ, за 8,960 руб. и Кальна и Голоплеки, 104 души, за 7,280 руб.

При предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ Тургенева отъ крѣпостной зависимости предполагалось — отвести на каждое тягло по 830 квадр. саж. усадебной земли. „Усадьбы эти съ отведенной къ нимъ полевой землей по количеству тяглъ должны составить въ будущемъ образованіе фермъ, которыя крестьяне при новомъ образованіи своемъ или перемѣнѣ состоянія будутъ владѣть или по найму у помѣщика, или получатъ въ собственность, пріобрѣтя покупкою“.

При этомъ относительно условій передачи крестьянамъ недвижимой собственности заявлялось: „цѣнность усадебнаго строенія полагается мною въ триста рублей, самую же землю я цѣнить не могу, ибо оставить крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ мнѣ по близости ихъ къ собственной моей усадьбѣ невозможно, а потому считаю переселеніе неизбѣжнымъ; земля же подъ крестьянскую усадьбу, которая будетъ отведена при новомъ переселеніи, будетъ оцѣнена наравнѣ съ полевой“.

Свѣдѣнія, доставленныя губернскому крестьянскому комитету, были подписаны, „по довѣренности“, Николаемъ Николаевичемъ Тургеневымъ; однако, несомнѣнно они были составлены не безъ вѣдома самого Ивана Сергѣевича...

II.

Отзывъ Л. Н. Толстого.

Какъ видно изъ журнала Тульскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 30 декабря 1861 года, за № 701, дворовые графа Л. Н. Толстого с. Никольскаго, Вяземское тожъ, Чернскаго уѣзда, въ числѣ 25 человѣкъ, отказались принять выданные имъ увольнительные акты, заявляя, что „нѣкоторые изъ нихъ были у помѣщика ихъ и онъ, будто-бы, обѣщался прибыть въ с. Никольское и отвести имъ усадебныя мѣста для поселка и что если онъ откажетъ имъ въ семъ, то они никакъ не рѣшатся принять тѣхъ актовъ, и переселяться съ ихъ семействами въ другое мѣстожительство, по неимѣнію къ тому средствъ и по случаю приближающейся зимы". Губернскимъ Присутствіемъ были затребованы отъ Толстого объясненія по настоящему дѣлу. Въ отвѣтъ Толстой писалъ:

„На предъявленное мнѣ отношеніе Губернскаго Присутствія отъ 10 октября, за № 1801, имѣю честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовымъ людямъ с. Никольскаго не въ зимнее время, но еще въ іюлѣ мѣсяцѣ,—но за отсутствіемъ подписи свидѣтелей возвращены мнѣ. Вторично посланы тридцатаго августа, но почему не переданы дворовымъ людямъ мнѣ неизвѣстно. Что же касается до мнимаго оставленія мною безъ крова и средствъ къ жизни дворовыхъ людей, то хотя свѣдѣніе это и несправедливо, я имѣю честь увѣдомить, что не считаю нужнымъ давать въ отношеніи помѣщенія дворовыхъ людей никакого обязательства, предоставляя это дѣло, какъ зависящее отъ частной благотворительности и потому не подлежащее сужденію мировыхъ учрежденій,—своему личному усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ покорно прошу губернское присутствіе принять необходимыя мѣры для выдачи увольнительныхъ актовъ, ибо ежели въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ увольнительные акты могли быть не выданы дворовымъ людямъ, нѣтъ причины предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы".

Губернское присутствіе признало доводы Толстого основательными и сдѣлало распоряженіе согласно его просьбѣ.

Эмигрантъ Иванъ Головинъ.

(*Окончаніе* [1]).

VI.

Это рядъ писемъ или «записокъ» къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Ивану Матвѣевичу Толстому, которыя Головинъ направлялъ ему въ качествѣ мудрыхъ политическихъ совѣтовъ, надѣясь блеснуть передъ правительствомъ своей освѣдомленностью и пониманіемъ положенія дѣлъ на Западѣ и въ Россіи.

Первая «записка» относится къ серединѣ ноября 1857 г., т. е. ко времени, когда его возвращеніе въ Россію находилось въ положеніи нерѣшеннаго еще вопроса.

Вотъ ея буквальный текстъ.

„Общественное мнѣніе приняло здѣсь очень хорошо извѣстіе о ссорѣ Россіи съ Китаемъ. „Вы видите, говорятъ доки, что ни одна держава европейская не можетъ ужиться съ китайцами. Едва наше вниманіе было отвлечено къ Индіи, какъ китайцы зазнались, они преслѣдуютъ миссіонеровъ“.

„Обстоятельства благопріятны для занятія Амура, надо бить желѣзо пока, когда и гдѣ горячо.

„Общественное мнѣніе, а оно здѣсь царь, приняло бы очень хорошо подписку тысячи—двухъ фунтовъ въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Индіи Съ англичанами деньги все значатъ [2]).

„Король неаполитанскій затѣваетъ здѣсь журналъ.

„Нѣтъ толку посылать статьи въ „Chronicl“ безъ офиціальнаго вида, а отъ такого журнала онѣ никакой важности не получаютъ [3]).

„Кларендонъ подсылалъ въ Кисенгенъ французскую графиню М. Кто остался въ барышахъ?

„Открылись обоюдослабыя струны.

„Для дезертировъ надо было бы придумать что-нибудь поумнѣе сквозь строевъ. Если есть злоумышленные, то есть оставшіеся по глупости. Они

---

[1]) См. Былое, май.

[2]) Очевидно, Головинъ имѣлъ въ виду вызвать вновь расположеніе къ Россіи англійскаго общественнаго мнѣнія, не особенно-то доброжелательнаго, благодаря Крымской войнѣ.

[3]) Какое-то неясное указаніе на помѣщеніе нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ статей въ пользу Россіи въ „Chronicl“.

христарадничаютъ, позорятъ имя русское. Тутъ есть люди раненые, залежавшіеся въ госпиталяхъ долѣе сроку амнистіи. Поляковъ, служившихъ тому назадъ 25 лѣтъ въ полкахъ литовскихъ, волынскихъ и русскихъ, какъ дезертировъ, не почли никакою милостью. Это старая исторія: наказывать такъ наказывать, миловать такъ миловать. Русская поговорка: кто старое вспомнитъ, тому глазъ вонъ [1]).

„Я говорилъ на дняхъ съ матросомъ, который 16 лѣтъ служилъ въ черноморскомъ флотѣ и 2 года въ англійскомъ, и говоритъ, что узналъ болѣе въ 2 года, нежели въ 16, а мы драться, пожалуй, полѣземъ.

„За отсутствіемъ графа Михаила Илларіоновича служитъ вамъ службу сверхкомплектный".

Послѣдняя фраза обозначала: такъ какъ въ посольствѣ не было совѣтника графа Васильчикова, то Головинъ обращается прямо къ Толстому.

Потомъ онъ прислалъ еще двѣ записки по иностранной политики, поражающія своей вздорностью и сумбуромъ.

Видя, что Толстой ничего не отвѣчаетъ на эти рецепты, Головинъ написалъ ему по французски 10 мая 1858 г.:

„Ваше Превосходительство не поддерживаете нашей переписки, не хотите, чтобы я вмѣстѣ съ вами радѣлъ о славѣ этого царствованія, хотите оставить это для одного себя. Молю Бога благословить начинанія его величества относительно освобожденія крѣпостныхъ. Вижу, какъ трудно дѣлать добро и что въ этомъ гнусномъ мірѣ не только не слѣдуетъ ждать благодарности, но, напротивъ, надо ожидать неблагодарности. Когда Вашингтонъ добился свободы Соединенныхъ Штатовъ, въ Массачузетѣ вспыхнуло возстаніе, и онъ воскликнулъ: „Что же, наконецъ, за странное существо человѣкъ". Развитіе образованія одно можетъ предупредить несчастія, проистекающія отъ невѣжества, но все это уже понятно просвѣщенной частью нашего общества. Видя, что вы начинаете войну противо Австріи, боюсь, какъ бы школа Меттерниха не оказалась правой въ своемъ разсчетѣ, что ваша дружба будетъ недолговѣчна.

„Жертва моего братца, которую вы были такъ добры переслать мнѣ, не дала мнѣ возможности выплыть, а холодность, съ которою мои родственники встрѣчаютъ мое возвращеніе, заставляетъ просить васъ быть столь добрымъ, причислить меня къ мадридскому посольству. Я пишу въ настоящее время исторію Фердинанда VII и, если мнѣ будетъ предоставленъ доступъ въ русскія газеты, я могъ бы употребить немногіе остающіеся мнѣ годы на жизнь въ мѣру своихъ дарованій и, такимъ образомъ, отплатить за вашу доброту ко мнѣ".

То-есть, попросту, Головинъ предлагалъ себя въ литераторы, если не за положенное впередъ жалованіе, то за приличный сдѣльный гонораръ...

Толстой молчалъ, какъ убитый.

Головинъ не обращалъ на это вниманія, надѣясь еще на III От-

---

[1]) Рѣчь идетъ о нашихъ дезертирахъ въ Восточную войну, которыхъ въ Англіи было не мало.

дѣленіе, которому посылались всѣ его «записки» для доклада государю,—и писалъ, и писалъ....

Такъ, 11 іюня онъ отправилъ Толстому еще слѣдующую записку.

„Насколько часовъ хватитъ у Наполеона вести войну съ Англіей? На 24 часа хватитъ, но на три дня не достанетъ. Сколько банкротствъ объявится во Франціи съ минуты объявленія войны? Мѣры взяты, чтобъ банкъ англійскій перевести въ Эдинбургъ при первой опасности. У Франціи не было достаточно кораблей, чтобъ перевезти солдатъ въ Крымъ, а перевезти 100,000 въ Англію скоро сказывается да не скоро дѣлается. Въ 1808 г. мы были въ союзѣ съ Франціей, потеряли нашъ флотъ въ Лиссабонѣ и принуждены были жечь Москву въ 1812 г.

„Веллингтонъ имѣлъ правиломъ никакое письмо не оставлять безъ отвѣта, а Гумбольдтъ не оставлялъ никакой визитъ не уплаченнымъ. Изъ уваженія къ вамъ я сдѣлалъ визитъ къ г. Толстому, но карточки его не получилъ. Въ Парижѣ пришелъ къ нему флотскій офицеръ во фракѣ, онъ его принимаетъ въ халатѣ и тотъ посылаетъ его одѣться.

„Погенъ Поль не стерпѣлъ не взять взятку съ французскаго правительства, не зная что журналъ подкупленный умираетъ. Жалко!

„M-lle Violette поступила на содержаніе..... но вы на меня разгнѣваетесь!

„Мы продали часть Калифорніи мексиканцамъ за 30,000 піастровъ, не зная, что тамъ найдется золото. Лузіана, Флорида были куплены также за золото. Этого рода титулы болѣе другихъ уважаются. Добыть портъ въ Тихомъ океанѣ для Россіи въ Центральной Америкѣ было бы славное дѣло. По случаю землетрясенія Сенъ-Сальвадора президентъ ѣздилъ въ Европу занять милліонъ... Но вамъ не угодно служить отечеству со мной, который васъ всегда такъ любилъ и уважалъ и который имѣетъ честь вамъ бить челомъ“.

Помимо «записокъ» для Ивана Матвѣевича Толстого, Головинъ писалъ ихъ еще и для великаго князя Константина Николаевича. Такъ, передъ выѣздомъ изъ Лондона онъ послалъ ему слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Высочество! Съ трепетомъ приступаю къ военному авторитету Вашей учености, но являясь не съ пустыми руками, надѣюсь, что Вы дадите мнѣ минуту аудіенціи. Изобрѣтеніе желѣзныхъ канонерскихъ лодокъ принадлежитъ американцамъ и въ бытность мою въ Соед. Штатахъ говорилось о приложеніи той же системы къ крѣпостямъ, такъ что часть амбразуръ будетъ подвижная. Какъ ни велики издержки такого нововведенія, народная безопасность еще важнѣе и война совершенно измѣнится съ этимъ новымъ средствомъ нападеній и защиты.

„Мнѣ кажется, что можно приложить съ выгодою телескопы къ пушкамъ. Я хоть посредственный стрѣлокъ, могъ съ телескопомъ стрѣлять изъ карабина на дальнемъ разстояніи такъ хорошо, какъ лучшіе стрѣлки. Движеніе артиллериста, отнимающаго телескопъ, должно быть сигналомъ другому приложить фитиль или раздавить капсюлю.

„Есть инженеръ, который изобрѣлъ замѣну нитокъ телескопа такъ, чтобы онѣ не ломались при сотрясеніи. Это важно и для землемѣровъ, но мои средства не позволили мнѣ пріобрѣсти это изобрѣтеніе.

„Въ Кубѣ я былъ знакомъ съ бывшимъ партизаномъ, который сообщилъ мнѣ проектъ карабина между пушками и штуцерами на стойкахъ, которыя возятъ лошади: пули двойныя, цѣльныя и зажигающія; этими послѣдними стрѣляли бы въ фургоны непріятеля, а первыми можно перебить офицеровъ, такъ что у изобрѣтателя назывались эти штуцера — „бойни офицерскія“.

„Ручныя гранаты, недавно изобрѣтенныя въ Бирмингамѣ, также дѣйствительны начиненныя порохомъ, какъ и пламенѣющимъ меркуріемъ и сдѣланныя изъ чугуна, какъ изъ стекла. Имѣя форму грушъ, онѣ должны падать на капсюлю, а потому одной капсюли довольно. Не только онѣ страшны при защитѣ баррикадъ, но могутъ быть съ выгодою розданы жителямъ города, при атакѣ непріятеля.

„Повергая мой арсеналъ къ стопамъ Вашего Высочества, прошу выбрать что угодно, ибо для меня не надо другого оружія, какъ мое уваженіе къ государю императору.

„Ваше Высочество разумѣется получаете американскіе и англійскіе журналы по части военной механики, но можетъ быть не изволите знать, что англійскіе журналы изъ патріотизма говорятъ о принятыхъ изобрѣтеніяхъ, что проба не удалась и что они отброшены“.

Константинъ Николаевичъ поступилъ также, какъ и всѣ другіе: онъ ничего не отвѣтилъ Головину.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣдній пишетъ ему еще разъ:

„Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ я имѣлъ честь писать Вамъ о непрострѣливаемыхъ канонерскихъ лодкахъ, а нынѣ англійскій адмиралъ Сарторіусъ представляетъ, какъ свое изобрѣтеніе, пароходные щиты. Такъ какъ меня не зовутъ ни Ьрауномъ, ни Джемсомъ, то я не ожидалъ извѣщенія о полученіи моего письма. Осмѣливаюсь нынѣ обратить Ваше вниманіе на пользу, которая бы произошла отъ чего-нибудь похожаго на актъ мореплаванія. Мнѣ кажется, что еслибъ иностранные корабли платили болѣе русскихъ при входѣ въ наши порты, то сами иностранцы выстроили бы для Россіи торговый флотъ».

Великій князь молчалъ и на второе посланіе и тѣмъ избѣгъ полученія слѣдующихъ.

Наконецъ, и у Головина лопнуло терпѣніе ждать отвѣта Толстого и великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся, что записки его, показанныя государю, произвели на него впечатлѣніе, и потому 20 іюня рѣшился писать лично Александру II (по-французски).

«Ваше Величество, только что получилъ письмо отъ моего брата, удивляющагося, что я еще не вернулся и не выразилъ письменно Вашему Величеству благодарности за свое помилованіе. По истинѣ, неблагодарность такая скверная вещь, что германцы наказывали за нее вольноотпущенныхъ, лишая ихъ снова свободы. Но когда я слышу цѣлый хоръ, восхваляющій «нашего добраго императора», то чувствую, что мой голосъ слишкомъ слабъ, чтобъ подняться до васъ, государь. Выражать надежду, что въ отплату за доброту вашего величества я сдѣлаюсь однимъ изъ наиболѣе славныхъ людей вашего царствованія, значитъ слишкомъ льстить мнѣ, ибо, хотя одинъ русскій критикъ и

назвалъ меня русскимъ Шатобріаномъ [1]), краски на моей палитрѣ далеко не могутъ сравняться съ тѣми, которыя имѣлъ на своей знаменитый паломникъ. Разъ столько русскихъ закладываютъ свои «души», чтобъ съѣздить за границу, то, по справедливости, долженъ найтись хоть одинъ, который, подобно мнѣ, закладываетъ свои вещи, чтобъ вернуться въ Россію. Поэты и философы нерѣдко бывали бѣдняками и бродягами и только Карамзину дано было отдыхать въ Александровскомъ дворцѣ [2]). Прошу ваше величество удостоить принять выраженіе законной гордости, съ которою я имѣю честь именоваться вашего величества покорнѣйшимъ подданнымъ.

Иванъ Головинъ».

Прошеніе это было доложено государю 2 іюля и разумѣется, не имѣло никакихъ послѣдствій...

Теперь о второмъ источникѣ надеждъ Головина не только на прощеніе, но даже, пожалуй, и на вознагражденіе. Это была небольшая книжка—«History of Alexander the First», напечатанная по-англійски въ Лондонѣ въ серединѣ 1858 года [3]). Надо ли говорить, что историку въ ней искать нечего. Не обладая ни знаніемъ, ни документами, ни обобщающими способностями, Головинъ не могъ дать что-нибудь заслуживающее вниманія. Брошюра была обыкновеннѣйшимъ панегирикомъ, поднесеннымъ императору черезъ министра двора. Въ русскомъ изданіи, которое Головинъ намѣревался сдѣлать уже въ Россіи, должно было быть помѣщено и особое посвященіе книжки Александру II — «высокодостойному августѣйшему наслѣднику».

Но неудачи преслѣдовали бѣднаго Головина...

Уже въ началѣ января 1858 г. какой-то профессоръ дерптскаго университета, бывшій деканомъ юридическаго факультета, прислалъ въ министерство народнаго просвѣщенія полученную изъ Лондона въ закрытомъ конвертѣ тоненькую, въ 7 страничекъ, брошюру—«Clemence et justice de l'empereur Alexandre II», подписанную: Charles de St. Ange, исполняя этимъ приказаніе немедленно посылать по начальству всѣ нелегальныя изданія. Министръ просвѣщенія, Норовъ, препроводилъ брошюру въ III Отдѣленіе.

Въ ней находимъ сокращенное изложеніе всей той переписки и переговоровъ, которые велись по поводу возвращенія Головина въ Россію до конца декабря 1857 года. Расположеніе автора къ личности Головина совершенно ясно; порицаніе правительственныхъ лицъ болѣе или менѣе сдержанно, но во всякомъ случаѣ переходящее границы дозволеннаго...

Головину приказано было объявить, что появленіе этой брошюры ставится ему въ пассивъ.

---

[1]) Этимъ „критикомъ" былъ... Булгаринъ...

[2]) Извѣстно, что Карамзинъ жилъ въ Царскосельскомъ дворцѣ.

[3]) Въ 1859 г. книжка была издана въ Лейпцигѣ—„Histoire d'Alexandre I-er".

VII.

Въ надеждѣ на лучшее будущее Головинъ покидаетъ Лондонъ и направляется въ Германію.

Тамъ ему представляется возможность кое-что заработать, и онъ съ жадностью набрасывается на супъ, въ которомъ вмѣсто жира плаваютъ какія-то перья.

Въ іюлѣ 1858 года онъ печатаетъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ— «Ровира», посвятивъ ее барону Александру Гумбольдту. Безталанная пьеса пыжится изобразить жизнь невольниковъ на о. Куба, но производитъ ужасное впечатлѣніе своею дѣланностью, сушью и нескладностью.

28 іюля въ «Kreuz Zeitung» была помѣщена корреспонденція изъ Лейпцига съ сообщеніемъ, что вскорѣ тамъ должна появиться подъ редакціей Головина газета «Стрѣла», какъ органъ умѣренно-либеральной русской партіи. Баронъ Будбергъ, сообщая объ этомъ Горчакову, прибавилъ, что, по его мнѣнію, это козни маленькаго кружка, «преслѣдующаго задачу облагодѣтельствованія Россіи путемъ ея униженія въ глазахъ Европы». Горчаковъ высказался, что едва ли совмѣстимо съ достоинствомъ Россіи дать Головину полномочія, которыя онъ испрашиваетъ, и позволить ему ставить какія бы то ни было условія раньше, чѣмъ онъ не вернется въ Россію. Долгоруковъ согласился съ этимъ и просилъ Горчакова объявить Головину, чтобы выѣзжалъ въ Россію и не принималъ на себя редактированіе «Стрѣлы».

Головинъ, однако, не послушался приказанія и издалъ два номера своей газеты: одинъ въ декабрѣ 1858 г., другой въ январѣ 1859 г. Изданіе велось въ Берлинѣ Генрихомъ Гюбнеромъ. Лейпцигскій издатель Гергардтъ, узнавъ о желаніи Головина противодѣйствовать «Стрѣлою» «Колоколу», понялъ невыгодность этой комбинаціи вообще, а съ Головинымъ во главѣ и въ особенности. Поэтому поневолѣ пришлось перебраться въ Берлинъ. Это, впрочемъ, не помѣшало Гергардту издать въ 1859 г. двѣ брошюры Головина: «La Russie depuis Alexandre le Bien-Jntentionné» и «Progrés en Russie pour faire suite á la Russie depuis Alexandre le Bien-Jntentionnè».

Для какихъ то литературныхъ дѣлъ Головину понадобилось отдалиться отъ западной границы Россіи внутрь Европы. На такое отступленіе отъ маршрута на родину необходимо было разрѣшеніе. Онъ обратился къ берлинскому посланнику. Будбергъ запросилъ Петербургъ.

Пока шла переписка, Головинъ обратился къ товарищу министра Толстому съ просьбой поскорѣе уладить это недоразумѣніе, объясняя, что, въ виду отъѣзда брата изъ Россіи за-границу, онъ не можетъ вернуться пока на родину, если не хочетъ гранить мостовую. Пришелъ отвѣтъ: выдать паспортъ только для въѣзда въ Россію.

Головинъ былъ пораженъ... Этого онъ никакъ не ожидалъ... 23 октября 1858 г. онъ написалъ Будбергу по-французски: «Ваше превосходительство, я не былъ бы достоинъ доброты его величества и снисхожденія г. товарища министра иностранныхъ дѣлъ, еслибы послѣ переданнаго вами мнѣ повелѣнія скрылъ отъ васъ свою мысль. Послѣ

моего пріѣзда въ Берлинъ Миклашевскій, вернувшійся въ Петербургъ, былъ сданъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ. Эта мѣра принята, конечно, для того, чтобы внушить страхъ, но она можетъ испугать тѣхъ, кто, подобно ему, издавалъ что-нибудь за-границей. Я тоже думалъ воспользоваться милостью государя и просить паспорта, а чтобы не ходить далеко за примѣрами, назову своего двоюроднаго брата издателя «Le Nord», который получилъ его по ходатайству великаго кн. Константина Николаевича».

Приказано было произвести по этому поводу разслѣдованіе [1]).

А въ это время берлинская полиція не давала покоя Головину за два его паспорта: англійскій и русскій. Когда Головинъ просилъ Будберга защитить его отъ выходокъ нѣмецкой полиціи, Будбергъ отвѣтилъ, что сдѣлать это проще всего ему самому: стоитъ лишь поѣхать въ Россію. Головинъ на оборотѣ этой записки написалъ: «Г. Бутурлинъ говоритъ, что сочиненіе, которое сдѣлало карьеру г. Будберга, написано не имъ. Довести берлинскую полицію до того, что она меня высылаетъ и потомъ отказываться защитить меня—значитъ бросить меня въ руки Англіи! О, дипломатъ!»—и отправилъ ее въ посольство. Документъ этотъ попалъ въ III Отдѣленіе и былъ представленъ государю. Послѣдній написалъ на немъ: «il doit être fou!»...

Кромѣ того, Головинъ особо отвѣтилъ Будбергу, что паспортъ ему выданъ на годъ, въ теченіе котораго онъ въ правѣ быть гдѣ ему угодно и что онъ снова вынужденъ перейти подъ покровительство Англіи въ лицѣ лорда Блумфильда, англійскаго посланника въ Берлинѣ.

Но это была только угроза. Головинъ все еще не терялъ надежду получить «милостивое прощеніе» непосредственно изъ рукъ монарха, для чего и выпустилъ книжку «Молодая Россія», вышедшую въ свѣтъ осенью 1858 года въ Лейпцигѣ.

Книжка посвящена «студентамъ русскихъ университетовъ», къ которымъ Головинъ обращается, между прочимъ, съ слѣдующими словами: «Господа! меня бранятъ студентомъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись—мой девизъ. Меня любятъ дѣти, а ненавидятъ большіе. Заступитесь! На васъ надежда Россіи, запрягитесь за матушку и вытащите ее изъ грязи невѣжества и крѣпостного состоянія!..» Предисловіе достаточно неумное, чтобы расположить молодежь къ игнорированію всего остального. Самое содержаніе книжки очень безцвѣтное и сумбурное. Въ ней было очень много пріятнаго по адресу государя и не мало непріятнаго для окружавшихъ его вельможъ, отнесшихся, впрочемъ,

---

[1]) Оказалось, что въ дѣлахъ морского министерства имѣлась такая записка Константина Николаевича къ Горчакову отъ 29 мая 1857 г. изъ Ганновера: „Препровождая В. С. записку, поданную мнѣ редакторомъ журнала „Le Nord“ которому великій князь особенно покровительствовалъ, желая сдѣлать изъ него противовѣсъ съ одной стороны „Колоколу“, съ другой—реакціонной партіи въ Россіи—*М. Л.*.) о двоюродномъ братѣ его, Георгіи Погенполѣ, прошу васъ обратить на оную ваше благосклонное вниманіе и сдѣлать для него все, что изволите признать справедливымъ и возможнымъ“. Изъ бесѣды съ Горчаковымъ кн. Долгоруковъ увидѣлъ, что Погенполь былъ совсѣмъ въ иномъ положеніи, нежели Головинъ. Онъ уѣхалъ за-границу въ 1850 г. безъ паспорта и 6 лѣтъ служилъ матросомъ на китобойномъ суднѣ. Въ маѣ 1857 г. братъ его, редакторъ „Le Nord“, просилъ великаго князя оставить его себѣ въ помощь по газетѣ—и бѣглецу былъ выданъ заграничный паспортъ.

къ книжкѣ довольно равнодушно, потому что имъ было извѣстно полное отсутствіе какого бы то ни было вліянія Хлестакова. А хлестаковщины въ ней было довольно. Напримѣръ, Головинъ совершенно не постѣснялся написать: «Мы совѣтовали въ 1843 г. въ руководствѣ политической экономіи уничтожить слово «души», и оно исчезло изъ употребленія. Если это сдѣлано по нашему совѣту, мы не просимъ за это ни гроша, ни креста, а только желаемъ, чтобы наши мысли служили и дальше». Между тѣмъ «души» долго еще оставались опредѣленнымъ всѣми употреблявшимся выраженіемъ. Или, напримѣръ, такое смѣлое утвержденіе: «Мнѣ кричали во время оно: не выноси сора изъ избы! Я таки вынесъ его не мало, пожалуй, скоро и не останется»... Вся книжка состоитъ изъ очень небольшихъ главъ, въ которыхъ безъ всякой связи сказано по нѣсколько строкъ о государѣ, арміи, просвѣщеніи, цензурѣ, откупахъ, духовенствѣ, земледѣліи и промышленности, взяткахъ и пр., и пр. Книга не имѣла никакого успѣха и была почти никому неизвѣстна въ Россіи.

25 ноября Головинъ пишетъ по-французски императрицѣ:

«Государыня (Madame), глупость, коварство и зависть собираютъ новую бурю надъ моей головой, но я обязанъ Россіи и, если вашему величеству угодно, побѣда останется на сторонѣ добрыхъ намѣреній. Моя честь требовала опубликованія моихъ мемуаровъ до отъѣзда. Я желалъ бы, чтобы государь императоръ прочиталъ мою «Молодую Россію» и убѣдился бы, что есть люди, которые изъ любви къ славѣ не нуждаются ни въ чинахъ, ни въ орденахъ, ни въ жалованьѣ. Моему паспорту не истекъ еще годовой срокъ и если не хотятъ замѣнить его другимъ, для окончанія нѣкоторыхъ моихъ работъ, которыя я считаю полезными, то, по крайней мѣрѣ, пусть имѣютъ терпѣніе дождаться мая. Иногда легче преодолѣть большія опасности, чѣмъ побѣдить малыя препятствія. Я ходатайствую передъ вашимъ величествомъ объ одномъ словѣ въ мою пользу передъ августѣйшимъ вашимъ супругомъ, который, повѣрьте мнѣ, не имѣетъ много друзей по убѣжденіямъ, и прошу васъ принять увѣреніе и т. п.».

Письмо это повелѣно было государемъ оставить безъ послѣдствій, а Долгоруковъ приказалъ немедленно достать «Молодую Россію».

20 января 1859 г. Головинъ пишетъ (по-французски) государю:

«Мнѣ не надо было переѣзжать черезъ русскую границу, чтобы убѣдиться, что дарованная вами неограниченная амнистія, имѣетъ ограниченія. Мнѣ не только не хотѣли дать паспорта на пребываніе извѣстнаго времени за границей, къ чему меня вынуждаютъ личныя обстоятельства, но отказали даже упомянуть въ немъ о чинѣ, коимъ я обязанъ своему образованію, и о правахъ, полученныхъ мною по рожденію. Ваши слуги, заходя въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи дальше вашихъ намѣреній хотятъ сравнять колыбель съ могилой. Когда вашему величеству угодно будетъ уважить свое императорское слово, ваша милость найдетъ меня уже въ новомъ изгнаніи, навязанномъ мнѣ моими врагами, и я слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ чувствѣ справедливости, чтобы думать, что эта милость заставитъ себя долго ждать. Мнѣ не первый разъ свидѣтельствовать свое прекло-

неніе передъ вами. Продолжайте, государь, благодѣтельствовать вашъ народъ. Мое собственное несчастіе никогда не заставитъ забыть общественное благо и не помянуть васъ въ своихъ молитвахъ».

16 января Александръ II прочелъ это письмо и... только.

Съ начала 1859 года Головинъ сталъ издавать въ Берлинѣ журналъ «Благонамѣренный,» на русскомъ языкѣ, небольшими книжками. Въ редакціонномъ заявленіи, почему-то напечатанномъ только въ третьемъ номерѣ, Головинъ заявлялъ: «Титулъ нашъ скроменъ. Мы не имѣемъ претензіи быть путеводною звѣздою [1]), и если намѣренія не составляютъ исполненія, то мы не Атласъ, не можемъ вынести свѣтъ на нашихъ плечахъ. Мы приносимъ только нашъ камень къ общему зданію; на другихъ лежитъ обязанность насъ поддержать. По мѣрѣ ихъ сочувствія и содѣйствія разовьется успѣхъ нашего предпріятія... «Благонамѣренный» не для всѣхъ писанъ; но что касается до тѣхъ, которые хотѣли бы провести черту по нашей дѣятельности, то они невольно намъ напоминаютъ стихи Беранже:

«Les insensés se disent: le ciel est beau
«Soufflons sur sa gloire, comme au grand jour
«On éteint un flambeau [2]).

Впослѣдствіи, въ десятомъ номерѣ, вышедшемъ уже въ 1861 г. и не въ Берлинѣ, а въ Лейпцигѣ, Головинъ помѣстилъ еще одно свое profession de foi. «*Благонамѣренный*» желаетъ общее благо, а не частное, свободу въ порядкѣ и порядокъ въ свободѣ, что и составляетъ гармонію государственную. Если имя его приняло другое значеніе, то было время не одной Греціи, гдѣ слова добродѣтель и порокъ перемѣнили свое значеніе. «*Благонамѣренный*» не пессимистъ и не оптимистъ, онъ не смотритъ въ увеличительное стекло ни на добро, ни на зло, не увлекается несбыточными надеждами и не предается безплодному отчаянію. Еще менѣе трезвонитъ онъ поношеніе и ругательство [3]). Онъ знакомитъ Россію съ иностранными порядками и проповѣдываетъ не хвастовство національное, а начало общечеловѣческое. У насъ двѣ цѣли или, лучше сказать, одна: благо общее. Но благо общее одни поставляютъ въ соціализмѣ, другіе въ радикализмѣ, третьи въ самоволіи. Слѣдовательно, сказавъ, съ кѣмъ мы не идемъ, мы опредѣлимъ, кто можетъ итти съ нами. Мы не идемъ ни съ кн. Паскевичемъ, ни съ гр. Шуваловымъ, мы не хотимъ англійской аристократіи, она основана на майоратахъ, а майоратъ основанъ на предположеніи, что старшій сынъ способнѣе младшихъ, потому что ихъ родители были при ихъ зачатіи въ большей силѣ тѣлесной и умственной, не взирая на то, что отцу могло быть 18 или 20 лѣтъ, когда у него родился старшій, а 40, когда родился младшій сынъ. Мы станемъ скорѣе за стремленіе награждать болѣе младшаго сына, какъ слабѣйшаго. Мы не идемъ съ Кошелевымъ, утверждающимъ, что вся Россія убѣждена, что одно самодержавіе можетъ упрочить порядокъ

[1]) Намекъ на „Колоколъ“ Герцена.

[2]) Безумцы говорятъ себѣ: небо прекрасно, угасимъ его славу, какъ среди дня гасятъ факелъ.

[3]) Снова намекъ на „Колоколъ“ Герцена.

и благосостояніе. Мы за народную представительность, но противъ заговоровъ и насилій. Мы желаемъ, чтобъ самъ Государь убѣдился, что намъ нуженъ коренной законъ и что мнѣнія должны быть уважены, такъ чтобы никто не могъ пострадать за свои убѣжденія. Мы допускаемъ, что республика была бы у насъ какою то политическою распутницею, а потому мы не за одно съ ея проповѣдниками. Мы откормленныхъ волковъ предпочитаемъ голоднымъ. Прибавьте, если хотите слово *прогрессистъ* къ нашему титулу и продлите намъ вашу благосклонность въ ариѳметической или въ геометрической прогрессіи».

«Благонамѣренный» выходилъ въ очень неопредѣленные сроки и свои двѣнадцать книжекъ растянулъ на четыре года, начавшись въ 1859 г. и окончившись въ 1862 г.

Всѣ книжки состояли изъ сочиненій самого Головина, самозванно подписывавшагося иногда «князь Ховра». Первая книжка издана была подъ заглавіемъ: «Руководство къ торговлѣ» и посвящалась извѣстному тогда откупщику Кокореву; вторая «Англійскія тѣни», третья «Записки русскаго гусара» и комедія «Аралъ», четвертая содержала давно обѣщанное Головинымъ сочиненіе: «Исторія Фердинанда VII, короля испанскаго», пятая «Свѣтская философія или книга жизни», что то нѣчто въ родѣ руководства по гигіенѣ и физіологіи, шестая и седьмая (уже 1860 года) «Исторія французской революціи», восьмая «Географическія изученія» (подъ псевдонимомъ И. Ниволга), девятая «Германія и нѣмцы», десятая «Наука финансовъ. Исторія двухъ милліоновъ», одиннадцатая «О живописи и живописцахъ» и двѣнадцатая «Чтенія объ уголовномъ правѣ». Каждое изъ названныхъ сочиненій поражаетъ своей хлестаковской болтовней и полной безсодержательностью. Въ концѣ каждой книжечки нѣсколько страницъ внѣшней и русской хроники и библіографіи.

Это типичный результатъ самой болѣзненной графоманіи, и немудрено поэтому, что издателя на журналъ не нашлось и Головину пришлось вести его на свои деньги въ убѣжденіи, что онъ создаетъ большое дѣло. Подписка шла изъ рукъ вонъ плохо. Настолько плохо, что въ восьмомъ номерѣ Хлестаковъ вдругъ рѣшилъ отступить отъ своего литературнаго тезки и на народѣ покаяться. Сначала онъ напечаталъ такое свое письмо, полученное якобы отъ какого то *В. П.*: «Милостивый Государь! Васъ не оцѣняютъ въ Россіи; но оцѣнили ли васъ въ двадцать лѣтъ вашего пребыванія за границею? Когда вы издали *Духъ политической экономіи* въ Парижѣ, вамъ говорили: «у насъ довольно своихъ экономистовъ» (Росси итальянецъ). Когда вы издали *Науку политики*, журналы писали: «послѣ Руссо ничего въ этомъ родѣ не можетъ быть новаго». (Я это читалъ въ «Revue Indépendante»). Когда же вы написали «Le Russie sous Nicolas» васъ перепечатали и перевели нѣмцы, ибо тогда еще не было международнаго договора запрещающаго поддѣлку [1]). Въ Англіи васъ хвалили, покуда вы не становились въ рядъ англійскихъ писателей, а когда вы въ Америкѣ задумали издавать журналъ» Europeau Mail », какой то колбасникъ написалъ, что это будетъ русскій па-

[1]) Т. е. литературной конвенціи.

штетъ съ юфтовымъ соусомъ. Вы посятили *Руководство къ торговлѣ* Кокореву, а онъ такъ запуганъ, что и не посмѣлъ обратить на него вниманіе, и мы глотаемъ желчь Искандера, думая, что онъ такъ богатъ, что пишетъ изъ убѣжденія, а не изъ за денегъ, но tout vient à point à qui sait attendre и вашихъ читателей не надо считать, а вѣсить. Итакъ, не переставайте!»

Затѣмъ шелъ отвѣтъ Головина: «Благодарю за участіе, но не составляю себѣ иллюзій насчетъ моей популярности. Откуда могла она произойти? Я двадцать лѣтъ бранилъ все въ Россіи, не однихъ взяточниковъ, но и барынь и литераторовъ, а за истину благодарности ждать нельзя. Если я и перенесъ кое что за общее дѣло, за прогрессъ, то все таки меня не *оттаскали*, не сломили и даже не успѣли оклеветать, а жизнь за границей, немного репутаціи, пріобрѣтенной въ кругу французскихъ или итальянскихъ или польскихъ мыслителей сдѣлали мнѣ болѣе завистниковъ, нежели друзей. Спаси, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ я самъ спасусь. Лѣтъ черезъ тридцать, можетъ быть, отдадутъ и мнѣ справедливость, а покуда популярность принадлежитъ тѣмъ, которымъ мнѣ завидовать нельзя, ни по происхожденію, ни по стремленію. *Гдѣ намъ съ ними!*»

Ясно, какъ страдалъ Головинъ, видя свой полный неуспѣхъ, какъ мало понималъ онъ истинную его причину, и какъ негодовалъ на Герцена и его друзей, бывшихъ какъ разъ въ апогеѣ своей славы и необыкновенной популярности.

30 января (н. ст.) 1859 г. Головинъ писалъ Ивану Матвѣевичу Толстому:

„Весьма странно, что бар. Будбергъ заставилъ меня съ моею амнистіею прибѣгнуть подъ покровительство посольствъ англійскаго и американскаго. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этого дѣло личное и уничтожить такимъ образомъ то, что повелѣлъ Государь Императоръ. Развѣ только поведеніе г. Фонтона въ гамбургскомъ банкѣ скандалезнѣе этого. Вамъ угодно было меня спросить, какимъ образомъ я понялъ, что мнѣ слѣдовало покориться? Я вамъ скажу на это, что я пріѣхалъ въ Берлинъ съ 30 франками и что братъ мой оставилъ меня съ 40 франками. Это не касается правительства. Равнымъ образомъ въ томъ, что я просилъ паспортъ, дѣло касалось меня и, когда я былъ въ состояніи возвратиться въ Россію, баронъ Будбергъ объявилъ берлинской полиціи, что у меня два паспорта, какъ будто бы это былъ случай двоеженства. Какъ бы не была мала моя дѣятельность, я не могу и не долженъ мѣнять ее на еще малѣйшую. Я не игрокъ и не могу предоставить случаю вопросъ о томъ, въ качествѣ кого я долженъ возвратиться въ Россію, да и это качество должно быть прописано въ паспортѣ. Я бы желалъ, чтобы другіе имѣли столько искренности, сколько ее у меня всегда было. Мой Севастополь держался долго и испыталъ двадцать лѣтъ осады и какую славу извлекли изъ этого мои противники?

„Никто не вѣритъ въ реформы, тогда какъ тѣ, которые ихъ требовали первыми, послѣдними вызываются изъ изгнанія. Въ одномъ письмѣ сообщенномъ мною г. Балабину, императорское правительство выразилось, что прошедшее забыто. Мнѣ нелегко забыть мои страданія, но тогда мнѣ слѣдовало-бы дать паспортъ дворянина, а не галерника. Я не зналъ, что нѣтъ *ни одного*

человѣка въ Россіи, который не долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ III Отдѣленію, но на основаніи Вашихъ словъ я оставилъ Англію и только тогда возвращусь туда, когда Вы мнѣ скажете, что Вамъ не позволяютъ сдержать своего слова".

30 января (ст. ст.) и это письмо было доложено Александру II княземъ Долгоруковымъ.

Головинъ долго ждалъ исхода своего дѣла и, наконецъ, думая, что всему мѣшаетъ баронъ Будбергъ, обрушился на него письмомъ по адресу Долгорукова отъ 8 мая.

„Изъ исторіи Лифляндіи видно, что Будберги измѣняли и Швеціи, и своимъ друзьямъ.

„Баронъ Будбергъ, нынѣ посолъ въ Берлинѣ, не кончилъ курса въ Domschule въ Ревелѣ, а посему и не имѣетъ элементарныхъ познаній. Товарищи его замѣчали, что онъ не одаренъ мужествомъ, а потому онъ всегда боится, чтобъ кто-нибудь его ударилъ.

„Будучи секретаремъ посольства, онъ отказываетъ въ паспортѣ въ Россію политическому выходцу, которому посолъ велѣлъ дать паспортъ, и тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе правительства. Потомъ подаетъ онъ за свой трудъ, писанный другимъ. Украшаясь такъ павлиными перьями, онъ вводитъ въ заблужденіе начальство о своемъ достоинствѣ.

„Баронъ Мейендорфъ снискиваетъ любовь всѣхъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ заслуживаетъ ненависть всѣхъ.

„Въ Вѣнѣ пріѣзжаетъ къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ гр. Адлерберга соотечественникъ нумизматикъ, служащій при герольдіи. Будбергъ ему говоритъ, что Россія слишкомъ велика, чтобы заниматься такими пустяками (künstelein).

„Съ барономъ Симони онъ говоритъ объ Шлезвигѣ, и спрашиваетъ его гдѣ онъ набрался столько учености. Такъ какъ это было сказано съ колкостью, то Симони и отвѣтилъ ему колко, а баронъ Будбергъ представилъ графу Орлову отдать его подъ надзоръ полиціи въ то самое время, когда король прусскій назначилъ его своимъ камергеромъ.

„Съ врожденною ненавистью ко всякому прогрессу, баронъ Будбергъ долженъ былъ имѣть непріятное столкновеніе съ Головинымъ. Недолго передъ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы комедія Вольфсона „Душа" была запрещена, и только князь Лобановъ помогъ сочинителю. Имѣя непріятное сообщеніе для Головина, онъ могъ его сдѣлать письменно, а кланяться палкою на улицѣ и высылать его изъ Берлина было верхъ неистовства".

Черезъ пять дней Головинъ пишетъ Толстому изъ Висбадена, что назначеніе гр. Строганова одесскимъ генералъ-губернаторомъ наполняетъ радостью всѣхъ, проситъ визировать его англійскій паспортъ и непремѣнно отвѣтить. И это письмо было доложено государю.

Не прошло мимо послѣдняго и письмо Головина къ князю Суворову, въ которомъ, жалуясь на произволъ остзейцевъ, подъ которыми разумѣлся Будбергъ и другіе, онъ просилъ заступничества. Его приказано было оставить безъ послѣдствій. Такая же участь постигла и обращеніе за помощью къ одному изъ вліятельныхъ чиновниковъ III Отдѣленія, Кранцу. Когда же Головинъ, обратился къ гр. Строганову

съ просьбой опредѣлить его на службу, подъ его начальствомъ, новороссійскій и бессарабскій сатрапъ просилъ Долгорукова не дѣлать этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ имѣть у себя такого подчиненнаго... Видя неудачу по всѣмъ фронтамъ, Головинъ снова 26 сентября написалъ самому государю очень льстивое посланіе, въ концѣ котораго умолялъ дать ему паспортъ съ приписаніемъ чина и званія. Александръ II приказалъ, «оставить безъ послѣдствій».

VIII.

Въ концѣ 1859 г. Головинъ рѣшилъ жениться. Его невѣста дочь генералъ-лейтенанта, Александра Гессе, 7 ноября 1859 г. обратилась къ государю съ такой телеграммой: «Имѣю честь просить Васъ разрѣшить мнѣ выйти замужъ за Ивана Головина. Въ виду приближенія поста, беру на себя смѣлость просить объ этомъ по телеграфу». Государь приказалъ сообщить ей, что выборъ мужа вполнѣ зависитъ отъ нея, но и объяснить ей истинное положеніе эмигранта. При этомъ въ дѣлѣ имѣется такая записка Долгорукова: «Не извѣстно ли у насъ, кто дѣвица Гессе, о которой прилагаемую записку (телеграмму съ отвѣтомъ государя) отправить неотлагательно. Если неизвѣстно, въ такомъ случаѣ спросить о ней посланника Северина по почтѣ». Вскорѣ стало извѣстно, что жена генерала Гессе, отправилась въ 1855 г. за границу съ тремя дочерьми, изъ нихъ одну звать Александрой. По всей вѣроятности, это семья начальника рижскаго таможеннаго округа. Этого было мало. Дождались отъ Северина слѣдующаго отвѣта: «Князь Иванъ Головинъ, натурализованный британскій подданный прибылъ сюда съ англійскимъ паспортомъ и съ удостовѣреніемъ императорскаго посольства во Франкфуртѣ-на-Майнѣ о переходѣ Гессе въ православіе; сначала этотъ изгнанникъ-памфлетистъ, явился къ архимандриту греческой церкви въ Мюнхенѣ, прося обвѣнчать его съ названной дѣвицей. Привыкнувъ обращаться ко мнѣ во всѣхъ дѣлахъ, достойный пастырь поспѣшилъ подѣлиться со мной своими сомнѣніями и нежеланіемъ исполнить просьбу. Съ другой стороны, онъ сознавалъ, что религіозный долгъ не позволяетъ ему отказать, разъ соблюдены всѣ требованія закона. Я не колеблясь укрѣпилъ его въ этомъ послѣднемъ мнѣніи. Въ промежуткѣ времени, получивъ депешу отъ вашего сіятельства, я исполнилъ ее, какъ мнѣ было велѣно. Несмотря на предупрежденіе, которое я счелъ долгомъ сдѣлать, истолковавъ въ этомъ смыслѣ ваше замѣчаніе о *положеніи* жениха, бракъ состоялся. Новобрачная не замедлила прислать мнѣ прилагаемое письмо, которое я считаю долгомъ препроводить вамъ. Они ѣдутъ въ Штутгрaдтъ. Надѣюсь, что тамъ и распутается вопросъ *о русскомъ паспортѣ и безусловномъ возвращеніи на родину*, о чемъ мнѣ говорилъ самъ Головинъ съ полной увѣренностью. Самъ я не счелъ возможнымъ дать ходъ этому за отсутствіемъ приказаній и болѣе основательныхъ свѣдѣній».

Бумага эта была доложена государю.

Александра Головина просила Северина благодарить черезъ Дол-

горукова государя за разрѣшеніе брака и сообщила, что мужъ ждетъ только паспорта съ указаніемъ чина и званія.

Черезъ два дня III Отдѣленію сообщили, что въ № 277 «Neue Prussische Zeitung» была напечатана корреспонденція изъ Мюнхена съ разсказомъ о свадьбѣ Головина и съ приведеніемъ телеграммы государя: «Мое императорское родительское благословленіе; все забыто и прощено». Долгоруковъ взволновался и предписалъ Северину немедленно навести справки, кто авторъ лживой корреспонденціи. Взволнованный Северинъ отвѣчалъ, что телеграмма съ отвѣтомъ государя не выходила изъ его собственныхъ рукъ, была прочтена брату невѣсты и спрятана, что семья Гессе живетъ въ Мюнхенѣ.

Женившись, Головинъ повидимому, не думалъ уже о возвратѣ въ Россію. По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ вступать по этому поводу съ кѣмъ бы то ни было въ переписку и пререканія. Письмо же, посланное 2 іюля 1860 года И. М. Толстому, убѣждаетъ въ предположеніи, что возвращеніе въ Россію не было настойчивымъ желаніемъ Головина. Вотъ оно:

«Милостивый Государь, Иванъ Матвѣевичъ! Что сдѣлала вамъ Россія, чтобъ вы ее губили? Она васъ покрыла почестями, богатствами, а вы заставляете краснѣть всякаго русскаго! Отъ нѣмцевъ мы отстали, а къ французамъ не пристали. Вашъ дѣдушка видалъ, какъ мужички наши ходили съ вилами на французовъ, а теперь вы ходите съ штуцерами да съ взводами на медвѣдей. Не вы, такъ другіе, опомнитесь, покуда время! Турцію хочется, да колется нечистая. Валялись мы въ ногахъ Наполеона, да не помогло, требуетъ Польши, а мы шагъ впередъ да два назадъ, дома какъ и за моремъ. Такъ мало поняли и духъ времени и рыцарство Гарибальди, что заступаемся за Бурбоновъ. Всеподданнически гніемъ въ болотѣ да зацѣпляемся за отжившихъ свой вѣкъ. Не поняли вы Наполеона!

«Вѣдь государь уничтожилъ ботфорты, ему ли влѣзать въ отцовскіе сапожки! Виноватъ, что докучаю, но дѣло не обо мнѣ, а объ родинѣ. Быть ли ей или не быть? О, лучше смерть въ бою, чѣмъ жизнь безчестна!

Ив. Головинъ».

Свои сношенія съ русскимъ правительствомъ Головинъ возобновилъ 20 января 1861 г. и на этотъ разъ въ лицѣ государя. Онъ писалъ ему по-французски:

«Ваше императорское величество. Сегодня Богъ даровалъ мнѣ ребенка и я спрашиваю себя, захочетъ ли Ваше величество, чтобы и онъ несъ мою кару? Кару—за какое же преступленіе? За то, что я издалъ политическую экономію, когда ваше правительство само до извѣстной степени поощряетъ печатаніе такихъ сочиненій за границей. Или за то, что я боялся вернуться въ Россію при Вашемъ августѣйшемъ отцѣ да и въ ваше царствованіе, когда передатчикомъ вашей милости явился Будбергъ, натравлявшій на меня полицію того государства, при которомъ онъ былъ акредитованъ? Отказываюсь вѣрить, чтобы отъ этого должна была страдать и моя жена, которая знала мои чувства къ вамъ и вѣрила въ вашу доброту.

Поэтому прошу Ваше Величество обезпечить право невинныхъ, которые будутъ чтить васъ, несмотря ни на что, но которыхъ легче будетъ воспитать въ чувствахъ благоговѣнія и преданности къ вамъ, ежели они будутъ имѣть передъ собой касающійся ихъ лично актъ справедливости. Если я говорю «справедливость» государь, то это потому, что слишкомъ васъ уважаю, чтобъ называть милосердіемъ прощеніе невинныхъ».

Но и это письмо Александръ II приказалъ оставить безъ послѣдствій...

Между тѣмъ матеріальное положеніе Головина было не изъ блестящихъ... Онъ пробовалъ привлечь симпатію со стороны министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева незадолго передъ тѣмъ назначеннаго на этотъ постъ и еще никогда не получавшаго Головинскія письма.

„Ваше Превосходительство! Пожалуйте мнѣ медаль за освобожденіе мужиковъ. Я двадцать лѣтъ трудился надъ этимъ вопросомъ и не моя вина, если крестьянамъ дали столько земли, что они господскую обрабатывать не хотятъ.

„Вы значительно облегчите положеніе, дозволивъ, чтобъ свидѣтельства за землю продавались и не дворянамъ.

„Во дни общественнаго испытанія въ Англіи предписывается народный постъ. Я всегда замѣчалъ, что эта мѣра ведетъ за собой благословеніе Господне. Зачѣмъ не прибѣгать къ ней и у насъ? Въ настоящее время она смягчила бы сердца и навела бы умы на средства спасенія. „На Бога уповай, а самъ не плошай". Если мы перестанемъ платить контрибуцію Франціи, то Англія намъ въ этомъ поможетъ. Нужда солому ломитъ, не только тайные договоры.

„Двору нужны деньги. Прикажите продать Эрмитажъ да перестаньте брать милліоны, то изъ одной, то изъ другой казны.

„Уменьшите число праздниковъ. День праздный стоитъ государству столько четвертаковъ, сколько жителей.

„Покровительствуйте эмиграціи. Нѣмцы идутъ въ Балтійскія провинціи, эсты въ Россію, русскіе на Востокъ, татары въ Турцію, да та бѣда, что возвращаются. У насъ недостаетъ рукъ для новаго порядка вещей. Когда увеличится соревнованіе, тогда люди возьмутся за умъ. Въ сорокъ дней ничего не сдѣлаешь съ мужиками, которые въ триста дѣлали мало.

„Пожалуйте другія юстицію и полицію. Воспользуйтесь этимъ случаемъ, чтобы образовать третій классъ народа. Дайте ходъ всѣмъ и всему! Уменьшите армію, она насъ не спасла отъ позорнаго Парижскаго договора, она пожираетъ всѣ доходы, устройте внутреннюю защиту и сохраните одни кадры! Непросвѣщенное войско и числомъ своимъ не побѣдитъ.

„Я давно принялъ на себя роль мирового посредника между государемъ и народомъ, я и долженъ сказать, что неудовольствіе растетъ по мѣрѣ неисполненія ожиданій. Безъ радикальныхъ измѣненій вы не остановите начавшійся кризисъ. Чѣмъ долѣе отстрочатъ банкротство, тѣмъ оно будетъ страшнѣе. Царь не послушалъ дворянство, а теперь и крестьяне его не слушаютъ. На краю бездны паденіе.

„Примите изъявленіе моего глубочайшаго почтенія

Иванъ Головинъ".

Черезъ годъ, 1 марта 1862 г., жена Головина обратилась къ посланнику въ Дармштадтѣ, Лабенскому, со слѣдующимъ французскимъ письмомъ: «Ваше превосходительство, мой мужъ, Иванъ Головинъ, имѣлъ несчастіе потерять на разныхъ спекуляціяхъ наше маленькое состояніе. Въ настоящее время я и ребенокъ мой лишены всякихъ средствъ. У меня есть родственники въ Россіи и я хотѣла бы пожить у нихъ, пока мужъ не найдетъ возможность содержать насъ по-прежнему. Онъ также желалъ бы вернуться на родину, но я боюсь, что пока ему дадутъ позволеніе, пройдетъ слишкомъ много времени, мнѣ же совсѣмъ нечѣмъ жить за границей. Поэтому будьте такъ добры и любезны пришлите мнѣ русскій паспортъ».

Лабенскій снесся съ Петербургомъ. Государь разрѣшилъ удовлетворить просьбу Головиной. Тогда Головинъ написалъ князю Суворову, не можетъ ли онъ устроить и ему въѣздъ въ Россію. Суворовъ переслалъ прошеніе въ III Отдѣленіе. На немъ рукой Долгорукова: «Высочайше разрѣшено оставить это письмо безъ послѣдствій. Я уже сообщилъ кн. Суворову, что письмо это не заслуживаетъ отвѣта, такъ какъ Головину весьма хорошо извѣстны условія, на коихъ онъ можетъ возвращаться».

20 апрѣля 1862 г. Головинъ пишетъ государю по-французски:

„Государь, я слишкомъ много занимался дѣлами нашей родины, чтобы не знать, сколько добра вы ей сдѣлали. Мнѣ легко благословлять васъ. Поэтому, если, критикуя дѣйствія императорскаго правительства, я въ своихъ нападкахъ когда либо коснулся особы вашего императорскаго величества, заявляю, что перо мое пошло дальше моей мысли. Если я позволилъ себѣ личныя нападки, выходившія изъ области общественныхъ интересовъ, прошу прощенія у тѣхъ, кого обидѣлъ. У всѣхъ насъ слишкомъ много серьезнаго дѣла, для того, чтобы теряться въ мелочахъ. Я охотно внесъ бы мой личный опытъ въ составленіе законовъ о русской печати и въ реформы нашихъ университетовъ. Я такъ много пользовался и злоупотреблялъ одной и такъ много времени потерялъ въ другихъ, что долженъ былъ изучить и сильныя и слабыя ихъ стороны. Не въ моей власти было, государь, стать полезнымъ нашей родинѣ иначе, какъ путемъ гласности. Такъ, по возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ я обратилъ вниманіе его имераторскаго высочества великаго князя Константина Николаевича на бронированные суда и форты, и послѣднія событія въ Америкѣ доказали, сколько времени можно было бы выиграть, оставивъ деревянные корабли для торговли и давъ этой послѣдней дѣйствительную защиту, въ видѣ бронированнаго флота. Если я въ свое время не воспользовался амнистіей, то это только потому, что къ вашей милости примѣшано было униженіе. Я и теперь былъ бы счастливъ посвятить остатокъ дней своихъ благу нашей родины. Удостойте же, государь, указать мнѣ мѣсто, гдѣ я могу быть наиболѣе полезнымъ и вѣрьте въ глубину искренней моей преданности“.

Резолюція по этому письму уже нѣсколько иная, чѣмъ всѣ прежнія: «принять къ свѣдѣнію»... Что бы это значило? Не думали ли воспользоваться Головинымъ для какой нибудь надобности?.. Въ дѣлѣ нѣтъ, однако, ничего, чтобы подтверждало такое предположеніе. Головинъ, повидимому, смирился съ разлукой съ семьей и молчалъ.

Только 18 января 1864 г., изъ Парижа онъ писалъ князю Суворову:

„Еще много предстоитъ невинныхъ и ненужныхъ жертвъ по польскому вопросу съ обѣихъ сторонъ.

„Правительство вызываетъ изъ-за границы всѣхъ уроженцовъ западныхъ губерній и они поневолѣ возвращаются, чтобъ увеличить число повстанцевъ. Всѣ повинуются предписаніямъ народнаго жонда; можно сказать по правдѣ, что одни негодяи внѣ всеобщаго движенія. Всѣ чувствуютъ себя глубоко обиженными поведеніемъ защитниковъ порядка. Самые знатные дворяне получаютъ оплеухи отъ русскихъ офицеровъ, разыгрывающихъ роль охотныхъ жандармовъ. Признанные консерваторы готовы принести жизнь въ жертву отечеству.

„Графъ Андрей Замойскій, такой консерваторъ, что при словѣ „революціонеръ" приходилъ въ содроганіе, потерялъ жену, сына и лежитъ при смерти. Половина жестокостей, въ которыхъ укоряютъ поляковъ, выдуманы и не имѣютъ никакого основанія. Большинство не питаетъ никакой вражды къ русскимъ, не вѣритъ, что Россія захочетъ задушить Польшу подъ бременемъ штыковъ, и оставляютъ не только Кіевъ въ покоѣ, но довольствовались бы однимъ королевствомъ, еслибъ могли дать ему права балтійскихъ губерній. Другіе же объясняютъ, что Россія сама обозначила границы Польши, гдѣ только объявила осадное положеніе. Изъ одной Могилевской губерніи послано въ ссылку 8000 человѣкъ. Всѣ говорятъ, что покойный государь имѣлъ къ смертной казни отвращенія болѣе настоящаго и обращалъ болѣе вниманія на мнѣніе Западной Европы.

„Нѣтъ, герой не бываетъ палачемъ, никогда бы вашъ дѣдъ не одобрилъ Муравьева.

„Вотъ настоящее положеніе дѣлъ. Всѣ люди долговидные говорятъ, что сильному надо уступить, слабые же пойдутъ всѣ на смерть съ весною. Россія и безъ Польши останется европейскою державою, а теряетъ ее, губя ея народонаселеніе.

„Вотъ голосъ истины, который не услышите отъ наемныхъ слугъ. Имѣйте духъ довести его до государя и потомство васъ благословитъ".

Суворовъ исполнилъ просьбу Головина. Александръ II оставилъ эти совѣты безъ вниманія.

Въ февралѣ Головинъ просилъ Долгорукова защитить его жену отъ грабительства какого-то Бабушкина, женатаго на баронессѣ Штакельбергъ, и обѣщалъ въ случаѣ взысканія съ него 1240 гульденовъ, дать 100 рублей на инвалидовъ.

Затѣмъ въ августѣ онъ написалъ Долгорукову, что только-что узналъ, какъ ошибался въ оцѣнкѣ барона Будберга: оказывается, онъ и не требовалъ отъ прусской полиціи высылки его изъ Берлина, а, наоборотъ, дважды ей сопротивлялся. Поэтому теперь проситъ не гнѣваться на все имъ сдѣланное и принять изъявленіе полной своей виновности. А 20 декабря онъ снова просилъ самого государя о возвращеніи въ Россію, на что послѣдовала обычная резолюція: «оставить безъ послѣдствій»...

Прошло еще полгода, и Головинъ пишетъ Суворову:

„Князь Александръ Аркадьевичъ, говорятъ, что Пожарскій спасъ Россію отъ поляковъ, кто то спасетъ ее отъ пожаровъ.

„Ищешь людей, а встрѣчаешь гулякъ пламенныхъ.

„Съ монаршимъ милосердіемъ я дальше Берлина ѣхать не могъ и опять у вашихъ ногъ.

„Жена и дочь въ Россіи. А еслибъ я пріѣхалъ, куда вы меня посадите: въ крѣпость или на гауптвахту? Отъ комиссіи прошеній отвѣта не дождешься. Дайте точку опоры и я поворочу чѣмъ нибудь. Aux grands meux, les grand remède. Но если посулятъ и милліонъ за открытіе заговора поджигателей, то безъ средствъ на это не сдѣлаешь. Его надо искать между раскольниками и поляками; въ Могилевской губерніи должны быть данныя. Что Муравьевъ не потушилъ пожара, а зажегъ его—для меня ясно. Прикажите!

„Наполеонъ выстроилъ римскую машину метать камни. Что бы помѣшать льду на огонь. Вся моя энергія издерживается ни на что. Съ галуномъ на воротникѣ я бы мало принесъ вамъ пользы въ нѣмецкой странѣ.

„Да не затрогиваютъ они народъ въ Польшѣ, да не крестятъ они его силой, да не понуждаютъ говорить по-русски, а не то вспыхнетъ пламя, которое не потушишь. Какой политической опытности ожидать отъ издателей „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Инвалида!“ Il faut savoir vivre avec ses ennemis. Польша—болячка Россіи, а не гнилой зубъ, который можно вырвать. Мы съ каждымъ днемъ лечимся отъ нашего большого недостатка: юности, но какъ бы намъ не потерять избытка нашихъ силъ и не впасть въ преждевременную хилость. Приказчикомъ быть легко, указчикомъ труднѣе. Баронъ Будбергъ такъ привыкъ врать, что у насъ съ нимъ разговоровъ быть не можетъ.

„Если мое время еще не пришло, то я буду знать, жертвовать жизнью и ждать, но если я могу быть полезенъ, то я хочу вамъ однимъ быть обязанъ примиреніемъ моимъ съ родиной“.

На этомъ письмѣ, посланномъ Суворовымъ въ III Отдѣленіе, снова резолюція: «принять къ свѣдѣнію»... Неужели готовы были прислушаться къ этимъ совѣтамъ?..

Одновременно Головинъ писалъ наслѣднику и просилъ привести въ ясность его отношенія къ правительству.

Но все было тщетно... Время шло... Головины жили врознь...

10 марта 1866 г. онъ пишетъ государю: «Ваше императорское Величество, Государь Всемилостивѣйшій! Комиссія прошеній всегда отвѣчаетъ на письма къ Вашему Величеству наперекоръ и все видитъ просьбы объ изъятіи, когда требуютъ только приложенія закона. Два нѣмецкіе барона: Будбергъ да Фелькерзамъ засѣдаютъ въ Парижѣ, два другіе: Бергъ и Брунновъ въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ хоть графъ Штакельбергъ. Всѣхъ нѣмцевъ не перечтешь. Чувство русскаго страдаетъ отъ систематическаго предпочтенія нѣмцевъ русскимъ, точно Ваше Величество не Романовъ, а Гольштейнъ-Готорнъ. Вѣрно, и Горчаковъ и Долгоруковъ нѣмцы, коли ихъ терпятъ Адлерберги. Кореннымъ русскимъ подобаетъ быть въ изгнаніи. Съ чувствомъ глубокаго прискорбія имѣю честь быть, Государь, вашъ рабъ *Иванъ Головинъ*».

Когда Шуваловъ вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ принялъ

мѣсто Долгорукова, Головинъ просилъ его помочь вернуться въ Россію, но не получилъ никакого отвѣта.

Черезъ мѣсяцъ, въ іюнѣ 1864 г., Головинъ пользуется присутствіемъ въ Парижѣ Горчакова вмѣстѣ съ Александромъ II и обращается къ нему съ письмомъ, въ которомъ проситъ опредѣлить его на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, что дастъ ему матеріальную возможность жить какъ слѣдуетъ, прибавляя, что въ такомъ случаѣ легче будетъ вернуться и въ Россію. Почти одновременно имъ была подана Горчакову особая «записка», въ родѣ писавшихся уже раньше его товарищу, Толстому.

Привожу ее:

„У поляковъ шесть журналовъ за границей, у русскихъ одинъ: Ле Норъ, да и у того столько же связей съ Франціей, сколько съ Россіей. „Отголоски Русской Печати", какъ всѣ полиглотные журналы, почти не имѣютъ читателей. Нѣтъ событія, котораго бы поляки не истолковали въ свою пользу. сношенія ихъ въ Константинополѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ съ правительствами или съ людьми съ вліяніемъ многочисленны; у нихъ своя дипломатія, которая вредитъ русской. Поляки, преданные Россіи, или идутъ слишкомъ далеко, или не пользуются никакимъ уваженіемъ, или вовсе неспособны.

„Закрытіе „Колокола" удобный случай для основанія журнала въ Швейцаріи, если не во Франціи.

„Онъ поставилъ бы себѣ цѣлью сближеніе славянъ съ русскими, распространеніе русскаго вліянія на Западѣ, и такъ какъ Франція слишкомъ сильна, то онъ умѣрялъ бы это вліяніе.

„Касательно же русскихъ вопросовъ онъ поддерживалъ бы кредитъ въ Россіи, рекомендуя мѣры, которыя развиваютъ его. Онъ указывалъ бы на удобныя средства просвѣтить Россію какъ можно скорѣе. Трудами учеными онъ поднялъ бы славу русскаго ума. Такой журналъ могъ бы называться „Le Monde Slave" и не представилъ бы жалкую участь „La Nation". Во Франціи такое предпріятіе требовало бы 100.000 рублей, а въ Женевѣ 100.000 франковъ и окупалось бы на второмъ году. Король Ганноверскій и тотъ за умъ взялся, основавъ La literation". Бисмаркъ отъ него рвется во всѣ стороны.

„Повели Владыко!

Еще легче и дешевле было бы воскресить „L'Orient" въ Брюсселѣ и сдѣлать Востокъ вамъ подвластнымъ. Съ малыми средствами можно достигнуть великихъ цѣлей и съ точкою опоры перевернуть свѣтъ".

Несмотря на все это, на возвращеніе Головина въ Россію разрѣшенія не послѣдовало и послу приказано было никакого паспорта ему не выдавать...

Въ теченіе 1867 и 1868 гг. Головинъ довольно дѣятельно корреспондируетъ въ «Варшавскій Дневникъ», не найдя для своей работы болѣе чистаго мѣста. Сначала ему платили по 100 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ по 75, потомъ по 50 и, наконецъ, по 20... Денежныя недоразумѣнія съ редакторомъ «Дневника», генераломъ Павлищевымъ, Головинъ просилъ разрѣшить главноуправляющаго III Отдѣленіемъ. Послѣднее запросила редактора. Павлищевъ написалъ Головину, что думаетъ повысить его гонораръ, и пришлетъ ему задержанные 20 рублей...

6 февраля 1869 г. Головинъ чуть ли не въ десятый разъ обращается къ милосердію монарха.

«Ваше Императорское Величество, Государь Всемилостивѣйшій! Въ Васъ жалости немного. Я у Васъ прошу не чиновъ и не крестовъ, а позволенія сложить мои кости на родной сторонѣ. Примите въ разсмотрѣніе, что въ моемъ родѣ 160 человѣкъ положили животъ свой за родину. Знаменитый родъ Романовыхъ не представляетъ такого числа. Вашъ предшественникъ въ преобразованіи Россіи, Петръ, когда миловалъ, такъ миловалъ. Повели, Владыко! *Иванъ Головинъ*»

На этомъ письмѣ, какъ и на послѣдующихъ потомъ еще въ количествѣ восьми была все одна и та же резолюція: «оставить безъ послѣдствій».

Головина это не обезкураживало. 4 іюля 1877 г. онъ даетъ царю телеграмму: «Sire, permettez moi d'aller finir mes jours en Russie», но и ее повѣлено было оставить безъ отвѣта...

Послѣдній разъ Головинъ просилъ русское правительство о помилованіи въ лицѣ уже Лорисъ-Меликова, который и представилъ царю докладъ 18 сентября 1880 года, но, по прежнему, дѣло было проиграно,—и Головинъ такъ и умеръ за границей, кажется, въ 1883 году.

IX.

Въ этой послѣдней главѣ я хочу познакомить читателей съ отношеніемъ Головина къ Герцену, Бакунину и Огареву, какъ людямъ стоявшимъ во главѣ русской эмиграціи 50-хъ и 60-хъ годовъ. Мнѣ кажется, что это дастъ читателямъ еще нѣсколько данныхъ для характеристики эмигранта Хлестакова.

Статья Герцена, напечатанная въ майской книжкѣ, сама по себѣ является очень цѣннымъ матеріаломъ. Къ ней нужно сдѣлать лишь кое-какія дополненія.

Сначала Головинъ дѣлалъ все, чтобы сблизиться съ Герценомъ, но мы уже знаемъ, какъ мало это ему удавалось. Въ своихъ «Запискахъ» онъ самъ отмѣчаетъ, напримѣръ, такія детали: «У Гервега я вижу Герцена и прошу у него 200 фр. взаймы. Онъ вышелъ въ комнату, гдѣ были гости, чтобы дать мнѣ ихъ при свидѣтеляхъ»... «Когда пріѣхалъ Гервегъ, онъ предпочелъ его мнѣ и я поѣхалъ въ Брюссель». Головинъ очень кичился тѣмъ, что записалъ подъ диктовку Герцена его «Du developpement des idées revolutionnaires en Russie», но сдѣлано это было за гонораръ, которымъ Герценъ хотѣлъ избавиться отъ необходимости ссужать Головина.

Затѣмъ, видя, что отношенія порваны, Головинъ уже не отказывалъ себѣ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы лягнуть Герцена на страницахъ своихъ книгъ, брошюръ и писемъ.

Такъ, напримѣръ, въ письмѣ министру народнаго просвѣщенія отъ 16 августа 1858 г. по поводу неистовствъ цензуры, онъ говоритъ: «И что хотите вы достигнуть запрещеніемъ? Еслибъ сочиненія Герцена были позволены, то объ нихъ бы не заботились, ибо лите-

ратурнаго достоинства въ нихъ мало; но такъ какъ они запрещены, то ихъ и пожираютъ съ жадностью».

Въ «Молодой Россіи» есть особая глава—«Ле Норъ и Колоколъ», въ которой есть строки, поражающія своею наглостью, особенно если принять во вниманіе, что брюссельскій «Le Nord» былъ русскимъ полуоффиціозомъ, находившимся подъ особымъ покровительствомъ сначала великаго князя Константина Николаевича, а затѣмъ людей и вовсе не сочувствовавшихъ никакимъ преобразованіямъ.

«Ле Норъ занимается серьезными вопросами промышленности и политики, въ которыхъ онъ иногда достигаетъ не малаго достоинства; Колоколъ ругаетъ болѣе, нежели совѣтуетъ, или, какъ говорятъ иные, кусается, какъ бѣшенная собака. Ле Норъ миритъ Россію съ Европой; «Колоколъ» ссоритъ русскихъ съ русскими и называетъ русскихъ «a nation of flunkeys»... «Первый показываетъ удивительную тактику въ своемъ журналѣ, другой продолжаетъ изливать желчь, набранную имъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ».

«Ну что же Герценъ?—спросилъ я П-ва.—Пустой! Быта нашего не знаетъ, не вѣруетъ, а хочетъ, чтобъ православные его слушались... Въ Путнеѣ у него выходы, обѣды, съ которыхъ намъ переносятъ горячими его ругательства противъ насъ. Нашъ отвѣтъ на нихъ одинъ и тотъ же: «Онъ не изобрѣлъ пороху, но его боится».

Но особенно любопытно копыто, которымъ Головинъ лягнулъ Герцена уже спустя десять лѣтъ послѣ его смерти, когда умерли и Огаревъ и Бакунинъ, т. е. не было возможности получить въ отвѣтъ заслуженнаго крѣпкаго слова.

Я говорю о книжкѣ Головина —«Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin. Mit einer Einleitung über die Dekabristen», изданной имъ самимъ на порогѣ смерти, въ 1880 г., въ Лейпцигѣ.

Это произведеніе заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. [1])

Въ предисловіи, между прочимъ читаемъ:

«Я въ теченіе многихъ лѣтъ противостоялъ всѣмъ предложеніямъ написать что либо подобное этой книгѣ. Не успѣлъ я лѣтъ двадцать назадъ написать нѣсколько строкъ о Герценѣ, какъ онъ ужъ поднялъ крикъ о «моей болтливости». Поэтому мнѣ понадобилось время, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ и прійти къ убѣжденію, что все, рѣшительно все должно быть предано гласности, ибо человѣкъ, посвятившій себя общественной дѣятельности не принадлежитъ болѣе себѣ, но своимъ соотечественникамъ и согражданамъ. Конечно, у каждаго есть свои недостатки, но вѣдь «человѣку свойственно ошибаться», и надо лишь стараться поступать такъ, чтобы совѣсть наша не упрекала насъ. Во время моей близости съ *Герценомъ*, продолжавшейся много лѣтъ, мы обмѣнивались съ нимъ многими мыслями, и именно благодаря тому, что мы не всегда бывали согласны между собою, мнѣнія эти пріобрѣтаютъ особенную цѣнность. Мы не сдѣлались ни Шиллеромъ или Гете, ни Вольтеромъ или Руссо,

---

[1]) За переводъ его приношу свою благодарность И. Н. Леонтьеву.

но остались самими собою, и благодаря именно этому сохраненію своей индивидуальности, мы и представляемъ собой нѣкоторый интересъ.

...«Въ Дерптскомъ университетѣ я подружился съ Андреемъ Карамзинымъ (убитъ на Дунаѣ въ 1854 году), а Пушкинъ былъ своимъ человѣкомъ въ семействѣ Карамзина (историка). Когда Андрей сдѣлался артиллеристомъ, я написалъ ему: «надѣюсь, что твои пушки будутъ направлены противъ препятствій, стоящихъ на пути къ образованію». Карамзинъ показалъ мое письмо Пушкину и тотъ воскликнулъ: «Такой стиль будетъ имѣть большое вліяніе». Насколько предсказаніе это было справедливо—предоставляю судить потомству.

«Совершить, я почти ничего не совершилъ, но то, что я, быть можетъ, вызвалъ—кой-чего стоитъ.

«Герценъ былъ великій пропагандистъ; изъ всего, что онъ опубликовалъ, ничто не имѣло такого вліянія, какъ запрещенныя стихотворенія Пушкина. Его «Ода къ свободѣ», а также, вѣроятно, и стихотвореніе «Кинжалъ» (о Зандѣ) вооружили, къ сожалѣнію, не одну руку.

...«Относительно Бога, провидѣнія, дворянства и коммунизма мы съ Герценомъ придерживались различныхъ мнѣній, такъ какъ исходили изъ различныхъ точекъ.

...«Я считаю своимъ долгомъ изложить все, что возбуждаетъ сомнѣнія, въ особенности теперь, когда Россія стоитъ наканунѣ великихъ событій. Я не всегда бывалъ правъ, но искреннимъ былъ всегда, и буду также и теперь, принимая порицаніе Герцена, точно такъ же какъ и его одобреніе».

Вотъ ужъ подлинно: противъ глупости сами боги безсильны...

Однако послѣдуемъ за авторомъ далѣе, въ самую гущу его книги, не поражаясь его хлестаковскимъ сочинительствомъ и самовосхваленіемъ.

«Въ 1848 году я былъ президентомъ клуба братства народовъ, въ которомъ членами состояли Гервегъ и Сазоновъ. Въ ноябрѣ я произнесъ на польскомъ митингѣ рѣчь отъ имени либеральныхъ русскихъ. Присутствовавшій здѣсь Герценъ одобрилъ ее и дружелюбно пожалъ мнѣ руку.

«У него было горячее сердце и скоро стали говорить, что голова (мое имя по русски значитъ «голова») и Герценъ представляютъ сердце (Herzen), если не всѣхъ русскихъ, то, по крайней мѣрѣ, русскихъ эмигрантовъ»...

«10 іюня 1849 года меня посѣтилъ Герценъ въ Миланской улицѣ, и разсказалъ, что наканунѣ вечеромъ былъ на собраніи журналистовъ, которое постановило устроить на слѣдующій день манифестацію въ пользу Римской республики. Я отнесся къ этому очень отрицательно, однако одѣлся и сказалъ: «Ну идемъ!»—Какъ, вѣдь вы же противъ этого? «Я не хочу оставлять друзей въ бѣдѣ»—отвѣчалъ я ему. Мы пошли съ нимъ къ Шато д'О, откуда шествіе тронулось на Итальянскій бульваръ. Руге и Блюмъ тоже были здѣсь. На улицѣ Мира предводительствуемое Этьеномъ Араго шествіе было разогнано Венсенскими стрѣлками и всѣ бросились врассыпную.

...«Мы долго прожили вмѣстѣ. Тогда появилась моя «Революціонная Европа»; мы прочли о ней въ «Прессѣ» рецензію Камилла Пельтана.—Русскій человѣкъ, сказалъ мнѣ Герценъ, пишетъ французскую книгу! Онъ, съ своей стороны, выпустилъ въ Гамбургѣ нѣмецкую. «Съ того берега» написано очень живо, но инспирировано произведеніемъ барона Гакстгаузена.

...«Осенью 1849 года я ѣздилъ въ Брюссель, гдѣ получилъ отъ Герцена письмо, въ которомъ онъ съ похвалой отзывался о моихъ «Мемуарахъ русскаго священника».

...«Зиму я провелъ въ Лондонѣ, весной пріѣхалъ въ Женеву, а оттуда направился черезъ Туринъ въ Ниццу. Здѣсь я встрѣтилъ семьи Герцена и Гервега, занимавшія виллу на Англійскомъ Променадѣ и ведущія роскошную веселую жизнь. Мы осушали не мало бутылокъ шампанскаго...

«Герценъ получалъ 60000 фр. годового дохода, что для коммуниста было недурно, но съ другими дѣлился деньгами неохотно и писалъ даже, что очень любитъ деньги. Однако, онъ далъ 35000 фр. Прудону на его газету, съ настоятельнымъ требованіемъ, ассигновать на штрафы не болѣе 6000 фр. «У насъ былъ одинъ и тотъ же врачъ, одинъ и тотъ же портной. Трюбнеръ былъ моимъ издателемъ прежде, чѣмъ сдѣлался издателемъ Герцена. Какъ вдругъ между нами, какъ говорится, пробѣжала черная кошка.

«Герценъ вступилъ въ «Европейскій Демократическій комитетъ», и устроилъ въ Лондонѣ русскую типографію [1]). Онъ посылалъ своихъ дѣтей играть вмѣстѣ съ дѣтьми Кошута, чѣмъ очень гордился. Онъ выпустилъ отъ имени русскихъ эмигрантовъ воззваніе, не сказавъ мнѣ объ этомъ ни слова. Я открыто протестовалъ. Очевидно онъ хотѣлъ сдѣлать *bande à part*. Я отправился къ нему и прямо спросилъ, неужели онъ хочетъ порвать со мной и почему.

— Мнѣ не нравятся ваши офицерскія манеры.

Я чуть не умеръ со смѣху.—Это не больше, какъ манеры бурша, а у васъ лучшее—это ваши студенческія привычки.

— Но, вѣдь, мы можемъ полемизировать.

— Это послѣ того, какъ я работалъ за васъ въ République и др. газетахъ?

— Мы не станемъ говорить другъ о другѣ, что мы—тайные агенты.

— Попытаемся, разъ вы этого хотите, каждый идти своей дорогой; быть можетъ наша дѣятельность для общаго дѣла будетъ отъ этого полезнѣе.

«Мы разстались. Я долго ломалъ голову, что могло принудить его къ этому разрыву? Однажды, когда мы встрѣтились въ городѣ за обѣдомъ, я прочелъ ему кой-что изъ моего «русскаго Дяди Тома». Книга эта была направлена противъ русской общины. Герценъ сдѣлалъ видъ, что онъ засыпаетъ. Я конечно прервалъ чтеніе.

[1]) Примѣръ я показалъ въ Парижѣ, гдѣ нашелъ средства напечатать по-русски „Катехизисъ русскаго народа", съ эпиграфомъ „Богу и народу". Герценъ въ отношеніи русскаго вовсе не былъ пуристомъ; иногда онъ утверждалъ удивительныя вещи.

«Когда разразилась Восточная война и получились телеграммы о Синопѣ, я почувствовалъ радость. Герценъ же сказалъ мнѣ, что мы не добьемся участія въ политической дѣятельности, если русскіе не будутъ разбиты. Онъ высказался, однако, вскорѣ въ пользу грековъ, The Morning Advertiser, выходящій подъ редакціей извѣстнаго Гранта, назвалъ Герцена русскимъ агентомъ!

«Александръ Голынскій передалъ мнѣ слова Герцена, которыя до нѣкоторой степени вывели меня изъ терпѣнія. Я написалъ ему и онъ отвѣчалъ, чтобъ я не слишкомъ-то довѣрялъ своимъ друзьямъ, а Голынскому сказалъ: «Вы ставите меня въ непріятное положеніе, оправдывая меня передъ Головинымъ».

«Когда мы послали на корабль Гарибальди русскаго дезертира и послѣдній сбѣжалъ съ его деньгами, Герценъ сказалъ мнѣ: «Признайтесь, что мы плохіе знатоки людей». Самъ онъ, однако, принялъ въ этомъ дѣлѣ гораздо большее участіе, чѣмъ я, а меня надулъ другой дезертиръ.

«Когда въ Россіи побѣдитъ революція, Герценъ долженъ сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ; «а вы, сказалъ онъ мнѣ, будете нашимъ посломъ въ Парижѣ». Я отвѣчалъ: мнѣ кажется, что вамъ лучше подойдетъ роль министра финансовъ.

«Въ самомъ дѣлѣ: при посредствѣ Ротшильда онъ устраивалъ дѣла свои очень хорошо.

«Я послалъ ему для «Полярной звѣзды» медальонъ съ изображеніемъ пяти повѣшенныхъ декабристовъ. Онъ достался отъ князя Меньшикова—примѣръ того, какъ при случаѣ самые завзятые реакціонеры заигрываютъ съ революціей.

«Герценъ когда-то сказалъ обо мнѣ:—Головинъ человѣкъ умный, но онъ нерѣдко расходится съ истиной. Но, скажите пожалуйста, за чѣмъ же у него коллекція картинъ? Зачѣмъ слуга его подаетъ кушанье въ бѣлыхъ перчаткахъ?—Для того, чтобы не расходиться съ чистоплотностью.

«Въ другой разъ онъ сказалъ:—я уважаю его, потому что онъ много страдалъ и пренебрегъ собственными интересами для того, чтобы служить общему дѣлу».

Истинную цѣну всему этому хвастовству мы хорошо уже знаемъ. Очевидно, на закатѣ своихъ дней, всѣми оставленный, презираемый, Головинъ хотѣлъ поддержать свой престижъ хотя бы памятью къ Герцену.

Что касается отношеній Головина къ Бакунину, то они всецѣло опредѣлялись прямо ненавистью и презрѣніемъ Михаила Александровича къ Хлестакову, которыя онъ никогда не измѣнилъ до самой своей смерти. Онъ просто третировалъ Головина при всякой возможности и тѣмъ навелъ на него страхъ. Головинъ боялся даже имени Бакунина...

Любопытенъ разсказъ Головина объ одномъ соприкосновеніи съ Бакунинымъ, изъ котораго Хлестаковъ готовъ сдѣлать выводъ о близости ихъ отношеній, но читатель, разумѣется, придетъ совсѣмъ къ другому заключенію.

Это было въ 1845 году.

«Впервые я увидѣлъ Бакунина у Огарева, въ Парижѣ. Насъ обоихъ присудили къ лишенію всѣхъ правъ. Русское посольство, во главѣ котораго стоялъ Кисилевъ младшій, напечатало въ «Gazette des Tribunaux» статью, гдѣ говорилось, что мы осуждены за наши революціонныя сочиненія и отказъ вернуться на родину. Я тотчасъ же отвѣтилъ, что мои сочиненія, напечатанныя за границей: «Духъ политической экономіи» и «Политика, какъ наука» не носятъ того характера, который старается приписать имъ русское правительство, что въ своемъ письмѣ къ графу Нессельроде, въ которомъ я говорилъ: «надѣюсь, что два нѣмца не могутъ воспрепятствовать русскому вернуться въ Россію», вовсе не было отказа сдѣлать это, и что, впрочемъ, хартія Михаила Романова разрѣшаетъ всякому дворянину остаться за границей и поступить тамъ на службу.

«Графъ Дюшатель, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, прислалъ ко мнѣ чиновника, которому я долженъ былъ объяснить мое осужденіе въ Россіи. Я вручилъ ему номеръ «Gazette des Tribunaux» съ моимъ отвѣтомъ и экземпляръ «Духа политической экономіи» въ красивомъ переплетѣ, на которомъ я написалъ: A l'auteur de la Charitè lègàle».

«Бакунинъ нашелъ нужнымъ написать въ «Судебную Газету», что никакой хартіи Михаила Романова не существовало. Она, дѣйствительно, была уничтожена въ Россіи, но нѣсколько экземляровъ ея были найдены въ Сибири. Русское дворянство призвало Романовыхъ на престолъ вовсе не безъ всякихъ условій. Уже до ихъ воцаренія существовали двѣ палаты (Земская и Боярская думы) и на законахъ того времени писалось вовсе не «божьею милостью», но «царь повелѣлъ и бояре одобрили». Когда я послѣ этого встрѣтилъ Бакунина у Николая Тургенева, я ему сказалъ: «Два французскихъ священника, эмигрировавшихъ въ Бельгію, никогда не умѣли жить въ мирѣ другъ съ другомъ. «Не будемъ этими священниками», перебилъ онъ меня, предвосхищая мою мысль»

Позже Головинъ еще разъ пробовалъ афишировать свои, якобы близкія отношенія къ Бакунину, но извѣстно уже, какъ на это смотрѣлъ даже Герценъ, не говоря о самомъ Бакунинѣ. Какъ то «Morning Advertiser» въ пылу полемики утвердительно отвѣтилъ на вопросъ: былъ ли Бакунинъ русскимъ шпіономъ? Разумѣется, на русскихъ, въ то время бывшихъ въ Лондонѣ, лежала обязанность выступить съ протестомъ и присоединить къ нему главарей иностранной эмиграціи. Герценъ взялъ на себя починъ, принялъ подпись Головина и получилъ подписи Ворцеля и Маццинни. Такимъ образомъ Головинъ получилъ возможность продолжать не имъ начатую полемику и пользовался этимъ поводомъ, чтобы наговорить кучу вздора о дружескихъ отношеніяхъ къ Михаилу Александровичу.

Мих. Лемке.

Гренадерскій „бой“

за подавленіе крестьянскихъ безпорядковъ.

14 мая 1798 г. былъ дарованъ Ряжскому мушкетерскому полку, что нынѣ 70-й пѣхотный Ряжскій полкъ, гренадерскій «бой», т. е. особый барабанный бой, обыкновенно даваемый за боевыя отличія. Причиною боевой награды послужило успѣшное усмиреніе полкомъ въ февралѣ 1797 г. неповиновавшихся крестьянъ села Барсова, Орловской губерніи.

Страничка изъ воспоминаній.

На страницахъ «Былого» попалось мнѣ недавно имя одного чуднаго (увы, уже покойнаго!) юноши, съ которымъ судьба столкнула меня на весьма короткое время. Не выжидая, пока жестокія обстоятельства моей жизни позволятъ мнѣ привести въ систему и связь мои многолѣтнія и весьма разнообразныя воспоминанія, я рѣшилъ подѣлиться съ читателями «Былого» этимъ коротенькимъ эпизодомъ...

Это было въ 1873 году. Я проживалъ тогда въ Вѣнѣ, слушая лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Въ Вѣнѣ въ это время какъразъ происходила Всемірная выставка, и на всѣхъ вѣнскихъ улицахъ можно было ежедневно встрѣтить не мало русскихъ.

Жилъ я въ раіонѣ вѣнскаго медицинского студенчества—Josephstadt'ѣ, по Lammgasse, въ 4-мъ этажѣ. Возвращаясь однажды къ вечеру изъ университета на свою квартиру, я, открывъ дверь своей комнаты, пораженъ былъ слѣдующей сценой: на моей постели лежалъ полураздѣтый юноша безъ сапогъ; направивъ на меня свои чудные глубокіе—можно сказать—бездонные глаза, онъ молча улыбался во весь ротъ. Его открытое, безконечно ясное лицо, сразу, съ перваго мгновенія всецѣло расположило меня къ нему. Не подымаясь и продолжая улыбаться во весь ротъ, юноша заявилъ мнѣ, что хотя я его не знаю, но онъ заочно меня очень хорошо знаетъ по разсказамъ нашихъ общихъ друзей, которые его направили въ Вѣну и спеціально ко мнѣ, чтобы сообща со мною исполнить порученіе, возложенное на него кружкомъ *чайковцевъ*. Онъ назвалъ при этомъ и себя, и нашихъ общихъ друзей,—и между нами сразу установились чрезвычайно близкія и дружескія отношенія,—тѣ отношенія, которыя встрѣчались лишь въ концѣ 60 хъ и началѣ 70 хъ годовъ, когда разные политическіе «кружки» («партій» въ то время еще не существовало) формировались изъ людей, близкихъ другъ другу не только идейно, но и умственно, и нравственно...

Юноша этотъ былъ—*Михаилъ Купріяновъ*. Кружокъ возложилъ на него порученіе пріобрѣсти на вѣнской выставкѣ недорогую, но болѣе усовершенствованную типографскую машину, но такъ какъ онъ не говорилъ и не понималъ ни одного слова по нѣмецки, то его и направили ко мнѣ, какъ къ бывшему члену одесскаго кружка, состоявшаго въ союзническихъ отношеніяхъ къ кружку чайковцевъ...

Занималъ я очень небольшую комнатку, и мнѣ трудно было

пріютить у себя Купріянова, да это и неудобно было по нѣкоторымъ другимъ причинамъ—въ особенности же потому, что благодаря выставкѣ, на которую ожидался пріѣздъ особъ царской фамиліи, Вѣна кишѣла тогда русскими шпіонами. Мы рѣшили, что К. поселится въ небольшой гостинницѣ тутъ же въ Josephstadt'ѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не безъ комической важности объяснилъ мнѣ, что онъ пропишется *княземъ* Кр—мъ, документами котораго онъ запасся...

Чрезвычайно любознательный, К. принялся посѣщать ежедневно выставку, изученіемъ которой онъ усердно занялся. Запасшись узелкомъ провизіи (хлѣба и колбасы), онъ съ утра отправлялся на выставку, на которой проводилъ цѣлые дни въ теченіе 2—3 недѣль. На часъ—на два навѣдывался и я туда, мы совмѣстно осматривали машинный отдѣлъ и облюбовали одну небольшую типографскую машину (стоимостью, кажется, въ 1200 гульденовъ). Теперь предстояла намъ задача: перевезти послѣднюю осторожно и незамѣтно въ такое мѣсто, которое не особенно бросалось бы въ глаза шнырявшей тогда по Вѣнѣ массѣ русско-польскихъ шпіоновъ, разобрать ее тамъ такъ, чтобы отдѣлить части, харатеризующія спеціальность машины, отъ другихъ безразличныхъ въ этомъ отношеніи частей—съ тѣмъ, чтобы послѣднія переправить въ Россію обычнымъ путемъ, а первыя—контрабандой...

Одинъ изъ моихъ вѣнскихъ друзей, видный членъ тогдашней австрійской соціалдемократической партіи. А. Шай нашелъ для меня подходящее помѣщеніе во дворѣ одного своего пріятеля. Машина была оплачена, и, по соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, вывезена со всевозможными предосторожностями изъ выставочнаго помѣщенія на новое мѣсто, и Купріяновъ лично съ увлеченіемъ и поразительнымъ умѣніемъ занялся тамъ разборкой машины. Это продлилось нѣсколько дней. Припоминается мнѣ слѣдующая высоко-комическая картина. Въ началѣ 1-го часа являюсь я во дворъ, въ которомъ работалъ Купріяновъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ гигантскаго роста Шай и отчаянно жестикулируетъ обѣими руками. К—въ, улыбаясь во весь ротъ, умильно поглядываетъ на сильно волнующагося Шая. Прислушиваюсь. Оказывается, что Шай приглашаетъ К. обѣдать, К. же ни слова не понимаетъ и лишь улыбается, продолжая работать. Шай пустилъ въ ходъ мимику и всевозможные жесты, даже русское слово—«шеловикъ» («шеловикъ muss essen), но дѣло ни на іоту не подвигается. Я расхохотался, объяснилъ Купріянову, въ чемъ дѣло: онъ моментально скинулъ блузу и по-пріятельски отправился съ Шаемъ обѣдать...

По порученію общихъ друзей, К. убѣдилъ меня вернуться въ Россію, гдѣ тогда только-что началось народническое движеніе и ощущалась большая нужда въ работникахъ. Отославъ нейтральныя части машины по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, Купріяновъ уложилъ спеціальныя части въ небольшой желѣзный ящичекъ и захватилъ его съ собой во Львовъ, куда мы вмѣстѣ съ нимъ отправились. Черезъ посредство нѣкоторыхъ галиційскихъ знакомыхъ я принялся устраивать на подволочиской границѣ спеціальный путь для перевозки журнала «Впередъ», изданіе котораго предпринялъ тогда въ Цюрихѣ П. Л. Лавровъ, причемъ этимъ же путемъ долженъ былъ воспользоваться и Купрія-

новъ для перевозки своего ящика. Это отняло у насъ около двухъ недѣль, которыя мы и провели совмѣстно съ Купріяновымъ въ общемъ номерѣ одной изъ скромныхъ львовскихъ гостинницъ. Намъ приходилось проводить въ бесѣдахъ цѣлые часы и Купріяновъ буквально поражалъ меня необычайной мощью своего ума. Онъ занимался и читалъ (правильнѣе, изучалъ) одни лишь капитальные труды по политической экономіи и соціальнымъ наукамъ, рѣшительно и абсолютно не интересуясь беллетристикой и искусствомъ и останавливаясь въ періодическихъ журналахъ исключительно на наиболѣе серьезныхъ и капитальныхъ статьяхъ. 17—18 лѣтній юноша (я думаю, ему больше не было), онъ зналъ (и *какъ* зналъ!) гигантское твореніе К. Маркса чуть не наизусть. По цѣлымъ часомъ онъ развивалъ передо мной раз-

ныя положенія теоріи Маркса, положительно поражая необыкновенной тонкостью анализа и поразительной логичностью своихъ выводовъ. Припоминаю такой случай. Однажды въ послѣ обѣденное время лежали мы въ ожиданіи прибытія нужныхъ вѣстей. Купріяновъ развивалъ нѣкоторыя наиболѣе интересовавшія его положенія теоріи цѣнности Маркса. Вдругъ онъ замолкъ и остановился, можно сказать, на полу-словѣ. Я подумалъ, что онъ уснулъ. Проходитъ приблизительно около получаса времени и вдругъ Купріяновъ заговорилъ опять съ той самой запятой, на какой онъ остановился, продолжая свои положенія—какъ будто никакого перерыва въ его изложеніи не было: такъ сильно и, можно сказать, мощна была сила его умственныхъ процессовъ...

Скоро мы разстались съ Купріяновымъ. Я уѣхалъ въ Одессу, онъ въ Петербургъ. Недолго мы пользовались свободой. Скоро насъ изъяли изъ обращенія, арестовавъ на разныхъ полюсахъ. Для неокрѣпшаго еще юношескаго организма Купріянова, принципіально и упорно отказывавшагося отъ пользованія какими-бы то ни было льготами и привилегіями въ тюремномъ режимѣ, безконечное пред-

варительное заключеніе оказалось гибельнымъ, смертельнымъ. Какъ и многимъ другимъ, привлеченнымъ къ процессу 193, Купріянову не суждено было дождаться суда. Незадолго до суда я узналъ въ Петропавловской крѣпости, что Купріяновъ послѣ тяжкой болѣзни скончался въ той же крѣпости.

Послѣ нашей встрѣчи прошло больше 33-хъ лѣтъ. Когда я временами вспоминаю этого удивительнаго юношу, я весь переполняюсь умиленіемъ къ этой симпатичной личности, чуднымъ метеоромъ пронесшейся по нашей грѣшной землѣ; я проникаюсь къ его свѣтлой памяти чувствомъ, граничащимъ съ благоговѣніемъ. Но въ то же время мое старѣющееся сердце сжимается жгучей болью при мучительной мысли: какую колоссальную умственную силу, потеряла въ этомъ юношѣ наша многострадальная родина!..

С. Чудновскій.

Нѣсколько словъ о С. С. Яковлевѣ.

Въ своихъ яркихъ „Воспоминаніяхъ народовольца“ А. Бахъ упоминаетъ между прочимъ („Былое“, кн. 1, ст. 134), о своемъ свиданіи въ казанской тюрьмѣ съ „съ пріѣзжимъ революціонеромъ“, по прозванію Стратонычемъ, студентомъ Яковлевымъ. Это мѣсто въ воспоминаніяхъ Баха сопровождается нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ уважаемой редакціи:

„Яковлевъ впослѣдствіи принялъ дѣятельное участіе въ конституціонномъ движеніи, былъ выставленъ кандидатомъ въ Думу отъ партіи Народной Свободы, но во время предвыборной кампаніи на Кавказѣ былъ убитъ черносотенцами“.

Въ этомъ примѣчаніи не все представляется „соотвѣтствующимъ дѣйствительности“, какъ принято выражаться, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрно обрисовываютъ вторую половину жизни покойнаго Яковлева въ ея главнѣйшихъ очертаніяхъ. Въ виду этого, я позволю себѣ внести соотвѣтствующія поправки въ данныя уважаемой редакціи и, воспользовавшись случаемъ, хочу сказать нѣсколько словъ о Степанѣ Стратониковичѣ Яковлевѣ послѣднихъ лѣтъ, хоть нѣсколькими слабыми штрихами обрисовать эту рѣдкую по душевной красотѣ и обаятельности личность, этого милаго и дорогого человѣка, съ интереснымъ и далеко не безцвѣтнымъ революціоннымъ прошлымъ, лучшіе и боевые завѣты котораго онъ чутко хранилъ до послѣднихъ дней своего истинно-человѣческаго существованія, завершившагося такимъ мученическимъ и трагическимъ концомъ.

Раньше всего. Никогда, даже въ самые послѣдніе годы Степанъ Стратониковичъ „въ конституціонномъ движеніи“—если понимать это въ смыслѣ ли исповѣданія умѣренныхъ конституціонно-либеральныхъ идей или же участія въ группѣ „Освобожденія“, а впослѣдствіи партіи к.-д.—не принималъ никакого участія. И хотя онъ и былъ выставленъ кандидатомъ въ Думу отъ г. Баку мѣстнымъ отдѣломъ партіи Народной Свободы, но въ ея рядахъ ни раньше, ни въ это время онъ не состоялъ. Дѣло съ его кандидатурой обстояло такъ. Являясь сторонникомъ самыхъ активныхъ методовъ революціонной борьбы, С. С., учитывая иначе политическій моментъ, былъ противникомъ бойкота, объявленнаго революціонными партіями первой Думѣ. И будучи, понятно, далекимъ отъ того, чтобы смотрѣть на Думу, какъ на законодательный органъ, способный при настоящихъ условіяхъ разрѣшить всѣ проклятые вопросы русской жизни, опредѣляя цѣли и задачи Думы, какъ трибуны, пробуждающей и организующей массы, С. С. горячо и цѣликомъ отдался избирательной кампаніи. И когда мѣстные к.-д., бывшіе единственными представителями оппо-

зиціи на бакинскихъ выборахъ въ Думу, предложили С. С. выставить его кандидатуру, не какъ члена партіи Народной Свободы, а какъ популярное въ широкихъ массахъ бакинскаго населенія лицо, пользовавшееся симпатіями со стороны почти всѣхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ группъ, онъ на это согласился. Отсюда, конечно, ясно, что это была кандидатура не к.-д. программы, а популярной личности, имени.

До самой своей смерти—такой ненужной, такой трагически-нелѣпой—С. С. глубоко вѣрилъ въ силу, значеніе и побѣдное будущее революціонно-соціалистическихъ идей, которымъ онъ такъ преданно служилъ въ годы своего кипучаго и бурнаго студенчества. Объ этихъ годахъ друзья С. С. разсказывали—самъ онъ не любилъ разсказывать—много интереснаго и прямо-таки увлекательно-романическаго... Обладавшій необыкновенной силой и атлетическимъ тѣлосложеніемъ, молодой студентъ изъ донскихъ казаковъ привлекался къ самымъ рискованнымъ и смѣлымъ предпріятіямъ. Напомню, что и къ Баху на свиданіе онъ явился, возвращаясь изъ Сибири, куда ѣздилъ съ товарищемъ по институту освобождать одну изъ ссыльныхъ. Съ какимъ увлеченіемъ бывало въ минуты рѣдкой откровенности С. С. разсказывалъ о дорогомъ-полномъ яркаго чарующе-молодого энтузіазма времени своего студенческаго житья-бытья, являвшагося вмѣстѣ и временемъ его ближайшаго участія въ возродившейся—увы, не надолго,—„Народной Волѣ". Сколько любви и восхищенія, сколько, скажу, влюбленности чувствовались въ каждомъ словѣ его занимательныхъ разсказовъ, которые онъ передавалъ со свойственнымъ ему мастерствомъ блестящаго разсказчика и чтеца.

С. С. все время оставался убѣжденнымъ народовольцемъ, и всегда вѣрилъ въ великую соціальную роль русскаго трудового крестьянства и былъ горячимъ поклонникомъ крайнихъ средствъ борьбы. Вотъ почему съ первыхъ же дней своего появленія на русской политической аренѣ партія соціалистовъ-революціонеровъ привлекла къ себѣ всѣ симпатіи С. С. И какъ только въ Баку зародилась организація этой партіи, онъ сталъ къ ней въ самыя близкія и непосредственныя отношенія. Хотя самъ онъ лично и не принималъ активнаго участія въ жизни мѣстной организаціи, но онъ всегда интересовался ея дѣлами и постоянно оказывалъ солидную матеріальную поддержку на всѣ надобности организаціонной жизни.

Онъ поддерживалъ и такія крупныя предпріятія, какъ изданіе с.-р. газеты „Кавказское Слово", на которую въ теченіе короткаго срока израсходовалъ свыше 1000 руб. Не мало средствъ ушло у него на помощь центральнымъ учрежденіямъ партіи, которой онъ сочувствовалъ и съ видными руководителями которой онъ хранилъ живую связь во всѣ годы своего пребыванія на Кавказѣ. Когда Сазоновъ и Гершуни были отправлены въ Акатуй, С. С. сейчасъ же была переведена для нихъ сумма въ 1000 руб. Много, много такихъ фактовъ извѣстно, но еще больше осталось тайной.

Покойный С. С. былъ рѣдкой и выдающейся силы ораторомъ. Особенно памятна всѣмъ бакинцамъ его рѣчь, яркая, восторженно-молодая, произнесенная на банкетѣ, устроенномъ въ эпоху „довѣрія", сейчасъ же вслѣдъ за выстрѣломъ 15 іюля.

С. С. лѣтъ десять прожилъ въ Баку. Здѣсь онъ занималъ крупную должность (онъ былъ инженеромъ) завѣдующаго каспійскимъ водопроводомъ. Онъ получалъ солидное жалованье, значительная часть котораго уходила на упоминавшіяся выше „непредусмотрѣнныя статьи расхода". Рабочіе и служащіе

на водопроводѣ относились къ нему, какъ къ старшему и внимательному товарищу, съ большой любовью и признательнымъ уваженіемъ. Я пристроилъ къ С. С. на водопроводъ одного рабочаго, пострадавшаго 9 января, и черезъ нѣсколько недѣль рабочій этотъ не могъ спокойно, не захлебываясь отъ восторга, говорить „о нашемъ С. С.“ Онъ уничтожилъ въ ихъ глазахъ всякое представленіе о начальникѣ, передъ ними былъ другъ и товарищъ, создавшій для нихъ рѣдкія условія труда, такъ, напр., рабочій день у нихъ не превышалъ 6 часовъ.

С. С. пользовался любовью представителей всѣхъ національностей, населяющихъ Баку, этотъ бурный, ставшій ареной страшной междуусобицы, городъ. Въ кошмарные дни погромовъ, когда братъ шелъ на брата, голодный на голоднаго, когда кровью и трупами покрывались узенькія восточныя улички столицы нефтяного церства, С. С. былъ тамъ, гдѣ ему повелѣвалъ быть долгъ человѣка, на тѣхъ самыхъ улицахъ, гдѣ падали трупы и лилась святая человѣческая кровь. Много людей—и армянъ и татаръ—обязаны ему своей жизнью Рискуя моментами собственной жизнью, С. С. смѣло и безобоязненно становился между братомъ-человѣкомъ и смертью, между армяниномъ и татариномъ. Здѣсь же на улицахъ, глядя прямо въ лицо страшному призраку погрома, С. С. узналъ истинныхъ виновниковъ всей этой проклятой братоубійственной войны, онъ ясно видѣлъ, кто вдохновлялъ брата противъ брата, кто разжигалъ темную голодную массу, чтобы отвести отъ себя ея справедливый и стихійно копившійся гнѣвъ... Многое зналъ, многое видѣлъ С. С. на бакинскихъ улицахъ въ дни, когда братъ шелъ на брата, и камни купались въ человѣческой крови. Вотъ почему, когда нужно было послать представителя въ Думу, чтобы онъ тамъ разсказалъ передъ лицомъ всей страны о страшной повѣсти двухъ воюющихъ народовъ, о страданіяхъ и смерти, поселившихся въ армянскихъ и татарскихъ лачугахъ, о черныхъ тѣняхъ, творившихъ эту смерть и эти страданія—всѣ единодушно рѣшили, что этимъ представителемъ отъ многоязычнаго Баку будетъ Яковлевъ, русскій по паспорту, человѣкъ по духу, который сумѣлъ бы мощью своей рѣчи, гнѣвомъ своего сердца, и кровавыми призраками, жившими въ его душѣ, заставитъ содрогнуться всю родину предъ ужасомъ того, что сдѣлали „черные шайтаны“ съ дивнымъ солнечнымъ краемъ, превращеннымъ ими въ груды, пожарища и развалины. Многое разсказалъ бы С. С. въ Думѣ, много позорныхъ гнусныхъ именъ назвали бы его смѣлыя уста. Онъ никого бы не пощадилъ.

И этой его будущей миссіи, его грозныхъ обличеній и проклятій съ думской трибуны испугались черные вороны, ютящіеся въ глухихъ и темныхъ закоулкахъ бакинской жизни, всѣ эти гнусные „руководители“ шаекъ. Они и подослали убійцъ, жалкихъ, темныхъ, за гроши купленныхъ дикарей, не вѣдавшихъ, на кого они подымаютъ руку... Въ спину, изъ-за угла его убили, чистаго, честнаго, любящаго людей, этихъ жалкихъ, темныхъ людей, среди которыхъ былъ подкупленъ убійца...

Сав. Раецкій.

Константинъ Гавриловичъ Неустроевъ [1]).

Сынъ обрусѣвшей якутки, Неустроевъ получилъ образованіе сначала въ Иркутской гимназіи, потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1881 году окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Собственно революціонная дѣятельность его началась только съ того времени, какъ онъ возвратился на родину, въ качествѣ учителя при Иркутской женской гимназіи и воспитателя въ мужской. Мѣстная молодежь боготворила молодого учителя. Но работать Константину Гавриловичу пришлось недолго. Въ октябрѣ 1882 г. онъ былъ уже арестованъ по доносу уголовнаго арестанта Зельцера, чрезъ посредство котораго поддерживалъ нѣкоторое время сношеніе съ Козловскимъ, арестованнымъ по дѣлу о побѣгѣ Ковальской и Богомолецъ. Дѣло Неустроева должно было окончиться административнымъ порядкомъ и въ началѣ апрѣля 1883 г. его помѣстили даже въ одной камерѣ съ Козловскимъ и Булановымъ. Но нервы его сильно разстроились. Условія тюремной жизни и вѣчныя столкновенія съ надзирателями страшно его раздражали. Онъ постоянно настаивалъ на необходимости протестовъ и всякій разъ, какъ встрѣчалъ скептицизмъ со стороны товарищей, ужасно горячился. Благодаря его усиліямъ дѣйствительно былъ удаленъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ и грубыхъ надзирателей Жаликъ. Собственно противъ генералъ-губернатора Анучина, лично знакомаго Неустроеву, предрасполагали крутыя расправы Анучина съ политическими каторжанами на Карѣ, которыхъ по окончаніи срока каторги, онъ ссылалъ обыкновенно въ Якутскую область (гдѣ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ хуже чѣмъ на каторгѣ).

Въ день посѣщенія Анучинымъ тюрьмы, Неустроевъ былъ особенно раздражителенъ. Дѣло происходило такъ: Остановившись на порогѣ камеры, въ глубинѣ которой находился Неустроевъ, Анучинъ пригласилъ послѣдняго подойти поближе говоря: «Стыдно, стыдно»! Неустроевъ, приблизившись, рѣзко спросилъ: «что такое»? Анучинъ

---

[1]) Въ числѣ жертвъ освободительнаго движенія выдѣляется своей особо трагической судьбой К. Г. Неустроевъ, разстрѣлянный въ 1883 году въ Иркутскѣ лишь за нанесенное имъ въ состояніи несомнѣннаго аффекта оскорбленіе дѣйствіемъ бывшему тогда генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Анучину. Предсмертное письмо Неустроева было напечатано въ № 10 „Народной Воли“, откуда мы его и воспроизводимъ. *Ред.*

скороговоркой повторилъ: «Стыдно! Стыдно!» Раздалась пощечина. Находившіеся тутъ же солдаты бросились на Неустроева, но Анучинъ остановилъ ихъ рукой. Неустроевъ же закричалъ: «убирайтесь вонъ! Вы не затѣмъ должны являться въ тюрьму, чтобъ оскорблять людей.» Анучинъ страшно блѣдный, велѣлъ запереть камеру и тотчасъ же уѣхалъ изъ замка. Скоро К. Г. перевели въ другой корридоръ и заковали въ наручники, несмотря на то, что онъ не былъ лишенъ правъ, на его просьбу послать объ этомъ телеграмму министру юстиціи не обратили вниманія. Распоряженіемъ изъ Петербурга форма суда была предоставлена на усмотрѣніе Анучина. Военный судъ вынесъ смертный приговоръ. Жажда жизни, съ неудержимой силой, проснулась въ молодой душѣ. Но напрасно просилъ Неустроевъ телеграфировать въ Петербургъ о пересмотрѣ дѣла. 9 ноября между 3 и 4 часами утра онъ былъ разстрѣлянъ во дворѣ пересыльной тюрьмы. До послѣдней минуты терзало его сознаніе, что онъ умираетъ незаслуженно, не за то, что могъ бы сдѣлать еще поживъ и поработавъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвшіе казнь разсказываютъ, что онъ бодро шелъ къ позорному столбу—исхудалый и блѣдный, попрощавшись съ докторомъ, солдатами, громко высказалъ свои пожеланія родинѣ.

Иркутское общество живо отозвалось на казнь Неустроева. Анучину просто нельзя было проѣхать по городу, ему кричали: «убійца». Ворота его нѣсколько разъ были вымазаны кровью. Въ концѣ концовъ онъ получилъ отпускъ (котораго не просилъ) на 11 мѣсяцевъ и на его мѣсто отправленъ Педашенко.

Помѣщаемъ предсмертное письмо Неустроева. Страшно желалъ онъ, чтобы это письмо дошло до насъ, вольныхъ и заключенныхъ товарищей, чтобъ оно повѣдало «добрымъ сердцамъ» его горе, его муки. И судьба такъ жестокая къ нему при жизни—исполнила его предсмертное желаніе—письмо не пропало.

Ночь 8 ноября 1883 года.

Прощайте братья-друзья! Спать не хочется. А скоро, скоро конецъ. И хуже всего—не увѣренъ. Незаслуженно умираю—вотъ что обидно. Обнадеживаютъ: «завидный жребій». Говорятъ: это только политическая смерть. А гробъ уже готовъ—священникъ сказалъ.

Отъ причастія отказался, просилъ крестъ—крестъ принесли. Символъ страданія! Онъ замѣнитъ Васъ и все, все дорогое. О дай Боже, пусть дойдетъ до Васъ письмо.

Знаете ли, даже не вѣрится, такъ все кажется страшнымъ. Муки мои дойдутъ ли онѣ до Васъ?

Братья, простите мои слабости—не всякому дано. Я былъ простой работникъ, но не измѣнилъ святынѣ знамени. И вѣрю ему, знаю побѣдоносно водрузится оно!

Я хотѣлъ жить и даже просилъ... но рокъ уже готовъ поразить. Просилъ смотрителя попрощаться съ Вами [1])—отказалъ.

Мысленно у Васъ—у Васъ тишина, ни звука. Прощальный послѣдній привѣтъ!

---

[1]) Заключенными товарищами.

Просилъ, раскаявался вотъ почему: въ обвинительномъ актѣ не помѣстили фактовъ, сообщенныхъ въ моихъ показаніяхъ, отказали послать царю ходатайство о томъ, чтобы дѣло было предоставлено ему. Не хотѣлось, не хочется умирать за неосмысленный рефлексъ.

Какимъ бодрымъ сегодня всталъ было. Такъ жизнь и била ключемъ. Ожидалъ свиданія съ братомъ жены [1]), но его не оказалось въ городѣ (а свиданіе дозволили ли) и вмѣсто него пришелъ священникъ. Какъ дешева наша жизнь. Радъ одному: пуля смоетъ все нечистое во мнѣ. Вы пріймите меня въ свое лоно! Еще одно слово: все что Урсикъ [2]) говорилъ, писалъ—исходило отъ чистаго сердца. Пусть будетъ это моимъ послѣднимъ словомъ.

И жаль и не жаль такого конца... Горе, горе мое! Даю тебя добрымъ сердцамъ. И хочется и не хочется спать. Жаль на безсознательное тратить остающійся мигъ.

Прости родина, цвѣти, красуйся. Пріймн эти пожеланія отъ чистаго сердца!

---

[1]) Послѣдней не было въ Сибири.
[2]) Кличка Неустроева.

Графъ Бисмаркъ—организаторъ русской политической агентуры заграницей.

(По неопубликованнымъ документальнымъ даннымъ).

25-го апрѣля (7-го мая нов. ст.) 1866 г. въ Берлинѣ, студентомъ Гогенгеймской земледѣльческой академіи, Блиндомъ, совершено было неудавшееся покушеніе на жизнь графа Бисмарка. Блиндъ лишилъ себя жизни. Берлинская полиція принялась за поиски его сообщниковъ.

Бесѣдуя о покушеніи Блинда съ г. Убри (Oubrie) россійскимъ посломъ при прусскомъ дворѣ, графъ Бисмаркъ сообщилъ ему подъ секретомъ, что, кажется, напали на слѣдъ новаго тайнаго сообщества «Eidgenossenschaft», имѣющаго цѣлью политическія убійства; для сокрытія концовъ члены его обязались въ крайнемъ случаѣ лишать себя жизни. Этимъ, казалось, можно было объяснить и самоубійство Блинда. Графъ добавивъ, что въ Берлинѣ и покушеніе Каракозова на жизнь Александра II связываютъ съ обществомъ «Eidgenossenschaft», подкрѣпилъ свое сообщеніе слѣдующимъ фактомъ: «при отбытіи вечерняго поѣзда изъ Берлина въ Петербургъ видѣли нѣсколькихъ субъектовъ, говорившихъ между собой по-русски», болѣе того, «провожавшіе желали успѣха отъѣзжавшему».

Тотчасъ же (1-го мая) г. Убри передалъ по телеграфу въ Петербургъ, канцлеру князу Горчакову слова графа Бисмарка, добавивъ отъ себя: «было бы желательно узнать для облегченія розысковъ прусской полиціи долго ли пробылъ Каракозовъ въ Петербургѣ до покушенія и не былъ ли онъ передъ этимъ заграницей. Я поторопился запросить объ этомъ Ваше Превосходительство, имѣя двойную цѣль: для того, чтобы не пренебречь обстоятельствами, могущими навести слѣдственную комиссію по дѣлу Каракозова на разъясненіе его прошлаго, а также и для того, чтобы установить, если возможно, отсутствіе какого бы то ни было соотношенія между этимъ единичнымъ преступленіемъ и сообществомъ, имѣющимъ связь съ покушеніемъ Блинда».

Князь Горчаковъ доложилъ сообщеніе г. Убри Александру II, отправилъ телеграмму посла графу Н. М. Муравьеву (предсѣдателю слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу Каракозова), а извле-

ченіе изъ нея послалъ шефу жандармовъ, графу Петру Андреевичу Шувалову.

3-го мая графъ Муравьевъ довелъ до свѣдѣнія Государя, о показаніяхъ, данныхъ Ишутинымъ въ присутствіи слѣдственной комиссіи, изъ которыхъ явствуетъ, что «злодѣйская мысль о покушеніи на жизнь Государя» была привезена изъ Женевы осенью 1865 г. извѣстнымъ Худяковымъ, главнымъ дѣятелемъ с.-петербургскаго кружка, и передана Ишутину, пріѣзжавшему сюда (въ Пб.) въ декабрѣ мѣсяцѣ для свиданія съ Худяковымъ, и засимъ Ишутинымъ, по возвращеніи его въ Москву, сообщена преступнику Каракозову, который, подъ вліяніемъ этой мысли, отправился въ Петербургъ, вошелъ въ сношенія съ Худяковымъ и нѣкоторыми лицами петербургской партіи и исполнилъ замыселъ».

На докладѣ этомъ рукой Александра II начертано: «*это еще болѣе доказываетъ необходимость имѣть надежныхъ агентовъ заграницей и подтверждаетъ свѣдѣнія, полученныя изъ Берлина*».

Еще одинъ документъ какъ бы подтверждалъ соображенія Бисмарка: россійскій посолъ въ Турціи, Игнатьевъ сообщилъ изъ Константинополя о пріѣзжавшихъ туда двоихъ русскихъ изъ Одессы, имена коихъ неизвѣстны. Русскіе эти говорили полякамъ, проживающимъ въ Константинополѣ, о принадлежности своей къ тайному обществу, агентъ коего покушался на жизнь Государя Императора; совершившій покушеніе вполнѣ надеженъ и соумышленниковъ своихъ не выдастъ. Центръ общества находится за-границей и потому недосягаемъ для русскаго правительства.

Пробывъ короткое время въ Константинополѣ, эти русскіе уѣхали въ Европу.

Послѣдствіемъ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній было, переданное черезъ шефа жандармовъ, Высочайшее повелѣніе директору департамента министерства юстиціи, члену момиссіи по дѣлу Каракозова, барону Врангелю, отправиться немедленно въ Берлинъ, къ графу Бисмарку, для того, чтобы съ его помощью освѣтить сущность преступленій Каракозова и Блинда и въ свою очередь сообщить графу все, что могло бы заинтересовать его по поводу покушенія 4 апрѣля.

Получивъ изъ III Отдѣленія собственной Его И. В. Канцеляріи паспортъ и деньги (около 1500 р.) баронъ Врангель отправился въ Берлинъ, гдѣ уже дѣйствовалъ русскій агентъ по политическимъ дѣламъ Штиберъ, весьма цѣнимый самимъ графомъ Бисмаркомъ. Графъ старался даже переманить его на мѣсто президента берлинской полиціи.

Штиберъ давно уже обратилъ вниманіе на отца Блинда, Карла, стоявшаго во главѣ Eidgenossenchaft (клятвеннаго союза), допускалъ мысль, что молодой Блиндъ былъ агентомъ общества и имѣлъ сообщниковъ, но, когда Бисмаркъ говорилъ ему будто бы покушеніе на жизнь Александра II, „намѣреніе Блинда“ и слухи о предполагавшемся покушеніи на жизнь Наполеона III имѣютъ между собой связь—россійскій агентъ сомнѣвался, считая такое предположеніе «сумасбродствомъ» и «романомъ», такъ какъ мнѣніе графа ничѣмъ не подтверждалось кромѣ доносовъ какихъ-то французскихъ дамъ, (которыя въ

концѣ концовъ и оказались полупомѣшанными). Кромѣ того Бисмаркъ увѣрялъ Штибера, что «замѣтилъ въ обществѣ Блинда еще одного подозрительнаго молодого человѣка».

Штиберъ отправилъ своего агента Роже въ Гогенгеймъ, гдѣ жилъ и учился Блиндъ и потребовалъ на предметъ усиленія штата агентовъ дополнительную сумму изъ III Отдѣленія.

Расторопный Роже собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія: начавъ съ того, что Гогенгеймская земледѣльческая академія очень располагаетъ къ развитію въ ней революціонныхъ идей «потому что она помѣщается въ зданіи стараго монастыря и студенты живутъ въ кельяхъ», Роже кончилъ тѣмъ, что нашелъ въ числѣ хорошихъ знакомыхъ Блинда русскаго, Мосолова, лѣтъ 21—22, «который носилъ почти постоянно красную одежду»; Мосоловъ прожилъ «для удовольствія» 10 недѣль близъ Гогенгейма, въ гостиницѣ «Zur Garbe» и, послѣ покушенія Блинда, внезапно уѣхалъ.

Пока Роже дѣлалъ свои развѣдки въ Гогенгеймѣ, а французскія дамы писали доносы, о которыхъ французскій посолъ при прусскомъ дворѣ доводилъ до свѣдѣнія Бисмарка, нашелся и французъ, приславшій въ Петербургъ безграмотное письмо на имя Государя. Французъ этотъ (Serpeille, Prosper) доносилъ, что имъ случайно найдены въ январѣ 1866 г. и представлены французской полиціи двѣ бумаги, въ которыхъ «частью таинственными знаками» было написано о подготовлявшемся покушеніи на особу Императора. Французъ заявлялъ, что, если ему будутъ даны средства, онъ готовъ самъ явиться къ Александру II.

На письмѣ этомъ, 8-го мая, рукою Государя сдѣлана слѣдующая отмѣтка: «*должно быть вздоръ, но все таки не мѣшало бы узнать о личности подготовителя*».

(По поводу доноса француза и еще какой-то дамы, указывавшей на американца, носившаго фальшивое имя Назарини, какъ на злоумышляющаго тоже покушеніе на Императора, собирались справки и переписка длилась до 6-го ноября 1866 г., но никакихъ результатовъ не дала. Русскіе чиновники передѣлали фамилію Назарини въ Назарина, дама получила по безкорыстію своему грошевое пособіе и только).

21-го мая пришла въ Петербургъ пространная записка,—командированнаго къ Бисмарку барона Врангеля,—который упоминалъ въ ней не только о Мосоловѣ, но еще о другомъ русскомъ—Бороздинѣ, тоже дружившемъ съ Блиндомъ и о матери Бороздина, живущей въ Швейцаріи, но часто бывавшей въ Штудгардтѣ, расположенномъ недалеко отъ Гогенгейма, и имѣвшей свиданія съ Блиндомъ. Рядомъ съ этимъ Врангель подробнѣйшимъ образомъ сообщалъ о тайномъ обществѣ «Свобода и равенство», основавшемъ изъ среды своей Клятвенный союзъ (Eidgenossenchaft). Основаніе общества находится въ Лондонѣ, руководитъ имъ отецъ Блинда, другъ Герцена; отдѣлы общества имѣются въ Женевѣ, Палермо, Штудгардтѣ и др. городахъ, при чемъ въ числѣ руководителей женевскаго отдѣла упоминаются имена Герцена и Огарева. Гогенгеймскую академію баронъ Врангель аттестовалъ какъ очагъ революціонныхъ идей.

Какъ бы въ подтвержденіе этой части донесенія Врангеля, на-

мѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, сообщилъ шефу жандармовъ свои свѣдѣнія о томъ, что «по увѣреніямъ» въ дѣлѣ Каракозова принимала участіе женевская революціонная партія, къ которой принадлежитъ Герценъ. Кромѣ того графъ Бергъ сообщилъ, что отъ этой партіи отправлены въ Петербургъ эмиссары: студентъ Спб. университета—Качковскій съ паспортомъ на имя Затлера и какой то «бывшій прапорщикъ русскихъ войскъ» съ паспортомъ на имя англійскаго подданнаго Петерсона; лица эти «еще не переѣхали русской границы и, по всей вѣроятности, находятся въ Краковѣ».

Такимъ образомъ неотложность имѣть надежныхъ русскихъ агентовъ доказывалась все болѣе и болѣе; о наилучшемъ же устройствѣ агентуры имѣются въ вышеупомянутомъ донесеніи Врангеля такія соображенія самого графа Бисмарка:

«Имѣя въ виду, что въ настоящее время сдѣланы указанія на злоумышленныя намѣренія противъ нѣсколькихъ царственныхъ особъ, было бы полезно правительствамъ русскому, прусскому и французскому принять совокупныя мѣры для открытія и устраненія могущей угрожать имъ общей опасности. Для чего графъ Бисмаркъ полагалъ бы произвести секретное розысканіе и разслѣдованіе обнаруженныхъ фактовъ посредствомъ особыхъ довѣренныхъ отъ каждаго правительства лицъ, которыя по взаимнымъ соглашеніямъ направляли бы всѣ дѣйствія къ достиженію одной общей цѣли. По словамъ графа Бисмарка императоръ Наполеонъ III не встрѣтитъ къ этому препятствія, а по нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ, соглашеніе французскаго и русскаго правительствъ по этому предмету уже послѣдовало и они производятъ вмѣстѣ надлежащія розысканія.

Русская революціонная партія представляется самою скрытною и осторожною и узнать посредствомъ русскихъ агентовъ отъ ея членовъ что либо объ ихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ оказывается рѣшительно невозможнымъ. Если бы россійское правительство желало имѣть въ средѣ русской революціонной партіи своего агента, то оно, по мнѣнію графа Бисмарка, должно было бы прибѣгнуть для сего, съ особой осторожностью и осмотрительностью, къ слѣдующей хитрости: на избранное для этой цѣли благонадежное и преданное лицо, слѣдовало бы взвести обвиненіе въ какомъ-либо вымышленномъ политическомъ преступленіи, подвергнуть его заключенію подъ стражу и произвести ему нѣсколько допросовъ, затѣмъ дать ему средства бѣжать изъ мѣста заключенія и отправиться заграницу, лучше всего на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ. Подобное лицо, по прибытіи его въ Женеву, будетъ охотно принято въ тамошнее тайное революціонное общество и впослѣдствіи можетъ мало по малу войти въ довѣріе русской революціонной партіи. Все вышеизложенное графъ Бисмаркъ просилъ повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества».

26-го мая управляющій III Отдѣленіемъ, генералъ Мезенцевъ, разослалъ во всѣ концы приказанія объ арестѣ Мосолова, Бороздина, Бороздиной и эмиссаровъ женевской революціонной партіи Качковскаго-Затлера, Петерсона и ихъ вещей и доставленія ихъ «со всѣмъ» въ III Отдѣленіе. Шефъ жандармовъ счелъ нужнымъ освѣдо-

мить министра народнаго просвѣщенія (графа Дм. Андр. Толстого) о вредномъ образѣ мыслей студентовъ гогенгеймской академіи. Толстой немедленно отвѣтилъ, что онъ снесся по этому поводу съ русскимъ посланникомъ при Вюртембергскомъ дворѣ и поручилъ ему отговаривать соотечественниковъ отъ поступленія въ гогенгеймскую академію, кромѣ того Толстой рекомендовалъ шефу жандармовъ отписать о томъ же министру государственныхъ имуществъ (Зеленому), такъ какъ въ сущности въ гогенгеймскую академію могутъ быть командированы лишь студенты такого рода спеціальности, которая ничего общаго съ министерствомъ народнаго просвѣщенія не имѣетъ. Шуваловъ написалъ и Зеленому.

Въ это время, подозрѣваемый въ дружбѣ съ Блиндомъ, Мосоловъ, пріѣзда котораго изъ за-границы ждали власти, еще до распоряженія объ его арестѣ, возвратился въ Россію и успѣлъ даже поступить на службу въ Учредительный Комитетъ Царства Польскаго и проживалъ въ Варшавѣ на квартирѣ дяди своего Александра Ивановича Кошелева.

2-го Іюня Мосолова розыскали, обыскали, арестовали и увезли «со всѣмъ» въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе, гдѣ и заключили подъ стражу.

Однако ни въ вещахъ Мосолова, ни въ его многорѣчивыхъ показаніяхъ 7-го и 11 іюня, нельзя было найти указаній на причастность его къ дѣятельности заграничнаго общества революціонеровъ 14-го іюня къ докладу своему Императору о допросахъ Мосолова Шуваловъ добавляетъ: «допросы Мосолову дѣлаются съ большою осмотрительностью. Онъ не знаетъ по сіе время, что его сношенія съ Блиндомъ намъ извѣстны. Я опасаюсь, чтобы онъ сталъ во всемъ запираться и тѣмъ затруднилъ дальнѣйшее изслѣдованіе». Это вызвало слѣдующую отмѣтку Императора: «буду ждать дальнѣйшаго».

Въ это время нѣкій Шульцъ, чиновникъ особыхъ порученій при шефѣ жандармовъ, тоже предназначенный, какъ и баронъ Врангель, учреждать заграничную россійскую агентуру, но по нездоровью еще не выѣхавшій изъ Петербурга, поправился и собирался въ путь, имѣя на готовѣ какой-то «свой планъ», ибо къ «соображеніямъ» Бисмарка Шульцъ относился скептически. Тѣмъ не менѣе Шуваловъ и Шульца снабдилъ письмомъ къ Бисмарку слѣдующаго содержанія: [1]) «Баронъ Врангель передалъ мнѣ свѣдѣнія, столь драгоцѣнныя, которыя Ваше Превосходительство пожелало ему сообщить, такъ же какъ и Ваши мысли относительно революціоннаго движенія, которое такъ сильно реагируетъ въ Европѣ. Я поспѣшилъ доложить всѣ эти обстоятельства моему Августѣйшему Повелителю Государю Императору. Его Величество совершенно раздѣляетъ Ваше мнѣніе о полезности дѣйствовать сообща съ правительствами Его Величества Короля (прусскаго) и Императора французовъ съ цѣлью уничтожить разрушительные происки враговъ порядка. Смѣю надѣяться, графъ, что Вы не откажетесь преподать необходимыя указанія подателю сего письма состоящему при мнѣ, Коллежскому Совѣтнику Шульцу, для того

---

[1]) Подлинникъ написанъ на французскомъ языкѣ.

чтобы установить его сношенія, съ тѣми лицами, которымъ Ваше Превосходительство поручили это дѣло».

Кромѣ этого письма Шуваловъ снабдилъ Шульца и письмомъ къ россійскому послу во Франціи барону Будбергу, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «Коллежскій Совѣтникъ Шульцъ поставитъ Ваше Превосходительство въ извѣстность еще болѣе близкую относительно революціонныхъ происковъ, съ каждымъ днемъ завоевывающихъ почву въ Европѣ, происковъ, преступныя цѣли которыхъ должны обратить на себя серьезное вниманіе нашего правительства».

Шульцъ получилъ паспортъ и деньги и отправился по Высочайшему повелѣнію отъ 16-го іюня за-границу. Допросы Мосолова продолжались неукоснительно. Не понимая, чего отъ него добиваются и за что арестовали, Мосоловъ принялся безъ утайки разсказывать свою біографію, такъ что не представлялось затрудненій удовлетворить выраженное Государемъ желаніе знать «кто такой Мосоловъ». Василій Александровичъ Мосоловъ, сынъ дворянина Рязанской губ., дѣйствительный студентъ агрономіи, 23 лѣтъ, окончивъ курсъ въ Лѣсной Академіи, былъ отправленъ дядей своимъ Кошелевымъ за-границу для усовершенствованія въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ. Получивъ отъ дядюшки приличную сумму денегъ, Мосоловъ покинулъ Россію, побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ и др. городахъ, иногда мимоходомъ бралъ уроки нѣмецкаго языка, котораго совершенно не зналъ, кое съ кѣмъ познакомился, между прочимъ со студентомъ Бороздинымъ, фамиліи многихъ своихъ новыхъ знакомыхъ запамятовалъ, кое-что почиталъ изъ «запрещеннаго», потому что другихъ русскихъ книгъ за-границей не было (знаменитый «Колоколъ» произвелъ на Мосолова «отталкивающее впечатлѣніе»); онъ посѣщалъ театры, кондитерскія, погребки и, наконецъ, услыхавъ, что въ Гамбургѣ имѣется рулетка, немедленно устремился туда попытать счастья и проигралъ всѣ деньги, данныя ему для усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Тогда-то, но несомнѣнно не «для удовольствія», какъ доносилъ агентъ Роже, Мосоловъ кое-какъ добрался до Гогенгейма, гдѣ имѣлась Земледѣльческая Академія, въ ту пору (въ мартѣ) закрытая по случаю вакацій. Тутъ былъ у Мосолова знакомый студентъ Никитинъ и Мосоловъ даже походилъ на практическія занятія. Отъ матери онъ получилъ всего 100 рублей, сумму недостаточную, чтобы возвратиться на родину и приходилось ждать, когда въ отвѣтъ на покаянное письмо, дядя А. И. Кошелевъ вышлетъ болѣе крупную сумму денегъ. Получивъ эти деньги, Мосоловъ немедленно же и уѣхалъ».

Допросы Мосолова положительно не давали желанныхъ матеріаловъ и не подтверждали взведенныхъ на него обвиненій, какъ вдругъ пришло извѣстіе изъ Кронштадта о задержаніи тамъ «эмиссара Клятвеннаго Союза» Петерсона. Субъекта съ англійскимъ паспортомъ на имя Петерсона арестовали, забрали его вещи и деньги 110 фунтовъ стерлинговъ, и доставивъ его «со всѣмъ» въ 3-е Отдѣленіе (17-го іюня), стали черезъ переводчика допрашивать. Но «Петерсонъ» оказался Патарсономъ, истиннымъ владѣльцемъ своего паспорта, капиталистомъ изъ Глазго, прибывшимъ въ Россію единственно только

«для удовольствія». Личность его была удостовѣрена, вещи и деньги возвращены и почтенный г. Патарсонъ получилъ возможность безпрепятственно продолжать свою увеселительную поѣздку по Россіи.

Не успѣли расправиться съ Патарсономъ, какъ изъ Вержболова (18-го іюня) пришла сенсаціонная телеграмма: «Задержанъ Александръ Мосоловъ, лѣтъ, 24-хъ, темнорусые волосы, одѣтъ прилично. Слѣдуетъ ли арестовать?» Но отъ полученія дубликата Мосолова генералъ Мезенцевъ отказался, телеграфировавъ: «Прошу Александра Мосолова не задерживать, искомый уже отысканъ.»

Наконецъ послѣдовательно и осторожно дошли на допросахъ до Блинда и Мосоловъ немедленно же отвергъ возможность дружбы съ нимъ, потому что, не зная нѣмецкаго языка, онъ не могъ бы даже бесѣдовать съ другомъ, а главное потому, что онъ, Мосоловъ, «честное слово» никогда въ жизни не видалъ Блинда, кромѣ того никогда ни въ какихъ конспираціяхъ и т. п. дѣяніяхъ не участвовалъ и даже послѣ безпорядковъ въ Горигорѣцкомъ институтѣ, гдѣ онъ первоначально обучался, Мосоловъ былъ переведенъ въ Лѣсной Институтъ въ числѣ политически благонадежныхъ студентовъ. Онъ просилъ вообще обратить вниманіе на его чистосердечныя показанія и кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ въ будущемъ «удалить всю тѣнь» павшаго на него подозрѣнія и «повергалъ участь свою милостивому благоусмотрѣнію правительства». Затѣмъ все это Мосоловъ изложилъ письменно и прошеніе его 24-го іюня было доложено Императору.

Отобравъ отъ Мосолова подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга, 30-го іюня его выпустили подъ надзоръ полиціи на нѣкоторое время.

За два дня до освобожденія его, III Отдѣленіе обратилось, наконецъ, къ министру государственныхъ имуществъ за справкой о поведеніи Мосолова въ Горигорѣцкомъ Институтѣ и Лѣсной Академіи. Все, что уже говорилъ Мосоловъ о своемъ «отличномъ поведеніи» и что знали по этому поводу изъ его аттестата—подтвердилось, кромѣ того оказалось, что однажды онъ уже невинно пострадалъ отъ взведеннаго на него подозрѣнія: въ дѣлѣ о студентахъ Горигорѣцкаго Института (возстаніе въ Горкахъ 1863 г.) имѣлось указаніе на то, что Мосоловъ вкупѣ со студентомъ Берхомъ, обвинялся въ «произнесеніи оскорбительныхъ выраженій о Священной Особѣ Государя», но, разсмотрѣвъ это дѣло, генералъ-маіоръ Потаповъ не нашелъ никакихъ основаній къ обвиненію и опредѣлилъ: Мосолова и Берха освободить отъ всякой отвѣтственности.

Берхъ былъ въ 1866 г. управляющимъ дѣлами Бороздиной, подозрѣваемой въ сношеніяхъ съ Блиндомъ.

А. И. Кошелевъ хлопоталъ, чтобы племянника его освободили изъ подъ надзора полиціи, но до 25-го іюля дѣло Мосолова еще не было приведено въ надлежащую ясность. 25-го іюля, было получено донесеніе отъ цѣнимаго Бисмаркомъ русскаго агента Штибера, который и положилъ конецъ томленію заподозрѣннаго молодого человѣка.

Штиберъ писалъ, что «не нашелъ ни одного указанія, подтверждающаго предположенія графа Бисмарка». Обвиненіе Мосолова основано лишь на догадкахъ Бороздина и Штоля, содержателя гостинницы «Zur Garbe». Агентъ Роже поселился въ этой гостинницѣ и сблизился

съ Бороздинымъ, который и сказалъ Роже, что Мосоловъ тоже жилъ въ «Zur Garbe», жилъ тамъ и Блиндъ передъ покушеніемъ на Бисмарка. Штоль же не только выразилъ, равно какъ и Бороздинъ, свое удивленіе по поводу того, что въ день покушенія Блинда Мосоловъ уѣхалъ, не сказавъ куда онъ отправляется, но хозяина «Zur Garbe» особенно поразило еще и то, что Мосоловъ жилъ въ Гогенгеймѣ «для удовольствія», тогда какъ никто съ этой цѣлью въ Гогенгеймъ не ѣздилъ. Фактъ этотъ показался столь подозрительнымъ Штолю, что онъ заподозрилъ даже Мосолова въ сообществѣ съ Блиндомъ, хотя, впрочемъ «не было замѣчено, чтобы они знали или посѣщали другъ друга». Всѣ эти догадки заставили Роже ближе разслѣдовать дѣло, но ничего существеннаго онъ найти не могъ. Бороздинъ заболѣлъ горячкой и бесѣды съ нимъ Роже прекратились. Роже сознавался, что не вѣрилъ самъ въ основательности предположеній Бороздина и Штоля, но сообщалъ о нихъ въ свое время по долгу службы. «Бороздинъ же совсѣмъ къ дѣлу не причастенъ, что доказывается тѣмъ, что онъ самъ заподозрилъ Мосолова». Виновность магистра Бороздина также ничѣмъ не подтвердилась.

Вслѣдствіе этого донесенія Штибера, всѣ распоряженія о задержаніи Бороздиныхъ были отмѣнены 30-го іюля. «Эмиссары» Качковскій и Петерсонъ такъ и не прибыли въ Россію.

Мосолова также освободили «совершенно и безъ всякихъ для него послѣдствій», но онъ къ этому времени такъ поиздержался, что даже обратился къ шефу жандармовъ съ просьбой походатайствовать передъ статсъ-секретаремъ Милютинымъ о предоставленіи ему, Мосолову, службы по акцизному управленію Царства Польскаго. Кромѣ того Мосоловъ просилъ дать ему 100 рублей въ видѣ пособія или хотя бы заимообразно до пріисканія мѣста.

На эту просьбу послѣдовало такое заключеніе III Отдѣленія, доложенное графу Шувалову: «принимая въ соображеніе извѣстныя обстоятельства по дѣлу г. Мосолова и, дѣйствительно, безвыходное положеніе его, казалось бы, что изъясненная просьба молодого образованнаго и, какъ показали послѣдствія, незапятнаннаго ничѣмъ молодого человѣка, тѣмъ болѣе могла бы заслуживать вниманія, что это имѣло бы благопріятныя послѣдствія на всю будущность его. 2-го августа 1866 г.

N. N.

Константинъ Гавриловичъ
НЕУСТРОЕВЪ.

Историческая библіографія.

Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. 1878—1887 гг. *Оффиціальный отчетъ. Москва 1907 г. Изд. В. М. Саблина Ц. 1 р. 50 к.*

Все болѣе и болѣе всплываетъ на свѣтъ божій „потаенная“ или, еще вѣрнѣе, „подпольная“ литература нашей правящей бюрократіи. Не ограничиваясь изданіемъ исключительно для „посвященныхъ“ всякаго рода тайныхъ докладовъ, обзоровъ, сводовъ, инструкцій, циркуляровъ и прочихъ продуктовъ своей плодотворной дѣятельности, это почтенное братство дѣлало попытки издавать, на основаніи накоплявшихся въ тайникахъ департамента полиціи, относящихся къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, обширныхъ матеріаловъ, и цѣлыя „Хроники“ этого движенія. Издавались такія произведенія нашими полицейскими лѣтописцами въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и предназначались они лишь для абсолютно „своихъ“ людей при томъ, разумѣется, самыхъ высшихъ ранговъ. Редакція „Хроникъ“ поручалась такимъ лицамъ, на „скромность“ которыхъ можно было положиться вполнѣ (въ данномъ случаѣ редакторомъ явился товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ „извѣстный“ генералъ Шебеко), печатались онѣ не иначе, какъ на французскомъ языкѣ (доказательство, что авторы—люди du bon ton) и разсылались, кому сіе вѣдать надлежало, съ надписью „confidentiel et exclusivement personel“. Словомъ, обставлялось дѣло вполнѣ конспиративно, по всѣмъ правиламъ „тайныхъ сообществъ“.

Но перейдемъ непосредственно къ предмету настоящей рецензіи.

О степени невѣжества Шебеки въ области предмета, о которомъ онъ не только смѣло взялся судить, но и исторію котораго дерзнулъ составлять, читатель будетъ имѣть возможность судить изъ послѣдующихъ строкъ, но мы должны констатировать здѣсь же, съ величайшимъ, конечно, сожалѣніемъ, что и редакторъ изданнаго г. Саблинымъ перевода „Хроники“ на русскій языкъ г. В. К. обнаружилъ знакомство съ исторіей русскаго революціоннаго движенія ничуть не большее, чѣмъ генералъ Шебеко. Доказательства ниже. Мы, конечно, не будемъ останавливаться на, съ позволенія сказать, „научной“ сторонѣ „Хроники“. Что говорить о ней, если на языкѣ полицейскаго историка Бакунинъ, Лавровъ, Желябовъ, Плехановъ, да любой, рѣшительно любой, революціонеръ, носятъ общее имя „анархистовъ“! Такое умѣніе разби-

раться въ направленіяхъ различныхъ революціонныхъ партій можно поставить въ одинъ уровень развѣ лишь съ утвержденіемъ того же Шебеки, что до 1879 года „стачки совсѣмъ были неизвѣстны въ Россіи“ (стр. 41). Послѣднее, впрочемъ, можно объяснить вѣковѣчною привычкою господъ Шебекъ отождествлять себя съ „Россіею“. Имъ „неизвѣстно“, значитъ, и „Россіи“ неизвѣстно! Оставляя по этой причинѣ вовсе безъ разсмотрѣнія эту сторону дѣла, мы обратимся непосредственно къ фактическому содержанію книги нашего генерала отъ полиціи. Этотъ почтенный мужъ повѣдалъ, между прочимъ, своимъ читателямъ, что съ 1 іюля 1881 года „департаментъ полиціи предпринялъ изданіе „Обзоровъ“ хода главныхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ, а также дѣятельности анархистскаго міра. Это изданіе выходитъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и только для пользованія высшихъ и компетентныхъ властей. Эта серія оффиціальныхъ данныхъ со временемъ дастъ прочную и истинную базу для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ (стр. 207). Тщательное изученіе нами этихъ „Обзоровъ“ (нѣсколько извлеченій изъ нихъ за разные годы мы уже напечатали въ нашемъ журналѣ), равно какъ и предшествовавшаго имъ „Свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ (первыя главы этого „Свода“ мы помѣщаемъ въ настоящей книжкѣ), даетъ намъ полное основаніе утверждать, что составители „Хроники“ и ея редакторъ генералъ Шебеко не были знакомы сколько нибудь основательно *даже съ этими произведеніями премудрости департамента полиціи*. Будь это иначе, они не испещрили бы „Хронику“ безчисленными ошибками фактическаго характера: они не сказали бы, что дѣло Горскаго, Бильчанскаго и др. разсматривалось *Одесскимъ* военнымъ судомъ (стр. 87), тогда какъ лица эти судились военнымъ судомъ въ Кіевѣ, гдѣ Горскій и Бильчанскій, а вмѣстѣ съ ними и Федоровъ (Гобстъ) были повѣшены; что Исаевъ „принималъ участіе въ покушеніи подъ Александровскомъ“ (112), тогда какъ онъ не имѣлъ къ этому дѣлу почти никакого отношенія, а принималъ выдающееся участіе въ покушеніи подъ Москвою; что „Желябовъ былъ посланъ въ Кишиневъ съ цѣлью ограбленія казначейства“ (124), тогда какъ ни въ данныхъ процесса 20 народовольцевъ, гдѣ нѣкоторымъ изъ обвиняемыхъ инкриминировалось именно это дѣяніе, ни въ соотвѣтствующихъ „Обзорахъ“ о поѣздкѣ Желябова въ Кишиневъ ни разу не упоминается, а говорится лишь, что Меркуловъ ѣздилъ туда по порученію Желябова; что попытка взорвать царскій поѣздъ подъ Москвою произошла 19 февраля 1879 года, тогда какъ это случилось 19 ноября того же года; что въ Ростовѣ на Дону печатались №№ 10 и 11 „Народной Воли“ (281,) тогда какъ тамъ печатался только № 10, а 11-го № *въ отдѣльности и вовсе не существовало*. № 11—12 (двойной) былъ выпущенъ много времени спустя послѣ 10-го въ Тулѣ; что, благодаря возникновенію за границей „Группы освобожденія труда“, (какъ всѣмъ извѣстно, соціалъ-демократической) „образовался снова заграницей расколъ между „народовольцами“ и „*народниками*“.(„Вскорѣ изданная программа кружка Плеханова была почти тождественна съ идеями „Чернаго Передѣла“,—добавляетъ по этому поводу великолѣпный генералъ. Стр. 249) и т. д. и т. д. безъ конца.

Къ сожалѣнію, редакторъ перевода на русскій языкъ шебековской „Хроники“ г. В. К., очевидно, по причинѣ такого же незнакомства съ предметомъ какимъ отличался и Шебеко, не только не оговорилъ въ примѣчаніяхъ (а на примѣчанія, къ слову сказать, иногда весьма неудачныя, г. В. К. не скупился) всѣхъ этихъ фактическихъ ошибокъ „Хроники“, но и прибавилъ уже отъ себя

множество новыхъ. Подлинная „Хроника“, какъ мы уже упоминали, была издана на французскомъ языкѣ, а потому и при переводѣ ея на языкъ русскій, необходимо было не только владѣть обоими этими языками, но и обладать знаніемъ предмета, какъ таковаго. На дѣлѣ, однако, ни за переводчикомъ, ни за редакторомъ такихъ, столь необходимыхъ для приличнаго исполненія принятой ими на себя задачи, данныхъ совсѣмъ не оказалось: они прямо таки систематически искажаютъ заглавія революціонныхъ изданій, названія организацій, фамилій революціонеровъ и пр. и пр. Такъ они дважды говорятъ о никогда не существовавшей брошюрѣ „Убійство за убійство“ (вмѣсто извѣстной каждому знакомому съ исторіей революціоннаго движенія въ Россіи, написанной Кравчинскимъ тотчасъ послѣ убійства имъ Мезенцева брошюры „Смерть за смерть“), называютъ прокурора Добржинскаго (нѣсколько разъ) Добржанскимъ, извѣстныхъ шлиссельбужцевъ Малавскаго (три раза подрядъ) Малявскимъ, а Буцинскаго—Бучинскимъ. Всѣмъ извѣстный Юрій Богдановичъ (Кобозевъ) фигурируетъ въ русскомъ переводѣ „Хроники“ много разъ, какъ Георгій Богдановичъ, а громкій въ свое время „Южно-Русскій Рабочій Союзъ“ называется то „Южнымъ рабочимъ союзомъ“, то „Союзомъ южныхъ рабочихъ“. Революціонеровъ Сентянина переводчикъ и редакторъ величаютъ Сентяшинымъ, Березнюка (нѣсколько разъ)—Березнякомъ, Родина—Радинымъ, Круковскую—Крюковской, Аитова—Айтовымъ, Лозянова—Лозоновымъ, Кузюмкина—Кузёмкинымъ, Майнова—Майковымъ и пр. и пр. Фамиліи нѣкоторыхъ революціонеровъ искажены переводчикомъ и редакторомъ уже до полной неузнаваемости: такъ осужденный въ 1880 году въ Кіевѣ Никита Левченко называется у нихъ Никифоромъ *Савченко*, а осужденная въ 1883 году по извѣстному процессу 17 народовольцевъ Юшкова передѣлана въ *Сучкову*... Мелкихъ ошибокъ ужъ прямо не оберешься: извѣстная землевольческая „вольная русская типографія“ (организованная Зунделевичемъ) называется „свободной русской типографіей“, народовольческая прокламація „Славному войску казацкому—Донскому, Уральскому, и т. д.“ переведена „Славному казачеству Дона, Урала и т. д.“ И такихъ, постинѣ *вольныхъ* переводовъ, избѣжать которыхъ было бы въ настоящее время очень легко всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ литературою предмета, находится въ „Хроникѣ“ въ неприлично большомъ количествѣ.

Переводъ и въ общемъ сдѣланъ весьма неудовлетворительно. Встрѣчаются и курьезы: такъ, переводчикъ говоритъ, а редакторъ его не поправляетъ, нѣсколько разъ о несуществующей „Байкальской области“ (вмѣсто Забайкальской).

Въ заключеніе еще пара замѣчаній:

Редакторъ „Хроники“ пишетъ въ своемъ къ ней предисловіи такія строки: „Въ печати какъ русской, такъ и заграничной упомянаній о немъ (объ этомъ произведеніи Шебеко) встрѣчать намъ не приходилось. *Не знаютъ его и историки нашихъ общественныхъ движеній*, къ которымъ мы обращались за справками“.

Кто эти удивительные „историки нашихъ общественныхъ движеній“, къ которымъ редакторъ русскаго перевода „Хроники“ обращался за справками о книгѣ, давно уже извѣстной даже и не спеціалистамъ,—мы не знаемъ, но зачѣмъ это было г-ну В. К. и обращаться къ нимъ, когда свои сомнѣнія онъ могъ бы разрѣшить гораздо проще. Въ примѣчаніяхъ къ „Хроникѣ“ онъ часто дѣлаетъ ссылки на журналъ „Былое“. Если бы онъ потру-

дился развернуть мартовскую книжку „Былого“ за прошлый годъ, то на страницѣ 74-й въ замѣткѣ „Къ портрету А. И. Желябова“, онъ нашелъ бы не только полное французское названіе „Хроники“ (Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887“. XI+761 ps. Redigée sous la direction de l'Ajoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco. Imprimerie officielle du Ministére de l'intérieur, á St. Pétersbourg. 1890.), но и французскія цитаты изъ этой книги съ указаніемъ страницъ. (Чтобы удостовѣриться въ томъ, насколько слабъ и въ общемъ переводъ на русскій языкъ „Хроники“, рекомендуемъ желающимъ сравнить приведенныя у насъ въ замѣткѣ „Къ портрету А. И. Желябова“ французскія цитаты изъ подлинника съ помѣщеннымъ на стр. 161 изданной г. Саблинымъ „Хроники“ переводомъ ихъ на русскій языкъ).

Затѣмъ по другому поводу: помѣщая переводъ списка эмигрантовъ, г. В. К. къ фамиліи эмигранта Волкова (стр. 333) дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Извѣстный этнологъ. Нѣсколько его статей въ „Быломъ“ 1906 г.“ Зачѣмъ г. В. К. понадобилось говорить даже о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ уже абсолютно не имѣетъ понятія—мы рѣшительно недоумѣваемъ. *Ни одной статьи* бывшаго эмигранта Волкова у насъ вплоть до настоящей книжки помѣщено не было а *единственная* статья, подписанная *псевдонимомъ* „Волковъ“, („Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году“. Февраль 1906 г.) принадлежитъ совсѣмъ другому лицу. Была еще статья *въ заграничномъ* „Быломъ“ (В. Л. Бурцева), подписанная тѣмъ же *псевдонимомъ* „Волковъ“, („Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“), но и она принадлежитъ *тому же автору* воспоминаній о „Народовольческой пропагандѣ среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году“. Говоримъ это, конечно, не потому, чтобы мы имѣли что бы то ни было противъ сотрудничества *подлиннаго* г. Волкова,—напротивъ,—а въ качествѣ простого констатированія факта, какъ иногда on écrit (въ данномъ случаѣ on rédige) l'histoire“...

Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ появленіе на русскомъ языкѣ „Хроники“ Шебеко фактомъ, заслуживающимъ полнаго вниманія: массою сырыхъ матеріаловъ, въ ней находящихся, она сослужитъ свою службу дѣлу познанія прошлаго нашего освободительнаго движенія, но, конечно, только въ умѣлыхъ рукахъ.

В. Богучарскій.

Цареубійство 11 марта 1801 года. *Записки участниковъ и современниковъ. Съ 17-ю портретами, видами и планами. С-Петербургъ, 1907, изданіе А. С. Суворина.*

Въ этомъ сборникѣ наиболѣе значительны по объему цѣнныя записки Саблукова и Коцебу, касающіяся не одного только убійства Павла, но и вообще его времени. Записки *Н. А. Саблукова*, полковника конной гвардіи, послѣ 1809 года вышедшаго въ отставку и жившаго въ Англіи, напечатаны были первоначально въ англійскомъ переводѣ, въ журналѣ Fraser's Magazine 1865 г.; отсюда онѣ были переведены въ Русскомъ Архивѣ 1869 г. (№ 11, ст. 1869—1951), съ пропускомъ описанія убійства. За утратой русскаго оргинала записокъ, онѣ и въ сборникѣ А. Суворина печатаются въ переводѣ съ англійскаго, подъ редакціей К. Военскаго.

Сочиненіе *Августа Коцебу*, нѣмецкаго писателя, теперь больше всего извѣстнаго только своей смертью отъ руки Занда (1819 г.), подъ названіемъ

„Исторія Заговора, который 11 марта 1801 года лишилъ императора Павла престола и жизни“ напечатано въ переводѣ съ подлинной нѣмецкой рукописи, сдѣланномъ еще въ 1877 году княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, съ его же очень обстоятельными примѣчаніями. Спеціалистамъ этотъ переводъ давно уже извѣстенъ по изданію А. С. Суворина, напечатанному въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не поступавшихъ въ продажу.

Кромѣ этихъ двухъ мемуаровъ, въ сборникѣ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ записокъ, извѣстныхъ уже по французскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ, частью по русскимъ заграничнымъ, а съ 1896 года отчасти и по „Историч. Вѣстнику“. Изъ этихъ отрывковъ представляетъ большой интересъ извлеченное изъ мемуаровъ *генерала Бенигсена* и напечатанное недавно г. Шиманомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1906, № 4), письмо генер. Бенигсена къ его другу генералу Фоку, написанное вскорѣ послѣ событія 11 марта 1801 года, въ которомъ Бенигсенъ игралъ очень видную роль. Затѣмъ въ сборникъ вошли отрывки изъ мемуаровъ *княгини Д. Х. Ливенъ*, въ переводѣ В. Штейна (также недавно напечатанномъ въ Истор. Вѣстн., 1906, № 5); изъ записокъ декабриста *М. А. Фонвизина* (въ цѣломъ, съ небольшими цензурными пропусками, извѣстныхъ уже по изданію „Общественныя движенія въ Россіи“, т. I, 1905), изъ записокъ *графа Ланжерона*, разсказъ его о смерти Павла, записанный со словъ Палена и Бенигсена (напечатанъ былъ не такъ давно въ Revue Britannique 1895, № 6); изъ записокъ *барона Гейкинга*, изданныхъ по-нѣмецки въ 1886 году (Aus den Tagen Kaiser Pauls), наконецъ, изъ извѣстныхъ мемуаровъ *князя Адама Чарторыскаго*

Это—далеко неполная коллекція главныхъ источниковъ по исторіи переворота 1801 года. Редакторъ изданія заявляетъ, что оно имѣетъ цѣлью „способствовать полному выясненію истины о кровавыхъ событіяхъ и переворотѣ 1801 года“ и что „въ книгѣ соединены наиболѣе достовѣрные источники и не вошли всѣ тѣ разсказы и пересказы, въ которыхъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ пылкой фантазіи, явно лживыхъ сплетенъ и неосновательныхъ слуховъ“. Но подъ эту характеристику никакъ не подходятъ невошедшія въ сборникъ, напримѣръ, донесенія саксонскаго посланника *Розенвейга*, опубликованныя въ журналѣ Aus allen Zeiten und Landen, (Braunschveig, 1883 г.); не подходятъ и помѣщенные въ сборникѣ Шимана („Къ исторіи царствованія Павла I и Николая I, новые матеріалы“, Берлинъ, 2-е изд. 1906 г.: разсказы о смерти Павла—принца *Евгенія Виртембергскаго*, *А. Н. Вельяминова-Зернова* и записанный со словъ Бенигсена и князя П. Зубова разсказъ *Эрнста Веделя* [1]).

Неполнота сборника обусловлена отчасти тенденціозностью редакторовъ, которые оспариваютъ сумашествіе Павла, выдвигаютъ его благородство, вмѣстѣ съ его „прекрасными манерами“, „вѣжливостью къ женщинамъ“, „бойкимъ умомъ“ и прочими, по большей части, мнимыми достоинствами, и въ противоположность ему унижаютъ заговорщиковъ, какъ изверговъ и злодѣевъ. Тенденціозность бросается въ глаза во всемъ, и въ предисловіи чисто фельетоннаго характера, неизвѣстнаго автора, и въ пропускѣ нѣкоторыхъ матеріа-

---

[1]) Разсказъ Вельяминова-Зернова, раньше сборника Шимана, напечатанъ былъ, безъ имени автора, въ „Историческомъ Сборникѣ“, изд. въ Лондонѣ, въ 1861 г., ч. II. Разсказъ принца Евгенія раньше изданъ былъ въ книгѣ: Bar. Helldorf, Aus dem Leben des Prinzen Eugen vor Württemberg, 1861 г., и частью переведенъ въ Русскомъ Архивѣ 1878, т. I.

ловъ, якобы лживыхъ и неосновательныхъ, и въ расположеніи матеріала; на первое мѣсто выдвинуты записки Саблукова не столько по ихъ цѣнности, сколько вслѣдствіе благожелательнаго отношенія къ Павлу ихъ автора. Редакторы воздаютъ Саблукову „честь и славу“ за то, что онъ былъ „искренно и убѣжденно преданъ самодержавію и всѣмъ остальнымъ исконнымъ завѣтамъ русской жизни“; они въ этой характеристикѣ нисколько не стѣсняются тѣмъ, что самъ Саблуковъ въ своихъ запискахъ выказалъ явное сочувствіе конституціи, и смѣло заподозрѣваютъ точность англійскаго перевода какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Саблуковъ говоритъ о конституціи (стр. 18, и примѣчаніе редактора).

Переводъ записокъ Адама Чарторыскаго, перепечатанный изъ „Русской Старины“, поражаетъ той безцеремонностью, съ какою редакторы дорогого, хорошо изданнаго сборника, претендующаго на научное значеніе [1]), рѣшаются выдавать за переводъ мемуаровъ Чарторыскаго ихъ тенденціозную передѣлку. „Беззащитность жертвы уже ихъ (заговорщиковъ) не останавливала, *возбуждая дикое чувство мести*“; такъ сказано въ Сборникѣ; Чарторыскій пишетъ совсѣмъ другое: „Его уничиженіе, его полная покорность никого не обезоруживаютъ и дѣлаютъ его въ ихъ глазахъ презрѣннымъ и смѣшнымъ, сколь и ненавистнымъ“. (Son anéantissement, son entière soumission ne désarment personne, et le rendent à leurs yeux méprisable et ridicule, autant qu'odieux).

„На *несчастнаго*, читаемъ въ сборникѣ, посыпались удары“; въ подлинникѣ: on le frappe. „Озвѣрѣвшіе злодѣи продолжаютъ затягивать петлю и влекутъ безжизненное тѣло по комнатѣ“; въ подлинникѣ: „on se pend encore à l'écharpe on traine le cadavre, on le frappe de la main et du pied“ [2]). Переводчикъ прибавляетъ слова: „несчастный“, „дикое чувство мести“, „озвѣрѣвшіе злодѣи“ и пропускаетъ цѣлыя фразы о томъ, что Павелъ казался заговорщикамъ презрѣннымъ и жалкимъ, и что они наносили трупу удары руками и ногами. Весь переводъ также искаженъ до неузнаваемости, даже въ мѣстахъ, совершенно невинныхъ съ цензурной точки зрѣнія: такъ напримѣръ, стр. 222-я о постройкѣ Павломъ Михайловскаго замка и о подготовкѣ заговора представляетъ собою вся не переводъ, а вольный извращенный пересказъ мемуаровъ.

Въ такомъ цѣнномъ документѣ, какъ письмо генерала Бенигсена опущено его начало на томъ основаніи, какъ заявляетъ г. Шиманъ, что оно заключаетъ въ себѣ якобы „невѣрное описаніе сумасбродствъ Павла“. Не говоря уже о спеціалистахъ, даже для любителей было бы важно ознакомиться съ тѣмъ, что редакторамъ тенденціознаго сборника кажется иной разъ невѣрнымъ. Въ предисловіи къ письму Бенигсена сказано, что этотъ документъ „до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнародованъ“; но мы уже за годъ до выхода сборника читали его, съ тѣми же самыми словами предисловія того же г. Шимана, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1906, № 4).

Переводъ „Исторіи“ Коцебу, повидимому, сдѣланъ очень тщательно, но

---

[1]) „Настоящимъ изданіемъ, исключительно предназначеннымъ для небольшого кружка спеціалистовъ историковъ и любителей отечественной старины“... слова предисловія, на стр. 4.

[2]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, Préface de M. de Mazade Paris 1877 с. 249 и др. То самое изданіе, на которое ссылается редакція (с. 204).

онъ переполненъ тяжеловѣсными фразами нѣмецкой конструкціи, такого рода: „Нѣсколько способовъ извести императора были предпринимаемы“; „клевета присовокупляетъ“; „за нѣсколько дней до ниспроверженія своего счастья“: „ропотъ на слабость, коей опасныя послѣдствія и т. д. (ст.ст. 288, 318, 320, 326).

Перевода записокъ Сабукова я не свѣрялъ съ англійскимъ журналомъ, откуда онѣ переведены, но сравнилъ съ другимъ переводомъ тѣхъ же записокъ, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года. Оказалось, что въ сборникѣ г. Суворина пропущены, безъ какихъ либо отмѣтокъ всѣ предисловія автора къ различнымъ частямъ этихъ записокъ. Эти предисловія личнаго характера, съ указаніемъ времени написанія различныхъ частей разсказа, очень важны для оцѣнки ихъ достовѣрности. Изъ „Русскаго Архива“ видно, что первая часть ихъ написана была въ 1840 году, II-я же—начата 10 апрѣля 1847 года, при измѣнившихся условіяхъ; авторъ заявляетъ, что у него уже нѣтъ больше „подъ руками моихъ бумагъ и записокъ, или такихъ историческихъ сочиненій, которыя дали бы мнѣ возможность соблюдать въ моемъ разсказѣ строгій хронологическій порядокъ“ („Р. Арх.“ 1869, ст. 1913—1914). Въ новомъ, яко бы, научномъ, изданіи все это опущено, и части 1-я и 2-я слиты на стр. 50-й, безъ какого бы то ни было указанія на пропускъ точками или чертою.

Н. Сильванскій.

Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи. *Выпускъ II.* **Череванинъ.** *„Пролетаріатъ въ революціи“*. Москва. 1907 г. Ц. 60 к.

Книгоиздательство „Движеніе“ предприняло изданіе серіи изслѣдованій, объединенныхъ общимъ заглавіемъ „Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи“. Въ эту серію входятъ: В. Меча: „Силы реакціи“; Череванина: „Пролетаріатъ“; В. Горна: „Крестьянство“ и В. Меча: „Либеральная и демократическая буржуазія“. Нужно ли говорить о томъ, насколько важно для исторіи нашей революціи предпринятое изданіе? По замыслу его редакторовъ, насколько объ этомъ можно судить по приведеннымъ заглавіемъ, это коллективное изслѣдованіе обѣщаетъ дать анализъ всѣхъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ россійскомъ революціонномъ движеніи, въ каковомъ анализѣ ощущается большая, до сихъ поръ неудовлетворенная, необходимость. Насколько успѣшно будетъ выполнена эта задача, покажетъ будущее, теперь же объ этомъ можно судить лишь постольку, поскольку подвинулась названная работа.

Передъ нами—только что вышедшая часть ея—книга г. Череванина, „Пролетаріатъ въ революціи“. Ее мы и разсмотримъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей—изслѣдованіе „прямого, непосредственнаго участія пролетаріата въ революціи, его революціонной работы“. Несмотря на то, что авторъ—соціалъ-демократъ, онъ безбоязненно критикуетъ дѣятельность с.-д. партіи и не закрываетъ глазъ на ошибки, допущенныя ею въ разгарѣ революціоннаго движенія. Эта особенность придаетъ книгѣ значеніе дѣйствительнаго изслѣдованія, а не одного только агитаціоннаго документа, чѣмъ такъ часто грѣшатъ литературныя работы партійныхъ людей. Благодаря этому, въ книгѣ г Череванина нѣтъ и того романтизма, которымъ такъ любятъ уснащать, въ ущербъ истинѣ, господа „партійцы“ всѣ выступленія пролетаріата. Вопреки, напр., г. Троцкому, дошедшему въ своей фантазіи до взгляда на выступленіе рабочихъ 9 января

1905 г. какъ на какое-то шествіе въ бой, завершившееся будто бы сраженіемъ съ войсками, во время котораго „рабочіе захватывали, гдѣ могли, оружіе, строили баррикады“ („Наша революція“)—г. Череванинъ совершенно справедливо устанавливаетъ, что такъ старалось представить дѣло правительство, пытавшееся въ своемъ сообщеніи оправдать звѣрскую расправу съ мирными, безоружными рабочими „На самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ, всѣ фактическія данныя о 9 января говорятъ единодушно, что захватъ оружія и постройка баррикадъ были совершенно одиночными явленіями. имѣли мѣсто только на Васильевскомъ островѣ и чрезвычайно мало характерны для общей картины движенія 9 января. Общая картина была — мирное выступленіе и разстрѣлъ затѣмъ мирныхъ и безоружныхъ людей въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Рабочіе нешли на бой, они не готовились къ нему, иначе они не двинулись бы къ Зимнему Дворцу съ женами, дѣтьми и стариками“ (стр. 27).

Точно такъ же расходится г. Череванинъ съ большинствомъ соціалъ-демократовъ въ оцѣнкѣ роли буржуазной интеллигенціи въ развитіи октябрьскихъ событій. Онъ совершенно свободенъ отъ распространеннаго въ соціалдемократическихъ кругахъ предразсудка о томъ, что пролетаріатъ былъ единственнымъ творцомъ и двигателемъ россійской революціи, и не только, не отказываетъ интеллигенціи во вліяніи ея на ходъ революціоннаго движенія, но не закрываетъ глаза и на то, что и соціалдемократія и пролетаріатъ далеко не вездѣ шли впереди революціи.

Но и тамъ, гдѣ пролетаріатъ со своими вожаками былъ въ авангардѣ, соціалдемократія сдѣлала не одну крупную ошибку и эти ошибки не мало содѣйствовали неудачному исходу революціи. Одною изъ такихъ ошибокъ была объявленная совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, борьба за 8 часовой рабочій день, установленный совѣтомъ захватнымъ порядкомъ. Г. Череванинъ весьма критически относится къ этому шагу и, называя идею о 8 часовомъ рабочемъ днѣ въ то время—несчастною идей, удостовѣряетъ, что она только осложнила революціонную борьбу и ослабила силы революціи, толкнувъ въ объятія реакціи нѣкоторые буржуазные слои, которые до этого были на сторонѣ революціи. Другую крупную ошибку соціалъ-демократіи авторъ видитъ въ отрицательномъ отношеніи ея къ Думѣ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ борьбы и стремиться къ осуществленію выборовъ по четырехчленной формулѣ, „пролетаріатъ занялъ позицію, при которой неизбѣжно было его пораженіе: онъ явно и открыто заявлялъ желаніе воспользоваться той свободой, которую онъ отвоевалъ у правительства, для того, чтобы возможно скорѣе подготовить вооруженное возстаніе и низвергнуть правительство“ (стр. 79). Этотъ упрекъ станетъ понятнымъ если прибавить, что въ своемъ стремленіи осуществить свою тактику, соціалдемократія не считалась со значительнымъ пониженіемъ революціонной волны, не только приведшимъ къ невозможности дальнѣйшаго развитія наступительной борьбы съ бюрократіей, но не всегда позволявшимъ защитить уже занятыя позиціи.

Говоря о декабрьскомъ пораженіи, г. Череванинъ находитъ, что с.-д. партія не могла оцѣнить все значеніе и смыслъ его, потому что она „привыкла до сихъ поръ исходить не изъ реальнаго анализа дѣйствительности, а изъ революціонныхъ иллюзій“. Отсюда—неизбѣжный выводъ о томъ, что соціалъ-демократія никогда не владѣла до сихъ поръ не только революціей, но и тѣмъ слоемъ, среди котораго имѣла наибольшее вліяніе—пролетаріатомъ. Революціи-

ціонный процессъ среди пролетаріата, хотя и находился подъ идейнымъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, но развился стихійно, совершенно независимо отъ воли, отъ тѣхъ или другихъ плановъ соціалъ-демократіи. Въ этомъ автора убѣждаетъ широкій размахъ такихъ событій, какъ ростовская стачка, харьковская, московская, всеобщая іюльская забастовка на югѣ, 9 января, октябрьская забастовка и т. п. Грандіозность этихъ событій совсѣмъ не соотвѣтствовала тому маленькому вліянію, которое оказывалъ тогда на пролетаріатъ „маленькій ручеекъ" работы соціалъ-демократіи.

Много еще другихъ, весьма характерныхъ признаній дѣлаетъ г. Череванинъ, но мы не будемъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ и приведеннаго здѣсь вполнѣ достаточно для того, чтобы судить о разсматриваемомъ трудѣ. Авторъ чуждъ, какъ мы видѣли, такъ называемаго „революціоннаго шовинизма" и не боится признанія ошибокъ, сдѣланныхъ с.-д. партіей; заключеніе его основано на анализѣ ничѣмъ не прикрашенной дѣйствительности, и это сообщаетъ его труду достовѣрность, столь необходимую для подобныхъ работъ: будущій историкъ найдетъ въ ней матеріалъ, особенно цѣнный для историческаго изслѣдованія, чего никакъ нельзя сказать о весьма многихъ произведеніяхъ другихъ соціалъ-демократическихъ авторовъ, писавшихъ про „нашу революцію". Но не для одной только исторіи важно появленіе такихъ книгъ: историкъ, пользующійся множествомъ весьма разнообразныхъ матеріаловъ, всегда сумѣетъ найти правильную отправную точку, часто изъ рѣзкаго противорѣчія скрещивающихся взглядовъ различныхъ авторовъ усматривая необходимость болѣе глубокаго анализа изучаемыхъ явленій. Еще важнѣе для современниковъ найти въ отражающей событія литературѣ правильное освѣщеніе или хотя бы правильную, безпристрастную регистрацію наиболѣе крупныхъ фактовъ политической и общественной жизни. Книга г. Череванина и въ этомъ отношеніи можетъ сослужить полезную службу. Въ особенности, желательно ея распространеніе въ соціалъ демократическихъ кругахъ, гдѣ она могла бы разсѣять множество вредныхъ предразсудковъ, столь сильно тормозящихъ животворную работу соціалъ-демократіи.

Ю. Лавриновичъ.

Е. Сельскій *По пути къ свободѣ.* Главнѣйшіе моменты развитія соціалистической мысли въ Россіи. Москва. 1907 г. Ц. 50 к.

Освободительное движеніе въ Россіи, несмотря на всевозможные виды гнета, создало обширную литературу, которая только за послѣдніе $1^1/_2$—2 года стала понемногу выходить изъ подполья и сдѣлалась доступной читательской массѣ. Но подавляющее большинство книгъ, трактующихъ объ освободительномъ движеніи, не даетъ цѣльнаго очерка этого движенія, а касается лишь отдѣльныхъ періодовъ, эпизодовъ и моментовъ его. Такимъ образомъ, для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какими путями шла къ свободѣ общественная мысль, какъ и кѣмъ велась борьба за свободу, необходимо перечитать множество книгъ, правда, нерѣдко очень глубоко захватывающихъ трактуемый вопросъ, но требующихъ огромнаго времени и труда для ознакомленія съ исторіей освободительной борьбы. Это имѣетъ и хорошую, и дурную сторону: тѣ, у кого хватаетъ времени, любознательности и усидчивости, получаютъ такимъ путемъ обширныя познанія въ этой области, но за то лица, не обладающія ни однимъ изъ указанныхъ благъ, такъ и остаются

въ невѣдѣніи, а можетъ быть—и въ сторонѣ отъ освободительной борьбы. Такое положеніе вещей давно уже создало необходимость въ такомъ общемъ очеркѣ россійской борьбы за свободу, который вводилъ бы читателя хотя въ главнѣйшіе моменты этой борьбы. Опытъ такого очерка представляетъ разсматриваемая книжечка г. Сельскаго.

Хотя изъ предисловія автора можно заключить, что онъ не преслѣдовалъ той цѣли, о которой мы говоримъ: его задача—посильно содѣйствовать подготовкѣ умовъ къ пересмотру нашихъ соціалистическихъ программъ, который г. Сельскій считаетъ неизбѣжнымъ, какъ одинъ изъ результатовъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей пережитой нами революціи, тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что трудъ его можетъ быть небезполезенъ и для отмѣченной нами категоріи читателей.

Г. Сельскій начинаетъ свое изложеніе съ заговора декабристовъ, какъ перваго планомѣрнаго революціоннаго движенія, и доводитъ его до событій 1905 и 1906 года. Передъ читателемъ, такимъ образомъ, проходятъ всѣ главнѣйшіе моменты освободительнаго движенія и всѣ наиболѣе замѣтныя теченія революціонной мысли въ Россіи. Преслѣдуемая авторомъ спеціальня цѣль—дать критику современныхъ соціалистическихъ программъ, почти не помѣшала полнотѣ и стройности обзора. Въ этомъ отношеніи, можно пожалѣть развѣ только о томъ, что позднѣйшія событія, начиная отъ 9 января и 17 октября 1905 г. и кончая Государственной Думой, очерчены авторомъ слишкомъ бѣгло и поверхностно.

Что касается выводовъ г. Сельскаго о будущемъ русскаго соціализма и объ исходѣ нашей революціи, то мы предпочтемъ не касаться ихъ, такъ какъ они основаны на изученіи матеріала, не всегда достаточно точнаго (въ родѣ, напримѣръ, книги г. Конни Цилліакуса: „Революціонная Россія"), о чемъ можно судить какъ по приводимой авторомъ библіографіи, такъ и по его собственному заключенію въ концѣ книги. Во всякомъ случаѣ, книжку г. Сельскаго, независимо отъ выводовъ автора, можно рекомендовать, какъ недурное пособіе для ознакомленія съ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи.

Ю. Лавриновичъ.

Помощь голоднымъ. *Собраніе автографовъ и факсимиле ученыхъ, художниковъ, композиторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей. Изданіе М. М. Зензинова. Москва. 1907.*

Уже само заглавіе этого сборника говоритъ объ его выдающемся интересѣ: болѣе чѣмъ любопытно, конечно, всякому интеллигентному русскому человѣку и само по себѣ прочесть собраніе мыслей и изреченій многихъ и многихъ изъ нашихъ извѣстныхъ дѣятелей въ области науки, искусства, литературы, политики и общественной дѣятельности, но интересъ такого чтенія еще болѣе возрастаетъ, если вспомнить, что мысли и изреченія эти набрасывались ихъ авторами въ эпоху революціонную и потому по преимуществу носятъ на себѣ печать ихъ отношенія къ тому колоссальному явленію русской жизни, имя которому—русская революція. Издатели сборника много потруди-

лись надъ собираніемъ для него матеріала: тутъ мы находимъ факсимиле казненныхъ Сергѣя Муравьева-Апостола и лейтенанта Шмидта, шлиссельбуржцевъ: Фигнеръ, Антонова, Попова, Фроленко, Новорусскаго, Лопатина, Тригони, Стародворскаго, а также М. А. Спиридоновой, П. А. Кропоткина и предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталева. Далѣе идутъ автографы другихъ членовъ того же совѣта—Фейта, Авксентьева, Злыднева и другихъ; выдающихся ученыхъ—М. М. Ковалевскаго, Менделѣева, Шахматова, Бекетова, Семевскаго; представителей беллетристики и публицистики — Короленко, Горькаго, Вересаева, Якубовича-Мельшина, Сѣрошевскаго, Боборыкина, Вейнберга, Арсеньева, Пѣшехонова, Вл. Черткова, Туганъ-Барановскаго, Бердяева, Луначарскаго, Елпатьевскаго и мн. др. Искусство представлено въ лицѣ Глазунова, Гинцбурга, Коммисаржевской, Сѣрова, Римскаго-Корсакова, Варламова и др.; общественная и политическая дѣятельность—въ лицѣ Родичева, Струве, В. Чернова, Муромцева, Гредескула, Набокова, гр. Гейдена, кн. Пав. Долгорукова, Новгородцева, Кокошкина, Кузьмина-Караваева и др. Адвокатура въ лицѣ—Тесленко, Кальмановича, Переверзева, Вл. Беренштама, Муравьева и т. д., и т. д. Сборникъ украшенъ нѣсколькими портретами: шлиссельбуржцевъ Фигнеръ и Стародворскаго и представителей совѣта рабочихъ депутатовъ—Хрусталева, Фейта и Авксентьева. Выборъ послѣднихъ трехъ очень удаченъ, такъ какъ именно эти три дѣятеля да еще рабочій Злыдневъ являются несомнѣнно наиболѣе выдающимися лицами разбиравшагося въ прошломъ году въ Петербургѣ извѣстнаго политическаго процесса. Собрать все это, повторяемъ, стоило большихъ трудовъ, и нельзя не быть благодарнымъ за нихъ издателямъ сборника. Но отмѣчая положительныя стороны рецензируемаго сборника, не можемъ не указать и на стороны отрицательныя: 1) отсутствіе всякаго предисловія, которое объяснило бы цѣль, смыслъ и назначеніе сборника; 2) отсутствіе прямого указанія на его благотворительный характеръ, на то, что чистый сборъ предназначенъ *на помощь голодающимъ крестьянамъ*. Названіе сборника „Помощь голоднымъ" такой цѣли вполнѣ еще не достигаетъ. 3) Отсутствіе оглавленія, благодаря чему нѣкоторыя подписи въ сборникѣ трудно разбираемы и даже совсѣмъ неразбираемы. 4) Отсутствіе системы въ расположеніи автографовъ: почему такъ далеко отброшены отъ своихъ товарищей *шлиссельбуржцы* Манучаровъ и С. Ивановъ (ихъ произведенія и иначе напечатаны, чѣмъ это сдѣлано со всѣми остальными ихъ товарищами), а *между* шлиссельбуржцами находятся Бурцевъ и Кропоткинъ. 5) Отсутствіе обозначенія цѣны. 6) Грубыя корректурныя опечатки. Приведемъ два рѣзкихъ примѣра. На стр. 18 въ замѣткѣ Короленко напечатано: „я охотно сдѣлалъ бы это,—отвѣтилъ Плеве,—но я знаю, что земцы, въ свою очередь, обратятся къ *прежнему* элементу"... Благодаря опечаткѣ, потерянъ всякій смыслъ; несомнѣнно слѣдуетъ читать: „обратятся къ *третьему* элементу". Другой примѣръ: на стр. 35 въ замѣткѣ Богучарскаго напечатано: „дерзкіе люди сочли, что формула знаменитаго революціонера относится *къ намъ*". Грубо искаженъ смыслъ. Слѣдуетъ читать: „дерзкіе люди сочли, что формула знаменитаго революціонера относится *къ нимъ*". Въ такихъ произведеніяхъ, какъ настоящій сборникъ, подобная неряшливость корректуры должна быть рѣшительно недопустима.

Надо, однако, полагать, что, не взирая на всѣ указанные дефекты, сборникъ, въ виду его несомнѣннаго интереса и той благой цѣли, которую, выпуская его въ свѣтъ, поставили себя издатели, не только быстро разойдется, но и дождется второго изданія. Мы отъ души желаемъ этого издателямъ, но если это

желаніе наше исполнится, то желаемъ также и того, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены всѣ тѣ погрѣшности, которыя не могутъ не портить впечатлѣнія отъ прекрасной книги.

Я.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

П. Л. Лавровъ. Народники пропагандисты 1873—1878 годовъ. Изд. И. М. Розенфельдъ. 1907. Ц. 1 р.

Н. Езерскій. Государственная Дума перваго призыва. Ц. 80 коп. СПБ. 1907 г.

А. Н. Брянчаниновъ. Междодумье. Вып. I. СПБ. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека „Юнаго Читателя“:

А. Алтавъ. Разоренныя гнѣзда. Истор. повѣсть изъ русской жизни XVII в. Ц. 80 к.

Э. Пименовъ. За океанъ. Ц. 30 к.

Кіевскій и Одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ Турау и Кузьминскаго. Ц. 70 к. К-во Лѣтописецъ.

Помощь голоднымъ. Собраніе автографовъ и факсимиле. Изд. М. М. Зензинова.

К-во „Посредникъ“:

Семеновъ. Немилая жена. Ц. $1^1/_2$ к.

Письмо Л. Н. Толстого къ крестьянину о землѣ. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Недѣланіе. Ц. 3 к.

— Противъ толстовства. О толстовскомъ обществѣ и др.

— О самосовершенствованіи и о сознаніи духовнаго начала. Ц. 2 к.

— Трудъ, смерть и болѣзнь и другія сказки.

— Въ чемъ моя вѣра? Ц. 25 к.

Дрожжинъ. Стихотворенія. Завѣтныя пѣсни. Ц. 30 к.

Вс. Сонинъ. Изъ жизни земли и труда. Очерки. К-во Колеватова Ц. 25 к.

С. Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. Изданіе И. Д. Сытина Ц. 1 р. 50 к.

Пр. Т. В. Локоть. Политическія партіи и группы въ Госуд. Думѣ. М. 1907. К-во „Польза“.

М. Б-овъ и Ф. Данъ. Рабочіе депутаты въ первой Государст. Думѣ. К-во Н. В. Глаголева. Ц. 60 к.

Библіотека декабристовъ. Вып. IV. 1907. Политическая жизнь въ Россіи. М. А. Фонъ-Визена. Проектъ конституціи Никиты Муравьева. Ц. 90 к.

Весенній шумъ № 1. Нижній Новгородъ. 1905 г. Ц. 8 к.

Александръ Бѣлозеровъ. Пѣсни борьбы и свободы. Ц. 10 к.

И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вып. I. Ц. 50 к.

Кн. С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. Изд. В. М. Саблина. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія М. В. Пирожкова:

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ т. II. Ц. 1 р. 75 к. съ 5 портрет. вып. II,

Фр. Ницше. Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Пер. В. А. Флеровой подъ ред. А. Я. Ефименко. Ц. 75 к.

Вѣчныя спутники. Д. Мережковскаго. Ибсенъ. 3-е изд. Ц. 30 к.

Зах. Савиновъ (Степанъ). Международное единеніе пролетаріата М. Ц. 25 к.

Голосъ революціи № 5. Изд. Краснояр. Ком. и Центр. раб. гр. п. с.-р. апр. 1907 г.

Летучій Листокъ № 4. Благовѣщ. Ком. Сибир. Союза Р. С.-Д. Р. П. апр. 1904 г.

Правда № 5. Августъ 1905 г.

Южный рабочій № 11 январь 1903 г. Р. С.-Д. Р. П.

Военный Листокъ № 14 и № 15. 1 и 18 мая 1907 г. Орг. Всер. Союз. сол. и матр. Одесскаго окр. и Черномор. флота. Изд. Таврич. Союза п. с.-р.

Der deutsche Arbeiter in Polen № 16 и 17 янв. мартъ 1907 г.

Lodjanen Loodj. Or. P. P. S. № 30 и 31 maia i lutego 1907 г.

Mys'l socjalistyczna Krakow mai 1907 № 1.

Извѣстія Нижегородскаго Губ. Ком. п. с.-р. № 2. 12 мая 1907 г.

Майскій листокъ. 1 мая 1907 г. Изд. Закавказ. Обл. Ком. п. с.-р.

Первомайскій листокъ (на эстон. языкѣ). Дерпт. Ком. п. с.-р.

1 мая. Бакин. орг. п. с.-р.

Первое мая. Тип. Амур. гр. п. с.-р.

Положеніе Бунда въ Р. С.-Д. Р. П. (Изд. № 34 Арбейтерштимме).

VII конференція Бунда. Всерос. Еврейск. Раб. Союзъ въ Лит. Польшѣ и Россіи.

Извѣщеніе Ц. К. объ объединительномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. тип. Ц. К.

Постановленія и резолюціи объединит. съѣзда Р. С.-Д. Р. П. тип. Ц. К.

О царскомъ манифестѣ $^{18}/_{2}$ Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Юбилейныя торжества Военно-Мед. Акад. по поводу 50-ти лѣт. основ.

Рядъ листковъ (янв. 1905 г.) Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Бюллетень № 18. Организ. Ком. студ. Петер. Унив. февр. 1902 г.

25 апр. согласно извѣщенія Стачеч. Ком. . . . . Боев. Ком. при Бак. орг. п. с.-р.

Товарищи! Тамб. союзъ учащихся п. с.-р.

Бюллетени и постанов. Ц. Б. Союза Союзовъ. 1906 г.

Резолюція делегат. съѣзда Союза Союзовъ.

Платформа союза инженеровъ и техниковъ.

О манифестѣ 6 авг. Самар. Губ. Ком. по выборамъ въ Гос. Думу.

О законѣ. Москов. оппозиціон. орган. п. с.-р.

Бюллетень № 1. Рыбин. гр. Р. С.-Д. Р. П. май 1906 г.

Извѣщеніе Тамб. Ком. пар. с.-р. объ убійствѣ надзир. тюрьмы Куйденко 7 мая 1907 г.

Подходитъ весна... Обл. Ком. Центр. Обл. п. с.-р.

Голоса изъ арміи. Тип. Краснояр. Ком. п. с.-р.

3 листка Благовѣщ. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи! Екатер. Окр. Ком. п. с.-р. 1907 г. (по поводу 1 мая).

Докладъ делег. рус. с.-д. междунар. раб. соц. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г. Изд. союза русскихъ с.-д. Женева.

Отъ еврейскаго пролетаріата с.-д. фракціи Гос. Думы (на рус. и евр. языкахъ).

Письмо депутата Киселева къ гражданамъ Тамб. губ. Там. Ком. п. с.-р. 12 мая 1907 г.

Инструкція о выборахъ на V съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. въ Петерб. орган. П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Проэктъ реорганизаціи Петерб. организ. П. К. Р. С.-Д. Р. П.

Тактическая платформа къ предстоящему съѣзду, выработанная Мартовымъ, Даномъ, Старовѣромъ и др. при участіи группы меньшевиковъ практиковъ.

Ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ 1 фев. 1907. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

6 листковъ — отдѣльные оттиски изъ „Искры".

Крестьяне, дѣйствуйте сами! Тамб. Ком. п. с.-р. Переизд. 17 мая 1907.

Два листка на польск. яз. Р. Р. S. Цен. Ком. раб.

4 листка Барнаульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. апр. 1907.

Уставъ рабоч. съѣзда п. с.-р. при Екатеринб. Ком.

Отчетъ минераловод. организ. п. с.-р. за мартъ 1907 г.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ служащихъ конторы Т-ва Амурскаго Пароходства для Нарым. и Туруг. края 38 р. 25 к. Изъ Уральска—23 р. Отъ д-ра И. В. С.—20 р., отъ служащихъ Г. Б. -13 р. 10 к., собранные В. В. С. 12 руб. Изъ Персіи отъ интеллигентовъ (изъ Энзели)—11 р. отъ М. К. П.—50 р., отъ W. L. изъ Вильны—25 р.

Деньги переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ:

Отъ д-ра И. В. С.—13 руб.

Деньги переданы въ Комитетъ по оказанію помощи голодающимъ при В. Э. Обществѣ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

г-нъ редакторъ!

Въ майской книжкѣ „*Былого*“ въ статьѣ М. А. Брагинскаго стр. 307 сказано, что къ учащейся молодежи, задумавшей почтить память Добролюбова 17 ноября 1886 г., присоединился между прочимъ и покойный О. Ѳ. Миллеръ. Это указаніе не точно. Въ дневникѣ его [1]) подъ 17 ноября о Добролюбовѣ ни слова и я, обѣдавшій у него 18-го (тотъ же дневникъ), не помню, чтобы О. Ѳ. что-нибудь говорилъ по этому поводу. Подъ 19 написано... „Пишу рѣчь для Славянскаго общества ...ректоръ (*Владиславлевъ*) совѣтуетъ быть осторожнымъ, увѣряя, что демонстрація молодежи на могилѣ Д. произвела дурное впечатлѣніе. Ламанскій тоже совѣтуетъ быть осторожнымъ, указывая на то, что заграничная печать умышленно смѣшиваетъ панславизмъ съ нигилизмомъ...“ 21-го... „Прибѣгали двѣ курсистки, совѣтовались какъ быть: 17 изъ нихъ высылаютъ изъ Петербурга за хожденіе на могилу Добролюбова въ день его смерти. Мнѣ оставалось только пожалѣть, что со мной прежде не посовѣтовались о самомъ хожденіи. Курсы и такъ висятъ на волоскѣ, а тутъ еще эта исторія. Завтра впрочемъ посовѣтуюсь въ университетѣ, нельзя ли кого попросить за курсистокъ“.

На дальнѣйшихъ страницахъ не разъ говорится объ этой исторіи, но къ данному письму дѣло не относится.

Не откажите помѣстить эти строчки, чтобы образъ О. Ѳ. не былъ освѣщенъ не точно. Не по личнымъ отношеніямъ, а съ принципіальной точки зрѣнія міросозерцаніе Миллера совершенно расходилось съ міросозерцаніемъ Добролюбова.

Профессоръ **И. Шляпкинъ.**

---

[1]) Дневникъ находится въ данное время въ моемъ распоряженіи.